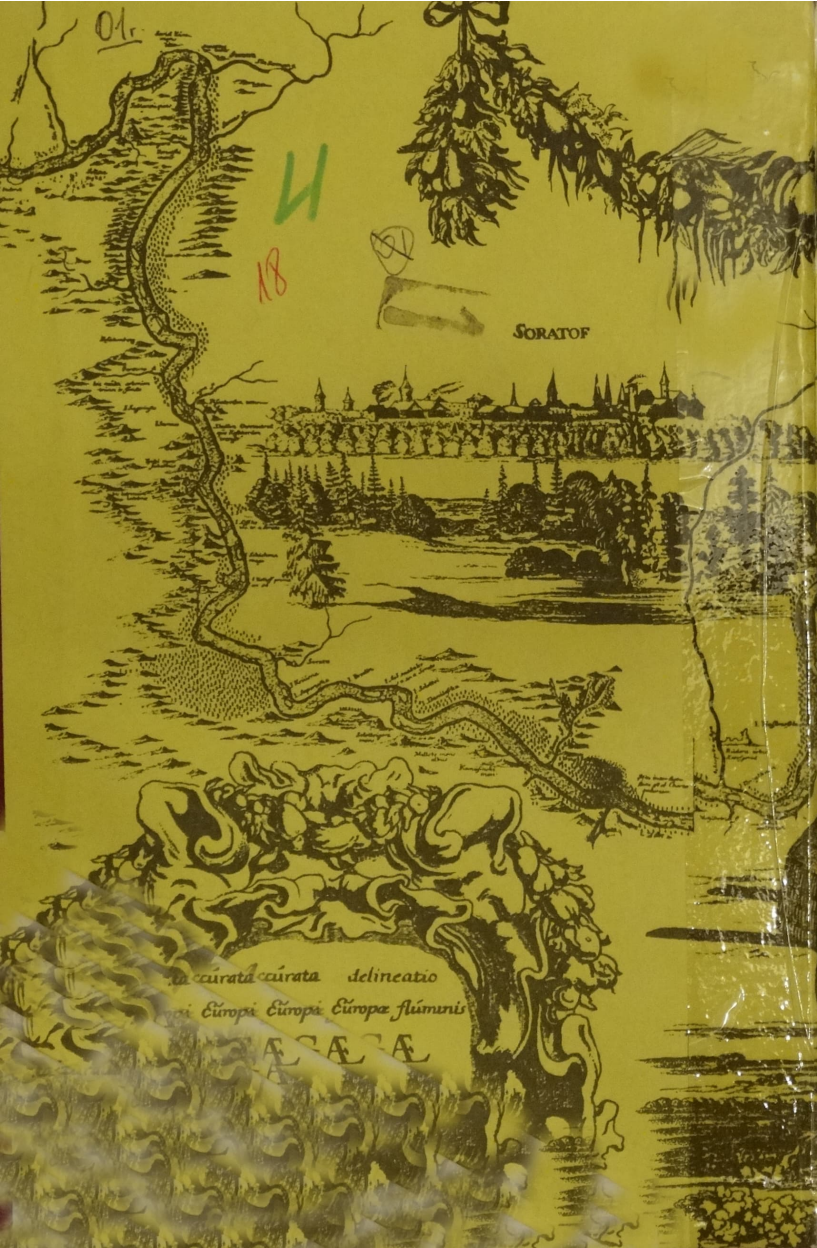
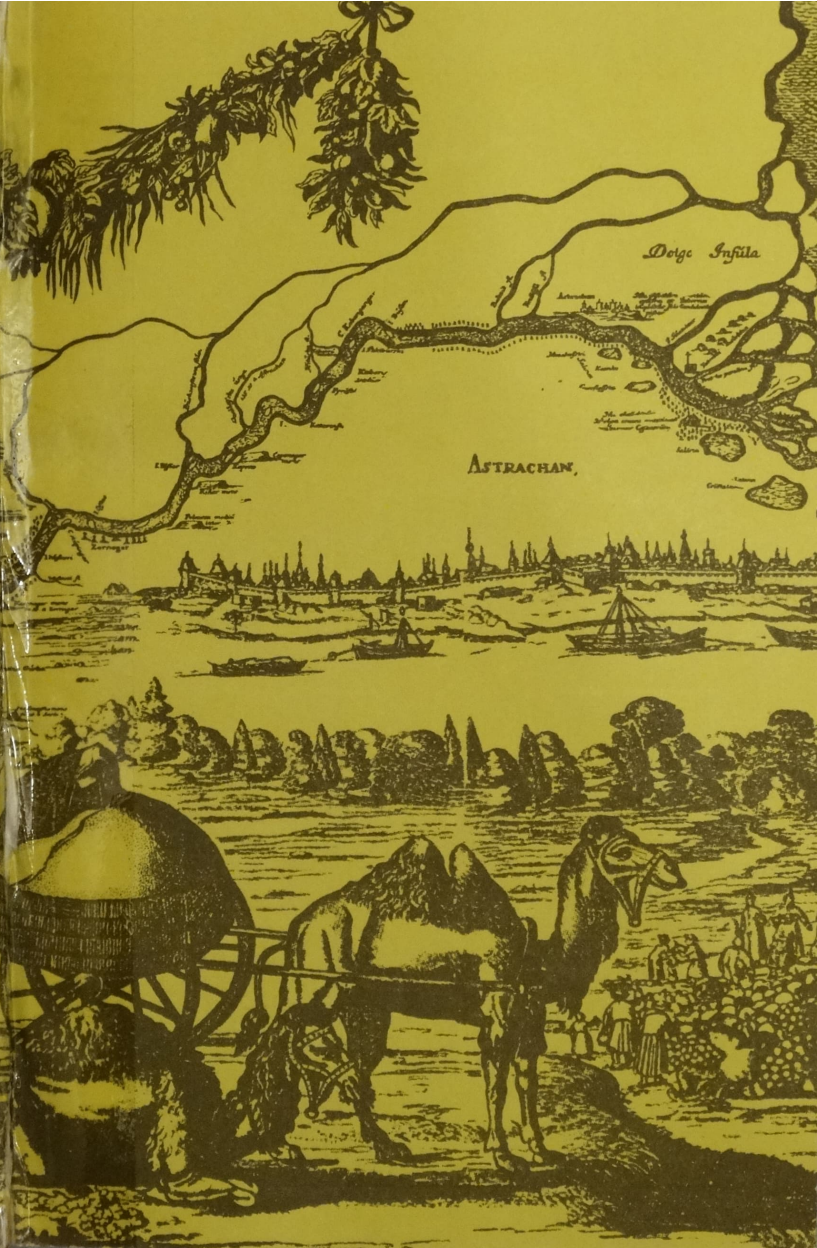
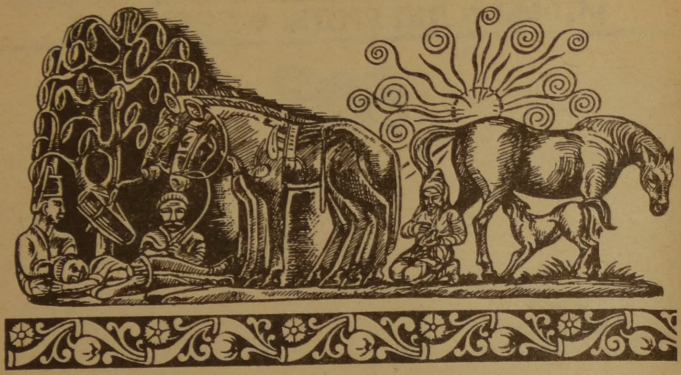
МИФЫ ДРЕВНЕЙ ВОЛГИ


SORATOF
cúrata cúrata delineatio
Europi Europæ Europæ Alúmni


Deige Insula
ASTRACHAN.



Предания о скифах

Сербские сказки

Сказания о хазарах

Предания о булгарах

Татарские легенды

Мифы и легенды чувашей

Мифы и легенды мордвы

Мифы и легенды мари эл

Предания княжеской Руси

Легенды калмыков

Предания о волжских малороссах

Сказания о немцах Поволжья

Мифы и легенды казахов

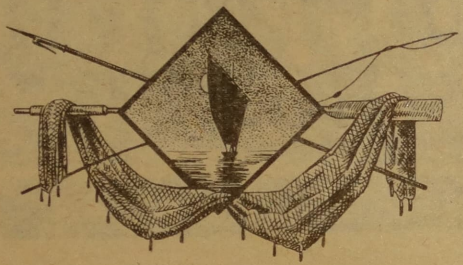
Предания волгарей

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ВОЛГИ

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, СКАЗАНИЯ,
БЫТ И ОБЫЧАИ НАРОДОВ,
ОБИТАВШИХ БЕРЕГА ВЕЛИКОЙ РЕКИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Саратов
«НАДЕЖДА»
1996

ББК 82.3(2) + 63.5 (2Р354)
М68



Составитель *В. И. Вардугин*
Художник серии и оформления *В. К. Бутенко*
Иллюстрации *Г. М. Панферова*

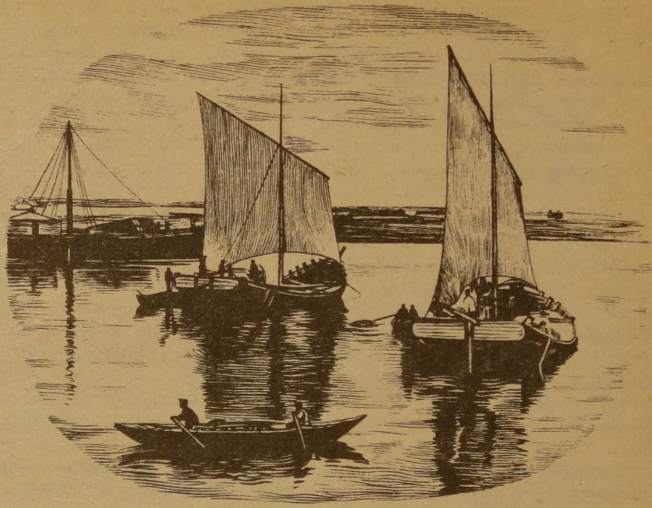
М68 Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней.— Саратов: «Надежда».— 1996.— 688 с., илл.

Скифы, сарматы, половцы, хазары, булгары и другие загадочные народы, некогда обитавшие на волжских берегах и народы, ныне живущие на Волге — русские, татары, марийцы, чуваши, мордва, немцы, малороссы, калмыки, казахи,— представлены в этой книге своими сказаниями и легендами. Этнографические материалы и исторические документы (большинство из которых публикуется впервые или же перепечатывается из малодоступных читателям источников), предваряющие фольклорные разделы сборника, делают книгу своеобразной энциклопедией нравов, жизни, культуры и быта поволжских народов. Иллюстрации мастеров изящных искусств XIX века позволяют увидеть Волгу в первозданном виде.

М $\frac{0503020100}{Э21(03)—96}$ без объявл.

ISBN 5-88618-067-2

© Вардугин Владимир Ильич, составление. 1996.
© Панфёров Геннадий Михайлович иллюстрации. 1996.



«...Мне вспомнилась эта великая река со всей ее ширью и мощью, со всем ее неисчерпаемым богатством и красотой. Она — не в роскоши ее пароходов; она — в том могучем духе, который уже сотни лет неистребимо владычествует на ее берегах, прячется в лесах и вольным ветром приносится сюда, раздражая и беспокоя кротких людей, для которых городская площадь — олицетворение бесконечности, а кривой переулок, сдавленный каменными громадами,— синоним простора.

На юге, в черноморских городах, я видел много сильных машин и гигантских пароходов, и возле них копошились маленькие, чем-то придавленные люди. Там были турки, армяне, малороссы, черногорцы и русские, и на лицах всех их сквозила рабская забитость и та безнадежная приниженность, которая в совокупности с громадной физической силой делает зрелище человека отвратительным и ужасным. И оттого все, и высокие ростом и низкие, казались мне маленькими, и только редкими пятнами проглядывали независимые и решительные лица.

И когда в первый раз в жизни я попал на Волгу — она поразила меня своими людьми... Тот же был тяжелый, подневольный труд, также сгибались спины под многопудовой тяжестью и также велики были машины и пароходы — но люди были другие. Широкобородые, рослые, они говорили громко и ходили так прямо и свободно, как будто никогда им не приходилось сгибаться. Они пели красивыми свободными голосами, и самая печальная

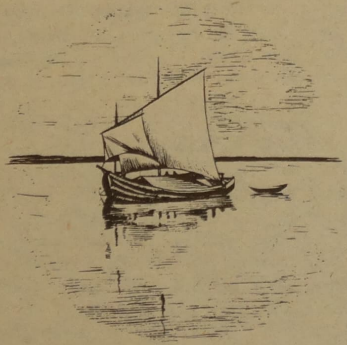
песня в их мощных грудях перерождалась в широкий и веселый призыв к жизни. И я долго не мог понять, почему машины кажутся мне такими маленькими и слабыми, а люди большими и сильными, и даже самый крохотный из них глядит так, будто всю свою жизнь он не слезал с колокольни.

Но когда перед мной развернулась Волга, и леса синей щетиной побежали по горам, и узкой, прозрачной полоской протянулся на воде луговой берег, и небо, отпрянув от земли, раздалось вверх и вширь — я понял, почему здесь все глаза смотрят так прямо, а груди дышат так легко и свободно. И когда наступила ночь, она не придавила собой земли, а еще шире раздвинула пространства. Возле Жигулей пароход наш остановился и дал несколько свистков. Морские суда, обыкновенно, ревут угрюмо, сильно и деловито, железнодорожные паровозы, эти сплошные убийцы, у каждого из которых колеса покрыты человеческой кровью, орут грозно, предостерегающе или озабоченно посвистывают; а волжские пароходы кричат звонко, высоким металлическим звуком и так весело, как будто не дело делают, а песни поют. И наш пароход закричал торжествующе и звонко, а когда он умолк — Жигули, где-то на страшной высоте, радостно повторили его крик, и еще и еще... Все дальше уходил металлический звук, бесконечно повторяясь и проникая в черные лесные провалы, и так широк казался мир.

Еще недавно, осенью, я смотрел в Нижнем Новгороде с крепостной стены на Волгу и беспредельную луговую и лесную даль и думал, что привыкшие к этому виду глаза едва ли могут помириться с серенькой действительностью, и самую большую площадь, хотя бы Театральную, счесть за идеал простора».

Леонид АНДРЕЕВ

20 марта 1901 года



П. С. БЕРЕЗИН

ОБИТАТЕЛИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

1. Народы, жившие в нашем крае в глубокой древности

Современное коренное население Заветлужья образовалось в результате многовекового взаимодействия, общения, скрещения различных племен, которые с древних времен обитали в междуречье среднего течения Вятки и Ветлуги, где сейчас стык трех областей — Кировской, Горьковской и Костромской. На этой территории обнаружены археологические памятники глубокой старины: здесь сохранились следы древних городищ, расположенных по крутым берегам рек и впадающих в них оврагов. Они были укреплены высокими земляными валами, глубокими рвами для защиты от врагов — это свидетельствует о войнах между племенами и народами.

Кто же были первые жители междуречья Ветлуги и Вятки?

Обратимся к первому письменному памятнику. Русская «Повесть временных лет рассказывает о народах, которые были соседями Древней Руси: «На Белоозере сидят весь, на Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же, на Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой, черемиси язык свой. А вси инии языцы, иже дань дают Руси — чудь, меря, весь, мурома, черемиси, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимгола, корсь норова, либь — си суть свой язык имуще». Для нас же представляют особый интерес финно-угры, которые населяли в XI в. северо-восток Европы, включая Заветлужье — меря, обитавшая на территории нынешних Ивановской, Владимирской, Ярославской областей и соседней Костромской — по водоразделу Унжи и Ветлуги; черемисы (мари), занимавшие не только Среднее Поволжье, но и Ветлугу и среднее течение Вятки; пермь (коми-пермяки) — обитавшая в верховьях Камы; печера (коми-зыряне).

Что касается предшествующей эпохи, то о племенах письменных источников нет. Но есть памятники материальной культуры и они многое могут рассказать. Археологи и антропологи путем исследования древних находок решали вопрос о том, когда появились в междуречье Ветлуги и Вятки первые люди, как они жили.

Среди населения нашего края сложилось мнение, что его коренное население — марийцы. Действительно, они появились здесь давно. Но при более тщательном исследовании географических названий, сохранившихся в этих местах, становится ясно, что не они были тут первыми обитателями. Названия многих рек возникли явно до их появления, а потом были фонетически искажены.

Совет общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете для изучения культуры, религиозных верований и быта марийцев в 1888 году организовал экспедицию. В ее составе были специалист по финским наречиям М. П. Веске, хранитель музея отечествоведения П. В. Тауберг и научный сотрудник И. Н. Смирнов. Они посетили марийские поселения, в том числе Нижегородской, Вятской и Костромской губерний, которым принадлежало Заветлужье, на основании исследований была подготовлена работа И. Н. Смирнова «Черемисы». В ней автор писал: «Страна, в которой окончательно осели черемисы, не была пустыней, когда они здесь поселились. Главные воды территорий от Волги до Вятки были известны человеку задолго до начала черемисской колонизации. Все они имели названия, не соответствующие по своему составу черемисским. Мы видим реки: Ветлуга (Вытла), Кокшага (Какшан), Каньга, Кичига..., Пижма, Унжа, Урта, Орья, Крутья, Турья, Курья, Сурья. Названия эти могут считаться вотяцкими, так как ныне вполне определенные следы вотяков мы имеем рядом с этими названиями. Во всех этих названиях звучит или имя вотяков или вотяцкие слова для обозначения реки, поля, деревни (современная точка зрения на происхождение названия Ветлуги, Кокшаги — иная.— Н. М.). Из этого обстоятельства, что вотяцкие названия носят мелкие речки, можно заключить, что вотяки, подобно черемисам, застали край если не заселенным, то уж со следами человека. Разнообразие названий, не объяснимых ни из черемисского, ни из вотяцкого языка, показывает, что через край прошел целый поток народностей (полагают, что это были предки камских финно-угорских народов в начале 1 тысячелетия до н. э.— Н. М.). Судя по названиям вроде Сурья, Курья, можно думать, что с вотяками или незадолго до них в краю кочевали зыряне. За вычетом всех зырянских по типу названий мы получаем массу других, которые пока не подлежат объяснению из живых финских наречий и принадлежат, судя по сходству или даже по тождеству, народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми» (Смирнов, 19—20).

Общеизвестно, что для изучения заселения любого края люди давно стали пользоваться топонимическим материалом, искать происхождение названий рек, озер, населенных пунктов, урочищ. Обыкновенно они принадлежат тем народам, которые жили первыми, затем их теснили другие, но следы языка первопоселенцев так и оставались и переосмысливались. Есть в Шахунском районе деревня Щербаж. Она возникла около ста лет назад на речке с марийским названием Шерваж (основы со значением «источник» и «корень»). Русские новоселы придали деревне переосмысленное полурусское-полумарийское название Щербаж. В двадцатых годах, когда строилась железная дорога на Сяву, на реке Нулговаж возникло небольшое русское поселение, которому рабочие дали созвучное название Долговяж. Там, где теперь расположено село Тоншаево, у местных марийцев находился своего рода центр, где

решались общественные вопросы — Туньшо («комель, основной, главный»). Русские переделали это название, добавив свой суффикс. Заметим, что у разных языков разный звуковой состав. Например, у марийцев есть несколько гласных, отсутствующих у русских, но в марийском не было согласных «ф» и «х», слова «Федор», «хлеб» они произносили «Ведор» и «клеп». Такой отсутствующий гласный был в марийском варианте названия деревни Куверба («каменное место»: в окрестностях валуны, следы оледенения). Русские исказили название фонетически, переосмыслили, добавив третий слог. У реки Усты среди притоков есть Вая. Ее название — от удмуртского слова «вай» — «ветка» (переносное значение — «приток» — Н. М.). Марийцы исказили название, заменив словом «вая», которое созвучно их слову со значением «кайма». Среди притоков Ваи — Синьга и Курдома. В переводе с зырянского первое слово значит «черная утка», второе восходит к глаголу со значением «горчить». Удмуртские и марийские названия рек обнаруживаются на стыке Шахунского и Тоншаевского района. В верхнем течении Пижма принимает притоки Черный и Белый Курнужи, Пинал. «Кырныж» в удмуртском и «курныж» в марийском означают «ворон», «пинал» в удмуртском — «ребенок». Зырянские названия, по-видимому, носят Большая и Малая Какши. Они происходят от слова «кокша» — «развилка». Вряд ли стоит возводить его к марийскому «кокша» — «фурункул». Верхнее течение Малой Кокши — это две образующие развилку речки Мясковая (от марийского «маска» — медведь») и Рябчиха.

Несколько слов о названии Пижмы. В Европейской части СССР его носят четыре реки — притоки Печоры, Мезени, Вятки и Ветлуги. Уже И. Н. Смирнов приходит к выводу, что в глубокой древности через этот край прошел поток людей, язык которых не сохранился, он-то и дал имена Пижме и ряду других рек, хотя марийцы переводят название как «вязкая» со своего языка.

Часть рек междуречья Вятки и Ветлуги носят названия на -ма, -га, -ша: Пижма, Молома, Юма, Ошма, Вохма, Какша, Нукша, Юронга, Якшанга, Шанга. Но подобные названия имеют и реки среднего течения Волги и низовьев Оки — Велетьма, Везлома, Ватома, Сейма, Клязьма, Мокша, Акша, Пандуга, Ургa. Что же касается малых рек нашего края, то в большинстве они носят марийские названия.

Следы пребывания зырян сохранились в нашем крае в названиях не только рек, но и населенных пунктов. Сходны по звучанию топонимы Коми АССР и ближайших к ней районов — Ошкурья, Турья, Унья, Манья, Юрья и топонимов Заветлужья — Шахунья, Зубанья, Арья, Юртма, Крутья, Турья Марийская.

Некоторые исследователи полагают, что в нашем крае жила и чудь. «В Вятской губернии вятские поселения расположены по верховьям Камы, по Чепце до ее среднего течения и по Пижме. Первые две местности заселились, можно думать, с притоков Камы — Обвы и Инвы, а последняя, вероятно, с Чепцы. Судя по на-

ходкам монет, время процветания верхнекамских и чепецких поселений относится к X—XII вв. и, следовательно, совпадает с расцветом болгарской (волжско-камской) культуры вообще» (Спицын). По мнению исследователя, чудь, проникшая на Пижму, смешалась с вотяками (удмуртами). На Пижме имелись три известные А. А. Спицыну чудские городища — Бурыгинское, Ижевское, Еманаевское, но он считал, что «в действительности их здесь, вероятно, более». В районе пижемских городищ археологами были найдены обычные для чудских чепецких городищ предметы — серебряные блюдца, витые ожерелья, медные браслеты, лапчатые подвески, пряжки. Подобные находки были сделаны в Яранском и Уржумском уездах. Чудские городища на Пижме существовали одновременно со средневятскими и яранскими вотскими городищами, которые яранские марийцы назвали «одолем» — «вотское жилье». «Отдельные предметы чудского типа и вещи более позднего происхождения найдены в следующей местности Яранского и Уржумского уездов: д. Б. Туманур, с. Тужа, д. Речваж, поч. Лоскутово, п. Уста, г. Царевосанчурск, с. Кокшага, д. Кугланур, д. Бажина» (там же). Так что есть основание полагать, что когда-то чудь обитала и в нашем крае. Кстати, среди населения по берегу Ошмы существуют рассказы о том, что около двухсот лет назад, когда сюда пришли русские, здесь проживал народ, по обычаям и обличью близкий к марийцам, но говоривший на своем языке. Женский головной убор этого народа отличался от марийского острым верхом. Не исключено, что это и была чудь. Со временем он или смешался с мари, или переселился за Яранск. Топонимические памятники чуди выявить очень трудно, ведь ее язык утрачен.

Некоторые названия на территории междуречья языковеды относят к ирано-язычным: «арда» — «сторона», «край» (с. в Марийской АССР, оз. Ардино), «кокша» — «сухой» (р. Кокшага, сс. Кокшайск, Кокшамары в Марийской АССР), «сава» — «черная, грязная, мутная» (р. Сявы, д. Б. и М. Сабанер в Марийской АССР), «шой» — «земля, край» (д. Шоля Горьковской обл., р. Шуйка, Шойбулак, д. Средние Шои, Русские Шои в Марийской АССР).

2. Городища междуречья Ветлуги и Вятки, материальная культура их населения.

Что же составляло материальную культуру народов, живших в нашем крае? Ответ на этот вопрос нам дают находки археологов, которые вели раскопки городищ Ветлуги, Вятки, Прикамья, изучали орудия труда, предметы быта, оружие.

Городища Ветлуги и Вятки относятся к числу так называемых костеносных. Среди них — Пижемское — последнее вверх по течению Вятки. Оно «дало изумительные, богатые и разнообразные находки; почти нет таких предметов из числа найденных на костеносных городищах, которые не встречались бы на Пижемском»

(Спицын, 16). Пижма — один из путей переселения народов с Востока на Запад, городище расположено при ее впадении на высоком мысу правого берега Вятки. Оно ограничено с одной стороны крутым обрывом к ней, с другой — таким же крутым оврагом, а с напольной стороны — земляным валом высотой 4,5 м, рвом глубиной 1,5 м. Выбор места для городища предусматривал его обороноспособность, хорошо просматривались обе реки, которые были в ту пору единственными торговыми и военными путями. При раскопке вала обнаружено, что культурный слой, разделяясь, идет и под него, и поверх него. Очевидно, он был сооружен позднее, когда возникла опасность со стороны врагов — других племен и народов.

Из-за большой археологической ценности городище раскапывалось несколько раз: в 1866 г. Алабиным, в 1888 г. А. А. Спицыным, в 1906 г. А. С. Лебедевым и в 1928 г. Институтом Антропологии, экспедицией которого руководил Б. С. Жуков. Но еще до первых раскопок площадка была изрыта крестьянами, которые искали клады и добывали кости животных (недаром название костеносных!) — кости десятками пудов отправлялись в Кукарку (г. Советск), что в шести верстах от городища, для переработки. Не считая костей и керамики, число находок на городище достигает двух тысяч. Обилие костей животных, обломков посуды, орудий труда свидетельствует о длительном пребывании здесь людей, причем нет нейтральных слоев: до X—XI вв. н. э. перерыва в обитании не было. В нижнем слое обнаружены кости лося, оленя, медведя, зайца, бобра, их примерно половина. Другая половина — кости домашних животных: на три четверти лошади, остальное — свиньи. Костей рогатого скота нет. В верхних слоях количество останков диких животных уменьшается, а домашних увеличивается, появляются кости коровы, овцы. Также найдены рыбные кости. Очевидно, на первых порах источников существования обитателей городища в первую очередь была охота, потом скотоводство и рыболовство. Наличие костей бобра свидетельствует, что охота носила промысловый характер — пушнина была предметом торговли. В ввиду того, что признаков плужного земледелия в городище нет, вероятно, можно считать, что лошадь была транспортным средством и употреблялась в пищу. Разведению свиней способствовало наличие дубов. В верхнем слое кости лошади составляют 63,8% от общего количества костей домашних животных.

Интересны орудия труда и предметы быта. На протяжении длительного времени их делали в основном из костей: наконечники стрел, копий, гарпунов, ножей, острог, удочек, шильев, вязальных игл, кодочигов, пряслин. Обнаружены наконечники боевых молотов из полых трубчатых костей. Они скошены и заострены с одного конца и прикреплялись к деревянным рукояткам. Подобные боевые молоты находили в Поветлужье на Одоевском городище. Есть наконечники стрел, скребки, бруски, точила из кремня. Найдены зерна полбы, колосовых культур, семена конопли: у населе-

ния было примитивное земледелие, пряслица и конопля свидетельствуют о ткачестве.

На 900 находок приходится всего шесть железных, отмечает А. А. Спицын. Шесть железных пришлось и на 333 предмета, найденных А. А. Лебедевым, из 47 предметов, найденных экспедицией Б. С. Жукова между тем из железа — 16. По мнению А. А. Спицына, из-за дороговизны металла железными делались только необходимейшие орудия первоначальной обработки кости, ножи, бурава.

На костеносных городищах была развита металлургия. На Пижемском, к примеру, вскрыта кладка очага несколько небольших обожженных камней. Глубина кладки — до метра. В очаге и вокруг найдены кусок железа, шлак, глиняная льячка, небольшое железное кольцо, металлический перстень, костяное пряслице, волокна грубой ткани, зерна хлебных злаков. Из глиняной посуды преобладает круглодонная с примесью в тесте толченой раковины. Среди других предметов есть каменный жернов, нижняя вогнутая и верхняя выпуклая части имеют в диаметре около полуметра, в нижней есть отверстие до пяти сантиметров в диаметре. Судя по найденным костяным предметам, обитатели городища работали с лыком и берестой. В музее Советска хранятся формы для отливки топоров-кельтов и мелких бронзовых украшений.

«По всем признакам костеносные городища относятся к очень отдаленным временам и стоят ближе к бронзовому веку, чем ко времени преобладания железных орудий»,— писал А. А. Спицын (15).

Более подробно исследованы городища Поветлужья — Русенихинское (7 км от р. п. Воскресенское), Богородское (Варнавинский район), Одоевское (30 км вверх от г. Ветлуга), Паново (близ с. Рождественского Шарьинского района), Шангское (в устье р. Шанги). Они, кроме последнего, неоднократно раскапывались, в том числе и экспедицией Б. С. Жукова, в состав которой входили Е. И. Горюнова и О. Н. Бадер. «Ветлужские городища,— писал Бадер,— представляют собой достаточно типичные укрепленные поселения, но не вполне однородные. Хронологический диапазон... велик и достигает двух тысяч лет. При этом древнейшие городища расположены на Ветлуге довольно равномерно по нижнему и среднему течению. Часть городищ имеет по два, три или даже четыре разновременных культурных слоев, распадающихся на несколько последовательных групп, отражающих исторические процессы. Они относятся к ананьинской культуре».

Эта культура раннего железного века существовала в VII—III вв. до н. э. главным образом в Прикамье и получила название по могильнику в пойме Камы у д. Ананьино близ Елабуги. Ананьинцы были преимущественно монголоидами с небольшой европеоидной примесью. Их занятия — подсечное земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля. Им были известны металлургия меди и железа, обработка кож, растительного волокна, ткачество. Наряду с

патриархатом в памятниках ананьинской культуры есть следы матриархата — последней стадии родового строя. Городища располагались на мысах высоких обрывистых берегов и были защищены с напольной стороны мощными по тем временам укреплениями — рвом, валом с частоколом. Жилища — полуподземный бревенчатый дом длиной больше 40 м и шириной 4 м и с открытым очагом внутри — типичные для матриархата. Орудиями ананьинцев были лук и стрелы с каменными, костяными, бронзовыми и железными наконечниками, бронзовые втульчатые шестигранные топоры-кельты с деревянной рукояткой, изредка в богатых погребениях встречаются железные мечи, кинжалы, боевые молоты из бронзы и железа. Земля обрабатывалась костяными мотыгами, зерна размалывались каменными зернотерками. Украшения состояли из бронзовых, изредка серебряных шейных обручей, бляшек, височных колец, браслетов, бус. Глиняная посуда лепилась от руки в виде круглодонных низких чаш с выпуклым валиком вокруг горла и орнаментом в верхней части.

Одоевское городище на обрывистом правом берегу Ветлуги и крутого оврага имеет типичное расположение, ров, вал. У него четыре культурных слоя. Нижний представлен слабо. И определить его культурную принадлежность невозможно, там преобладают каменные орудия. Третий слой отнесен к VII—V вв., второй — к IV вв. до н. э. Ранняя керамика Одоевского и других городищ Поветлужья близка к вятско-камским, к пижемскому, материал третьего слоя напоминает второй, который относят к поздне-ананьинской и ранне-пьяноборской культурам. Между первым и вторым слоями прослеживается увеличение вала, значит, были угрозы нападений.

Пьяноборская культура III в. до н. э. Западного Приуралья и Прикамья названа по могильнику у с. Пьяный (ныне Красный) Бор близ Елабуги на Каме, открытому в 1880 г. Это дальнейшее развитие ананьинской культуры. Принадлежит она, вероятно, предкам удмуртов, зырян и мари. Наряду с мотыжным земледелием у пьяноборцев большое значение имели скотоводство (лошади, свиньи, мелкий и крупный рогатый скот), ловля рыбы, бортничество, охота, особенно с развитием обмена — пушная. Добывались и обрабатывались металлы — бронза вытеснялась железом, это увеличивало число орудий из рога и дерева. Поселения — патриархально-родовые общины — нередко находились на месте ананьинских городищ. В мужских погребениях железные топоры, ножи, стрелы, в женских — бронзовые украшения: шейные гривны, браслеты, нагрудные бляшки, эполетообразные застежки, накосники. Римская бронзовая посуда, монеты из Средней Азии свидетельствуют об отдаленных торговых связях.

Одоевское городище, как и Пижемское, богато орудиями труда и предметами быта из кости, включая боевые молоты из крупных полых костей. Его относят к вятско-камским костеносным. 75% обнаруженных костей — диких животных, только четверть домашних (из них 74% — свиных). Много останков рыб. Основой жизни

была охота; рыболовство, скотоводство (свиньи, лошади, коровы) были слаборазвиты, несколько лучше — земледелие. «Представляется очень важным, что верхний слой Одоевского городища и аналогичных ему городищ в Поветлужье в культурном отношении не связан с предшествующим ему вторым слоем..., относящимся к поздне-ананьинскому и ранне-пьяноборскому времени. В частности, керамике... В более восточных районах на Вятке и Каме, где такая связь налицо, керамика до позднего времени (XVI в.) продолжает оставаться круглодонной, с примесью раковины в глине и т. п., что указывает на ее продолжение дневнейшей ананьинской» (Бадер, 155). Такой же точки зрения придерживаются и другие исследователи ветлужских городищ.

Чертово городище находится на высоком (21 м) мысу над поймой правого берега Ветлуги и оврага. С напольной стороны сохранился деформированный вал (2 м) и ров. Раскопкам его подвергали в 1903 г. Н. М. Бекаревич, в 1908 г. В. И. Каменский, в 1925 г. экспедиция Б. С. Жукова, в 1957 г. экспедиция Марийского НИИ и Горьковского краеведческого музея под руководством А. Х. Халикова и А. Е. Безуховой. Каменский нашел 931 предмет. Два диоритовых топора хранятся в музее г. Ветлуги. Исследователи полагают, что городище имеет четыре разновременных археологических памятника, нижний слой относится к эпохе бронзы — к фатьяновской культуре. «Можно полагать, что на месте Чертова городища в I половине II тысячелетия до н. э. существовал фатьяновский памятник, скорее всего могильник, разрушенный более поздними поселениями» (Халиков, Безухова, 8).

Фатьяновская культура занимала на рубеже III и II тысячелетия до н. э. Поволжье от современных Ярославля до Чувашии, бассейны Москвы, Клязьмы, Суры. Название в 1903 г. ей дал А. А. Спицын по могильнику у д. Фатьяново под Ярославлем (открыт в 1875 г.). Поселений обнаружено мало, культура известна главным образом по могильникам. Узоры и формы сосудов в погребениях имеют много сходства со среднеднепровской керамической, что свидетельствует о генетической близости культур. Полагают, что фатьяновцы появились по Днепру, Десне и Сожу, достигли Волго-Клязьминского бассейна, вытеснив неолитические племена охотников-рыболовов. Это скотоводы, знакомые уже с металлургией бронзы. Их могильники — на береговых пойменных возвышениях, скелеты в скорченном положении лежат в больших грунтовых ямах на подстилке из коры. В могилах много каменных орудий: скребки, ножи, резцы, топоры, долота. Из оружия типичны каменные полированные и сверленые, бронзовые вислообушные топоры, копья. Украшения — медные и серебряные спиралевидные височные кольца с трубчатыми пронизками, посуда круглодонная тонкостенная, часто лощеная, шейки и плечи сосудов покрыты мелкими нарезными или зубчатыми, реже веревочными орнаментами. Типичный узор — полосы, заштрихованные фестоны, ромбы. Есть совместные погребения мужчин и женщин, это говорит о том,

что у фатьяновцев уже сложились патриархально-родовые отношения.

При раскопках вала и площадки Чертова городища еще Каменский вскрыл возле вала нижний слой, найдя там глиняную посуду с примесью в тесте толченой раковины, шнуровым орнаментом, кости животных, орудия из них — гарпуны, наконечники, стрелы. Эти находки подобны сделанным во втором слое Одоевского городища. Найден медный топор-кельт. Судя по всему этому, население принадлежало к ананьинской культуре. В верхнем культурном слое Каменский обнаружил глиняную посуду с примесью в тесте шамота, груды шлака, льячки, литейные формы, тигли, железные ножи, рыболовные крючки, костяные наконечники стрел, обломки медных изделий. Разница между слоями очевидна: разные примеси в гончарных изделиях, уровень обработки металлов: одна культура сменяется другой, это подтверждают и более поздние раскопки. Как и на Одоевском, на Чертовом городище между нижним и верхним слоями следы значительных земляных работ, надо думать, по увеличению вала. Верхняя посуда — плоскодонная, с примесью шамота и дресвы в тесте, «в целом увязывается с керамикой позднегородецкой культуры районов Поволжья и для Поветлужья является привнесённой... Время появления этого типа посуды в Поветлужье, по-видимому, относится к концу I тысячелетия до н. э. Во всяком случае, она уже единично встречается во втором слое Одоевского городища (около 15%), датируемом II половиной I тысячелетия до н. э. и становится преобладающей в первом слое Одоевского и нижних горизонтах Чертова городища. Время нижнего горизонта последнего городища устанавливается лишь как предшествующее времени образования верхнего слоя, которое по целому ряду вещей определяется в пределах III—V вв. н. э. (Халиков, Безухова, 15).

Городецкая культура племен, живших в VII в. до н. э.— IV в. н. э. по среднему течению Оки в бассейнах Цны и Мокши, получила название по месту первых находок в 1898 г. у с. Городец возле Спасска-Рязанского. Памятники в виде укрепленных городищ — остатков родовых поселений патриархальных общин, найдены остатки жилых строений, предметы обихода — пряслица, грузики для веретен, уплощенно-пирамидальные грузила, посуда с узором, напоминающим отпечатки рогожи. Обитатели городищ были скотоводами, земледельцами, охотниками, рыболовами, умели обрабатывать бронзу и железо. Племена городецкой культуры — предки мари, мордвы, чувашей.

Смена культур Одоевского и Чертова городищ «отражает процесс смешения культурных черт пришлого и местного населения, происшедшего при их сосуществовании. При этом наблюдается постепенное преобладание материальной культуры пришлого населения, которое, очевидно, в первых веках н. э. становится господствующим, а после III в. н. э. совершенно исчезают в керамике традиции культуры местного населения I тысячелетия до н. э. и

единственным керамическим материалом становится плоскодонная посуда позднегородецкого облика. Едва ли во всех случаях проникновения пришлых племен сопровождались столкновениями, как считает О. Н. Бадер. Скорее всего это проникновение происходило более мирным путем, первоначально характеризуясь моментами сосуществования при постепенном преобладании черт материальной культуры пришлых племен» (Халиков, Безухова, 15—16).

Вывод этот основан на том, что черты позднегородецкой культуры в посуде появились постепенно, сосуществование продолжалось не одно столетие, пока местное население не было полностью ассимилировано пришлым племенем. В начале процесс проникновения был просачивание, затем в III—IV вв. идет массовое перемещение. Ассимиляция обусловлена тем, что пришлое население стояло на более высокой ступени экономического развития. Позднегородецкое поселение на Чертовом городище — это III — начало VI вв. н. э.

Раскопки обнаружили могильник, относящийся к концу существования городища — три погребения, одно с предварительным трупосожжением. Найдено много украшений из меди, латуни, серебра — нагрудные подвески, браслеты, колечки, пронизки, есть костяные наконечники стрел, глиняные льячки, каменные литейные формы. О некотором экономическом неравенстве свидетельствует наличие в одном из захоронений серебряных вещей. В 1957 г. в верхнем слое были найдены предметы, характеризующие быт, уклад жизни этой эпохи: железный нож, шило, каменные формы для отливки металла, костные наконечники стрел, украшения — бронзовые бляшки, медные поясные накладки, бусины из стекла, обломки бронзового браслета. Количество костей домашних животных уже преобладало над дикими, был мелкий скот. Население знало ремесла: кузнечное, литейное, гончарное, обработку дерева и кости. Можно сделать вывод, что преобладало скотоводство, усиливалось мотыжное земледелие, хотя и не играло ведущей роли. В этом и проявилась более высокая материальная культура пришлого населения. Судя по погребальным обрядам и украшениям, верхние слои Одоевского и Чертова городищ принадлежат предкам марийцев.

Если Русенихинское и Богородское городища имеют много общего с Одоевским и Чертовым, то Паново — более древнее, относится к неолиту. В 1925 г. экспедиция Б. С. Жукова обнаружила здесь «комплекс орудий труда и охоты каменного века: кремневые наконечники стрел, копий, скребки, каменные шлифовальные долота..., посуда близка по некоторым типам посуде ранней эпохи железа» (Жуков, 249).

Возникает вопрос о проникновении прикамских племен в Поветлужье. Исследователи приходят к выводу, что «первоначальное заселение Поветлужья ананьинскими племенами шло, по-видимому, с верховьев реки, где она системой мелких притоков близко

соприкасалась с Вяткой, где концентрация населения ананьинского времени гораздо больше» (Горюнова). Пижма, один из притоков среднего течения Вятки, близко подходит к Б. и М. Какшам, Усте бассейна Ветлуги. Заметим, что Чертово, Одоевское и Паново городища — наиболее древние — находятся в 5—30 км от устья Б. и М. Какш, а Русенихинское — близ впадения Усты. Пижма в глубокой древности была заселена обитавшими по Каме и Вятке племенами, предками коми, удмуртов, зырян, вотяков.

Общеизвестно, что финно-угорские племена искони обитали в Предуралье — на востоке и северо-востоке Европы (точнее считать их родиной Южный Урал, датируя распад их общности V тысячелетием до н. э.— Н. М.). Часть их двинулась на запад, заселила будущий север России (чудь заволоцкая), Поволжье (мордва, мари), Прибалтику (эсты, финны), Тиссо-Дунайскую долину (венгры). По пути движения возникали контакты с местным населением, оно вытеснялось, ассимилировалось, так предки мари ассимилируют племена ананьинской культуры. «Поветлужье необходимо рассматривать как крайний на западе район ананьинской культуры» (Бадер, 151). «В середине I тысячелетия н. э. на основании археологического материала можно наблюдать как бы разрыв связей Прикамья с Поветлужьем, последнее как бы становится в стороне от этого пути, по которому издавна происходили сношения с Вятско-Камским районом» (Горюнова, 19). Причина этого, вероятно, в марийской колонизации в тот период междуречья Вятки и Ветлуги.

Переселенческий поток с востока на запад оставил свой след в названиях рек на-юг (древнее зырянское обозначение реки) (Вопросы топонимики, 19). Они начинаются с бассейна Моломы (течет с севера на юг, впадая в Вятку в семи км выше Котельнича) — Кузюг, Шубрюг, Верлюг. Параллельно Моломе течет, впадая в Ветлугу, Вохма с притоками — Карюг, Б. и М. Парюг, Нюрюг. В верхнем течении Ветлуги — Матюг, Пыщуг. Северней берет начало Юг с притоками в верхнем течении — Кузюг, Пичуг, сливаясь с Сухоной у г. Великий Устюг. Этот переселенческий поток шел далее на запад до верховьев притока Унжи Межи, в которую впадают Мичуг и Конюг.

В 1957 году Марийским НИИ и Горьковским краеведческим музеем также подвергнуты раскопкам Веселовский могильник и Черемисское кладбище. Веселовский могильник расположен на дюнном всхолмлении левого берега М. Какши близ д. Семеново. Вскрыто 15 погребений, причем два после трупосожжения, но с полагающимся инвентарем. Захороненные были в полном одеянии (вид которого можно восстановить), с украшениями, орудиями труда, предметами быта, оружием. На голову надевалась кожаная повязка с медными бляшками и цепочкой из мелких колечек. На шее — украшения из серебряной витой проволоки, так называемые гривны. На груди — оригинальные бронзовые подвески. На руках до 15—17 бронзовых и серебряных браслетов. Одежда обыч-

но меховая, подпоясанная кожаным ремнем с серебряными или медными накладками, на ремне — кинжал в деревянных ножнах с латунной оправой. В специальном кожаном мешочке — трут, камешки и кресало для высекания огня (не во всех погребениях). Наряду с богатыми были бедные захоронения, однако в каждом найдена посуда — железный или медный котел или глиняный горшок. Обнаружены лесорубные широколезвенные топоры, тесала, шилья, оружие — копья, колчаны со стрелами, две серебряные чаши восточной работы с чеканным орнаментом, серебряные монеты диргемы (одна чеканена в Булгаре в 987 г.). Веселовский могильник относится к IX—XI вв., когда основой жизни населения были пашенное и подсечное земледелие, скотоводство, охота и рыболовство. Главным орудием подсечного земледелия был топор (найдены в семи погребениях). При раскопках 1927 г. в одном из захоронений обнаружены мешочек с полбой и просом. Для обработки зерна пользовались ручным каменным жерновом. Судя по обнаруженным остаткам шкур и шерстяных тканей, держали овец и коров. Был широко распространен пушной промысел, меха шли на торговый обмен. Найдены рыболовные остроги, крючки, кости рыб, во всех могилах попадалась льняная ткань.

Находки могильника свидетельствуют о высокоразвитых ремеслах, а наличие однотипных предметов — об обособленности ремесел. Кузнецы изготовляли топоры, тесала, наконечники стрел, ножи, знали приемы ковки, сварки, клепки. Из дерева делались чаши, рукоятки, обрабатывались кожи, меха для обуви, одежды, перчаток, сумок, кошельков, ножен, изготовлялись льняные и шерстяные ткани, их красили, есть изделия из кости — гребенки, рукоятки ножей и шильев. Большие успехи достигнуты в ювелирном деле — изготовлении украшений из меди, бронзы, латуни, олова, свинца, серебра. Были известны приемы литья, ковки и чеканки цветных металлов. Материал для этих изделий, по мнению исследователей, привозился из Прикамья, где в то время складывались народности коми и удмуртов. Наличие бедных и богатых захоронений — свидетельства зарождения имущественного неравенства.

Среди предметов попадались и близкие к находкам из курганов мери, могильников муромы и мордвы, что свидетельствует о связях мари с этим населением, с волжскими болгарами, удмуртами, славянами. От болгар к марийцам попадали некоторые серебряные вещи: украшения — серьги, витые браслеты с каменными вставками, монеты-диргемы, изделия мастеров Востока — чаши (Халиков, Безухова, *55—58*).

В. И. Каменский провел раскопки Черемисского кладбища VIII—X вв. н.э. на левом берегу Луданки, притока Ветлуги, у старинного тракта Ветлуга — Котельнич.

В междуречье Вятки и Ветлуги сделано много и других находок. Экспедиция МарНИИ обнаружила каменные наушные топоры, топоры-молоты между д. Родиха, Никитиха и Семеново близ Веселовского могильника.

Еще в прошлом веке А. А. Спицын отметил «значительное скопление каменных орудий в Вятской губернии у с. Окатьево на Моломе, возле ее устья, у с. Юмского, д. Ивинской, по среднему течению и близ устья Пижмы, на ее притоках Яранке и Иже». Он считал, что в глубокой древности были заселены только эти территории губернии (Спицын, 2).

В карьере с гравием между д. Плащанер и Касканцел Тоншаевского района обнаружены черепки глиняной посуды с так называемым ямочно-зубчатым орнаментом, относимые археологами к абашевской культуре, существовавшей во II половине II тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье и предшествовавшей ананьинской.

По дороге из Ошкат того же района к р. Арбе (приток Ошмы) среди леса на возвышенности сохранились следы древнего поселения, житель д. Родюшата А. А. Втюрин нашел там каменные проушные топоры.

Возле с. Н. Шорино Шахунского района (возникло в 1890-х гг.) крестьянин А. М. Воронцов при распашке поля нашел каменный хорошо обработанный предмет длиною около 45 см, толщиною до 20 см, в нижней части в виде сошника. Верхняя часть цилиндрическая с выемкой глубиной до 20 см и диаметром около 15 см, стенки выемки имеют сквозное отверстие. По мнению крестьян, предмет служил сошником, надевался на соху и закреплялся шкворнем.

В д. Девятерики, как рассказал колхозник М. М. Козлов, при распашке земли из-под леса замечены признаки полос и найдены каменный ручной жернов, по форме и размерам похожий на находку в Пижемском городище, железные сошники-ральники, предмет, напоминающий топор с проухой и лезвием в виде полумесяца. На одном из полей при вспашке обнаружены остатки кирпичного фундамента. По имеющимся сведениям, тут еще в середине XVII в. жили марийцы, потесненные русскими.

В местечке Каравашек в среднем течении М. Какши недалеко от Веселовского могильника найдены железный меч, кольчуга, шлем. У д. Крутик (Тоншаевский район) при рытье силосной ямы в 1958 г. на берегу Шукшума и глубокого оврага найдены кости людей — взрослых и детей, широколезвийный топор, железный меч, остатки шлема. Об этом сообщил житель д. Ворожцово К. И. Ворожцов.

На правом берегу Какши близ устья Вахтана после опашки молодняка лесной объездчик С. Р. Свинцов нашел железные наконечники копья, пешню, стрелы на крупного зверя. Большой ржавчиной покрыт только наконечник одной стрелы.

Среди древних покинутых поселений представляет интерес то, где сейчас д. Пурлы близ р. п. Пижма. Ей около 150 лет, она возникла на высоком холме, покрытом вековым хвойным лесом с примесью дуба и липы, где марийцы занимались бортевым пчеловодством. На одном из склонов с незапамятных времен находился ко-

лодец Боярский с дубовым срубом. При освоении земли новоселы обнаружили там следы бывшего поселения — признаки полос с еле заметными бороздами, могильника, нашли орудия труда и предметы быта. В сборнике «Костромская старина» за 1890 г. дан ответ земского начальника II участка Ветлужского уезда Кишкина (его канцелярия находилась в с. Тоншаево) на запрос Костромского губернского археологического общества о наличии в пределах волости следов древних покинутых поселений: «В поч. Пурлах на одном из возвышений лет 15 тому назад были видны ямы, то есть признаки могил. Место это занимает 30 саженей в ширину и столько же в длину. Лет 16 тому назад в этой местности выкопаны кости скелета человека». Спустя два года Кишкин вторично сообщал, что там «при очистке из-под леса земли и при распашке были найдены две стальные сабли и шпора, кроме того, ... различной величины замки, ключи от них, ральники от сох, кузнечные слитки, бесформенные части железа, угли, причем, эти предметы не такой формы, какой они были в известное старожилам время».

В 1912 г. у Боярского колодца велись археологические раскопки. Сведений об их результатах не опубликовано, однако непосредственный участник работ крестьянин д. Пурлы Яков Семенович Мордвин, умерший в 1970 г. в возрасте 80 лет, рассказывал, что археолог отвечал на вопросы местных жителей: городище покинуто людьми, судя по находкам, около 400 лет назад (рубеж XV и XVI вв.), некоторые захоронения проведены наспех.

Известно, что в нашем крае нет залежей железной руды. В условиях средневекового бездорожья железо для кузнечных работ вряд ли могли завозить в тайгу издалека. Вернее всего, сырьем служила болотная руда, а выплавка носила примитивный характер.

Видимо, кузнечный промысел не ограничивался Пурлами, в 4 км от Тоншаева находится урочище Апшатнур (с марийского «кузнечное поле»), а ведь ни одно подобное название не возникает случайно, вероятно, и там существовало поселение, жители которого занимались кузнечным промыслом. В середине XVIII в. там возникла деревня, в связи с христианизацией местных марийцев ее назвали по имени новосела марийца Фирса — Фирсово, но под таким названием она значилась лишь в книгах учета, в обиходе же ее звали только Апшатнур.

3. Ветлужские марийцы.

Черемиска. Гравюра В. В. Мельникова по рисунку Е. Корнеева, 1809 год.

Марийская колонизация продвигалась не только по Ветлуге. «Заселение страны идет по рекам обособленными группами. Подобно тому как славяне южной России назывались по рекам, по которым осели, черемисы разделяются на группы, обозначающиеся именем какой-нибудь реки. Севшие на Ветлуге — вытля-марэ, по Пижме — пижман-марэ, по Рутке — рэдэ-марэ, по Кундышу — кундыш-марэ...» (Смирнов, 17). Марийцы шли с берегов Волги, ассимилируя обитавшие в междуречье Вятки и Ветлуги племена удмуртов, зырян, чуди. Пожалуй, лишь так можно объяснить сохранившиеся названия не только рек, но угодий, урочищ (вероятно, населенных пунктов, покинутых марийцами при отходе в сторону Яранска во время продвижения русских с Ветлуги на восток). Что же касается заселения Вятки, то оно шло одновременно с разных сторон: «Яранский уезд, нужно думать, заселен черемисами, проникшими с Унжи и Ветлуги на среднее течение р. Вятки и спустившимися по этой реке в нынешний Котельничский и Яранский уезды» (там же). Надо отметить, что ветлужские и вятские мари говорят на горном диалекте в отличие от лугового в центре Марийской АССР (современные лингвисты выделяют т. н. северо-западное наречие, действительно, близкое к горно-марийскому языку — Н. М.).

Итак, марийцы — древнейшие жители Заветлужья из тех, кто его продолжает населять. Разложение родового строя у них произошло в V—VIII вв., возникли племенные княжества, которыми управляли избираемые старейшины. Используя положение, они со временем стали и самовольно захватывать власть над племенами

и совершать набеги на соседей. Судя по захоронениям в том же Веселовском могильнике, в руках верхушки племен могли быть сосредоточены немалые богатства.

В VIII в. мари попали под власть хазар, совершавших сюда набеги с Нижнего Поволжья и из Приазовья, в конце IX в. были покорены волжскими болгарами. С ними велась торговля, платилась дань; у марийцев основным товаром были пушнина, мед, воск. Культура и экономика болгар дают марийцам возможность заимствовать у них много полезного.

О роде занятий, материальной культуре, общественно-хозяйственных отношениях у марийцев в ту пору свидетельствуют находки Веселовского могильника. Жильем было так называемое кудо. Это название сохранилось у современных мари за двором, усадьбой. В недалеком прошлом же в наших глухих местах жилье, подобное кудо, строили марийские охотники и лесорубы, его называли зимницей, оно состояло из бревенчатого сруба, верхние ряды которого постепенно сводились, оставляя дымовое отверстие вверху. Пол земляной, посреди очаг, вдоль стен сплошные нары. В одной из стен прорубался небольшой лаз с двухстворчатой дверью. Верхние срубы конопатили мхом и покрывали липовым лубом или еловой корой, иногда в стенах прорубали небольшие отверстия вместо окон.

Знакомясь с древнерусской культурой, устанавливая хозяйственные связи, мари постепенно перенимали бытовые навыки, пашенное земледелие, обычаи соседей. Современная изба с вертикальными стенами, полом и потолком заимствована марийцами у русских, заимствованы марийским языком и названия: сеня, окня, потолок, рама — что может служить дополнительным подтверждением этого. Рожь у мари называется уржа, соха-косуля — косиля.

Напомню, мари делятся на три языковые и этнографические группы: луговые (центр Марийской АССР), горные (юго-запад республики, Кировская и Горьковская область), восточные (Башкирская АССР) (ряд специалистов выделяют сейчас северо-западную группу, живущую в Кировской и Нижегородской области, кроме окрестностей Васильсурска — Н. М.).

Итак, предметы, найденные на Веселовском могильнике и Черемисском кладбище, позволяют сделать вывод — в среднем и нижнем течении Б. и М. Какш мари жили в VIII в. н. э.

Источники информации о более поздних временах — летописи, которые велись в Галиче в XIII в.— в центре удельного княжества, известном как Галич Мерьский (т. е. земля мери), архив бывшей Костромской губернии, архив Кажировского монастыря (в верховьях Ветлуги на месте древнемарийского поселения Якшан), рукописи из церквей Ветлужского, Котельничского, Яранского и Никольского уездов. В рукописи «Ветлужский летописец» (о ней речь еще пойдет) говорится об утраченной ныне древней галичской рукописи, там «в первый раз война черемис под Галичем упоминается в

1170 году, где черемисы ветлужские и вятские являются как нанятое войско для войны между ссорящимися братьями. Как в этом, так и в следующем, 1171 году, черемисы были разбиты и прогнаны от Галича Мерьского». В «Древностях» (Трудах Московского археологического общества) говорится: «Воевавшие между собою князья галичские нанимали себе в помощь чудь и луговую черемису» (т. 6, в. I, 1875, с. 54).

Но вскоре марийское население подвергается нападению само. «Ветлужский летописец» говорит: «В 1174 году новгородские повольники завоевали у черемис их город Кокшаров на реке на Вятке и назвали его Котельничем, а черемисы ушли с своей стороны к Юме и Ветлуге. С того времени у черемис более укрепляется Шанга (Шангское городище в верховьях Ветлуги — П. Б.). Когда в 1181 году новгородцы завоевали черемис на Юме, то многие жители нашли лучше жить на Ветлуге — на Якшане и Шанге. В 1240 году юмский черемисский князь Коджа Ералтем построил на Ветлуге город Якшан. Коджа принимает христианство и строит церкви, допуская на берегах Ветлуги русские поселения с галичской земли и вятской стороны. В 1245 году по жалобе галичского князя Константина Ярославича Удалого (брата Александра Невского — П. Б.) хан (монгольский — П. Б.) приказал правый берег реки Ветлуги галичскому князю, а лесной черемисам. Возобновляется город Якшан и вновь построены Булаксы (ныне с. Одоевское Шарьинского района Костромской области — П. Б.)». Жалоба, очевидно, была вызвана непрекращающимися набегами ветлужских чёремис.

О первом проникновении в Поветлужье русских есть и другие источники. Д. П. Дементьев в статье «Краткие сведения о Кажировской пустыни» («Костромская старина», вып. II, 1892, изд. КГУАК) сообщает, что когда Коджей Ералтем принял христианство, «явился наплыв народа с Вятской, Новгородской и Галичской земель, который уходил отсюда, не имея на своем месте спокойствия от междуусобных войн и от иноплеменников, и был принимаем Коджею и населял побережье реки Ветлуги, устраивая новые поселения Шангу; Булаксы и др».

В 1246 году Поветлужье подверглось внезапному нападению монголо-татар, часть жителей была убита или пленена, другие разбежались по лесам, в том числе галичане, которые до этого бежали на Ветлугу из родных мест после татарского нападения 1237 года. Изображая разорение, «Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского» все же, видимо, преувеличивает его масштабы: «В то же лето, яко повествуют писания, запусте от пленения того поганьского Батыя царя сия страна, о ней же любви повествую, по берегу реки, зовомой Ветлуга, и бысть пуста 253 года; и где было жилище человеком, порасте везде великими лесами и названа бысть Ветлужская пустыня, и никем не проходима, только немногими людьми, приходящими лова ради звериного из предела града Унжи» (Херсонский, 9).

С 1247 г. ветлужскими землями владел Александр Невский, с 1280 г.— галичские князья, с середины XIV в. по 1392 г.— нижегородские. Пользуясь удаленностью Верхнего Поветлужья от Нижнего Новгорода, в это время местные мари совершают частые набеги на галичские земли (по летописям, в 1351, 1352, 1358, 1360, 1366 и 1372 гг.).

Русские летописи, сообщая о походе новгородских разбойников-ушкуйников на Волгу в 1374 г., указывают, что часть их отряда в 40 ушкуев спустилась по Вятке и Каме, «подоша вверх по Волзе и дошедше Обухова, пограбиша все Засурье и Маркваш и перешед за Волгу, суда все иссекоша, а сами пойдоша к Вятке на конех и много сел по Ветлузе, идуще, пограбиша» (ПСРЛ, т. 25, с. 189).

В 1423 г. Поветлужье переходит под власть Великого Новгорода и Карельско-Николаевского монастыря, разграбленного шведами: монахи, перейдя в урочище Якшан, основывают одноименный монастырь на землях черемис на левом берегу Ветлуги. Сохранилась одна из дарственных грамот, данная в XV в. этому монастырю новгородской посадницей Марфой Борецкой: «Се аз Марфа вдова Ивана Андреевича жена, Великого Новгорода посадница, дает в дом Николы Чудотворца и святом Спасу и монастырь Корельский на Якшанге, что у реки Ветлуги, игумену Макарию и старцам вотчину свою, на Ветлуге реке ловли рыбные и лес черный дикий до устья Якшанги до Чукловского холуя четыре луки земли, шелепки, топи, озеро свято и перерву и на той земле деревни Корело и Волынкино с людьми, скотом и животом» («Ветлужский летописец»).

В 1436 г. Поветлужье попадает после распада Золотой Орды под влияние образовавшегося в результате этого (наряду с Астраханским и Сибирским) Казанского ханства, становится пограничным районом между ним и Московским княжеством. Казанцы вовлекали в грабежи марийских князей, а через них и простой народ, играли на национальных чувствах, разжигали вражду к русским. Правители татар и марийцев находили взаимопонимание — князья собирали в казанскую казну ясак, пополняли казанские войска людьми и лошадьми, ханы же старались поэтому упрочить их власть. В 1427 г. Галич пережил четырехнедельную осаду казанских татар и черемис, в 1427—28 гг. был совершен набег в район Костромы, в 1463 г. «казанцы с черемисами приходили в Устюжанский уезд и пленили много людей. Устюжане догнали и побили их». В том же году «против их Иван III отправляет соседних устюжан, вологжан и галичан» (Смирнов, 17). «В 1467 г. казанские ханы вместе с черемисами и мордвой покушались напасть на Кострому и Галич. Князь Стрига Оболенский... гнал их до Унжи» (Крживоблоцкий, 15). Таким же набегам подвергались и поволжские города и даже самый крупный, прикрывавший восточную русскую окраину Нижний Новгород. Это положение резко изменилось в годы правления Ивана III (1462—1505). В 1468 г. он предприни-

Мордва, чуваши, черемисы. Гравюра XIX века.

мает поход из Н. Новгорода на Казань. Одновременно, вероятно, для отвлечения сил галичские князья совершают поход в тыл Казани через Верхнее Поветлужье — земли, населенные марийцами, захватывают их крепости Ветля-Шангон (Шангское городище)

и Ветля-Юр (на это указывает Д. П. Дементьев в очерке «Краткие сведения о Кажировской пустыни», «Костромская старина»). Летописи повествуют: «Послал князь великий на черемису воевать... князя Семена Романовича и с ним детей боярских, двор свой и совокупишася все пойдоша из Галича на Николин день декабря 6 лесы без пути, а зима вельме студена. Тоя же зимы в 6 генваря на Крещение Господне рать великого князя приде в землю черемисскую и много зла учинила земле той, людей иссекоша, а иных в полон поведоша, а иных изожгаша, а что были животы их, то все взяша и повоеваша землю их за один день до Казани не доходили» (ПСРЛ, т. 25, с. 279) Русская рать, совершая поход на Казань, в 40 верстах от нее встретила и разбила войска хана Ибрагима. После походов 1468 г. нападения татарских ханов на Поветлужье временно прекратились.

Татарское иго, длившееся около трехсот лет, было свергнуто в 1480 г., однако ханства, образовавшиеся на развалинах Золотой Орды, еще угрожали жизненным интересам Руси, стремились восстановить господство. Совершались набеги на Унжу (1522 г.), Солигалич (1532 г.), Кострому и Галичскую волость (1539—1540 гг.) В царствование Василия III для защиты от татар строятся деревянно-земляные крепости близ Солигалича, Кологрива, Галича, Чухломы, современного Воскресенского на Ветлуге. Однако нападения не прекращаются. В 1542 г. казанские татары вместе с вятскими марийцами по Вятке и Моломе незаметно пробрались к Великому Устюгу, взяли его, разграбили и увели в плен население. Вятчане, узнав об этом, решили помочь соседям и устроили засаду в устье Моломы. Когда казанская рать показалась за поворотом реки на плотах с награбленным и пленными, начался кровавый бой, в результате которого все пленные были отпущены, татары истреблены, а о марийцах сообщается, что они ушли лесами на Пижму. Вероятно, вятчане отпустили их как соседей, понимая, что они участвовали в набеге по принуждению как подвластные татарам.

Немецкий дипломат и путешественник Сигизмунд Герберштейн (1486—1556) писал в книге «Записки о московитских делах» (1549): «До нее (Вятки) можно добраться... коротким, но зато более трудным путем через Кострому и Галич. Ибо помимо того, что путь затрудняется болотами и лесами, которые находятся между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисы». События 1542 г. многое дают понять: нападения, действительно, были, но к ним марийцев принуждала Казань, в целом же они не враждовали с русскими, поддерживали соседские хорошие экономические отношения, иначе финал битвы на Моломе был бы иным. Интересы русских и марийцев совпадали в противостоянии Казани: для русских был жизненно необходим разгром татарских ханств, представлявших опасность, марийцы ни на день не прекращали испытывать гнет Казанского ханства.

Поход Ивана IV в 1552 г.— не первый за время его правления — закончился победой над Казанью. Вместе с ней в состав

Русского государства входит Левобережье Волги, где жили луговые черемисы, что же касается горных, то они вошли в его состав добровольно незадолго до того и оказали помощь в войне.

Эти перемены в судьбах марийцев были позитивны — их история оказывается тесно связана с быстро развивающимся Русским государством, производительные силы и культура которого были на высоком уровне в сравнении с Казанским ханством, политически и экономически разлагавшимся из-за паразитического уклада жизни. С этого момента русский и марийский народ ведут общую борьбу против эксплуататоров.

После покорения Казани сопротивление русским на бывших землях ханства еще продолжается некоторое время, его пытаются поднять татарская и служившая ей марийская знать. Иван Грозный прекращает его, раздав национальной знати должности и поместья с крестьянами — этим он создает себе опору. Сделка осуществляется за счет марийского народа — местные и русские феодалы становятся заинтересованы в укреплении централизованной власти царя. Вспоминая войну 1552 г., нельзя не сказать об отрядах, присоединившихся к главным силам. 20 июля царь выступил из Мурома в сторону Алатыря, на восьмой стоянке-ночлеге «на озере не дошед Пианы реки» встретился с отрядом Якова Чевсеева, который следовал южнее главных сил (Кирьянов, 21), с севера подошел отряд горных мари под началом князя Акпарса, в тыл Казани по Вятке и Каме спускаются на судах вятчане из Хлынова (Эммаусский, 33).

Среди тоншаевских мари сохранилось предание о походе одного из отрядов со стороны Ветлуги через наш край. «Когда Иван Грозный воевал с Казанью, Вахтан-речку переходили по поваленным дубам. И кора сверху оказалась сбитой до древесины — вот сколько воинов по ней прошли. И потом еще дубы через речку лежали — несколько веков по ним местные жители переходили Вахтан».

Предание может соответствовать истине — с Левобережья Ветлуги, исстари заселенного марийцами, дорога на Казань шла через современные Сяву, Вахтан и Тоншаево. То, что там был старинный путь, подтверждает топоним Перелазы — урочище на берегу реки в трех километрах от поселка Вахтан: так называли места пересечения рек с важными дорогами. Вероятно, именно этой дорогой пользовались татары и марийцы во время набегов на русское население Поветлужья, Унжу, Галич, по ней двигались и русские дружины во время ответных походов на Казанское ханство. Следы этого — военное оружие и снаряжение — обнаружены в Шахунском и Тоншаевском районах вдоль линии дороги. А походов таких было много.

После покорения Казани Поветлужье постепенно заселяется русскими в основном со стороны Костромы. «Направление раннего русского расселения в Поветлужье определяется не как с юга на север (с Волги в устье Ветлуги и далее вверх по реке, ибо средняя

Волга была в зависимости от болгар, а затем татар), а с Унжи, через водораздельные леса, на Ветлугу, при этом заселена была сначала верхняя часть Поветлужья» (Бадер, 22). С освоением этих мест русскими большая часть марийцев ушла на восток в леса, остались лишь немногие, подвергнувшиеся обрусению.

В I половине XVII в. Правобережье Ветлуги уже было заселено русскими. Между прочим, существовала д. Шулепниково (с нач. XVIII в. после постройки церкви — с. Верхнее Воскресение, с 1779 г.— уездный город Ветлуга).

4. Заселение Поветлужья русскими.

В XVII в. тот край еще покрывали дремучие малопроходимые леса, среди которых разбросаны были по берегам рек небольшие редкие марийские поселения. Если мысленно окинуть эту землю, то перед нами предстанет картина вечного «дикого черного леса», без конца и края. На реках водился бобр. В лесах — стада оленей, лось, пушной зверь, боровая птица. И безлюдье. Сумрачные еловопихтовые рамени с примесью лиственных пород, величавые светлые боры, топкие болота, тихие реки — лес господствовал надо всем, и человек с его немудрым жильем казался затерянным среди суровой природы. Но тем не менее с присущей ему энергией он отвоевывал у леса, у дикого зверя землю.

В ту далекую пору «около реки Ветлуги до устья речки Нейки на 40 верст и от реки Ветлуги по верховье М. Какши на 50 верст было жителей только 15 дворов и в них 43 человека» (Старинные волости, 7). Чуть больше людей жило на среднем и нижнем течении Б. Какши. Пребывание марийцев запечатлелось на западе По-

Сценка деревенской жизни в русском селении. Рисунок XIX века.

ветлужья в названиях их старинных деревень — Сальма, Шара (вид марийской вышивки), Сороматная («сорома» — лохмотья). Судя по рассказам старожилов, марийцы в Шаре жили еще относительно недавно, но постепенно обрусели.

Заселение русскими Левобережья Ветлуги началось, когда в 1661 г. Алексей Михайлович пожаловал местность в бассейне Какш как вотчину Макарьеву монастырю на Унже вместе с «Воздвиженской пустынью Ченебечиха на Большой реке на Какше, основанной на расчищенном вновь лесу». В этой же грамоте царя упоминается поч. Холкин и пустышь Хмелевицкая (Старинные волости, 7). Незадолго до этого в 1640 г. в верховьях Ветлуги был разорен Якшанский монастырь: крестьяне не выдержали гнета «святых отцов», убили некоторых из них и закопали в ров. Следственные органы Галичского уезда во время разбирательства приказали одному из монастырских крестьян: «Кажи ров!» От этих двух слов якобы вскоре возникшему здесь селу и было дано название Кажирово, а возобновленный монастырь стал известен как Кажировский.

Оставшиеся в живых монахи монастыря в 1644 г. основали в Царевосанчурском уезде «за рекой Ветлугой расстояние от оной верст за 60 ... пустошь Ценебечиху... на оной поселились и устроили новую пустынь» (Цветков). Хорошо обследовав эти места, галицкие монахи Тихон, Паисий, Кузьма да Пафнутий спустя десять лет обратились к царю с челобитной, где писали, что живут в этой пустыни, приискали много пустошек по Малой Какшице, пустошь Ивняжную на Шаре, «а на той пустоши... знать была церковь Божия и склад церковный знать и каменье на могилах есть». До марийцев «от тех пустошей дикого лесу верст сто и больше, а вдоль по реке Ветлуге дикого лесу на тысячу и больше». Они просили позволить отдать монастырю облюбованные земли.

Царские сановники приказали галичскому воеводе доподлинно узнать «про пустошь Ченебечиху и про иные пустоши... , не дворцовые ли, не поместные ли и не вотчинные ли и кому не отданы ли и, будете скажут, что оне... лежат в поросших землях, то тем старцам велеть ими владеть». Выяснилось, что земли ничейные, царь разрешил монахам строить церкви и отдал им во владение пустоши Жеребчиху, Колдиху, Болото, Качуриху, Ивняжную, Свечку, Нечаиху, Яникитиху, Микитиху, Хмелевицу, Высокую, Семенькову, Целегородку, Анцыриху, Альбурдиху, Покаляйку, что у Кумышева пруда. Высланный межевщик Своитий Шишкин в 1657 г. определил земельные владения, зафиксировав их «поверстно до р. Ветлуги и рекою Ветлугою до устья Неики за 40 верст и в том поверстном лесу озеро Кумышево, озеро Черное, озеро Юрьево, озеро Изерчино, озеро Мартыново и с малыми озерами и черными речками и в Ветлуге реке рыбная ловля и сенные покосы. А поперек поверстного лесу от Ветлуги реки по верхотину Малая Какша 50 верст». Среди границ владений называются старая «Еранская дорога» и ручей Темта.

В 1463 г. татары с марийцами ходили в Устюжанский уезд и пленили там много людей, в том числе священника Варнаву. Он бежал на среднее течение Ветлуги «в ста поприщах (верстах) от ближайшего селения». Там в конце XV в. был основан монастырь, получивший название Варнавин.

«Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского» говорит, что он «Богу работая в псалмопении и молитвах, питался былием (травой) и вершием дубовым, един 28 лет проживе до честного своего Богу отшествия». Молва о праведнике разнеслась по округе. Приводится большое число случаев чудесного исцеления больных. Среди почитателей находятся изъявившие желание остаться с Варнавой. После его смерти (1492) основывается Варнавинская пустынь с церковью и кельями, растет число монахов, крепнет со временем хозяйство. Вокруг обители возникает слободка, по лесам селятся свободные и беглые крестьяне. В 1530 г. Василий III жалует монастырю местность вокруг него.

В монастыре часто происходили пожары, один из них уничтожил дарственную грамоту царя, крестьяне, узнав это, отказались работать на монастырь. 25 июня 1551 г. грамотой Иван IV подтверждает, что обитель владеет землями «от устья Волу реки до устья Усты реки по обе стороны реки Ветлуги со всеми угодьями» (Чиркин, 9). Очевидно, жизнь монастырских крестьян была тяжелой, они не раз отказывались работать, что побудило Алексея Михайловича в 1645 г. дать монастырю в лице старца Иосифа Тучкова новую «послушную грамоту». Она обязывала крестьян «на монастырские работы управлять, хлеб пахать, помещичьи доходы платить» («Рукописное...»). Подвижническая жизнь служителей Бога сочеталась с жестокой эксплуатацией монастырских крестьян.

Вспоминается взгляд на монастыри Петра I, выраженный в Указе от 3 марта 1724 года: «Нынешнее житие монахов точию вид есть понос... Большая часть тунеядцы суть и понеже корень злу праздность... большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть».

Цель, для чего Макарьеву монастырю были пожалованы здешние леса с марийским населением, методы старцев хорошо видны из челобитной Алексею Михайловичу «Царевосанчурского уезда луговой черемисы» с притоков Б. и М. Какш, Нелидовки — жалобы от 6 мая 1665 г. на игумена Макарьева монастыря Пафнутия, старца Варнавина монастыря Гурия, старца Воздвиженской пустыни Ченебечихи Варлаама: «Били де челом те старцы, что им пустыни заводить и церкви ставить в диком лесу. И в прошлом во 1766 и во 1768 годах построили те старцы пустыни за Ветлугою рекою по Царевосанчурскую сторону на реке на Какше и Нелидовке от Ветлуги реки верст на 30 и больше в их черемисских ясашных угодьях и ясашных пустошах и крестьянскими дворами переселились и приписаны де те пустыни к Унженскому монастырю вновь. И их де черемису в тех угодьях бьют и увечат и стреляют по им из ружья и многою де черемису побили до смерти. И от

тех де старцев многие ясашные дворы у них запустели и врозь разошлись. И иные те старцы Варлам и Гурей с братией и со крестьяны в их черемисских ясашных угодьях завладели рыбными ловлями и бобровыми гонами верст на сту и больше. И им де черемисе от обид и от налогов жить стало невмочь и великого горя, денежному ясаку и посошного хлеба и всяких оброков платить стало не с чего. Да иных де помещиков и вотченников Ветлужского уезда из разных волостей многие крестьяне поселились домами и починками на их черемисских де землях и угодьях и насильства да и поругания им всякие чинят же. И В. Г-рь пожаловал бы их, велел те пустыни и крестьянские деревни и починки, которые строены с царевосанчурской стороны, досмотреть, что те угодья и земли черемисские ясашные, и с тех пустынь старцев и крестьян свести за Ветлугу реку по-прежнему, хто где жил, чтобы им черемисе впредь великого государя и всяких податей не отбыть» (Шумаков). Далее в деле о челобитной сообщается о том, что отношения преемника игумена Макарьева монастыря Пафнутия — Никиты и черемисы изменились. «Крымкарайка Темотов да Пизячко Клисарин да Ерсибечко Кленбердин с товарищи» подали челобитную о том, что «и ныне де он иг. Никита и они черемиса в той земле помирились, что им черемисе всей пред В. Г-рю о той монастырской земле...не бить челом и не вкупаться никаким делом и по указу В. Г-ря монастырю тою землею и всякими угодьями владеть по ево межевым книгам и по сей выписи».

Безусловно, соглашение игумена и «рядовой черемисы» подписано марийской знатью, подкупленной монастырем. Именно такие институты религиозно-политической власти использовало государство для колонизации земель, обретенных в результате войны против Казани. Монастыри имели судебную и административную власть над закрепленными за ними крестьянами, были средством насильственного насаждения христианства.

Бесспорна их прогрессивная роль на известных этапах — там писали первые книги, учили, делали много для укрепления государственности, монастыри несли на окраинные земли культуру, достаточно высокую. Но со временем они стали оплотами реакционных сил, изменились методы колонизации.

Пустыни, сооруженные на землях марийцев, были опорными пунктами в колониальной политике Алексея Михайловича. Вероятно, кирпичный фундамент, обнаруженный жителями д. Девятерики, именно такого происхождения, после передачи Макарьеву монастырю новых вотчин старцы принялись строить обители в самых отдаленных уголках.

Решением приказа Казанского двора (центрального административного учреждения середины XVI в. для управления территорией бывших Казанского и Астраханского ханств) от 22 сентября 1668 г. по поводу челобитной марийцев их земли были закреплены за Макарьевым монастырем. Сами же марийцы вынуждены были оставить обжитые места и отойти на восток, в пределы нынешнего

Тоншаевского района, где их потомки живут и ныне, сохранив рассказы о родине предков. Впрочем, в 1668 г. большинство марийцев покинули этот край еще до появления документа. «Перечневая выписка из досмотру и сыску и чертежу казанца Петра Белавина», приложенная к делу при рассмотрении жалобы, гласит: «А в чертеже написано за рекою Ветлугою по Царевококшайскую сторону на пустыне на Нечаихе, где живет старец Тихон, построена ограда, а в ограде 6 келий да часовня да заложена церковь. Да около тое пустыни 3 починка, а в них дворов 9, а до Ветлуги от тое пустыни 15 верст, а от черемисских дворов Царевосанчурского уезда до тое пустыни черным лесом сто верст» — марийцы в ту пору, уйдя со своих мест, жили уже в ста верстах от новых пустыней.

И русское, и марийское население Поветлужья испытывало крепостной гнет помещиков и монастырей, а потому включилось в крестьянскую войну Степана Разина. Когда в 1670 г. на Унжу и Ветлугу был послан казацкий атаман Илья Долгополов вместе с марийским старостой Мироном Мумариным и группой казаков, чтобы поднять местное население, то оно объединялось в отряды: «Атаман Илюшка Иванов собрал до 370 беглых крестьян», в другой группе было 60 русских, «оружия с ними же было три пушки затинных да мушкетов 30, да с ними же было в сборе черемисы луговой стороны с 400 человек и больше». На Ветлуге повстанцы «побивали приказных людей боярских и приказчиков их» (20 лет Марийской АССР, 27). Нет сомнения, что местные марийцы, бежавшие от старцев, подвергли разорению их пустыни и церкви по Б. и М. Какше — опору колонизации.

Указывается, что весь район бывших марийских поселений по Б. Какше зарос лесом: можно предполагать, что с приходом разинцев все поселившиеся на этих землях после челобитных Алексею Михайловичу бежали. Поскольку восстание было подавлено, не возвратились в этот край и марийцы — его участники. В 1670 г. карательные экспедиции уничтожали беспощадно очаги восстания (там же, 28). Долгополов и Мумарин были схвачены и казнены, казаки отряда Долгополова бежали в дремучие леса по среднему течению Б. Какши, где и поселились. Их потомки до сих пор живут в д. Какшинское и Кожино Табалинского района Кировской области.

Восстание на Ветлуге оставило после себя немало легенд и преданий. Рассказывают, что монастырский колокол из Ченебечихи, сброшенный в воду, будто бы в Пасху звонит, но это слышно только праведникам. Одна девушка, купаясь в омуте во время сенокоса, ныряла и достала на дне уши колокола. Духовенство, распространявшее эту легенду, построило на месте пустыни часовню, которая стояла до 20-х годов нашего века.

Об одном из карательных отрядов среди русского и марийского населения сохранилось предание, где рассказывается о гибели девушки Ирги (ее имя от слова «ир» — «утро»). Его я записал со слов старика-охотника в тридцатых годах.

«Давно это было. Даже наши деды не помнят когда, а рассказ идет из поколения в поколение. Один раз с реки Ветлуги по направлению к нынешнему Тоншаеву проходил какой-то отряд, иные говорят, разбойников, а другие — карателей каких-то. Попал он в первое от Ветлуги поселение среди глухого леса в трех верстах от старинной дороги на Царевосанчурск. По ней, говорят, еще рать Ивана Грозного на Казань шла. Теперь там уж никто не живет, только поляна сохранилась, на которой стоит старая-старая сосна. Сохранилась поляна потому, что ее косят, а иногда даже пашут и сеют здешние мужики. Сейчас через поляну проходит железная дорога из Нижнего Новгорода в Котельнич.

Один мариец-охотник заметил еще на подступах к деревне у небольшой речки отряд на привале. По прямой еле заметной охотничьей тропинке быстро побежал к поселению и рассказал соседям. Время было тревожное, потому не стали рассуждать, что да кто идет. Подхватили охотничье оружие и решили бежать в лес, а соседей просить в случае чего оказать помощь.

В деревне этой жила девушка по имени Ирга. Рослая, красивая, сильная, да к тому же очень смелая. У старика-отца сыновей не было, и она работала в поле и на охоте за мужика. Когда собирались за каким-то ценным зверем, скажем, за бобром или за медведем, где требовалась совместная охота, то девушку соседи всегда звали с собой и давали ей потом полный пай добычи. В стрельбе из лука она не уступала молодым охотникам. Уважали соседи Иргу. Был у нее молодой парень-друг по имени Одош. Сильный, смелый, с рогатиной на медведя выходил. Лучше его никто не ловил в петли и в загоны оленей, не настораживал на крупного зверя лук-самострел. Крепко любили друг друга Одош и Ирга. И давно бы пора пожениться им, да время тяжелое.

Прежде чем уйти в лес, старики решили все же кого-нибудь оставить в деревне, чтобы узнал, что это за отряд, сколько в нем силы, чем вооружен. И решили — лучше Ирги для этого никого не найти. Остался и ее отец. Им сказали, где в лесу будут находиться остальные марийцы. Опечалились Ирга и Одош: всякое может случиться. Плакала Ирга и отказывалась, но старики настояли на своем.

Проводила Ирга Одоша до леса. И не успела до дому добежать, как показались разбойники. Хотела спрятаться, но уже поздно — заметили ее. Поймали и привели к атаману. Стали искать по деревне и других людей. Несколько стариков и детей там осталось. Сначала разбойники требовали от девушки харчей. Собрала она лосиного мяса да хлеба и отдала, что было. Тогда атаман стал спрашивать, сколько в деревне взрослых мужчин, где они. И еще о многом спрашивал. А Ирга все твердила по-марийски: не знаю. Долго с ней бился. Но ни угрозы, ни ласки не смогли сломить ее упрямство. На ночь ее заперли в сарай, поставили караул, а наутро, когда она опять отказалась отвечать, поиздевались вдоволь и повесили на небольшой сосенке.

Старик-отец тяжело переживал смерть дочери. Он поклялся отомстить разбойникам и стал следить за атаманом. Когда тот отправился на речку пить, старик его выследил. И только атаман наклонился над водой, выстрелил из лука в затылок. На предсмертный крик прибежали разбойники, поймали старика и тут же убили, а потом напали на оставшихся в деревне стариков и детей.

Но один подросток еще вечером убежал за подмогой в лес. Вот и подошли из соседних деревень марийцы. Только они остановились у поля, до них донеслись крики и плач детей, которых истязали разбойники. Марийцы бросились на них, завязалась кровавая схватка. Разбойники не ожидали нападения и растерялись без атамана, бросились бежать. Но марийцы перехватили их при переходе речки и большую часть перебили.

Возвратились марийцы в деревню и в первую очередь с почестями похоронили Иргу, положили ее под молодой сосенкой, на которой была повешена. Потом схоронили других убитых. Горько плакал Одош над трупом любимой девушки. Вскоре марийцы навсегда ушли из этого места — они боялись, что отряд вернется туда, чтобы отомстить».

Проходило одно столетие за другим. Давно заросла лесом брошенная деревня, осталась только поляна, а посреди ее старая сосна. За поляной так и сохранилось название Ирга в память о девушке. Когда в 1913 году вели железную дорогу, рабочие-марийцы не тронули старую сосну, хотя она входила в полосу отчуждения. Руководитель работ инженер Фойхт настоятельно требовал ее срубить, но марийцы отказались, рассказали ему старинное предание, говорили, что сосна — памятник девушке, которая погибла от рук разбойников и спасла людей. Ее берегут из поколения в поколение. Инженер согласился сместить полотно дороги и оставить сосну. Так она и стояла до 1943 года, пока ее не выворотила с корнем буря. Но место на перегоне Тоншаево-Янгарка, где она была, помнят. Берегут имя Ирги. Так народ хранит память о героях, ее не сотрут века.

Макарьев монастырь продолжал обживать запад современного Шахунского района и после восстания, порядок заселения окраинных земель Русского государства в те годы был таким: особые люди ездили по деревням и селам и выкликали желающих на льготных условиях переехать в новые места — «крестьян вольных, людей добрых и семьянистых, ни тягловых, ни холопей лес сечи, дворы ставить, земли пахати, покосы расчищати». Слишком тяжела и бесправна была жизнь крестьян, хотелось уйти подальше от начальства и помещика, а монастырь предоставлял переселенцам на первых порах льготы, тайга была богата зверем, реки — рыбой, плодородна лесная почва. Бежали сюда помещичьи крестьяне — и их укрывали старцы. Обитель переселила сюда крепостных с Унжи, их потомки живут в Дыхалихе, Поломе и других деревнях.

Вначале заселение шло вдоль дороги Холкино-Никитиха-Б. Широкое, где лучше почва. М. Какшу и ее притоки Свечу и Шару

обжили позднее по мере передвижения новоселов на восток в леса.

Есть предание: на месте Холкина на торговой дороге, по которой шли на Казань купеческие обозы, мужик по прозвищу Холка построил постоялый двор и вместе со своим работником иногда грабил останавливающиеся обозы. Возле Холки стали селиться беглые и другие крестьяне, возник починок Холкин, который упоминается в грамоте Алексея Михайловича на пожалование вотчины Макарьеву монастырю.

Около 1661 г. монахи Воздвиженской пустыни Ченебечиха строят церкви Успения Богоматери и в память преподобного Макария — у себя и близ марийских деревень на М. Какше. Последняя была уничтожена во время восстания марийцев на Ветлуге в 1670 г., на ее месте возникла деревня, до сих пор известная как Старое Село. В грамоте Алексея Михайловича упоминается пустошь Хмелевицкая, под этим названием позднее возникает деревня, где в 1764 г. уже живет 182 человека. Между 1764 и 1779 гг. она преобразуется в село. К 1830 г. «в Хмелевицкой волости было 1952 мужских и 2033 женских душ», каменная церковь (ныне дом культуры) построена в 1813 г., а в 1856 г. расширена новым приделом. Все крестьяне, поселившиеся на землях Макарьева монастыря, были закреплены и оставались за ним до 1764 г.

В царствование Петра I борьба церковной и светской власти решилась в пользу последней: потребность в пополнении фондов государственного землевладения, вызванная раздачей вотчин дворянам, выступления крестьян против гнета на землях церкви вынудили правительство издать 26 февраля 1764 г. указ о секуляризации. Земли монастырей стали государственными, крестьяне были отданы в управление коллегии экономии и назывались экономическими, а затем государственными, положение их было лучше, чем монастырских.

В 1779—1780 гг. в Ветлужском уезде проходит первое межевание лесов. По списку его дач значится «дача 3/69 Новоуспенского и Хмелевского сел с деревнями ведомства коллегии экономии площадью 116625 десятин» (Чиркин, 8). Екатерина II отдала большую часть лесов по Какшам — в прошлом монастырских — дворянам, за которыми они числились до 1917 г., кроме лесов, купленных крестьянами. В 1764 г. Варнавин монастырь закрылся. Правда, в годы первой мировой войны, чтобы поднять религиозный дух населения, мощи преподобного Варнавы при большом стечении духовенства, начальства и народа были вскрыты.

Южная часть Шахунского района, бывшая Черновская волость, до конца XVII в. была также заселена марийцами, о чем свидетельствуют названия — Урень («ур» — белка, «енг» — человек), Пакали (щиколотка) (Правильней считать названия происходящими от марийских личных языческих имен, сходных по звучанию — Н. М.). Затем марийцев теснят русские старообрядцы, бежавшие с Керженца, от Волги, куда успела дотянуться официальная церковь, особенно при Петре I, когда в Н. Новгороде ду-

ховное ведомство возглавлял ярый противник раскола епископ Питирим. Сюда бежали и крепостные Правобережья Ветлуги от помещиков. К началу XVIII в. уже существовали д. Карпово, Темта, Арья, починок Зеленый Луг, Титово, Шадрино, Вая, с. Трехсвятское («Урень тож»). Туда же были высланы стрельцы после подавления их бунта в 1696 г. Темта — одна из таких стрелецких деревень. Со временем потомки старообрядцев и стрельцов заселяют бывшие волости Карповскую, Тонкинскую, Черновскую.

Округа с. Верховского обжита в I половине XIX века крепостными крестьянами Правобережья Ветлуги — запад и в 1880—90 гг. выходцами из Вятской губернии — восток. Потомки переселенцев говорят, что крепостные крестьяне высланы туда за «неподчинение барину и другие провинности и проступки».

В 1900 годах тут еще свежи были рассказы бывших крепостных об издевательствах помещиков. Вспоминали, что помещики заставляли рослых здоровых девушек выходить за парней малых ростом и наоборот, чтобы иметь физически крепкое потомство крепостных. Указывали на крестьянскую семью одной из деревень Аббакума и Екатерину, женщину высокую и красивую. За отказ ее выйти замуж за низкорослого парня ее дважды пороли.

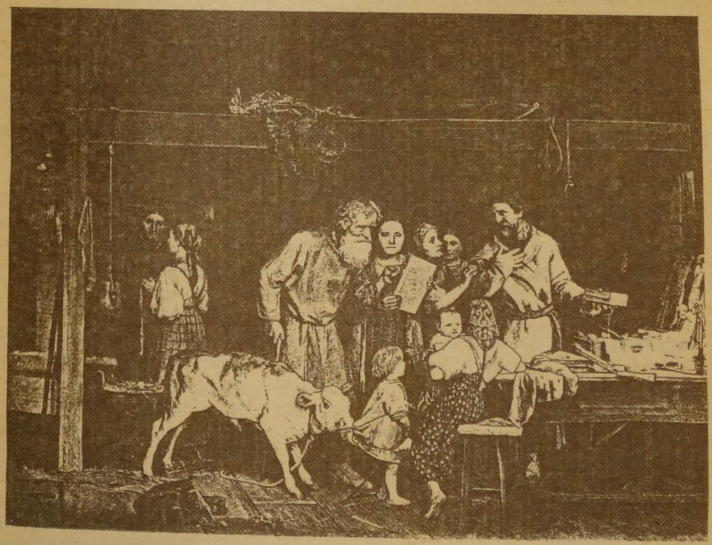
Новошоринские крестьяне выкупили землю у помещицы Екатерины Николаевны Овчинниковой, или, как ее прозвали, Дисанихи. Продать владения в 1890 годах побудил ее рост революционного настроения, боязнь расправы за жестокое отношение к людям. Прежде чем продать землю, Дисаниха разбила ее на небольшие участки. Самый плохой, который отказались покупать крестьяне, она отдала под церковь. Авось святая Екатерина, в честь которой построена церковь, заступится на том свете за Дисаниху перед Богом и тот простит ей немалые земные грехи. Но на этом свете Овчинникова не ушла от расправы крестьян. Дисаниха запрещала бедноте в своем лесу даже собирать хворост. Там-то ее и поймали, привязали к дереву у муравьиной кучи. Проезжие люди, услышав ее крики, сняли Дисаниху с дерева еле живую. Вскоре она умерла.

Что касается населения вблизи Шахуньи и к востоку от нее, то их предки пришли в I половине XIX века из-под Кукарки (г. Советск) Вятской губернии. Позднее, в 1860—70 годах туда же и в район Шербажа перебрались крестьяне той же губернии из-под с. Юма. Причины этих переселений были таковыми. Леса возле Шахуньи принадлежали Удельному ведомству, царской семье, в пользу которой шли все доходы. Чем больше становилось членов семьи Романовых, тем больше становилось и удельных лесов, которые в 1860 годах достигли 10 млн. десятин. Наши удельные леса не позволяли транспортировать древесину самым дешевым способом — сплавом, было мало рабочей силы и лошадей, т. к. эти места были малонаселенными. Удельное ведомство переселяет сюда дворцовых крестьян соседних губерний (по экономическому и юридическому положению они мало отличались от помещичьих крепостных). Дворцовые крестьяне — предки жителей д. Гусель-

ники и Акаты. Удельное ведомство стремилось заселить леса и вольными крестьянами, страдавшими от малоземелья и низкого плодородия почв: для них создавались льготы. Судя по рассказам стариков, зимой на заготовку леса привлекали дворцовых крестьян других губерний. Как известно, в 1861 году они были освобождены вместе с помещичьими.

Реформа 1861 года дала толчок к развитию капитализма в России, промышленности, повысила спрос на лесоматериалы. Удельное ведомство воздействовало на Министерство госимуществ, отвечавшее за казенные леса, чтобы заселить часть этих лесов к северу и западу от удельных. В результате министерство отвело для этого восток современного Шахунского района, кроме верховьев М. Какши и Пижмы. На этом исключении настояли лесопромышленники, покупавшие лес у казны на корню и сплавлявшие его по воде: им требовался нетронутый лес в верховьях этих рек.

Выделенные леса вскоре заселяются потомками монастырских крестьян, которые стремились на плодородные земли, крестьянами из-под безлесной тогда Юмы. В район Шербажа принудительно селят так называемых кордонщиков — потомков лесных сторожей. Со временем перелески между деревнями сводятся, освобожденная земля распахивается с разрешения лесничеств наиболее мощными крестьянскими хозяйствами. В 1900 годы в Новоуспенской, Хмеле-



«Офеня». Картина Кошелева. XIX век.

вицкой и Широковской волостях идет землеустройство — участки закрепляют за малоземельными деревнями. После коллективизации в 1930 годах так называемая трехволостная земля становится базой для организации совхоза «Комсомолец». Так левобережье М. Какши к началу XX в. совершенно лишилось леса и ныне слывет под названием Ширь.

После первого межевания 1779—1780 гг. в казенных лесах создается сторожевая охрана из отставных солдат, отслуживших 25 лет, уволенных по болезни или ранению или из воспитанников детских приютов—сыновей погибших солдат. Они получают по 15 десятин земельного надела на семью, небольшие суммы для обзаведения хозяйством. Дальше жалованья им не дается, но они освобождаются от податей за пользование землей и многих повинностей. Поселения сторожей состояли из одного-двух дворов, были разбросаны по тайге. К ним было почти невозможно пройти и проехать. Это в Ветлужском уезде Бородино на берегу Б. Какши, Косульники, Шайга, Фадька, Курнуж, Кирьянко, Унежский и отошедшие в Кировскую обл. Турковский, Шуйский, Осинники, Лелеки.

В Бородине первыми сторожами были участники Бородинской битвы Мальцев и Голубков, на Фадьке и Кирьянке—воспитанники приютов Фаддей и Кирьян.

В 1830 г. из здешних лесов были выделены корабельные рощи—на Пижме близ Одошнура, в верховьях Ошмы, Арбы, Шукшума, по Вахтану и Курдоме. Особый Департамент корабельных лесов возлагал на лесничих «сбережение лесов в целости и сохранности и доносить каждомесячно о благосостоянии их в управлении округа корабельных лесов» (Чиркин, 12).

Заготавливаемая здесь корабельная мачта имела длину 32 м, диаметр верхнего струба 18 см. Мачтовую сосну полагалось рубить топором (поперечных пил не было) на высоте груди, оставляя высокий пень. Дерево освобождали от коры, строгали скобелью и в верхней части прорубали отверстие, называемое ноздрей. Через него продевали канат, в который запрягали 10—15 лошадей и везли волоком без саней с Ошмы и Курдомы на среднее течение Усты, к Б. Какше и Вахтану, дальше—к Онежскому озеру и Петербургу. Еще со времен Петра I для некоторой части государственных крестьян была введена повинность заготовки и транспортировки корабельного леса, отменяющая все другие, включая рекрутскую. Этим занимались лошманы—татары Казанской губернии. У р. Вахтан сохранились просеки Мачтовая и Лашман. Заметим, именно в расчете на сырье—громадное количество смолистых пней корабельных рощ был построен в 1920 годах первенец индустриальной лесохимии Вахтанский канифольно-экстракционный завод. Если же сосна, срубленная на мачту, не отвечала назначению, из нее тесали четырехугольный брус (грани—по 26 см). Он пользовался большим спросом в Поволжье, куда поставлялся по воде. На тесании бруса специализировались крестья-

не из-под Кукарки и Баков (ныне р. п. Красные Баки), в 1830 годах ведомство переселило их оттуда в Акаты, Гусельники и Столбово.

Заселение юга Шахунского района начинается к 1747 г. со стороны Уреня. Была построена пристань на Вае. В 1762 г. возникают Пристань на Отломке, Березники, Курдома, починок Черный ручей (с 1861 г.— центр волости с. Черное), до конца XVIII в.— Высоковка, Рябков, Отлом, Одинцово. В дальнейшем сюда продолжают выселяться из Уренской волости, а с 1860 г.— из Юмской.

К 1870 годам существовали М. Малиновка, Макарово, Фомино, Петрово, Щекотилово, Н. Речка, Гришино, Студеная, Ломы, Павлово, Рыбаково, Полдневная, Лазарево, Симоново, Туманино, Крупин, Ермаки, Полетайки, Петухи, Щербаж, Золотов, Шуленер, Безводная, Лелековцы, Куржум, Попово, Ломина.

В 1837 г. лесную охрану упразднили и организовали лесную стражу с корпусом лесничих во главе, подчиненную Министерству госимуществ. Лесные сторожа оказались на правах обыкновенных государственных крестьян. Для них были сооружены лесные кордоны — типовое жилье с хозяйственными постройками, отчего сторожей и их потомков стали звать кордонщиками.

Бедой здешних лесов были пожары, в 1839 и 1842 гг. в одном только Ветлужском уезде они уничтожили 50 000 десятин леса. Именно кордонщиков, которые как раз и заинтересованы в сохранении леса, обвинили в этом бедствии. Министерство вынесло решение выселить их из корабельных рощ, кроме Курдомы, принадлежавшей удельному ведомству, поселить близ Щербажа. О трудностях кордонщиков, связанных с переселением, говорить не приходится. Многие из них — охотники, суровый народ, привыкшие к жизни в лесу, к трудностям — не подчинились. Представители лесного ведомства с полицией не раз приезжали на кордоны, ломали крыши и печи, но хозяева все отстраивали заново и продолжали жить. Это длилось несколько лет. Кордонщики решили прибегнуть к последнему средству — искать правду у царя. Старшими избрали Сергея Кирьяныча Серебрякова (потом крестьянина д. Щербаж) и Анисима Михайловича Копосова (потом крестьянина д. Лелековцы). Ходоки вначале отказывались, ведь идти в Петербург две тысячи верст. Но так как дело было мирским, общественным, кордонщики убедили ходоков послужить народу.

Автору этих строк случилось слушать в детстве рассказ одного из них — Копосова. «Дело было летом. Надели мы котомки с незатейливыми крестьянскими припасами, привязали к ним по две пары запасных лаптей, простились с родными и под их плач тронулись в путь. Шли долго. Запасы вышли. Питались то «Христовым именем», то мирскими грошами, собранными в дорогу. Бывало, просимся ночевать, расскажем о своем горе, наутро спросим: «Сколько, хозяин, за ночлег, за харчи?» А тот сокрушенно покачает головой и ответит: «Какие уж деньги тут — идите с Богом!»

Ходоки разыскали в Петербурге земляка — солдата, служив-

шего в дворцовой охране. Он посоветовал, когда царь утром поедет на прогулку (а он каждый день ездил по одной и той же улице), сойти с тротуара, стать на колени и, придерживая правой рукой, положить на голову прошение. Его бесплатно написал знакомый солдату канцелярист. Ходоки выходили на указанную солдатом улицу несколько дней подряд, но царь не выезжал — было ненастье. В один из дней мужики увидали вдали описанный солдатом царский поезд, быстро сошли с тротуара и опустились на колени, а Серебряков вынул из-за пазухи прошение, положил его на голову, придерживая правой рукой. Не успели они оглянуться, к ним подскочил на коне военный и, замахнувшись плеткой, приказал немедленно убираться прочь. Но не таковы были ходоки, чтобы столько претерпев, вернуться домой ни с чем. Что же им тогда скажут кордонщики? Как ни гнал их военный, ходоки не трогались с места. Тем временем подъехал царь, и Серебряков протянул ему бумагу. Царь приказал остановить поезд и спросил военного, в чем дело. Серебряков, перебивая военного, начал, путаясь в словах, рассказывать просьбу и протягивал прошение. Царь приказал ехавшему с ним генералу взять бумагу и по возвращении доложить суть проблемы. Мужикам сказал, что рассмотрит ее и даст ответ через несколько дней в такое-то учреждение. Сам поехал дальше. Лица ходоков были бледными и ноги тряслись от страха. За царским ответом они ходили в канцелярию несколько раз. Разобравшись в просьбе, царь ответил через канцелярию отказом. Так и выселили кордонщиков, а их потомки живут сейчас в окрестностях д. Щербаж и в ней самой.

5. О предках жителей запада Шахунского района.

Среди деревень Шахунского района есть немало с названиями, оканчивающимися на -ха: Никитиха, Дыхалиха, Мураиха, Тумбалиха. Эта широкая полоса тянется с правого берега Волги, оканчиваясь шахунской Мелешихой. Она отражает путь предков населения запада района. Исследователи костромской старины установили, что их край «был заселен мерею на всем пространстве нынешней Костромской губернии за исключением крайних восточных уездов — Варнавинского и Ветлужского. Г. Кострома был заселен мерею не менее, чем Ростов, Суздаль и Галич, это доказывается тем, что она с запада была, так сказать, обложена Мерским Станом» (Древности..., т. 6, в. I, с. 48).

Рядом с мерей на костромских землях проживали племена чуди и черемис. По мере образования удельных княжеств, а затем Московского государства расширение их границ на восток шло за счет финно-угров. К IX в. территория мери была занята уже славянами (кривичами, новгородскими словенами), шла ассимиляция. Летописи в последний раз упоминают мерю под 907 г. в связи с походами киевского кн. Олега на Константинополь, в которых она участвовала. Развитие феодальных отношений и насильственная

христианизация населения Ростово-Суздальской земли приводят к быстрому обрусению мери. Они включаются в состав складывающейся русской народности, их земли становятся частью Северо-Восточной Руси. Так что Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую и Костромскую области сейчас населяют потомки мери и славян. Такое же происхождение и у коренного населения запада Шахунского района, предки которого сначала пришли в Правобережье Ветлуги, потом переправились через нее при заселении территории Макарьевым монастырем.

6. О предках тоншаевцев.

Для начала напомним о многочисленных предметах, обнаруженных археологами в бассейне Пижмы, о марийском поселении, поспешно покинутом на рубеже XV и XVI вв. возле д. Пурлы. Что заставило людей уйти отсюда? Очевидно, войны Русского государства и Казанского ханства. В непосредственной близости от их границ грабежи татарских ханов и ответные удары русских князей тежело сказывались на жизни марийцев. Заметим, в крае найдено много военного оружия и снаряжения — мечи, сабли, кольчуги, шлемы. Столкновения не прекратились тут и после покорения Казанского ханства. Русские князья подавляли восстания. Об этом повествует и летопись: «Прислал к царю и великому князю боярин его и воевода кн. Иван Федорович Мстиславский с товарищи Дмитриа Григорьева сына Плещеева сказать велели государю, что их государь посылал на луговую сторону на изменников на черемису и воеводу пришли в волость Ошмлу и воеводу Ивана Петровича с товарища отпускали по государеву наказу в Ветлугу и в Руткы и Иван ходил по многим волостем и воевал и пришел к нам в Ошлу дал Бог здорово и сказывал Иван: приходили пешая черемиса на лесу на сторожевой полк на кн. Василия Токмакова и князь побил их наголову» (ПСРЛ, т. 13, ч. I, с. 146). Как видно, помимо Мстиславского, в пределы современного Шарангского района со сторожевым полком ходил Василий Токмаков, значит, восстание охватило в 1580—1590 гг. значительную часть Левобережья Ветлуги, где исстари живут марийцы.

Вторичное заселение современного Тоншаевского района марийцами начинается спустя сто лет после подавления восстаний и связано с колонизацией Поветлужья Макарьевым монастырем. Об этом переселении среди мари в Тоншаевском районе сохранились предания. Яков Григорьевич Герасимов из д. Ошары, пожилой человек, говорил мне в 1951 г., что его предки пришли с левого берега Ветлуги, где Ченебечиха и Черемисское кладбище. Но заселение шло также с востока и юга. Среди марийцев с. Одошнур живы предания, что часть его жителей поднялась по р. Пижме, а часть по ней спустилась: марийцы, ясашные земли которых были отданы Макарьеву монастырю, спустились, а поднялись навстречу им мари с Вятки и низовьев Пижмы, которых потеснило русское

заселение, начатое в конце XVI в.

Бывший марийский учитель из Ошар Иван Васильевич Петровский 70-ти лет рассказал мне в 1958 г., что его предки пришли из-под Царевосанчурска из-за нужды и притеснений — таково семейное предание.

Марийцы участвовали в разинской войне и после ее подавления терпели большие лишения. Им запрещали иметь у себя какое-либо оружие и заниматься кузнечным промыслом. Ясачных мари, не уплативших подать, сборщики налогов заковывали в цепи и держали у себя, пока не получали выкуп, многих превращали в «закладных», отбирали у них землю и заставляли работать на себя.

Это привело к бегству марийцев в водораздельные леса Заветлужья — на север.

Наиболее древние марийские деревни возникли на гряде поднятий, пересекающей Тоншаевский район в меридиональном направлении — до Пурлов, продолжению Яранско-Кокшайской возвышенности. В северной части гряды — Куверба, Енаево, Купсал, Касканцел, Селки, Шимбуй, Горинцы, Пекшик, удаленные от рек и дорог. Жить там было удобно, почва — плодородные суглинки, хвойный лес с примесью лиственных пород, осины и дуба, что давало возможность разводить свиней, заниматься бортничеством.

Одна из таких старинных деревень — Ромачи — возникла у возвышенности с дубравой. По сохранившимся преданиям, в ней мари пасли свиней, которых было очень много. Места получили название Соснанур («свиное поле»), в начале XIX в. возле возвышенности появилась русская деревня с таким названием.

В окрестностях Кувербы проживает много Токтаровых. А ведь именно вблизи д. Токтар находилось древнее марийское городище. Интересно и то, что именно там сохранилось предание об Ирге. Видимо, именно возле Кувербы осели мари, изгнанные Макарьевым монастырем из бассейна Б. Какши.

Другая группа марийских деревень в 10—20 км к юго-востоку — Касканцел, Б. и М. Селки, Ромачи Пекшик, Шимбуй, Пеньки, Дупляки, Ложкари, Б. и М. Ошкаты, Арба, Б. и М. Лумарь, Ошма (Михалята) — обжита выходцами из-под Яранска, говоры в них в старину значительно отличались от диалекта Кувербы. Вдобавок названия Пекшик и Ложкари есть в Советском районе, а Лумарь в правобережье Пижмы в Кировской области. Массовое бегство мари в верховьях Пижмы и Ошмы, в глухие леса произошло в начале XVIII века в связи с рекрутчиной и новыми налогами, введенными Петром I.

Совершенно обособленно находится в лесах на Пижме Одошнур. В. А. Акцорин отмечает, что его жители слывут в округе как «народ овда». Известно, что «овда» общались на понятном мари, но другом языке и считались ниже по уровню культуры, именовались «ир енг» — «дикий человек». В. А. Акцорин полагает, что овда — не плод фантазии, а название народа охотников, жившего

в междуречье Ветлуги и Вятки (Этногенез марийского народа).

Название д. Токтары у впадения Пинала в Пижму переводится с марийского «сытый просом», видимо, ее население сеяло эту культуру и обеспечивало себя пищей. Но ведь считается, что в нашем крае в исторические времена его не возделывали. Тем не менее зерна проса найдены в Пижемском городище и Веселовском могильнике, их возраст — около 1000 лет. Можно предположить, что Токтарам не меньше. Просо плохо растет у нас — не хватает тепла. Но II половина I тысячелетия нашей эры отличалась сухим и теплым климатом на востоке Европы, ухудшение условий наступает лишь в XIII—XIV вв. Еще в средние века Токтары запустели, очевидно, их население перебирается в Кувербу. Русские обживают место лишь в начале XIX в. и дают деревне старое название урочища.

Вероятно, с изменением климата можно связать судьбу дуба в нашем краю — его появление обусловлено теплыми условиями, затем же его сильно потеснила холодостойкая ель.

Касаясь деревень второй группы, надо сказать, что их появлением мы обязаны насильственной христианизации марийцев. Начата она была еще Иваном Грозным. Монастыри возникают при Алексее Михайловиче — Ченебечиха, Спасо-Юнгенский (близ Козьмодемьянска), Ежовский (возле Царевококшайска). Настоятель Спасо-Юнгенского монастыря получил указание немедленно обратить мари в «истинную веру», а в случае неповиновения марийцы лишались земель в пользу монастыря. Жители были вынуждены бежать на север (20 лет Марийской АССР, 26). В дальнейшем кнут был заменен пряником. «Отправляя в Казань митрополита Тихона, Петр I рекомендовал ему обратить внимание на черемис и привлекать их в христианство, обнадеживая его, великого государя, милостью и льготными годы» (Смирнов, 54). Тихон окрестил до 4 000 мари, освободив их от податей на три года. В 1704 г. были окрещены яранские мари со льготами на семь лет. Еще больших успехов добилась Елизавета. Кроме льгот по податям «инородцы, принимавшие христианство, освобождались от работы на казенных заводах, от рекрутской повинности, получали кресты, нижнее и верхнее платье и некоторое количество денег. Присутственным местам велено было новокрещенным оказывать всякую милость и благоволение и малейшего озлобления не делать». Даже когда марийцев привлекали к суду за уголовные преступления, рекомендовали остерегаться от неосмотрительных розысков, «которые могли бы их озлобить и от христианской веры отогнать, рассматривая их дела по истинной правде». В результате мари стали креститься целыми деревнями и волостями. За время царствования Елизаветы число новокрещенных инородцев Казанской губернии (Заветлужье входило в нее до 1778 г.) возросло до ста тысяч (Смирнов, 55—56), освобождая новокрещенных, правительство раскладывало налоги на тех, кто оставался в прежней вере, и они вскоре были уже не в состоянии их выносить. Естествен-

но, возникает вражда между крещенными и некрещенными марийцами. Чтобы избежать больших раздоров, правительство поощряет переселение крещеных на новые места, жалуя их льготами и самоуправлением. Так в верховьях Пижмы возникают марийские поселения с христианскими названиями в знак принятия веры: Евстропово, Лазарцово, Фирсово, Тимофеево. Причем уже не вдали от рек и больших дорог, а на Пижме и у тракта Ветлуга-Тоншаево-Санчурск-Казань. Идет и христианизация остальных мари в округе. В 1778 г. организуется Тоншаевская волость, в 1811 г. в ее центре сооружается церковь, Тоншаево становится селом.

Первоначально население этой волости — исключительно марийское. Об этом свидетельствует список выделенных по ней при первом межевании в 1779—1780 гг. лесных дач: «дача 4/122 Одошнура деревни государственных новокрещенных ясашных крестьян площадью 1775 десятин. Дача 4/122 Рамачей деревни с деревнями государственных новокрещенных ясашных крестьян площадью 82 980 десятин. Дача 7/121. Дикия казенный лес, который ни в чьем распоряжении не состоит, площадью 184 375 десятин» (Чиркин).

В ходе межевания в лесу обнаружены не значившиеся по книгам волостного учета марийские деревни — их жители скрывались от экономического, национального и религиозного гнета. Из списка дач видно, что к моменту межевания мари платили государственную подать — ясак, состоявший сначала из пушнины, меда, воска, продуктов, затем денежный. В пользовании марийцев находились так называемые ясашные угодья — поля, луга, леса, реки, вошедшие в дачи. Марийцы занимались скотоводством и земледелием, охотой на белку, куницу, выдру, норку, зайца, лося, оленя, медведя. До середины XIX века олени водились в Заветлужье стадами, совершали сезонные кочевки, но стали исчезать и к началу XX века их остались единицы. Конечно, сыграла свою роль охота, но главным было все же нарушение условий жизни северного оленя: после заселения участились лесные пожары, огонь истреблял лишайники и ягель. Добычливой была охота на рябчиков осенью, перекупщики отправляли их на лошадях в Нижний Новгород, где на них всегда был большой спрос. Занимались рыбной ловлей и бортничеством. Эти пристрастия мари к охоте сохранились до последнего времени, хотя добыча стала ничтожной. В XVIII—XIX вв. марийцы плотничали, изготовляли кирпич, сани, колеса, плели лапти, курили смолу, деготь, портняжничали, выделывали овчину, занимались бондарным промыслом. К середине XIX века на территории современного Тоншаевского района жило марийцев 774 мужчины и 845 женщин (Крживоблоцкий).

7. Русские на тоншаевской земле.

Русское население марийских земель Заветлужья идет не только с запада, но и с востока с 1690 годов. Именно тогда строятся

Яранск, Царевосанчурск, Уржум — опорные пункты в борьбе против восстаний на вновь присоединенных территориях. После замирения края русские поселения оттуда распространяются на запад. Массовое население современного Тоншаевского района идет с конца XVIII века. Предшествовали этому и обусловили события крестьянская война Емельяна Пугачева, административно-территориальная реформа 1755 г. и межевание здешних лесов 1779—1780 гг. Крестьянская война нанесла сильный удар по государственному аппарату на местах, полная реорганизация власти должна была ее укрепить. Россия была разделена на 50 губерний, разбитых на уезды. В основу было положено число жителей для губернии 300—400 тысяч, для уезда 20—30 тысяч человек. Особое внимание было уделено бесперебойному поступлению податей, промысловых и торговых сборов с населения, судебные органы должны были строго карать за нарушение законов.

В одной из публикаций того времени говорилось: «Многие места в России глухие на 500 верст и более без городов — прямые убежища разбойников и всяким беглым беспашпортным людям. Примером служить может пространство около реки Ветлуги, которая 700 верст течением простираясь от вершины до устья, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество бурлаков зимой, из коих немалая часть разбойников. Крестьяне содержат их всю зиму за полтину с человека, а буде что он работает, то кормят без платы, не спрашивая пашпорта. По таким лесам должно основать и поставить города, дать знатным селам гражданское право, учредить ратуши и воеводства, наградить надежным укреплением».

Заветлужье входило в состав Царевосанчурского уезда Понизовского края с центром в Казани, с 1708 г., когда Россию разделили на восемь губерний — в Казанскую, после 1775 г.— в созданную Костромскую. Образуются новые уездные города Ветлуга и Варнавин. Заветлужье передается в Ветлужский уезд, хотя оно и тяготело больше к Котельничу и Яранску. Но для нового Ветлужского уезда не хватало населения.

Заселяя марийские земли русскими, правительство преследовало ряд целей. Оно желало ускорить обрусение мари, внедрить христианство, ведь многие мари лишь числились крещеными, а обряды отпускали в лесу, принося жертву кереметю, чтобы его умилостивить. Было желательно поднять культуру земледелия, чтобы повысить налогоплатежность, ведь у марийцев «преобладала переложная и подсечно-огневая система земледелия. Примитивная соха и деревянная борона являлись основным орудием обработки земли. Доходность от сельского хозяйства была ничтожной» (20 лет Марийской АССР). Орудия у русских были сходны, зато трехпольная система с навозным удобрением, применение косули были прогрессивны. На новые земли привлекались переселенцы. Как и за сто лет до этого, в них не было недостатка. Дерново-подзолистые почвы давали на первых порах хорошие урожаи, особен-

но зерновых, бобовых и льна, разнообразный по родам лес давал возможности для промыслов — плетение лаптей, производство мочала, саней, колес, смолы, дегтя, золы на поташ, для охоты — пушного зверя было достаточно.

Большинство переселенцев приехали в левобережье Вятки из-под Косина Котельнического уезда — предки жителей Соснанура, Втюринского, Питера, Лугов, Мухачей, Плещенера, Вякшенера, Шленей, Киприна, Зотова, Березят, Шукшума, Родюшат. Они заняли плодородные почвы по гряде поднятий. Большинство переселенцев были многосемейными, зажиточными, другим освоение земли из-под векового леса было бы не под силу. Некоторые селились по два-три двора на краю марийских деревень.

Мари постепенно начинают перенимать язык новых соседей, их земледельческую, бытовую и духовную культуру, родниться с ними. Мари числились христианами, потому духовенство не чинило препятствий смешанным бракам, русские отличались веротерпимостью и уважением к соседям. Вспомним, что и сами они сложились в результате сложного взаимодействия с финно-уграми. Отношения двух народов на тоншаевской земле были добрыми. Потом, уже в XIX веке идет обрусение марийцев, живших в Тоншаеве и его округе — Евстропове, Лазарцеве, Фирсове, дальше — в Пурлах, Ложкарях, Горинцах, Касканцеле, Михалятах, Пепелятах. Но все же потомки марийцев сохранили в памяти предания о далеком прошлом, ведь письменности у них не было, и история жила лишь в устной передаче.

С постройкой церквей появляются села — Ошминское (1853), Письменер (1863), Одошнур (1869), Щербаж (1895). В 1843 г. в Тоншаеве открывается двухклассная школа с одним учителем и 29 учениками, затем она становится трехклассной, с 1903 г.— пятилетней. В 1843 г. открывается начальная школа в Новоуспенском, в 1860 гг. — в Хмелевицах, с 1903 г. и она стала пятилетней.

В 1922 г. с постройкой железной дороги Н. Новгород — Котельнич Ветлужский уезд отходит в Нижегородскую губернию, к которой давно в экономическом и культурном отношении тяготел. Местные диалекты сохранили много слов, сходных с употребляемыми в Котельничском, Шабалинском и Кинурском районах Кировской области: потка (птица), лопоть (домотканная повседневная одежда), лючки (по-хорошему), уповод (половина рабочего дня), баской (красивый), шаньга (ватрушка), бять, бахорить (говорить). Многие названия деревень оканчиваются на -ята: Антонята, Березята, Головята, Колобята, Мартюшата, Махалята, а ведь в соседних районах нет ничего подобного. В Тоншаевском и Котельничском районах с востока на запад тянутся названия Пермяки, Пермяково, Перминцы, Пермяцкая, в них живут Перминовы. Не поискать ли корни на территории Пермской области?

Земли по Каме, Печоре и Вычегде к западу от Урала были заселены пермяками и зырянами, в русских летописях край называ-

ли Пермской землей. В XI—XII вв. туда проникли новгородцы и обложили данью местные племена — земля эта была богата. В XVI в. тут усиливается влияние Москвы, налаживаются торговые связи с центром, ведет христианизацию Стефаний Пермский, составивший азбуку для коми. В 1472 г. земли присоединяются к Москве, ускоряется их экономическое и культурное развитие. С севера Русского государства сюда просачиваются крестьяне, посадские люди, которые ищут спасения от налогового гнета, произвола власти. Благодаря им коми отчасти обрусели, переняли черты русского быта, культуры, речь. В XVI в. правительство отдает этот край для освоения купцам Строгановым, они развивают земледелие, соляные, рыбные, рудные промыслы, особенно возле Соликамска и Кунгура. Это сопровождается жестокой эксплуатацией людей. И они — пермяки, коми, русские, спасаясь от Строгановых, «переселились на запад по реке Вятке, в район, где теперь находятся города Киров, Котельнич, Слободской» (Вопросы топоономастики, 24), причем движение части населения, по оценке специалистов, начинается не позднее XVI в. Вятская земля привлекала их отсутствием помещиков, тем, что крестьянство «было обязано поставлять хлеб в Сибирь», а потому там поощрялось сельское хозяйство (Эммаусский, 18).

С течением времени поток переселенцев передвигался по вятской земле все дальше на запад в современный Шабалинский район, там встретился со встречным — от Унжи. Выходцы из-под Перми пришли и на тоншаевские земли на рубеже XVIII и XIX вв. с Вятки из-под с. Костино.

Сходные названия на -ата в обилии обнаруживаются в Пермской области, причем не где попало: 99 в Соликамском и 66 в Кунгурском районе, которыми владели Строгановы: Абрамята, Андронята, Антонята, Борисята, Бахорята, Бельконята, Бельчата, Березята... В Кировской области у восточной границы с Коми-Пермяцким округом по Каме: Гожемята, Архипята, Максимята, в верховьях Вятки — Волчата, Федосята, по среднему течению — Берсенята, Голубята, Щеголята, Косарята... Многие фамилии наших земляков происходят от зырянских слов — Чикишев (чикиш — ласточка), Куимов (куим — три), Поткин, Шабалин (шабала — сошный отвал), есть д. Шабуры (шабур — ветхая одежда). Можно утверждать, что среди предков населения Тоншаевского и Шахунского районов были и коми.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 22.— М.: 1951.
Вопросы топоономастики.— Свердловск: изд. УрГУ, 1962.
20 лет Марийской АССР.— Йошкар-Ола: 1956.
Жуков Б. С. Человек ветлужского края.— Н. Новгород: 1926.
Збруева А. В. Пижемское городище. // Ученые записки ИГАИМК. Вып. 106.— М.: 1934.

Из истории Урала.— Свердловск: 1960.
Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья.— Горький: 1962.
Кржиоблоцкий Я. Материал для географии и истории. Костромская губерния.— СПб: 1861.
Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье в X—XV вв.— Горький, 1934.
Костромская сторона. Издание КГУАК. Вып. 2.— Кострома: 1892.
Полное собрание русских летописей.— М.— Л.: 1945, т. 25.
Происхождение марийского народа.— Йошкар-Ола: 1965.
Прошлое и настоящее Костромского края.— Кострома: 1926.
Смирнов И. Н. Черемисы.— Казань: 1889.
Спицын А. А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края.— Вятка: 1889.
Станков С. С. Очерки физической географии Горьковского края.— Горький: 1936.
Старинные волости и станы в Костромской стороне.— М.: 1909.
Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемис в пределах Костромской губернии. // Древности. Труды МАО, т. 6, вып. I.— М.: 1875.
Халиков А. Х., Безухова А. Е. Материал к древней истории Поветлужья.— Горький: 1960.
Херсонский И. Н. Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского.— Кострома: 1890.
Четкарев К. А. Племенные названия марийцев. // Ученые записки МарНИИ, вып. 5.— Йошкар-Ола: 1953.
Чиркин И. Н. Леса и лесное хозяйство Ветлужского уезда.— Н. Новгород: 1929.
Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии.— М.: 1917.
Эммауский А. В. Очерк истории Вятской земли в XVI—XVII вв.— Киров: 1951.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Эту рукопись я получил от шахунского художника Олега Сергеевича Козырева. Под последним листом стояла дата окончания труда — 1965 год и подпись автора — П. С. Березин. Титульного листа не было.

А Олегу Сергеевичу рукопись принесли его ученики: они нашли папку на свалке возле горевшего вороха бумаг.

Судьба пощадила рукопись чудом Автор подготовил экземпляр для Шахунского краеведческого музея. Там рукопись и хранилась. Но в конце 80-х все бумаги музея погибают во время аварии канализации. Однако книга Березина спаслась. На музей незадолго до несчастья совершили настоящий набег райкомовские идеологи и изъяли часть, как им показалось, наиболее вредных материалов. Рукопись Березина не понравилась им своим «националистическим духом». Автор слишком много писал о марийцах Заветлужья! А заслужили ли они этого? У них же, как было известно райкомовцам, отсутствовали и культура, и государство. Абсурдная получается картинка — просвещенные и ведущие политическое просвещение масс идеологи — так получалось — вели свой род от диких черемисских племен?

Рукопись была испещрена пометками красного начальственного карандаша. «Это не главное!» — было начертано на полях возле того места, где речь шла о хозяйстве далеких предков. И участь рукописи была предрешена — она должна была попасть на костер современных инквизиторов. Но не зря булгаковский герой восклицал: «Рукописи не горят!» И возвращается из небытия к нам Павел Севастьянович Березин, добрый и умный собеседник, которому есть что рассказать.

Всю жизнь Березин интересовался историей своего края — Среднего Поволжья. Родился он в 1890 году, в крестьянской семье, в себе Березята, неподалеку от Шахуньи. Гимназия, потом — окопы Первой мировой, с которой он пришел в золотых офицерских погонах.

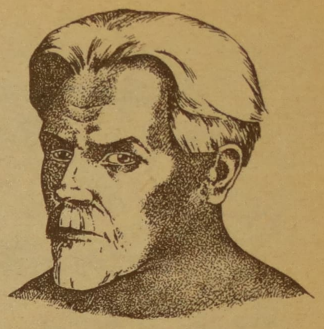
А после октября 1917 года именно они, золотые погоны, закрыли перед ним двери учебных заведений. Можно было не рассчитывать на труд учителя. И вообще, лучше было помалкивать о прошлом. Не находя применения своим талантам, Березин покидает родную деревню.

Судьба забросила в тайгу, на строительство лесохимического завода в Вахтане. Тридцать лет работал на этом заводе бухгалтером. Был отменного здоровья, дожил до 92-х лет, выйдя на пенсию — разводил пчел. Соседи, заходя к этому человеку с седой бородкой старого интеллигента с доброй улыбкой, часто заставали его за письменным столом. Он что-то писал...

Издать книгу ему так и не удалось: официальная краеведческая наука не признавала его трудов: ну что может сказать какой-то там бухгалтер. Между тем Павел Севастьянович обладал поистине энциклопедическими знаниями. Историю своего края изучал не только в архивах и библиотеках, но и расспрашивал старожилов, изучал личные архивы и генеалогические древа сельчан. Да-да, бытовали и такие в таежных глубинках Марийской земли. Олег Сергеевич Козырев показал мне книгу (рукописную), на первой странице которой четким почерком выведено: «Гражданин! Сбереги эту рукопись!» Открывается сия книга, озаглавленная «Заметки крестьянина», генеалогическим древом — девять поколений! — и идет неторопливый рассказ о деревне, о предках, о соседях.

Автор книги Сергей Григорьевич Коломаров жил в Большом Матвееве возле Хмелевиц, был грамотен, записывал для потомков, как вел хозяйство, как жили соседи, оставил для памяти самые важные даты, несколько строк посвятил своему любимому коню Карько. «...Было лето страшно, грозный зной в 1859 году послал Господь нам в наказанье, что мы у соседней деревни покосы опередили».

Летописи вели Василий Павлович Логинов из Дыхалихи, Петр Архипович Горохов из Хмелевиц... Книги хранятся в семьях и передаются из поколения в поколение как святыня. У Козырева — лишь копии, сделанные им самим. Вот вам и разговоры о стоеросовой, темной и пьяной русской деревне!

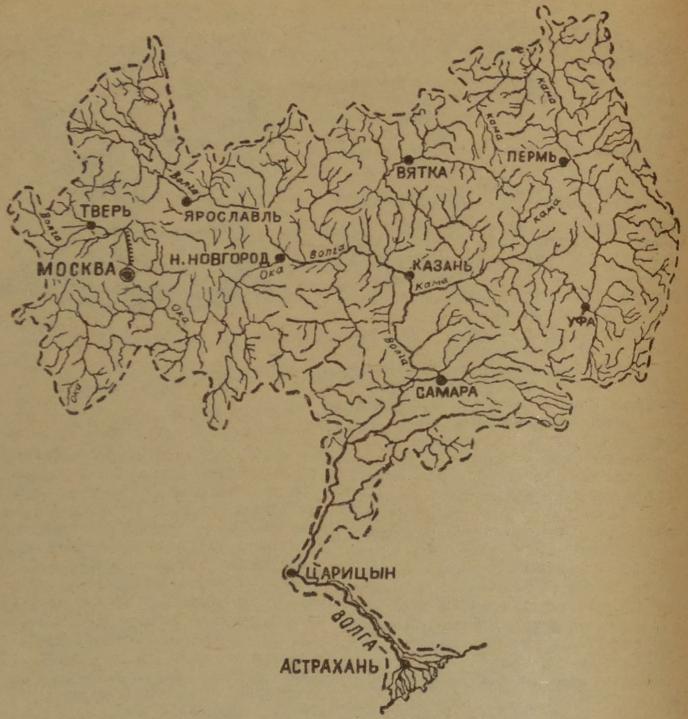


П. Березин

П. С. Березин

Опираясь на крестьянские летописи, на данные археологов и историков, Павел Севастьянович и создал свои замечательные книги. Не добившись публикации, он не отчаивался: перепечатывал сам на старенькой пишущей машинке и сдавал рукописи в музеи, в библиотеки. Фрагменты из его труда публиковались в районной газете. И тысячи людей хранили вырезки из газет в шкатулках, за иконами. Я видел, как их доставали оттуда, когда в разговоре о старине требовался самый весомый аргумент — вот что писал Березин! Труд Павла Севастьяновича стал в Заветлужье настоящей народной книгой, известной каждому мало-мальски просвещенному человеку. Книгой, помогающей разобраться, кто ты есть на свете, откуда ты. В 1994 году студенты и преподаватели Нижегородского университета издали книгу П. Березина в фольклорно-краеведческом сборнике «Заветлужье». Книга печаталась на средства студентов и преподавателей, и потому ее тираж составил всего 500 экземпляров.

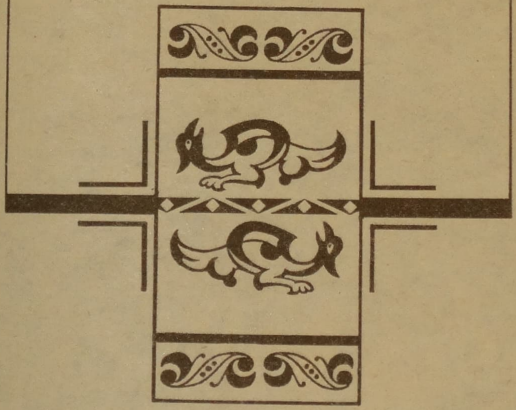
Н.В. МОРОХИН,
кандидат филологических наук
г. Нижний Новгород

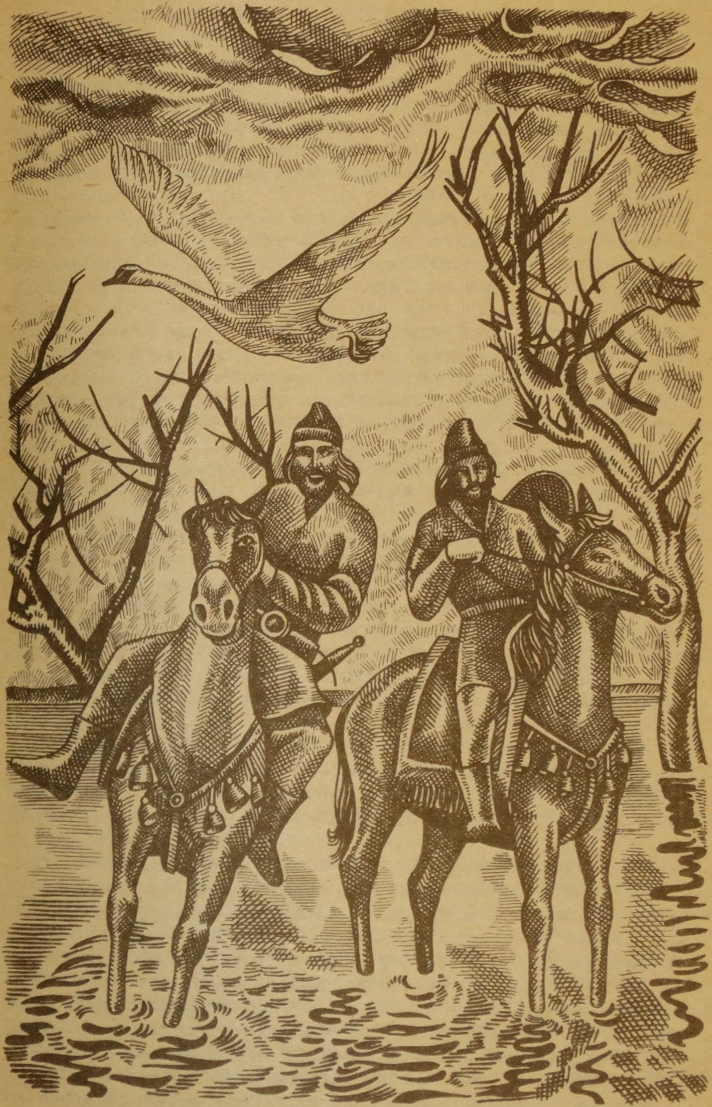


Семь тысяч рек — ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль.— семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых, до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.
И в том родстве переплетенном
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле.

А. Т. Твардовский

Предания о скифах





КУДА ИСЧЕЗЛИ СКИФЫ И САРМАТЫ?

Мы знаем из истории, что вся почти северо-восточная часть Европы, часть Азии между Аральским и Каспийским морями, от 45 до 55 градусов северной широты, большая часть Малой Азии заняты были некогда народом, игравшим великую роль во всемирной истории. Действия этого народа далеко простирались на юг, север и запад. Греки называли этот народ Скифами и делили его на несколько племен (Геродот).

Так называли греки народ, которого они не знали. Сведения их о нем основывались только на показаниях караванных путешественников и торговцев. Что «Скифы» не есть родовое имя этого народа, в том сознается и сам Геродот; он говорит: Скифы сами себя называли сколотами.

Греки, по сделанной однажды привычке называть народ произвольно придуманным ими именем — Скифами, продолжали употреблять это название и тогда, когда уже он им известен был сперва под прозвищем сарматов, а потом под другим, грозным для Византии именем Руссов, державших греческих императоров в постоянном страхе и неоднократно приводивших их в трепет.

Анна Комнена, Киннам и Константин Багрянородный называют их еще Скифами, когда уже все прочие истории именуют Руссами.

Предание говорит нам, что Скифы имели также свою баснословную историю, которую историки передают трояко, согласно тому, как они слышали ее из разных источников.

1) Геродот пишет, что, по преданию Скифов, первый человек, пришедший в их страну, по имени Таргитай, был сын Зевса и Днепровской девы (русалки?), дочери Днепра.

2) Диодор рассказывает, вследствие другого скифского мифа, что первый скиф был сын Зевса и родившейся от земли (апии) девы, названной Эхидною.

3) Понтийские греки говорят, что будто Геркулес, пришед в эту страну, прижил с девою-змеею, по имени Эхидною, трех сыновей: Агатирса, Гелона и Скифа, из которых последний приял, по воле богов, это царство, а прочие поселились подалее, на запад от него.

Мы впоследствии докажем, что размещение этих мнимых трех братьев, по протяжению от востока к западу, взято с натуры понтийскими греками. А теперь рассмотрим, какое пространство занимала Скифия, и какие племена в ней сидели.

В истории мы видим два огромных царства Скифов, еще с приселками или выселками их, занимавшие значительную часть Азии и почти половину Европы. По показанию Геродота, часть этих Скифов сама себя называла сколотами; персы называли их саками. Плиний говорит, что их же называли и хазарами; Эратостен (+ 196) утверждает, что Скифами прозвали их понтийские греки, а по древней географии страна и народ Рось, расположенные по

Араксу, названы были Скифами от других народов.

Геродотова Скифия занимала 16 000 000 квадратных стадий, или 640 000 квадратных верст. Она занимала всю южную часть Птолемаевой Сарматии, которой описание показано ниже. На север она доходила только до истока Дона, но на запад она заходила за пределы Сарматии, а именно до Фракии (позднейшей Мезени), нынешней части Болгарии, и врезываясь в Молдавию и Валахию; на восток границею ее было Азовское море, на юг Черное море и Крым; север же не показан, упомянуто только, что за Скифами сидят Меланхлены.

Народы ее, калипиды и алазане, ведущие скифскую жизнь, признаны всеми позднейшими историками за алан; около них, по его сказанию, сидят земледельческие Скифы; древние кимры, подданные Скифов и алан; другие земледельческие скифы-борисфениты; далее кочующие Скифы; королевские же Скифы живут от Герроса до Тавра. Кроме того Скифы сидели у Аральского моря — это массагеты, между изгибов Яксарта, в битве с которыми пал Кир. А на восток от выселившихся Скифов сидели исседоны (азыданы).

Сведения Геродотовы не простирались на север выше Харьковской губернии по той причине, что он почитал Балтийское море идущим дугою к Каспийскому. На основании этого северо-восточная оконечность Геродотовой Скифии и не смыкается в описании его с северо-западною. Ясно, что он не знал, какие именно племена, Скифские или не Скифские, жили на севере, ибо его описание очевидно не окончено с северной стороны, а то, может быть, что Скифия покрыла бы и всю Сарматию Птолемая.

Плиний также говорит о Великой Скифии, идущей от Дона на восток и север, и о Малой — от Дона к Днепру и далее на запад. При этом он прибавляет: но населено ли все это пространство между Лабою и Доном, и кем населено — то неизвестно.

Страбон то же говорит о большой или азиатской Скифии, находящейся на том же месте, но только имя Скифов он часто смешивает уже с Сарматами.

Древние историки говорят, что междоусобия в скифских степях, при Черном море, произвели то, что множество Скифов перешло опять в Азию. Эти Скифы покорили Мидию и владели ею 28 лет; они же покорили Ассирию и доходили до Египта, соорудя на пути туда, в Малой Азии, город Скифополь.

Дарий воевал в 480 году до Р. Х. со Скифами черноморскими.

У Римлян вся нынешняя Россия и придунайские земли названы были Скифиею. Географ Равенский включает в число скифских владений и Скандинавию. Он помещает Великую Скифию, в которой жили хазары и славяне новгородские, между мурман, финнов, карпов и роксолан — это владения, составляющие одну новгородскую область. Вероятно имя Новгорода «Великий» дало ему повод назвать и полагаемую им тут Скифию Великою.

При Птолемае Тавроскифы жили у Ахиллесова пролива.

В 400 году до Р. Х. готы покорили гетов и Скифов при устье

Вислы; следовательно и на устье Вислы сидели Скифы.

В трех верстах от Симферополя находилась в старину скифская крепость Неаполь.

Там, где нынешний Акерман, сидели Скифы под именем тирагетов.

Олоферн, военачальник Навуходоносора, ополчался между Гаваем и скифским городом.

За несколько лет до Р. Х. геты фракийские отняли у Скифов земли между Дунаем и Днепром. Стало быть Скифы сидели до самого Дуная.

Мела, называя все пространство между Лабою и Доном Сарматиею, указывает на находящиеся подле этой Сарматии азиатскую (значит за Доном) и пространную европейскую (значит от Дуная до Днепра) Скифии.

Siginni (сигуны), по древней географии Скифы, выселившиеся из Египта и севшие за Каспием. Но Сигуном называлась нынешняя река Сыр-Дарья (у древних Яксарт), следовательно Скифы и у Аральского моря, и в Египте.

Аорси показаны Сармато-скифским народом на северо-западной стороне Каспийского моря. Это у устья Волги, где сидела, по другим историкам, Рса приволжская.

Арихи — скифское племя, сидевшее между Азовским морем и Кавказом.

Далмация причислялась в старину к Фракии, а вместе с нею к Скифии, следовательно и в Далмации сидели Скифы.

Дамна, город в Азии, жители его Дамняне-Скифы.

Кельты названы Скифами. Адам Бременский называет Винету скифским городом.

Нестор пишет, что греки называли Великою Скифиею полян, древлян, северян, родимичей, вятичей, хорватов, дулебов, оуличей и тиверцов до самого моря.

Из этого мы усматриваем, как широко раскинулись мнимые Скифы по Европе. И Фукидид в 460 году до Р. Х. говорит, что Скифы есть многолюднейшее племя в мире.

Теперь перейдем к Сарматам. Начнем с праотца истории Геродота: он говорит, что Сарматы скифского племени, ибо они говорили скифским языком, но другим наречием, а по этому Геродот и замечает, что они говорили испорченным скифским. Каждое племя считает свое наречие чистым, а прочие, к тому же языку относящиеся, испорченными. Очень естественно, что наречие мидийское могло разниться с наречием придонским, а потому скифский градоначальник, сообщивший Геродоту эти сведения, и сказал ему, что Сарматы говорят испорченным скифским языком.

У Птолемая местами сливается Скифия с Сарматией. Он говорит, что границы европейской Сарматии были: на север — Северный Океан и Веденский залив, на Запад Висла до истока своего, а на юг Сарматские горы, далее Тирас и от него до устья Борисфена (Днепра), оттуда до Перекопского залива, на восток по Мео-

Сарматовъ	Геродотъ, Страбонъ и другіе
Гунновъ	всѣ почти историки.
Массагетовъ, Тирагетовъ, Роксоланъ	почти всѣ греч. историки.
Хазаръ	Плиній.
Радимичей, Вятичей, Хорватовъ, Дулебовъ, Оуличей, Тиверцовъ — или вообще славянъ	Греки (по Нестору).
Славянъ	Птолемай и мн. византійцы.
Аланъ, Аорсовъ, Ахтырцевъ (Agathyrsi (*))	Птолемай.
Руссовъ	Свидасъ, древняя географія, Конст. Багрянород., Анна Комнена, Левъ Діаконъ, Киннамъи м.д.

тийскому (Азовскому) заливу до устья Танаиса (Дона) и вверх по этой реке до ее истока и до земли неизвестной.

В южной части этого обширного пространства находилась Геродотова Скифия, описанная им в 4 книге, где он дает первые намеки о стране, дотоле неизвестной грекам.

Из этого явствует, что ни Геродот, ни Птолемай, ни даже позднейшие историки, не знали настоящих границ этих царств на севере; ибо ни у кого из них эти границы не смыкаются, и ни один историк не мог совершенно отделить Скифии от Сарматии, то тут заходит углом Скифия в Сарматию, то там Сарматия, в свою очередь, в Скифию, а в иных случаях они совершенно совпадают в одном месте, и даже у одного и того же писателя.

Но мы еще более убедимся, что одному и тому же народу дано два имени, если сообразим все то, что говорят историки о них. Геродот говорит: Сарматы скифский народ, ибо они говорят скифским языком; следовательно, из Мидии переселены были не Мидяне, а Скифы, названные почему-то Сарматами.

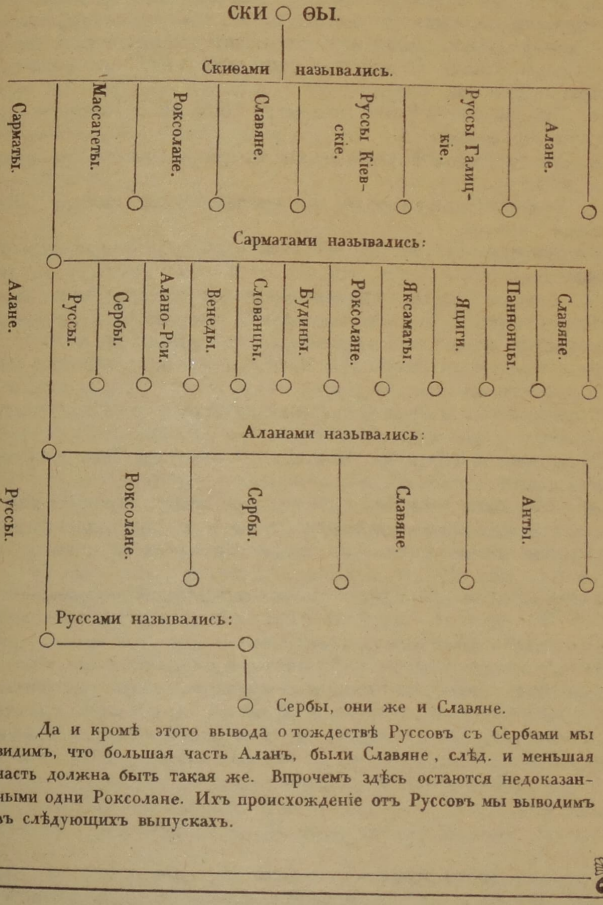
Птолемай говорит: Алане скифский народ. Он же говорит, что внутри Сарматии живут алаунские Скифы, они составляют ветвь сильных Сарматов и называются Алаунянами. Некоторые историки говорят, что Aorsi Сармато-Скифский народ и что сербы (Sirbi — С'рбы), народ в азиатской Сарматии, за Волгой, сарматского племени.

САРМАТАМИ НАЗЫВАЮТЪ:

Скиѳовъ	Геродотъ.
Гунновъ	Многіе.
Аланъ-Руссовъ (Alanorsi)	
Тавроскиѳовъ	
Ахтырцевъ (Agathyrsi)	Скимнъ Хіос.
Аланъ Скиѳовъ	Птолемай и Регір.
Аорсовъ	Pont, Eux.
Антовъ	
Аланъ	Маркіанъ Геракл., Птолемай, Шафарикъ и др.
Роксоланъ (Русь-аланъ)	Тацитъ, Антонъ и д.
Яксаматовъ	Шафарикъ и д.
Яцыговъ	Ам. Марц., Св. Іерон. Шафарикъ и д.
Венедовъ	Пеутин. табл. Птолем. Прокопій, Папа Сильвестръ II-й, Клуверій.
Славянъ разныхъ племенъ	Птолемай, Ам. Марцел. блаж. Іеронимъ, Іорданъ, Антонъ и м. др.
Сербовъ	Плиній Прокопій, Антонъ.
Руссовъ	Халкокондила.

АЛАНАМИ НАЗЫВАЮТЪ:

Русь-Аланъ (Roxolani Roxi-Alani, Rossi-Alani)	Плиній. Тацитъ. Страбонъ.
Антовъ	Прокопій.
Славянъ	
Порусей, Порусичей (Borussi-Borusci)	Птолемай.
Руссовъ или Россовъ	Грузинская исторія.



Да и кромѣ этого вывода о тождествѣ Руссовъ съ Сербами мы видимъ, что большая часть Аланъ, были Славяне, слѣд. и меньшая часть должна быть такая же. Впрочемъ здѣсь остаются недоказанными одни Роксолане. Ихъ происхожденіе отъ Руссовъ мы выводимъ въ слѣдующихъ выпускахъ.

I

Первые Сарматы, или Сарматы Геродота говорили скифским языком. Попытаемся доискаться, какой же это был скифский язык. Историки говорят, что Сарматы, переселенные Скифами, впоследствии избили Скифов и расселились по всему пространству, называвшемуся уже потом их именем — Сарматиею, след. все Сарматы продолжали говорить тем же скифским языком, но другим наречием, которое Скифы сами называли испорченным, т. е. не чистым. Посмотрим, какой же это был скифский язык, которым говорили Сарматы. Вон он:

1) Скифы Анны Комненой, Льва Диакона и Киннама говорили *русским* языком.

2) Тавроскифы Константина Багрянородного говорили *русским* языком.

3) Велико-Скифы греческих писателей, по Нестору, говорили *русским* языком.

4) Сарматы (Руссы) Халкокондилы говорили — *русским* языком.

5) Алане (Росси) в грузинской истории — разумеется, *русским*.

6) Сарматы Папы Сильвестра II говорили *венедским* языком, а венедский язык есть наречие славянского.

7) Сарматы (Яциги и Паннонцы) Ам. Марц. и блаж. Иоронима говорили *славянским* языком.

8) Сарматы (Анты), признанные всеми за славян, говорили, разумеется, *славянским* языком.

9) Сарматы (Сербы) Плиния и Антона говорят и теперь *славянским* языком.

10) Сарматы (Венеды) Пеутингер. табл. Прокопия и Птолемая, как занимавшие одно и то же место с Сарматами Папы Сильвестра, говорили одним с последними языком, следовательно, *славянским*.

11) Сарматы (славяне) разных историков — *славянским*.

12) Все вообще Сарматы Апендини — *славянским*.

13) Алане (Анты) *славянским*.

14) Алане в северной Франции — *славянским*.

Следовательно, все приведенные здесь Скифы, Сарматы и Алане говорили если и разными наречиями, то все-таки *славянскими*. Нет сомнения, что и прочие, не приведенные здесь племена, говорили одним с этим языком, но мы еще не можем представить наших о том выводов вполне.

II

Главная черта мифологии этих народов:

По Геродоту Скифы поклонялись мечу, в виде бога войны.

По Клементию Александрийскому, Сарматы поклонялись мечу, в виде бога войны.

По Нестору Руссы поклонялись мечу, в виде бога войны.

По Аммиану Алане поклонялись мечу, в виде бога войны, Вода.

По Гельмольду Славяне поклонялись мечу в виде бога войны, Вода, которому в Ретре построен был особый храм.

Конечно, мы находим у них некоторую разность в прочих кумирах; но когда есть расколы между христиан в одной общей истине, данной нам по откровению Божию, то как не быть им у идолопоклонников, созидавших себе идолов по своему произволению и дававших им имена и приписывавших им действия по своему воображению.

Нужно ли говорить, что и по этому выводу все вышеозначенные народы должны быть одноплеменны?

Прибавим только, что Геродот говорит о Скифах то же, что Тацит о Венедах, Прокопий об Аланах. Аммиан Марцелин описывает Алан как Руссов.

Но попробуем теперь еще по другим выводам доказать то же самое.

Нет сомнения, что в доисторические времена России греки могли иметь только некоторые и то неясные сведения о севере Европы, искаженные разного рода мифами. Это подтверждается неясностью всех византийских сказаний о мнимой Скифии. Так, несомненно, одноглазые аримаспы греков означали никого другого, как кривичей (кривой есть одноглазый). Вероятно, греки воображали, что это племя потому только и зовут кривичами, что они одноглазые и на основании этого мнения снабдили своих аримаспов одним только глазом. Так, их гиперборейцы живут очень долго и потом, наскучив жизнию, кидаются в море. В числе восточных племен скифских мы находим у греков и аридов, имя которых сохранилось только в летописях, а долговечность их в пословице, принадлежащей единственно одному только русскому народу: *«живет аридовы веки»*, т. е. очень долго. (Есть и в настоящее время географическая местность, дающая повод думать, что там жил народ ариды; это Арад на Каспийском море и другой, Старый Арад при реке Маросе, в Венгрии).

Очень естественно, что такие сведения дошли до греков по путям торговли, проходившим без сомнения в эти и чрез эти страны. Стоит только вспомнить торговлю янтарем при Эридане, несмотря на то, что будет ли это Висла, как некоторые толкуют, или Радун, близ Данцига или, наконец, Rhudon (Рудяная) позднейших историков, т. е. Западная Двина; все эти три реки находятся в пределах европейской Сарматии, называвшейся также и Скифиею, и близки были от янтарных промыслов. Кроме того уже при Геродоте торговля шла из Ольвии вверх по Днепру, внутрь России, тогдашней Скифии.

Общее имя Скифов за 150 лет до Р. Х. сошло тихо и мирно с лица земли, без тревог народных. После того времени только кой-где мелькает это имя у историков и остановилось на время на одних Руссах.— Куда же девался этот народ, занимавший половину

Европы? Как он исчез, или сошел с своего места, не произведя волнений своим массивным движением? Какие тайные причины могли побудить его к такому движению? ибо явных причин история не знает.

Соображая все вышесказанное, мы должны заключить, что народа — Скифов — не бывало. Оно и действительно так; ибо сам Геродот говорит, что народ, прозванный Скифами, сам себя называл сколотами, следовательно, Скифы было только прозвище этого народа.

«Сколоты» — слово русское. В великороссийском наречии сколоты значит хлопоты, сколотин — хлопотун. Впрочем, есть речка Сколотка в Харьковской губернии, Школовка или Шкловка в Могилевской губернии, Колота в Варшавской губернии, река Колоча в Смоленской, Колокша в Ярославской и Владимирской губерниях, Колоча, славянской городок в Венгрии и местечко Шклов, в Могилевской губернии.

Какой же это народ — Скифы? К какому племени он принадлежал? Из одного имени «Сколоты» нельзя еще определить, что это были Руссы, ибо имя «Сколоты» могло принадлежать одному только какому-либо мнимо-скифскому племени, следовательно это не родовое, а только видовое имя Скифов, да Геродот и получил это сведение от одного только скифского племени, с правителем которого лично беседовал, следовательно, и правитель говорил ему только об одном своем племени. Но соберем здесь несколько фактов, объясняющих нам родовое имя скифского народа.

1) Геродот пишет, что Скифы не есть собственное имя народа.

2) Эратостен (+ 196) пишет, что Скифы получили это название от понтийских греков.

3) По древней географии значит, что страна и народ Россы, расположенные по Араксу, прозваны были Скифами от других народов.

4) Свидас и некоторые другие пишут: Скифы или Русь, следовательно, они подтверждают то, что сказано в древней географии.

Из этого явствует, что народа Скифов не было, а что прозваны были этим именем Росси. И, действительно, греки продолжали употреблять для них имя Скифов даже и тогда, когда народ Росси был уже известен в Европе под своим собственным именем:

1) Анна Комнена называет Руссов с 1092 по 1120 год Скифами.

2) Лев Диакон называет их также Скифами.

3) Константин Багрянородный называет их Тавроскифами.

4) Киннам называет Галицких Руссов Тавроскифами.

Но Кедрин в то же время уже называет их Руссами.

Хотя Скифами называли греки и многие славянские племена, но первых они прозвали так Россей и последние были Росси, которых они называли, по старой привычке, еще тем же именем Скифов. С Россей началось название Скифов, ими и кончилось.

Следовательно, Скифы были Руссы.

Лучше поверить этим не многим источникам, нежели верить хаосу, втиснутому в историю компиляторами и, к стыду XIX века, оставшемуся по сие время неприкосновенным, подобно фактическим сказаниям.

Уничтожив имя Скифов в истории, уничтожится и много имен мнимых народов, каковы, например, конюхи и опальные, помещенные у греков под именами Heniochi и Apalä. Что действительно конюхи, по-видимому, сочтены за особый народ, явствует из следующего: в истории сказано, что Heniochi есть скифский народ, в Колхиде, между Черным морем и Кавказом, которых греки называют также вожаками, т. е. управляющими колесницами Тиндерид. Heniochos значит у них уздодержатель и вожак колесниц. По нашему мнению, уздодержатель или вожак колесницы есть конюх. Неужели же греки называли конюхов особым народом? а более никакого занятия, ни дела, ни следа этого народа не видно. Этих гениохов следовало бы и прежде Скифов вычеркнуть из истории, несмотря на то, останутся ли они греческими гениохами и вместе с тем уздодержателями, или будут славянскими конюхами. Но вообще должно заметить, что между словами *Heniochi* и *конюхи* есть много созвучности, а в занятиях и тех и других совершенно тождество.

Под Apalä мы подразумеваем опальных, на следующем основании: опальные русские геты, опальные сабины и из разных окрестностей тати основали Рим; опальные мнимые Скифы образовали половцев; опальные Руссы образовали Запорожскую сечь. Очень естественно думать, что греки получили сведение об своих Apalä от Скифов, а Скифы подразумевали под ними своих опальных. (Вероятно, что половцы вначале не принимали еще в свое сообщество татар, и потому не могли составить смесного народа, какой они представляли впоследствии, а были чистые Скифы).

Попытаемся теперь розыскать: от чего Скифы могли получить такое название. Из Геродота видно, что Скифами греки называли еще до него народ, признанный нами за Руссов; следовательно в то время они еще менее были знакомы со Скифами и могли назвать его произвольно, как мы по сие время американских индейцев называем огненными. Первое, замечательное для них, часто повторявшееся у Скифов слово, могло служить тому основанием. Славяне же имели всегдашнее обыкновение называться не родовым, а видовым именем, почему грекам и трудно было затвердить все эти названия. Но торговый народ в России имел и имеет по сие время обыкновение употреблять при каждом торговом деле слово *«почет»*; он употребляет его при требовании уступки и при делании таковой, он говорит: почтите меня, что значит: уступите; или я вам делаю почет, т. е. уступаю. А как мнимые скифы знакомились с греками на путях торговли, то нет сомнения, что древнеобычный привет Русских: чтите, а по другому великорусскому наречию цтите — дал повод римлянам называть их сцитами, а грекам скифами.

Что честь была характеристическою чертою славянских племен, явствует и из народных песен, где воины ищут себе чести, а

князю славы. Из этого становится ясным, откуда произошло и название славян, как эпитетного имени Руссов и других племен. Не царственные ли скифы назвались прежде всех славными, а воинственные чтимыми?

На вопрос: куда ж девались Скифы? мы указываем сперва на историю. История отвечает нам на этот вопрос обычною эпитафиею: со 150 года до Р. Х. имя скифов исчезло в истории. Но каким образом оно исчезло? истребились ли все Скифы, или переселились куда в Азию? Видно, что этот вопрос кидался и прежде каждому в глаза, а потому возникли толковники: одни говорили, что Сарматы, переселенные на Дон, истребили Скифов, а другие, заметив, что это невозможное дело, объявили, что Скифы выселились.

Рассмотрим оба эти предположения:

1. *Скифы истреблены Сарматами.*

Скифы, это, по Фукидиду, многочисленнейшее племя в мире, и притом воинственное, никак не могло быть уничтожено их же, не более как придонскою, колониею; смешно даже и подумать что-нибудь подобное.

Эта колония могла сделать то же, что сделали Сарматы лиманты; допустим даже, что она могла истребить Скифов придонских, ей соседних; но чтоб она могла сделать невозможное — истребить всех Скифов, на пространстве 16 000 000 квадратных стадий, или 640 000 квадратных верст, в том мы не только сомневаемся, но объявляем это мнение ничтожным. Один только недостаток соображения обнаруживается в этом предположении.

2. *Скифы выселились в Азию.*

Но народ не может исчезать, как туман, ни двигаться, как шашки. Могли ли бы два огромные скифские царства двинуться всею своею массою, не оставя следов за собою, на изглажение которых нужна жизнь целой генерации. При движении такой массы путь не мог быть тропинкою, или ездовою дорогою; для их пути нужно было в ширину целое царство; а такому громадному действию надлежало бы отозваться у всех соседних народов. Но ни греки, ни персы, ни арабы ничего не говорят о таком исполинском движении, которого в сущности и быть не могло.

По какой же причине Скифов вдруг не стало, и на их местах очутились одни Сарматы?

Все это произошло оттого, что народ остался на том же месте, но явился только под другим именем; новое имя его Сарматы. Все дело объясняется тем, что колония Сармато-Скифов была ближайшим скифским поселением к грекам, а греки, начав, по какой-то неведомой причине, называть ближайших Скифов Сарматами, распространили впоследствии это же название и на всех Скифов. Римляне последовали грекам.

Что Скифов назвали Сарматами, явствует и из того, что не могла же небольшая придонская колония разродиться в такое огромное племя, какое названо было греками этим именем. Теория

расположения народного весьма известна и народы не грибы, для которых достаточно одной ночи, чтобы появиться во множестве даже и там, где их прежде и не бывало.

Но перейдем теперь к Сарматам.— Сарматия занимала еще большее пространство, нежели Скифия. Мы видим по истории только одно сарматское племя — Алан, вышедших частию из пределов обширнейшей Сарматии и образовавших особое государство — Аланию — на пределах Франции (в нынешнем Соммском департаменте), на реке Сомм (древней Самаре); прочие Сарматы преобразились в Славян. Но здесь уже гораздо заметнее причина перехода имени Сарматов в разные племенные славянские названия. Со времени войн римлян с Сарматами и победе первых над последними постепенно начали выказываться настоящие племенные названия народов, слывших, только по неведению греков и римлян, под общим именем Сарматов. Таким образом дошел черед и до остальных, или самых дальных, т. е. до Руссов, и последняя печать сарматизма наложена была Халкокондилою на них. Это было тогда, когда вся прочая Европа давно называла их Руссами.

А как народы не могут, как снег, таять от солнца, то мы должны заключить, что народа Сарматов — также не было, как не было Скифов.

Доказав, что одни и те же славяне назывались обоими этими именами, мы получаем в истории большой простор, вся неразъяснимая путаница отпадает, как нарост, от здорового тела. Нет никаких неестественных истреблений и переселений народов; нет бесчисленных вторжений, на бумаге одним почерком пера совершающихся, и огромнейшее племя в мире — Скифы — и большее того, по показанию Птолемая, племя Сарматов, и великое племя Славян, число которых сравнивают историки с числом звезд на небе, остаются не тревожимы, сливаясь в один и тот же народ. Нет надобности ни переселять одних, ни вторгаться другим. Здесь ясно, что имя Скифов относится к одному племени Руссов, а имя Сарматов к разным племенам; одним словом, все идет своим чередом, и все, что сказано о Скифах, Сарматах и славянах, составляет одно целое, нераздельное, из которого нужно только исключить все то, что относится к истории монголов и, также по неведению греков, смешано с историею славян. Особенно же полезно то, что история очистится от тяготеющей в ней тучи племенных названий, не составляющих племен, и до 40 народов и народцев вычеркнутся из летописей.

Но откуда же могло возникнуть имя Сарматов? Диодор говорит, что Сарматы выселены из Мидии, следовательно, они были Мидийцы. Почему же греки назвали их Сарматами?

Венелин искал корня этого слова в греческом языке и потому производил Сарматов от ящероглазых. Нам кажется это мнение ошибочным во-первых потому, что нельзя назвать славян ящероглазыми, во-вторых не у всех племен славянских одинаковые глаза, в-третьих сарматами названы были некоторые племена и не

славянские, как например Финны (у Птолемая), и наконец оказывавшееся Сарматам предпочтение пред другими племенами, вероятно, основано было не на ящеричных глазах.

А что Сарматам оказывалось предпочтение, явствует из того, что их переселяли скифы к себе, кельты к себе, римляне к себе и византийцы к себе, тогда как прочих, как например гетов побежденных, они продавали в рабство и часто истребляли мечом. Если б Сарматы были мирный народ, то, может быть, они и могли бы заслужить такое предпочтение, но, наоборот, они более всего и беспокоили римлян. Вероятно, Сарматы пользовались этим предпочтением по какому-либо особенному искусству или ремеслу.

Мне кажется, что корень этого слова надобно искать в славянском языке, как и корень имени скифов. Известно, что в начале у греков с славянами (скифами) были сношения только на путях торговли. Известно также и то, что на ярмарках спрашивают купцов по товару, а не по стране, в которой они живут, так, например, говорят: приехали ли железники или кожевенники? когда будут рыбники? и т. п. Очень естественно, что и на тогдашних торжищах греки называли людей по товару, как, например, торговавших лунтаями — Lantani, курпами — Carpi, зипунами — Zipani, Sipani, какатами — Zacati, малахаями — Malachita, струнями — Strusi, Sturni, харапаями — Carpagi, чепанами — Cepini, бродцами (рыболовными сетями) Brodnizi. На этом же пути и сыромятники могли получить название Sarmatae или Sauromatae. Во многих местах Малороссии и теперь называют сыромятников — сырмате, а мастеров дубленых кож — кожемате.

Если принять это в основание, тогда нам ясно будет, почему историки писали Scythae-Sarmatae, Venedi-Sarmatae, Lugiones-Sarmatae, и пр., ибо тут уже разделение сыромятников по народам, для определения относительной ценности и доброты товара.

Известно, что приготовление сыромятных кож принадлежало преимущественно славянам и товар этот шел во все страны, когда еще делали из него и конскую збрую и воинские щиты (Кассубы со своими огромными кожевенными заводами ясно указывают, отчего Венеды попали также в Сарматы).

Всеобщая потребность этого товара действительно могла быть побудительною причиною всюду переселять сарматов при первой к тому возможности. Этим положением объясняется, что сыромятный товар составлял одну из главнейших ветвей торговли славян. Этим же положением определяется и скорое распространение имени сарматов на местах скифов и прочих славян, никогда не трогавшихся с места. Этим объясняется, почему переселенные скифами сарматы были скифского племени; этим объясняется, почему в Птолемаевой Сарматии сидят еще скифы, славяне и ахтырцы не сарматы. Объясняется — почему его Скифия совпадает с Сарматиею: Птолемай в своем описании Сарматии смешал два описания, а именно показание размещения племен, и показание размещения торговых производств, где он, на том же основании,

принял и названия Carpi, Strusi и прочие за особые племена.

Зная, что Руссов называли Скифами, Троянами и Славянами, мы переносим на первых, т. е. на Руссов все те отличительные черты, которые засвидетельствованы порознь за всеми тремя относительными их названиями историками фригийскими, греческими, римскими и немецкими, и из сего сгруппирования свойств и развития одного и того же народа оказывается, что просвещение древних Руссов и старше и выше греческого. Мы приведем здесь только некоторые факты, к этому предмету относящиеся:

Геродот говорит, что самые умнейшие люди, которых он знал, были Скифы.

Страбон защищает Скифов, говоря, что если они приняли что-либо дурное в свой обычай, то заимствовали это у Греков и Римлян.

Дит и Дарет говорят, что Руссам Троянским известны были музыка, живопись, механика, комедия и трагедия.

Римский посланник к Аттиле говорит, что Скифы (Унны) самый правдивый народ и лжи не терпит.

Адам Бременский утверждает, что Скифам известен греческий огонь, называемый у них вулкановым горшком.

Все историки единогласно подтверждают, что Скифы лучшие воины, а Свидас свидетельствует, что они издревле употребляли знамена в войсках, чем доказывается регулярность в их ополчениях.

По Эфору Анахарсис — Скиф, причислен был к числу семи мудрецов.

По сказанию многих писателей в 670 году до Р. Х. некто Скиф или гиперборей — Аварис творил чудеса в Греции.

Промышленность Скифов также опережала таковую же у всех прочих народов; ибо известно, что Скифы изобрели сталь, огниво, нелинючие краски, выделку кож сыромятных и юфти; им известно было бальзамирование трупов, что они и исполнили над трупами царей своих; им же принадлежат и первые горные работы и разные другие открытия и изобретения. Астрономия Скифов (Халдеев) есть, сколько известно, старшая у всех народов.

Скифские письмена, сохранившиеся в некоторых скандинавских и всех поморских рунах, а также и по левому берегу Енисея, повыше Саянского отрога, свидетельствуют, что служили образцом для древних греческих письмен, равно для Кельтских и Готфских алфавитов.

Скифы верили в бессмертие души и в будущую загробную жизнь, а равно и в наказания загробные. Их определение и идея о Творце вселенной не сделает стыда и христианам.

Но все приведенное нами составляет только отрывки из разбитой по разным сказаниям истории развития и просвещения Скифов; главные их аргументы без сомнения утрачены все во время политических волнений на востоке, пожиравших и истреблявших все огнем и мечом, и Греки только потому так выдались вперед, на

Женская одежда скифо-сарматской эпохи по прориси 6-кратного увеличения фотографии с нашивной бляшки Чертомлыцкого и Куль-Обского курганов

первый план народов просвещенных, что известия о них более сохранились.

Давно бы пора нам, русским, собрать все иностранные сочинения о России, написать совокупный обзор их, заклеймить печатию отвержения те из них, которые недостойны, по предмету истории, чтения, и тем избавить молодую нашу генерацию от напрасной траты времени на прочтение пустых, ничтожных и преисполненных ошибок и лжи сочинений, а вместе с тем указать и на те, которые могут служить руководством.

Конечно, нужно на это много времени, еще более деятелей и несколько таких словарей, каким нас подарила Санкт-Петербургская Академия Наук, под заглавием: Опыт областного Великорусского словаря. Полезно бы было будущему изданию его дать направление историческое, а собирателям слов подобную инструкцию. Исполнение этого было бы великим и славным делом для истории России. Тогда вся древняя история Европы, запятнанная местами неведением и невежеством некоторых псевдоученых, очистилась бы как зеркало!

Егор КЛАССЕН

1854

(Из труда «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова»)

СКИФЫ И ПЕРСИДСКИЙ ЦАРЬ ДАРИЙ

Персидский царь Дарий покорил почти весь мир, только гордые скифы еще не подчинились ему. Скифы были тогда очень сильны, и сановники Дария советовали своему властелину не вторгаться в дикие скифские степи, не начинать войну с могущественными племенами, обитавшими на огромном пространстве — от Русского моря до великой реки Ра — Волги. Но царь, никого не слушая, собрал войска и двинул в степи все подчинившиеся ему народы. Было в его флоте шестьсот кораблей, воинов же — более семисот тысяч, считая с конницей.

По пути, прежде чем дойти до Истра (Дуная), покорил Дарий гетов, верующий в бессмертие души. Обитатели Салмидесса, а также те, что живут выше городов Аполлонии и Месамбрии,— кирмиане и нижеи — сдались персам без боя, только наиболее мужественные и справедливые фракияне отчаянно сопротивлялись, но, как и геты, они были покорены.

Вера гетов в бессмертие души состоит в следующем: они убеждены, что не умирают со смертью, но удаляются к божеству Салмоксису; некоторые из них называют этого бога также Гебелейзисом. Через каждые четыре года на пятый они, по указанию жребия, посылают из своей среды одного человека к Салмоксису в качестве вестника; при этом ему дается поручение рассказать божеству о тех затруднениях, которые в данный момент испытывает народ.

Вестника посылают таким образом: одни выстраиваются в ряд с тремя метательными копьями в руках, другие берут посланца к Салмоксису с обеих сторон за руки и за ноги и подбрасывают его высоко в воздух, так, чтобы он упал на копья. Если проколотый человек сразу умрет,— значит, божество милостиво к гетам; если же он остается жить некоторое время, геты считают вестника человеком недостойным и порочным и отправляют к богу другого посланника. Поручения же даются гонцам в лучший мир еще в этой жизни.

Фракияне, напротив, не боятся небесных богов: они пускают в небо стрелы во время грозы, целятся в молнию, свою стрельбу сопровождают угрозами — никакого иного бога, кроме бога своего племени, они не признают...

Узнав о приближении вражеских войск, скифы на совете решили, что они одни, в открытом бою, не в состоянии отразить полчища Дария. Они разослали гонцов к соседним племенам, и вожди их собрались для совещания. Были тут цари разных племен и народов: тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов. А савроматы в то время не были так могущественны, как впоследствии; тогда они только начинали появляться в скифских степях, и скифы были самыми сильными из всех людей степи.

К собравшимся властителям и вождям явились послы с изве-

стием, что персидский царь покорил своей власти все народы Азии, проложил мост на шее Босфора и перешел на тот берег. Здесь, покорив фракиян, он соединил мостом берега реки Истра, намереваясь подчинить себе страны и по эту сторону реки.

Собравшиеся вожди стали совещаться между собой, и мнения их разделились. Цари гелонов, будинов и савроматов единодушно обещали помочь скифам; цари агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов, напротив, дали такой ответ:

«Защищайтесь сами. Если бы персидский царь вторгся в нашу землю и первый обидел нас, мы не остались бы в покое; пока же мы будем наблюдать и сидеть спокойно на своих местах; нам кажется, персы явились не к нам и будут воевать только с вами».

Скифы выслушали ответ и решили: ввиду того, что соседние племена отказывают им в союзе, не давать персам настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность.

К одному из скифских отрядов присоединились савроматы; они должны были отступать перед персидским царем по направлению к реке Танаису (Дону), вдоль озера Меотиды (Азовского моря) вспять. Это была одна часть людей скифского царства, расположившаяся на пути Дария; а две другие части царских скифов соединились в союзе с гелонами и будинами, и также должны были идти впереди персов на один день пути, отступать перед ними и действовать согласно заранее принятому решению.

Повозки со стариками, детьми и женщинами и весь скот вместе с ними были отправлены с приказанием идти все время на север; при себе оставлено было лишь столько скота, сколько требовалось для прокормления, все остальное отослали вперед.

Скифский передовой отряд напал на персов в трех днях пути от Истра. Затем воины расположились лагерем на расстоянии одного дня пути от врага и при этом уничтожали перед собой всю растительность, персы же напали на скифскую конницу и непрерывно преследовали ее по направлению к востоку и Танаису. Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно персы, пока, наконец, не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов...

На всем пути через Скифию и Савроматию персы не находили ничего для истребления, так как все было заранее опустошено; но, вторгшись в землю будинов, они напали на покинутое деревянное укрепление и сожгли его. Затем они продолжили путь все дальше по следам неприятеля, прошли землю будинов и вступили в пустыню.

Между тем скифы обошли эти земли сверху и возвратились в свою область. Так как они совсем исчезли из виду и не показывались больше, персы повернули назад и пошли к западу, им думалось, что скифы там и что они все еще убегают на запад.

Очень быстрым переходом снова достиг Дарий Скифии и здесь

повстречался с двумя другими отрядами скифов; он погнался за ними, но они все время отступали, держась впереди на один день пути. Персы преследовали их неотступно, а скифы, согласно своему решению, убегали в землю народов, отказавших им в союзе,— прежде всего в землю меланхленов.

Вторгнувшись сюда, скифы и персы разорили народ, а затем скифы двинулись во владения андрофагов; разграбив и эту землю, они отступили к Невриде. По разорении этой страны скифы бежали к агафирсам и затем через Невриду повели персов за собой обратно в свои владения.

Так как все это длилось долго и не предвиделось конца странствованиям, то Дарий послал всадника к скифскому царю со следующей речью:

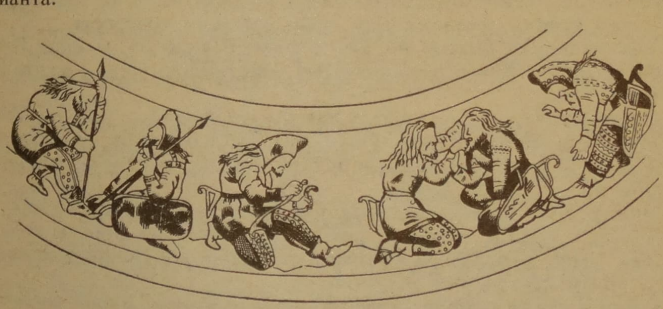
«Зачем ты, чудак, все убегаешь от меня, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостоять моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее меня, то также приостанови твое бегство и приди для переговоров к твоему владыке с землею и водою в руках».

В ответ на это царь скифов возразил:

«Вот я каков, перс. Никогда я прежде не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя; я не делаю теперь ничего нового сравнительно с тем, как поступаю обыкновенно в мирное время. Почему же я не тороплюсь сразиться с тобою, я тебе объясню.

У нас нет городов, нет засаженных растениями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если же вы хотите ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков; разыщите их, попробуйте разрушить — тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет».

Таков был ответ, сообщенный вестником Дарию, потому что скифские цари пришли в негодование, когда с ними заговорили о порабощении, и они решили не водить более персов, но нападать на них каждый раз, как только те будут заняты добыванием провианта.



Скифы. Рисунок на скифском сосуде.

Так и поступали, подстерегая, когда воины Дария выходили за хлебом. Что касается конницы, то скифская всегда обращала в бегство персидскую; персидские всадники бежали до тех пор, пока пехота не подкрепляла их; тогда скифы поворачивали вспять. Так нападали на персов не только днем, но и ночью.

Одно странное обстоятельство помогало персам, препятствуя нападению скифов. Это — крик ослов и вид мулов. В скифской земле до того совсем не знали этих животных. Громким ревом они расстраивали ряды скифской конницы; при всяком нападении на персов, когда скифские лошади слышали крик мулов, они пугались и, встревоженные, обращались вспять, навостряя уши, так как никогда раньше не слышали таких звуков и ничего подобного не видели. Впрочем, скоро лошади привыкли и перестали шарахаться от диковинных животных.

Как только скифы заметили движение в персидском стане, они употребили следующую хитрость для того, чтобы подольше удержать их в Скифии и заставить все это время терпеть нужду во всем: несколько раз они покидали часть своего скота вместе с пастухами, а сами медленно переходили на другое место; тогда персы делали набег, скот уводили с собою и ликовали по случаю каждой добычи.

Случалось это много раз, пока, наконец, Дарий не оказался в затруднительном положении. Скифские цари заметили это и отправили к нему глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спросили посланца о значении подарков, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвратиться; при этом он предлагал самим персам, если они догадливы, уяснить себе значение полученных в дар предметов...

Что же символизировали дары скифов? Персы начали совещаться. По мнению Дария, скифы отдавались ему сами с землей и водой; заключал он так на том основании, что мышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица быстротой своей походит на коня, под видом же стрел скифы передают ему свою военную храбрость.

Так толковал Дарий; но ему противоречило объяснение Гобрии, одного из семи его знаменитых советников. Смысл даров он толковал так:

«Если вы, персы, не улетите, как птицы, в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударом стрел». Так угадывали персы смысл даров.

Между тем, по отправлении подарков персам, оставшиеся в своей земле скифы, пешие и конные, выстроились против Дария для боя; вдруг через ряды их проскочил заяц; все скифы заметили его и бросились за ним в погоню.

Когда в стане скифов раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и услышав, что они

гонятся за зайцем, сказал приближенным:

«Люди эти смотрят на нас с большим пренебрежением, и теперь для меня очевидно, что Гобрия верно истолковал смысл их подарков. Положение дела представляется мне таким же, как и ему, а потому следует хорошо подумать, каким бы образом обеспечить наше возвращение».

«Бедность этого народа,— отвечал Гобрия,— была мне известна достаточно еще раньше по слухам; теперь на месте я убеждаюсь в этом вполне, видя, как они издеваются над нами. Полагаю, что нам следует поступить так: когда наступит ночь, зажечь по обыкновению огни и обмануть тех из наших воинов, которые заболели или ранены и мало способны к перенесению лишений; затем надо привязать всех ослов и уходить назад, пока скифы не пришли еще на Истр с целью разрушить мост — наш единственный путь отступления».

Когда наступила ночь, Дарий стал приводить совет Гобрии в исполнение. Он оставил на месте в лагере слабых солдат, гибель которых казалась ему неважной, сказал им, что собирается с отборным войском напасть на скифов, приказал беречь лагерь, зажечь огни и затем немедленно двинулся к Истру.

По уходе войска ослы ревели громче обыкновенного, и скифы, слыша их, были вполне уверены, что враги остаются на своих местах.

На следующий день покинутые персы увидели, что они отданы на жертву Дарием, простирали руки к скифам и обращались к ним с мольбами о пощаде. Услышав это, скифы поспешно собрались вместе, соединили все отряды и пустились в погоню за персами прямо к Истру.

Персидское войско состояло большей частью из пехоты и не знало дорог, которые к тому же не были наезжены, скифы же скакали на конях и знали кратчайшие пути, поэтому они обогнали персов и достигли моста гораздо раньше их.

Узнав, что персы еще не пришли, скифы обратились к ионянам, покоренным Дарием и служившим на его кораблях, с такой речью:

«Снимите мост, возвращайтесь поскорей на родину, наслаждайтесь свободой и благодарите за нее богов и скифов. Вашего прежнего владыку мы сокрушим так, что ни на кого больше он не пойдет войною».

В ответ на это ионяне устроили совет. По мнению Мильтиада, военного вождя страны Херсонеса, что на Геллеспонте (Черном море), следовало принять совет скифов и возвратить свободу Ионии; но милетянин Гистией был противоположного мнения, указывая на то, что в настоящее время благодаря Дарию каждый из них сделался у себя владыкой государства. Напротив, если могущество Дария будет сокрушено, ни он сам и никто другой из тиранов не будет более царствовать ни в Милете, ни в другом государстве, так как каждая страна предпочитает народное управление единовластию тирана.

Когда мнение Гистиея было высказано, все тираны, принимавшие было прежде совет Мильтиада, присоединились к мнению противоположному. Тогда Гистией от имени всех сказал скифам:

«Вы, скифы, подаете нам добрый совет и явились вовремя, и если от вас мы получаем полезные указания, то и с нашей стороны вы найдете готовность служить вам. Как видите, мы снимаем мост и прилагаем все старания к тому, чтобы стать свободными. Пока мы разрушаем мост, вам следует разыскать персов и, нашедши, отомстить им, как они того заслуживают, и за нас, и за себя».

Скифы поверили и отправились разыскивать затерявшихся в степи персов; но те уже успели ускользнуть. Ночью они подошли к мосту и благодаря помощи ионян им удалось бежать и спастись. Но слава непобедимых персов была потеряна в безграничных скифских степях и так Дарий Гистап, владыка великой персидской монархии (его государство простиралось от Сахары до Индии и от морей Черного и Каспийского до Аравийского и Персидского заливов), возмечтавший сделаться единодержавным властелином всего мира, в 515 году до нашей эры оставил свою мечту о мировом господстве после сокрушительного поражения от наших предков — кочевников-скифов, вольнолюбивых воинов знойных степей.

ВИНО СИЛЬНЕЕ МЕЧА

Около 630-го года до Рождества Христова предприняли Скифы грандиозный военный поход от берегов русских рек Волги, Днепра и Дона через Кавказские горы, Армению, Персию и Малую Азию даже до далекого Египта. Десятки тысяч всадников выступили в поход, а вернулись — лишь единицы.

28 лет продолжался этот поход, и поначалу все складывалось как нельзя лучше. При своем движении скифы, гарцуя на легких конях и предавая всё огню и мечу, наводили такой ужас на встречающиеся на пути народы, что многие из них, не вступая в бой, спешили откупаться богатыми дарами от грозных завоевателей. На своем победоносном пути скифы подчинили себе Мидийского царя Киаксара и заставили его платить себе дань; затем они направились к Ассирии, и Ассирийскому царю пришлось откупиться от них бесчисленными сокровищами своих дворцов. От Ассирии скифы повернули к западу, к богатым городам Финикии, проникли по морскому берегу в область Филистимскую и направили по ней свое шествие на Египет. Видя это, египетский царь Псамметих вышел им навстречу с богатейшими дарами и упросил их удалиться назад. Тогда скифы повернули опять на север и вторглись в Иудею, где предавали все сожжению и смерти. Они едва не захватили и самый город Иерусалим, чего ежечасно ожидал трепетавший за свою судьбу иудейский народ. Но молодому иудейскому царю Осии, вместе с главным царедворцем, удалось отвратить бе-

ду от столицы и с помощью своих сокровищ умолить скифов пощадить священный город.*

Живший в это время в Иерусалиме пророк Иеремия предсказал нашествие скифов в следующем грозном пророчестве:

«Объявите в Иудее и разгласите в Иерусалиме и говорите, и трубите трубой по земле; взывайте громко и говорите: «Собирайтесь и пойдем в укрепленные города. Выставьте знамя к Сиону,— бегите — не останавливайтесь, ибо я привел от севера бедствие и великую гибель...»

«Так говорит Господь: вот идет народ из страны северной и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны; голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроенные, как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона. Мы услышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки — как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятельский, ужас со всех сторон».

Так пророчествовал Иеремия о нашествии скифов.

Повернув от Иерусалима к северу, скифы в полном блеске своей славы и нагруженные богатейшей добычей возвращались по покоренным ими странам домой, в свои широкие степи — и тут внезапно попали в ловушку, которую, впрочем, сами себе и соорудили.

Зная непомерную жадность скифов к вину и способность напиваться им до полного бесчувствия, Мидийский царь Киаксар, которого они покорили и заставили себе платить дань, приготовил для них при возвращении роскошное угощение и множество вина. Скифы перепились им, и когда лежали после пиршества мертвецки пьяными, коварному Киаксару не стоило большого труда избить большую часть из них; только немногие ушли домой.

Так доверчивость и привычка судить о других народах по принципу: «если мы так не поступим, то и с нами обойдутся так же» сыграла роковую роль и привела к гибели скифское войско.

ПОХОРОНЫ ЦАРЯ

Божества у скифов были те же самые, что и на далекой Арийской родине; прибавился только бог войны Арей. Ему одному приносились человеческие жертвы — взятые в плен на войне неприятели; другим же богам в жертву приносились только животные. В честь Арея в каждом скифском племени воздвигали огромный

---

* В книге пророка Иеремии так говорится: «...вот, идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли; держат на руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона». (6, 22—23) Одни историки считают, что здесь речь идет о скифах, другие полагают, что под северным народом пророк подразумевал вавилонян.

холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч.

Громадный холм, но уже из земли, насыпался и в случае смерти вождя племени. Отец истории Геродот (родился в 480 году до Р. Х.), путешествовавший по югу нынешней России и поднимавшийся вверх по Волге до места, где сегодня стоит город Саратов, так описывал траурные торжества скифов — похороны царя.

После смерти царя тотчас же выкапывается большая четырехугольная могила; по изготовлении ее, принимаются за покойника и покрывают его тело воском, предварительно разрезав ему живот, который вычищают и наполняют шафраном, толченым ладаном, семенами сельдерея и аниса, а потом сшивают и везут в соседнее село или деревню. По прибытии тела жители в знак печали отрезывают себе кончик уха, обстригают в круг волоса на голове, делают на своих руках нарезки, распарывают кожу на лбу и на носу, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда переводят труп в другое подвластное село, причем жители первого селения сопровождают покойника. Объехавши таким образом все поселки, над которыми царь владычествовал, тело предается погребению, в особой местности, где находятся царские усыпальницы. Здесь трупы хоронят в заранее вырытой могиле, на подстилке из листьев; по обеим сторонам трупа вбивают колья, сверху кладут брусья и все покрывают ивовыми прутьями. В остальной обширной части могилы хоронят одну из наложниц покойного, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцев всякого другого скота и золотые чаши; серебра и меди скифские вожди не употребляют. После этого все присутствующие устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

По прошествии года, скифы возвращаются на могилу и совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят самых лучших, которые были особенно угодны покойнику; все эти отроки-слуги — природные скифы, так как царям чужеземные рабы не служат; выбирают также и пятьдесят наилучших лошадей; затем удавливают как слуг, так и коней, вынимают из них внутренности, вычищают брюхо и, наполнивши его отрубями, зашивают. Потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод был обращен вниз и несколько наискось; против него совершенно так же располагают на двух столбах другую половину колеса. Заготовив вокруг могилы большое количество таких станков, вбивают после этого в удавленных и набитых отрубями лошадей по толстому колу вдоль хребта, доходящему до самой шеи, и в таком виде их поднимают на обода от колес, причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец, накидывают на лошадей уздечки и удила, тянут их вперед и прикрепляют к колышкам. Удавленных же отроков

сажают по одному верхом на коней следующим образом: в труп каждого юноши забивается вдоль спинного хребта прямой кол, доходящей до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуравленную дыру другого кола, того, что проходит через лошадь; поставивши таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся. Так хоронят они своих вождей.

Рассказы Геродота об этих порохоронных обрядах скифов, несмотря на их необычность для нашего времени, совершенно справедливы и подтверждаются раскопкой курганов на юге России.

Обсуждая погребальные обычаи скифов, когда на могилах царей лишалось жизни столько преданных им людей, надо помнить, что наши предки скифы глубоко верили в бессмертие души, но по грубости своей языческой религии полагали, что с покойниками необходимо отправлять на тот свет, чтобы им не было одним скучно, и всех самых близких людей, а также и любимых лошадей. Только поэтому и убивалось столько народу при погребении вождей. При этом также надо помнить, что для самих убиваемых слуг смерть эта считалась самой почетной, и многие шли на неё с радостью. Это была истинная преданность своим повелителям «на живот и на смерть». Благодаря этой беспредельной преданности своим вождям, древние славяне и одерживали столько славных побед и поэтому считались непобедимыми.

Сам Геродот очень высоко ставил скифов среди остальных народов за их душевное благородство, разум, отвагу, искусное ведение сельского хозяйства и отличное понимание военного дела. Он называл их справедливейшими. Кроме сего, Геродот ставил также скифам в большую заслугу, что хотя они и были ласковы к чужестранцам, но ничего у них не перенимали, а крепко держались своих родных обычаев и старины.

ДАНДАМИД И АМИЗОК

Однажды двое скифов, Дандамид и Амизок, побратались между собой. На четвертый день после того, как они вместе пили кровь друг друга, внезапно пришло в их землю другое скифское же племя — савроматы, и так как никто нападения не ожидал, то савроматы перебили многих воинов, многих увели живыми и разграбили дотла жителей.

В числе пленных был и Амизок. Когда его уводили, он крикнул друга и напомнил ему кровь и кубок. Услышав это, Дандамид прямо у всех на глазах поскакал к врагам. Савроматы, подняв копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, но он крикнул: «Зиринь!» Если кто произносил это слово, то савроматы не убивали его, но принимали, как явившегося для выкупа пленных. Когда привели его к вождю, он попросил выдачи друга. Вождь потребовал выкупа, говоря, что не выпустит, не получив большого выкупа. Дандамид сказал: «Что я имел, все расхищено вами, а что я, не имея ни-

чего, могу дать в выкуп, охотно предоставлю вам. Приказывай, чего бы ни пожелал. Если же хочешь, то делай со мной то же, что с моим другом!»

Савромат отвечал: «Мне не надо всего тебя, да еще пришедшего со словом «зиринь». Уводи друга взамен одного из членов твоего тела».

Дандамид спросил, что он хочет взять; тот потребовал обоих глаз, и Дандамид тотчас предоставил вырезать их. Когда их вырезали и савроматы получили такой выкуп, он, взяв Амизока, пошел назад, опираясь на него; затем они спаслись к своим. После этого савроматы восхваляли скифское племя, на которое напали, и находили, что они не побеждены, так как не лишились лучшего сокровища — хорошего ума и верности друзьям.

Мало того, савроматы были так напуганы этим событием, что ночью совсем ушли. Амизок же, чтобы не отставать от друга, ослепил себя сам, и оба жили в большом почете, содержимые скифской общиной.

АМАГА

Сарматы особенно отличались быстротой и внезапностью своих набегов. Их женщины имели такое же участие в государственных и военных делах, как и мужчины. У греков сохранилось предание об одной такой женщине — жене сарматского царя.

Звали ее Амага. Видя невоздержанность своего мужа в еде и питье, она сама творила суд, сама и расставляла сторожевые отряды, и отражала набеги врагов, и сражалась в союзе с соседними племенами, и слава ее была громка у всех скифов.

Однажды она поссорилась с одним скифским царем за то, что он обижал херсонесцев, которых она взяла под свою защиту. Царица послала сперва приказание не трогать херсонесцев, но когда скифский царь презрел ее волю, то, собрав сто двадцать человек, крепчайших душой и телом, и дав каждому по три лошади, дабы иметь всегда две в заводу, она проскакала в одни сутки ровно двести верст и, внезапно напав на царский дворец, перебила всех привратников. Скифы, пораженные внезапным набегом, думали, что пришло не столько, сколько они видят, а гораздо больше, и растерялись, а царица быстро вторгнулась со своим отрядом во дворец, где был царь, и убила его и всех приближенных, а владения его отдала херсонесцам.

КИР, ЦАРЬ ПЕРСИДСКИЙ, И СКИФСКАЯ ЦАРИЦА ТОМИРИССА

В 530 году до Рождества Христова Кир, царь Персидский, один из великих завоевателей древнего мира, покорил себе царства — Мидийское, Ассирийское и все другие племена в Малой Азии. После этого, взяв славный город Вавилон, Кир решил идти на ски-

фов, считавшихся непобедимыми, и направился на те скифские племена, которые жили на огромных степных просторах между Аму-Дарьей и Волгой.

В крытых шкурами и войлоком повозках, с пронзительным скрипом грубых колес кочевали эти опасные скифские племена со своими стадами по берегам рек, по раздольям равнин, то приближаясь к подножию Кавказских гор, то скрываясь где-то в неизвестной дали пустынных северных земель.

Разные племена скифов жили у Каспия. Были и оседлые. Одни жили в горах, пасли своих коней, питаясь дикорастущими плодами, мясом и молоком. Их узнавали по яркой, пестрой раскраске одежды.

Жили скифские племена и на островах. Они не знали хлеба — каменистая земля островов не годилась для посевов. Коренья, дикие плоды деревьев и кустарников были им пищей, а одежду делали из лыка, которое они мяли и обрабатывали как могли.

Жили и на заболоченных устьях рек, питаясь рыбой. Кое-где на равнинах жили скифы-земледельцы. Сеяли хлеб, пасли стада. Черноземная земля давала обильные урожаи.

Племя скифов, которых Геродот называет массагетами и с которыми вздумал помериться силой Кир, ничего не сеяло. Огромные стада были богатством, и у них всегда было в изобилии мясо, молоко, рыба, которую они ловили в реках.

Отважные наездники, вооруженные трехгранными стрелами, бронзовыми мечами, секирами, копьями с железными наконечниками, массагеты никому не подчинялись, никому не платили дани. Они славились мужеством в боях и дерзостью в походах.

«Свирепый враг, вооруженный луком и напитанными ядом стрелами, осматривает стены на тяжело дышащем коне,— писал о скифах римский поэт Овидий,— и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, несет и тащит по пажитям и лесам, так и враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях еще не принятого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы».

Кир был не только талантливым полководцем, но также отличался большим политическим умом и мудрой прозорливостью. Ему было уже не так легко, как в молодости, выдерживать военную страду. Рыжая хна скрывала густую седину в его короткой кудрявой бороде, глаза его, окруженные морщинами, глядели устало, в них уже не вспыхивал прежний огонь. Но массагеты — сильный и опасный враг, которого трудно одолеть, и Кир никому не мог доверить этого дела, он должен был сам вести войска.

Царицей массагетов в те годы была Томирисса, вдова массагетского царя. Велико было ее удивление, когда перед ней предстали послы великого царя «всех стран» Кира. Уже не молодая, широкоплечая, круглолицая и светлоглазая, она не сразу уяснила, о чем ведут речь персы.

— Великий царь, царь царей, царь всех стран Кир хочет, чтобы ты стала его женой.

— Я? Его женой?

Томирисса еле сдержала смех: это она, скифянка, которая не хуже любого воина может скакать на диком коне, метать стрелы и рубить мечом,— жена персидского царя? Может, он ещё захочет, чтобы она, накрывшись покрывалом, следовала в обозе за его войском?

— Ступайте с миром,— ответила она послам.— Кир умный и хитрый человек. Но я разгадала его хитрость. Не я ему нужна, а мое царство.

Ответ посланников удручил Кира: он хотел избежать войны. Но раз так вышло, то он отдал приказ строить мосты через реку: если не покорить массагетов, то они, его новые беспокойные соседи, постоянно будут совершать набеги на персидские владения.

Одни воины строили мосты, другие сколачивали плоты и устанавливали на них военные деревянные башни. Иногда в степи появлялись всадники и тут же исчезали, как полуденный мираж. Персы знали, что скифы следят за их приготовлениями.

В разгар этих работ к Киру явился вестник от царицы Томириссы и передал, слово в слово, выученное наизусть послание скифской повелительницы.

«Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но если не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое, если, напротив, у тебя есть сильная охота помериться с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов, на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи в нашу землю. Если же предпочитаешь допустить нас в твою землю, то сделай то же самое».

Кир созвал своих полководцев, известил их о предложении Томириссы и спросил: переходить реку или нет?

Полководцы сошлись на том, что идти в степи не стоит: «Зачем идти в чужую, неизвестную нам землю? Мы не знаем, что ожидает нас там. Пускай скифы идут сюда, давайте допустим войско царицы к нам и встретимся на нашей земле.

Кир внимательно слушал своих соратников, но тут взял слово лидиец Крез: «Если ты думаешь, что ты бессмертен и что твое войско бессмертно, тогда мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение. Но если сознаешь, что ты только человек и что твои подданные только люди, то знай, что одни и те же люди не могут быть счастливы постоянно. Мое мнение противоположно совету твоих полководцев. Если ты допустишь неприятеля на свою землю, то погубишь все твое царство. Ибо ясно, что если массагеты победят, они не убегут назад, но устремятся дальше в твои владения. У них уже не будет преграды. И будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбиза, побежденный женщиной, уступит ей страну! Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и двинуться вперед на

столько, на сколько отступят скифы, и лишь на их земле начинать сражение. Массагеты не вкусили благ персидской жизни, и им незнакомы большие удовольствия. Поэтому советую зарезать множество скота и приготовить для этого народа угощение в нашем лагере. Кроме того, налить в изобилии чаши чистого вина. Потом советую оставить в лагере часть нашего войска, уже не способную к битве, а с остальными возвратиться к реке. Если я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя победой».

Кир надолго задумался. Он привык побеждать в открытом бою... И все же он объявил: «Я предпочитаю мнение Креза».

К Томириссе отправили гонца с вестью: персы вступают в ее владение.

Огромное войско Кира перешло реку. С недобрым чувством вступил Кир на чужую ему равнинную землю. Они шли весь день, а равнина уходила все дальше и дальше, однообразная, шелестящая травой и ковылем. Удивительным казалось, что солнце здесь не палило, не обжигало кожу, не слепило глаза. После месопотамского пекла закаспийские степи казались персам прохладными. Шли день, два, три... Все та же степь, все тот же серебряный блеск ковыля. Ни моря, ни города, ни гор — пустынная степь. Массагеты не показывались, исчезли, словно растворились в бескрайних солнечных просторах. И уже стали думать персы: да есть ли массагеты, не приснились ли?

На восьмой день Кир остановил войско. Как воевать с массагетами, если они налетают откуда-то из неведомых далей и потом снова исчезают без следа в этих далях, в этом мареве степей?

Сделали так, как советовал Крез. Войско разделили. Слабых, больных, уже не способных к битве воинов оставили на месте. А сильные боевые дружины вместе с царем и полководцами отступили обратно, к реке.

Когда основное войско ушло, в лагере персов запылали костры, запахло поджаренным на углях мясом.

Словно почуяв запах пира, а, может, услышав песни у костров, на персов налетели массагеты. Со свистом, с боевыми кличами на быстрых конях ворвались они в лагерь. Зазвенели их стрелы, засверкали копья...

Персы вскинулись было сопротивляться, но было поздно: почти все персы полегли у своих пиршественных костров.

А массагеты хотели было ускакать обратно в степи, но дразнящий запах шашлыка привлек их к зажариваемым тушам быков и баранов. И еще сильнее раздались крики радости и вожделения, когда они наткнулись на бурдюки с вином.

Массагеты сложили свои луки и щиты и уселись к кострам. Отведав радость виноградного сока, они не знали о его коварстве. Казалось, от такого вина даже голова не закружится. Но не только голова закружилась, но и отнялись ноги и руки, и победители крепко уснули на залитой кровью и вином земле.

Вот тогда-то и вернулся Кир со своим войском. Много скифов убили, еще больше — взяли в плен. Среди плененных оказался и сын Томириссы — молодой царевич Спаргапис.

Царица Томирисса вскоре узнала, что сделал Кир с ее войском. Кир погубил треть ее войска — обманом, хитростью погубил! И он взял ее сына. Только бы вызволить ей сына из плена, только бы вернуть его!

Царица послала Киру вестника. Царь царей молча выслушал посла.

«Ненасытно жадный до крови, Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите, не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не военной доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны, свободный от наказания за то, что так нагло поступил ты с моим войском. Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду в крови, хоть ты и ненасытен».

Кир отпустил вестника, ничего не сказав. «Я прошел столько дорог,— думал Кир,— столько городов и стран покорил,— и я должен уйти, испугавшись угроз женщины!»

Сына Томириссы он не отпустил, полагая, что, пока он будет у них в руках, Томирисса не сделает им зла.

Кир в окружении телохранителей зашел в помещение, где в цепях томился скифский царевич. Увидев Кира, Спаргапис — белокурый, плачущий от стыда, что так бесславно загубил свое войско,— в ярости закричал: «Сними с меня цепи, сними!» Бешенство скрутило его, его, попавшего в руки врага и вот теперь униженно стоящего, как последний раб, перед царем Киром.

— Освободите его от оков,— примиряющим тоном сказал Кир, не предполагая, что это великодушие, такое презрительное в глазах его противника, сыграет роковую роль. Никто ничего не успел понять, а Спаргапис уже лежал перед ними мертвый: едва освободили ему руки, как он выхватил кинжал из-за пояса стоявшего рядом солдата и вонзил его себе в грудь.

Кир видел много смертей на своем веку. Но этой смерти он не хотел. Дрожь прошла по его лицу. Он повернулся и ушел, чтобы не видеть у своих ног этого светловолосого, белокожего и такого юного вражеского вождя.

Спаргапис умер. Царице Томириссе больше нечего было ждать и стало незачем щадить Кира. Она собрала все свое войско, которое у нее было, и, яростная, беспощадная, безудержная в своем горе и в своей ненависти напала на Кира.

Кир, когда увидел надвигающееся на него с дикими криками войско массагетов, собрал все свое мужество закаленного в боях воина и хладнокровие опытного полководца. Но все же при виде этой конницы, поднявшейся, словно туча, на горизонте, ему вспом-

нилась страшная песчаная буря в пустыне Деште-Кевир, которая надвигалась вот так же зловеще и неотвратимо.

Два войска сошлись и встали друг против друга. Полетели стрелы. Кир заметил, что массагеты стреляют не хуже, а лучше его стрелков, и что они натягивают тетиву иначе, чем персы и другие народы. Персы притягивают тетиву к груди. А массагеты становятся к неприятелю боком, притягивают тетиву к плечу, и стрела у них летит с большей силой. Они проворны в бою, стреляют и правой и левой рукой, и воины Кира, сраженные стрелами, падают чаще, чем скифские воины...

«Надо будет научить наших лучников тому же»,— мелькнула мысль, и царь обратил внимание, как, словно атласные, отсвечивают у массагетов их колчаны. Вспомнилось, что кто-то ему говорил: скифы часто делают колчаны из человеческой кожи.

Бой нарастал. Колчаны опустели, и воины двинулись друг на друга с копьями и мечами. Бились долго, упорно, беспощадно. Персы не привыкли отступать и к тому же знали, что если не победят, то погибнут. А Томирисса в своем неистовом гневе и ярости готова была погибнуть, но отомстить за сына.

«Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары»,— сказал о той битве Геродот.

Победили массагеты. Почти все войско Кира полегло на этом роковом для персов поле. Те же, кто остался в живых, напрасно искали своего царя и полководца — он убитый лежал среди своих убитых солдат.

Сражение кончилось. Светлые жестокие глаза Томириссы сверкали на загорелом лице.

— Найдите мне Кира,— приказала она.

Вскоре убитый царь, раскинув руки, беззащитно лежал перед своей победительницей.

Томирисса велела отрубить Киру голову. Потом приказала наполнить кожаный мешок кровью. Бросив голову Кира в мешок с кровью, Томирисса сказала: «Хотя я осталась в живых и одержала большую победу, но не радует она меня; не искала я вражды с тобою, а ты пришел и коварством погубил моего юного сына. Ты всегда жаждал крови, так напейся же ею досыта в этом мешке, кровопийца».

АТТИЛА

В V веке по Рождестве Христовом снова входят в силу и славу Славянские племена, обитавшие нашу Родину,— на этот раз под новым общим именем Гуннов. По всем немецким, или, как тогда называли — готским областям, разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с высоких гор, то будто вырастал из земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал.

Особенно стали грозны гунны, когда над ними, около 444 года, воцарился Аттила.

Готы, которых окончательно покорил Аттила, прозвали его «Божьим бичом» и в своих описаниях выставляли, как его самого, так и славных гуннов — какими-то чудовищами, вроде того, как древние греки выставляли наших предков — кентаврами и амазонками. Эти готские писатели повествовали, что гунны вышли с берегов Азовского моря и устьев Дона и произошли от браков ведьм с нечистыми духами.

«Они,— рассказывали готы про гуннов,— когда родятся у них дети мужского пола, то изрезывают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волоса. Однако, у всех у них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная. Скорее это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образе человека; на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы и справляют на них всякого рода дела. Начиная битву, они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага. Рассыпавшись или соединившись, они и нападают, и отступают с быстротой молнии. Но вот, что особенно делает их наистрашнейшими воинами на свете: это, во-первых, их меткие удары стрелами хотя бы и на далеком расстоянии, а во-вторых, когда в схватке один на один дерутся мечами, они с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень и тем лишают его всякого движения»...

Так описывали готы своих лютых врагов — гуннов,— утверждая, что «они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Язык их едва напоминает человеческий язык».

Если из этого описания откинуть все, что прибавлено готской озлобленностью, то увидим в гуннах прямых потомков наших удалых предков — славян-русичей,— ходивших еще при пророке Иеремии под Иерусалим и изгнавших гордого персидского царя Дария из наших степей. А что у предков наших бывало порой в обычае брить бороду и даже голову, оставляя на ней только одну чупрыну, так этим были известны и славные запорожские казаки.

Иного мнения о гуннах были греки. Послушаем одного из них, который сам ездил к страшным гуннам, сам видел Аттилу, обедывал у него и наблюдал, как живет этот могучий человек. Очевидец этот — грек Приск, секретарь посольства, которое послал к Аттиле византийский император в 448 году. Предыстория посольства такова. Гунны, нанеся тяжелое поражение грекам, заключили с ними мир, потребовав возвращения всех перебежчиков, а кроме того — уплаты дани и чтобы торжища на греческой земле между греками и приезжающими в нее гуннами происходили на равных и без всякого опасения для гуннов.

Греки на эти условия согласились, но во время переговоров подкупили посла гуннов Эдикона с тем, чтобы он убил Аттилу. Вот при возвращении подкупленного Эдикона с заданием извести

вождя гуннов и приехал к Аттиле грек Приск. Аттила между тем — разведка хорошо сработала — проведал о заговоре. Предоставим теперь слово греку Приску.

«Мы вошли в шатер Аттилы, охраняемый многочисленной стражей. Аттила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль, а посол, подойдя, приветствовал его. Он вручил ему царскую грамоту и сказал, что император желает здоровья и ему и всем его домашним. Аттила ответил: «Пусть и грекам будет то, чего они мне желают». Затем Аттила обратил вдруг свою речь к Вигиле, не показывая, однако, вида, что ему что-либо известно о заговоре; он назвал его бесстыдным животным за то, что тот решился приехать к нему, пока не выданы еще все гуннские перебежчики. Вигила отвечал, что у них нет ни одного беглого из скифского народа, все выданы. Аттила утверждал, что он византийцам не верит, что за наглость слов Вигилы он посадил бы его на кол и отдал бы на съедение птицам и не делает этого только потому, что уважает права посольства».

После такого приема Вигила с гунном Ислою был отправлен к императору в Византию, будто бы собирать беглых, а на самом деле за тем золотом, которое было обещано Эдикону. Послы же и Приск в их числе отправились следом за Аттилой дальше к северу, причем по дороге он заехал в одно селение, в котором женился на молодой девушке. Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой девушке, согласно с обычаем скифским.

«Наконец, переехав через некоторые реки,— продолжает Приск,— мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах: он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградою, более служащей к украшению, нежели к защите. Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между скифами.

При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли рядами под тонкими большими покрывалами. Эти девы, приветствуя Аттилу, пели скифские песни. Когда Аттила был подле дома Онигисия, мимо которого пролегала дорога, ведущая к царскому дому, супруга Онигисия вышла из дома со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино. Это у скифов было отличнейшее уважение. Они приветствовали Аттилу и просили его вкусить того, что ему подносят в изъявлении своего почтения. В угодность жене своего любимца, Аттила, сидя на коне, ел кушанья из серебряного блюда, высоко поднятого служителями».

После такой церемонии встречи Аттила поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении.

На рассвете следующего дня Приск отправился к Онигисию с дарами и чтобы узнать, как будут вестись переговоры с послами. Ожидая у ворот Онигисиева дома, пока тот примет его, Приск

увидел человека, судя по одежде, скифа, который подошел к нему, приветствуя его на греческом языке.

Приск очень удивился этому, зная, что скифы не говорят по-гречески, а этот человек был по виду знатным скифом, богато одетый и с головой, остриженной в кружок, и спросил его, кто он таков. Оказалось, что это был грек из одного византийского города на Дунае; он был богат, но при взятии города гуннами попал в плен и за богатство достался при разделе пленных Онигисию, потому что богатые люди доставались после Аттилы на долю его вельможам. «После я отличился в сражениях против римлян,— говорил грек,— и отдавал своему господину, по скифскому закону, все добытое мной на войне; получив свободу, я женился на скифской женщине, прижил детей и теперь благоденствую. Онигисий сажает меня за свой стол, и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящиеся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, и никем не тревожится». После этого грек стал выхвалять скифское житье перед греческим.

Таким образом, своим рассказом грек подтвердил Приску, что гунны вовсе не были жестокими и кровожадными чудовищами, как их описывали готы, а добрыми и справедливыми людьми, по-отечески относившимися к своим пленным, чем издревле и славились именно все славяне.

На другой день Приск с другими послами был приглашен к обеденному столу самого Аттилы.

«В назначенное время пришли мы и стали на пороге комнаты против Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы поклонились прежде, нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам, на которые надлежало нам сесть пообедать. Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны. В самой середине сидел на ложе Аттила. Первым местом для обедающих почитается правая сторона от Аттилы; вторым — левая, на которой сидели мы. Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был в первом ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему было позволено сесть не прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чашу и, приветствовав, вкушали из нее вино. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям, Аттила приветствовал и нас, наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того, как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтобы каждый мог брать из положенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. С кушаньем первый вошел служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанья и хлеб.

Для других гуннов и для нас были приготовлены яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего больше не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносимы были чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни застежки скифской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, каменьями или чем-либо драгоценным, как водилось у других скифов.

После того, как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены, мы все встали, и всякий из нас не ранее пришел к своей скамье, как выпив прежним порядком поднесенную ему полную чашу вина и пожелав Аттиле здравия. Изъявив ему таким образом почтение, мы сели, а на каждый стол было поставлено второе блюдо с другими кушаньями. Все брали с блюда, вставали по-прежнему, потом, выпив вино, садились.

С наступлением вечера зажжены были факелы. Два гунна, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносились его победы и оказанная в боях доблесть.

Собеседники смотрели на них: одни тешились, восхищались песнями и стихотворениями, другие воспламенялись, вспоминая о битвах, а которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы.

После песней какой-то скиф, юродивый (шут-дурак), выступил вперед, говорил речи странные, вздорные, не имеющие смысла и рассмешил всех.

За ним предстал собранию горбун Зеркон Маврусий. Видом своим, одеждою, голосом и смешно произносимыми словами, ибо он смешивал языки латинский с готским и гуннским, он развеселил присутствующих и во всех них, кроме Аттилы, возбудил неугасимый смех. Один Аттила оставался неизменным и непреклонным и не обнаруживал никакого расположения к смеху. Он только потягивал за щеку младшего из своих сыновей, вошедшего и ставшего подле него, и глядел на него веселыми, нежными глазами».

На другой день послы стали просить об отпуске. Онигисий сказал им, что и Аттила хочет их отпустить. Потом он держал совет с другими сановниками и сочинял письма, которые надлежало отправить в Византию. «Между тем,— продолжает Приск,— Крека, супруга Аттилы, пригласила нас к обеду у Адамия, управляющего ее делами. Мы пришли к нему вместе с некоторыми знатными скифами, удостоены были благосклонного и приветливого приема и угощены вином. Каждый из предстоящих, по скифской учтивости, привставал, подавал нам полную чашу, потом обнимал и целовал выпившего и принимал от него чашу. После обеда мы пошли в свой шатер и легли спать.

На другой день Аттила опять пригласил нас на пир. Мы пришли к нему и пировали по-прежнему. Во время пиршества Аттила обращал к нам ласковые слова. Мы вышли из пиршества ночью».

Во время этих пиров, рассказывает Приск, наравне с вином подавали мед и особый напиток — кам.

По прошествии трех дней, послы были отпущены с приличными дарами и на возвратном пути встретились с Вигилой, участником заговора на жизнь Аттилы, который вез теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Но Аттила, раньше предупрежденный об этом заговоре, по прибытии Вигилы, заставил его рассказать, как было дело, отобрал у него все золото и велел привезти его еще для выкупа самого Вигилы. Затем Аттила послал в Византию своего посла Ислу и преданного ему римлянина Ореста, которого он всегда употреблял при переговорах, домочадца и писца. Оресту приказано было навесить себе на шею мошну, в которой Вигила привез золото, для передачи Эдикону; в таком виде предстать перед царем, показать мошну ему и евнуху Хрисафию, первому заводчику заговора, и спросить их: узнают ли они мошну? Послу Исле велено было сказать царю изустно: «Ты, Феодосий, рожден от благородного родителя, и я сам, Аттила, хорошего происхождения и, наследовав отцу моему, сохранил благородство во всей чистоте. А ты, Феодосий, напротив того, лишившись благородства, поработился Аттиле тем, что обязался платить ему дань. И так ты нехорошо делаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сделала твоим господином».

Таков был Аттила, повелитель грозных гуннов.

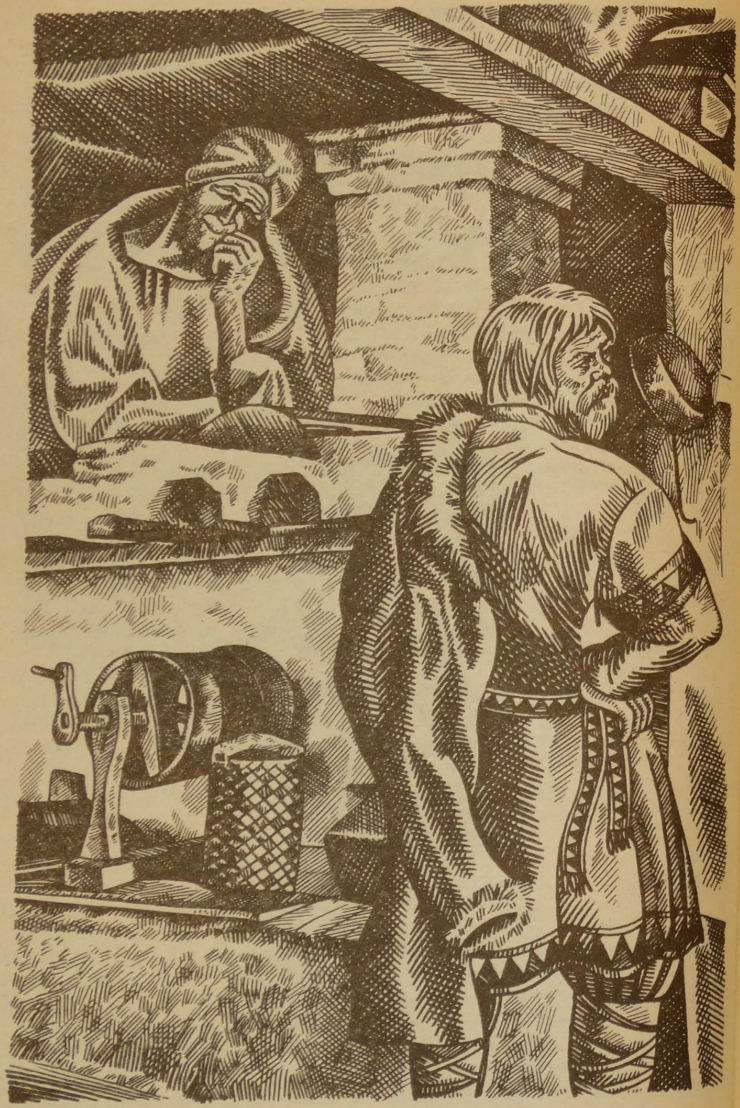
Из описания Приском обычаев при дворе Аттилы мы видим, что они были чисто славянские и притом именно совершенно такие, какие в течение долгих столетий мы будем видеть при дворах наших московских царей.

Кроме борьбы с императором Восточной империи, Аттила вступил в продолжительную вражду и с императором Западной Римской империи — Валентинианом Третьим. Первоначальной причиной этой вражды была сестра Валентиниана — Гонория, которая отличалась бешеным нравом, почему ее мать поступала с ней необыкновенно строго и требовала, чтобы она оставалась безбрачной. Гонория, чтобы освободиться от тяжкого ига, послала Аттиле кольцо с предложением своей руки. Аттила предложение это принял и потребовал от ее брата не только согласия на брак, но и часть Римской империи в приданое за сестрой. Валентиниан отказал, Аттила же упорно стоял на своем, и разногласие это привело, в конце концов, к кровопролитной войне.

Поход Аттилы в этой войне был подобен переселению народов. Все германские и славянские племена были принуждены принимать в ней участие. Так он дошел до самого сердца Франции, и здесь, на Каталаунском поле, произошла страшная битва народов, после которой обе стороны разошлись, каждая приписывая себе победу.

Это было в 451 году, а через два года погиб Аттила. Он умер на своей свадьбе, будто бы выпивши много вина. В виду его замечательной всегдашней трезвости, вернее всего, что его отравили.

Сербские сказки



СЕРБЫ НА ВОЛГЕ?

Сербы на Волге? Да, никакой ошибки здесь нет: хотя сербы вот уже полторы тысячи лет живут на Балканах, однако до того они какое-то время жили на Нижней Волге, оставив по себе память в топонимике. Историк Егор Иванович Классен (1795—1862, немец по происхождению, русский дворянин) в книге «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова», изданной в 1854 году в Москве, пишет о волжских сербах: «Река Серпа или Сарпа, текущая между Доном и Волгою, и река Морава, у греков Моравиос, по Птолемаю боковая река Дона, свидетельствуют, что тут действительно жили сербы и моравы». Классен заключает, что сербы — самый близкий русским народ: «Римляне называли сербов Rassiani (Рассияне; у нас и теперь «Россия» выговаривается как Рассия; разумеется, что римляне взяли название сербов с выговора, а не с письма), некоторые называют их Ruizi (Руссы), сами они зовут себя Рассане (от Раса или Рса) и Рашане; у них есть и город Раса; жупан сербский носил титул: Расский. Иллирийские сербы даже и вышли из галицкой или червоной Руси. Одноплеменность сербов с Руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому».

В V—VII веках по Рождеству Христову сербы заселяют Балканский полуостров, этот райский уголок Европы, что и предопределяет их трагическую и героическую судьбу: сербская нация формируется в постоянной борьбе за свою независимость — VIII—X века — борьба с франкским государством, а также с Византией и Болгарией; XI век — попытки освободиться от власти Византии, увенчавшиеся успехом в 1190 году; XIV век — борьба с турецкими агрессорами, закончившаяся на Косовом поле в 1389 году грандиозной битвой сербов против шестикратно превосходящего турецкого войска, хотя и закончившейся «вничью», однако подорвавшей силы Сербского государства, подпавшего под турецкое иго, длившееся 500 лет. В XVIII веке часть сербов — несколько десятков тысяч — эмигрировала в Россию; из сербов, перешедших на службу к российскому императору, сформирован первый российский гусарский отряд, в дальнейшем выросший в сербский гусарский полк; сербские гусарские полки обеспечивали безопасность южных границ России. В 1878 году Сербия обрела свободу после победы России над Турцией. В XX веке Сербия пережила две мировые войны, и ныне она героически сражается одна против всего «мирового сообщества», отстаивая свою независимость и Православную веру.

В. ХРИСТИЧ

Сербы. Традиционный костюм.

СЕРБЫ, с р б и (самоназв.). Численность в Российской Федерации 1580 чел. (1989), С.— осн. нас Сербии и Союз. Респ. Югославии, числ. в Сербии 6428 тыс. (1991). Численность в Боснии и Герцеговине (ок. 1,4 млн. чел.), Хорватии (св. 300 тыс. чел.), в др. европ. государствах — Румынии (34 тыс. чел.), Австрии (35 тыс. чел.), Венгрии (13 тыс. чел.), а также в США (230 тыс. чел.), Канаде (60 тыс. чел.), Аргентине (10 тыс. чел.), Австралии (25 тыс. чел.).

Сербы говорят на штокавском диалекте сербскохорватского языка. Письменность на основе кириллицы. Большинство верующих — православные, незначительная часть — католики и протестанты, есть мусульмане-сунниты.

С массовым переселением славянских племен на Балканы в 6—7 вв. предки сербов, черногорцев и населения Боснии и Герцеговины (собственно сербы, дукляне, тервуняне, конавляне, захлумяне, наречане) заняли значительную часть территории бассейна южных притоков Савы и Дуная, Динарские горы, южную часть побережья Адриатики. Центром расселения предков сербов была область Рашка (бассейны рек Дрина, Лим, Пива, Тара, Ибар, Зап. Морава), где во 2-й половине VIII в. сложилось раннее государство. В середине IX в. было создано Сербское княжество. В X—XI вв. центр политической жизни перемещался то на Ю.-З., в Дуклю, Травунию, Захумье, то вновь в Рашку. С конца XII в. сербское государство активизировало завоевательную политику и в XIII — первой половине XIV вв. значительно расширило

свои границы, в том числе за счет византийских земель. После поражения на Косовом поле в 1389 г. Сербия стала вассалом Османской империи, а в 1459 г. была включена в ее состав. Борьба за освобождение от османского гнета и государственное объединение была важным фактором в становлении национального самосознания Сербии. Происходили новые крупные перемещения населения в освобожденные области. В одной из центральных областей — Шумадин — абсолютное большинство составили переселенцы. Эта область стала центром консолидации Сербии. В 1918 г. было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 — Югославия, после распада Югославии в 1991 г. с 1992 г.— Союзная Республика Югославия).

Традиционные жилища сербов деревянные, срубные (были широко распространены в середине XIX в. в краях, изобилующих лесом), а также каменные (в карстовых областях) и каркасные (моравский тип). Дома строились на высоком фундаменте (исключение — моравский тип), с четырех — или двускатными крышами.

Народная одежда сербов значительно различается по областям (при наличии общих элементов). Наиболее старые элементы мужской одежды — туникообразная рубаха и штаны. Верхняя одежда — жилеты, куртки, длинные плащи. Обязательной принадлежностью мужского костюма были красиво украшенные пояса (от женских они отличались длиной, шириной, орнаментом). Характерна кожаная обувь типа мокасин — опанки. Основой женского традиционного костюма была туникообразная рубаха, богато украшенная вышивкой, кружевами. Женский костюм включал фартук, пояс, а также различные жилеты, куртки, платья, иногда распашные. Народная одежда, особенно женская, обычно украшалась вышивкой, тканым орнаментом, шнуром, монетами и т. д.

Значительное место в пищевом рационе занимали кукуруза (из нее пекли хлеб, варили каши), фасоль, картофель, капуста (свежая и квашеная), перец. Ели кисломолочные продукты. Блюда из мяса (больше всего сербы любят свинину) ели в основном зимой и в праздники. Повсеместно ели хлеб — кислый или пресный.

У сербов существовало два типа семьи — простая (малая, нуклеарная) и сложная (большая, задружная). Еще в первой половине XIX в. была широко распространена задруга (до 50 и более человек). Для задруг были характерны коллективное владение землей и имуществом, коллективное потребление, патрилокальность (брачное поселение жены в группе мужа), вирилокальность (брачное поселение жены у мужа) и т. д.

Среди календарных и семейных обычаев — семейная слава (своего рода коллективные именины всей семьи), обычаи побратимства и посестримства.

В устном народном творчестве сербов особое место занимает эпический жанр (юнацкие песни), в котором нашли отражение исторические судьбы сербского народа. Для народных танцев характерно круговое движение (коло). Сохраняется традиционное народное искусство — декоративное ткачество, гончарство, резьба и т. д.

(Из книги «Народы России. Энциклопедия», М., «Большая Российская Энциклопедия», 1994)

* * *

Сохранившиеся в памяти сербского народа легенды и сказания связаны, в основном, с борьбой славян с турками, поэтому здесь мы публикуем сербские сказки, сложенные в незапамятные времена, возможно, и в те годы, когда сербы пили волжскую воду. Перевод с языков народов Югославии И. Макаровской, Е. Рубиной, Н. Дмитриева, М. Волконского, Ю. Смирнова, Н. Савинова и Д. Толовского.

РУБАХА СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Жил когда-то король. И было у него девяносто девять болезней. Самые лучшие знахари пытались вылечить его хотя бы от одной, но ничего не могли поделать.

Тогда позвал король мудрецов. И один из них сказал:

— Найди человека, который всем на свете доволен и ничего ему не нужно. Надень рубаху этого счастливого человека и сразу излечишься от всех своих девяноста девяти болезней.

По всему свету разослал король своих слуг искать человека, который всем доволен. Искали его повсюду. Во все углы и закоулки заглядывали. Нет как нет.

Однажды самый расторопный королевский слуга забрел на просторный луг и углядел там босоногого оборванца, который спал под открытым небом и при этом во сне улыбался.

— Эй, мил-человек, проснись! — крикнул слуга.— Всем ли ты доволен? Не желаешь ли чего?

— А чего мне желать? — засмеялся оборванец.— Есть у меня небо над головой. Земля под боком. Всем я доволен.

— Подумай. Может чего-нибудь все-таки захочешь?

— Чего же мне хотеть? Солнце у меня над головой. Трава под ногами. Я счастлив и ничегошеньки не прошу.

— Тогда пошли к королю.

— А чего я там не видал?

— Король даст тебе денег.

— Зачем? Мне не нужны деньги.

Но слуга не отставал и наконец уломал, уговорил оборванца. Привел его на королевский двор. Обрадовался король — вот оно, его спасенье!

— Дай мне поскорее твою рубаху! — подбежал он к оборванцу.

— Рубаху? — удивился тот.— А зачем?

— Не рассуждай! С королем говоришь! Давай сюда рубаху. Я тебе за нее полную горсть золота насыплю.

Улыбнулся оборванец, распахнул дырявую куртку, а под ней никакой рубахи нет.

Увидел это король и с горя тут же замертво пал.

А счастливый человек запахнул рваную куртку на голой груди и пошел себе своей дорогой.

ЗВАЛИ ОСЛА НА СВАДЬБУ

Дремал Осел над пустыми яслями. Вдруг кто-то постучал в ворота скотного двора. Оказалось, быстрая Ласточка.

— Скорей, Осел, собирайся. Меня послали за тобой — звать на свадьбу.

Осел не шелохнулся, с места не сдвинулся. А маленький Ослик, сын его, расстроился:

— Почему это тебя, старого, зовут, а меня, молодого, нет? Я ведь и песни громче тебя покричать могу, и потанцевать — потопать резвее тебя умею.

— Поживи с мое,— ответил старый Осел,— и узнаешь, что осла на свадьбу не танцевать зовут. Им, наверно, воды привезти надо или дров притащить.

ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИСЬ

Давно, ой как давно, жил на свете старый Старец. Много он знал, а еще больше видал на своем веку. Как-то зимним вечером сидел старый Старец у огня и размышлял. Вдруг в дверь постучали. Пришла к нему маленькая девочка.

— Дедушка,— сказала она,— у нас очаг погас. Пожалуйста, дайте мне три уголька.

Поразмышлял немного старый Старец и говорит:

— Дам я тебе, маленькая Девочка, три уголька. Только в чем ты их понесешь?

— На ладошке, дедушка,— отвечает маленькая Девочка.

Засмеялся старый Старец:

— Ты же, глупая, ладошку обожжешь!

— Не бойтесь, дедушка, не обожгу,— успокоила его маленькая Девочка.

Подошла она к очагу. Зачерпнула горстку остывшего пепла. Насыпала его на ладошку. А уж на толстый слой пепла положила угольки. Поблагодарила и ушла.

А старый Старец еще долго-долго размышлял. Потом поднял вверх указательный палец и сказал сам себе:

— И у маленькой Девочки можно чему-нибудь научиться. Век живи — век учись.

ПОЧЕМУ СЕРБЫ САМЫЙ БЕДНЫЙ НАРОД

В далекие времена, когда народы на земле делили меж собой счастье, собрались они на огромном поле и стали решать и договариваться, кто что хочет и предпочитает. Спрашивает тогдашний царь мира у греков:

— Вы, греки, что хотите?

— Мы хотим хорошей, плодородной земли.

— А вы, русские?

— Побольше равнин и гор.

— А вы, итальянцы?

— Нам дай ума и церквей.

— А вы, англичане?

— Нам надо море.

— А вы, французы?

— Мы хотим быть самыми богатыми на земле.
— А вы, турки?
— Полей, воды и коней.
— А вы чего хотите, сербы?
— Мы, братья, не можем сейчас сказать,— пойдем домой, обсудим и договоримся.
Да так до сегодняшнего дня и договариваются.

СЛИВЫ — ЗА СОР

У одного человека был сын — парень хороший, работящий, видный. Пришла пора женить его. Отец стал думать, как бы найти ему такую же хорошую девушку. И надумал. Нагрузил телегу сливами, поехал по селу и кричит:
— Эй, люди, меняю сливы на сор!
Быстро разнеслась весть: какой-то человек рехнулся и меняет сливы на сор. Побежали женщины, стали в домах мести, собирать сор, чтобы обменять на сливы. Там, глядишь, девушка тащит целый передник сору, другая — полную корзину, а одна похваляется, что могла бы обменять все сливы на сор, да только противно дом чистить. И всем им человек давал много слив. Вот подходит девушка, в руке зажала немного пыли и тоже просит слив.
— Что ж ты так мало набрала?
Застыдилась девушка, отвечает тихонько:
— Я бы и больше принесла, да нету. И это едва наскребли по углам.
Человек нашел то, что искал. Видит — девушка хорошая, опрятная, и послал к ней сватов. Вышла она за его сына, и прожили они счастливую долгую жизнь.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Когда Господь Бог сотворил мир, явился к нему человек:
— Слушай, Господи! Сотворил ты меня, так скажи: сколько буду я жить, как буду питаться, что мне делать положено?
Отвечает ему Бог:
— Жизни я назначил тебе тридцать лет. А питаться ты будешь, чем только душа твоя пожелает. Ну, а делать тебе вот что положено: быть властелином в этом мире.
— Ну спасибо тебе! — промолвил человек.— Хорошую жизнь ты мне назначил, только уж очень короткую.
— Подожди! — отвечал ему Бог.— Посиди там в углу, подожди.
Тут как раз предстал перед Господом бык и сказал:
— Сотворил ты меня скотом, так скажи, сколько буду я жить, как я буду питаться, что мне делать положено?

Отвечал ему Бог:

— Видишь, вон там, в сторонке, сидит человек? Это твой повелитель. Должен ты ему землю пахать да повозку таскать, ну, а есть будешь летом — траву, а зимою — солому. Так и будешь в ярме ходить тридцать лет.

Ну, а бык недоволен:

— Господи! Тридцать лет такой каторжной жизни? Убавь!

Услыхал эти речи человек, сидевший в углу, и тихонечко шепчет:

— Отними у него хоть немного годочков — и прибавь мне!..

А Бог рассмеялся и молвил:

— Ну что ж, хорошо! Уважу вас обоих — возьми у быка двадцать лет.

Получил человек двадцать лет бычьей жизни, а уж к Богу собака спешит:

— Сотворил ты меня в этом мире собакой — так скажи, сколько буду я жить, как буду питаться, что мне делать положено?

Отвечает ей Бог:

— Видишь ты там, в уголке, человека? Это — твой повелитель. А работа твоя — сторожить ему дом, и стадо, и богатства его. Кормиться будешь объедками, какие останутся после его трапезы. Срок твоей жизни — тридцать лет.

Услыхала все это собака и молвит:

— Пощади меня, Господи! Хоть немного убавь!

Услыхал ее речи сидевший в углу человек и показывает знаками: «Отними у собаки хоть немного годочков да прибавь-ка их мне!» Ну, Бог улыбнулся и молвил:

— Уважу вас обоих — возьми, человек, двадцать лет у собаки.

Так-то вот получилось: оставил Бог десять лет для собаки, ну а век человечий продлил до семидесяти. Тут как раз прибежала к творцу вселенной обезьяна, поклонилась и молвит:

— Боже, Боже, сотворил ты меня обезьяной. Так скажи, сколько буду я жить, чем я буду питаться, что мне делать положено?

Отвечает ей Бог:

— Видишь, там вот, в сторонке, сидит человек. Это — твой повелитель. Будешь верно служить ему, забавлять своего господина, его детишек развлекать. Кормить тебя будут лесными орехами и другими плодами. Ну, а жизни тебе — тридцать лет.

Услыхала ту речь обезьяна — вздохнула:

— Непутевая жизнь! Поубавь-ка мне, Господи!

Снова делает знак человек:

«Отними у нее хоть немножко, да мне и прибавь!»

Улыбнулся Господь:

— Уважу вас обоих — возьми, человек, двадцать лет обезьяньих.

Ну, взял человек эти годы, и стало жизни ему девяносто лет.

Вот и живет человек тридцать лет привольной человеческой жизни. С тридцати до пятидесяти — трудится он, словно бык, чтоб

жену и детей прокормить. А как заработает, скопит деньжонок — так собакой становится: все думает, как бы добро сохранить. Так и лается он лет до семидесяти с домочадцами, скаредничает, скандалит, орет. Ну, а семьдесят стукнет — человек что твоя обезьяна: все над ним потешаются, все смеются.

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ

У короля Матии была красавица дочь, лентяйка отпетая: никогда ничего не делала, да и не умела делать, день деньской сидела перед зеркалом и любовалась собой.

Пришла пора выдавать ее замуж. Король объявил: кто в три года научит его дочь работать, за того он ее и замуж выдаст. Время идет да идет, а к королевне никто не сватается. Послал король приближенных искать мужа для дочери. Поехали они в разные стороны. И вот встретился им как-то парень — пашет поле на восьми волах. Они тут же ему приказали идти к королю. Парень испугался, но делать нечего. Приходит он к королю, а тот ему и рассказал все по порядку. Согласился парень, обещал в три года научить девушку работать. Привел он королевну домой. Мать выбежала навстречу, дивится на прекрасную девушку.

На другой день парень взял плуг, запряг волов и поехал в поле, а матери сказал, чтобы не принуждала сноху работать. Вечером возвратился с работы, мать подала ужин, а сын спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Я и ты,— отвечает она.

— Ну, кто работал, тот и есть может.

Не понравилось это королевской дочери, рассердилась она и голодная пошла спать. И на другой день все так же было.

На третий день королевна и говорит свекрови:

— Мама, дай и мне какую-нибудь работу, чтоб не сидеть без дела.

Та велела ей наколоть дров.

Вечерело. Сели за ужин, а парень снова спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Мы трое: я, ты и королевна.

— Ну, кто работал, то и есть может.

И все трое поужинали. Так, понемногу, королевна научилась работать.

Через три года приезжает король проведать дочку. Видит — работает она дружно со свекровью. Обрадовался и говорит:

— Как, и ты научилась работать?

— А как же,— отвечает королевна,— у нас так положено: кто не работает, тот не ест. И знаешь, отец, коли ты хочешь поужинать, пойди-ка наколи дров.

Король привез дочери и зятю много подарков, погостил, а потом отвез всех троих к себе во дворец. Парня того он принял как родного сына, обещал еще при жизни передать ему королевство.

ПРАВДА И КРИВДА

Было у царя два сына: один злой и несправедливый, а другой добрый и справедливый. Когда отец умер, несправедливый сказал справедливому:

— Убирайся подобру-поздорову. Жить вместе мы больше не будем. Вот тебе триста цехинов и конь — это твоя доля отцовского наследства, а больше ты ничего не получишь.

Добрый взял триста цехинов, коня да и пошел.

— Спасибо и за это!

Немного спустя встретились братья на дороге. Добрый сказал злому:

— Бог в помощь, брат!

— Так он и поможет! — ответил злой.— Что ты все его поминаешь? Кривда сильнее правды!

— Давай побьемся об заклад, что правда сильнее кривды,— говорит добрый.

Побились братья об заклад на сто золотых цехинов и уговорились, что рассудит их тот, кто первый встретится им на пути.

Проехали немного, и встретился им дьявол в обличье монаха верхом на коне, и они спросили его:

— Что сильнее, правда или кривда?

— Кривда,— ответил дьявол.

И добрый проиграл сто цехинов.

Побились они об заклад на вторую сотню, потом на третью, и каждый раз появлялся перед ними в разных образах дьявол, и по его решению добрый проиграл все триста цехинов, а потом и коня.

Тогда он сказал:

— Нет у меня больше цехинов, нет коня, но остались глаза, и я побьюсь об заклад на них.

И побился он об заклад на свои глаза, что правда сильнее кривды. Тогда злой, не ожидая чужого суда, вынул нож и выколол брату глаза со словами:

— Пусть-ка теперь тебе поможет правда, когда ты лишился глаз!

— Я потерял глаза за правду. Но умоляю тебя, брат, дай мне воды, чтобы смочить уста и обмыть рану, отведи меня под ель к источнику и оставь там,— сказал несчастный.

Брат послушался, дал ему воды, отвел его под ель к источнику и оставил там.

Сидя под елью, слепой услыхал среди ночи, как вилы пришли купаться и как одна из них говорит подругам:

— Знаете ль вы, что королевская дочь заболела проказой? Король созвал всех лекарей, но никто не может ее вылечить. Если бы они знали, что ее надо окропить водой, в которой мы купались, она бы через сутки была здорова! Глухие, слепые, хромые — все могут исцелиться этой водой.

Как раз тут запели петухи и вилы исчезли. Тогда несчастный дополз на четвереньках до источника, обмыл себе глаза и сразу

прозрел. Потом он набрал чудесной воды в кувшин и пошел прямо к королю.

— Я могу вылечить королевну,— сказал он.— Если вы меня пустите к ней, она через сутки выздоровеет.

Привели его в комнату королевской дочери, и он велел обрызгать ее водой из принесенного им кувшина. Через сутки королевна выздоровела.

Возрадовался король, отдал ему половину королевства и свою дочь в жены. И стал он королевским зятем, первым человеком после короля.

Слух о том прошел по всему королевству; дошел он и до злого брата, твердившего, что кривда сильнее правды. «Знать, брат нашел счастье-то под елью»,— решил злой и отправился туда. Набрал воды в кувшин, встал под ель и выколол себе глаза.

Среди ночи пришли вилы купаться и стали говорить о том, как выздоровела королевна.

— Должно быть, нас кто-то подслушал, когда мы говорили, как ее можно вылечить. Может быть, и теперь нас подслушивают? Пойдемте посмотрим.

Заглянули они под ель, увидели там злого брата — того, что говорил, будто кривда сильнее правды, схватили его за руки и за ноги и разорвали. Вот как ему, проклятому, помогла кривда!

ОДНА СТУПИЦА В ГРЯЗЬ, А ДРУГАЯ ИЗ ГРЯЗИ

Полюбился жене премудрого Соломона другой царь, и надумала она оставить первого мужа и сбежать к другому царю, но только никак не удавалось ей улизнуть, уж больно Соломон ее стерег; поэтому договорилась она с тем, другим, царем, что он пошлет ей снадобье, выпьет она его и сделается как будто мертвая. Вот, значит, умерла она так, Соломон отрезал у нее на руке мизинец — посмотреть, на самом ли деле она умерла, увидел, что жена ничего не чувствует, лежит мертвая, и похоронил ее. А тот, другой, царь приказал своим слугам той же ночью царицу откопать и принести ему. Оживил он ее, женился на ней, и стали они жить-поживать. Когда премудрый Соломон прознал, что с его женой приключилось, отправился он ее искать и повел с собой много воинов. Вот подошли они к столице того царя, что у него жену отнял. Соломон оставил своих людей в лесу и наказал ждать до тех пор, пока не протрубит труба, а как заслышат звук трубы, идти ему на помощь и каждому нести перед собой зеленую ветку. К царскому же двору пошел один.

Пришел он туда, жена его была только со слугами, царь ускакал на охоту. Увидела она своего первого мужа, испугалась, но все же опять как-то его обманула и заперла в одной из комнат. Вернулся царь с охоты, жена ему и говорит: пришел, дескать, премудрый Соломон и в такой-то комнате заперт, иди, говорит, к нему

и заруби его, да будь осторожен, не вздумай с ним разговаривать: коль позволишь ему хоть слово вымолвить, он тебя обманет. Царь взял в руку саблю, отворил дверь и вошел к премудрому Соломону, чтобы отрубить ему голову. Соломон спокойно и без страха сидел на подушке и, когда увидел царя с саблей наголо, рассмеялся. Увидал это царь, не удержался и спросил Соломона, почему он смеется. А тот ему и отвечает: дескать, смешно, что царь царя хочет убить на женской подушке. Тогда царь его спрашивает:

— А как же быть?

Соломон и отвечает:

— Я и так в твоих руках, свяжи меня, выведи в поле за город и убей на просторе, но, прежде чем убить, протруби три раза, чтобы каждый услышал и, кто захочет, смог прийти и посмотреть. Увидишь, даже лес придет поглядеть, как царь царя убивает.

Царь послушался: уже очень ему захотелось узнать, неужто и впрямь лес придет посмотреть, как царь царя убивает. Связал он Соломона, бросил его на простую телегу и повез со своими слугами да придворными в чисто поле на казнь. Когда они так ехали, Соломон сквозь днище засмотрелся на передние колеса телеги, а потом вдруг как захохочет. Царь ехал рядом с ним на коне и спросил, чего он смеется, а Соломон отвечает:

— Смеюсь, глядючи, как одна ступица в грязь, а другая из грязи выходит.

Царь, отворотившись в сторону, говорит:

— Господи Боже, люди его премудрым Соломоном называют, а он, выходит, дурак!

Как приехали они на то место, где решил царь Соломона казнить, приказал он протрубить первый раз. Заслышали трубу Соломоновы воины, сразу в путь двинулись. Когда во второй раз протрубили, они уж совсем близко подошли, да только людей никто не увидел, одни ветки зеленые, точно лес с места стронулся. Царь очень удивился, понял он, что Соломон ему правду говорил, и приказал в третий раз протрубить. Тут Соломоновы воины кинулись, отбили своего государя, а царя и всех его слуг и придворных похватали и перебили.

«У ЦАРЯ ТРОЯНА КОЗЛИНЫЕ УШИ!»

Жил-был царь по имени Троян. У него были козлиные уши. Цирюльники приходили по очереди брить его, но кто из них ни приходил, домой уже не возвращался. Как побреет цирюльник царя Трояна, тот и спрашивает его:

— Что ты у меня заметил?

А тот отвечает:

— Козлиные уши.

Ну, тут ему и конец.

Так дошла очередь еще до одного цирюльника, но он прикинулся больным и вместо себя послал подмастерье. Царь спросил:

— Отчего не пришел сам хозяин?

А подмастерье отвечает:

— Заболел.

Сел царь Трояи, молодец побрил его и, понятно, заметил, что у царя козлиные уши.

Царь спросил:

— Что ты заметил у меня?

— Ничего.

Тогда царь дал ему двенадцать дукатов и приказал, чтобы впредь только он приходил его брить.

Вернулся подмастерье домой. Хозяин — к нему: как было у царя? Тот ответил, что все сошло благополучно: царь велел ему и впредь приходить его брить. А о том, что у царя козлиные уши, промолчал малый. Ну вот, долгое время ходил он брить царя Трояна, каждый раз получал по двенадцать дукатов, но никому не говорил, что у царя козлиные уши. Наконец парню невмоготу уж было тайну хранить, стал он хиреть и чахнуть. Хозяин заметил, что недужится ему, начал расспрашивать, и парень долго отмалчивался, но наконец сказал:

— Есть у меня на душе тайна, да поведать о ней не смею. А сказал бы, сразу бы отлегло от сердца.

— Откройся мне,— сказал цирюльник,— я никому не скажу! А меня боишься, пойди к духовнику и признайся ему. Если же и ему боишься открыться, то выйди за город, выкопай в поле яму, всунь в нее голову и трижды поведай земле свою тайну, а потом засыпь яму.

Подмастерье так и сделал: вышел из города, в поле выкопал яму, всунул туда голову и трижды сказал:

— У царя Трояна козлиные уши.

Потом засыпал яму землей и, успокоившись, пошел домой.

Спустя некоторое время на том месте выросла бузина и дала три красных побега, прямых, как стрела. Пастушата срезали один прут и сделали из него свирель. Но только начали на ней играть, как она запела:

— У царя Трояна козлиные уши!

Скоро о том узнал весь город, наконец дошло и до царя Трояна, что дети наигрывают на свирели: «У царя Трояна козлиные уши!»

Он позвал к себе подмастерье:

— Стало быть, ты все-таки рассказал обо мне народу?

Бедняга стал оправдываться, что никому ничего не говорил, хотя и видел, какие у царя уши. Царь выхватил саблю, хотел зарубить его. Струсил подмастерье и стал ему все по порядку рассказывать: как он поведал тайну земле и как на том месте выросла бузина, как сделали из веток бузины три свирели и каждая свирель играет одно и то же. Тогда царь сел с ним в карету и поехал на то место, хотел проверить, правду ли парень сказал. А там уж остался только один прут. Царь Троян приказал сделать из него

свирель. Сделали свирель, заиграли на ней и сразу услышали: «У царя Трояна козлиные уши!»

Царь убедился, что на земле ничего нельзя скрыть, даровал парню жизнь и после того позволял себя брить каждому цирюльнику.

УМ И СЧАСТЬЕ

Жил-был на свете паренек, такой недоумок и ужасный бедняк. День-деньской зубами от голода щелкал и спать ложился не поевши: хлеба не на что было купить. Вовсе парень пропал бы, кабы не соседи: хоть изредка покормят или работу дадут пустячную — за водой сходить или, скажем, дров напилить да сложить в поленницу. Пытались его ремеслу обучить, чтобы стал он, как его отец, добрым работником, хозяином,— ведь здоровый вымахал детина, пора и за дело приниматься! С дровосеками его в лес посылали и осла ему давали взаймы: пусть, мол, парень нарубит дровец и на рынке продаст. Да куда там! Голова у парня что пустая тыква.

А ведь были у парня и Счастье и Ум. Только жаль — изменили они своему господину, заплутались неведомо где — вот он и стал придурковатым.

Долго Счастье и Ум паренька колесили по белу свету, наконец случайно повстречались друг с другом.

— Здравствуй, братец Ум,— улыбнувшись, промолвило Счастье.— Разошлись мы в разные стороны, друг про друга и забыли. Что же ты запропал?

— Да так же, как и ты,— с усмешкой ответил Ум.— Но к чему же все эти расспросы?

— А разве не ясно — к чему? Ты ведь смекнул, только не хочешь признаться,— ответило Счастье.

— Может, это из-за паренька?

— Ну, вот видишь, догадался,— ответило Счастье.— Слушай, надо помочь ему. Так не годится!

— Что ж, если хочешь, я согласен,— поможем.

Сговорились они — и давай помогать пареньку. Он вмиг поумнел, и, за что бы ни взялся, с той поры все ему удавалось. Для начала попросил он осла у соседей и отправился в лес, стал выискивать бук покрупней да потолще, чтоб срубить его, распилить и дровец наколоть для продажи. Захотелось ему дерево выбрать получше, а не так, как бывало,— вязанку валежника ценой в полтора гроша.

Вот выбрал он бук и принялся рубить что было силы. Затрещало могучее дерево, наземь упало, и посыпались вдруг из дупла золотые монеты. Парень сначала и не понял, какая удача ему выпала: золотых-то монет он сроду не видел! Все ж собрал он их бережно, в торбу запрятал — это Счастье ему подсказало так сделать, а потом нарубил две огромные вязанки отличнейших буко-

вых дров, на осла их погрузил и домой поехал.

Дома высыпал парень из торбы монеты и смекнул-таки: «Сразу-то все напоказ выставлять не годится. Лучше сделаю вот как: возьму одну монетку и для пробы снесу золотобиту. Пусть оценит, а дальше посмотрим, что делать». Парень, видно, и впрямь поумнел не на шутку.

Золотобит взял монету и на зуб попробовал, а потом кислотой протравил. Видит — чистое золото. Стал он с пареньком торговаться. Ну, а парень и тут смекнул: «Наверное, дорого стоит монета, если хитрый старик так суетится и не желает ее вернуть!»

Сказал ему золотобит:

— Требуй что хочешь, но продай мне эту бронзовую монетку. Мне бронза нужна для тонкой работы.

Паренек ему:

— Я ведь монетку принес тебе не для продажи. Она от отца мне досталась в наследство, вот я и хотел узнать ей цену!

И не продал хитрец золотую монетку, а цену ее все же узнал, да еще и смекнул: «Если золотобит столько дает, значит, она стоит дороже. Попытаю еще,— может, где-нибудь больше дадут».

Взял парень монетку из рук золотобита и к другому отправился. Потом — к третьему, а потом за хорошую цену сбыл ростовщику. Домой возвратился паренек с большими деньгами.

«Не из золота ль эти монеты? — подумал он.— Надо будет узнать в другом городе цену и продать подороже, а не то ведь надуют да еще и смеяться начнут».

Взял паренек свои монеты и отправился в путь, шел из города в город, все узнавал цену. В первом городе продал один золотой,— цену взял неплохую. Пришел в другой город — за монету там вдвое дают... В третьем — втрое. Так добрел он до самой столицы и продал там все золото, стал богачом. Ум и Счастье шли за ним и помогали ему. И решил он заняться торговлей, чтобы умножить богатство. Осмотрелся, разузнал, на какие товары больше всего спрос, снял в торговых рядах лавки, наполнил их товарами всякими, нанял верных помощников, так развернулся — ну прямо бывалый купец! Все дивились и уму и богатству приезжего купца. Да и собой он был очень пригож. Повалили к нему покупатели, потому что в его лавках был и выбор большой, и цена намного ниже, чем у других купцов, и принять покупателя он умел. Словом, дело пошло бойко. Стал парень известен во всем стольном городе.

Слух о новом купце дошел до царя. Подивились приближенные царя на новые лавки да и стали там всякие товары закупать — все, что нужно для царского войска. А потом и сам царь объявил парня своим поставщиком. Стал он товары царю продавать, а о деньгах молчал. Целый год поставлял, а о плате — ни слова.

Удивился царь такому терпению. Ведь другие купцы, что ни месяц, являлись к нему за деньгами! Вызвал он к себе парня, щедро расплатился с ним и тут же условился, что и на будущий год парень останется его поставщиком.

В ту же пору устроил царь во дворце своем пир, пригласил самых именитых людей: военачальников прославленных, пашей, воевод, всяких вельмож, седовласых советников — словом, всю знать. Ну и парня на пир позвали. Получил он приглашение царское, тотчас отправился к портному, заказал себе платье цветное, дорогое — вроде бы как придворное или свадебное,— нарядился и отправился на праздник. А хорош он был в этом наряде — загляденье, и только!

Ну, пошел он во дворец. Ум и Счастье его не оставили: вместе с парнем явились к царю, чтобы, значит, в любую минуту помочь своему господину, если понадобится. Усадили молодого купца на почетное место, рядом с пашами, как и подобает важному гостю. Ну, а парень в нарядном-то платье просто ангелом всем показался: и красив и умен — прямо глаз отвести невозможно.

Вот поели немного и выпили; вышла царица гостей попотчевать и сказать им приветное слово. Ну, а вместе с царицей и царская дочь пожаловала. Как увидела девушка молодого гостя — полюбила его всей душой. Только вышла из зала, сейчас же потребовала: выдавайте замуж меня поскорее за этого юношу.

— Что ты, доченька, разве же это возможно? — сказала царица.— Разве можно отдать тебя этому парню! Он простой купец! Он тебе не ровня. Жди в женихи какого-нибудь царевича, а не этого мужлана!

— Матушка, взял он сердце мое в полон! — ответила девушка, проливая слезы.— Без него мне и жизнь не мила. Либо завтра вы меня с ним помолвите, либо — клятву даю! — тут же руки на себя наложу. Грех на вашей душе будет, на том свете за это ответите!

Заперлась царевна в светелке, улеглась и стала плакать.

А как гости ушли, царица поспешила к царю, все ему рассказала. Царь пошел к дочке, уговаривать стал: откажись, мол, от своей затеи, разве он тебе ровня! Куда там! Дочь и слушать ничего не хотела,— знать, недаром трудились здесь Счастье и Ум паренька!

— Либо выйду за своего любимого, либо завтра яду приму! — отвечала родителям царевна.

Царь хоть и противился этому браку, да больше для вида. В душе и он не прочь был выдать ее за молодого купца.

— Знаешь что, любезная супруга,— сказал он царице,— выдадим дочку за того, кто ей по сердцу пришелся. Ничего, что жених незнатного рода, лишь бы дочка наша была весела и счастлива.

— Если ты так велишь, государь,— отвечала царица,— пусть так и будет. Пойди сюда, дочка! Будь по-твоему, помолвим тебя с твоим красавцем. Ну, поди-ка умойся, а потом поцелуй, безобразница, руку отцу и матери, чтобы мы пожелали тебе с женихом твоим счастья.

Услышав такие слова, побежала царевна вприпрыжку, тотчас мылом душистым в бане помылась, нарядилась. А потом к царю и царице пришла, отвесила им поклон и руку обоим с почетом поцеловала. Тут же послали гонца к жениху с сообщением: будешь

мол, царским зятем, отдает тебе царь в жены любимую дочь и в свой дом тебя вводит. Привели парня прямо к царю, поклонился он в ноги отцу-государю с супругой и сказал:

— За великую честь благодарен. Только я вам не ровня и государевым зятем быть недостоин, ведь я роду-то самого низкого. Потому и прошу я вас, если возможно, не делайте этого, чтобы после не каяться.

— Ничего, что ты низкого рода,— ответил ему государь,— захочу — так высокого станешь. На тебя твое Счастье работает, парень. Возьми-ка вот это кольцо. Будьте счастливы, дети!

Сговорились они. Царь назначил день свадьбы. Музыкантов позвал, чтобы на пиру играли, гостей услаждали.

Много дней шло веселье. А в последний день свадьбы снова встретились Счастье и Ум.

— Братец Ум, где же ты пропадаешь? — хихикнуло Счастье.— Видишь, парень-то наш как взлетел? Царским зятем сделался! А ведь это все я! Знать, не зря говорят старые люди: «Не родись умен, а родись счастлив!»

— Ну, так знай, Счастье,— ответствовал Ум,— кабы я не поддерживал парня, никогда бы ему не взлететь так высоко. Без меня-то и Счастье бессильно.

— Вот так так! — разобиделось Счастье.— Что же, зря, что ль, сказал царь, что я работаю на парня?

— Ну, раз ты заупрямилось, хватит! — ответил Ум.— Обойдись-ка без меня. Перестану поддерживать парня. Сразу все у него пойдет насмарку.

Поссорились Счастье и Ум, и покинул Ум парня. А случилось это в ту самую ночь, когда парень должен был впервые войти в опочивальню с молодой супругой.

Снова стал парень глупым — как прежде. Привели к нему в спальный покой царевну, а он вдруг отвесил ей оплеуху и из комнаты выгнал. Удивилась царевна, опять к нему постучалась. Он в другой раз дал ей оплеуху и прогнал из спальни. В третий раз постучалась жена, повторилось то же. А какую он чушь притом молол! Дитя пятилетнее, наверно, говорило б умнее.

Изумилась царская дочь, побежала к матери в опочивальню и рассказала ей все по порядку. Ну, царица пошла к пареньку, чтоб немедля узнать, в чем дело. А молодой зять такую околесицу плел, что она решила: парень и взаправду помешался. Доложили царю. Царь велел привести новобрачного, стал с ним толковать о всяких делах. Что ни спросит, жених такое ляпнет, что у царя уши вянут. Понял он, что зятек-то свихнулся! Увели его, заперли, тут же вызвали лучших лекарей.

— Вот и кончилось счастье, царица! — вздохнул опечаленный царь.— Лишился ума наш зять — и вся недолга!

— Не спеши,— отвечала царица.— Кто знает, что еще будет! Может, поправится к утру. Ну, свихнулся от радости парень... Бывает!

— Коль до завтра пройдет — хорошо! — ответил царь.— Если ж нет, дам ему под зад пинка и выгоню вон!

Ну, а Счастье? Увидало оно, что парень стал полоумным, опечалилось очень, призналось в ошибке своей и отправилось в путь. Решило найти Ум. Отыскало и просит:

— Иди, помоги пареньку. Осрамился он перед царем.

— Что же, поняло ты?..— начал было Ум.

— Виновато! — ответило Счастье.— Помоги только парню, а я уж теперь всегда буду с тобой неразлучно. Искуплю свою вину! Ты уж прости!

Услыхал такие речи Ум — смягчился и снова к парню пришел. Тот сразу опомнился, понял, что наговорил ночью. Стал придумывать, как оправдаться перед царем.

Доложили царю — хочет, мол, зять поговорить с ним. Царь велел точас же привести его. А парень принес царю жалобу: «Что ж это такое? Зачем его продержали всю ночь под запором?»

— Оставь-ка ты это, сынок! — отвечал ему царь.— Ты лучше послушай, что дочь моя нам рассказала. За что ты отвесил ей три оплеухи? За что отказал в своем ложе?

А парень уже придумал, что ответить царю,— ведь Счастье и Ум вновь ему помогали.

— Да, государь мой, я точно отвесил ей три оплеухи. Так уж завещал мне отец: когда я женюсь, ударить три раза супругу, чтобы крепко запомнила три непреложных завета. Пощечина первая — чтоб знала, что я в доме хозяин, и мужа бы чтила. Вторая — чтоб чтила отца, а третья — чтоб мать свою чтила. Вот это и было причиной тревоги.

Услышав умные речи, царь все ему простил,— и парень стал жить во дворце с молодою женой. Быть может, и нынче он в том государстве живет.

ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

У одного человека был пастух, который много лет служил ему верой и правдой. Однажды пас он овец и услыхал в лесу какое-то шипение, а не разобрал, что это. На этот звук пошел он в лес посмотреть. А там лес загорелся и в огне змея шипит. Как увидел это пастух, остановился и смотрит, что же змея будет делать. А вокруг нее все горит, и пожар к ней приближается. Тогда змея закричала из огня:

— Пастух! Ради Бога, спаси меня из огня!

Тут пастух протянул ей свой посох, и она выползла по посоху и к нему на руку, а с руки на шею и обвилась вокруг шеи. Как увидел это пастух, удивился и говорит змее:

— Вот беда-то! Я тебя избавил, а себя погубил!

Змея ему отвечает:

— Не бойся, отнеси меня в дом моего отца. Мой отец — змеиный царь.

Пастух стал ее умолять и говорить, что он не может оставить овец, а змея ему сказала:

— За овец не беспокойся, с овцами ничего не случится, а иди лучше поскорее.

Пошел пастух со змеей на шее лесом и в конце концов пришел к воротам, а были они сплетены из змей. Как подошли туда, змея на шее пастуха свистнула — и змеи сразу расплелись.

Змея и говорит пастуху:

— Как придем в дом к отцу, он будет давать тебе все, чего ни пожелаешь, но ты ничего не бери, а проси язык животных. Он долго будет отказывать, но под конец даст.

Тут вошли они в дом, и отец плачучи спросил змею:

— О Боже, доченька, где ж ты была?

А она ему рассказала все по порядку о том, как ее окружил пожар и как пастух ее спас. Тогда змеиный царь спросил пастуха:

— Что же мне тебе дать за то, что ты мою дочь спас?

Пастух ответил:

— Ничего мне не надо, только дай мне язык животных.

А царь сказал:

— Это не для тебя, ведь если я тебе его дам, а ты об этом кому-нибудь скажешь, то сразу умрешь. Проси другое — что ни пожелаешь, все дам.

На это пастух ему ответил:

— Если хочешь дать мне что-то, дай мне язык животных. А не хочешь дать его, оставайся с Богом! Мне ничего другого не надо.

Повернулся и пошел. Но царь его вернул словами:

— Постой, воротись, коль ты этого уж очень хочешь. Открой рот.

Пастух открыл рот, а змеиный царь плюнул ему в рот и сказал:

— Теперь ты плюнь мне в рот.

Пастух плюнул ему в рот, а змеиный царь — опять плюнул пастуху. И так трижды плюнули они друг другу в рот, и змеиный царь сказал:

— Теперь ты получил язык животных. Иди с Богом, но ради жизни своей никому не говори: если скажешь кому-нибудь, тут же умрешь.

Пошел пастух лесом и по пути слышал и понимал все, что говорили птицы и травы, и все, что ни есть на свете. Пришел он к овцам, нашел их целыми и невредимыми и улегся немного поспать. Только прилег, как прилетели два ворона, сели на дерево и стали разговаривать на своем языке:

— Знал бы этот пастух, что там, где лежит черный барашек, под землей есть погреб, полный злата-серебра!

Пастух, как услышал это, пошел к своему хозяину и рассказал ему. Хозяин прислал телегу, откопали двери погреба и привезли деньги домой. Хозяин был честный человек и весь клад отдал пастуху, сказав:

— Вот, сынок, все это добро тебе Бог дал. Построй себе дом, женись да и живи на эти деньги.

Пастух взял деньги, построил дом, женившись, стал жить-поживать и мало-помалу стал самым богатым человеком — не только в своем селе, но и во всей округе богаче его не было. Он нанял людей ходить за овцами, коровами, лошадьми, свиньями, завел большое хозяйство и нажил великое богатство.

Как-то на Рождество он сказал жене:

— Приготовь вина, ракии и всего, что полагается, я завтра поеду на хутор и отвезу пастухам: пусть и они повеселятся.

Жена послушала и сделала все, как он велел. Когда на другой день они приехали на хутор, хозяин под вечер сказал пастухам:

— Теперь вы все соберитесь, ешьте, пейте и веселитесь, а я буду всю ночь караулить скотину.

И хозяин пошел к скотине. Вдруг о полночь завыли волки, собаки залаяли. Волки говорят на своем языке:

— Можно ли нам прийти резать скот? И вам мяса достанется!

А собаки отвечают на своем языке:

— Приходите, чтоб и мы наелись!

А среди собак был матерый пес, у которого только два зуба в пасти осталось. Этот матерый пес и стал говорить волкам:

— Ах вы, такие-сякие! Пока у меня в пасти есть еще эти два зуба, не дам вам резать скот моего хозяина.

Наутро хозяин велел всех собак перебить, кроме того матерого пса. Слуги говорят:

— Окстись, хозяин, урон один!

А хозяин им ответил:

— Что сказал, то и сделайте.

И поехал с женой домой, да поехали верхом: под ним был конь, а под женой кобыла. Едучи эдак-то, муж вырвался вперед, а жена приотстала. Тут конь под мужем заржал и говорит кобыле:

— Давай быстрее! Что отстаешь?

А кобыла отвечает:

— Э, тебе хорошо, ты-то несешь одного хозяина, а я троих — хозяйку, в ней дитя, а в себе жеребя.

На эти слова муж обернулся и рассмеялся, жена заметила, поскорей подхлестнула кобылу, догнала мужа и спрашивает, чему он смеялся. Он ответил:

— Да ничему, просто так.

Но жене этого было мало, набросилась она на мужа, чтоб сказал ей, чего он смеялся. Он стал отговариваться:

— Отстань! Бог с тобой! Чего пристала? Я и сам не знаю.

Но чем больше он отговаривался, тем больше она приставала к нему, чтобы сказал, отчего он смеялся. В конце концов муж говорит ей:

— Если я тебе скажу, я сразу же умру.

Но она и слушать не желала, знай пристает и твердит свое: скажи ей, и только! С тем и домой приехали.

Слезши с коня, муж тотчас заказал гроб, а когда тот был готов, поставил его перед домом и сказал жене:

— Вот я сейчас лягу в гроб и скажу тебе, отчего я смеялся, но, как скажу, тут же и умру.

И вот лег он в гроб и последний раз поглядел вокруг, как вдруг тот матерый пес прибежал с хутора, сел у него в головах и заплакал. Заметив это, человек сказал жене:

— Принеси кусок хлеба и дай псу.

Жена принесла кусок хлеба и бросила псу, но тот даже и не посмотрел на хлеб, подбежал петух и стал клевать хлеб. Тогда пес сказал петуху:

— Ах ты, обжора несчастная! Тебе бы все клевать, не видишь разве, что хозяин помирать собрался!

А петух ему ответил:

— Ну и пусть помирает, коль такой дурак. У меня сто жен, я их, как где найду просяное зернышко, всех зову, а как прибегут, я зернышко и проглочу, и если какая из кур рассердится, я ее раз клювом. А хозяин одну жену усмирить не может.

Как услышал это человек, вылез из гроба, взял палку и позвал жену в горницу:

— Пошли, жена, я тебе все скажу.

И палкой ее:

— Вот почему, жена, я смеялся, вот почему!

Тут жена и притихла и уже больше никогда не спрашивала его, почему он смеялся.

ЦАРЬГРАД

Сказывают сербы, будто Царьград не люди строили, а он сам сотворился. Говорят, будто какой-то царь во время охоты наехал на мертвую человечью голову, переехал ее на своем коне, а голова ему и говорит:

— Что топчешь меня, ведь я и отомстить сумею.

Как услыхал это царь, слез с коня, поднял голову и отвез ее домой; дома он ее сжег, а когда угли остыли, стер их в порошок, завернул в бумагу и в сундук спрятал. Прошло время, уехал как-то царь, а его дочь (была она уж на выданье) взяла ключи, открыла сундук и давай в нем копаться. Нашла она тот самый сверточек, видит — порошок какой-то, а какой — не знает, тогда она палец языком смочила, в порошок палец макнула и чуть лизнула — узнать, что это такое. Потом опять завернула порошок в бумагу, как было, положила в сундук и с той минуты забеременела. Когда стали потом допытываться и доискиваться, отчего да как, поняли, что зачала она от той самой головы. Пришла пора — родила царева дочь сына. Взял царь дитя малое на руки — а оно хвать его за бороду. Тогда царь приказал принести тарелку с горячими угольями и тарелку с золотыми монетами — посмотреть, по глупости ребенок это сделал или нарочно.

— Ежели,— говорит,— по глупости, он и за уголья схватится, а ежели нет — к золотым монетам потянется.

Как поднесли ребенку жар да золотые монеты, он сразу золото схватил, а на уголья и глазом не повел. Понял царь: исполнится то, что ему голова сказала. Когда превратился младенец во взрослого юношу, царь прогнал его от себя и наказал:

— Иди по белу свету и нигде не останавливайся, пока не попадешь туда, где две злые силы стакнулись.

Долго скитался молодец по свету и наконец пришел на то место, где сейчас Царьград стоит. Видит: куст боярышника, а вокруг него змея обвилась: змея куст жалит, куст змею колет. «Вот тебе и две злые силы»,— подумал про себя молодец и пошел вокруг осмотреться, а когда снова близ того куста оказался, остановился и говорит:

— Тут остановиться надобно.

И в тот же миг, как он слова эти вымолвил, оглянулся, а от куста этого до самой его спины, по всему пути, как он осматривал округу, стена выросла. А от того места, где он остановился, до куста, сказывают, и сейчас будто стены в Царьграде нету. А ежели бы он не оглянулся и не сказал: «Тут остановиться надобно», стена до самого куста протянулась бы. Стал он тут потом царем и у своего деда царство отнял.

ВСЕ-ТО ВСЕ, НО РЕМЕСЛО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Отправился некий царь с женой и с дочерью прогуляться на корабле по морю. Едва они отошли от берега, как подул ветер и отнес корабль в такую страну, где про его царство ничего не слыхали и о нем до того ничего не слышал и не знал. Когда вышли на берег, царь не посмел сказать, кто он, а денег у них с собой совсем не было, и, не знаючи никакого ремесла, они не смогли бы прокормиться, если бы царь не нанялся у крестьян пасти скотину.

Прожили они тут несколько лет, и как-то сын царя этой страны углядел дочь пастуха, а она была очень красива и уже заневестилась. И сказал он своим родителям, что не женится ни на ком, кроме дочери пастуха из такого-то села. Отец, мать и все придворные стали его уговаривать не срамиться: как это он царев сын, возьмет дочь пастуха, когда есть столько других, царских и королевских дочерей! Но все напрасно, царевич твердит свое:

— Хочу ее, другой мне не надо!

Как увидел царь, что по-другому не бывать, послал он своего визиря к пастуху объявить, что царь возьмет его дочь за своего сына. Когда визирь пришел и объявил это пастуху, тот спросил его:

— А какое ремесло знает царевич?

Визирь удивился:

— Бог с тобой, человече! Зачем царевичу знать ремесло? На что ремесло царскому сыну? Люди учатся ремеслам, чтобы ими кормиться, а у царского сына есть земли и города.

А пастух говорит:

— Ну, коль не знает никакого ремесла, то я за него свою дочь не отдам.

Визирь воротился и передал царю слова пастуха. Вот уж диво так диво! Они думали, что для пастуха великое счастье и слава, коль царевич возьмет его дочь в жены, а он спрашивает, какое ремесло знает царев сын! Царь послал другого визиря, а пастух твердит одно и то же:

— Пока царевич не научится какому-нибудь ремеслу и не принесет мне своего рукоделья, до тех пор из сватовства ничего не выйдет!

Когда и этот визирь вернулся и сказал, что пастух не отдаст свою дочь, пока царев сын не научится какому-нибудь ремеслу (обязательно ремеслу), пошел царевич по базару смотреть, какому ремеслу легче всего выучиться. Ходил от лавки к лавке и смотрел, как разные мастера работают, пока не пришел в лавку, где плели рогожи, и это ему показалось самым легким ремеслом. И начал он ему учиться и за несколько дней выучился. Сам сплел одну рогожу, ее отнесли пастуху и сказали, что царев сын научился ремеслу и что это его рукоделье. Пастух взял рогожу в руки, осмотрел ее со всех сторон и спросил:

— Сколько же она стоит?

А они ему говорят:

— Четыре пары.

— Ну,— говорит он,— хорошо! Четыре пары сегодня, четыре — завтра, это восемь, а четыре — послезавтра, это уже двенадцать. Знай я это ремесло, то не пас бы сегодня крестьянскую скотину.

И тогда он рассказал им, кто он и как сюда попал. Обрадовались они тут еще больше оттого, что берут дочку у царя, а не у пастуха, и с превеликой радостью обвенчали молодца с девушкой да сыграли свадьбу.

А потом дали этому царю корабли и войско, и поплыл он по морю и нашел свое царство.

ВИНО И РАКИЯ

Однажды вино попросило ракию — водку — зайти к нему. Пришла ракия, а вино говорит:

— Жалуются на тебя и мужчины и женщины, что ты зла и крепка. Мне это надоело. Зачем ты так ведешь себя, негодница? Посмотри на меня, ведь я твой отец, много старше тебя, но не спаиваю людей, как ты! Ты моя дочь, и как же тебе не стыдно спаивать людей — не только шестью стаканами, а даже двумя! Советую тебе исправиться.

Ракия же отвечает:

— В этом виновата не я, а ты,— ты родил меня такой. Виноваты и те, кто пьет меня. Ведь пока я дремлю в посудине, куда меня

вольют, я тише воды ниже травы. А как только я попадаю в глотку мужчины или женщины, то и триста чертей со мной не справятся.

ДЕВУШКА, ОСЕЛ И СТАРУХА

В одной деревне жила девушка. Осталась она круглой сиротой — ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. А наследства всего-навсего три-четыре сотни грошей. Приходит девушка к знакомой старухе и говорит:

— Вот осталась я сиротой, никаких доходов у меня нету. Не купить ли осла на те гроши, что после матери остались? Я бы на осле возила дрова на рынок. А потом, может, счастье выпадет, я и замуж выйду?

Старуха засмеялась и прошамкала беззубым ртом:

— Дурочка ты, дитятко! Зачем тебе, слабенькой и глупенькой, мучиться? Коли есть денежки, ну и купи себе мужа, лучшего осла не найдешь.

КАК ЧЕЛОВЕК СТАЛ КРОТОМ

Жили-были два брата. Поделили они все добро по-хорошему, а как дошло до луга — заспорили. У старшего брата был сын; отец и говорит ему:

— Сынок, закопаю я тебя на лугу, в первую неделю после новолуния, а брату так скажу: «Кому отзовется луг, тот и будет хозяин». Смотри же отзовись.

Пошел старший брат к младшему и говорит:

— Знаешь что, брат? Больно много спорим мы из-за луга, давай-ка, чтобы нам не ссориться, пойдем в первую неделю после новолуния и спросим луг,— пусть сам скажет, чей он: кому отзовётся, тот и хозяин.

Брат согласился.

Поутру старший брат закопал на лугу своего сына. Потом, часов в девять, братья вдвоем пришли на луг. Младший брат закричал:

— Эй, луг, чей ты будешь?

Луг не откликнулся. Спросил старший брат:

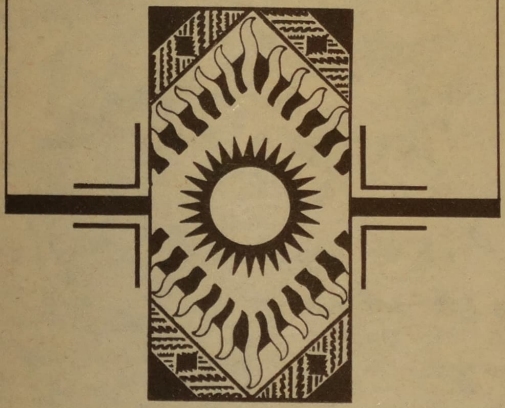
— Эй, луг, чей ты будешь?

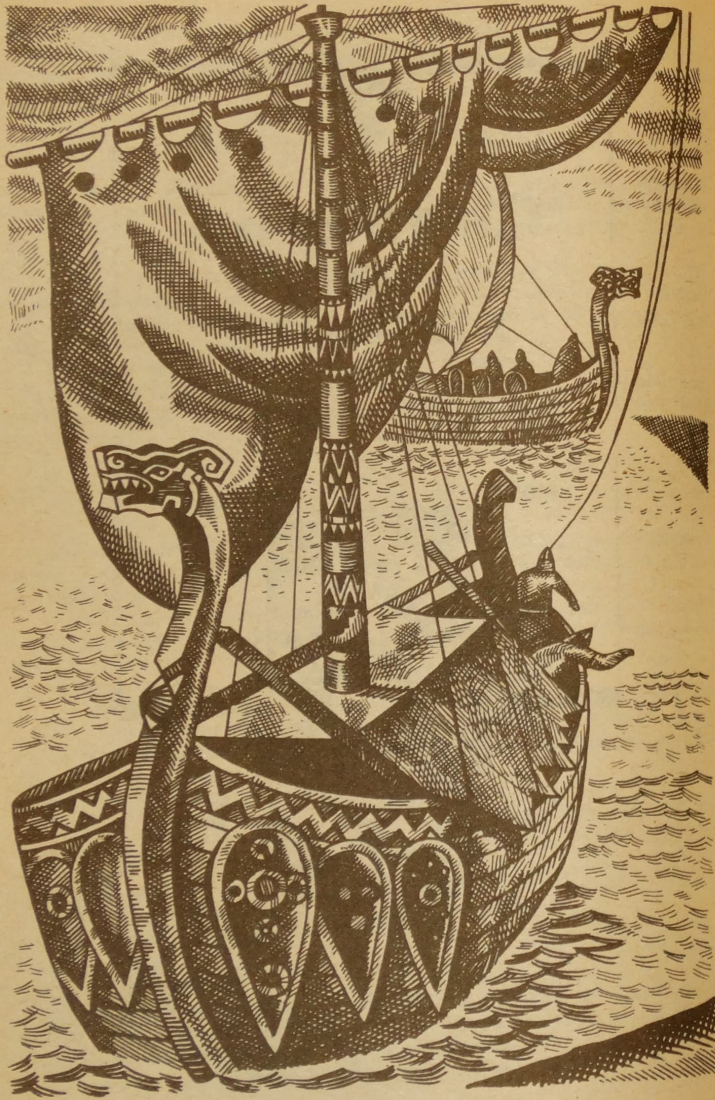
Ему отозвался сын из-под земли:

— Твой я, твой!

И младший брат отдал ему луг. Когда он ушел, отец стал откапывать сына. Но на том месте, где он закопал парня и откуда тот отзывался, его уже не было. Искал, искал его отец, да так и не нашел: сын стал кротом да так кротом и остался. Еще и теперь роет тот луг.

Сказания о хазарах





ХАЗАРЫ

«Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам»,— с этих пушкинских строк начинается наше знакомство с этим интересным народом, обитавшим в степи южной Руси между Доном и Волгой в VI—X веках по Рождеству Христову. Начинается и — этими же строками поэта и заканчивается: в учебнике истории хазарам уделено всего лишь несколько строк. Между тем эти степняки сыграли значительную роль в судьбе русичей. Кто же они, хазары?

Разные историки отвечают по-разному на этот вопрос. Одни, как популяризатор исторической науки начала XX века А. Нечволодов, утверждают, что хазары пришли из далекой Азии и назывались вначале обрами; другие, как современный нам этнограф Л. Н. Гумилев, предполагают, что они издревле жили на территории современного Дагестана, а позднее были вытеснены на Нижнюю Волгу арабами. Лев Гумилев, участвовавший в археологических раскопках в Дагестане, так описывает свои впечатления от встречи с хазарами: «Казалось, они (скелеты) принадлежат подросткам. Длина скелета составляет около 1,6 м, сами кости мелки и хрупки. Подобный антропологический тип сохранился у терских казаков. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим морем, и лишь дагестанский виноград, принесенный хазарами с Кавказа в дельту Волги, остался свидетельством их миграции».

Первое достоверное упоминание о хазарах относится к 60—80 годам VI века, когда они как подчиненные участвуют в походах тюркютов в Закавказье. В начале 90-х годов VI века хазары становятся ведущей силой в Восточном Предкавказье, признавая, однако, верховную власть Тюркского каганата. С крушением в 50-х годах VII века Западно-тюркского каганата хазары обретают независимость. С этого времени и можно говорить о начале Хазарского каганата. Глава хазар объявил себя главой всех тюркских и кочевых племен Евразии, то есть каганом.

Л. Н. Гумилев о начале государственности хазар выдвигает иную версию, выводя ее из распрей в Китае правящей династии Тан (618—907). Неудачный соискатель трона в Китае бежал к хазарам, был принят ими и... посажен на престол в Хазарии. Хантюрк устраивал хазар вполне: он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Тереком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Хазарам не приходилось содержать своего хана. Он не требовал с них налогов, кормясь собственным кочевым хозяйством. Хан и пришедшая с ним военная знать, удовлетворяясь дарами подданных, не вводили системы поборов и не занимались торговлей.

Очерк «Хазары» написан по материалам исследований Л. Н. Гумилева «От Руси к России» и А. Н. Макарова «Сокрушение Хазарского каганата Святославом», М., журнал «Держава», 1995.

Тюркские ханы и беки, возглавив хазар, ставших к тому времени совсем невоинственными, организовали их защиту от арабов. Те наступали из Азербайджана через Дербент на Терек и Волгу. Тюрки — народ воинов — защищали хазар от врагов и совместно с ними образовали в Прикаспии небольшое государство.

И вот это тюркско-хазарское государство испытало внедрение иного народа с иными традициями и культурой. Этим народом были — евреи. Появились они из Ирана. В V веке в Персии (так раньше назывался Иран) при шахе Каваде его визирь Маздак, совершив революцию, приступил к раздаче имущества богатых беднякам. В конце концов бунт был подавлен, а евреям, принявшим самое деятельное участие в революции, причем на той и другой стороне, пришлось бежать из Персии. Одна часть обосновалась в Азербайджане, другая — в Византии. Византийские евреи занялись спекуляцией рабами, были замечены в измене — открывали ворота городов воевавшим с Византией арабам — и в конце концов были изгнаны из страны. Изгнанники поселились в Хазарии, где уже проживали их соплеменники, некогда бежавшие из Персии в Азербайджан.

Страна к северу от Терека понравилась переселенцам. Луга, покрытые зеленой травой, были прекрасными пастбищами. В Волге водились осетры и стерлядь. Здесь проходили торговые пути. Соседние племена были беззлобны и неагрессивны. Используя свою грамотность, евреи стали осваивать и развивать занятия, не свойственные местному населению: в их руках оказались дипломатия, торговля, образование.

В начале IX века еврейское население Хазарии к своему экономическому и интеллектуальному могуществу добавило и политическое. Мудрый Обадия, про которого древние документы говорят, что «он боялся Бога и любил закон», совершил революцию, выгнал из страны тюрок, составлявших военное сословие Хазарии. Расправиться с тюрками-воинами ему помогли наемники — печенеги и гузы. Хазарские тюрки долго воевали с захватчиками, но были разбиты и частью погибли, частью ушли в Венгрию.

Евреи остались в Хазарии. Но ассимиляции не произошло. Как гласит еврейская пословица, «никто не может обнаружить след птицы в воздухе, змеи на камне и мужчины в женщине», и потому евреями считались все дети евреек, независимо от того, кто был их отец. У хазар же, как у всех евразийских народов, родство определялось по отцу. Эти разные традиции не давали смешаться двум народам, и отличие двух этносов закреплялось тем, что дети евреек и дети хазарок обучались по-разному. Учитель-раввин не принимал в школу ребенка, если тот не был евреем, то есть если его мать была хазарка или печенежка. И отец учил такого ребенка сам, но, несомненно, хуже, чем учили в хедере (школе). Так закреплялись два разных стереотипа поведения. Это различие и определило различные судьбы двух народов: евреев и хазар.

С самого начала своего существования Хазария утвердила свою власть над важнейшими торговыми путями из Восточной Ев-

Евреи: караимы и талмудист. Рисунок из книги «Народы России», XIX век.

ропы в страны Передней Азии. Эта торговля была посредническая. Большую часть доходов составляли торговые пошлины на заставах в узловых местах сухопутных, речных и морских путей. Пошлины составляли десятую часть товара. В отдельных случаях, как во время прохода кораблей руси через Итиль (город ниже нынешней Астрахани, тогдашняя столица Хазарии) на Каспий и об-

ратно в 913—914 году, бралась и гораздо большая часть товаров или добычи. Через Хазарию шли воск, мед, меха, рабы. Последние поставлялись уграми и печенегами, совершавшими набеги на славен и русь.

Кроме того Хазарии платили дань покоренные народы. Дань платили товарами или деньгами. Вятичи, например, платили хазарам дань по щелагу (серебряному дирхему) с сохи. Мордва платила дань мехами. К тому же покоренные племена обязывались выставлять войско. Буртасы — кочевое племя, обитавшее нынешнюю Саратовскую область — должны были выставлять по требованию правителя хазар до 10 тысяч всадников. А правители покоренных народов обязаны были также отдавать в жены кагану своих дочерей.

Власть хазар держалась на мощной военной силе и на глубоком почитании и уважении, какой пользовался хазарский каган у тюркских и других кочевых племен. В глазах хазар-язычников он был окружен ореолом божественной силы. У кагана было 25 жен из дочерей подвластных хазарам правителей других народов и 60 наложниц. Он был залогом благополучия народа. В случае большой опасности от врагов, хазары выводили кагана, увидев которого враги тотчас обращались в бегство. При каком-либо несчастии — засухе, голоде или поражении на войне,— считали, что это произошло из-за духовной немочи кагана. Тогда народ и знать могли потребовать убить кагана.

По существовавшему у тюрок обряду, при возведении нового кагана на престол ему набрасывали на шею шелковую петлю и давили до тех пор, пока он не начинал задыхаться. Тогда его спрашивали: сколько лет он желает царствовать? Когда полузадушенный каган называл то или иное число, тогда его возводили на престол. Если, процарствовав названное им самим время, каган не умирал, его убивали. Каган не мог царствовать более 40 лет. По истечении этого срока его убивали, так как, по убеждению хазар, его ум слабел и рассудок расстраивался, его божественная сила ослабевала, и он не мог приносить пользу своему народу. Хазары воздавали почтение не только кагану, но и его могиле. Хоронили кагана под водой, сооружая над его могилой надгробие.

Около 740 года хазары приняли измененный иудаизм, а в 800 году — раввинский. Произошло это так. В 737 году арабский полководец Мерван нанес сокрушительное поражение Хазарии. Каган запросил мира. Мерван согласился — в ответ на принятие каганом ислама. Каган ислам принял, но, видимо, только для установления в стране спокойствия.

Бедственным положением страны воспользовался один из знатных хазаров — Булан, исповедовавший иудаизм. Он предложил кагану также принять иудейскую веру — в обмен на жизнь, ведь по обычаю за разгром страны народ мог требовать казни кагана.

Принятие каганом иудейской веры, вероятно, совершилось в глубокой тайне и оставалось неизвестным для большей части хазар. Только ближайшее окружение кагана из числа родственников

и знати, также принявшее иудаизм, знало о новой тайной вере кагана. Скрытный характер веры кагана, с одной стороны, позволял держать в трепетном повиновении хазар-язычников, для которых личность кагана была священной, а с другой стороны, держать в подчинении самого кагана, в угоду Булану и поддерживающим его сторонникам, под постоянной угрозой раскрытия народу его истинного лица и неизбежного вслед за этим устранения.

А когда Обадия, потомок Булана, «сын его сыновей», совершил государственный переворот, лишив окончательно власти кагана, тот был низведен до положения сакрального владыки, «священного жертвенного животного». Так верховный правитель хазар, каган, стал обладателем только видимой, внешней власти. Действительная же власть в Хазарии стала принадлежать второму лицу в государстве — царю или малику, беку по-арабски, или «мэлэху» по-еврейски. Царь мог не только по своему выбору назначать кагана, но в любое время и устранять его. Теперь царю-иудею принадлежало право набрасывать петлю на шею кагана при обряде возведения его на престол и сообщать народу ответ полузадушенного кагана о времени его царствования.

Каган жил в полном затворничестве в своем дворце, который в X веке располагался на одном из волжских островов рядом с дворцом царя. Кроме царя, доступ к кагану имели еще два чиновника. Раз в четыре месяца каган показывался народу, сопровождаемый всем войском. При этом все встречные должны были падать ниц. И по сути народ не мог видеть кагана. Каган избирался царем из одного и того же знатного, но к X веку обедневшего рода. Каганом мог быть только иудей. Принявший другую веру терял право на престол.

Но иудаизм не стал государственной религией. Основная часть хазар осталась язычниками, или же приняла ислам или христианство. Иудеями была верхушка — знать, купцы, ростовщики, военачальники.

Когда народ узнал о смене религии правителей, в Хазарии вспыхнуло восстание, подавленное Обадией. Уцелевшая часть восставших хазар бежала в Венгрию.

К этому времени иудеи стали влиятельной политической силой. Им покровительствовали испанские Омейяды, французские Каролинги. За некие услуги, оказанные им, иудеи преподнесли Карлу Великому красное знамя и царские знаки последних римских императоров, попавшие к ним через готов. Значительная часть международной торговли оказалась в руках иудеев. Под их контролем уже находилась и большая часть работорговли.

К этой поре, вероятно, относится и перенесение столицы Хазарии из прикавказского Семендера в Итиль на Волге, хотя в источниках IX века она под этим именем еще не упоминается. Впервые в древних источниках название Итиль появляется лишь в X веке. Ранее, начиная с IX века, столица хазар на Волге была известна под разными именами: Сарашен (Хазаран), Ханбалык или Хамлык.

В X веке Итиль состоял из трех частей. В одной части жила царица со своими приближенными. В этой части, вероятно, восточ-

ной и расположенной на левом берегу Волги, жили также иудеи, исмаилитяне и христиане, а также купцы других народов и племен. Там были синагоги, мечети, церкви, бани, рынки. В Итиле было 7 судей — по 2 для иудеев, мусульман и христиан и 1 для язычников. Судили они по обычаям и установлениям своих вер.

Во второй части города, расположенной на правом берегу, жила знать и располагался отряд стражи из хорезмских мусульман. Каган и царь жили на острове посреди реки. Там же находились поля, виноградники и все необходимое для их жизни. Царь жил в каменном дворце. Прочим людям таких домов иметь не разрешалось. Все, кроме знати, считались рабами царя. Простым хазарам предоставлялось лишь «почетное» право охранять иудеев-торговцев, живших в городах на окраинах государства. Царя же охраняло 10 тысяч воинов-мусульман. Как обращались с простыми хазарами, видно из ответа царицы голодающему народу, обратившемуся к ней за помощью: она посоветовала им надеяться на милость Божию. В различии вер — правителей и народа причина стремительного падения Хазарского каганата: там, где правительство и народ исповедуют разные веры, государство недолговечно.

Еврейское правительство Хазарии держалось «на штыках» наемников, в том числе и славян. Хазарские правители были истыми купцами: они покупали победы, и только победы. Если наемники терпели поражение, что иногда случалось, их казнили.

В 939 году произошло событие чрезвычайной важности. Русский вождь — князь Игорь — захватил принадлежащий Хазарии город Самкерц (ныне Тамань); хазарский правитель ответил на удар ударом: на русов двинулась мусульманская гвардия под командованием еврея, «достопочтенного Песаха». Песах освободил Самкерц, переправился через Керченский пролив и прошел по южному берегу Крыма (940), истребляя христианское население. Перейдя Перекоп, Песах дошел до Киева и обложил русское княжество данью. (Тогда-то русы и выдали хазарам свои мечи, о чем рассказывается в «Повести временных лет».).

Сокрушение Хазарии, верхи которой исповедовали иудаизм и поддерживали его среди подвластных и окружающих народов через распространение выгодного для них мировоззрения — рабства и покорности, превосходства иудеев,— означало сокрушение оков наиболее тяжкого угнетения — духовного, которое могло погубить основы яркой, самобытной духовной жизни славян и других народов Восточной Европы. И эту историческую задачу решил великий полководец Руси князь Святослав. О его походе мы расскажем в предании, как оно сохранилось в летописях. Вообще, от хазарского народа не осталось ни одного письменного памятника, и мы вынуждены ограничиться теми немногими сказаниями, которые сохранила память соседних с хазарами народов, прежде всего русского.

В. МАЛИКОВ

РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ДРЕВНЕГО ХАЗАРСКОГО г. МАЖАРЫ

Получив сообщение полицейского пристава г. Святого Креста, а затем исправника, что крестьянин Бондаренко при копании глины в кургане наткнулся на кирпичную постройку, я немедленно ответил и просил полицию, чтобы работы в этом месте были приостановлены и чтобы приняли меры к охране этого места.

Вместе с этим я написал губернатору и лично просил сделать распоряжение о воспрещении раскопок и чтоб были приняты надлежащие меры к охране обнаруженной находки.

Просьба моя немедленно была исполнена и согласно распоряжению г. губернатора меры были приняты местной полицией.

Не имея возможности выехать на место тотчас же, я написал игумену Мажарского-Воскресенского монастыря и просил его учредить по возможности надзор за этим местом до моего приезда, а затем просил ученого лесовода К. А. Запасника, члена нашего музея, работавшего в той местности, осмотреть указанное место и сообщить о результатах. Любезно исполнив мою просьбу, К. А. прислал маленькое описание и небольшой набросок от руки того, что ему удалось видеть, не прибегая к раскопкам.

Очень благодаря его за исполнение моей просьбы, я должен сказать в то же время, что наружный осмотр, как потом оказалось, не давал никакого представления о том, что было в действительности. На рисунке Запасника обозначен кирпичный свод, на самом же деле, как видно из прилагаемых фотографий (в архиве фотографий ныне нет — прим. издательства), кирпичное сооружение в кургане совсем сводов не имело и не было постройкой.

Серьезным препятствием к поездке было и то обстоятельство, что наша Комиссия не имела ни копейки денег на расходы, а с поездкой и рабочими для раскопок требовалось 80 рублей.

К счастью, скоро я получил уведомление от губернатора, что нашей Комиссии разрешено пособие в 200 рублей.

Я решил воспользоваться первым перерывом в моих делах и отправиться на место, тем более, что стали доходить до меня слухи, что жители, предполагая в этом кургане большой клад, собираются ночью разрыть его.

16 сентября я наконец выехал из Ставрополя. В 2 часа 18 сентября я был в Святом Кресте, а в 4 часа я уже приступил к раскопкам.

Собралась толпа. Все были уверены, что в кургане кирпичный погреб, а в нем бочки с золотом и уже шли разговоры — заберу ли

На рукописи, присланной в феврале 1910 г. в Саратовскую Ученую Архивную комиссию из Ставрополя и ныне хранящейся в Государственном архиве Саратовской области (ф. 407, оп. 2, д. 2183), чьей-то рукой помечено: «Настоящее описание раскопок древнего хазарского города Можары помещаем ввиду того, что в этих древностях замечается мною аналогично (неразборчиво) Увекским древностям». Ныне г. Святой Крест — г. Буденновск Ставропольского края.

я это золото, или оно должно быть отдано городу, а некоторые говорили монастырю, третьи утверждали, что Бондаренко, так как он нашел этот «погреб».

По вопросу о правах Бондаренко многие возражали и говорили, что об погребе давно известно, но что начальство не позволяло «разрывать», а Бондаренко хотя и «осмелился», но права на золото не имеет.

Осмотрев курган, я убедился, что меры к охране действительно были приняты и дальнейших раскопок не было. Видна была только небольшая траншея внутрь кургана, сделанная Бондаренко, по которой можно было судить, что Бондаренко вовсе не глину копал здесь, а рыл с целью кладоискательства; внизу виднелись куски кирпича.

Разрытый курган находился в ряду целой массы других курганов и ям, расположенных на выгонной земле г. Святой Крест в 50—60 саженях от монастырской стены и 200 саженях от крайних городских построек, около дороги, идущей в город к артезианскому колодцу, с северной стороны города. Я решил продолжать работу Бондаренко, чтоб скорее произвести обследование, тем более, что день уже клонился к вечеру.

Вынув землю из траншеи, я обнаружил угол какого-то сооружения, которое шло под курган, валялись куски кирпича и цельный кирпич, что свидетельствовало, что Бондаренко добрался и до самой стены предполагаемой им постройки и даже успел пробить ее и вынуть часть кирпичей.

Все это по распоряжению полиции засыпано было снова землею, которую мы теперь и выбрали. Так как этим путем ничего нельзя было установить, то я и решил начать с поверхности курганной насыпи и стали снимать землю. Земля была мягкая и ничего в себе не содержала, хотя значительно утрамбованная, потому что на этом бугорке собиралась ближайшая городская молодежь — мещане в праздничные дни.

В общем было снято аршина два земли и с восточной стороны показался кирпичный щебень и обнаружился фундамент бывшей стены, которую удалось проследить и с севера.

Вследствии этого я заложил траншеи по этим стенам, охватил всю площадь бывшего здесь сооружения и решил вынуть всю землю на этом пространстве.

В южной части этой площади на верху курганной насыпи по снятии земли обнаружена кладка из сырцового, необожженного кирпича, по-видимому угол бывшей надземной постройки. Тут же были положены такие же кирпичи горизонтально и служили, вероятно, выстилкой, полом в бывшей постройке. Величина оставшейся стенки была незначительная, а потому не представлялось возможности установить назначение и размеры бывшей постройки. Размер этого сырцового кирпича был следующий: длина $8^1/_2$ вершка, ширина $5^1/_2$ вершка и толщина $1^1/_2$ вершка.

Судя по этим размерам кирпича, можно подумать, что эта по-

стройка не последнего времени, т. к. точно такой же сырцовый кирпич по размерам, материалу и качеству отделки найден ранее в древних могильных склепах на монастырской земле в $1^1/_2$ версте от этого места, из него были сделаны могильные склепы тем же способом, как ныне найденный кирпичный. С таким же кирпичом были найдены могильники и в других местах и их надо отнести все к «хазарской» эпохе (см. мою статью «Мажары» и «Развалины древнего хазарского города»).

Эти указания дают основание думать, что и найденная надземная кладка на этой курганной насыпи относится к той же отдаленной эпохе хазарского господства, во всяком случае не позже XIV века и имеет тесную связь с склепом внутри кургана и стояла над склепом.

На кусках кирпича, найденных в яме, очевидно, от склепа, есть знаки в виде линий, есть куски с ободком, как будто грубая черепица и на одном отпечаток ноги, по-видимому, овцы.

Работало в этот день 7 человек.

Полицейский пристав весьма предупредительно прислал 3 человек городовых, что было далеко не лишним, т. к. убеждение, что сейчас достанут золото, слишком было велико, каждый хотел первым достать его и все лезли прямо в траншею.

С наступлением сумерек приостановив работы, я просил оставить охрану полицейских на всю ночь, что и было в точности исполнено.

Рабочие за эти 4 часа (с 4 до 8) потребовали по 50 копеек, на каждого, объявив цену на другой день по 1 рублю 50 копеек.

Так настроилось воображение, что и мне стало казаться, что мы имеем дело с подвальным этажом какого-нибудь большого здания и что, возможно, окажется и погреб тем более, что я был на этом месте несколько лет ранее и, подробно осмотрев его, пришел к убеждению, что в этой части действительно находились постройки, было поселение, шли улицы, а раскопки 1907 года только подтвердили мое предположение.

С рассветом 19 сентября мы приступили к работе.

На глубине приблизительно 5 аршин от поверхности оказался вместо предполагаемой постройки и погреба склеп, сложенный из жженного кирпича, длиной $59^1/_2$ вершка, высоты 23 вершка, и ширины $27^1/_2$ вершка. Верхняя часть его представляет ребро, образовавшееся от кладки кирпича с постепенным отдвиганием кирпичей внутрь, как видно по поперечной стене. Кладка стен — в один кирпич; семь рядов кирпича, положенных плашмя, составляют стены склепа, следующие семь рядов кладки с уступами составляют крышу и три ряда на ребро составляют верх крыши. По очистке от земли оказалась небольшая пробоина в верхней левой стене склепа. Весь склеп был до верху наполнен мелкой землей. По снятии земли была разобрана левая сторона склепа и кирпичи вынуты. Землю, бывшую в склепе, выносили на поверхность и просевали два раза на крупный и мелкий железный грохот. Одновременно

раскопки велись на всей площади курганной насыпи, и на глубине вершины склепа — в правой части могильника стали попадаться кости животного, по-видимому, лошади.

Когда дошли до половины склепа, то на том же уровне в правой стороне на твёрдом естественном грунте обнаружился скелет лошади, затем скелет одного ребенка, другого побольше, третий еще больше и наконец скелет женщины. Дальше, в стороны и в глубь, не оказалось следов рыхлой земли и площадь могильника была установлена.

По мере вынутия земли из склепа, правая верхняя стена его стала угрожать падением и, в предупреждение несчастия, пришлось подложить одну из лопат, бывшую у рабочего и видную на снимке № 1. Приблизительно на глубине половины склепа при вынутии из него земли стали попадаться растительные волокна сероватого цвета, по-видимому, от камыша или коры березы. Затем несколько ниже, в средней части склепа, стали попадаться кусочки перегнившего дерева, плоские и тонкие, напоминавшие кусочки доски, которые, несмотря на всю тщательность и осторожность, разламывались и рассыпались.

Наконец обнаружился череп человека. Тщательно очистив землю, я обнаружил ряд таких же кусочков дерева между стенкой склепа и черепом. По-видимому, покойник был положен на какую-то доску и в руках (на средине его) лежало какое-то деревянное изделие. Костяк оказался в полном порядке, с руками, протянутыми вдоль туловища, ладонями к земле, головой положен на запад, ногами на восток, причем самый череп лицом обращен на юг. Череп — большой, с хорошими мелкими зубами, прекрасно сохранившийся, правильно развит и не монгольского типа. Ни на шее, ни около головы не обнаружено никаких металлических вещей, не найдено и горшков.

На средине костяка с землей был вынут сверток (в трубку) древесной коры, сплюснутый землею. По средине его были вложены тоненькие палочки с расширением на концах, совершенно истлевшие.

По вынутии всей земли из склепа оказалось, что восточная поперечная стена его разобрана и в этом месте при копании сверху до низу земля была мягкая, рытая. Очевидно, могильник был ограблен, но, надо думать, в то время, когда покойник был еще трупом, иначе кости не были бы в таком порядке, как они оказались ныне.

Длина костяка 40 вершков без головы, голова $31^1/_4$ вершка, голень 11 вершков, в плечах $91^1/_2$ вершка. При просевании земли найдены металлические (железные) бляхи и скрепления, бывшие, вероятно, на ножнах сабли, с гвоздями, с прикрепленным к ним деревом; 2 железных стрелы, кусок, по-видимому, острия копья, что-то вроде креста, остаток серьги, дутая стеклянная бусинка, стеклянная застежка (?) и маленькая, из очень плотной кости завертка, и другие, сильно попорченные от времени металличе-

ские части. Под левой рукой — пластинка, по-видимому, ножа.

Среди кусков коры попадались такие же кусочки, дававшие в изломе черную блестящую поверхность. Можно думать, что это верхняя лакированная поверхность этих ножен. На некоторых деревянных кусочках ясно видны продольные полоски сосны. Судя по внешнему виду первые, указанные кусочки дерева, надо отличать от тех, которые служили для ножен.

Назначение завертки определяемо самой ее формой: сверху она отполирована и округлена, а нижняя часть не имеет никакой отделки и, очевидно, была не видна при положении ее на данном предмете; отверстие же посредине ее указывает на то, что она была подвижна и при повороте длинным краем своим придерживала какой-то затвор. Судя по ее малой величине и тщательности отделки, она служила какому-то изящному предмету.

На одном из металлических кусочков оказалась зеленая окраска (окись), очевидно, там была медь.

Кирпич, из которого был сложен склеп, оказался по размерам, цвету и качеству тем же «мамайским», как его называют, кирпичом, которого целая масса в развалинах Мажар.

Сейчас же снята была фотография, но глубокая яма не позволяла захватить всего склепа, тем более, что остальную землю еще не успели убрать, а заходили тучи и было опасение, что пойдет дождь и вода все затопит, да и надо было дорожить освещением. Из склепа взят череп с челюстью.

№ 2. Правая сторона могильника. Здесь совершенно не было кирпича. Здесь обнаружено: скелет лошади и при нем сильно ржавые части стремян, кольцо и кусок удила, самого же черепа лошади не было, около задней части костяка оказался сероватый порошок, вероятно, от разложившегося хвоста, затем на том же уровне — четыре человеческих костяка, из них три детских и один, по-видимому, взрослого, хотя и небольшого роста человека; по мелким швам на черепе можно думать, что — женский; все четыре лежали в одном направлении, параллельно, головами к склепу. Костяки сильно попорчены, особенно большой, и последний был потревожен, череп раздавлен, а при раскопках обрушившейся землей его засыпало и пришлось извлекать по частям. Никаких предметов при этих костяках не обнаружено.

Погребение очевидно одновременное, прямо в грунте, и под ними, как и под лошадью, была твердая, не копанная земля. Никаких вещей и горшков и других принадлежностей не обнаружено.

Между склепом и этою частью, где лежали четыре скелета и скелет лошади, осталась как бы стена из не копанной земли, разделяющая это пространство, но по восточной стороне этой площади земля была мягкая на всю глубину настолько, что можно думать, что этой полосой обе части соединились и это было нечто одно общее и, может быть, одновременное погребение.

По-видимому, и эта часть могильника была ограблена, на что указывает как отсутствие черепа лошади, так и принадлежностей

снаряжения: седла, уздечки, металлические части которых должны были сохраниться. Снята фотография № 2.

Вероятность ограбления поддерживается и тем, что скудость найденного ныне при склепе не соответствует всей обстановке погребения, потребовавшей, очевидно, больших затрат, а правильное положение костей скелета говорит за то, что дорогие предметы взяты были с трупа, а не с костей, которые, несомненно, при выбирании оказались бы разбросанными.

Другое ограбление было позднее и ограничилось, вероятно, только выборкой кирпича, так как при проникании внутрь склепа голова и другие части туловища были бы нарушены, а они оказались в порядке. Кирпичи от этой части склепа увезены грабителем. На разрушение бывшей стены склепа с восточной стороны указывают остатки кирпича в кусках, вынутых при прорытии траншеи с восточной стороны склепа.

Костяки младенцев расположены: первый на расстоянии 18 вершков от костяка лошади, следующий на 22 вершка, а третий на 34 вершка от второго. Размер первого 13 вершков, а второго $15^1/_2$ вершка. Костяк лошади лежит на северо-восток головою, спиною на восток.

Надеясь снова возвратиться к этому могильнику и ввиду интереса, который представляет его устройство, относящееся, несомненно, к очень отдаленному времени, я не позволил выбирать кирпичи и снова засыпал его землею, сложив предварительно все бывшие там кости в западной части склепа, и, покрыв кирпичами, устроил две подпорки из кирпичей для предупреждения обрушения верха склепа при засыпании землею.

Все остальные костяки также обложены, закрыты кирпичами и засыпаны землею.

В черепе, прекрасно сохранившемся, оказался серый порошок. На правой стороне черепа какие-то красноватые пятна, но трещин и пробоин нет.

Из склепа взяты 2 кирпича и куски, на которых оказались какие-либо знаки.

Григорий ПРОЗРИТЕЛЕВ,
председатель Ставропольской
ученой архивной комиссии,
26 января 1910 года

ОТВЕТ ВЛАДИМИРА ХАЗАРСКИМ ЕВРЕЯМ

«...Пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны: если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Из «Повести временных лет».

Киевский князь Владимир Креститель

ПОЧЕМУ ДО НАС НЕ ДОШЛО ИСКУССТВО ХАЗАР

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар христиан и мусульман не осталось ничего. Это странно! Почему же ничего не сохранилось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров, тюркские и половецкие «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея и даже от древних угров сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников? Хазарские сосуды лишены орнамента, обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно, а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX—X веков не было, да и быть не могло, хотя хазары по способностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, а интересоваться сложными проблемами абстракционизма в их рабском положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искусство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшательства требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где тех присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах. А те хазары, которые приняли христианство или ислам,

были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрона Камматир, строя в 834 году крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, то это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М. И. Артамонов в 1935 году.

(Из книги Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь»)

КАК АВАРЫ СТАЛИ ХАЗАРАМИ

Вначале на Нижней Волге и в южных степях русских не было ни аваров, ни хазаров. А было — противостояние между императорской Грецией и славянами.

После смерти Аттилы его сыновья рассорились, и великая держава распалась. Часть славянских племен под главенством младшего сына Аттилы села на Дунае и образовала болгарский народ, а восточно-славянские племена из Европы ушли к себе за Днестр и Днепр — в русскую землю, и распространились до Кавказских гор.

Распри между сыновьями были на руку грекам, и хотя наследники Аттилы и пытались установить между греками и гуннами старинные торги, но получали, несмотря на всю выгодность этой просьбы для греков, отказы, дабы показать детям грозного Аттилы, что греки вышли из повиновения гуннам.

Неприязнь между греками и славянами усилилась при греческом императоре Юстиниане Первом (славянине по происхождению), царствовавшем с 527 по 562 год.

Во время его правления, в 558 году, славянские войска перешли Дунай, и только хитрость старого византийского вождя Велизария спасла империю. Предводитель славян Заверган получил огромный выкуп за пленных и отошел к Дунаю.

После этого нашествия славян, едва не кончившегося взятием Царьграда, Юстиниан принял все меры, чтобы подобного не повторилось. Для этого он решил рассорить славянских вождей еще больше, а затем навести на ослабленного противника еще и нового врага.

Все это вполне удалось Юстиниану. Когда славянские племена были совершенно обессилены, то на них с Востока, из далекой Азии, греки призвали племя обров, или аваров, родственное нынешним туркам.

Авары, перейдя Волгу и Дон, после жестокой борьбы подчинили себе южно-русские племена.

Славяне оказывали аварам всюду самое бесстрашное сопротивление, но из-за своей разрозненности не могли одержать верх над соединенными силами врага и, в конце концов, были порабощены,

вызвав своим упорством сильнейшее раздражение в победителях. Особенно примучивали авары племя дулебов, или бужан, живших по реке Бугу, творя большое насилие их женам. «Когда случалось Обрину куда-либо ехать,— пишет русский летописец,— он не запрягал в телегу лошадей или волов, а впрягал наших женщин тройкою, четверкою или пятериком, так и ездил, куда было надо».

Утвердившись в России, авары вскоре стали и воевать с греками. В 628 году авары вкупе с персами и славянами осадили Царьград с суши и с моря, но грянувшая буря разметала русские корабли. Кое-как спасшиеся остатки славян спустились к берегу и собрались в стан хагана,— так величали вождя аваров,— который в негодовании за неудачу велел всех их казнить. Когда сухопутные славянские дружины, узнав об этом зверстве, оставили хаганово войско и пошли по домам, то хаган принужден был тоже отойти прочь от Царьграда.

Этот аварский поход на греков был последним. С тех пор самое имя аваров мало-помалу совсем исчезает и заменяется именем хазаров. Произошло это следующим образом.

В воинственную среду аваров весьма быстро проникли в значительном количестве евреи, которые были самым деловым и промышленным инородческим племенем из живших в устьях Волги и по Черноморскому побережью. В то время, как чисто военный народ, авары, добывал себе силу и славу, покоряя и разоряя разрозненных усобицами славян, евреи быстро добывали себе другую силу, захватывая в свои руки богатейшую торговлю, бывшую до времени аварского нашествия, конечно, в руках славян, так как скифы были всегда не только отважными воинами, но и славными купцами.

Захватив все торговые дела в крае, евреи, вследствие своей сметливости, быстро прибрали к рукам совершенно мирным путем и всю власть в аварских владениях, а затем скоро и эти аварские владения стали известны уже под именем государства Хазарского, где первенствующим сословием были иудеи.

Столица хазар была сперва на Каспии, который тоже стал прозываться Хазарским морем, у нынешнего селения Тарки, а затем она была перенесена, когда арабы потеснили их с Кавказа, на устье Волги, в город Итиль, несколько ниже нынешней Астрахани.

Во главе Хазарского государства стоял неограниченный повелитель — каган, или хакан, иудей по происхождению и вере. Он жил особо со своим двором и военной свитой, и очень редко показывался перед народом. Могущество хакана было таково, что если он кому из знатных приказывал: «Поди умри», тот неизменно исполнял его волю и убивал себя.

Ниже хакана стоял царь — наместник Хазарский, тоже иудей. Хотя царь этот и ведал всеми делами, но к хакану обязан был входить босыми ногами, держа в руках лучину какого-то дерева, которую тут же зажигал.

Хазары распространили свое владычество на всю нынешнюю

южную и среднюю Россию, и все земледельческие славянские племена принуждены были платить им дань.

Греки же держали с хазарами постоянно самую тесную дружбу, и даже греческие цари вступали с их каханами в родство, решаясь отдавать им в замужество дочерей или сами женясь на хазарках, лишь бы связями и дружбой с этим народом обуздать, а то и вовсе истребить, всегда опасные для них дружины славян на низовьях Днепра и Дона. Для этого были призваны авары; для этого же не гнушались гордые греческие императоры родниться с хазарскими каханами.

Таким образом, по всему русскому побережью Черного моря наступила большая тишина, которая была достигнута успешным, но коварным поведением правителей Византии, всегда натравлявших одних своих врагов на других, а теперь нашедших себе в торговых хазарах самых лучших друзей и охранителей своего спокойствия.

Но, конечно, такому блестящему успеху тайных стремлений греческих императоров, больше всяких аваров и хазар, способствовало пагубное свойство самих славян — страсть к раздорам между собой, на которую указывал еще Геродот и многие писатели после него.

Понадобилось целых двести лет, чтобы в половине девятого столетия наши предки вошли опять в прежнюю силу и по-прежнему стали работать на Черном море не только торговлей, но и войной.

(По книге А. Нечволодова «Сказания о Русской земле».)

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ КАЗАРИНЕ И О ЖЕНЕ ЕГО

Жил некий царь, хазарин родом, и жена его была из хазар. Пошел на хазарское царство другой царь, и пленил хазарского царя, заточил в темницу, а жену его, хазарскую царицу, заточил в тюрьму в другой стране. Много перестрадал хазарин в плену, терпел и голод, и холод, и часто молился Богу, так взывая ко Господу: «Господи, избави мя от беды сея, яко без вины стражду».

И пала ему на сердце дума, как бы освободиться из плена и

«Повесть о царе Казарине и о жене его» — древнерусское сочинение на сюжет из византийской истории. В 695 г. византийский император Юстиниан II был низвергнут и выслан в Херсон. Ему удалось бежать в Хазарию, где он женился на дочери (или сестре) хакана Феодоре, и организовать с помощью болгарского хана Тервеля поход на отнятый Царьград. Город был взят, а узурпатор Леонтий казнен.

События в «Повести...» изменены: и в деталях, и в сюжете. Захвативший престол Леонтий, по сюжету повести, был убит, когда ехал на охоту. Вероятно, версия эта родилась из-за места казни Леонтия — Кинигий означает «псовая охота». Покинутая Юстинианом жена-хазарка (в повести и сам император назван хазарином) приходит во дворец отстаивать свои права на мужа у его новой жены-императрицы и добивается своего.

вернуть свое утраченное царство. Подговорил он воинов, охранявших его, посулив им саны, и честь, и дары многие. Стражники помогли ему бежать, и Хазарин с воинами, предавшимися ему, приплыл к своему царству. Спрятавшись в укромном месте, послал разведчика узнать, где сейчас царь, его пленивший, чем он занят. Воин вернулся, доложив: «Царь собирается на охоту». Хазарин и его воины устроили засаду и убили того царя.

Вернул себе Хазарин корону, и женился на красавице, и начал царствовать как и прежде.

Прослышала про то первая царица, и пошла в царство свое, молясь Богу и Богородице: «Веси, Господи, терпение и слезы моя, и беду мою, наготу и глад, и всяку скорбь, еже приях мужа моего ради, надеющися приобрести его, ныне же слышу, яко оженился есть иною и аз сице забвена бысть, яко сосуд погублен, и ныне, Господи, обрати сердце мое и слезы моя в радость мне, мольбами рождшия тя».

И так пришла в царство свое, и, узнав, где царь с царицей, пошла туда, не имея помощников, только Бога и Пречистую Богородицу.

Зашла во двор царский и остановилась близ палаты, где жила новая царица. А была та царица верна и христолюбива, и весьма милостива к убогим, и многим страждущим помогала. И закричала жена: «Позовите мне царицу, хочу поговорить с нею: сотворила она мне великую обиду!»

Охрана же стала увещевать странницу: «Жено, отойди, не срами себя». Доложили и новой царице о странной гостье. Царица же с удивлением молвила: «Что же будет?» Вышла из палаты и сказала желавшей встретиться с нею: «О чем хочешь со мною спорить?»

Ответила ей первая жена царя: «Зачем ты это соделала? Взяла мужа моего, или не знала, что в писании сказано: «иже вторый брак по нужди бывает», я же ничего не сотворила мужу своему, была ему верна, напротив, пострадала его ради»,— и рассказала все по порядку, как случилась война, как попали они в плен...

Слушавшая царица очень удивилась, и, убоясь Бога, ответила так: «Ты и вправду много настрадалась; твой муж обидел тебя». И оставила первой царице ее мужа, а сама ушла из царских палат в монастырь.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ И ХАЗАРСКОЕ ИГО

Хазарский каганат был первым государством, с которым пришлось столкнуться Древней Руси. Под 859 годом «Повесть временных лет» сообщает: *«Имаху дань варязи из заморья на чюди, и на словесех, на мери и на всех, и на кривичех. А козари имаху на по-*

Сказание «Князь Святослав и Хазарское иго» изложено по версии А. М. Макарова, автора очерка «Сокрушение Хазарского каганата Святославом». М., Библиотека журнала «Держава», 1995.

лянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма». От исхода борьбы этих двух государств — Хазарского каганата и Киевской Руси — зависела судьба не только восточно-европейских племен, но и многих племен и народов Европы и Азии.

Первое достоверное упоминание о хазарах относится к 60—80-м годам VI века, когда они как подчиненные участвуют в походах тюркютов в Закавказье. По-видимому, в начале 90-х годов VI века хазары становятся ведущей силой в Восточном Предкавказье, признавая однако верховную власть Тюркского каганата. С крушением в 50-х годах VII века Западно-тюркского каганата, хазары обретают независимость. С этого времени и можно говорить о начале Хазарского каганата. Глава хазар объявил себя главой всех тюркских и кочевых племен Евразии, то есть каганом.

С самого начала своего существования Хазария утвердила свою власть над важнейшими торговыми путями из Восточной Европы в страны Передней Азии. Однако в значительной степени эта торговля была посреднической.

Перенесение хазарской столицы в Итиль в IX веке и укрепление других городов в важных узлах торговых путей, означало качественно новую ступень в развитии Хазарии. Из государства чисто военного, занимавшегося сбором даней с покоренных народов и племен и грабежами соседей, Хазария превратилась в государство торгово-паразитическое. Отныне важнейшей статьей дохода в государстве становится посредническая международная торговля, сбор пошлин с проезжающих гостей — купцов. Упорядочивается сбор даней. Для бесперебойного их поступления в столицу на местах учреждают особых надсмотрщиков — тудунов. При этом наметилось стремление собирать дани не натуральными продуктами, но в виде денег.

Большая часть поступлений в казну теперь шла царю, его ближайшему окружению и иудеям-торговцам, которые жили во всех городах Хазарии и составляли верхний слой хазарского общества и были главной опорой властей.

Войско Хазарии становится, по преимуществу, наемным. Помимо мусульман в нем были русь, славяне. Видимо, в это же время из-под власти хазар выходит значительная часть ранее зависимых областей, и собственно Хазария, как явствует из письма царя Иосифа, ограничивается землями между Нижней Волгой, местом наибольшего сближения Волги и Дона, Левобережьем Дона и Северным Кавказом. Значительная часть Приволжских и Причерноморских степей к этому времени оказывается во власти огузов и печенегов. Власти Хазарии не занимала судьба этих земель. Они были обеспокоены выколачиванием дани с покорных им народов, сбором пошлин с речных и сухопутных караванов, посреднической торговлей и ростовщичеством.

Такое положение не только сдерживало развитие восточноевропейских племен и народов, но приводило их к нищете и разорению. Спасение было в освобождении от хазарского ига.

Владычество хазар было не особенно жестоко: обычаи и распорядки жизни у русских остались те же, что были всегда и встарь у славян. Подвластность же хазарам выражалась, главным образом, в платеже дани. Но подвластность эта была, тем не менее, весьма унизительна. Ввиду зависимого положения наших предков от хазар, и другие народы обходились с русскими пренебрежительно. В Царьграде русских купцов постоянно обижали, не впускали порой в самый город, иногда изгоняли, словом, чинили разные притеснения, зная, что некому было за них вступиться. И на севере, в Ильменской стороне, многочисленные воинственные обитатели Варяжского моря также захаживали сюда и накладывали порой дань на отдельно жившее здесь славянское племя.

В «Повести временных лет» сохранилось предание о том, как киевляне, покоренные в 940-х годах еврейским полководцем Песахом, на требование дани заплатили завоевателям с каждого дыма по мечу. Когда хазары принесли эту дань своим старшинам, то те крепко подумали и сказали своему кагану: «Княже, дань недобрая... Ее доискались мы одной стороной оружия (т. е. саблями), а у этих оружие остро с обеих сторон; это — меч. Будут они брать дань и на нас, и на других странах».

Для этого же надо было, чтобы могучие племена, отдельно сидевшие на русской земле, собрались в одно единое несокрушимое целое. И собрал страну воедино князь Святослав.

В греческой хронике сохранилось описание князя Святослава, когда он встречался на переговорах с византийским полководцем Цимисхием. По их сказанию, Святослав был среднего роста, и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином.

Князь Святослав — самый выдающийся полководец Древней Руси. Русские летописи посвящают ему, его походам удивительно возвышенные слова. В летописи он предстает как истинный славяно-русский витязь: бесстрашный в бою, неутомимый в походах, искренний с врагами, верный раз данному слову, простой в быту.

В 964 году князь Святослав «идя на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром по щьлягу от рала даем».

В 965 году «идя Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и сътупишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя. И ясы победи и косогы».

Это все, что в русских летописях говорится о войне князя Святослава с хазарским каганатом. Как бы ни было кратко сообщение летописца, но действительность такова, что после похода Святослава Хазария прекращает свое существование.

По сообщениям восточных и греческих писателей кар-

Воины князя Святослава

тина похода восстанавливается подробнее. Летом 964 года молодой князь Святослав — тогда ему было 22 года — начал поход против Хазарии. Идти от Киева к Волге напрямую он не решился: племя северян, верное кагану, не пропустило бы его без боя. К тому же в междуречье Волги и Дона греки, бывшие одно время союзниками хазар, построили сильную крепость Саркел. Князь Святослав принимает оригинальное решение: идет вверх по Днепру, перетаскивает ладьи в Оку, спускается вниз по Оке, затем по Волге до столицы Хазарии — к городу Итилю, расположенному в устье Волги.

Столица Хазарии лежала на огромном острове — 18 километров в ширину,— который образовывали две волжские протоки: собственно Волга (с запада) и Ахтуба (с востока). Ахтуба в X веке была такой же полноводной рекой, как и сама Волга. Воины Святослава отрезали все пути из Итиля. Но его жители наверняка знали о приближении русских, и большая часть хазар-аборигенов убежала в дельту Волги, эту естественную крепость: в лабиринте протоков мог разобраться только местный житель. Летом тучи комаров по вечерам могли победить любое войско. Зимой же дельта покрывалась льдом, оберегая людей от неприятельских лодок. Острова дельты были покрыты бэровскими буграми — огромными холмами высотой с четырехэтажный дом. Эти холмы и приютили настоящих хазар.

Еврейскому же населению деваться было некуда — изучать

волжские протоки еврейским купцам смысла не было: они для того и создавали свою монополию внешней торговли и ростовщичества, чтобы жить в комфорте искусственного ландшафта — города. Евреи были чужды коренному населению — хазарам, которых они эксплуатировали. Естественно, хазары своих правителей, мягко говоря, недолюбливали, и спасать их не собирались.

В осажденном городе евреям бежать было некуда, потому они вышли сражаться со Святославом и были разбиты наголову. Прошло всего пять лет с того дня, как хазарский царь Иосиф написал: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (божества), он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань — цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)».

Крушение опорного пункта еврейских интересов на Востоке — Хазарии — повлекло за собой цепь следствий — религиозных, политических, этнических. Во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам, в Китае отдельные мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун, халифат в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом. Удар, нанесенный Святославом в дельте Волги, откликнулся гулким эхом по всему миру.

Сокрушение Хазарии, верхи которой исповедовали иудаизм и поддерживали его среди подвластных и окружающих народов через распространение выгодного для них мировоззрения — порабощения, рабства, покорности и превосходства иудеев, означало сокрушение оков наиболее тяжкого угнетения — духовного, которое могло погубить основы яркой, самобытной духовной жизни славян и других народов Восточной Европы. Не случайно, при выборе веры одним из основных недостатков иудеев святой равноапостольный князь Владимир считал отсутствие у них собственного государства.

Поход князя Святослава, сопровождавшийся, как сообщают восточные источники, разорением мусульман и христиан, на долгое время приостановил проникновение мусульманства в Поволжье. Этому не помогло даже временное закрепление Хорезма в Нижнем Поволжье. Победа князя Святослава означала, что верховенство над кочевыми народами Причерноморья и Прикаспия от хазарского кагана перешло к киевскому князю.

Русские летописи и былины помнят о хазарах, о борьбе с ними, об их последующей судьбе. Хазарские воины были в составе дружин князей Игоря и Мстислава. Русские летописи вспоминают о хазарах в Тмутаракани XI—XII веков. Но если после разгрома Хазарии и восточные и западные источники отождествляют хазар с иудеями, то русские летописи и былины этого не делают.

В русских былинах есть два образа — Козарина и Жидовина. Первый наряду с русскими богатырями воюет против врагов Руси.

Со вторым сражается Илья Муромец. В былинах и духовных песнях в народе сохранилась память о борьбе с «царем иудейским» и «силой жидовскою». То есть русский народ видел разницу между простыми хазарами и правителями Хазарского каганата. Истинных хазарских памятников до сих пор не обнаружено. Потомки хазар в Крыму — караимы, особая секта в иудаизме. Литовский князь Витовт часть их вывел из Крыма в Литву и поселил возле Вильно. Небольшая часть продолжает жить в Крыму.

Киевская Русь оказалась самым могучим и последовательным врагом хазарского каганата. Почти полуторастолетняя освободительная война восточных славян против хазарского каганата была завершена в 965 году. Сокрушив основные военные силы каганата и разрушив опорные узлы хазар на Средней и Нижней Волге, на Северном Кавказе и Нижнем Дону, князь Святослав лишил власти торгово-ростовщическую верхушку Хазарии и основы их паразитического существования. «Хазарское царство исчезло как дым сразу же после ликвидации основного условия его существования: военного превосходства над соседями и тех экономических выгод, которые доставляло обладание важнейшими торговыми путями между Азией и Европой. Поскольку других оснований для его существования не было, оно под ударами более сильного Русского государства рассыпалось на составные свои части, в дальнейшем растворившиеся в половецком море»,— заключает историю хазар крупнейший ее знаток М. И. Артамонов.

Последним взмахом славяно-русского богатырского меча князь Святослав как бы очертил границы Руси и предопределил исконные устремления славян к единству и дружбе с другими народами в борьбе с мировым злом.

Куда же делись обитатели Нижней Волги после разгрома Святославом столицы Хазарии? Евреи рассеялись по свету, а потомки древних хазар объявились в долине Дона под именем «бродников». Потомки бродников, в свою очередь, сменили этноним и стали называться казаками. Тесные связи с Черниговским княжеством, русский язык, ставший обиходным, и православие, принятое еще в IX веке, позволили им войти в русский этнос в качестве одного из его субэтносов.

Предания о булгарах

БУЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО

Булгары — народ тюркского происхождения, к которому примкнули финский и славянский элементы. Откуда появились булгары — неизвестно, но уже в V веке они жили вполне государственной жизнью. С этих пор начинаются достоверные известия о булгарах. Булгарское царство занимало Среднее и Нижнее Поволжье и Прикамье. К тому времени, к которому относятся первые сведения о булгарах, они были земледельческим народом, хотя характер построек и тот факт, что подать царю платилась лошадьми, заставляет предполагать развитие скотоводства. В булгарских городах была сосредоточена крупная торговля. Булгары находились в торговых сношениях с греками, с севером, с татарами и даже с арабами. От последних булгары очень много заимствовали. Постоянные связи у булгар с арабами установились в X веке. С этих пор арабское влияние начало расти. Под этим влиянием булгары приняли ислам. Известно, что из Багдада к булгарам посылали архитекторов, возводивших в булгарском царстве мечети и крепости.

Главными предметами булгарской торговли служили: меха (куний мех до половины X века заменял звонкую монету), кожи, шерсть, мед, воск. Среди булгар были развиты ремесла и промыслы, свидетельствующие о довольно высокой культуре булгар.

Царство находилось под властью царя или хана, которому были подвластны владыки отдельных мелких племен и народцев. Одно из таких племен (хвалиссы) обитало на берегах Каспийского моря. Из городов самым большим был Булгар, о котором упоминается у арабских историков еще в X веке. Отношения с русскими князьями у булгар были враждебные, часто происходили столкновения, часто князья разрушали булгарские города, а булгары вторгались в пределы русских областей; так, в 1088 и 1184 годах булгары доходили до Мурома, а в 1218 году даже до Устюга. Но чаще булгары только оборонялись, как народ очень миролюбивый. Вели булгары с Русью и торговые сношения, сбывая, главным образом, хлеб. Во время татарского нашествия булгарское царство было разгромлено и потеряло свою самостоятельность; при этом татары под булгарским влиянием приняли магометанскую веру. Булгары слились с победителями.

Недалеко от города Спасска Казанской губернии, в 6 верстах от Волги — развалины древнего города Болгар или Булгар, столицы булгарского царства. Сохранились следы вала и рва, а внутри, за валом, находились развалины древних зданий. Сохранился минарет, заметный даже с Волги. Недалеко от него приземистая, полуразвалившаяся башня, поросшая травой. На камнях много арабских, татарских и армянских надписей. Богатые коллекции найденных здесь древних вещей хранятся в Казанском музее.

(Из «Спутника по реке Волге и ее притокам Каме и Оке», издание П. С. Феокритова, Саратов, 1912)

За Черемисами, на восток от них, до Камы, по самой Каме и далее по Волге в первые века русской истории было богатое и сильное царство Болгарское*. Жители этого царства назывались Булгарами.

Замечательна судьба этого народа: он исчез, не оставив почти никаких намеков о принадлежности своей к той или другой национальности. Все старания ученых не могли открыть, что это был за народ. Может быть, те или другие из историков и правы в своих предположениях о национальности Болгар, но кто именно прав — на это нет ответа. Географические названия, как видится, ничего не могли выяснить ученым в этом любопытном вопросе. Все, что осталось от знаменитого народа, заключается в различных монетах и многочисленных городищах. О каких-нибудь письменных памятниках болгарских и говорить нечего. Сохранилось однако известие, будто болгарский кади Якуб-ибн-Номан написал во второй половине XII в. «Тарих Булгар», т. е. историю Булгара. Но сочинение это не дошло до наших времен. По счастью, уцелели другие сочинения арабских писателей, в которых есть хотя некоторые сведения о Болгарах. Из них видно, что в X в. Болгары составляли уже сильный народ, имели города, вели обширную торговлю, исповедовали мусульманскую религию и имели самодержавного царя. Есть даже указание на то, что Болгары жили на Волге во II столетии до Р. Х., но указанию этому ученые, кажется, не особенно склонны верить, хотя и нет поводов совершенно отрицать его и вместе есть полное вероятие для признания, что Болгары — первый из народов восточной Европы, кто достиг значительной степени развития, богатства и политического могущества. Известен еще факт, что мусульманскую веру Болгары приняли в 922 году, значит немного раньше того, как Русские приняли веру христианскую.

Любопытно и загадочно то обстоятельство, что царь болгарский именовался царем Славян и «владавцем».

Естественно, что обстоятельство это невольно наталкивает на предположение, что Болгары были Славяне. Но укажем на некоторые соображения, приводимые по этому же предмету против такой догадки и за нее.

1) Названия городов Волжских Болгар звучат не по-славянски, например, Ашля (или Ошел), Челмат, Сабакула, Тухчин. Даже Болгар или Булгар, быть может, не что иное, как измененное Булар, Буляр.

2) Нестор (или, вернее, Сильвестр), перечисляя славянские народы, не упоминает в числе их Болгар. Напротив — ставит их

---

* В XIX веке государство, возникшее в конце I тысячелетия по Р. Х. на Средней Волге, ученые именовали Болгария. Сейчас принято называть сей народ булгарами.

как одно племя вместе с Хвалисами, обитавшими в низовьях Волги у Каспийского моря, а Дунайских Болгар считает как будто Скифами, притеснителями Славян. «К Словенскому же народу, живущему на Дунае,— говорит он,— пришли от Скиф, то есть от Козар рекомии Болгари, и сели по Дунаю, и были насильници Словенам».

Но с другой стороны:

1) Неужели, говорят, все восточные писатели ошиблись, называя Болгар Славянами? Неужели послы халифа, бывшие в Болгаре, не умели отличить Славян от Турок, после того как проехали многие турецкие земли? Неужели халифы в грамотах к болгарским царям величали их не тем титулом, какой эти цари усвоили себе сами?

2) Обычаи, описанные Ибн-Фодланом, совершенно противны турецким и вообще азиатским.

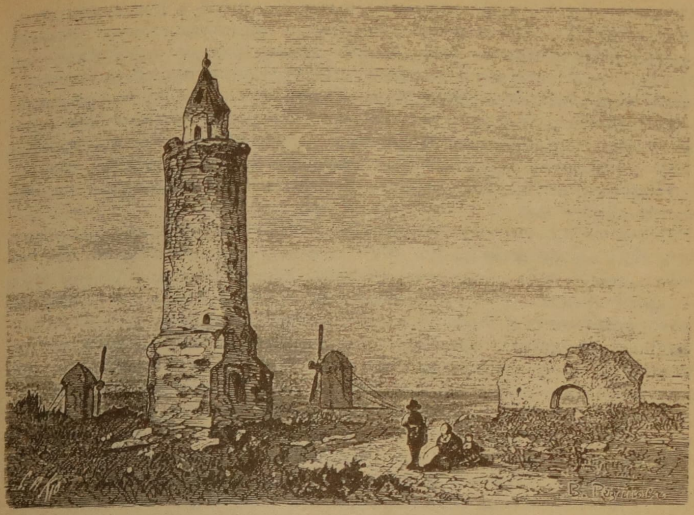
3) Если одни названия городов и не звучат по-славянски, то никак нельзя сказать того же о других, например: Жукотин, Басов, Исбил, или Исболь и (по грамматической форме) Бряхимов, не говоря о том, что самое слово Болгары, может быть, есть изменение Волгары, причем не лишне заметить, что восточные писатели, например, Арабы, всегда переиначивают наше «в» в «б», так и самое слово «владавец» они пишут с буквы «б» и, согласно их грамматике, оно получает вид «блтваз».

Наконец, между прочим:

4) Иван Грозный, требуя от Татар сдачи Казани, указывает на то обстоятельство, что это издавна была земля славянская.

Что касается известий о языке, на котором говорили Болгары, то писатель Ибн-Хаукал утверждает, что язык Болгар тот же, что и у Хозар. Между тем, Хозары не представляли собою единой народности, второстепенную часть их составляли какие-то «черномазые люди, говорившие турецким наречием; главную же часть представляло какое-то, как думают, финское племя. Другой писатель (Шемс-Эддин-Демешки) передает, что на вопрос его у пилигримов, шедших через Богдад, что они за народ, пилигримы ему отвечали: «мы Булгары, а Булгары суть смесь Турков со Славянами». Наконец, по словам третьего Хаджи-Калфи, «язык Булгар и обычаи похожи на русские».

Сенковский, занимавшийся исследованиями о Болгарах, пришел наконец к заключению, что все разноречия по поводу состава Болгарского народа и языка имеют свою долю правды, если примем в соображение состав полукочевых империй той эпохи: все они составляют собою конгломерат разноплеменных народов и что таким образом в Болгарии, охватывавшей собою огромное пространство, быть может, от верховьев Камы до низовьев Волги и от Урала до Оки, могли быть в финские, и славянские, и тюркские народы, соединенные между собою властью одной династии. Сенковский думает, что в самой столице Болгарии — Болгаре, не менее еще известной под именем Великого



Развалины башни Мизгирь (остаток древней столицы Булгар) в селе Успенском. Казанской губернии. Рисунок XIX века.

города, славянский элемент был сосредоточен преимущественно.

Г. Иловайский в своих «Изысканиях о начале Руси» приводит мнение Шафарика, который считает Волжских Болгар братьями Болгар Дунайских; но за это этих-то последних не признает Славянами.

Сам Иловайский не прочь, чтобы признать происхождение имени «Болгары» от имени реки «Волга» и даже считает последнее славянским, но не решается признать Волжских (или что то же Камских) Болгар за Славян; однако признает поводы думать, что они могли быть славяно-болгарской ветвью, постепенно утратившей свою народность посреди туземных татаро-финских племен. Он указывает при этом на то, что страна, главный город и царь назывались славянскими, а один арабский писатель называет и Волгу рекой славянскою. «Если б,— говорит г. Иловайский,— Волжско-Камские Болгары были финского происхождения, то они легко слились бы с местными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную национальность. Однако этого мы не находим. Очевидно, угро-тюркские элементы подавляли своею массою элемент болгаро-славянский, но не могли его совершенно усвоить. В свою очередь болгаро-славянский элемент, положивший начало государственному быту в том краю, был слишком

слаб численно и слишком изолирован от других родственных народов (особенно с принятием ислами), чтобы ославянить туземные угорские и тюркские народы. Эта борьба разнородных элементов и объясняет отсутствие определенного национального типа и недостаток прочности в государстве Камских Болгар, несмотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто с лица истории наплывом Татарской орды. Но уже самое существование промышленных, торговых городов и вообще способность к цивилизации обнаруживают, что высший слой населения не был чисто финский».

Как на одно из категорических мнений по вопросу о народности Болгар, укажем на мнение г. Беляева, который прямо (без доказательств или сомнений) говорит, что Волжские Болгары были одной расы с азиатскими тюркскими племенами. Выше мы видели, что кроме той культурной жизни, какую представляли собою Болгары, в соседних с ними землях, севернее их, еще прежде сложилась подобная же жизнь, немного только уступавшая по высоте развития своего болгарской. Мы разумеем Биармию. Любопытно, что в то время как сказания о жизни последней как бы обрываются и жизнь эта гаснет, являются известия о Болгарии, как будто она является наследием или продолжением первой.

В имеющихся у нас под руками немногих исторических трудах русских ученых мы хотели встретить какие-либо намеки на возможность преемственной связи двух погибших цивилизаций. Нет ли, думалось нам, предложений о том, что в то время, как торговые пути к Белому морю по Каме и Северной Двине заглохли и открылся более удобный (по расстоянию и по климату местностей) путь к Западной Европе Волгою, на последнюю передвинулся центр тяжести торговых сношений, т. е. вместе с тем, основа тогдавшней цивилизации? Не играли ли в этом факте видную роль наши прапращуры, передовое славянское племя — Славяне Ильменские, которые, отличаясь духом предприимчивости, проникли первые по новооткрытой реке Волге (а не Итилю) в южные пределы Биармии, основали там факторию, прослыв между туземными племенами под именем Волгарей?

Но поиски наши в направлении такого рода соображений оказались бесплодными, и мы должны пока ограничиться заключительным замечанием, что возникновение Болгарии, происхождение народа Болгар, их народность и язык — все это, как говорится, покрыто мраком неизвестности, и нам остается довольствоваться только одним голым фактом, что была Болгария, были Болгары и — исчезли, оставив нам развалины главного города. Там, где кипела некогда торговая, промышленная жизнь, воцарилось или безмолвие пустыни, или жизнь эта уступила место варварской жизни диких азиатских орд. Сделан был большой шаг назад.

Мы однако ввели бы читателя в заблуждение, если б оставили в его убеждении, что так-таки ровно никаких известий о жизни этой до нас не дошло. Ради этого небезынтересным полагаем при-

вести рассказ Ибн-Фодлана, как единственный исторический документ об исчезнувших Болгарах. «Когда,— говорит Ибн-Фодлан, мы были только на расстоянии одних суток пути от царя Славян, Мален-эль-Саклаб, к которому ехало наше посольство, вышли к нам навстречу братья его, дети и четверо подвластных ему царей, неся хлеб, мясо и просо. Отсюда мы отправились далее вместе с ними; и когда до царского жилища оставалось только два фарсанга (восемь верст), встретил нас сам царь. Увидев нас, он сошел с лошади и пал ниц, восхваляя и благодаря Аллаха. Потом он рассыпал перед нами серебряные деньги, бывшие у него в рукаве, и для помещения нашего велел разбить палатки, в которых мы и остановились. Это было в Воскресенье, 12 числа, Мухаррема 310 года (11 мая 922 г. до Р. Х.). От Харезмского города Джорджана (Хивы) досюда было семьдесят дней пути. В этих палатках пробыли мы до Среды, дожидаясь, пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствия при чтении привезенной нами грамоты. В Четверг приготовили мы два вышитые золотом чехла, бывшие с нами, украсили лошадь богатым седлом, одели царя в черное платье и голову ему обернули турбаном; я вынул грамоту халифа, и он прочел ее стоя. Потом он прочел верховного визиря Хамидаибн-эль-Аббаси, также стоя, хотя был очень дороден. Его вельможи осыпали нас серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили их царю; потом надели мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядом с мужем. Потом царь позвал нас в свою палатку. Сам он сидел на престоле, покрытом греческой парчою; по праву руку его находились подвластные цари, прямо против его сидели его дети, а нас он посадил по левую руку от себя. Тотчас по повелению царя принесли стол, а на столе жареное мясо. Взяв нож, он сначала отрезал от мяса один кусок и съел его; потом таким же образом съел другой и третий; потом отрезал еще кусок и подал его послу нашему Соусену, перед которым тотчас после этого поставили небольшой стол. Таков там обычай, что никто не может дотронуться до кушанья, пока царь ему не даст куска; и тогда уже тому, кто получил его, подают особый стол. После Соусена царь дал кусок мяса одному из своих подвластных царей, сидевшему по правую его руку, и перед ним тоже поставили столик; потом другому, третьему и так далее, всем присутствовавшим. Таким образом каждый получил особый столик и ел на нем один, не сообщаясь с другими. По окончании обеда мы взяли с собою домой, что оставалось на наших столиках; но прежде, чем мы ушли, царь велел подать медового вина, которое называется на их языке сиджоу (сычовка), пил сам и мы пили.

До нашего прибытия в хутбе поминали царя таким образом: Господи, дай благоденствие царю и владавцу, царю Булгара! Я ему заметил, что только Бог есть царь и что никому не позволительно величать себя так перед Богом, особенно с кафедры. Сам твой верховный начальник халиф, повелитель правоверных, ска-

зал я ему, велел, чтобы на всех кафедрах Востока и Запада (Азии и Африки) поминали его не иначе как — «Господи, дай благоденствие рабу твоему и наместнику Джафару, Могучему в Боге (Муктедир би льлах), повелителю правоверных» Царь спросил: «Как же надо говорить?». Я отвечал: «Надо, чтобы поминали тебя по имени и отчеству». На это он возразил: «Мой отец был недоверок и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тот, кто дал его мне, был неверный. Как зовут верховного начальника моего, повелителя правоверных?» Джафаром, отвечал я. «А можно ли мне называться его именем?» спросил опять царь. Можно. «Так я принимаю для себя имя Джафара, произнес царь, а отец мой будет отсель называться Абдаллахом (рабом Божиим)», И он объявил об этом хатибу (проповеднику). С этих пор в хутбе стали поминать уже таким образом: «Господи, дай благоденствие рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру (повелителю) Булгара и клиенту повелителя правоверных». В столице этого царя видел я такое множество удивительных вещей, что и перечесть невозможно.

В самую первую ночь, которую мы провели в этом городе, приметил я незадолго до заката солнца, что горизонт ужасно красен, и услыхал высоко в воздухе громкие отголоски и глухой шум. Я поднял голову, и что же вижу: надо мною плавает облако красное, как огонь (северное сияние), и этот шум и эти отголоски выходят оттуда! В облаке видны были как бы люди и лошади, а в руках у тех призраков луки, копья и мечи. Так видел я, или, по крайней мере, так мне казалось. Потом явилось другое облако; такое же, как первое, и в нем тоже рассмотрел я людей, оружие и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно как два отряда конницы нападают друг на друга, и мы так этого испугались, что с величайшим сокрушением сердца принялись молиться Богу; туземцы напротив стали над нами смеяться, и очень дивились нашему поступку. Мы видели, как одно облако устремилось на другое: несколько времени были они смешаны вместе, потом опять отделились, и эти движения продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потом спросили царя, что значило это явление, он отвечал: «деды мои говаривали, что это духи верующие и неверующие, которые сражаются между собою каждый вечер, и что они делают это с тех пор, как существуют.

Желая потолковать с царским портным, который был из багдадских уроженцев, я вошел с ним в свою палатку. Мы побеседовали с ним не более получаса в ожидании вечернего призыва на молитву и, услышав пение муэззина на минарете, вышли из палатки. Вот вместо вечера на востоке видна уже заря! Я спросил муэззина: к какой молитве призывал ты? «К утренней», отвечал он. А что же сделалось с вечернею? спросил я опять. «Мы читаем ее вместе с предвечернею». А ночь-то где же? Как видишь; она бывает еще короче нынешней; теперь начала прибавляться». Тут муэззин рассказал мне, что не спит уже целый месяц, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь так коротка, что если

поставить котел на огонь во время первой вечерней молитвы, в нем ничего еще не успеет свариться, как уже надобно звать на утреннюю. Я сам испытал, как ужасно долго бывает там день. В одну часть года день бывает длинен, а ночь коротка; в другую ночь длинна, а день короток. На вторую ночь нашего приезда я заметил, что звезд на небе было очень немного: как казалось мне, звезд до пятнадцати, рассеянных по разным местам. Заря, бывающая на западе перед закатом солнца, не исчезла вовсе, и ночь была так светла, что человек человека мог узнать в лице на расстоянии выстрела из лука. Луна едва успеет появиться на горизонте, как тотчас и блекнет перед утренним светом. Царь рассказывал мне, что за его землею, в расстоянии трех месяцев пути, есть народ, называемый Вису (Весь), у которого ночь короче часу. Видел я еще в земле Булгаров, что, когда солнце восходит, все горы и низменные места, и всякий предмет, на который ни взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно, как облако, и краснота его исчезает только когда оно достигнет высших областей неба. Туземцы рассказывали мне, что зимою ночь бывает так же долга, как летний день, а день короток, как летняя ночь, до того, что если кому из нас, говорили они, случится идти на рассвете к реке, называемой Итилем, которая отстоит от нас менее чем на фарсанг (четыре версты), то прежде чем дойдешь, все небо уже покроется звездами.

В собачьем лае Булгары видят хорошее предзнаменование, и по лаю заключают о том, плодороден, счастлив и мирен ли будет год. Змей видел я множество; так что часто на дереве около одной ветви обовьется штук до десяти и более. Их не убивают, да и сами они никому вреда не делают. Есть у них один род яблоков, зеленых и ужасно кислых, которые едят только девушки и оттого толстеют. Но ничего нет в Булгарии столько, как ореховых деревьев; я видал их целые леса, фарсанг в сорок. Видел я также там дерево, которое не знаю как назвать (береза): оно вышины необыкновенной, ствол имеет безлиственный, а вершину как у пальмы, и листья мелкие, но густые. Дерево это прокалывают в известном месте на стволе, и вытекающую из отверстия жидкость, которая приятнее меду, собирают в сосуд. Этот напиток так же пьян, как вино, если употреблять его в большом количестве.

Пища Булгаров состоит большею частью из проса и конины, хотя в этой земле их пшеницы и ячменю родится очень много. Всякий пользуется вполне произведением своего посева, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платят только по бычачьей коже с дому; сверх того царь, если пошлет войско грабить какую-нибудь землю, получает еще на свою долю часть добычи. Масла нет никакого кроме рыбьего жира, который употребляют везде, где другие употребляют оливковое и кунжутное масло. И оттого запах их отвратителен. Все носят шапки. Если царь выезжает куда, он всегда бывает один, без служителя и без свиты. Когда он едет мимо рынка, все встают, снимают с головы шапки, кладут их под

мышку, и надевают опять не прежде, как он проедет. Таким же образом и все, кто входит к царю, вельможи и простой народ, даже собственные его дети и братья, лишь только увидят его, тотчас снимают шапки, кладут их под мышку, кланяются ему в пояс (в подлиннике — наклоняют головы и приседают); потом выпрямляются и стоят, покуда он ни велит им присесть. Всякий, кто садится перед царем, делает это, преклоняя колена и не показывая своей шапки, которую он надевает только когда выйдет из царского присутствия.

Грозы случаются очень часто, и если молния ударит в дом, все удаляются оттуда и предоставляют строению разрушаться от времени, говоря, что над этим местом гнев Божий. Если встретят человека с необыкновенным умом и глубоким познанием вещей, говорят: «ему впору служить Богу»; потом схватывают его, надевают ему на шею веревку, вешают на дереве и оставляют в таком положении, доколе труп ни распадется по частям. Если во время пути кто-нибудь станет мочиться, не снимая с себя оружия, у того отнимают оружие и все, что на нем есть. Кто в подобном случае снимет оружие и положит его в сторону, того не трогают. Таков у них обычай. Мужчины и женщины ходят купаться в реку и моются вместе, нагие, ничем не закрываясь друг от друга; но непозволительного сообщения никакого между собою не имеют. Если кто будет в этом виновен, того, кто бы он ни был, привязывают за руки и за ноги к четырем столбам, которые вколачиваются в землю, и топором рассекают ему тело от шеи до бедер. Таким же образом поступают и с женщиною. Потом каждую половину тела вешают на дерево. Я очень старался уговорить женщин, чтобы они в банях закрывались от мужчин, но не успел в этом. Вора наказывают таким же образом, как виновного в прелюбодеянии.

Много можно бы было, заключает Ибн-Фодлан, сказать об этом народе, но мы ограничиваемся и тем, что сказано». А мы со своей стороны прибавим следующее, как вывод из других отрывочных известий. Болгары платили подати своему владавцу кожами, т. е. вероятно, юфтью, которая до сих пор слывет в Азии под их именем, называясь булгар или булгари. Эта отрасль промышленности, кажется, процветала в землях Болгар и едва ли не от них перешла в наследство к нынешним казанцам.

С другими искусствами Болгары едва ли были основательно знакомы: для постройки, например, первой мечети и городских стен им надлежало выписывать зодчих из Багдада. Но зато торговля их процветала, через их землю везлись все товары из мусульманских стран в Европу и обратно. Нечего и говорить, что торговою дорогой и жизненной артерией, обусловливавшей богатство и славу Болгар, была Волга, а также Кама. Но кроме того между Болгаром, Харезмом и Харасаном производилась постоянная торговля посредством караванов. Предметами торговли были меха, шерсть, мед, орехи, юфт, клинки и «мамонтовые зубы». Зубы эти продавались в Харасане по высокой цене и шли на приготовление гребней и других предметов.

Наконец скажем, что Болгары были народ воинственный. Судя по тому, что они беспрестанно воевали с Русскими, можно думать, что они умели держать покоренные народы в повиновении, а независимых соседей в почтительном отдалении. Ко времени начала русской истории Болгары, очень вероятно, были сильнее и искуснее в войне сравнительно с Русскими. Однако еще в 969 г., как сообщают восточные писатели, Русские не побоялись под предводительством Святослава схватиться с Болгарами, которые еще задолго до того (913 г.) содействовали истреблению Русских, предпринимавших поход на южные берега Каспийского моря: Болгары были разбиты и даже самый Болгар был взят и разграблен. Есть известие, что и сын Святославов Владимир Святой ходил на Болгар... но каких: Дунайских или Волжских — вопрос не решенный. Вероятно, замечает наш историк Соловьев, на тех и на других. Во всяком случае, подвиг отца мог пленить сына мыслью покрыть себя тою же славою. И на этот раз Болгары были побеждены; но, должно быть, победа пришлась недешево: воевода Владимиров Добрыня, глядя на пленных Болгар, призадумался... «суть вси в сапозех, сказал он Владимиру: им дани нам не платить; лучше пойдем на лапотников». Это было в 987 г. Под 994 и 997 годами опять упоминаются удачные походы на Болгар: в первый раз не сказано, на каких, а во второй показаны именно Волжские. Кстати сказать, что в 1006 году был заключен с Болгарами торговый договор. Владимир по их просьбе позволил им торговать по Оке и Волге и дал для этого печати, ограничив однако право торговли городами; ездить же с товарами по селам и торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами не было позволено. Русские купцы с печатями от посадников своих в свою очередь имели свободный доступ в Болгарию.

Виктор РАГОЗИН

«Волга», т. 3. От Оки до Камы. СПб, 1881 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН-ФАДЛАНА К БУЛГАРСКОМУ ЦАРЮ

«Когда мы были на расстоянии суток пути от царя славян, к которому ехало наше посольство, к нам вышли навстречу братья его, дети и четверо подвластных ему царей, неся хлеб, мясо и просо. Отсюда мы отправились далее, вместе с ними, и когда до царского жилища оставалось только 8 верст, встретил нас сам царь. Увидев нас, он сошел с лошади и пал ниц, восхваляя и благодаря Аллаха. Потом он рассыпал перед нами серебряные деньги, бывшие у него в руках, а для помещения нашего велел разбить палатки, в которых мы остановились. Через три дня приготовили мы два вышитые золотом чехла, бывшие с нами, украсили лошадь богатым седлом, одели царя в черное платье, а голову его обернули турбаном; я вынул грамоту халифа, и он прочел ее стоя. Вельможи царя осы-

пали нас серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили их царю; потом надели мы жалованную шубу на его супругу, которая, по обычаю той земли, садится рядом с мужем. Наконец, царь позвал нас в свою палатку. Сам он сидел на престоле, покрытом греческою парчою; по правую руку его находились подвластные цари, прямо против него сидели его дети, а нас он посадил по левую руку от себя. По повелению царя, тотчас принесли стол, а на столе жареное мясо. Взяв нож, он сначала отрезал один кусок и съел его; потом таким же образом съел другой и третий, потом отрезал еще кусок и подал его нашему послу, перед которым после этого поставили небольшой стол. Таков там обычай, что никто не может дотронуться до кушанья, пока царь ему не даст куска. Таким образом каждый из нас получил сначала кусок от царя, потом отдельный столик и ел один, не сообщаясь с другими. По окончании обеда мы взяли с собой домой, что оставалось на наших столиках; но прежде чем мы ушли, царь велел подать медового вина, пил сам и мы пили».

Затем Ибн-Фодлан рассказывает об отблеске северного сияния, случайно виденном им на небе и несказанно поразившем его, жителя южных стран.

«В самую первую ночь, которую мы провели в великом городе Булгаре, заметил я, незадолго до заката солнца, что горизонт ужасно красен, и услыхал, что высоко в воздухе раздаются громкие отголоски и глухой шум. Я поднял голову — и что же вижу: надо мной плавает красное, как огонь, облако, и этот шум, и эти отголоски выходят оттуда! В облаке видны были как бы люди и лошади, а в руках у тех призраков луки, копья и мечи. Так видел я, или, может быть, так мне это показалось. Потом явилось другое облако, такое же, как и первое; они устремились друг на друга, слились, потом опять разделились, и это продолжалось до самой ночи, пока облака не исчезли. Мы так испугались, что принялись молиться Богу; увидав это, туземцы стали над нами смеяться и очень дивились нашему страху».

Поражало также Ибн-Фодлана и то, что в Великом Булгаре в одну часть года день бывает длинен, а ночь коротка, в другую же — наоборот.

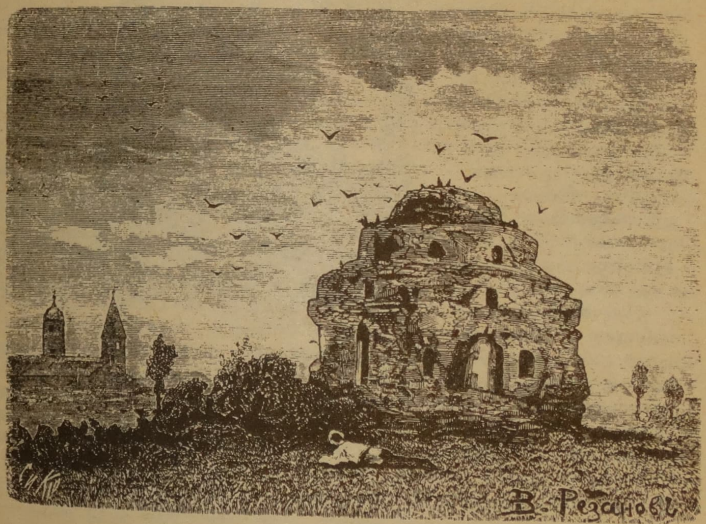
«Видел я также там,— пишет он далее,— дерево (березу), которое не знаю, как назвать: оно вышины необыкновенной, ствол у него безлиственный, вершина, как у пальмы, а листья мелкие, но густые. Дерево это покалывают в ствол и вытекающую оттуда жидкость, которая приятнее меда, собирают в сосуды. Пища булгар состоит, большею частью, из проса и конины, хотя в земле их пшеницы и ячменя родится очень много. Масла нет никакого; его заменяет рыбий жир. Все носят шапки. Если встретят царя, то снимают шапку, берут ее под мышку и надевают опять не прежде, как царь проедет. Грозы случаются очень часто, и если молния ударит в дом, то его бросают, говоря, что над этим строением гнев Божий. Много можно было бы,— заключает Ибн-Фодлан,— еще сказать

об этом народе, но мы ограничимся только тем, что уже сказано».

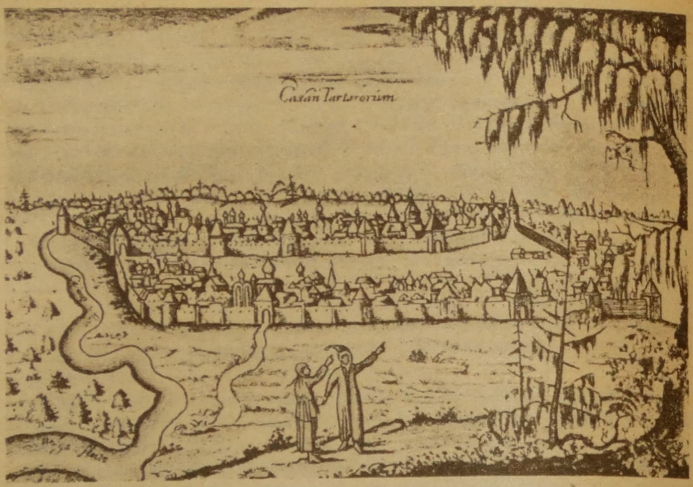
Всех этих сведений, однако, так мало, что невозможно точно определить даже, к какому именно племени принадлежал исчезнувший народ. Одни ученые предполагают, что болгары были славянского происхождения; другие, на основании их магометанской религии, склонны думать, что они принадлежали к племени тюркскому. Ничего определенного в этом отношении сказать нельзя. Во всяком случае, не следует смешивать их с нынешними дунайскими болгарами; скорее можно предположить, что они были не чистокровною нациею, а смесью племен славянского и тюркского; вот почему их государственный строй не имел достаточной прочности; вот почему также, вследствие наплыва татар, от них не осталось и следа в истории.

ДОЧЬ БУЛГАРСКОГО ХАНА

Булгарский хан Абдуллах при взятии города Булгара Булат-Тимуром вместе со своими детьми, женой и ближайшими родственниками закрылся в одной из каменных построек столицы. Завоеватель приказал завалить здание бревнами и поджечь его. В результате все спрятавшиеся погибли, за исключением набожной и



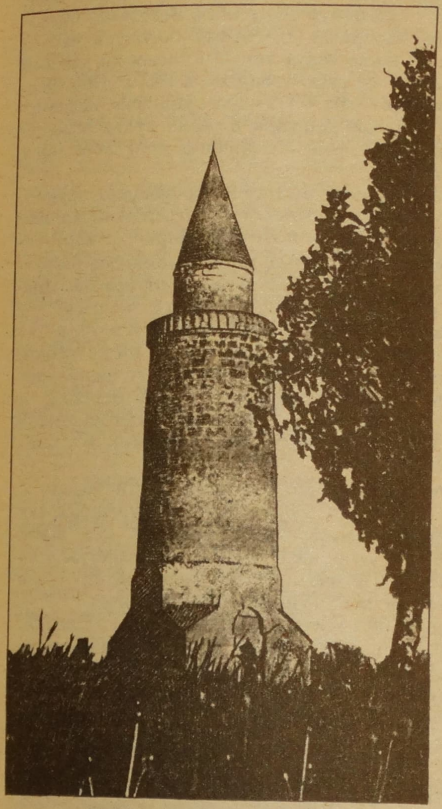
Развалины ханского дворца древних Булгар в селе Успенском.



добродетельной младшей дочери хана, считавшейся самой красивой и разумной девушкой края.

Булат-Тимур, увидев ее в белом одеянии, бесстрашно стоящей на крыше здания перед языками разбушевавшегося пламени, был поражен ее смелостью, решительностью и необычайной красотой и тут же велел потушить огонь. Когда шум огня затих, он громко, во всеуслышание, заявил красавице, что сделает ее главной женой и она будет украшать его ханскую юрту. Однако царевна ответила, что скорее бросится вниз головой, чем сделается женой завоевателя и убийцы.

Разъяренный Тимур приказал привести к нему двух ее братьев, взятых в плен. Увидев их с колодками на шее, она побледнела и крикнула завоевателю, что согласна стать его женой, если он тотчас отпустит ее братьев на свободу и даст им лучших своих коней. Тимур, желавший во что бы то ни стало овладеть красавицей, освободил пленников и сам подвел к ним двух резвых скакунов. Булгарские царевичи, бросив последний, прощальный взгляд на младшую сестру, исчезли из поля зрения. Дочь же булгарского хана бросилась вниз головой на догорающие бревна. А два ее брата добрались до северных районов Булгарии и на берегу Казанки основали город Казань, который стал преемником булгарской культуры.



Малый минарет в г. Булгар

На крутом берегу, над водными просторами великой реки Волги возвышаются белокаменные постройки тысячелетнего города. В X—XV веках здесь находился крупнейший политический, экономический и культурный центр Поволжья — город Булгар, который в золотоордынском периоде именовали Великими Булгарами, вслед за великим городом Биляром. Теперь древнейший город — обширное городище с архитектурно-археологическими памятниками — объявлен государственным историко-архитектурным заповедником.

Различные предметы, находимые археологами на поверхности и при раскопках, свидетельствуют о былом богатстве и величии погребенного здесь древнего города. Обычно считается, что названия городов нередко отражают наименования племен, так как город в большинстве случаев является племенным центром. Так, Сувар был центром суваров (сабиров), Ошель — ишкилей (эсегелов), а Булгар, по всей видимости, являясь столицей государства, назывался по имени господствующего племени. Исторические источники упоминают о присутствии в Волжской Булгарии многих племен — берсул, собекулян, челмат, темтюз, баранджар, местных финноугорских и других. Но важно то, что в XII веке уже сложилась единая булгарская народность.

Еще задолго до основания Булгара место впадения Камы в

Волгу являлось пунктом обмена, в булгарскую эпоху оно стало своего рода ярмаркой, куда приезжали торговцы из разных мест. Город Булгар был известен как центр торговли с Востоком, Византией, Русью и северными народами. По этому поводу в начале X века Ибн-Руста писал: «Хазаре ведут торг с Булгарами, равным образом и руссы привозят к ним свои товары». В 922 г. Ибн-Фадлан сообщал: «У них [булгар.— *Ф. Х.*] много купцов...» Всю торговлю востока с севером булгары держали в своих руках и не допускали восточных купцов на север, сочиняя всякие небылицы, чтоб запугать конкурентов.

В 20-х годах X века в истории Булгарии произошло крупное политическое событие — прибыло посольство багдадского халифа Муктадира по просьбе царя булгар Алмуша. Царю хотелось не только укрепить мусульманство в стране, но и, с помощью багдадских строителей, соорудить крепость для защиты от врагов. Принятие ислама имело для государства булгар большое значение, так как приобщило к мусульманской культуре, являвшейся тогда передовой культурой Востока. Однако до нас не дошли ни культовые сооружения, ни другие постройки того времени. Все сохранившиеся здания в Булгаре относятся к золотоордынскому периоду, то есть к тому времени, когда Волжская Булгария была завоевана монгольским войском и ее история стала тесно связанной с историей Золотой Орды.

Из сохранившихся построек в центральной части города (в данном случае мы ведем речь лишь о культовых сооружениях, связанных с эпиграфическими памятниками) имеются два мавзолея — северный и восточный, которые с XVIII века известны в литературе как «Монастырский погреб» и «Церковь святого Николая» — по их практическому использованию в то время.

Строительство мавзолеев над погребениями знатных людей было широко распространено в мусульманском мире. Вспомним великолепный ансамбль Шах- и Зинда в Самарканде с мавзолеями Кусама ибн-Аббаса, Султан-Саодата, Ходжи Ахмада, Шади Мулька-ака, Эмирзаде, Бурундука, Туман-ака, Казы-заде Руми, Туглу-Текина, Ширинбек-ака, мавзолей Исмаила Самани в Бухаре и т. д.

Северный мавзолей в Булгарах был сооружен в 30-х годах XIV века напротив северного фасада Соборной мечети. Он имел купольное покрытие, стрельчато-арочные дверные и оконные проемы. Небольшой коридор выходил на вымощенную камнем площадь перед Соборной мечетью, в которой в начале XVIII века лежали надмогильные плиты знатных людей города, однако монахи монастыря, освободив помещение от надгробий, использовали его в качестве погреба. Богатые булгарские погребения были раскопаны и разграблены.

Еще один мавзолей расположен у восточного фасада Соборной мечети, построенной примерно в одно и то же время с северным мавзолеем. Он принадлежал к типу восточных шатровых усыпальниц с выносным порталом. Кроме двери, обращенной на юг, с трех

сторон различаются окна стрельчато-арочной формы. В восьмигранном ярусе сохранились ложные окна — декоративные ниши, способствующие зрительному устранению массивности суровых каменных стен и создающие при солнечном освещении игру света и тени.

В XVIII веке и в этом мавзолее были обнаружены булгарские надмогильные плиты, а во время ремонтных работ 1889—1890 годов была выкопана изящная плита высотой около трех метров. С большим мастерством вырезанные рельефные буквы соединялись даже в тех случаях, когда в обычном письме пишутся раздельно, под некоторыми из них указаны отдельные начертания букв. Под буквами проставлены добавочные точки, что является характерным приемом для булгарских надписей. Этот прекрасный памятник был поставлен над могилой княжны Сабар-элчи, имя которой обрамлено в надписи такими хвалебными эпитетами, как «благочестивая, непорочная, заботливая, щедрая, целомудренная, набожная, благонравная, добродетельная, источник милостей, идеал счастливых женщин, начало добрых дел, венец женщин в обоих мирах».

Наличие мавзолеев в центре Булгара позволяет предположить функционирование здесь кладбища. Известно, что еще в домонгольское время на Бабьем бугру, расположенном к западу от центра городища на краю склона волжской террасы, возникло городское кладбище. Погребение совершалось по официальному мусульманскому обряду: покойника клали в вытянутом положении головой на запад, лицом вверх или повернутым к югу, в сторону Мекки. В более ранних погребениях наблюдается и отступление от этого обряда, что показывает сохранение в народе языческих пережитков. Так как здесь хоронили рядовых жителей, кладбище не имеет богатых надгробных плит, склепов и мавзолеев.

На городище имеется еще одно кладбище, которое обычно называют «ханским». Такое наименование не означает, что там обязательно должен быть похоронен хан. В народе «ханским» считают те древние кладбища, где имеются богато оформленные массивные надгробия. Подобные «ханские» кладбища существуют близ сел Старое Ромашкино Чистопольского района, Тямти Сабинского, Средние Кирмени, Нижние Яки Мамадышского района ТАССР, однако ни в эпитафиях, ни в исторических источниках нет и намека, что там похоронены ханы.

В районе «ханского» кладбища Булгара прежде всего привлекают внимание минарет и мавзолей. В отличие от Большого минарета Соборной мечети жители назвали его Малым, который был сооружен во второй половине XIV века по образцу минарета Соборной мечети. Малый минарет, как гласит предание, стоит на месте захоронения «булгарских святых», он был необходим для окружавших его усыпальниц — поминальных мечетей, среди которых есть и так называемая Ханская усыпальница.

Гордо стоящий минарет окружает целый комплекс усыпальниц.

Когда-то вокруг усыпальниц располагалось мусульманское кладбище городской знати и могилы тянулись рядами с севера на юг. Долгое время над ними стояли каменные надгробия. Закономерно возникает вопрос: когда булгары стали ставить каменные плиты с надписями и почему? Однозначно ответить на него трудно, да и вряд ли возможно.

Если заняться историей, хотя бы тем периодом, когда в 631 году в Приазовье возникла Великая Болгария во главе с ханом Кубратом, то можно увидеть, что это объединение существовало недолго, и не позже третьей четверти VII века произошло разделение и переселение древних болгар на новые места. Болгары разделились на пять групп, но ни в одном письменном источнике нет указаний на наличие какой-либо группы, которую можно было бы сопоставить с будущими волжскими булгарами. Однако в данном случае для нас это не так уж важно. В верховьях Кубани, в пространстве от Лабы до Малки, на плитах раннесредневековых склепов, на потолках и стенах вырубленных скальных пещерок (могил) и на предметах быта археологами были обнаружены руничесские надписи. Вот некоторые из них: Эгънбех белюгю дйог эни эш ойуштук. Ижден эле ол (Эгюнбеха надмогильный знак, поминания дом — погребение выдолбили мы. Предстанет перед богом); Дйогшыу эн эш мен Эг Бка ... ѵлѵм а бёкмёт...м уйа эрен аз айырлтым. (Поминальный дом (лежбище) — погребение, я, Эг-Бка... сыном своим (о горе!) не насладился, от родственников, от мужественных азов отделился); Жгутур ѵчемгэ менчѵр элинче ур бити эшгэн (В третьем (месяце года) горного козла, в тысяча сто пятидесятом, выбитой надписью воздает хвалу).

Дешифровав эти надписи, карачаевский ученый С. Байчоров сделал вывод об их тюркском характере. «Анализ языка руничесских памятников Приэльбрусья показал,— пишет он,— что по своим графо-фонетическим особенностям он — протобулгарский, имеющий д'- и ж- диалекты, которым характерен ротацизм. Первый из них известен как дунайскобулгарский, второй — как волжскобулгарский».

Стало быть, протоболгары, исходя из природных условий, в честь погребенных сооружали поминальные дома и составляли надписи. Здесь интересно сопоставить протоболгарское слово белѵг (белѵх) с волжскобулгарским бэлѵк со значением «надмогильный знак, памятник», в которых наблюдается полное соответствие значения и формы. Когда-то у древних болгар, как и у многих древнетюркских племен, над погребениями, очевидно, ставились символы человеческого изображения для погребально-поминальных обрядов. Вначале это могли быть просто камни или дерево, затем им стали придавать некоторый человеческий облик, сравните, например, отголоски такого явления в татарском языке, где употребляются сложные слова ташбилге (каменный знак),— кстати, ряд древних булгарских кладбищ называется так, есть и села, носящие такое название; тораташ (каменное изваяние; не-

большая скала); сынташ (каменная баба), в которых вначале отсутствовал текстовой материал.

Теперь трудно утвердительно ответить об установлении какой-либо отметки над погребенными ранними булгарами на Волге, потому что чаще всего захоронения открываются случайно во времена вспашки или обвала обрывов. Все же изучение археологами Больше-Тарханского могильника (конец VIII — начало IX вв.) ранних булгар показало, что ни в одном случае не наблюдалось взаимного нарушения могильных ям. А ведь изучено было 366 погребений! Все это позволяет предполагать, что могилы сверху имели какие-то отметки. Был ли это простой холмик или деревянное сооружение, исчезнувшее от времени,— сказать невозможно.

Синхронный Больше-Тарханскому Кайбельский могильник был оставлен племенами, близкими в культурном и этническом отношении к Тарханскому, но здесь над могилками насыпали холмики. В Танкеевском (в 20 км от г. Булгара) могильнике было исследовано около 1000 как языческих, так и мусульманских захоронений середины IX — X веков. Хотя на поверхности не заметно никаких отметок, однако нарушения одной могилы другой не наблюдается. Это говорит о том, что все-таки какие-то внешние указатели существовали.

Во время экспедиционных выездов на древних кладбищах, которые иногда трудно и признать за кладбища — до того задернованы и напоминают лужайки — нет-нет да можно обнаружить небольшие камни, поставленные в каком-то порядке. Иногда камни обозначают периметр могил. По всей видимости, это те самые каменные знаки («таш билге»), указывающие место захоронения и являющиеся символическим образом покойного. Нельзя упускать из виду и тот факт, что Волжская Булгария была многоплеменным государством и, возможно, у некоторых племен, связанных больше с кочевым образом жизни, не было традиции обозначать могилы.

Вспомним классический случай с великим персидским царем Дарием I во время его похода против скифов, о котором рассказал Геродот. Не имея сил противостоять полчищам Дария, скифы стали отступать и заманивать персов в степи. Наконец Дарий не выдержал и отправил царю скифов послание. «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор?» — писал он.

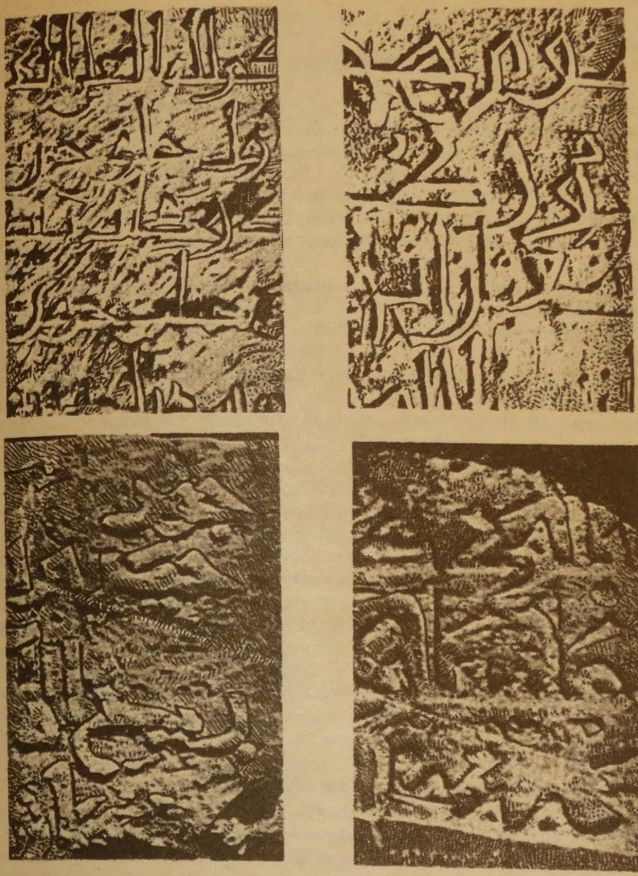
Царь скифов Иданфирс не замедлил с ответом: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет».

Таким образом, способ захоронения целиком зависел от погребального культа, господствующего в системе мировоззрения того или иного племени, союза племен. В истории известны разные погребальные обряды, имеющие как некоторые общие элементы, так и различия в ритуальных действиях. В Волжской Булгарии с X ве-

Надгробные надписи

ка получил распространение мусульманский обряд захоронения со своими нормами и правилами. И от золотоордынского периода истории этого раннефеодального государства дошли до нас эпитафии, написанные арабским письмом. Могилы предков олицетворяли для народа родную землю, родину и считались священными.

Огромное количество памятников известно на кладбищах XVIII—XIX веков. Надписи пестрят титулами феодалов и служи-



Надмогильные надписи древних булгар

телей культа, здесь есть эмиры, шейхи, султаны, имамы, беки, муллы, хаджи, дружинники, мурзы, но нет ни одной эпитафии, поставленной на могиле труженика-земледельца или ремесленника.

Таким образом, булгаро-татарские эпиграфические памятники не отличаются от других типов надмогильных памятников или сооружений — стел, изваяний, курганов, мавзолеев и т. д., служивших одной цели — возвышению личности, поклонению высшему сословию общества через их предков.

В возникновении традиции установления эпиграфических памятников нельзя исключать и этнический фактор. Принадлежность эпиграфических памятников на территории Среднего Поволжья и Приуралья булгарскому, а позднее татарскому народу — установленный факт. Однако в сложении булгарской народности наряду с булгарами, суварами, берсулами, нохратами, эсегелями, темтюзами, сабакулянами, баранджарами принимали участие и местные ананьинские, пьяноборские и именьковские племена. Позднее определенную роль сыграли половцы-кипчаки. Так, среди этих племен и народностей ананьинцы и кипчаки имели обычай устанавливать на могилах своих соплеменников надмогильные памятники — стелы и каменные изваяния. Стелы ананьинских вождей обнаружены в 10 км от Булгара на Ново-Мордовском могильнике. Памятники с полукруглым верхом, изготовленные из местного известняка, с изображениями символа власти секиры и кинжала в верхней части, показывают высокое мастерство ананьинских мастеров резьбы по камню. К приходу булгарских племен в Среднее Поволжье такие памятники стояли, вероятно, не только в Ананьино и Ново-Мордове, но и во многих других местах. Почитаемые местными племенами эти памятники, видимо, вызывали уважение и у пришлых людей. Показательно то, что рядом с огромным городом, где возводились белокаменные здания, эти давнозабытые камни не были использованы как строительный материал и сохранились до наших дней. Если ананьинские стелы для булгар были свидетелями давно прошедших времен, то многочисленные половецкие каменные изваяния украшали бескрайние степи южнее булгарских границ в период расцвета домонгольской Булгарии в XI—XII веках. Известны каменные бабы и из булгарских земель — с территорий современной Куйбышевской и Ульяновской областей. Одна такая находка сделана даже в Булгаре, далеко на севере от территории проживания половцев. Во время раскопок мавзолея в южной части городища в кладке была обнаружена голова каменного изваяния.

50 текстов надгробий с Булгарского городища впервые были переписаны и переведены ахуном Кадыр-Мухаммедом Сюнчалеевым, слободским переводчиком Юсупом Ижбулатовым, а армянские тексты — армянином Иваном Васильевым. Любопытно, что имя ахуна Кадыр-Мухаммеда (Кадыр-Мамета) ранее уже упоминалось в печати: в 1712 г. он рассказал несколько легенд дьяку Андрею Михайлову о древностях Булгара. Видимо, он не был случайным человеком в Булгаре, а входил в состав охраны святынь города и постоянно проживал там. В связи с этим вспоминаются строки из стихотворения татарского поэта XVII века Мавля Кулыя, который заявлял, что «сказывал он вирши свои в кельях дервишей града Булгара». А чуть больше ста лет до него его собрат по перу Мухамедьяр, известный двумя своими великолепными поэмами, старательно выводил вязью такие строки:

В булгарской Казани у ворот,
Толпа людей изумленных у ворот.
Иссушен я всецело, о властитель,
Часовой могилы Мухаммед Амина.

Очевидно, у мавзолеев Булгара по сложившейся традиции долгое время обитали разные представители духовенства и дервиши. Они считали себя своего рода «охранниками» могил предков и кормились за счет приезжавших на поклонение людей из разных концов страны. По всей видимости, таковым являлся и ахун Кадыр-Мухаммед Сюнчалеев. Как бы то ни было, сегодня благодаря ему наука располагает текстами пятидесяти эпитафий XIII—XIV веков.

В Среднем Поволжье эпиграфика достигла своего расцвета в конце XIII — первой половине XVI веков. Высокий и благородный синтез искусств связывал здесь воедино архитектурное и пластическое решение памятников, характер растительной орнаментации и изящной каллиграфии надписей. В орнаментике эпиграфических памятников сосуществуют различные формы и мотивы. Это обусловлено сохранением локальных народно-художественных традиций.

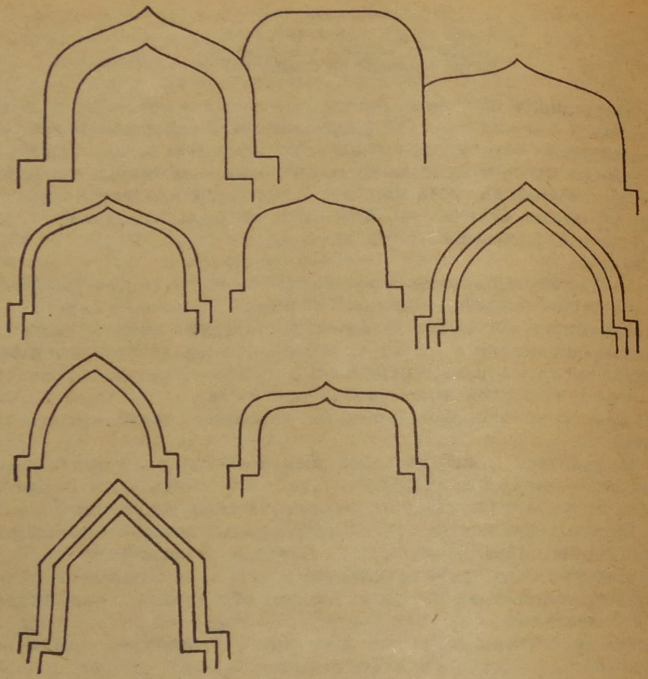
Многие тексты, выполненные в технике глубокой резьбы изящным почерком сульс или куфи, сами по себе являются образцами высокого каллиграфического и поэтического искусства.

Изучение множества точно датированных надгробных памятников Среднего Поволжья, тесно связанных с развитием народной архитектуры, позволяет проследить историю возникновения и развития традиционных художественных образцов, декора, стиля в изобразительном искусстве булгарского и татарского народов.

Булгарские надмогильные памятники представляют собой прямоугольную, тщательно обработанную известняковую плиту в форме плоского параллелепипеда, длина которого колеблется от 70—80 см до 350 см при толщине 17,5—26 см и ширине 52—70 см. Верхняя часть надгробия, как правило, прямоугольная или слегка скошенная, с углубленными на 3—7 см плечиками и стрельчатой или килевидной аркой, где расположена кораническая формула, а иногда шести-, восьмилепестковая розетка. Редко встречаются памятники с остроконечным завершением и как исключение нужно указать на два памятника с полукруглым завершением со сквозными плечиками.

У большинства памятников имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений. Встречаются надписи и на обратной стороне плит.

Надгробия устанавливались вертикально в изголовье погребенного лицевой стороной на восток и врывались в землю, для чего четвертая или пятая часть плиты оставалась необработанной. Боковые части и оборотная сторона памятников обрабатываются только в том случае, если наносится надпись или орнамент. Поверхность лицевой стороны камня состоит из завершения памятни-



Формы арок надгробий

ка с аркой или без нее (оголовник), где наносится кораническая формула или орнамент основной части, где располагается текст, и основания.

Тексты эпитафий оформлялись рельефными или врезанными (углубленными) буквами, почерками куфи, сульс, насх и т. д.

Надгробия из сел Татарский Калмаюр и Старый Баллыкуль, текст которых выполнен почерком рельефного (заглавная формула) и врезанного (основной текст) куфи, выделяются своеобразным орнаментом, состоящим из четырех розеток, расположенных на четырех углах оголовника. Основной текст от нижней части камня отделяется врезанной полосой с треугольниками. Наиболее близкими их аналогами можно считать надгробия из Малых Кайбиц и Старого Ромашкино, однако на последнем камне розетки расположены в нижней части надписи. На обратной стороне эпитафии из Малых Кайбиц имеется циркулярный орнамент, нередко

применявшийся и на других камнях булгарского округа.

Любопытно, что наряду с растительными и геометрическими узорами, на эпиграфических памятниках отмечен и зооморфный мотив. Так, в эпитафии 1288 года из Булгар (хранится в Госмузее ТАССР) в нижней части камня наблюдается рисунок стилизованного изображения единоглавой птицы с раскрытыми крыльями. В последние годы найдено еще три камня с подобным орнаментом. Таким образом, это явление никак нельзя считать исключением.

По своему происхождению изображение птицы следует считать весьма древним, можно найти ряд аналогов этому и на местном материале. Изображение одноглавой птицы в эпитафиях обнаруживает сходство с соколом, спокойно парящим в полете, и это созвучно с татарским фольклором, где считается, что после смерти душа покидает тело человека в виде птицы. В татарском языке с этим связано словосочетание «кот очу», означающее сильный испуг. В его основе лежит слово «кот», которое объяснено в «Толковом словаре татарского языка» следующим образом: 1) дух, душа, которая, думается, может отделяться от тела; амулет, оберег; 2) красота, краса, удача.

Слово *«кут»* зафиксировано и в древнетюркском языке, одним из значений которого были «душа, жизненная сила, дух».

Данный мотив, на наш взгляд, отражен и в поэтическом тексте эпитафии XVI века из с. Нохраты: «Для смерти радость настала. Наша радость ушла. Как будто коварным соколом улетела...»

Еще одной примечательной чертой надгробий Булгарского округа является наличие стрельчатой и килевидной арок с плечиками. Они преимущественно крутые и, как исключение, зарегистрированы одна полукруглая, одна восьмигранная и несколько памятников без арок. Форма верхней части подавляющего большинства надгробий прямоугольная, однако встречаются памятники с полукруглым, остроконечным, пирамидальным и шестигранным завершиями.

Арка эпиграфических памятников олицетворяет михраб мечети. По религиозным понятиям, люди входят в мечеть для очищения своей души, и когда человек туда входит, у него ничего не должно остаться земного, он полностью во власти всевышнего. Поэтому, видимо, и площадь внутри арки — тимпан заполняется только фразами из корана. Человек, покидая земной мир, не умирает, а как бы переселяется в другой потусторонний мир и продолжает там свое существование. Такое представление о смерти подтверждается и высказываниями, помещенными в тексте эпитафий: «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь», «Из мира бренного переселившись, в мир вечности ушел».

Здесь, по нашему мнению, проявляется вера в загробную жизнь древних булгар. В этом отношении интересно, что слово «умер» в памятниках употребляется весьма редко, чаще всего это понятие детализируется. Если в памятниках, язык которых напоминает татарский, обычно пишется: «Отошла к богу; отдалась милости алла-

ха всевышнего», то в эпитафиях другой группы (с р-язычными формами) это понятие связано с потусторонним миром: «Из мира бренного в мир вечности переселился».

Другим характерным признаком эпитафий Булгарского округа является наличие заглавных коранических формул «Он живой, который не умирает» и «Суд аллаха всевышнего, великого». Из всех эпитафий на 95 высечена именно первая формула, а на 51 — вторая. Отсюда видно, что первая формула более распространена.

Небезынтересно будет рассмотреть структуру текстов эпитафий, которая свойственна почти всем памятникам. Правда, в некоторых случаях могут отсутствовать отдельные части или же порядок следования их может быть несколько иным. В этом отношении все памятники Булгарского городища делятся на две группы, в обеих тексты подразделяются на семь последовательных частей-компонентов:

1. Вначале идет коранические формула «Он живой, который не умирает, а все живущее умрет». Иногда употребляется только первая часть формулы. Во второй группе основной текст иногда может начаться с другой формулы: «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» (Коран, сура 29, стих 57).

2. Слова, связанные с обрядом захоронения. В арабоязычных надписях употребляются слова, означающие «гробницу» (для мужчин), «сад» (для женщин). Во второй группе, в соответствии с законами тюркской грамматики, слова зират // зийарат («место погребения») и бэлук («надмогильный знак, памятник») идут в конце предложения и, естественно, не могут стоять на втором месте.

3. Эпитеты «скромная», «благочестивая», «целомудренная» и другие характерны для лиц женского пола, мужские эпитафии же сопровождаются эпитетами «благородный», «великодушный», «благочестивый» и т. д. Бросается в глаза то, что большинство женских эпитетов носит религиозный характер.

4. Имена, титулы, родословия покойного. Этот компонент (как и третий) может быть кратким или же относительно развернутым. Иногда встречается перечисление родословия до седьмого поколения, родоначальник которого носит нисбу «булгари».

В памятниках второй группы этот компонент, как правило, стоит на втором месте вслед за коранической формулой. Для них указание эпитетов не характерно. В XIV веке стали появляться и памятники с эпитетами, выраженные на арабском языке. Обычно в данной группе памятников этот компонент очень краток, он состоит из двух имен и одного титула.

5. Благожелательная формула. Чаще всего встречается изречение «Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримою», реже — изречения индивидуального характера, например, «Да оросит всевышний аллах его могилу, да дарует ему жилище в раю, да помилует его оставлением грехов и прощением и да вселит его в селения райские». Данный компонент на мужских эпитафиях представлен значительно богаче, дает большую смысловую нагрузку,

чем в женских, что соответствует канонам ислама.

Вторая группа памятников характеризуется формулой «Да будет милость аллаха милостью обширною», написанной на арабском языке.

6. Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти: «Она отдалась милости аллаха всевышнего», «Отошла к аллаху» и т. д.

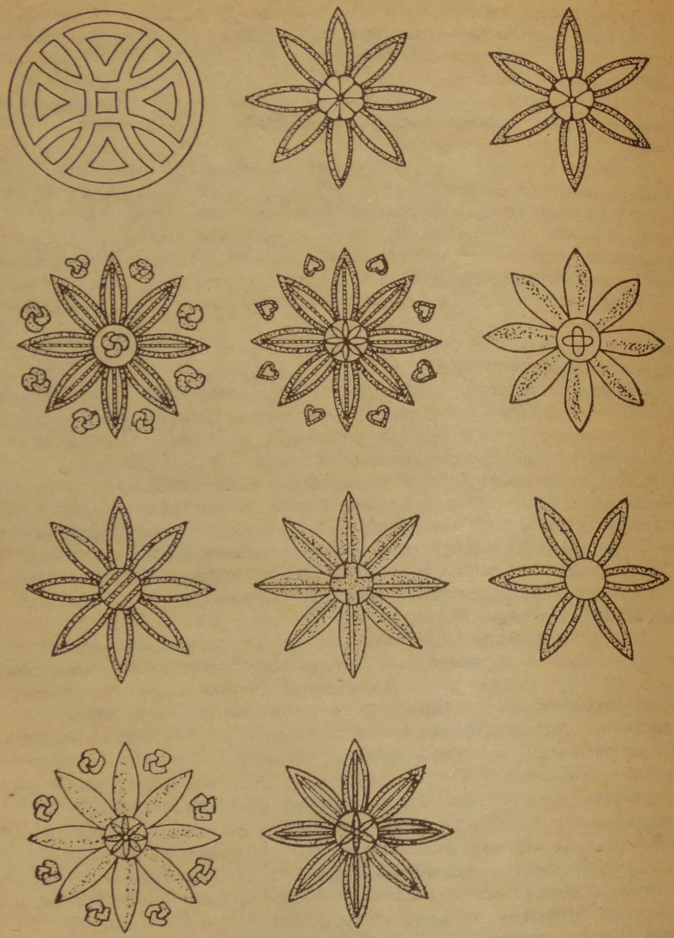
7. Дата, как правило, выражается словами, хотя в более ранних памятниках встречаются и цифровые обозначения. Во второй группе надгробий дата передана словами и весьма подробно: обычно обозначается год, месяц, день, а иногда и дни недели. Перед указанием даты в качестве связующего слова применяется «хиджра», т. е. обозначение мусульманского летосчисления.

Изредка в этой же группе памятников в конце текста встречается благочестивое изречение «Смерть» — дверь и все люди войдут в нее», которое считается принадлежащим арабскому поэту Абу-л-Атахии (748—825).

Известные эпитафии XIII века охватывают небольшой отрезок времени 670—699 гг. хиджры и типологически составляют единое целое с памятниками первой половины XIV века. Однако у них проявляются некоторые индивидуальные черты, которые в дальнейшем или развиваются, или исчезают. К таковым нужно отнести бордюрный орнамент в виде двух параллельно идущих линий, пересекающихся через определенные промежутки, полукруглое завершение верхней части со сквозными плечиками, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра». Любопытно и то, что в количественном отношении более половины эпитафий XIII века написаны на арабском языке.

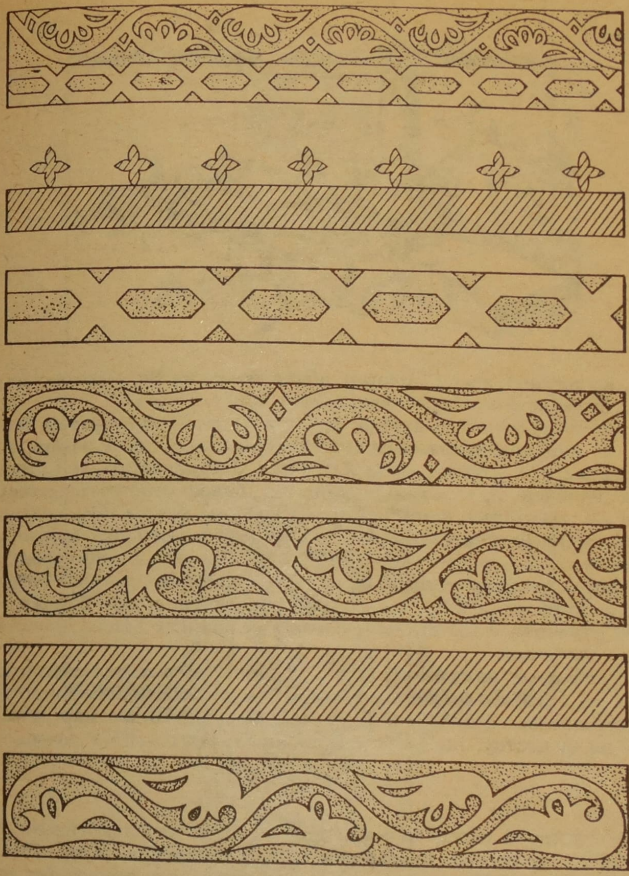
В первой половине XIV века основным местом сосредоточения эпиграфических памятников по-прежнему продолжает оставаться город Булгар. Самый ранний памятник этого столетия относится к 700 году хиджры, позднейший — к 749 году. К Булгарскому городищу относится и большое количество фрагментарно сохранившихся памятников, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV века. Подавляющее большинство памятников первой группы относится к тому типу, которые по своему оформлению, размерам не отличаются от памятников конца XIII века. Как исключение нужно отметить одну плиту, выделяющуюся своим малым размером и полукруглым верхом со сквозными плечиками. Кстати, памятники такой формы очень редки, они получают широкое распространение только в XIX веке.

Для памятников первой группы характерна простота оформления. Из орнаментации нужно отметить виноградную лозу, отделяющую основной текст от заглавной формулы, и широкую рельефную полосу. Обращает на себя внимание орнаментальная полоса одной эпитафии, состоящая из растительного побега, закрученного в спираль с очень мелкими листочками. Этот редкий мотив можно увидеть на боковой части эпитафии XVI века из Заказанья.



Мотивы розеток на надмогильных камнях

Бордюр большинства камней состоит из рельефных полос. Имеется один фрагмент с несвязанным между собой мотивом трилистника. Аналогичная орнаментация встречается как компонент цветочного мотива в эпитафиях Казанского ханства и более позд-



Виды бордюрных украшений

него времени, а здесь она является самостоятельной.

Необходимо указать на орнамент нижней части плиты, находящейся в фундаменте колокольни церкви Успения, где две многолепестковые розетки старороманшкинского типа расположены на обеих сторонах уступа рамки. Подобный орнамент встречается и в других местах Булгарского округа (например, в селах Тат. Калма-

юр, Кульгуны), но те, которые обнаружены на Булгарском городище, выделяются своим прекрасным исполнением.

Текст памятников данной группы написан рельефными буквами, но иногда и врезанным куфическим шрифтом. А почерк сульс такой же, как в памятниках XIII века. В композиционном отношении надписи продолжают традиции более старых памятников, лишь в некоторых компонентах структуры текста произошли незначительные изменения, а в конце текста появился добавочный компонент — благочестивое изречение. В мужских эпитафиях появляются эпитеты наподобие «красы молодцов», «сердца сердец», «почитателя ученых», «воздвигавшего мечети» и т. д. Видимо, следует отметить и то, что отдельные компоненты текста иногда могут и исчезать.

Некоторые памятники первой группы имеют рельефную надпись на боковых сторонах, которая представляет собой известное двустишие на арабском и тюркском языках: «Вижу мир развалиной по существу, но он останется продолжительно в покое».

* * *

Мы в своем рассказе остановились лишь на надмогильных памятниках волжских булгар — предков казанских татар. Почему именно на них? Потому, что это единственные датированные исторические источники, оставленные булгарами для потомков. Конечно, у исследователей еще теплится луч надежды, что когда-нибудь в рукописных хранилищах отыщется и сочинение на булгарском языке или обнаружится надпись с более пространным текстом, но пока надписи на могильных памятниках — единственные документы письменности древних булгар.

Д. Г. МУХАМЕТШИН, Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ

Татарские легенды

Татаре, тартары, тюрко-татаре — термин, которому в разные времена и у разных народов придавали весьма различный объем и значение. Современные лингвистические, исторические и археологические исследования внутренней Азии привели к заключению, что слово это китайского происхождения, читается в различных частях Китая как «та-та», «тар-тар», «та-дзе». Этим именем первоначально называлось особое монгольское племя, жившее по среднему Хоанхэ (Желтой реке), в нынешних китайских областях Шань-си и Ордосе; но теснимое соседями перебралось на запад в области Тянь-Шаня. Объединенные завоеваниями Чингисхана (которого мать была «та-та») и многочисленные монгольские племена внутренней Азии получили общее название татары. При преемниках Чингисхана завоевания этого ядра, состоявшего из монгольских народностей, распространились на северные и западные части средней Азии, населенные главным образом совершенно иного происхождения «тюркскими племенами», говорившими на различных тюркских, но не на монгольских наречиях. Это-то тюркские племена, как более культурные, находившиеся под более или менее значительным влиянием иранских арийцев, совершенно поглотили в себе основные элементы монголов-завоевателей, принявших их язык, культуру, мусульманскую религию; ту же участь этнического поглощения испытали на себе и некоторые покоренные племена иранского и финского происхождения, воспринявшие тюркский язык и магометанскую религию, заменившую для многих из них не только древние языческие культы (шаманство и пр.), но и начавшие проникать христианство (несторианство) и буддизм. В этом широком смысле слово татары представляло собирательный термин для всех монгольских, тюркских и других племен, совершивших в XII и XIII вв. разгром всей внутренней Азии и восточной Европы, известный под именем татарского нашествия, отразившегося на Китае, Индии и Иране. В этом смысле слово татары употреблялось еще в первой половине XIX в., особенно в западной Европе, до ближайшего знакомства с этнографией и языками внутренней Азии; вся Монголия называлась Татарией; даже все монгольские и тунгусские племена, обитатели Амурского края и Маньчжурии считались татарами. У китайцев до сих пор войска их монгольских и маньчжурских племен называются татарскими. По мере изучения азиатских племен и народностей, преимущественно со стороны русских исследователей, обособления этими изысканиями монгольских, тунгусских, урало-алтайских племен, слово татары вовсе перестало применяться в его первоначальном значении и сохранилось только в генетическом отношении совершенно неправильно за целым рядом по большей части мелких народностей тюркского (отчасти иранского и финского) происхождения, живущих в Западной Сибири, на Кавказе и в наибольшем числе на востоке Европейской России, говорящих на разных диалектах тюркского языка и не носящих самостоятельных названий (например, киргизы, сарты и др.). В этом узком и совершенно искусственно сложившемся смысле к татарам относятся: в Западной Сибири и Алтае: а) сибирские татары очень смешанного происхождения (остатки татар Сибирского царства и разных пришлых элементов), по диалектам делятся на барабинцев, тарлыков, иртышских, тюменских, ялуторовских татар и других, общее число их определяется в 68 тысяч; они оседлые мусульмане, занимаются земледелием, скотоводством и особенно торговлею, с каковою целью расселяются до западных частей Монголии включительно, русифицированы и смешаны с русскими более других татар; б) алтайские татары делятся на множество мелких народностей, носящих самостоятельные названия телеутов, белых калмыков, катунских чулымцев, шор, черневых (лесных) татар, кумандинцев, абаканских татар и других. Они образовались из более или менее тесного слияния самоедских, угро-финских племен с тюрками и монголами; общей связью являются только различные диалекты тюркского языка, большая часть кочевники и бродячие охотничьи народности, подвергаются частью вымиранию, частью более или менее полному обрусению, по религии немногие только мусульмане, большинство шаманисты или только внешним образом принявшие православие; общее число весьма

Казанские татары. Рисунок XIX века

приблизительно определяется в 80 тысяч; в) кавказские татары слагаются главным образом из остатков древних, исчезнувших печенегов, аваров, аланов, хазаров в смеси с ногайцами, кипчаками и различными иранскими народностями; сюда относятся: азербейджанцы иранского (персидского) типа, населяющие значительную часть Закавказья и прилегающие части Персии и турецкой Армении, общее число до 1200 тысяч; кумыки в Дагестане — 83 тысячи; горские или кабардинские татары — около 17 тысяч и карачаи —

до 20 тысяч; г) ногайцы, нагайцы — некогда многочисленное кочевое племя, населявшее южно-русские степи, мало-помалу исчезнувшее с водворением здесь русских, остатки их имеются в низовьях Кумы и Терека, в Крыму и выселившиеся в разных местностях Турецкой империи; особый интерес представляют поселения ногайцев в Виленской, Гродненской, Ковенской, Полоцкой, Минской и Волынской губерниях, водворившиеся сюда еще со времен литовского княжества; число их до 7200 душ; они сохранили магометанство, но утратили тюркский язык, говорят по-польски или по-литовски; д) крымские татары представляют смешение самых разнохарактерных элементов, которым в разное время принадлежал Крым, начиная с греков, генуэзцев, хазар и кончая армянами, евреями, цыганами с тюркско-татарскими племенами и монгольскими племенами — завоевателями, в значительном числе объединявшихся под властью крымских ханов; влияние европейских арийских элементов сильно сказывается особенно на южно-бережных татар, как в красоте типов, так и в костюме и обычаях; число их насчитывается до 150 тысяч, но сильно убывает под влиянием массовых выселений в Турцию; е) астраханские татары делятся на юртовских остатков Золотой орды и кундровских остатков ногайцев, общее число около 60 тысяч; ж) казанские татары или татаре собственно в наиболее узком смысле — остатки кипчаков завоевателей, смешанных с финскими племенами, русскими, болгарами, башкирами и пр. После азербейджанцев самое многочисленное татарское племя (до 600 тысяч) населяет главным образом Казанскую и Самарскую губернии, но в более или менее разбросанных селениях по всему низовому Поволжью и южному Приуралью. Отдельные, передавшиеся некогда Московскому государству татарские выходцы составляют селения в Касимовском уезде Рязанской губернии, в Тамбовской и даже Костромской губерниях; татары казанские под влиянием различия их происхождения представляют существенные различия и антропологического типа, то более европейского, то приближающегося к монгольскому. Одежда татар до сих пор сохраняется восточного типа, только в городах более или менее русифицирована. Почти все магометане суниты, более фанатично приверженные своей религии, чем какие-либо другие народы, причисляемые к татарам. Большая часть земледельцы, но с сильным стремлением к промышленности фабричной и особенно торговой деятельности; держат в своих руках торговлю очень значительной части востока Европейской России, западной Сибири и Прикаспийского края. Заслуживают также внимания их отхожие промыслы. В качестве ресторанной и другой прислуги, старьевщиков, извозчиков, мелких фабричных рабочих татары расселены по всей России и пользуются репутацией превосходных исполнителей по добросовестности, трезвости и трудолюбию.

Большая Энциклопедия под редакцией С. Н. Южакова, т. 18, СПб, 1904

ТАТАРЫ, татар (самоназв.), народ в СССР, осн. население Татарии. Числ. 6 317 500 чел., в т. ч. в Татарии 1 641 600 чел. В антропологическом отношении татары крайне неоднородны. Среди татар Ср. Поволжья и Приуралья преобладают представители большой европеоидной расы. Часть астраханских и сибирских татар по физическому облику приближаются к южносиб. типу большой монголоидной расы. Татары Ср. Поволжья и Приуралья и сибирские татары говорят на татарском языке кыпчакской подгруппы тюрк. группы алтайской семьи. Язык астраханских татар — в основе ногайский яз.— испытал сильное влияние тат. яз. и трансформировался в сторону сближения с ним. Лит. тат. язык сформировался на основе среднего (казанско-татарского) диалекта. Письменность на рус. графич. основе (до 1927 на основе араб. графики). Распространен также рус. яз. Верующие татары, за исключением небольшой группы т. н. кряшен и нагай-баков, принявших в XVI—XVIII вв. православие,— мусульмане-сунниты.

Этнич. основу татар Ср. Поволжья и Приуралья составили тюркоязычные племена, проникавшие в р-н Ср. Волги и Прикамья со II-й пол. I-го тыс. н. э. Волжско-камские болгары вместе с др. тюрками и финноугрями создали в нач. X в гос-во Волжско-Камскую Болгарию.

Осн. традиц. занятие — пашенное земледелие (рожь, пшеница, овес, горох, ячмень, гречиха, просо, лен, конопля). Животноводство было стойлово-пастбищным и второстепенным по отношению к земледелию. У астраханских татар осн. занятия — скотоводство и бахчеводство. Занимались пчеловодством. Было развито разведение птицы: кур, гусей, уток. Огородничество и садоводство у татар не получили широкого развития. Значит. часть татар занималась ремеслами — ювелирным, кожевенным, обработкой шерсти, волокна, изготовлением узорной, т. н. азиатской обуви, вышитых головных уборов и др. За годы советской власти в Татарской АССР возникла многоотраслевая пром-сть. С. х-во специализируется на производстве зерна и животновод. продукции.

У татар Поволжья и Приуралья существовали городские и сельские поселения. Тат. деревня (авыл), особенно казанско-татарские, вплоть до XIX в. сохраняли традиции раннего характера расселения: дома располагались в глубине дворов, улицы были узкие с крутыми поворотами и тупиками, длинными заборами. Господствующая форма построек — четырех- или пятистенная изба со своеобразной раскраской и многочисл. декор. деталями. Дом делился на муж. (чистую) и жен. (кухонную) половины. Своеобразный элемент интерьера — нары — место сна, отдыха, еды. Печь глинобитная, с вмазанным котлом. Совр. сел. дома сохраняют нек-рые традиц. черты: они часто располагаются в глубине двора, имеют полихромную раскраску фасада, сложное декор. оформление.

Основу питания составляла мясомолочная и раст. пища — супы, заправленные кусочками теста или крупой, а также каша, хлеб из кислого теста, лепешки, блины. Из конины готовили вяленую колбасу. Любимым лакомством был вяленый гусь. Широко был распространен чай. Употребляли и эйран — разбавленный водой катык (катык — особый вид кислого молока).

В устном народном творчестве татар представлены сказки и легенды, баиты и песни, загадки, пословицы и поговорки. Распространенным жанром являлись баиты — произведения эпич. или лиро-эпич. характера, повествующие об историч. событиях, а также историч. песни (о батырах), воспевающие борьбу народа с угнетателями и врагами. Широко были распространены песни-четверостишия лирич. и социального содержания. Татарская музыка близка к музыке др. тюркских народов, особенно башкир. Наиболее распространенные муз. инструменты: гармонь-тальянка, курай (типа флейты), кубыз (губной варган), у татар-мишарей — скрипка (дудук), у татар-кряшен — гусли.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник». М., «Советская энциклопедия», 1988)

Создатель Монгольской империи Чингиз-хан завещал еще незавоеванные им западные земли своему первенцу Джучи, который и должен был завершить дело отца. Но он не успел сделать этого — скончался в один и тот же год с Чингизом, в 1227 г., а завоевание Запада до Волги и еще дальше осуществил его сын Бату. Тот, вернувшись из угорских (венгерских) земель в начале 1243 г., основал новое государство с политическим центром в Поволжье, вначале в Среднем, чуть позднее — в Нижнем. На первых порах оно было частью Монгольской империи, чеканило монеты от имени великих монгольских ханов, но вскоре приобрело самостоятельность и начало чеканку собственных монет — джучидских. Джучидской была и династия ханов нового государства, т. е. от того же Джучи, назначенного в качестве владельца новых земель самим Чингизом, воля и законы которого выполнялись строго. Итак, Джучи был номинальным главой еще не образованного государства, подлинным же его создателем стал Бату — второй и наиболее талантливый сын Джучи (при образовании Золотой Орды ему было 35 лет, а умер он в 1255 г., в 47 лет от роду). Государство Бату традиционно называлось также и «Дешт-и-Кипчак» (Половецкие степи), ибо его основные земли принадлежали раньше кипчакам-половцам — большому союзу тюркоязычных племен восточноевропейских степей.

Но наиболее распространенным названием этого государства стала «Золотая Орда». Так оно названо в русских летописях, татарских исторических повествованиях и произведениях народного эпоса, в том числе и в «Идегее». «Золотая Орда» («Алтын Урда») означала позолоченную ставку, резиденцию правителя государства: для раннего периода это «золотой» шатер, а для развитой, городской эпохи — покрытый позолотой ханский дворец. Например, в эпосе «Идегей» и сочинении арабского путешественника Ибн-Баттуты, побывавшего в 1333 г. в Золотой Орде и ее столице Сарае, ханский дворец назван золотым («Алтын Таш» — «Золотой Камень»).

Золотая Орда занимала громадную для тех времен территорию: от западных предгорий Алтая на востоке и до берегов Дуная на западе, от известного Булгара на севере до кавказского Дербентского ущелья на юге. Это огромное государство само еще делилось на две части: западная основная часть, т. е. собственно Золотая Орда, называлась Белой (Ак) Ордой, а восточная, куда входили западные территории современных Казахстана и Средней Азии,— Синей (Кок) Ордой. В основе такого деления лежала прежняя этническая граница между кипчакским и огузским союзами племен. Слова «золотая» и «белая» являлись одновременно и синонимами, дополняя друг друга. В том же «Идегее», например, часто встречаются параллельные определения «Золотая Орда, Белая Орда» («Алтын Урда, Ак Урда»).

Если создателями Золотоордынского государства в основном была монгольская элита чингизидов, ассимилированная вскоре местным населением, то его этническую основу составили тюркоязычные племена Восточной Европы и Западной Сибири, кипчаки (половцы), огузы, волжские булгары, остатки хазар, маджары и, по нашему глубокому убеждению, тюркоязычные татары, переселившиеся из Центральной Азии на запад еще в домонгольское время, а также пришедшие в 20-х — 40-х годах XIII в. в составе армий Чингиз-хана и Бату-хана.

Наличие местных тюркских племен и народов в этническом мире Золотой Орды не вызывало серьезных сомнений у исследователей, а вот вопрос о тюркоязычности татар, отличных от монголов и в самой Орде и в целом Монгольской империи, являлся остро дискуссионным. Если первые русские историки В. Татищев и Н. Карамзин относили монголов и татар к разным этносам и писали о преобразовании татар в Золотой Орде, то в работах позднейших советских историков отрицается наличие собственно татар в войсках Чингиза и Бату, а также их какое-либо отношение к этнической истории современного татарского народа.

Это весьма принципиальный научный вопрос, от решения которого зависит целый ряд важнейших проблем средневековой и в целом этнополитической истории татар. Краткую историю древних татар, отличных от монголов, постараюсь предложить вниманию уважаемого читателя на основе средневековых исторических источников. По эпиграфическим памятникам (намогильным камням с надписями) на территории Восточно-Тюркского каганата, существовавшего в VII—VIII вв. в Южной Сибири и Центральной Азии, были известны сильные тюркоязычные племена под названием «Отуз-татар» (Тридцать татар) и «Токуз-татар» (Девять татар). Эти татарские племена упоминаются в связи со следующими историческими событиями. На обширной территории Центральной и Средней Азии в 552 г. было образовано мощное кочевое государство под названием «Тюркский каганат», создателем которого был Бумын-каган, принявший титул «Ил-каган» (древнетюркское «ил» означало широкое понятие от «общины» до «государства»). Однако он скончался в том же 552 г. И вот на поминки Бумын-кагана, а также последовавшего за ним Истеми-кагана пришли представители многих народов, например, китайцы, тибетцы, древние киргизы, авары, византийцы, среди которых и древнетатарские отуз-татары — следовательно, 1440 лет тому назад (и кстати, ровно за 1000 лет до завоевания Казани в 1552 г.) впервые на арену писаной истории выходят большие тюрко-татарские племена. Более чем через сто лет — во второй половине VII в.— отуз-татары вели сражения против тю-гю (тюргешей) под руководством Ильтерис-кагана. Обо всем этом написано на намогильном памятнике известного полководца, принца Кюльтегина (умер в 731 г.). Сын Ильтерис-кагана Бильге-каган (брат Кюльтегина) в 722—723 гг. вел войны против огузов и токуз-татаров — об этом изве-

стно по надписям на камне самого Бильге-кагана (умер в 734 г.).

По объективным историческим причинам, в начале VII в. Тюркский каганат распался на две части: на Западный Тюркский и Восточный Тюркский каганаты. Оба этих государства существовали до 40-х годов VIII в.: первое сошло с исторической арены в 740 г., второе — в 745 г., решающий удар последнему нанес уйгурский каган Моюн-Чура, а в армии сражавшегося с ним тогда восточно-тюркского кагана Озмыш-Тегина было до 30 тысяч татар — об этих событиях рассказывается на памятнике упомянутого Моюн-Чуры (умер в 759 г.). Часть татар после этого сражения была подчинена уйгурам и чуть позднее вошла в союз с киданями (кара-китаи — это кочевые племена Северного Китая, которые, по мнению одних исследователей, были монгольскими, других — тюркскими), другая часть ушла на запад.

Через сто лет, в IX в., древние татары под названием «татань», больше — «да-да» упомянуты и в китайских исторических источниках. Так, в письме китайца Ли-Деюя, написанному некоему Урмудзу в 842 г., сообщается именно о таких племенах, а в докладе посланника императора Ванг-Иентина под 981 г. упоминается о восьми племенах «та-тань». Некоторые средневековые авторы более западных регионов, например, неизвестный автор выдающегося персидского сочинения X в. «Худуд ал-алам» (Границы мира), среднеазиатские филолог-энциклопедист XI в. Махмуд Кашгари и персидский историк того же столетия ал-Гардизи также сообщают о тюркоязычных татарах. Последний привел в своем сочинении «Зайн ал-ахбар» (Краса повествований) весьма интересный исторический рассказ об образовании Кимакского каганата, в котором основную роль сыграли выходцы из татарского племенного союза. Там, например, названы предводители семи татарских племен, среди них Татар, Кипчак, Ажлад, Баяндар, Йемек. Хочу добавить: кимаки (йемеки) — это тюркские племена, проживавшие в VIII — X вв. в Западной Сибири, в бассейне Иртыша; их западная часть известна под названием кипчаков. Следовательно, и в те времена уже татары и кипчаки были тесно взаимосвязаны, составляя население одного большого союза племен. По некоторым сведениям, например, по русским летописям, а также по данным хивинского хана и историка Абуль-Гази, татары были известны в Восточной Европе, в частности, в Венгрии, Руси и Волжской Булгарии еще до монгольских завоеваний, которые появились там в составе огузов, кипчаков и других тюркских племен...

Это была западная, вернее, перекочевавшая из Центральной Азии на запад часть татар, которая совместно с другими родственными племенами включилась затем в общую этническую историю Золотой Орды. Более же известна история оставшихся в Азии татар, которые жили южнее монголов Восточного Забайкалья и современных монгольских степей, общались с ними, волей-неволей участвуя в создании монгольского государства под руководством Ха-бул-хана, позднее — его правнука Чингиз-хана, объединившего

все разрозненные монгольские племена и создавшего государство на более высокой ступени общественного развития. По монгольским, китайским и персидским источникам, татары, в отличие от монголов, представляются племенами иной языковой группы, а именно тюркской. Даже несмотря на некоторую противоречивость сведений отдельных авторов, история тюркоязычных татар четко выделяется на общем фоне раннее-средневековой истории Центральной Азии. В этом не остается сомнений при самом внимательном, сравнительном изучении этих источников. Хочу сказать, что некоторых исследователей приводили и теперь еще приводят в сомнение сообщения отдельных источников, например, китайской хроники XIII в. под названием «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») о монголах, названных в ней также татарами. Однако по мнению общепризнанных специалистов-китаеведов, древние китайцы, столкнувшись с собственно татарскими племенами, распространили их название и на монголов — северных соседей татар (последние жили между китайцами и монголами).

В отличие от «черных» и «диких» татар, т. е. монголов, автор «Мэн-да бэй-лу» отмечает «белых» татар — собственно татар, называя так онгутов, известных в истории как тюркоязычные племена и связанные своим происхождением с конфедерацией западных тюрков под названием «ша-то». Небезынтересным будет сравнение внешнего вида белых татар с таковым у черных и диких. Лица последних «широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая», тогда как «белые татары несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей..., в общении с людьми душевны». Словом, здесь различные племена, разные и антропологически.

Столкновения, происходившие между монголами и татарами почти постоянно, со временем превратились в их кровную вражду: татары убили отца Чингиза Есугэй-богатура за то, что тот в свое время взял в плен и умертвил вождя татар Тимучин-ака. Кстати, последний был убит в день рождения первенца Есугэя, который назвал его также Тимучином (Тэмуджин), т. е. именем своего противника, очевидно, в честь его воинских доблестей. А новорожденный Тэмуджин, он же позднее Чингиз-хан, т. е. «Великий хан», стал, таким образом, кровным врагом татар. В свою очередь Тэмуджин-Чингиз таковыми считал татар за то, что они также убили (отравили) его отца. Между прочим, этот вопрос до конца не выяснен; Л. Гумилев, например, считает, что Есугэй умер лишь на четвертые сутки после того, как он случайно оказался на трапезе у татар и, умирая потом у себя дома, обвинил татар в том, что именно они его отравили. Но так или иначе, эти события послужили поводом крайнего обострения и без того натянутых отношений между татарами и монголами, а вождь последних, Чингиз-хан, после этого постоянно называл татар убийцами их дедов и отцов, призывал, более того, приказывал уничтожать их. Однако, несмотря на несколько таких приказов, невозможно было истребить мно-

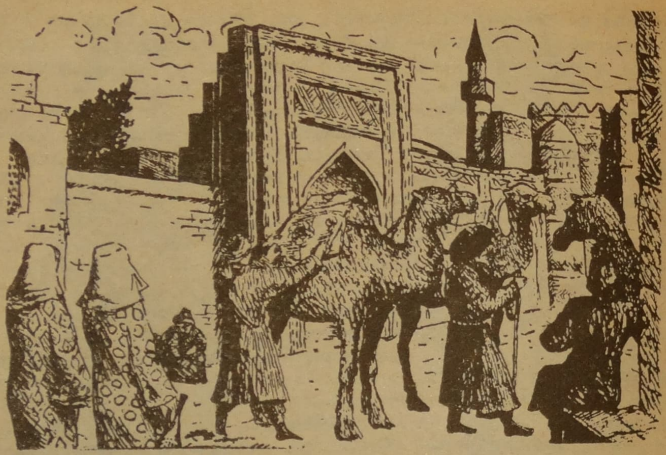
Татарки-мусульманки

гочисленные татарские племена, и они смогли сохранить свое этническое лицо. Например, после войны между ними в 1198 г., источники отмечают четыре больших татарских племени, чаган-татар, алчи-татар, дутаут-татар, алухай-татар. Естественно, в результате шовинистической политики вождя Монгольской империи, часть татар была ликвидирована или ассимилирована. Однако это имеет отношение в первую очередь к тем татарам, которые жили в близком соседстве с монголами, постоянно общались с ними. Татары же были до этого многочисленны. И не зря позднее выдающийся историк средневековья Рашид ад-дин (XIV в.), он же госсекретарь иранского правителя Газан-хана, державшего крупнейшую библиотеку древних рукописей, в своем знаменитом «Сборнике летописей» перечислил 14 тюркских племен, одно из самых

больших из них назвал татарским, состоявшим из 70 тысяч юрт.

Полагаю, что ассимиляция была даже обоюдной. Во всяком случае, заметный тюркский пласт в тогдашнем монгольском языке связан именно с татарами. Известно, что сам Чингиз-хан знал и татарский язык; имеются глухие сведения о том, что его мать красавица Оэлун родилась от смешанного татаро-монгольского брака. Кстати, один Чингиз-хан, в отличие от всех монголов (диких и черных «татар»), был «высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой»; у него из татар были две жены и приемный сын. Однако даже несмотря на эти личные связи с татарами, Чингиз-хан, будучи в первую очередь вождем монголов и не забывший своего обещания отомстить татарам, начал ставить их передними отрядами своего войска, когда приступил к осуществлению широкого плана захватнических войн. О том, что монголы по приказу своего вождя посылали вперед татар, а также насильно включали в свою армию завоеванные ими другие народы и заставляли их называться впредь именем ненавистных им татар, отчего весьма широко распространилось это имя и даже монгольское нашествие прежде всего принималось как татарское, свидетельствуют современники, например, венгерский доминиканец Юлиан и фламандский путешественник Гильом Рубрук, лично побывавшие в те времена в Монгольской империи и ставшие очевидцами этих событий. Как правящая нация, монголы всегда ставили себя выше других, чурались имени «татары». Особенно ярко сказано об этом Рубруком, лично беседовавшим с Менгу-каганом — великим ханом империи, а также с золотоордынским ханом Бату и другими высшими представителями монгольской знати, подчеркнув, что «не желают они называться татарами, ибо **татары были другим народом** (подчеркнуто нами.— Р. Ф.), называли себя «маолами», т. е. монголами.

Выше уже было приведено мнение выдающихся русских историков В. Татищева и Н. Карамзина о преобладании татар над монголами в Золотой Орде. К ним позднее присоединились известный русский археолог и историк-востоковед Н. Веселовский, замечательный татарский историк М. Сафаргалиев, а в наши дни — крупнейший ученый-демократ, выдающийся историк и географ Л. Гумилев, подкрепляя это мнение новыми аргументами. Известно, что Чингиз-хан выделил своему сыну Джучи всего 4 тысячи монгольских воинов для завоевания западных земель. После смерти Джучи часть этих войск перешла к его сыну — будущему хану Золотой Орды. Правда, чуть позднее, после всемонгольского курултая 1235 г., где было принято окончательное решение о завоевании всей Европы, и основные воинские силы передали в распоряжение Бату, в его войске отборных монгольских воинов уже стало более 100 тысяч. По данным Юлиана, например, их там было 135 тысяч, а по сообщению его современника, другого доминиканского монаха-путешественника Сентентского (Симеон де Сен-Кентин) — 160 тысяч. Однако даже эти более высокие цифры от-



носятся ко времени непосредственного завоевания монголами Восточной Европы — к 1236—1240 годам. Через два года, т. е. в начале 1243-го — после образования Золотой Орды — основные силы монголов ушли обратно в Монголию.

Таким образом, татары в отличие от монголов были другими тюркоязычными племенами, составляя часть населения одного из мощных союзов племен — Восточно-Тюркского каганата VII—VIII вв. Они отличались от монголов и позднее, несмотря на их частичную ассимиляцию в период создания империи Чингиз-хана. Наконец, это отличие заметно чувствовалось при наличии прежней вражды в известных событиях 20—30-х годов XIII в. и создании впоследствии государства Золотая Орда. Небольшой монгольский этнос в лице представителей имперской знати довольно быстро растворился среди местных тюркоязычных племен, родственных также тюркоязычным татарам. Монгольский язык, хотя и оставался официальным языком, скорее языком межгосударственной переписки в начальный период Золотой Орды, то он исчез в XIV в.— в эпоху могущества этого государства. Его официальным, литературным и, естественно, разговорным языком был тюркский — татарско-кипчакский, что прекрасно подтверждается ханскими ярлыками, известными словарями того времени, (среди них знаменитый «Кодекс куманикус»), выдающимися произведениями древнетатарской литературы, написанными именно на этом языке, а также сообщениями арабо-персидской исторической географии об этом языке.

Р. ФАХРУТДИНОВ

«ПО ОБОИМ БЕРЕГАМ ЕЕ ОБИТАЮТ ТАТАРСКИЕ ПЛЕМЕНА...»

«О, Запад — есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд»,— замечал английский поэт Джозеф Редьярд Киплинг, утверждая тем самым, что две эти половины Земли настолько интересны друг другу, насколько они разны.

Для Запада Волга — это экзотический Восток — и сейчас, и, тем более, лет пятьсот-шестьсот назад, когда на волжских берегах паслись стада воинственных кочевников. Редкие путешественники с Запада оставили свои заметки о нравах, обычаях, верованиях волжских народов, и нам сегодня чрезвычайно интересен их взгляд — взгляд со стороны. Публикуем здесь записки европейцев, касающиеся Нижней и Средней Волги и народов, населяющих великую реку в XIII—XVIII веках.

1253 год

«Итак, мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена; начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называют море Сиркан по имени некоего города, лежащего на берегу его в Персии, а Исидор называет его Каспийским морем...

Вся эта страна от западной стороны того моря, до северного океана и болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно называлась Албаниею: Исидор говорит про нее, что там водятся собаки такие большие и такие свирепые, что они хватают волов и умерщвляют львов. Это верно, судя по тому, что я узнал от рассказавших, как там, в направлении к северу, собаки, в силу своей величины и крепости, тянут повозки, как быки. Итак, в том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок (Увек), который татары устроили вперемежку из русских и сарацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается летом, а он уже начинал спускаться именно с января до августа; он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться.

Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату, и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути. И я удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета, ибо от Железных Ворот, находящихся в конце Пер-

---

Свидетельства иностранцев, путешествовавших по Волге в XIII—XVIII веках, разыскал и подготовил к публикации саратовский краевед Владимир Хайруллович Валеев.

Карта Золотой Орды и Руси. 2-я половина XIII века

сии, требуется более тридцати дней пути, чтобы, поднимаясь возле Этилии, пересечь пустыню до упомянутой Булгарии, где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море, и эти Булгаре — самые злейшие враги, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой».

Вильгельм де РУБРУК

Цит. по книге «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957).

«10 августа 1476 года, в день св. Лаврентия, мы, как выше сказано, выехали из Цитрахани в следующем порядке. Ежегодно государь цитраханский, именуемый ханом Казимом (Casimi Can), отправляет посла своего в Россию к великому князю, не столько для дел, сколько для получения какого-либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствует целый караван татарских купцов с джездскими тканями, шелком и другими товарами, которые они променивают на меха, седла, мечи и иные необходимые для них вещи; а как дорога от Цитрахани до Москвы лежит почти беспрерывно чрез степь, то всякий путешественник и должен запастись нужными жизненными припасами на все время пути своего.

Впрочем, сами татары мало об этом заботятся, ибо имеют всегда при караване множество лошадей, которых убивают для своего прокормления. Они вообще питаются одним лошадиным мясом и молоком и даже не едят хлеба, коего употребление известно только купцам, бывшим в России. По этой причине для нас крайне было затруднительно продовольствовать себя в дороге пищею. Весь запас наш состоял из небольшого количества сарачинского пшена, смешанного с кислым молоком и высушенного потом на солнце. Это кушанье называется на татарском языке тур (Thur). Оно твердо, несколько кисловато и, по уверению татар, очень питательно. Сверх означенного пшена имели мы у себя небольшой запас чесноку, луку и хорошей пшеничной муки, а также несколько сухарей, которые я добыл с большим трудом, да еще в самый день отъезда удалось мне достать баранью ногу.

Прямой путь наш лежал между двумя рукавами реки, но как Казим хан находился тогда в войске с дядею своим, ханом татарским, ибо объявил притязания на владение большою ордою, бывшую прежде под управлением его отца, то и велено было каравану нашему переправиться на другую сторону Волги, дабы поскорее достигнуть узкого прохода между Волгою и Танаисом, отстоящего на пять дней пути от Цитрахани, и по миновании коего нам нечего уже было опасаться. Вследствие такого распоряжения весь караван погрузил пожитки свои и жизненные припасы на суда, для переправы оных на противоположный берег Волги, и так как Марк пожелал, дабы наши вещи и запасы были также отправлены вместе с прочими, то я и отрядил туда служителя своего венгерца Иоанна и отца Стефана; сам же остался в городе дожидаться означенного посла, называвшегося Анхиоли (Anchioli) и обедавшего в полдень, заехать за мною и доставить благополучно к месту, куда отправлены были барки.

Место это отстоит от города не далее 12 миль. В назначенный час сел я на лошадь и, вместе с послом и моим переводчиком, пустился в путь. Мы ехали с большою осторожностью и в ужасном страхе, и за час до сумерек прибыли к перевозу, в намерении, когда стемнеет, переправиться на противоположный берег реки, где

находились спутники наши. Вдруг Марк позвал меня к себе таким страшным голосом, что я подумал: не настал ли последний час жизни моей,— и велел мне сесть немедленно на коня и вместе с переводчиком моим и какою-то русскою женщиною отправиться в путь, в сопровождении одного татарина, с самою отвратительною рожею. Более не объяснил он мне ничего, а только промолвил: скачи, скачи скорее. Не смея противоречить, я молча повиновался, и тот же час поскакал вслед за означенным татарином.

Мы ехали без отдыха всю ночь и остановились не ранее как на другой день, около полудня. Несколько раз спрашивал я проводника нашего, куда он везет меня, но никак не мог добиться ответа. Наконец он объяснил мне, что хан приказал осмотреть все лодки, для каравана приготовленные, и если б меня нашли там, то я бы наверное был задержан. Вот причина, по которой Марк с такою поспешностью отправил меня.

13-го августа, в полдень, как выше сказано, прискакали мы к берегу Волги,— и татарин немедленно бросился искать лодки для перевоза нас на небольшой островок, посреди реки находящийся, и где паслись стада означенного Анхиоли. Не нашед ее, он скрутил, как мог, несколько хворосту вместе и привязав этот плот веревкою к хвосту коня своего, положил на оный седла наши, а сам сел на лошадь и, погнав ее на воду, переехал таким образом на остров, отстоящий от берега не далее двух перелетов стрелы. После сего он возвратился к нам и точно так же перевез русскую женщину, а потом взял и меня. Видя всю опасность предстоящей переправы, я снял с себя платье и, оставшись в одной рубашке (что, конечно, было бы для меня ничтожным пособием в случае несчастия), взошел, благословясь, на плот, и с помощью Божиею, благополучно переехал на остров. Переводчик же мой предпочел пуститься вплавь, и также, несмотря на все опасности, достиг берега без всяких приключений.

Переправив таким образом всех нас, татарин опять возвратился на прежнее место и перегнал наших лошадей, на которых мы немедленно поскакали к его жилищу, состоявшему из шалаша, покрытого войлоком. Так как я в продолжении двух дней совершенно ничего не ел, то, по прибытии моем, хозяин наш тот же час принес мне немного кислого молока, которое показалось мне отменно вкусным и за которое я был ему крайне благодарен. Вскоре подошло к нам еще несколько татар, находившихся на острове с стадами своими. Они крайне удивились, увидя меня, ибо еще никогда не встречали в этом месте христианина. Я боялся вступить с ними в разговор и притворился больным. Хозяин мой также молчал, страшась, как я полагаю, посла, который считается у них весьма важным человеком,— и таким образом пришедшие ничего обо мне не узнали.

14 числа, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, татарин наш для моего угощения велел убить тучного барашка и часть оного сварить, а другую зажарить, не перемыв его однако прежде, ибо, по мнению их от чищения мясо теряет свой вкус. Они

Татарская деревня. Рисунок XIX века

даже не дают ему вскипеть надлежащим образом и пену снимают в небольшом количестве маленьким прутиком. Вместе с бараниной принес он мне кислого молока и, несмотря на то, что это было накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы (у которой я умиленно просил прощения в грехе моем, ибо не мог терпеть долее), мы все с жадностью принялись за поданное нам кушанье. После того хозяин принес еще кобыльего молока, составляющего любимую пищу татар, и убеждал меня отведать оного, говоря, что оно очень крепительно; но я никак не мог решиться пить его, по причине проклятого его запаха. Отказ мой, по-видимому, крайне не понравился татарину.

На острове оставались мы до 16 числа, то есть до прибытия каравана. Марк, немедленно по приезде своем, прислал за мною одного из русских своих служителей, в сопровождении татарина, приказав им перевезти меня на лодке к тому месту, где пристал караван. Отец Стефан и венгерец Иоанн, почитавшие меня уже совсем погибшим, крайне обрадовались, когда меня увидели и с умиленным сердцем благодарили Господа за мое спасение. Не довольствуясь сим, Марк снабдил еще нас для дороги потребным количеством лошадей.

Пробыв в этом месте для отдохновения весь день 16 числа, мы на следующее утро пустились в дальнейший путь, по направлению к Московии. Посол начальствовал всем караваном, состоявшим из

300 человек русских и татар, имевших при себе более 200 заводных лошадей, как для прокормления своего в пути, так равно и для продажи в России. Мы шли в большом порядке, держась все берега реки, и останавливались только на ночь, для отдыха, и в полдень, для привала; через 15 же дней миновали тот узкий проход, в котором опасались нападения хана большой орды. Не излишним почитаю объяснить здесь, что орда эта имеет своего государя (имени его не помню), который повелевает всеми татарами, в сих странах находящихся...

Это племя кочует постоянно, как выше объявлено, между Волгою и Танаисом; но есть, говорят, еще другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких татар. Племя это, переходя, как и все другие, с места на место и отыскивая свежих пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда; разве только кое-где похищает скот».

Амвросий КОНТАРИНИ

(«Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гасану, совершенное в 1473 г.» Цит. по книге Семенова В. «Библиотека иностранных писателей о России», Т. I, 1836.)

1558 год

«14 июня мы миновали с левой стороны большую реку Каму. Эта река течет в Волгу из Пермской области, устье ее от Казани в 15 лье. Земля между Казанью и Камой на левом берегу Волги называется Вяткой. (Vachen), население языческое, живет в пустынных местах, без домов и жилищ; страна же на противоположном берегу Волги называется землей Черемисов, наполовину язычников, наполовину татар. Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее по северному и северо-восточному берегу Каспийского моря, граничащая с землей татар туркменов, называется землей мангатов (Magat) или ногайцев.

Население ее магометанское; во время моей бытности в Астрахани в 1558 году оно совершенно было расстроено гражданскими усобицами, голодом, мором и т. п. бедствиями, до такой степени, что в этом году померло до ста тысяч человек; подобного бедствия здесь не запомнят, так что ногайская земля, изобилующая пастбищами, остается теперь не населенной, к великому удовольствию русских, издавна ведущих с ногайцами жестокие войны.

Ногайцы во время своего процветания жили так: они делились на несколько обществ, называемых ордами. Всякая орда имеет своего правителя, которому повинуются, как королю; правитель называется мурза. У ногайцев нет ни городов, ни домов, а живут они в открытых полях; всякий мурза или король имеет около себя

свою орду, с женами, детьми, скотом. Когда скот съест всю траву, они перекочевывают в другое место. Во время кочевок их жилища — палатки ставятся на повозки или телеги, перевозимые с места на место верблюдами; в этих повозках они возят своих жен, детей и все богатство, которого у них очень немного. У каждого мужчины по меньшей мере четыре или пять жен, не считая наложниц. Монеты они вовсе не употребляют, но обменивают скот на платья и прочие необходимые вещи. Они не занимаются никакими ни ремеслами, ни искусствами, за исключением военного, в котором они очень опытны.

По преимуществу это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство. Они едят много мяса, главным образом конину, пьют кумыс, которым часто напиваются допьяна; народ этот мятежный, склонный к убийствам и грабежу. Зерен они не сеют и вовсе не употребляют хлеба; смеются за это над христианами; презирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделанные напитки; чтоб достичь их силы и крепости, рекомендуют есть много мяса и пить молоко.

Но возвратимся к моему путешествию.

Вся страна на правом берегу Волги от Камы до города Астрахани принадлежит крымским татарам, тоже магометанам, которые живут почти так же, как ногайцы, и ведут постоянные войны с русским царем, они в поле очень храбры и получают помощь и поддержку от Великого Турка.

16 июня мы проехали мимо жилищ рыболовов Petovse, в 20 лье от Камы; здесь ловится много осетров.

22 июня мы миновали большую реку Самару, текущую через ногайскую землю в Волгу.

28 июня мы проехали высокий холм, на котором некогда крымцы построили крепость, теперь уже разрушившуюся. Этот холм находится на половине пути от Казани до Астрахани (весь путь 200 лье), под 51° 47′ шир. Здесь на берегу растет солодковый корень, вьющийся по земле как виноград.

6 июля мы подплыли к месту, называемому «Переволок»; называется оно так потому, что в минувшие времена татары здесь перетаскивали свои суда из Волги в Танаш, иначе Дон, когда собирались грабить плывущих как вниз по Волге в Астрахань, так и плывущих по Танашу в Азов, Каффу и др. города, расположенные на Эвксинском море, в которое впадает Танаш, берущий свое начало на равнине, в Рязанской области. Расстояние от одной реки до другой по переволоку — 2 лье; это опасное место, так как здесь водятся воры и разбойники; впрочем, теперь не так опасно, потому что это место завоевано русским царем».

Антоний ДЖЕНКИНСОН

(Цит. по книге «Чтения общества истории и древностей Российских. Кн. IV, 1884 г.)

«Пробыв в Астрахани 16 дней и получив пять галер, которые были сделаны для нас и для персидского посланника, встреченного нами в Астрахани при нашем приезде, мы поместились на них все: персияне, англичане и монахи и более ста ратников московского царя, которые отправились с нами для охраны и прикрытия, по приказанию главного начальника.

Галеры были очень хорошо устроены и имели по сто гребцов. Мы собирались плыть по реке, которую называют Эдер и которая, очевидно, есть Волга.

Она имеет в ширину половину большого испанского лье (испанское старинное лье равно 5550 метрам — В. В.). По обоим берегам ее обитают татарские племена, разделенные на орды, или колена, проводя жизнь большею частью в полях среди своих стад, которыми главным образом ведут торговлю. На этой реке есть множество рыболовов, которые ловят больших рыб, вроде испанских лососси, но гораздо крупнее и красивее: самая малая весит 30—40 фунтов. Удивительно, однако, что никто не решается есть мясо этих рыб, а ловят их только для добывания из них яиц, коих в них бывает 6—7 фунтов: яйца чёрные как спелые фиги, очень приятны на вкус и сохраняются в сушеном виде год и два, не портясь, как здесь (т. е. в Испании — В. В.) сберегаются айва и гранаты. Они составляют лучшее угощение в этой стране.

На берегу этой реки, по пути в Московию, с правой стороны, обитает татарское племя, которое разводит верблюдов, лошадей и мелкий скот и живет, подобно бедуинам, переменяя свое местожительство с переменой времени года. Это племя называется Ногаи. Так как пастбища находятся на другом берегу реки, а мостов, по которым мог бы перейти скот, не имеется, то при ежегодной переправе через реку в августе месяце, когда вода стоит особенно низко, они употребляют для скота такой способ: связывают животных хвостами и пускают их по тридцати и по пятидесяти; животные, толкая друг друга, преодолевают течение воды и переправляются. Для мелкого скота протягивают над водой полотнища толстой просмоленной ткани, наподобие корабельных досок, очень плотно сотканные, и, натянув их шестами вроде воротов, переводят баранов и овец; но как расстояние очень велико, ибо и в более узком месте река имеет в ширину одно лье, то половина стада, обыкновенно, погибает.

Это племя татар одинаково готово служить тому или другому государю и владеет скотом в таком изобилии, что баран стоит меньше реала. В делах религии они в высшей степени невежественны, но чрезвычайно гостеприимны, и когда приглашают кого, то убивают жеребца, приготовляют блюдо из половых частей его и подносят гостю, в знак особой любви и уважения к нему.

Два месяца мы плыли по этой реке и через каждые десять дней высаживались в каком-нибудь местечке, потому что по берегам ре-

ки расположены небольшие селения с деревянными домами. В каждом селении мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры — все это делалось по распоряжению ратников, которые провожали нас по приказанию московского царя.

По обоим берегам реки тянутся горы, населенные и весьма высокие: в них мы видели много медведей, львов (!), тигров и куниц разных пород. На расстоянии каждых ста лье есть город, принадлежащий московскому царю, и первый из них, к которому мы прибыли, называется Ямар (Черный Яр?), второй — Саресен (Царицын), третий Симер (Самара?) и другие, им подобные.

Когда на реке поднималась буря, гребцы высаживали на берег лошадей, и они тянули галеры канатами. Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле, под охраной и защитой ста ратников.

Под исход этих двух месяцев мы прибыли в очень большой город, принадлежащий московскому царю. Он называется Казань и имеет более 50 000 жителей-христиан. В городе множество церквей и в них столько больших колоколов, что в канун праздника нет возможности заснуть».

УРУХ-БЕК (Дон Хуан Персидский)

(Цит. по книге «Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг», М., 1898.)

1698 год

«В то время, когда я занимался на Камышинке устройством сообщения между Волгой и Доном в течении целого лета, небольшие орды этих Татар раскидывали палатки свои на противоположном берегу Волги. Для торговых сношений они часто переправлялись через реку, а также и Русские переезжали на их берег для той же цели. Многие из них посещали мои работы и с любопытством осматривали снаряды и способ употребления их. Таким образом я имел случай оказывать им вежливость, и они приглашали меня и помощников моих в свой стан, где в разговоре предлагали нам весьма основательные вопросы касательно нашей родины и места нашего происхождения, они всегда принимали нас очень радушно.

Теперь буду я говорить о другом народе, Кабанских татарах (Кубанских). Они сильного сложения, весьма пропорциональны. Волосы у них черные, цвет лица смуглый, как и у всех прочих татар, они обитают на западе от реки Волги по Северо-Восточному берегу Черного моря, в области, находящейся между этим морем и Каспийским. Из этой местности они делают постоянные набеги на пограничные русские земли, грабят и жгут селения и нередко уводят с собой рогатый скот, овец, лошадей и даже людей. По этой причине широкая полоса земли на западной стороне Волги, между городом Саратовом и Каспийским морем, почти вовсе не заселена,

за исключением островов около Астрахани.

В городах Камышинке, Царице, Ищорнике (Черный Яр) и Терки, отстоящих друг от друга на 150, 160 и 200 миль, содержится сильная охранная стража, всегда готовая взяться за оружие в случае тревоги. По причине этих набегов со стороны выше названных татар, русские в этом крае не пашут и не сеют (хотя почва чрезвычайно плодородна), рожь для продовольствия провозится вниз по реке Волге, и те же суда возвращаются вверх по течению, груженые рыбой, солью и проч.

Предметы эти вывозятся в таком количестве, что большая часть России пользуется запасами, вывезенными из местечка, отстоящего миль за тридцать от Камышинки. Из Астрахани суда во возвратном пути ежегодно привозят богатые персидские и армянские товары, шелковые, бумажные и льняные ткани.

Татары обыкновенно делают свои набеги в летнее время, когда луга покрыты обильною травой, чтобы лошади могли пользоваться подножным кормом. Отправляясь в подобного рода поход, каждый всадник запасался двумя лошадьми, и на походе он попеременно едет на одной, а другую ведет на поводу. Направляясь по пустынной стране, которую русские называют степью, они обыкновенно выступают большими отрядами, и чтобы их приближение не было замечено, во все стороны рассыпаются отдельные всадники для обозрения местности. Они подвигаются вперед с такой быстротой и предосторожностью, что появление их не может быть заранее замечено, и бросаются на всякую добычу, которая попадается им на пути. Опустошив страну на сколько это для них окажется возможным, они с подобной же поспешностью возвращаются назад, прежде чем русские успеют опередить их и отрезать им отступление. С теми, которые попадутся в плен, с обеих сторон обращаются варварским образом, и этим несчастным весьма редко удается освободиться из неволи. Одно из главных преимуществ, представляемых устройством сообщения между Волгой и Доном, заключалось в том, что это полагало преграду дальнейшим вторжениям этих татар в пределы России.

Во все время, пока я занимался устройством работ на Камышинке, там находилось войско из 2000 благородных всадников, большая часть из них Мордва и Морзейские татары (Ерзенские), состоящие в непосредственном подданстве царя.

Вместе с конницей был также и отряд пехоты в 4000 человек и 12 полевых орудий, предназначавшихся для предохранения работников от набегов вышеназванных кабанцев, а на расстоянии нескольких миль на вершинах гор и прочих удобных местах расселены были пикеты, во избежания внезапных нападений, но, несмотря на все эти предосторожности, однажды на рассвете дня, прежде чем мы могли быть предуведомлены, отряд в 3000 или 4000 этих татар подошел к самому нашему стану, однако, как только ударили тревогу и с наших линий начали стрелять из пушек в них, они с поспешностью удалились, прежде чем наши люди

успели сесть на лошадей и построиться в должном порядке, чтоб напасть на них. Во время этого набега многие из лошадей наших находились в некотором расстоянии от стана и были захвачены и уведены неприятелем, всего уведено было около 1400 лошадей, некоторые из них принадлежали войску, другие рабочим. Захвачены были также в плен несколько человек, которые стерегли лошадей, пока они паслись на лугах, так как в этой стране нет обыкновения огораживать пастбища изгородями...

В полосе, находящейся между Камышинкой и Терки, климат отличный, почва плодородная и страна эта весьма приятна для жизни. Весной, как только сойдет снег (который в этой местности покрывает землю не более, как в течении двух, трех месяцев в году), то непосредственно за тем наступает теплая погода, тюльпаны, розаны, ландыши, гвоздика и многие другие цветы и травы в большом разнообразии вырастают в поле, как в саду. Спаржа лучшая, какую мне случалось есть, растет так густо, что во многих местах можно было бы косить ее, простая луговая трава столь высока, что доходит по брюхо лошадям, миндалевидные и вишневые деревья растут в большом количестве, но они редко бывают высоки и плоды на них некрупные. Осенью созревают разные хлебные зерна и овощи, которые при обработке земли могли бы весьма улучшены.

В этих местах большое разнообразие птиц, всякой дичи; водятся также рыжие небольшие олени, лоси, волки, кабаны, дикие лошади и дикие овцы. Мне привелось есть мясо дикой овцы, которая, преследуемая волком, была захвачена рыбаком, случившимся в это время в лодке своей на реке Волге, мясо это нежнее и вкуснее обыкновенной баранины, шерсть же этой овцы была очень короткая и такая жесткая, что ни на какое употребление не могла быть годною. Что же касается до кож диких лошадей, то они покрыты теплым мехом и обыкновенно продаются в Москве для того, чтобы подбивать ими полости на простых санях...

Во время привалов иногда умышленно, иногда нечаянно загорается сухая трава, и пожар распространяется с великой яростью. Ночью он виден издалека, отражаясь ярким светом на темных тучах. Днем же бывает заметен по густому облаку дыма, который дает путникам возможность избегать тех мест, где свирепствует пожар...

Пожары эти случаются часто и на восточной стороне Волги и во многих других местностях, которые русские называют степью.

В расстоянии 40 верст от выше означенного города Царицы, что на русском наречии означает Королева, под 48°20′ северной широты стоят развалины большого города, называемого Царев Город, развалины эти остатки древней столицы Скифского царя, находятся в очень красивой местности...»

Джон ПЕРРИ

(Цит. по книге Д. Перри «Состояние России при нынешнем царе», М., 1871)

УВЕК И ДРУГИЕ ГОРОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В статьях Пономарева «На развалинах города Увека, близ Саратова» (1879), Минха «Набережный Увек» (1881) и Саблукова «Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда» (1846) тщательно собран материал, касающийся Увека. Его дополняют статья Кроткова «Раскопки на Увеке в 1913 году», «Список золотоордынских монет из г. Увека, приобретенных летом 1879 года Пономаревым от крестьян деревни Бережного Увека — близ города Саратова», составленный Савельевым, и описание раскопок французского археолога барона де Бай, обследовавшего при содействии Саратовской Ученой Архивной комиссии развалины одного из татарских домов на Увеке и увезшего весь добытый материал в Париж. Материал, изданный Красно-Дубровским и кн. Голицыным, не представляет интереса.

Нас пока удовлетворят данные арабского географа XIV века Абульфеды, что «Итиль (Волга) течет от города Булгара к городу Укеку, стоящему на берегу ее, и далее течет к селению Бельджемену». и что «город Укек стоит на западном берегу Итиля, между Булгаром и Сараем, на половине пути между ними, в расстоянии от того и другого почти на 15 дней пути». Преимущественно эти сведения Абульфеды в свое время дали Саблукову возможность, привлекая еще некоторые другие данные, отождествить современный Увек с древним татарским Укеком. Доводы Саблукова достаточно убедительны, поэтому останавливаться на них не буду и это тем более, что отождествление Укека с Увеком ныне можно считать общепринятым.

Весьма интересны извлеченные Саблуковым из Абульфеды данные, согласно которым в XIV столетии Укек «носит тип города в полном смысле монгольского»; по мнению Саблукова, Абульфеда «назвав Увек пограничным городом царя татарского», указывает и на положение этого города среди племен, покоренных ханами Золотой Орды и на монгольский тип его, и на племенной состав его населения». «Увецкая керамика и бусы», говорит Саблуков,— «подтверждают такой вывод, ибо техникой и рисунком в точности воспроизводят Царевские, т.-е. столичные Золотой Орды».

Дополняя далее выводы Саблукова данными Рубрука, путешествовавшего «в восточные страны» в 1253 году, мы можем установить, что около этого времени Укек еще был «новым поселком», что здесь происходила переправа через Волгу и что поэтому, весьма возможно, в Укеке была сосредоточена торговля солью, которая, согласно Рубруку, доставляла большие доходы; «со всей России ездят туда за солью и со всякой погруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги», говорит Рубрук.

Статья «Увек и другие города Золотой Орды» основывается на данных книги Ф. Баллода «Приволжские Помпеи», изданной в 1923 году Государственным издательством (М.,— Петроград). Иллюстрации заимствованы из этой же книги.

Если, наконец, принять во внимание, что на Увеке найдено громадное количество татарских монет (по словам Пономарева, стр. 330, одна коллекция архиепископа Афанасия была оценена — в XIX столетии — в 100 000 рублей и среди них много увецкой чеканки), то пред нашими глазами вырастает богатый город в XIV веке, явно являвшийся областным центром.

«Монеты попадаются здесь и отдельными экземплярами и целыми кладами от 100 и более штук», пишет Минх; бывшим владельцем Увека Мауриным была найдена чеканная машинка, переданная в Московский университет; Кесслером и Гриммом приобретен на Увеке «кусок меди в 8 фунтов», а иногда крестьянам «попадались куски золота в несколько золотников весом». Саблуков называет Увек первостепенным городом Орды, вмещавшим в себе одно из улусных управлений»,— «имевшим свой монетный двор» и выдававшимся среди татарских поселений «и своим политическим значением, и численностью населения, и количеством домов, и качеством их постройки». Этому, конечно, не противоречат слова Ибн-Батуты, что в 1334 году Укек был городом средней величины, ибо тот же Ибн-Батута говорит о «красивых постройках Укека» и обильных благах города.

Укек уже в XIII столетии по преимуществу — город магометанский, ибо Рубрук восклицает: «И я удивляюсь, какой диавол занес сюда закон Магомета...»,— но параллельно отдельные слои населения продолжают почитать идолов. Минх рассказывает о найденных трех идолах, из которых один серебряный, переданный в Московский университет, имел вид «бабы, сидящей в кресле, с большими грудями, сложенными на животе руками, а над головою — что-то вроде короны».

О богатстве по преимуществу магометанского золотоордынского Укека свидетельствует турба, откопанная в 1913 году; стены этой турбы, кстати сказать, были облицованы «белыми, синими и голубыми», а также орнаментированными изразцами.

Наше обследование Увека, а именно прибрежной полосы, некрополя и одного здания на Мамаевом бугре,— обнаружило, кроме указанных черт, факт существования здесь, в Укеке, развитого гончарного производства.

Напечатанная в 1880 г. в «Саратовском сборнике» статья А. Н. Минха «Набережный Увек» и рассказы местных старожилов сводятся к вполне определенному указанию на то, что значительная часть древнего городища смыта Волгою, которая в течение XIX ст. особенно сильно подмывала свой правый берег в районе Увекского мыса.

Та часть площади развалин, которая уцелела от оползней и размыва Волги, с проведением в 1892 году железной дороги — застроена полотном и сооружениями, а затем — возникшим здесь поселением с его дворами и огородами, ныне вплотную по-

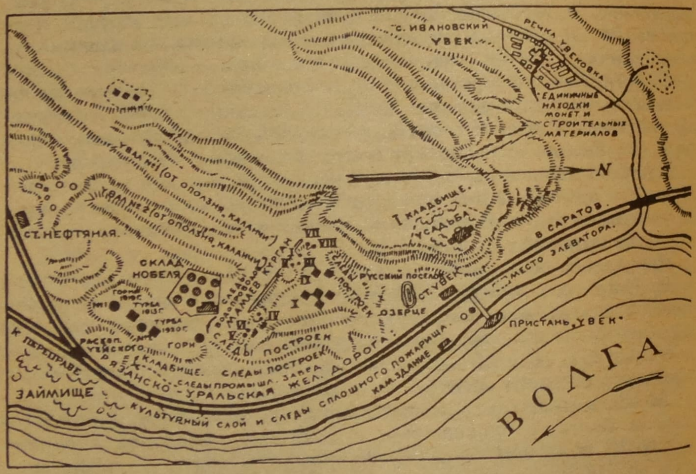
дошедшими к подножью горы Каланчи.

Еще в первые годы после проведения береговой ветви жел. дор.— на полосе между полотном ее и рекою, можно было наблюдать картину размывания остатков города: повсюду валялись обломки глиняной простой и поливной посуды, цельные и разбитые кирпичи; местами выступала наружу кирпичная и бутовая кладка стен.

Так, около ледорезов, в 1893—1894 г. г. можно было проследить фундамент из камня и часть кирпичной стены, длиною около 4-х сажен.

Шагов на 200—300 ниже по реке ясно выступали очертания нескольких зданий из квадратного кирпича, а еще ниже, уже приблизительно на уровне склада Нобель — остатки гончарного завода. Несколько выше ледорезов находились следы каменной кладки с заложенными в ней водопроводными трубами, одна из которых ныне хранится в Саратовском Археологическом Музее; здесь были найдены: голубые одноцветные и орнаментированные изразцы, частью с позолотой монеты довольно ранние (Туда — Менгу и Токтогу), часть металлического зеркала и др. Вообще (как и во времена И. Лепехина) после спада вешних вод берег Волги давал массу монет и различных находок.

В настоящее время — картина здесь изменилась до неузнаваемости: железная дорога, в течение 25 лет ежегодно подсыпая баласт на размываемое весенними разливами полотно, покрыла уровень древнего берега аршинной толщей песку.



Карта Увека. Начало XX века

Однако на всем протяжении берега почти от устья р. Увековки и до места стоянки Переправы, на протяжении около 2-х верст, волнами прибоя образованы два уступа, высотою до 2-х аршин каждый: уступы эти лежат один от другого по направлению от Волги к горе Каланче на расстоянии до 100 саж. В них, в особенности в нижнем, очень ясно видна толща культурного слоя: она начинается на 4—6 вершков от поверхности, имеет мощность местами в 20—23 вершков до линии подстилающего ее подножья песчаного наноса, местами уходит вглубь его еще на неопределенную глубину.

В этих обнажениях наблюдаются два ярко выраженных явления: 1) изломы и сбросы, как указатель на процессы оползания, 2) почти сплошной след пожарища: угли, зола, обожженные кости, обгорелое дерево. Содержание пластов: черепки посуды (редко поливной), пищевые отбросы, иногда кирпич. Получается впечатление, что здесь уже шла часть города, густо населенная небогатыми людьми. При этом нетрудно заметить, что остатки каменных зданий и более богатые находки усиливаются в двух направлениях: к центру города, если за таковой принять «Мамаев Курган», и к Волге, в районе вокзала.

Во время раскопок 1919 года нам было сообщено, что против дебаркадера № 10 (почти напротив вокзала) — вымыло Волгою ряд скелетов. Обследовав эту местность, мы пришли к выводу, что здесь скелеты лежали не случайно: это были погребения в гробах, расположенные по прямой с севера на юг на расстоянии 10 шагов одно от другого: костяки лежали головами на запад; руки вытянуты вдоль туловища. В сохранном сравнительно положении оказалось лишь одно погребение, другие были сильно размыты. При покойниках вещей никаких не было найдено, но вблизи их подобраны: половина крупной бусы из синего стекла с белым витым украшением, глиняная пряслица и монета медная Хызр-хана, битая в Гюлистане в 1364 году.

Обследуя берег далее к северу, на участке между вокзалом и устьем р. Увековки, мы нашли ясные признаки густо населенной местности, именно ближе к устью Увековки: здесь очень много черепков от гончарных изделий и сравнительно большая примесь поливных, а также, хотя и в измельченном виде, но встречается изразец, что указывает на возможность найти здесь следы каменных строений.

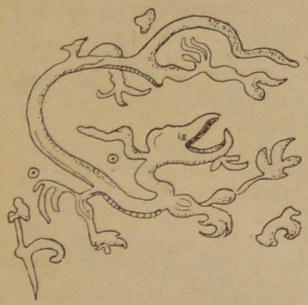
К югу от Переправы берег окончательно засорен балластом и наносным песком; находимые здесь черепки едва ли имеют местное значение. Вернее, они снесены быстрым здесь течением Волги.

Таким образом по берегу Волги город начинался, вероятно, от впадения в Волгу Увековки и тянулся по Волге на протяжении более 2-х верст, до места наших раскопок. Бугор между холмом, на котором нами были открыты горны, и береговой линией жел. дор., на ст. Нефтяная,— носит следы жилья: его по-

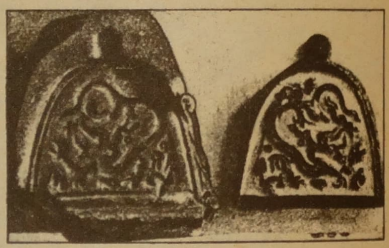
верхность усеяна черепками, костями; здесь встречаются монеты. Такой же культурный слой покрывает и соседние бахчи по обе стороны раскопок 1913 и 1919 г. г., на котором обнаруживается некрополь. Нами было вскрыто несколько погребений, здание рядом, а также два горна вблизи турбы, обследованной в 1913 году.

Погребение было вскрыто П. Н. Шишкиным. Погребение оказалось разграбленным (на что, по его мнению, прежде всего указывали кирпичи, разбросанные в беспорядке выше склепа). Тем не менее П. Н. Шишкиным был обнаружен ряд интересных поделок, в беспорядке лежавших в склепе, в заполнявшей его земле: части золотой обивки ремешка, золотой амулет в виде монеты с надписью, металлическая бляшка, золотая (в виде вопросительного знака) серьга с жемчужиной, сердоликовая шестигранная плоская бусина, золотой медальон сканной работы, три голубые, продолговатые и шестигранные бусины, кусочки тонкой бронзовой цепочки, железное колечко, кусочки дерева — явно от деревянного сосуда, куски совершенно поржавевших ножниц, кусок бронзового зеркала и кусочки парчи с стилизованным изображением животного и шёлковой ткани. На полу склепа была найдена золотая бусина, в северо-западном углу кусочки бересты и полуразрушенной бокки. Костяк оказался разрушенным, кости лежали в беспорядке и лишь тазовая кость не была сдвинута с места; судя по положению тазовой кости и по месту нахождения бокки, труп — женский — лежал головой на север. В ногах П. Н. Шишкин нашёл кусок дубового гроба с большим железным гвоздём (до 7 см. длины). Несколько таких же гвоздей были найдены и отдельно.

«Завоевания Чингисхана и Чингизидов сблизили между собой окраины Азии; орды аланов и кипчакские воевали в Тонкине, а китайские инженеры работали на берегах Тигра». Поляков, которому принадлежат эти слова, с успехом мог бы расширить



Увек. Восточные мотивы на металлических поделках



Глиняная формочка для отливки металлического украшения, найденная на Увеке

рамки указанного сближения окраин государства Чингизидов включением также Приволжья. И особенно мусульманские торговцы, в руках которых преимущественно были сосредоточены коммерческие нити Востока в XIII и XIV веках, углубляли эти взаимоотношения разных стран, не говоря уже о купцах русских, греческих, индийских, еврейских, генуэзских, венецианских и других.

В орде Ибн—Батута увидел «еврея из земли Андалузской», т.-е. из Испании, что особенно любопытно в связи с характерными чертами орнамента некоторых памятников испано-мавританской керамики. Еврейские ремесленники работали в городах всего татарского государства уже в XIII столетии. Велись оживленные торговые сношения с венецианцами, о чем свидетельствуют сохранившиеся тексты торговых договоров.

Остается напомнить генуэзские колонии на Крымском побережье, Кафу; «города Кафа и Азов», говорит Саблуков,— «сделались с половины XIII столетия двумя главными складочными местами, в которых товары Азии принимались в Европу, а европейские — в Азию; в городах Орды (Сарае, Астрахани и Булгаре) жили армяне, евреи, греки, генуэзцы или приезжали туда для торга; русские купцы спускались на судах по Волге в города татарские». Находимые в Цареве и на Увеке в значительном количестве нательные крестики, иконки, крестики и наперстные кресты, факт существования сарайской епархии с 1261 г., находки среди золотоордынских развалин вообще русских древностей (напр. печати князя Михаила на Увеке) и пребывание при ханском дворце ювелира Козьмы: все это показатели того, что существовали не только административные общения русских с татарами. Купцы татарские жили в Москве, Рязани, Твери, Владимире и других городах Руси. Они, по-видимому, вместе с Козьмой и другими содействовали, напр., проникновению русской скани в золотоордынское ювелирное искусство и заимствованию русскими мастерами зеленой и синей ценины от татар.

Но, естественно, наиболее тесные взаимоотношения были первоначально с Китаем, а особенно с Ираном и Среднею Азией.

Суровый климат, потребность сосредоточивать дела управления в местах постоянных и другие обстоятельства заставили ханов Золотой Орды строить города: Казань, Сарайчик, Орначь, Старый и Новый Крым, Хаджитархан (Астрахань), Старый и Новый Сарай, Гюлистан, Маджары, Орду, Услан, Берекзаны, Укек, Джулад, Махмуд-абад, Наручатск.

Старый Сарай («Эски Сарай») был построен между 1242 и 1254 годами Батыем. Во всяком случае Сарай уже существовал в 1254 году, когда совершал своё путешествие Рубрук. Первые битые в Сарае Старом монеты относятся к 1282—1291 годам, то есть ко времени Туда-Менгу-хана. Город, первая столица Золотой Орды, раскинулся на восьми холмах на расстоянии 12 вёрст вдоль Ахтубы, где ныне село Селитренное. Мимо него, «мимо ме-

стечка, называемого Эски Юрт, что значит по-арабски старое селище»,— говорит Абульфеда, надо было плыть, чтобы попасть снизу из Каспийского моря и Астрахани в столицу Орды. Когда совершал своё путешествие Паллас, здесь стояло ещё весьма значительное количество достаточно внушительных развалин со стенами до 9 сажен вышиною, облицованными поливными изразцами. «В ширину на версту или две ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выкладенных рвов,— рассказывает Паллас,— а на холму великолепнейшее строение города и, как кажется, большою стеною окруженный замок находился... там видны еще великие остатки от двух зданий, из коих... второе было жилым домом со многими отделениями, первое... можно почитать за могилу». По-видимому, о Новом Сарае, едва ли о старом, «Больших Сараях» русских летописей рассказывает Эломари), что он «без всяких стен», что «место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние, весом в два кынтаря египетских. Дворец окружают стены, башни, дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимнее помещение». Сарай место, «куда направляются товары», в нем «рынки, бани и заведения благочестия...» По Ибн—Арабшаху»: «Сарай сделался средоточием нау́ки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников... Сарай один из величайших городов по положению своему и населеннейших по количеству народа». Здесь, по Ибн-Батуте «13 мечетей для соборной службы», «красивые базары и широкие улицы» — «переполнены людьми», «живут асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы», при чем «каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их»; «купцы и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены ограждают их имущество». По-видимому, не приходится сомневаться, что все перечисленные места относятся именно к Новому Сараю, хотя говорится всегда в «Сарае», без упоминания прозвищ «новый» или «старый». Ибн-Батута, описывая этот «красивейший город, достигающий чрезвычайной величины», говорит, что он расположен «на ровной земле»; по Эломари, «посредине его пруд, вода которого из этой реки»... По Палласу же, на площади развалин села Селитренного возвышается холм, на котором находился «жилой дом со многими отделениями» и «памятник (надмогильный) с часовней построенный», «окруженные большою стеною»; а обследования Терещенко местности Царевских и Селитренских развалин установили, что только первые имеют каналы и искусственные озёра. Посредине Царёвских развалин ещё ныне сохранилось «Сахарное озеро»; площадь этих развалин ровная. Таким образом приходится признать, что приведённые тексты из Эломари, Ибн-Арабшаха и Ибн-Батуты именно трактуют о Царевских развалинах, которые в связи с

данными Абульфеды, согласующимися с картой Фра Мауре, необходимо считать новосарайскими, что, кстати, подтверждается тем обстоятельством, что из 4337 монет, найденных Терещенко в развалинах у Царева, большинство оказалось битыми в Новом Сарае. Изучение монетного материала из Нового Сарая даёт возможность установить монетный период для него с 1310 по 1431 год, что небезынтересно, так как первая дата почти совпадает с древнейшею датою также для Ст. Сарая, а вторая свидетельствует, что Новый Сарай являлся населенным местом и после разрушения Тимуром. Монетная сводка даёт 3% монет для времени Токтогу-хана, 27% — для Узбека, 35% — для Джанибека, 20% — для ханов периода междоусобий, 6% — для Тохтамыша, 1% — для Тимура и 8% — для ханов периода упадка. Таким образом, ясно, время Узбека, по Эломари, «преданного науке и людям её» и скончавшегося в Новом Сарае, и Джанибека — время расцвета (1313—1357) для Нового Сарая, когда достигала наивысшего развития торговля, укоренялось магометанство и «строилось в нём медрессе для науки».

Тимур разрушил Сарай, зажёг его и обратил в пепел; Терещенко находил: «один остов без рук, а ноги поперёк туловища, другой без черепа... все кости.. как бы изрублены в мелкие куски... несколько других без рук и ног, другие без черепов...», погребённые под грудами кирпича «следы невероятных зверств».

Сохранившиеся развалины описаны Леопольдовым; раскопки были произведены Терещенко, копавшим «в 1850 и 1851 годах во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы, но решительно всё средоточие его и древнее магометанское кладбище не осталось без расследования».

Леопольдов говорит о развалинах «от села Пришиба через город Царев, почти до деревни Колобовщины, сплошных на 15 верст и большею частью огромных... остатки зданий прорезывают 4 реки... правильность в расположении улиц обнаруживается... против Сахарного Озера и там, где стоит Царев, а прежде была, вероятно, средина города... Недалеко от Пришиба — развалины реже, дворы и сады просторнее... Около Тутового ерика... дворец... вокруг главного здания которого обходит канава, проведенная в сад... По углам и вблизи вырыты водоемы, наполнявшиеся водою из канавы... В полверсте отсюда лежат другие развалины... можно узнать дом, пристройки, сад, канавы и водоемы... Развалины по реке Кальгуте сплошные и обширные...»

Развалины города Тартанлы, имеющегося на карте Пицигани (1367 года), Брун усматривает в Мечетном городище (в 17 вер. выше Царицына). Паллас видел здесь «изрядные остатки древнего татарского города... следы четвероугольной крепостной стены... на крутом буераке... Стена по-видимому имела одни ворота... несколько далее находятся явные следы большого каменного строения, которое было караван-сараем... площадь (рядом) заполнена кучами камней и ямами, кои частью от

развалившихся погребов, частью от копателей сокровищ произошли». О «следах каменной стены» и «фундаментах зданий на изрытой площади» говорит и Фальк, также Фаддеев, позднее Бесчинский.

Монетный период Мечетного городища определяется с 1274 по 1377 год; временем расцвета, очевидно, тоже является время Узбека (32% монет) и Джанибека (48% монет); ко времени Менгу-Тимура относятся 4% монет, Токтогу-хана — 7%, к периоду междоусобий — 9%.

Бельджамен упоминается Абульфедой, имеется на карте Каталанского атласа и Фра Муре.

Перенесённый Пицигани на берега Дона и названный там же Бельджамен, по-видимому торговый центр на пути от Дона и западных стран на восток. Спицын вслед за другими отождествляет Бельджамен с Водянским городищем. Это городище и ранее привлекало исследователей, например, Щеглова и Соколова. Монетный период для Водянского городища исчисляется для татарского времени с 1310 года по 1395 год: ко времени Токтогу относятся 2% монет, Узбека и Джанибека — 60%, период междоусобий — 30%, Тахтамыша — 8%. Укек, нынешний Увек, ниже Саратова, был пограничным городом Золотой Орды. Ибн-Батута характеризует Укек «городом средней величины, но красивой постройки»; впервые он — по Френу — упоминается у Марко Поло и таким образом около 1267 года уже являлся достаточно значительным городом. Как место чеканки, Укек обозначается впервые в 1306 году, т. е. на монетах Токтогу-хана. Монетный период его с 1273 по 1394 год: ко времени Менгу Тимура относится 1% найденных здесь монет, Туда-менгу — 3%, Токтогу — 6%, Узбека — 40%, Джанибека — 38%, к периоду междоусобий — 18%.

Саблуков считает Увек «одним из первостепенных городов Орды», «вмещавшим в себе одно из улусных управлений». Френ сообщает, что здесь «на берегу стоял прекрасный каменный замок... а к нему прилегал город»..., «что в XVI столетии, а именно в 1579 г., агент англ. торговой компании Христофор Борро видел «часть развалин цитадели и некоторые гробницы, которые, по-видимому, предназначались для важных особ, так как на одной из этих гробниц» была изображена «фигура человека на лошади с луком в руках и колчаном со стрелами на боку», а на коне «гербовый щит с высеченными и частью разрушенными буквами»... Минх приводит справку, что еще в 1878 году на Увеке можно было видеть до 1000 развалин строений — «кучи от 3 до 10 саж. окружности в основании и 6 аршин высотой»; «одна куча» достигала «40 саж. окружностью и представляла правильный четырехугольник». На Увеке не один раз были произведены раскопки; о них говорилось на стр. 69 и сл.

Кроме перечисленных городов, татарскими селениями являются: место Старого Саратова (мон. пер. 1280—1366), урочище Подстепное (мон. пер. 1322—1365), Усть-Курдюм, Саратов

(м. п. 1350—1366), Квасниковка (где устанавливаются следы, по-видимому, мечети, облицованной изразцами), слоб. Узморье (мон. пер. 1291—1362), городище Терновское и селение у устья реки Терновки (м. пер. 1310—1406), бл. с. В. Добринки, Верх. и Нижн. Погромное, Верхне-Ахтубинское (мон. пер. 1280—1365). Далее по сырту вдоль Ахтубы встречается большое количество каменных зданий. «Они тянутся верст на 70 по гребню сырта до села Пришиба», сообщает Григорьев,— «развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны, то малы и незначительны, но везде показывают кирпич, глину и известь».

Возвращаясь вновь к приведенным данным о монетных периодах, установленных Б. В. Зайковским, необходимо отметить одну характерную черту этих данных; почти повсюду количественно преобладают монеты времени Узбека и Джанибека: в Старом Саратове их — 52%, Подстепном — 70%, Узморье — 95%, Увеке — 78%, Терновке — 82%, Вод. городище — 60%, Меч. гор.— 80%, Верхне-Ахтубинском — 75%, Сарае — 62%. Это, по-видимому, лучший период этих селений, совпадающий с наивысшим расцветом Золотой Орды, когда имели место оживлённые торговые сношения с другими странами и по преимуществу строились мечети, турбы, школы, караван-сараи и т. д. Для части селений монетный период начинается ранее, с царствования Токтогу-хана (1291—1313), это Узморье, Терновка, Водянское городище, Н. Сарай; монеты Менгу Тимура (1267—1281) найдены на Увеке и Мечетном городище, монеты Туда-Менгу (1281—1287) на Старо-Сарат. городище и Верхнеахтубинском.

Монеты дотатарского времени найдены на Увеке (мон. период: II в. до Р. Х.— XI в. по Р. Х.), Терновском городище (II в. до Р. Х.— X в. по Р. Х.) и Водянском городище (III в. до Р. Х.— XI в. по Р. Х.). Таким образом, эти города были построены на месте более древних селений. После разрушений Тимура продолжают существовать Увек (найдены монеты русские XV—XVI вв., также XVII в., западно-европейские XVII в., «мордовки» и крымские), Терновское городище (русские XV—XVI вв., «мордовки») и Водянское городище (русские, «мордовки», крымские, бухарские). О времени возникновения Сарая (Нового и Старого) уже говорилось; здесь повторим, что Новый Сарай был основан на месте, где ранее никакого селения не находилось, и что он продолжал существовать и после разрушений Тимура. Гюлистан, о местоположении которого спорили и спорят ещё ныне (Френ, Саблуков, Веселовский и Трутовский), упоминается впервые в 1347 г. в договоре Джанибека с венецианцами. Первые битые в Гюлистане монеты относятся к 1351 году. Возможно ли в связи с монетными находками отождествлять Гюлистан с Верхнеахтубинским, как полагает Б. В. Зайковский, решить трудно.

К сожалению, все эти поселения пострадали не только от Тимура, но ещё больше от того, что позднее были превращены в

своего рода каменоломни, место добычи кирпича. Минх в «Историко-географическом словаре» приводит цитату, согласно которой в 1631 г. было «велено брать на Ахтубе кирпич и ханскую мечеть, и дом ханский сломать, чтобы было (для застройки Астрахани) довольно как белого камня, так и железа от Ахтубы».

Материал для сооружения Астраханского кремля брался и ранее, с 1582 г., когда стали строить кремль. О разрушении золотоордынских городов с целью добычи кирпича для астраханской городской стены, а затем церквей, монастырей и других зданий,— рассказывают Адам Олеарий (1636 г.) и Стрюйс (1669 г.). В 1860 году для саратовских мостовых было вывезено с Увека громадное количество кирпича, а также плиты с надписями: «камень ломал Маурин (владелец Увека) из древних фундаментов».

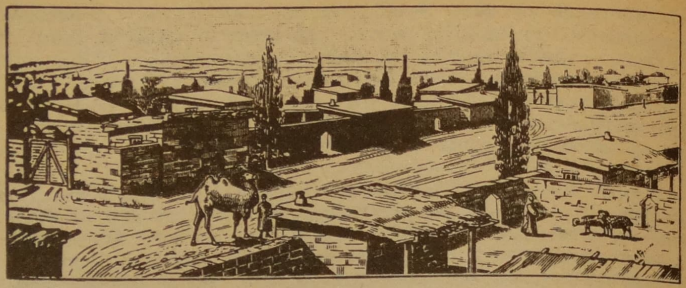
Тем не менее, остатки развалин золотоордынских городов сохранились настолько, что вполне представляется возможным дать общую характеристику нижневолжского города времени XIV столетия.

«У монгольских ханов была какая-то страсть возводить дворцы, из которых возникали потом столицы... Батый строил, по всей вероятности только дворец, оттого и столица стала называться дворцом (Сараем)» — говорит Веселовский. Слова эти невольно сопоставляются с историей возникновения вообще ряда восточных городов. Наметивши постоянное место для ставки, ханы, естественно, помимо летнего шатра стали строить «зимние помещения», как говорит Эломари, а лагери вокруг этих ханских зимних дворцовых строений постепенно превращались в городские кварталы с домами из камня, глины или дерева. Так на Востоке из военного лагеря возник город Каир; Бартольд считает подобное превращение лагерей (военных) в города явлением для мусульманского Востока обычным. Кстати, на берегах Волги было решительно необходимо укрываться зимою в более теплые жилища. Таково возникновение городов Нового Сарая и Мечетного. Город раскидывался по вольной степи вокруг ханской ставки и, все разрастаясь, мог первоначально не иметь общих городских стен, хотя, по Пржевальскому, на Дальнем Востоке сохранились развалины городов времени Чингизхана именно со стенами. Лишь ханский дворец обязательно имел стены, ограждающие его от остального мира. «Дворец окружают стены, башни» — говорит Эломари; Леопольдов видел близ деревни Зубовки «развалины зданий, представляющие ряд правильных укреплений с валами и бастионами: внутри находились два здания, связанные между собой переходом или аркою, одно огромнее другого, но в обоих заметна роскошь материалов». И в Сарае были отдельные кварталы, обнесённые стенами, например, кварталы знати и торговый. У Мечетного городища, по-видимому, также не было общегородских стен; стены окружали лишь самое богатое строение в этом городе, возможно, дво-

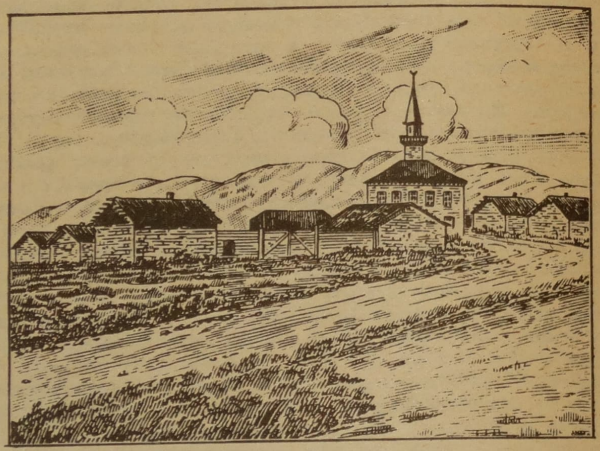
рец. Совершенно как в Балхе, имелись индийский и еврейский кварталы. На Укеке выявляется христианский квартал, судя по находкам в значительном количестве христианских древностей в районе между Исеевским бугром и вокзалом станции Увек. Эти «иностранные кварталы» могли быть обнесены стенами, как говорит Ибн-Батута. В ближайшей окрестности дворца находились дома эмиров хана, а на окраине города жила городская беднота.

Бельджамен и Укек значительно меньше, чем Сарай, и лежащие вблизи границы или, как Бельджамен, на важном торговом пути, естественно, имели общегородские стены. Возникшие не из военного лагеря, а на месте более древних селений, вероятно, укрепленных,— они, особенно Бельджамен, весьма ярко повторяют тип мусульманского города такого рода. На Водянском городище возможно обнаружить: А) внутренний город (медина), состоящий из: 1) первоначального поселения (как бы шахристана) на территории сада Челюканова, которое не могло вместить базар, и 2) торгового предместья, в татарское время наиболее богатой части города Бельджамена,— здесь были базары и мечети; Б) цитадель (кухендиз) — на мысу у Водянской балки внутри стен медины; В) вместе с предместьем между стеною внутреннего города и второю стеною (арабским «рабадом»), окружавшею весь город, Бельджамен вполне соответствует всему арабскому «беледу»; Г) в окрестностях Бельджамена, а также Сарая, наблюдаются следы отдельных групп селений («рустак»). Такие же составные части города устанавливаются для Увека, особенно если привлечь описание Борро. Златоверхие дворцы, мечети, бани, караван-сараи, сады, школы, скиты, вблизи города некрополи с роскошными мавзолеями, загородные дворцы и усадьбы — все это возможно отыскать не только в описаниях татарской жизни у арабских писателей, но реально под буграми кирпича и щебня.

Воейков в 1813 году видел среди Царевских развалин «водопроводы из ближнего озера, по которым еще бежала вода чрез свинцовые и глиняные трубы, обмазанные внутри весьма крепким составом, который с трудом можно разломать железом»; водопроводные трубы «под основаниями зданий и около них» были обнаружены Терещенко там же, членами Сар. Уч. Арх. Ком. в 1888 году на Водянском городище, позднее в значительном количестве на Увеке. В Цареве Леопольдов видел «каменную плотину, с помощью которой спертая вода разливалась в каналы», которыми, как сообщает Терещенко, «испещрена» площадь новосарайских развалин. Спицын нашел в Цареве «круглые колодцы». Вспоминая, что в начале XIX столетия еще были видны улицы и переулки, а особо строгая прямолинейная распланировка их еще ныне наблюдается на Мечетном городище, мы можем лишь, вслед за арабскими писателями, удостоверить безусловную благоустроенность золотоордынских городов.



Опыт реконструкции внешнего вида двух откопанных на Мечетном городище домов



Татарское село Хвалынского уезда. Начало XX века

О татарском доме нам придется говорить подробнее в дальнейшем; здесь, в связи с попыткой выявить тип золотоордынского города, необходимо поставить вопрос: не были ли также в нем «жилые помещения скрыты внутри дворов, и на улицы, кроме базарных лавок, обращены только высокие заборы», что считается типичным вообще для восточного города, в частности для персидского. Сохранившийся археологический материал, по-видимому, не даст ответа на этот вопрос, однако ещё в 20-х годах XX столетия у татар Хвалынского уезда Саратовской губернии, придерживающихся старины, именно таков план усадьбы.

«Жители Кипчака, любя раздолье кочевой жизни, только на зиму укрывались в города и другие жилища,— говорит Саблуков,— оттого татарин не заботился дать своему жилищу прочность, простор и красоту...» Далее он утверждает, что «остатки жилищ частных жителей, разрытые в настоящее время, представляют небольшие землянки», и «среди пестроты жилищ частных лиц отличались великолепием лишь жилища ханов, его двора и высших сановников царства». Все это, кроме характеристики дворца, явно не соответствует подлинной картине золотоордынского дома и города. Правда, на площади селения около устья реки Терновки совершенно не найдено никаких следов строений, но здесь не было и землянок. Эломари говорит об обитателях шатров в степях: возможно, что Терновка сохранила нам следы такого города, который мог, если бы оказалось необходимым, стать передвижным. Но развалины настоящих городов говорят совершенно о другом жилище золотоордынца.

Если в более древнем Старом Сарае жилые дома, быть может, действительно были невелики и отделаны просто, (?) раскопки в Новом Сарае и на Мечетном городище дали не только дома со всякими удобствами, но и мрамор, изразцы и лепные украшения.

Жилые здания в районе Селитренного городка, по Спицыну, имеют не более 4-х аршин длины и ширины; дверь с западной стороны, в левом углу; пол кирпичный; иногда подбеленный; печка в правом углу, низкая, с глиняной трубой; стены кирпичные, иногда сырцовые.

В районе Царева Терещенко откопал жилой дом в несколько комнат; в двух «комнатах стоял подле стены горшок с бараньим жиром, около валялись скорлупа от яиц куриных, кости куриные, шелуха от крупной и мелкой рыбы, мука пережженная, тростник и веревочка перегорелые, на блюде зеленого цвета — смолистое вещество, издававшее душистый запах; в углах других комнат лежала в куче писчая бумага и кувшинчик с лоскутками шелковой материи», в этих комнатах стены были покрыты изразцами, «крытыми одним золотом» или с «надписями, коих буквы были величиною до 7 вершков». Я нарочно привел дословное описание дома Терещенко: не с дворцом, конечно, мы в данном случае имеем дело, так как здесь, видимо, плелась корзина, жил человек торговый, по-видимому, грамотный, быть может, ученый.

Несколько жилых зданий (в две и даже в три комнаты) были откопаны Городцовым в Маджарах. Бо́льшее из них (пл. 23 1/4 арш. х 11 1/2 арш.) с саманными стенами имело во всех трех своих комнатах глинобитные тахты для спанья и скамейки; здесь были обнаружены кусочки голубых изразцов. С юга здание имело «веранду». Относится оно, по-видимому, к XIV столетию.

Краснодубровский обнаружил на Увеке даже «остатки двухэтажного здания, занимавшего площадь до 50 кв. саженей и

включающего в себя несколько круглых и несколько квадратных зал». В Саратовском Археологическом Музее хранится часть богатой мозаики стен этого строения. И такие строения, не только большие и просторные, могли быть в золотоордынских городах.

Дворцы татарских ханов, по-видимому, были отделаны особо роскошно. Эломари говорит о «большом дворце, на верхушке которого находилось золотое новолуние». Ибн-Батута называет сарайский дворец златоглавым.

По-видимому, сравнительно хорошо сохранившиеся развалины дворца видел в районе Царева еще Леопольдов. «На возвышенной, к Ахтубе почти утесистой долине находился огромный дворец», говорит он: «Посреди двора, каждая сторона которого простиралась на 80 саж., стояло главное здание, имевшее 50 саж. протяжения во всех направлениях; с трех сторон окружали дворец побочные здания; с лицевой находились ворота, тонкая стена и галерея на столбах; позади, саженях в 200, заметны остатки нескольких строений, составлявших дворцовые службы».

Около деревни Колобовщины Терещенко видел холм строительного мусора до 15 саж. высоты и 100 саж. окружностью, окруженный рвом; «старожилы рассказывают», говорит он,— «что они видели тут стены, столь широкие, что по ним можно было разъезжать тройкою, и что на западном углу стояла башня».

У Леопольдова имеется, как мы видели описание еще другого дворца («квадратного каменного дома о 20 саженях с каждой стороны с пристройками»); этот дворец окружает сад; «канава обходит вокруг главного здания», «по углам и вблизи вырыты глубокие водоемы». Терещенко находил большое количество изразцов, обломки колонн, «расцвеченных голубою, палевою и темно-коричневою мозаикой, карнизы, камни из породы гранита, мрамор, зеленоватый, с крапинками, красный, синеватый, бело-серый и белый». Также Леопольдов перечисляет найденные в Цареве: «мраморные колонны, карнизы, балюстрады, косяки с разными вырезами, плиты полумраморные, которыми выстилались полы в домах, изразцы, выпуклые, гладкие, разноцветные, вроде мозаики, хотя и крупной, карнизы алебастровые, отделанные под мрамор...». Саблуков, повторяя то же, знает и «частую позолоту», а в садах «фонтаны».

На Увеке были найдены квадратные плитки с почти натуралистически исполненными цветочками на голубом фоне, усеянном чёрными, жёлтовато-белыми и красными (кирпичного цвета) пятнами. Терещенко находил изразцы с изображениями разноцветными и цветами, как-то: лилиями, тюльпанами, незабудками, звездочками, кружочками, кроме того, с письменами. «На одном беловатом,— рассказывает он,— разбитом на четверо, находилась посредине лилия, а по краям персидские стихи». Терещенко же рассказывает, что в верхнем ярусе храма в Дубовке

Орнамент на изразцах, найденных при раскопках на Увеке в начале XX века. 2/3 натуральной величины

находились татарские «изразцы в своде с изображением человеческих лиц, но они заштукатурены суеверами, принимавшими изображения за нечестивого Мамая». Осенью 1895 года на Увеке, при раскопке древнего здания, нашли стену, выложенную восьмиугольными изразцами из бело-серой же массы и с белой поливой, украшенными инкрустированными бронзовыми звездами и розетками.

Спицын сообщает, что и в селе Селитренном находят комнаты, выложенные внутри изразцами; а в одном доме «в три комнаты — одна была изразцовая, а другая штукатуренная и расписанная разными затейливыми узорами». Терещенко видел в Цареве штукатурку с надписями. У Ибн-Батуты сохранилось описание дворца сына тетки Узбека в Хорезме: «Мы вошли в обширную приемную», говорит он,— «потом в малую приемную с деревянным разукрашенным куполом, в которой стены обиты разноцветным сукном, а потолок раззолоченным шелком».

Можно себе представить, какою чисто восточною прелестью и пестротою блистали дворцы и вообще более крупные и богатые золотоордынские строения, в том числе и мечети.

Обследованные нами Увек, Водянское, Мечетное городища свидетельствуют о столь высокой культуре, что действительно возможно говорить о «приволжских Помпеях». Прекрасно оборудованные горны для обжига керамических изделий, дома с сложною системою центрального отопления, отделанные мрамором и изразцами, водопроводы, геометрически правильно распланированные улицы и площади, караван-сараи, мечети и грандиозные мавзолеи, шелковые ткани и парча из погребений, серебряные ковши и венецианское и персидское стекло — рисуют население золотоордынских городов второй половины XIII века и XIV века вовсе не дикарями, а культурным народом, занимавшимся промышленностью и торговлею, не чуждавшимся сношений с народами Востока и Запада и широко развивавшим искусство прикладное. Явно высокою культурою татар, не только воинственностью и организованностью объясняются и их военные успехи, быстрое продвижение на Запад; турба, откопанная в некрополе Мечетного городища, явно относится к XIII столетию, и сложная система отопления, которая была откопана на самом городище, имеет прародиной Дальний Восток, откуда пришли татары.

Казань.—Казан. № 21.
Татарскій базаръ и мечеть.

С АМУРА-БАТЮШКИ НА ВОЛГУ-МАТУШКУ

Волга — самая большая река Европы. Амур — самая большая река азиатской части России. Предание булгарского народа сохранило смутное воспоминание о том, что предки волжан XV века когда-то жили неподалеку от Тихого океана.

Еще в глубокой древности на землях возле Амура-реки кочевало среди других племен племя тюрков по названию та-тань, татары. Тюркские племена тогда враждовали между собой, и в конце концов племя татар подчинило себе окрестные племена. Тех, кого завоевывали, тоже стали звать татарами, а их земли татарскими. Некоторые татарские племена перекочевали на север и на запад.

Племя та-тань, смешавшись с другими тюркскими племенами, стали называться татарами.

Прошли века, и в тех же местах на севере Китая, где кочевали тюркско-татарские племена, сложились племена монголов. Между татарами и монголами начались войны. Закончились они тем, что монголы завоевали все татарские племена и заняли их земли.

Завоёванные земли назывались татарскими, поэтому и монголы, поселившиеся здесь, стали звать себя также татарами. А потом Чингиз-хан — монгольский вождь — полностью уничтожил татарские племена на севере Китая, их не осталось совсем. А имя их осталось, и татарами стали называть себя монголы.

Монголы двинулись из Китая на запад, завоевали земли половцев, булгар, хазар, подошли к границам русских княжеств. В древности принято было называть побежденный народ именем победителя. Поэтому монголы, которые называли себя татарами, стали так называть и все покоренные тюркские племена. А их было много, и они занимали земли возле Черного и Каспийского морей, в Сибири, Поволжье, в Крыму. Таким образом, татарами стали называть все покоренное монголами тюркское население.

Прошло много лет, монголов не стало совсем на завоеванных ими землях, не стало и государства «Золотая Орда». А в России еще много столетий всех тюрков называли татарами. Даже в документах писали: кавказские татары, казанские татары, узбекские татары. Считали татарами азербайджанцев, черкесов, хакасов, дагестанцев и многие другие народы.

А в наши дни татары — это тюркское население бывшей Булгарии, Крыма, Поволжья, Урала, Западной Сибири, Литвы, Польши, Белоруссии. Есть у татар и своя республика на Волге — Татарстан,— там, где в X—XIII веках было государство Волжская Булгария.

ПОЧЕМУ ГОРОД НАЗВАЛИ ЗАИНСКОМ

Давным-давно из далеких восточных степей пришли на берег речки кочевники со своими кибитками. Утомленные долгими ски-

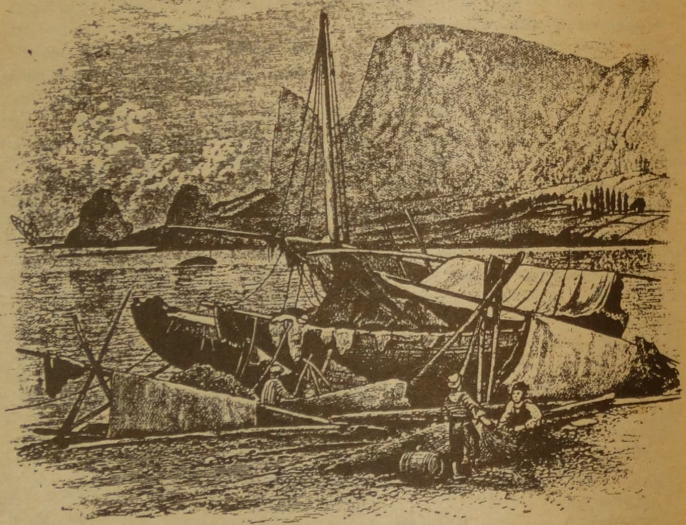
таниями по безводным просторам, они с радостью заметили серебристую струю прохладной реки, и кто-то первым восторженно закричал: «Сай! Сай». А слово «сай» с тюркского языка переводится на русский язык так: «Река!»

Так и стали безымянную реку называть рекой — Сай. И уж после буква «с» заменилась на «з», и стала река — Зай.

В те времена, когда булгары поселились на берегах Камы и Волги, появился на богатых землях реки Зай большой город. Трудолюбивые горожане разводили скот, обрабатывали землю, много ремесленников выделывали шкуры, тачали сапоги, мастерили мебель, шили одежды, ткали полотна... Мирно и счастливо жили они на берегах красивых рек.

Но внезапно на их город обрушилась беда: появился в окрестностях города страшный дракон Барадж, пожиравший скот и людей. Много храбрецов отваживалось на бой с драконом, но ни одному богатырю не удавалось справиться с громадным чудовищем, все они погибали в могучих лапах Бараджа. Страх и уныние охватили булгар. И решили они покинуть свой любимый город Заинск.

На новом месте построили другой город, и зажили по-прежнему — привольно и спокойно. Так прошло много лет.



Татарская рыбачья лодка. Рисунок XIX века

И опять беда прикочевала вслед за булгарами: враги разрушили и разграбили их новый город, многих поубивали, а кого в плен увели, на чужбину. И тогда один смелый богатырь по имени Исхан-бек сказал: «Пойду-ка я на реку Зай, родину моих предков, убью дракона, и тогда мы снова поселимся там».

Так он сделал. Вернулся он в родные места, смотрит: а дракона-пожирателя давным-давно нет. Обрадовался он, позвал своих соплеменников, и закипела здесь снова жизнь, возродился старинный город Заинск.

ПРЕДАНИЯ О КАЗАНИ

Однажды один богач велел своему работнику натаскать воды в бочки, для полива огорода. Работник схватил в руки медный котел (а по-татарски котел называется «казан») и побежал на речку, берег который был очень крутым и неудобным. Попытался работник зачерпнуть воду котлом, да не тут-то было: выскользнул котел из его рук, упал в воду и утонул. Вот после этого и стали называть ту речку Казанкой, а город, построенный на ее берегу — Казанью.

А другие, знающие люди, утверждают, что все было совсем не так. А как? Вот послушайте.

Хан Аксак Тимер решил захватить один булгарский город. Долго воевал он с горожанами, осажденными в крепости, однако победить мужественных защитников так и не смог. Решил хитрый хан тогда: узнаю-ка я секрет, почему мои бесстрашные воины не могут одолеть этой крепости.

Переоделся хан нищим, пробрался в город и попросился переночевать у одной старушки. Не зная, кто ее гость, та и проговорилась:

— Аксак Тимер никогда не захватит наш город силой, а сможет одолеть булгар только хитростью. Вот, например, если он догадается сманить из города всех голубей, да привяжет к их лапкам тряпки, подожжет их и отпустит, тогда голуби прилетят к своим домам, возвращаясь в свои гнезда — вот тогда и сгорит город, и тогда сможет хан Аксак Тимер победить булгар.

Обрадовался Аксак Тимер и решил послушаться совета старухи. Старушку же пожалел, велел ей взять свои вещи и следовать за ним. Вывел ее из крепости и приказал:

— Поселись там, где под казаном сам собой зажжется огонь.

Догадалась тут женщина, какая беда по ее вине случится, но уж поздно было. Ничего ей не оставалось, как повиноваться хану. Забрала она свой казан, собрала пожитки и отправилась в путь. Долго шла она, устала и остановилась передохнуть. Поставила казан на землю, и тут под ним вдруг сам по себе вспыхнул огонь. Осталась она жить на этом месте, как велел ей хан Аксак

Тимер. Рядом с нею вскоре поселились другие люди из разоренного города, и мало-помалу вырос целый город, который и назвали Казанью.

Так ли было, не так,— а рассказывают предания. А славный город Казань вот уже много веков отражается в зеркале великой реки — Идели-Волги.

ПОЧЕМУ КАЗАНЬ ПЕРЕЕХАЛА?

Через 104 года Казань переехала со своего первоначального места. Почему? Предание так говорит об этом.

Один богатый житель древней Казани или Иски-Казани, как ее звали, держал пчел в лесу на Джелан—Тау (змеиной горе), где стоит нынешняя Казань. Отправляясь осматривать улья, он часто брал с собою свою красавицу-дочку, которой сильно полюбилась эта гористая лесная местность на берегу Волги. Татарочка выросла, вышла замуж, и вот что с нею раз случилось: по обычаю всех восточных женщин она ходила сама на реку за водою; как-то раз поднимается она с тяжелым кувшином на плече на крутой берег Казанки и принимается бранить того хана, которому пришло в голову построить город на такой крутизне. Слова ее были кем-то подслушаны и донесены царствовавшему тогда хану, одному из потомков основателя древней Казани. Он потребовал к ответу дерзкую молодую женщину, но она не растерялась.

— Что говорила, то говорила,— моя вина,— отвечала она.— А что правда, то правда: дед-то твой ведь, небось, не сам по воду ходил, так и не знал он, каково нам, грешным, тяжелые кувшины на такую кручу таскать.

— Ну, а где же, по-твоему, город надо было выстроить?— спросил хан, смягченный красотою и смелостью молодой татарки.

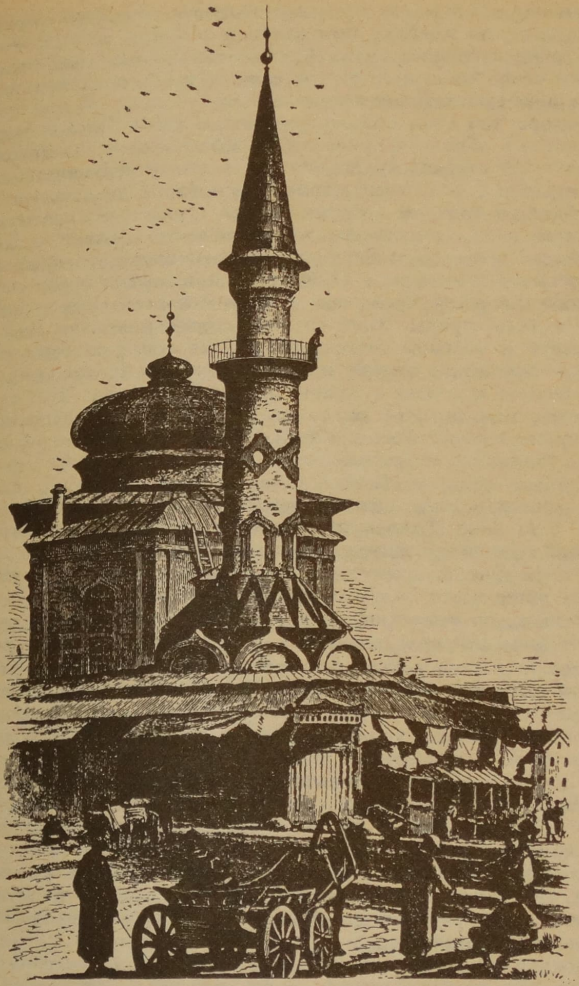
— Да хоть бы там, где пчельник моего отца, на Джелан-тау,— отвечала она.

— А кабаны да змеи, которых между Казанкою и Булаком (реки, при слиянии которых находится Джелан-тау) столько водится? — возразил хан.

— А наши колдуны на что? Не справиться им разве с этими гнусными тварями? — с уверенностью отвечала татарка.

(По понятиям мусульман, нет твари гнуснее кабана или дикой свиньи, мясо которой признано Магометом поганым и вредным).

Хан и сам недолюбливал своего города; поэтому он решил послушаться совета молодой татарки и послал своего сына-наследника с двумя вельможами и отрядами всадников к устью Казанки, чтоб отыскать там место для построения города. Посланным вручен был запечатанный конверт, который они дол-



Татарская мечеть в Казани. Гравюра XIX века

жны были вскрыть на выбранном для города месте и тотчас исполнить то, что там написано. Выбор посланных остановился на том месте, где стоит нынешняя Казань. Распечатав конверт, они

с ужасом узнали волю хана, состоящую в том, чтоб один из трех посланных, по жребию, был закопан в землю живым, чтобы новый город «крепче стоял». Жребий пал на ханского сына. Вельможам стало жаль молодого царевича, и они спрятали его от хана, а в землю зарыли живую собаку.

Вскоре хан стал сильно горевать о сыне. Послы признались ему тогда в обмане и привезли царевича к отцу. Хан очень обрадовался, но старый мулла отнесся к этому неудовлетворительно и предсказал, что новый город, в основание которого лег обман, перейдет со временем в руки гяуров (христиан), врагов мусульманской веры, считаемых мусульманами наравне с собаками.

Истребление змей поручено было колдуну, который отлично справился с этим делом. Он с осени приготовил огромный костер из дров, хворосту и соломы, а кругом костра тоже уложил хворост в виде ограды. Змеи со всех сторон поползли сюда, чтобы зимовать в готовом помещении из хвороста и соломы. С наступлением весны колдун прибавил к кучам сухого сена, полили все смолою и серою и зажег. Змеи все сгорели. Чтобы выгнать кабанов, зажгли леса около озера Кабана, находящегося и по сие время в окрестностях Казани, отчего все эти звери, любящие леса, удалились от города.

Однако один, большой крылатый змей, Зелант, о двух головах, улетел и поселился на горе, недалеко от города, отчего эта гора и названа Джелан-тау (змеиная гора) или Зелантова гора. На ней находился Успенский монастырь, основанный в 1552 году в память воинов, убиенных при взятии Казани. Он тоже назывался чаще всего Зелантовым монастырем.

Зелант, по преданию, был о двух головах, из которых одной, змеиной, он пожирал животных, а другою, воловьею — растения. Зелант жил припеваючи: ежедневно в полдень он летал на озеро Кабан пить воду; тогда все жители падали ниц перед ним, и он в таком случае не причинял им вреда. Впрочем, Зелант мог и не летать в город для утоления жажды, а пить из своего озера, которое было в нескольких шагах от его жилища; это озеро и до сих пор называется Змеиным.

Долго наводил Зелант ужас на окрестности, но, наконец, искусством волшебников он был умерщвлен. В память этого события хан внес его изображение в герб города Казани.

Предание о Зеланте объясняется также в смысле аллегорическом, т. е. иносказательном: Зелант является, по татарским сказаниям, олицетворением древнего идолопоклонства, побежденного магометанством.

МУДРЫЙ СТАРИК

Давным-давно жил один злой падишах. Решил он: незачем кормить старых людей, ведь они для работы не пригодны. И по

его приказу убивали всех стариков, доживших до семидесяти лет.

У одного джигита был семидесятилетний отец. Но сын пожалел его и спрятал от слуг падишаха.

И этот джигит, говорят, каждый день, как закончит свои дела, заходит к отцу. Отец спрашивает:

— Что на свете нового, сынок?

Сын ему рассказывает все, что видел и слышал.

Однажды приходит сын к отцу и говорит:

— Видел я, как падишах со своими визирями спустился к реке. На дне этой реки углядели они жемчужину, блестит она, переливается. Но сколько ее под водой ни искали, найти не могли. На дне ее нет, а с берега посмотришь — на том же месте блестит. Никто не может растолковать, в чем дело. Уж на что визири ученые, и те руками разводят.

Старик спрашивает:

— Скажи, сынок, а не растет ли на берегу какое-нибудь дерево?

— Как не расти,— отвечает сын,— как раз под тем деревом и ищут.

— А нет ли на том дереве птичьего гнезда?

— Есть,— отвечает сын.

— Раз так, то искать жемчужину надо не под водой, а на дереве, в гнезде. На воде только ее отражение.

На другой день падишах со своей свитой опять приходит к реке. Снова ныряют за жемчужиной, однако найти не могут. Тогда джигит подходит к хану и говорит:

— Достопочтенный падишах, дозволь мне слово молвить. Та жемчужина вовсе не на дне лежит, а в гнезде, на дереве.

Ханские слуги мигом взобрались на дерево и нашли огромную жемчужину величиной с гусиное яйцо. Хан только диву дался. Спрашивает у джигита:

— Кто тебя надоумил?

— Сам догадался,— отвечает тот.

Падишах давай ругать своих визирей:

— Хоть вы и ученые,— говорит,— а простой крестьянский юноша умнее вас оказался.

Разозлились визири на джигита за то, что умом их превзошел. Решили они его погубить. Приходят к падишаху и говорят:

— Хвастался он, что все на свете знает. Покажем-ка ему двух жеребцов. Они между собой похожи, как две капли воды, разница только в возрасте. Пусть он угадает, который из них старый, а который молодой. Да пусть к ним близко не подходит и в зубы не смотрит. А не справится хвастун с заданием — голова с плеч.

— Быть по-вашему,— отвечает падишах и велит позвать джигита. Приходит джигит, он ему и говорит:

— Покажут тебе завтра двух одинаковых жеребцов. Нужно

тебе угадать, который из них старый, а который молодой.

— Ладно,— отвечает джигит, а сам пригорюнился, голову повесил. Приходит он домой сам не свой и идет к отцу.

— Как дела, сынок? — спрашивает старик.

— Отец, жемчужина была там, где ты говорил. Да вот беда: задал мне падишах задачу потруднее,— и рассказал сын отцу про жеребцов.

— Не печалься, сынок,— говорит отец.— Ничего сложного тут нет. Когда будут вести коней, смотри внимательно: молодой жеребец как ветер будет лететь, а старый посторонится, молодому дорогу уступит.

На другое утро пошел джигит к падишаху. Велел падишах привести жеребцов. Смотрит джигит: двигаются навстречу два жеребца, один вскачь идет, другой голову опустил и первому дорогу уступает.

Показал джигит, где тут молодой жеребец, а где старый. Но визири на этом не успокоились, придумали ему новое испытание.

Дают ему два одинаковых полена, оба саженной длины, оба гладко отесанные, и говорят:

— Оба эти полена сделаны из одного дерева. Какое из них сделано из нижней части дерева, а какое из верхней?

Дали джигиту день подумать. Опять он голову повесил, приходит к отцу и говорит:

— С теми двумя жеребцами все вышло так, как ты, отец, говорил. Да вот задали мне новую загадку,— и рассказал про поленья.

— Не горюй, сынок,— говорит отец.— Эти поленья нужно в Волгу опустить. То полено, которое глубже в воду уйдет, было нижней частью дерева, а то, что повыше будет плавать,— было вершиной.

На другое утро приходит джигит к падишаху. Ставят перед ним два одинаковых полена. Он их велит в воду опустить, а потом и говорит:

— Вон то, что глубже в воде, было ближе к корню дерева, а другое — к вершине.

Тут падишах джигита спрашивает:

— Кто тебе помог загадку разгадать?

— Сам догадался,— отвечает джигит.

— Нет,— говорит падишах.— Не мог ты сам догадаться. А не скажешь, кто тебе помог — висеть тебе на том суку.

Пришлось джигиту во всем признаться:

— Не вели меня казнить. Ослушался я твоего приказа, пожалел своего старого отца и спрятал. Он-то и помог мне все загадки разгадать.

Задумался падишах и говорит:

— Молодость хороша силой, а старость — мудростью. Не прожить, видно, на свете без стариков.

И велел отменить свой первоначальный приказ.

ЗАВЕЩАНИЕ

Жил, говорят, в далекие времена старик. Было у него три сына. Перед смертью позвал старик к себе старшего сына и сказал ему:

— Сынок, коль сможешь, строй дом в каждой деревне.

Затем подзывает среднего сына:

— А ты, сын мой, кушай сладко всю жизнь.

И младшему сыну напутствие дал:

— Почаще женись.

Ладно. Умер старик. Сыновья его стали думать да гадать, как же им завещание отца исполнить. Старший тревожится: как же ему в каждой деревне дом построить? Средний решил отправиться по белу свету искать самые вкусные кушанья. Младший размечтался, как он будет много раз жениться.

Вот однажды приходит к ним старец. Поздоровался, о житье-бытье стал расспрашивать.

— Жизнь-то не из легких оказалась, бабай,— сокрушается старший из братьев.— Отец перед кончиной наказывал в каждой деревне дом выстроить. А я пока не выполнил отцовского наказа.

Средний говорит:

— А мне отец советовал кушать вкусные яства.

Младший сын тоже в сторонке не остался:

— А мне отец завещал: «Почаще женись, мол». Хочу отцовскому совету следовать, да ничего у меня не получается.

Старец выслушал, что ему три брата рассказали, и говорит им:

— Эх, сынки, ведь вы неправильно истолковали отцово завещание. Он ведь вам что советовал: «строй в каждой деревне дом» — значит «приобрети себе в каждой деревне друзей, с друзьями легче прожить на свете», «кушай сладко всю жизнь» — это так надо понимать: «если еда трудом добывается, то даже ржаной хлебушко слаще всего окажется», «почаще женись» — значит, это так: «постоянно ищи себе работу, станешь тогда о жене крепче скучать, а вернешься — словно вновь женился». Вот ведь оно как. Отец завещал вам трудом рук своих жизнь налаживать.

Сказав это, старец ушел. С того дня братья стали, как было им подсказано, выполнять отцовское завещание.

КАК ВОЛК СЕМЕРЫХ ЗЯТЬЕВ СЪЕЛ

Жил в старые времена один человек, и было у него семь дочерей. Одну за другой, он их выдал замуж. Через какое-то время позвал он дочерей с зятьями в гости. Всех радушно встретил-приветил, накормил-напоил, гостинцами одарил. Но каждому из зятьев хотелось, чтобы тесть больше всех его полюбил. Кажется им, что тесть на других-то глядит ласковее и кормит-поит слаще. Так погостили они несколько дней и отправились домой.

По дороге попался им навстречу огромный волк. Набросился

он на одного из зятьев. Тем временем остальные, вместо того, чтобы помочь, думают про себя: «Так ему и надо, его больше других угощали. Вот съест его волк, а тесть меня больше будет любить». Съел волк первого зятя, принялся за второго. А остальные пятеро и пальцем не пошевельнут. Каждый думает: «Пускай его волк съест, меня тесть больше любить будет».

А конец у сказки простой: съел волк всех незадачливых зятьев одного за другим.

КОМУ НА ПОЛЬЗУ КАРКАЛА ВОРОНА

Однажды отправился некий человек в город. По дороге встретил он другого путника. Пошли они вместе, в приятной беседе коротая время в пути. Когда они проходили мимо деревенского кладбища, над их головами, каркая, пролетела ворона. Попутчики с удивлением прислушались и остановились. Один из них, по имени Гайнулла, сказал:

— Эта ворона каркала мне на пользу.

Другой, по имени Шакир, возразил:

— Нет, ворона обещала выгоду мне.

Так они заспорили, кому ворона прочила удачу, и разгорячились так, что пустили в ход кулаки. Лупили-лупили друг друга, пока, наконец, не выбились из сил, затем Гайнулла и говорит:

— Так мы ничего не добьемся, пойдем к казыю, пусть он рассудит нас.

— Хорошо,— говорит другой,— пойдем к казыю, все равно он признает правым меня.

Неподалеку был один аул, и они отправились к тамошнему судье. Пришли. Казый принял их, восседая на пуховых подушках.

— Ассаляме галейкем*, казый-эфенди**,— приветствовали его путники.

— Вагалейкеа ассалям***,— отвечал судья.— С чем пожаловали?

Спорщики, торопять и перебивая друг друга, объяснили, что их сюда привело. Гайнулла заявил:

— Как бы там ни было, ворона каркала к моей корысти.

А Шакир стоял на своем:

— Не говори глупостей, это она каркала мне на пользу.

Казый выслушал их и говорит:

— Не ссорьтесь, не спорьте, приходите через неделю, я вам объявлю, кто прав, кто виноват. Прежде мне нужно посмотреть, что в коране об этом написано.

---

* Ассаляме галейкем (арабск.) — приветствие (букв.: мир вам!).

** Казый — судья у мусульманских народов, эфенди — господин.

*** Вагалейкем ассалям — ответ на приветствие.

Путники согласились немного подождать. Вышли из дома казыя и каждый ушел своей дорогой.

Шакир прошел немного, остановился и думает: «Ясно, что задаром казый в мою пользу дело не решит, нужно что-нибудь сунуть ему в лапу». Шакир купил в ауле двух гусей и вернулся к судье.

— Вот, казый-эфенди, принес тебе гостинца, ты уж, пожалуйста, не забывай обо мне.

— Хорошо, хорошо,— говорит казый и, сотворив молитву, как должное принимает дар.

Шакир успокоился и ушел в надежде, что все пойдет так, как надо.

На другой день к казыю пришел Гайнулла, зажав под мышкой две хорошо проваренные утки. Он сказал примерно то же:

— Пожалуйста, казый-эфенди, не забывай о моей просьбе.

— Хорошо, хорошо,— отвечал казый и, шепча похвалу аллаху, взял у него уток.

Ровно через неделю к назначенному часу оба путника приходят к казыю. Каждый уверен, что выиграл спор именно он.

— Ну, казый-эфенди, скажи, кому на пользу каркала ворона? — спрашивают они его.

Казый отвечает:

— Решение мое взято из корана, потому истинно и непогрешимо. Напрасно вы ссорились и спорили, ворона каркала на пользу мне.

Вот так в давние времена два человека одурачили сами себя.

С РЕМЕСЛОМ НЕ ПРОПАДЕШЬ, БЕЗ РЕМЕСЛА ДНЯ НЕ ПРОЖИВЕШЬ

Давно, говорят, это было. Коза бороду носила, галка травы косила, ворона тесто месила, рыбы на суше жили, кони моря бороздили, а люди летать умели,— жил тогда знаменитый мастер. Не скопил он за всю свою жизнь ни добра, ни богатства, но вырастил единственную красавицу-дочь. И всем она была хороша: и лицом красна, и на язык остра, и на любое дело искусна. Слава о ней разнеслась по всей округе. И не было ни одного юноши, который втайне не мечтал бы покорить ее сердца. Самые именитые женихи слали к ней сватов, обещая богатство и знатность, но всем на это дочь мастера уклончиво отвечала:

Не нужны мне никакие сокровища, а нужен человек по душе,— и вежливо так выпроваживала сватов.

А у падишаха этих мест был неженатый сын. Весть о необыкновенной девушке дошла до него, и решил он посмотреть на нее своими глазами. Увидев, молодой падишах тут же влюбился в девушку и попросил ее стать его женой. На это мудрая девушка сказала так:

— Хоть ты и падишах, и власть твоя велика, но быть падиша-

хом — это еще не искусство. Если хочешь жениться на мне, обучись какому-нибудь ремеслу. Станешь мастером своего дела, тогда и выйду за тебя замуж.

Услышав эти слова из жемчужных уст красавицы, сын падишаха очень удивился, но сказал:

— Хорошо, душа моя, будь по-твоему. Только дай мне год сроку. За это время обучусь какому-нибудь делу, тогда и вернусь за тобой.

Сказал так и ушел.

Возвратившись во дворец, призвал падишах ковроделов со всего государства и объявил им:

— Кто обучит меня за год своему искусству, того щедро отблагодарю и назначу своим главным ткачом.

Вызвался один седобородый старец лет восьмидесяти:

— О падишах, мой повелитель... Я обучу тебя, только не забудь своего слова.

На том порешили, и падишах стал учиться ткать ковры и паласы.

Верно говорят: за делом время быстро летит. Незаметно прошел год. Прилежанием и терпением падишах постиг секреты старого мастера и в совершенстве овладел тонким искусством ковроделa. На радостях одарил он своего учителя богатством и сделал главным ткачом. А сам, как обещал, женился на той необыкновенной девушке.

Богатую свадьбу сыграли. Сорок дней, сорок ночей пировали. И я там был. Народ ел-пил, а я губы облизывал. Кто видел, тот сам знает, а кто не видел — тому молва донесла. Но вот кончилась свадьба, и стали молодые вместе жить.

Много ли, мало ли времени прошло, и вот однажды отправился молодой падишах осматривать свои владения. Долго путешествовал он, много мест объехал и очутился у стен незнакомого ему города. Только въехал в ворота, как на голову ему накинули мешок, повалили, связали, бросили в арбу и повезли неведомо куда. А когда привезли и сняли мешок, увидел падишах, что стоит в огромной комнате. И там, кроме него, полным-полно людей, и все без одежды, почти голые. Увидев это, ужаснулся падишах: «О аллах, что за чудеса? В какую беду я попал, и что со мной здесь сделают?» — подумал он и от страха потерял дар речи. И пока сидел он, окаменевший от испуга, подошел к нему человек и резко сказал:

— Ну, что ты глаза вытаращил? Здесь тебе одежда не понадобится,— снял с него одежду и унес.

Только закрылась за ним дверь, падишаха окружили эти голые люди и стали расспрашивать: кто он такой, откуда и как попался в руки этих злодеев. Тут падишах очнулся, к нему вернулся разум и способность говорить.

— Что это за страна, что это за люди, и где это мы находимся? — спросил он.

— В таком-то мы городе,— ответили они.— Как и тебя, нас схватили, сюда вот загнали. А что делать с нами будут, и сами не знаем. Каждый день выбирают из нас по сто человек. И из тех, кого увели, еще никто не вернулся обратно...

В то время, пока они так разговаривали, открылась железная дверь, и вошли стражники с саблями и кинжалами за поясом. Выбрали они из голого народа несколько человек. Среди них оказался и наш падишах. Ведут их стражники по темному подземному ходу, и на каждом шагу попадаются им истлевшие кости людей, замученных здесь голодом и непосильной работой. Увидев это, падишах испугался еще больше. Но, преодолев страх, он подошел к одному из слуг и сказал:

— Отведите меня к вашему хозяину. У меня к нему есть важное дело.

Тот в ответ только усмехнулся:

— Мы и без хозяина знаем, как твой жир протрясти да семь потов из тебя выжать.

— Напрасно смеешься,— ответил падишах,— я могу принести вам куда больше пользы, чем вы думаете...

Услышав слово «польза», разбойник перестал смеяться.

— Что же ты умеешь делать? — спросил он недоверчиво.

— Я могу ткать дорогие ковры. За них во дворце падишаха дадут вам большие деньги.

Тогда нашего пленника отвели в ту комнату, где находился главный разбойник. Тут падишах и рассказал ему о своем искусстве. Понравилась главарю эта затея. Приказал он слугам одеть и отвести пленника в одну из комнат и велел ему начать там работу. Того одели, отвели куда надо, дали необходимое. И начал падишах ткать ковер.

Ровно через месяц первый ковер был готов. И получился он таким богатым, нарядным и красивым, что разбойники тут же понесли продавать его во дворец, а ткачу приказали начать новый.

Пусть пока они в пути, падишах пусть узоры ткет, а мы с вами перенесемся во дворец.

Никому не сказала жена падишаха об исчезновении мужа. Облачившись в его одежды, надев корону, стала она вместо него править страной. По прошествии двух месяцев со дня отъезда падишаха подходят ко дворцу торговцы коврами и предлагают ковер невиданной красоты. Придворные глаз от него отвести не могут, но денег, чтобы купить его, у них не хватает. Весть о чудесном ковре доходит до жены падишаха, и велит она принести его к ней. С первого взгляда узнает она работу своего мужа. Потому что в узоре цветов и трав незаметным для постороннего взгляда он выткал свое имя. Жена падишаха дает цену, запрошенную купцами, и говорит.

— Если будут у вас такие же ковры, несите их мне.

Два года провел падишах в заточении, и за это время через разбойников переслал жене десять ковров, на которых скрытыми зна-

ками сообщил ей о своих злоключениях. Так жена падишаха узнала, где и в чьих руках находится муж.

Когда принесли ей последний — десятый ковер, жена падишаха приказала взять торговцев под стражу и снарядить тысячное войско. Сказано — сделано. Торговцы брошены в темницу, и войско готово к походу.

Оседлав белого коня, жена падишаха во главе войска направляется в город, где томится ее муж. Жители того города с большими почестями встретили ее, но никто не знал, зачем она пожаловала к ним, да еще с таким огромным войском. А она же, не теряя времени, направилась к дому, указанному мужем. Им оказался дом городского правителя. Жена падишаха приказала схватить хозяина и всех слуг. Дом обыскали и в темных подвалах нашли горы костей замученных пленников, из сараев извлекли груды награбленной одежды, а в одной из комнат обнаружили обросшего бородой, изнуренного работой падишаха.

Жена падишаха сразу узнала своего мужа и, не подавая виду, приказала посадить его на коня и проводить во дворец.

Тем временем в одном из амбаров обнаружили несметное количество золота и серебра, награбленного правителем и его разбойниками. Все только диву давались, особенно жители города.

— Ну и разбойник, ну и кровопийца,— причитали они,— а мы-то считали его святым человеком.

Жена падишаха распоряжается выстроить в один ряд правителя и его шайку и привести сюда всех узников.

— Пусть каждый из вас,— говорит она им,— сам рассчитается со своими мучителями.

Так узники, а потом и жители города расправились с разбойниками. А жена падишаха раздала людям награбленное богатство и вслед за мужем отправилась во дворец. Там она отмыла его в бане, приказала сбрить с него усы и бороду и одела в падишахские одежды.

— Вот, муж мой,— сказала она ему,— то, что ты падишах, не уберегло тебя от беды, а твое умение спасло от верной смерти. Потому и говорят, что с ремеслом не пропадешь, а без ремесла и дня не проживешь.

Падишах оценил мудрость своей жены и поблагодарил ее. С той поры стали они жить счастливо, в мире и согласии.

На том и сказке конец. Сам не видел, но что от людей слышал — слово в слово пересказал.

ПРАВДА СПАСАЕТ, А НЕПРАВДА ПОДВОДИТ

Рассказывают, что в одном падишахстве были воры, которые всех людей держали в страхе. И так ловко они орудовали, что их никто не мог не только поймать, но даже увидеть. Думал, думал падишах, делать нечего, решил сам отправиться искать тех воров. Никому ничего не сказав, он переоделся в рваные старые одежды и ушел из дворца.

Шел он, шел, говорят, и дошел до пустыни, там он увидел огонь. Подходит он — костер в пещере горит, три человека у огня о чем-то толкуют. Подошел падишах ближе, поздоровался, о том, о сем поговорил и спрашивает у них:

— А кто вы такие?

Трое вопросом на вопрос:

— А сам ты кто будешь?

— Но ведь я первый спросил, значит вы мне первому должны отвечать,— говорит падишах.

А трое не уступают.

— Нет уж, сначала ты говори.

Ну, ясное дело, заспорили: «Нет, сначала вы, нет, сперва ты...» Долго это они так спорили, наконец, трое согласились сказать, кто они. Первый из них говорит:

— Мы воры. Но у всех у нас есть по одному умению. Я, к примеру, собачий язык понимаю и знаю, о чем собаки говорят.

Второй говорит:

— А я по запаху земли около сарая могу определить, что в нем хранится.

— А я,— говорит третий,— если кого ночью увижу, днем узнаю.

Настал черед падишаха своим ремеслом хвалиться. Ну, делать нечего, падишах и говорит:

— Стоит мне подмигнуть, и падишах, если вдруг мы попадемся, освободит нас.

Уж как обрадовались воры.

— Тогда прямо сейчас и пойдем во дворец к падишаху,— сказали они.

И под покровом ночи отправились они во дворец. Только пробрались через ворота, залилась, залаяла собака.

Первый остановился:

— Собака говорит, что хозяин дворца с нами.

— Это я-то хозяин дворца? Держите меня, а то я сейчас упаду! — так сказал падишах, и ему поверили.

Падишах повел своих спутников к сараю, где хранилась мука. Второй вор взял горсть земли, понюхал, пошмыгал носом и говорит:

— В этом сарае мука хранится. Нам другой сарай нужен.

Повел падишах своих знакомцев к другому сараю, где золото хранилось. Опять второй взял горсть земли, понюхал и говорит:

— Вот тут золото.

Вместе с ворами и падишах прокрался в сарай. Взяли они черыре мешка золота и ушли никем не замеченные.

На другой день падишах нашел какой-то повод, покинул своих ночных знакомых, вернулся во дворец и сел на трон. Тут приходят стражники и докладывают.

Так и так, сегодня ночью неуловимые воры восемь мешков золота украли.

Падишах приказывает своему несметному войску все падишах-

ство перевернуть, а найти воров и привести. Но сколько ни искали, воров не нашли. Тогда падишах сам сказал, где надо искать воров, и велел привести их во дворец.

Большое войско отправилось в пустыню, где, по словам падишаха, прятались воры. И надо ведь! Нашли воров, поймали и привели во дворец. Падишах велел по одному приводить к нему воров на суд.

Ввели первого. На вопрос падишаха он сказал:

— Да, украли мы золото, четыре мешка.

Потом второго привели и тот говорит:

— Мы четыре мешка золота украли.

А перед тем, как позвать третьего, падишах изменил свое обличье, даже маску на лицо надел. Ведь третий говорил, что узнает днем того, кого видел ночью. Вот сидит на троне падишах, на себя не похожий. Привели к нему третьего вора. Падишах и спрашивает:

— Сколько золота украли вы из моего дворца?

Третий вор посмотрел на падишаха, усмехнулся и говорит:

— Ты и сам хорошо знаешь, что четыре мешка, сам с нами был.

Очень удивился падишах. Ведь как он старался, свою внешность менял, а вор все равно его узнал. А еще падишах понял, что страшны-то не воры, которые воруют, а те, которые честными прикидываются. И велел он стражников казнить за обман, а воров за их правдивость визирями сделал.

О КРИВОЙ БЕРЕЗЕ

Жил в незапамятные времена весьма сметливый небогатый человек. В тех же краях поселился богатый человек, который очень любил хвастать и считал себя большим умником.

— Меня не обманет ни один хитрец! — горделиво повторял хвастун.

Однажды шел тот богач по дороге и увидел издалека сметливого бедняка, который стоял, прислонясь к кривой березе.

Подошел хвастун к нему и сказал:

— Тебя, дружок, считают ловким да сметливым. А ну-ка, попробуй перехитрить меня!

На это сметливый ответил:

— Почему бы и не попробовать? Я перехитрил бы тебя, да вот беда, нет при мне мешка с хитростями, дома я его оставил.

— Поди принеси свой мешок, а я подожду тебя здесь,— сказал хвастливый.

— Я бы охотно пошел, да не могу,— сказал смеливый.— Видишь, как береза покривилась? Стоит мне отойти — она и повалится.

Услышал хвастун эти отговорки, рассердился и крикнул:

— Ступай и неси скорее свои хитрости! До твоего прихода я сам буду подпирать березу.

Ушел сметливый, да так и не вернулся. А глупый хвастун так до этого дня, говорят, стоит и кривую березу подпирает.

Мифы и легенды чувашей

БУРТАСЫ И ЧУВАШИ

В 80-ти километрах от Саратова стоит ныне районный центр Новые Бурасы. Вырос он на месте села Старые Бурасы. Что же значит это слово — «бурасы»? Священник села Старые Бурасы Александр Соловьев в 1889 году в очерке, посвященном своему селу, так отвечал на этот вопрос: «Основание села Старых Бурас относится к допетровскому времени и получило название от дикого народа — Буртас,— производивших набеги на означенную местность. Село Старые Бурасы находится от Саратова в 80 верстах, расположено по обоим берегам реки Медведицы».

О буртасах историкам еще менее известно, нежели о булгарах. Одни не прочь видеть в них потомков хазар, другие — булгар. Буртасы жили по берегам Волги в нынешней Саратовской губернии. По словам многих арабских писателей, народ этот обитал между хазарами и волжскими булгарами. «Буртас,— говорит Якут,— есть имя народа, города и земли, лежащей к северу от земли Хазарской, с которою она граничит. Между этою землею и Хазарскою нет никакой другой. Буртасы исповедуют мусульманскую веру. В городе Буртасе есть мечеть соборная и мечеть простая. К западу (к северу? — вопросительно поправляет Сенковский) от него лежит город Сивар, где также есть две мечети, простая и соборная. Буртасы имеют свой собственный язык, отдельный и от турецкого, и от булгарского. Истархи пишет, что народонаселение каждого из этих двух городов не превышает десяти тысяч душ. Буртасы строят себе деревянные дома, но живут в них только зимою: летом же расходятся по юртам. От Идиля, столицы хазаров, до города Буртаса считается двадцать дней езды (около семисот пятидесяти верст), и вся длина Буртасской земли (по Волге) составляет также около двадцати дней езды.

Отсюда, по мнению Сенковского, очевидно, что город Буртас находился в окрестностях нынешнего Саратова, и протяжение Буртасской земли должно полагать, приблизительно, от Сарепты до Симбирска. Хаджи-Калфа различает два поколения буртасов: одно, говорит он, обитало к северу от Хазарской земли, другое кочевало вместе с турками (узами). Шукр-Аллах и Мухаммед-эль-Мукаси, комментаторы, жившие первый в XV, а второй в XVI веке, утверждают, что одно из этих поколений сожигало мертвых, а другое погребало их в земле; что они были в беспрерывной войне с печенегами и повиновались государю Хазарскому. По словам Ахмеда-Туси, персидского писателя XII века, только часть этого народа исповедовала Магометанскую веру; он говорит, что буртасы славились грабежом и разбоем, и что у них существовал странный обряд при избрании царя, известный, впрочем, хазарам и некоторым турецким поколениям средней Азии: избранному сжимали они горло поясом и спрашивали, сколько лет желает он царствовать; тот обыкновенно сказывал такое число годов, какое вспадет на язык во время этой пытки, и если потом он царствовал долее, они его убивали. Буртасы, сколько известно, жили в этих местах с IX до половины XIII века. Плано Карпини, который называет их брутаками, и Степенная Книга показывают их в числе народов, побежденных монголами; Масуди упоминает, что в 913 году они содействовали к истреблению руссов, спасавшихся на левый берег Волги от меча хазаров (это приписывается и булгарам), а Ибн-Хаукал, что русские разорили страну буртасов в 989 году (по другим сведениям это — поход Святослава на булгар).

Буртасы, кроме разбоев, занимались также земледелием, и из их земли вывозились чернобурые лисьи меха, которые славились по всему мусульманскому Востоку под именем буртасских и продавались так дорого, что одни только цари могли покупать их.

Куда же делись буртасы? Некоторые исследователи полагают, что после нашествия монголов они смешались с местными финно-угорскими племенами и стали называться чувашами. Другая, более распространенная точка зрения предполагает, что основную роль в этногенезе чувашей сыграли тюркоязычные волжско-камские булгары, заселившие в последней четверти 1-го тысячелетия н. э. лесостепные районы правобережья Волги, смешавшиеся с племенами последнего этапа городецкой культуры и пьяноборской культуры, причем булгарский элемент был преобладающим.

Массовое переселение булгар-суваров (сувазов) на правобережье Волги,

вызванное разгромом Булгарии монголо-татарами в XIII—XIV веках, усилило тюркизацию местных племен, сыграло решающую роль в образовании двух основных этнографических групп чувашей — верховых (вирьял), обитающих в северо-западной части Чувашии, и низовых (анатри) — в северо-восточной и южной частях. Промежуточную территорию занимает переходная группа средненизовых (анат енчи), близкая в языковом отношении к вирьялам, а в бытовом к анатри.

Чувашская народность в основном сформировалась к XVI веку (этноним «чуваши» восходит к одному из булгарских племен — суваз, или савваз). От булгарских предков чуваши унаследовали технику земледелия, ремесленные производства, многие элементы материальной и духовной культуры. Присоединение чувашей к Русскому государству (1551) освободило от ига Казанского ханства и имело большое положительное значение для развития чувашского народа. От русского народа чуваши восприняли усовершенствованные орудия труда, типы жилищ, одежды и другие элементы культуры. С включением чувашей в Россию они не только облегчали свою участь (чувашские ясашные крестьяне платили Казанскому хану 13 видов податей, выполняли ратную и трудовую повинность), но и смогли приступить к мирному периоду своей истории, так как до завоевания Казани Иоанном Грозным столкновения русских и татарских войск зачастую происходили на территории Чувашии. Чуваши, таким образом, оказывались между двух огней. Волей-неволей им приходилось выбирать, под чью руку — татарского хана или московского царя — им отложиться. Чуваши выбрали ориентацию на Москву. В конце 1546 года чуваши и горные марийцы восстали против казанских феодалов, а в мае — июне 1551 года добровольно приняли русское подданство, и в 1552 году они деятельно помогали русским войскам в овладении Казанью.

Русское государство укрепило свои позиции, построив города крепости: Свияжск (1551), Чебоксары (первое упоминание в летописях в 1469 году, основан как город-крепость в 1555), Алатырь (50-е годы XVI века), Цивильск (1584—1590), Ядрин (1590), которые вскоре стали торгово-ремесленными центрами. Тогда же были проложены Кубнинская (3-я четверть XVI века), Тетюшская, Карлинская и Алатырская (1578) засечные черты, защищавшие край от нападений кочевников.

В Чувашии получило распространение землевладение русских светских и духовных феодалов (в середине XVIII века в крае числилось свыше 200 помещичьих и 8 монастырских владений).

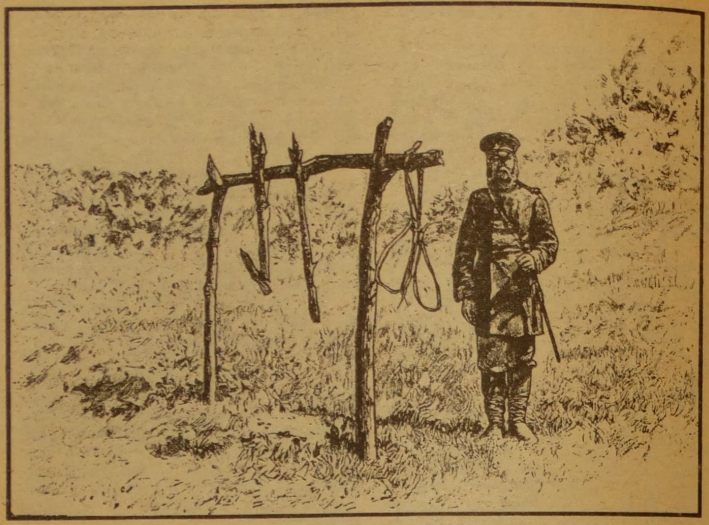
Во 2-й половине XVI—XVII веках чуваши заселили «дикое поле» в южных районах Чувашии, опустевших в XIV—XV веках, что увеличило посевные площади. Значение охоты и бортничества падало, развивалось пасечное пчеловодство, заимствованное от русских.

В чувашских селах развивались промыслы по обработке дерева, кожи, шерсти, волокна и прочие. Во 2-й половине XVII века в городах Чувашии возникли кожевенные, винокуренные, салотопенные и другие предприятия. К середине XIX века насчитывалось здесь около 150 прядильных, шелкопоясных, кирпичных, меднолитейных и других мелких предприятий, до 15 вотчинных кожевенных, суконных и других мануфактур, имелись стекольная и суконная фабрики.

Чувашские крестьяне в царскую казну платили хлебный и денежный ясак, ямские, полоняничные и прочие деньги, несли городовое дело и другие трудовые повинности, поставляли в армию по одному воину с трех ясачных дворов. На ясачных людей распространялось крепостное право. В 20-х годах XVIII века ясачные чуваши были включены в разряд государственых крестьян, ясак заменен подушной податью и оброком, размеры которых в XVIII—1-й половине XIX века росли.

В XVI—XVII веках территория Чувашии управлялась Приказом Казанского дворца, в начале XVIII века она была включена в состав Казанской и Нижегородской губерний, по административной реформе 1775 года вошла в Казанскую и Симбирскую губернии.

В начале XIX века четверть чувашских крестьян передана уделу. В 1837—1841 годах в Чувашии проведена реформа управления государственными крестьянами, вызвавшая недовольство крестьян; в 1841 году начались волнения, переросшие в 1842 году в вооруженное восстание (Акрамовскую войну), в котором участвовало 10 000 чувашских и марийских крестьян. Вообще ни одно крестьянское восстание не обходилось



Место для жертвоприношений у чувашей. Рисунок с фотографии XIX века

без деятельного участия чувашей (1571—1573, 1606—1610, 1615—1616, 1634, 1670—1671, 1774).

Община как форма социальной организации сельского населения у чувашей сохранилась вплоть до 30-х годов XX века. В XVIII — начале XX столетий существовали две основные ее формы — простая, объединявшая жителей одного поселения, и сложная, включавшая крестьян нескольких поселений. Существовали национально-смешанные общины, главным образом чувашско-русские, чувашско-русско-татарские. Сохранялись пережиточные формы родственной и соседской взаимопомощи (ниме). Основной хозяйственной и социальной ячейкой внутри общины во 2-й половине XIX века стала малая семья. Доля больших неразделенных семей уже к XVIII веку была невелика. Именно в семье наиболее стойко сохраняются обрядовые традиции, обычаи и уклад патриархальной жизни. До наших дней дошли некоторые обряды, в основном свадебные и похоронные.

В 1707 году русское правительство открыло первую школу для детей нерусских народов Поволжья; во 2-й половине XVIII века в Казани и Свияжске действовали новокрещенские школы, которые окончили около 500 чувашских мальчиков. С начала XIX века в чувашских селах были открыты приходские, удельные и казенные училища, которых к 1860 году действовало более 60. Преподавание велось на русском языке.

В 1870-х годах в школах стали преподавать и на чувашском языке. Инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлев (1848—1930) основал в 1868 году Симбирскую чувашскую школу, которую до 1917 года окончило свыше 1000 учителей. Он разработал алфавит, создал чувашскую письменность, издавал книги (до 1917 года на чувашском языке издано 711 книг).

П. НИКОЛАЕВ

ЧУВАШИ́, чаваш (самоназв.), народ в СССР, коренное население Чувашии, живут также в Татарии, Башкирии, в Самарской, Ульяновской, Оренбургской, Саратовской, Кемеровской, Свердловской, Тюменской обл., Красноярском крае, Казахстане. Числ. в СССР 1 751 000 чел., в т. ч. в Чувашии 887 700 человек. Относятся в осн. к субуральскому варианту уральской переходной расы. Чуваш. язык образует булгарскую подгруппу тюркской группы алтайской семьи, делится на диалекты низовой и верховой. Письменность на рус. графич. основе. Распространен также рус. яз. Верующие — православные.

Этнич. основу чувашей составили тюркоязычные племена булгар и суваров, пришедшие в последней четверти I-го тыс. н. э. из приазовских степей в лесостепные р-ны Волго-Камского междуречья и ассимилировавшие местное финно-угорское население.

Осн. традиц. занятие — пашенное земледелие, были развиты также хмелеводство, огородничество, пчеловодство. Распространялись кустарные промыслы: колесный, бондарный, столярный, а также веревочно-канатное, рогожное произ-во. Традиц. прикладное иск-во — вышивка, узорное ткачество, резьба по дереву.

Наиболее ранние типы расселения — речной и приовражный. Дом среднерус. типа с трехраздельной структурой: изба — сени — клеть. Пережиточная форма древней срубной постройки — лась (в прошлом без потолка и окон, с открытым очагом) модифицирована и служит летней кухней.

В основе народного костюма — туникообразная рубашка (кепе), у женщин богато украшенная вышивкой, подвесками, и штаны с широким шагом (йем). Верхняя одежда — кафтанообразная (шупар), осенью — поддевка (сахман), зимой — шубы из овчины (керек). Головные уборы: женский — хушпу — шапочка в форме усеченного конуса с длинной лопастью сзади, украшенной монетами, бисером; и чалма из треугольного куска ткани; девичий — тухъя полусферической и шлемовидной формы. Обувь — лапти, сапоги.

Чуваши. Рисунок XIX века

В традиц. пище преобладают растит. продукты. Распространены супы (яшка): бульоны с приправами, похлебка с клецками, каши; пироги: хуплу — большой круглый пирог с мясом, кукаль — пирог с крупой, капустой, ягодами; молочные блюда: турах — кислое молоко, уйран — пахтанье, чакат — творожные сырки; мясные блюда: шартан — колбаса из овечьего желудка, начиненного мясом и салом, тутармаш — вареная колбаса с начинкой из крупы, рубленого мяса или крови.

В фольклоре наиб. развиты песенный и сказочный жанры, календарная поэзия. Популярны сказания «О взятии Казани», о С. Разине, Е. Пугачеве. Старинные муз. инструменты — пузырь (шапар), волынка (сарнай), гусли. (Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник». М., «Советская энциклопедия», 1988)

ЧУВАШИ

В русских летописях впервые о чувашах упоминается по случаю построения у устья реки Суры города Васильсурска в 1524 году. Во время движения русского войска к этому месту оно имело бой, причем побито было много чувашей. Более основательно говорится о них по поводу основания города Свияжска в 1561 году, когда чувашей «привели к правде». До этого времени они находились в полнейшем порабощении татар, состоя в зависимости от татарских князей и мурз, что продолжалось вплоть до принятия ими крещения в 1743 году.

Во время монголо-татарского владычества и основания затем Казанского царства при распространении ислама чуваши очутились в полной зависимости победителей, сделались даже крепостными князей и мурз, в угоду коих приняли некоторые наружные обряды мухаммедан. С водворением русских они причислены к христианству. Несмотря на все эти переходы, чуваши ныне сохранили в себе очень много первородного, своеобразного, что, разумеется, не могло бы быть, если б существовала более тесная связь с финским либо татарским племенем.

Чуваши в преданиях сохранили мало, они толкуют смутно, и то самые разумные, об общем происхождении своем от мужчины и женщины, о всемирном потопе, о смешении языков, коих насчитывают до 77, но из них главных только 6: татарский, чувашский, черемисский, мордовский, калмыцкий и русский. Они говорят, что пришли из-за Черного моря и из-за далеких гор. Своим предком, родоначальником, они считают чуваша.

Свыкаясь с физиономиею чуваша, всматриваясь в ее отдельные черты и сравнивая их с другими народностями Казанской губернии, нельзя не прийти к заключению, что выдающиеся скулы, узкий разрез глаз и покатый лоб суть непременные признаки чувашского типа. Лицом они смуглы, глаза карие или черные, лоб узкий, нос тонкий разного очертания, зубы белые, роста среднего, походка тяжелая переваливающаяся при сильном махании рук. Волосы у них темно-русые, усы и борода густые, ровные, свивающиеся иногда в виде пряди. У женщин узкий разрез глаз и выдающиеся скулы еще больше заметны, чем у мужчин. Одежда мужчин совершенно схожа с русской.

Женская одежда более разнообразна, причем многие местности имеют свои характеристические оттенки одежды, тем не менее, по некоторым предметам всеобщей носки легко признать чувашку.

Селения чувашские имеют свой особый, им принадлежащий вид, имеющий свое историческое происхождение вследствие монгольского нашествия и неприязненного обращения с ними вслед за признанием ими русского подданства. Желая избегнуть всяких столкновений и сохранить свое имущество и жен, чуваши удалялись с более открытых мест, где несколько столетий сряду занимались земледелием и скотоводством, и поселялись в дебрях и лесах

вдали от проезжих, на глубине оврагов и возле проточной воды.

Избы их внутри от постоянной копоти как бы покрыты глянцем. Пол не кладется, а делается из битой глины, имея вид, как стены и все остальные предметы внутренности, совершенно черный. Другой мебели кроме нар шириною в рост человека нет, под нарами устраивают подполье для хранения ценных вещей и других принадлежностей.

Чувашенки. Рисунок Е. Корнеева, 1812 год

Чуваши в общей сложности народ зажиточный, представляют в этом случае резкую противоположность с татарами. Между ними почти нет нищих, по крайней мере их редко можно встретить в чувашской деревне, а исправный платеж податей доказывает как состоятельность, так и порядочность распределения их жизни между отдыхом и занятиями. Редкий из крестьян не имеет у себя в амбаре годового запаса хлеба, притом если не больше, то он уже считается беднейшим между односельцами, из коих многие хранят еще дедовский хлеб. Тем не менее как бедный, так и богатый одеваются одинаково неприхотливо — в онучи и лапти, и единственным признаком степени их состоятельности служит большей или меньшей величины двор с разной постройкой и в особенности большое число амбаров, ульев и разной скотины.

Несмотря на то, что чуваши живут разбросанно своими семьями и дворами, ведут жизнь аккуратную и неприхотливую, нельзя отвергать, чтобы они не любили общества, не ходили бы сами в гости и не принимали бы их к себе. В свободное от занятий время, особенно по вечерам, они засиживаются друг у друга до поздней ночи и, выкуривая трубку за трубкою, сидят хозяин и его дос, т. е. человек, которому он дал обет неразрывной дружбы, либо хороший знакомый, родственник, рассказывая всё то, что недавно видели и слышали в городе, на базаре, рассуждая об урожае и сбыте

хлеба и даже торговле, кто ею занимается. Занимающиеся торговлею и более присмотревшиеся к лучшей жизни соблюдают опрятность и чистоту и потому не только их избы ничем не отличаются от опрятных и чистых русских изб, но и посуда, киот или божница содержатся в щеголеватом виде. У таких крестьян можно найти и русскую баню.

Русские всех чувашей зовут Васильями Ивановичами, причем предание говорит, что иеромонах Пуцек-Григорович, впоследствии казанский митрополит, обращавший чувашей в христианство, крестил их целыми толпами, давая им свое светское имя Василий, восприемником же был диакон Иван Афанасьевич, получивший потом место в одном из чувашских приходов.

Чуваши смотрят на свою жену как на человека, которого они должны любить, как на существо им вместе с тем вполне подчиненное и способное быть не только подспорьем мужа, но и трудиться в одинаковой с ним мере. От этого нигде вероятно женщины не работают так усердно дома и в поле, как у чувашей; нигде они не ездят так лихо верхом, как там, зато также этот двойной труд не остается без хороших вознаграждений, как для дома, так и для жены. Украшения и наряды женщин, сообразно вкусу чувашей, отличаются не только своим числом, но и богатством, и если б чувашам была известна ценность некоторых драгоценных камней, если б они в своей глуши имели понятие о других украшениях, то вероятно бы все это неминуемо появилось на руках, шеях, в ушах и на головах их жен.

Учение чувашских детей и распространение грамотности идет довольно туго и к народу не привилась еще вполне сознательная охота к обучению детей.

Вообще нельзя сказать, что дело обрусения не шло вперед, много вспомоществуемое новым поколением, для которого русский язык то же самое, что для татарского арабский, т. е. щегольство речи. Но ежегодный процент приращивания развития между чувашами идет медленнее, нежели как следовало бы этого ожидать, судя по успехам учеников. Они не только показали способность к развитию, но в будущем обещают гораздо больше, выказывая хорошие призвания к той или другой отрасли деятельности. Так появились священники из чувашей, более значительные торговцы, писаря, сельские учителя, и все они ни в чем не уступают русским, напротив того, как только они успели стряхнуть с себя вековой мох угнетения, дикости и затворничества, во многих случаях чуваши выказывались очень способными и не менее сметливыми, чем русский крестьянин. Между ними появился даже писатель Михайлов на русском языке, который помещал в «Казанских губернских ведомостях» ряд интересных статей о своих собратьях и удостоился даже быть членом сотрудником Императорского русского географического общества.

Чуваши редко ссорятся между собою и далеко не мстительны, но выведенные из терпения похожи на зверя, который рвется и ме-

чется во все стороны, не зная, как и чем причинить наиболее вред обидевшему. В прежнее время их мщение заключалось в том, что они вешались на дворе обидевшего. Тогда приезжал суд, начиналось следствие и нескончаемые притеснения не только хозяину того дома, где совершилось преступление, но и целой деревне. Такое несчастье называлось у них сухою бедою.

Как неприхотливы их желания на земном поприще, так одинаково они просты для посмертной жизни. По понятиям чувашей, добродетельные люди будут наслаждаться счастием в будущей жизни в светлой и удобренной стране. У них будут красивые дома, хороший скот, много товаров, столько же хлеба, богатая одежда и вдоволь пива и меду. Их ожидает вечная жизнь, постоянное довольство, веселье и всякие наслаждения.

Напротив того, недобродетельного человека ожидает полнейший физический и душевный недостаток. Ему предстоит жить в аду, в котлообразной бездне среди постоянных мучений, которые уже начинаются по пути следования в эту бездну.

Выбор невесты в полной мере зависит от женихов, но не от их родителей. Из них более осторожные и благоразумные не ограничиваются тем, что увидят только девушку, многие из них желают знать об образе мыслей, их способности хозяйничать и потому уговаривают своих односелок пригласить девушку к себе на гулянье, например, в семик. Девушку заманивают, угощают на счет жениха пряностями, в то время как он ее высматривает и вслушивается в ее разговор. По отъезде ее жених обязан угостить тех односелок, которые сделали ему такое одолжение. Другие же, увидев девушку, отправляются в ее деревню как бы покупать хлеб либо другой товар для отца или брата и во время своего разговора высматривают девушку, которая в это время подает пиво и прислуживает при закуске. Наконец есть редкие случаи, что прибегают к свахам или сватам. Убедившись, что девушка соответствует требованиям, начинается сватанье и вскоре после того бывает и свадьба, обыкновенно в период от Петрова до Ильина дня, т. е. во время хлебного цвета, когда у чуваша считается за грех заниматься какою-либо работою, за исключением драть лыки. Невест по большей части выбирают из других деревень по той причине, что чуваши, селясь по семействам и родоначальникам, все между собою в родстве, но там, где это родство уж очень отдалилось, где деревня считает свыше 100 дворов, там случается, что чуваши берут себе в жены из той же деревни, что бывает однако реже, так как этим нарушается свадебный обряд, т. е. длинные поезды из деревни в деревню.

Обрядная сторона брака состоит из множества обычаев как чисто чувашских, так и заимствованных у русских и других соседей.

Через неделю, три и полгода молодые посещают родителей и родственников молодой. Каждый раз поезд увеличивается числом сопутствующих лиц. Посещения эти сопровождаются беспрерывным угощением, причем пиво и вино играют самую важную роль.

В третий раз тесть дарит своей дочери лошадь, корову, ульи или что иное и затем сам едет в гости к молодым, где продолжаются угощения до 3 и более дней. По истечении месяца после свадьбы молодая надевает сарпан, род тонкого полотенца, вышитого по краям и концам, которым чувашские женщины накрывают свою голову повседневно.

Согласно прежним известиям, чуваши-язычники имели по нескольку жен; кроме того, так как жена чувашей ценится по работе, то случалось прежде, что ленивых муж выгонял из дома, как ненужную вещь, не заботясь нисколько об их существовании. Чтобы иметь работящую помощницу, чуваши женились вслед за тем на других. Со времени же сближения с татарами, приняв от них многое наружное, они могли найти удобным и непротивозаконным иметь несколько жен, несколько работниц. Теперь это может быть как редкое исключение у некрещеных.

Разрешение женщин от бремени необыкновенно легко, что происходит как от хорошего их телосложения, так и от беспрерывного движения и работы среди семейных и хозяйственных нужд. По рождении ребенка у некрещеных чувашей, более зажиточных, немедля посылают за иомсею, который, умыв ребенка в корытце, разбивает над головою новорожденного два яйца, потом отрывает петуху голову и все выбрасывает за ворота в знак изгнания шайтана. Далее делаются какие-то заклинания над водою, чтобы предсказать судьбу ребенка, и потом иомся дает ему имя. После сего передается ребенок бабке. Другая женщина, как бы крестная мать, принимает его, надевает на него рубашку и отдает матери.

Одевают, содержат и воспитывают детей следующим образом: дитя завертывается в тряпки, подсыпанные мелко истолченной древесной гнилушкою. Потом укладывают его в лубки, дабы руки и ноги были прямы, и завязывают, оставляя лицо открытым. Мать питает младенца грудью, соски или рожки вовсе не употребляются. По истечении 4 или 5 месяцев перестают пеленать, одевая ребенка в рубашонку с красным воротником и начинают давать в пищу пережеванный хлеб с яйцами и молоком, пока ребенок не начнет ходить. Во время занятий матери она опоясывает ребенка веревкою, конец которой привязывает к крюку так, чтобы ребенок имел возможность ползать кругом себя, не трогая тех предметов, которые могут ему причинить вред. Как только прорежутся зубы, его сажают за общий стол и кормят яшкою. В остальное время он ест довольно крепкий сыр, приготовленный из творога.

Кафтаны суконные и лапти дети надевают, когда начинают бегать. Девочки кроме кафтанов носят балахоны. Дети от 7 до 10 лет помогают матери прясть. Этот же возраст во время летних работ остается дома смотреть за птицей, загонять скот и помогать старикам. От 10 лет мальчики начинают боронить, плести лапти и стеречь табуны. В 14 и 15 лет выезжают пахать, ездят зимою за дровами, привыкают к домашнему мастерству и справляют по силам всякую работу. В 18 лет их считают уже взрослыми. Девушки

12 лет помогают матери вышивать, а к 15 годам уже ткут, моют белье и готовят пищу.

Дочерей выдают замуж очень поздно, иногда 30 лет, тогда как мужу едва минуло 20 лет. Делается это для того, чтобы иметь жену крепкую, здоровую и работящую.

По смерти чуваша одна из родственниц разбивает над его головою два яйца, а старший из родственников отрывает голову петуху и все это бросается за ворота злым духам, которых просят не препятствовать покойнику перейти мирно на тот свет.

Умерший немедленно выносится на двор и омывается, зимою это делается в избе. Затем его одевают в лучшее платье и кладут в гроб в шапке и в рукавицах; за щеки кладут табак и деньги, а уши, ноздри, рот затыкают шелком для того, чтобы при допросе на том свете ему можно было отвечать: «ничего не слыхал, ничего не видал». Прежде хоронили их на другой же день, что впрочем и теперь также нередко делается по тесноте изб. Так как чуваши верят в продолжение жизни на небесах при тех же потребностях, как на земле, то до прихода священника они кладут под покойника в гроб на обзаведение на том свете все то, чем он занимался при жизни. Мужчина получает с собою тавлинку и табак, несколько вина, пива; если был плотник, то топор, если пузырщик — то пузырь и другие принадлежности, а также и деньги, иногда значительные суммы. Женщинам кладут иглы, нитки, лен, холст и пр. Их также одевают в парадное платье с шапкою на голове и в рукавицах. Если умерший был очень безобразен при жизни, чего чуваши боятся, то гроб крепко закрывается, иногда железными обручами. Бывали случаи, что покойников прибивали под сердцем, а также ноги гвоздями ко гробу, полагая лишить его возможности вставать и пугать людей. При выносе покойника из избы ему кидают вслед зажженное тряпье или обливают раскаленный камень водою, выражая этим желание, чтобы он одинаково быстро перешел на тот свет, как улетучивается дым.

Покойника иногда не везут на телеге, не несут на руках, но даже и летом тащат на санях и с колокольчиками на кладбище. Там вырывают яму, становят два кола у изголовья и в ногах и на них свечи. Направление могилы от запада к востоку. Затем родственники начинают прощаться с покойником, прося поклониться всем родным, его опередившим, после чего зарывают в могилу. По окончании сего присутствующие едят и пьют пиво, бросая кусочки и отливая пиво на могилу. Затем начинаются поминки, кончающиеся всегда общим опьянением. Платье покойника относится в амбар и хранится там на случай, если б оно ему понадобилось при возвращении домой. По окончании всех обрядов чуваши моются, переодеваются, признавая свое платье нечистым от прикосновения к покойнику и наконец снова угощаются.

Все эти похоронные обряды сохранились у чувашей несмотря на введение христианства.

«Живописный альбом Народы России», СПб, 1880

ЗЕМЛЯ УЛЫПА*

По рассказам древних стариков, в те далекие времена, когда людей на нашей чувашской земле еще не было, а лишь шумели сплошные дремучие леса,— с южных Арамазейских гор спустился Улып-Великан. Его послал на нашу землю бог-громовержец Аслати**, чтобы творить добро. Улып был огромного роста и обладал богатырской силой. Ему ничего не стоило перешагнуть большую реку. Высокие сосны были ему только по пояс.

Спустившись с гор, Улып увидел в долинах многочисленные стада. Их пасли очень маленькие, по его понятиям, люди. Скот, за которым они ухаживали, давал им пищу и одежду.

Улып забыл наказ отца Аслати, отобрал у людей скот и разорил их жилища. Выбрав самую красивую девушку, женился на ней и стал жить хозяином всех богатств здешней земли. Жена родила ему двух сыновей. Сыновья от отца-великана росли тоже богатырями-великанами. Они пасли стада и ходили на охоту. Их стрелы поражали любого зверя за семь верст.

В весенний праздник Калама*** умерла их мать. Улып погоревал-погоревал и пошел искать себе жену на родных горах Арамази.

День прошел, два прошло, три минуло, нет Улыпа. Сыновья забеспокоились и отправились на поиски отца. Поднялись на самую высокую гору и нашли своего отца прикованным к скале. Увидев сыновей, он сказал:

— За то, что я ослушался Аслати и вместо добра сеял зло, боги приковали меня здесь на вечные времена. Так что вы, дети мои, не сейте злые семена, не делайте людям вреда, а поселитесь среди них и живите в мире и согласии. Идите отсюда прямо на север. Через три дня вы дойдете до большой реки, впадающей в море, и продолжите ваш путь вдоль этой реки. Через семь лет вы придете в такое место, где река соединяется с другой такой же большой рекой. Здесь вы жертвоприношением умилостивите богов и попросите их, чтобы они помогали вам в дальнейшей жизни. А после этого — поселитесь: младший — между реками, а старший — по правую сторону той реки, которая впадает в море. Это будет родиной вашего племени. И если вы посеете на этой земле семена добра, ваши потомки будут помнить и почитать вас во веки веков.

Сыновья обещали выполнить наказы отца, попрощались и ушли. Зная, что больше он никогда уже не увидит своих сыновей, Улып заплакал горючими слезами. Его слезы растопили горные

Перевод с чувашского С. И. Шуртакова. Легенду «Девушка на Луне» перевели Н. Данилов и А. Нечаев, легенду «Корка хлеба» — С. Г. Григорьев.

* Улып — исполин, богатырь.

** Аслати — гром.

*** Калам — весенний праздник язычников-чувашей, совпадающий с Пасхой.

льды, и с гор потекли в долины ручьи, заливая зеленые луга. Луга покрылись красными и белыми цветами.

Сыновья Улыпа пошли со своими стадами на север. Вскоре им преградили путь горные люди, но они отбились от них и через три дня пришли к большой реке впадающей в море. Они назвали эту реку Адыл — Волга и ее берегом пошли дальше. Здесь им пришлось защищаться от нападений степных людей. Добрались они до горного кряжа, который рассекала река и за которым начинались густые непроходимые леса. Лесные люди тоже пытались остановить их, но они, при своей богатырской силе, легко справились с ними и продолжили свой путь.

Ровно через семь лет они пришли в то место, о котором говорил отец: здесь в Адыл вливалась другая столь же великая река. Братья остановились, в ближайшую среду зарезали утку и принесли ее в жертву богу-громовержцу Аслати.

— Грозный Аслати! — обратились братья с молитвой к богу.— От всего сердца приносим тебе эту жертву и просим сделать так, чтобы наше племя росло и крепло. Сохрани нас, о великий Аслати, от всех зол и бед, от врагов и недругов, от злых духов, от мора, от огня, от голода. Пусть наш скот плодится и наши стада увеличиваются. Пусть наши желания сбываются. Помыслы наши чисты, и мы надеемся, верим, ждем, что все так и будет!

После этого младший сын Улыпа поселился между реками, а старший занял правый берег Адыла вплоть до того места, где впадает в нее тихоструйная Сура.

Однажды старший сын охотился и забрел на другой берег Суры. Там он увидел поле, сплошь покрытое желтыми стеблями с колосьями. Он спросил у людей, которые работали на этом поле, кто они и что делают.

— Мы — русские, убираем созревший хлеб,— ответили ему.

С тех пор сын Улыпа сам начал корчевать леса и очищенные места засевать рожью.

Когда во время пашни в лапти набивалось много земли, великан снимал их и вытряхивал. На этих местах образовались большие холмы, которые и по сей день зовутся Землей Улыпа.

И весь наш народ ведет свое происхождение от племени Улыпа.

ГОРА ЧАБЫРЛЫ

В седую незапамятную старину на берегах Свияги жил Улып. Тогда там и леса росли гуще, и деревья были выше. Трава и та была такая, что в ней всадник с конем мог скрыться. Звери, водившиеся в степях и лесах, тоже были крупнее. Однако же крупнее и сильнее Улыпа-Великана не было никого.

Однажды Улып решил отдохнуть после охоты. Остановился он на берегу Волги, вытряхнул пыль из одежды, начал умываться. Одной рукой он черпал воду из Волги, а по другой руке, по шее и по спине вода стекала в Свиягу. Да так много воды натекло, что

Свияга разлилась. Захотел Улып прилечь, глядит — кругом сыро. Тогда он поднялся на гору Пушчу, что возвышалась между Волгой и Свиягой. Гора была покрыта дремучим лесом, и когда на нее лег Великан, ему показалось, что спину то тут, то там покалывает.

— На какую-то колючую траву что ли угадал,— проворчал Улып, поднялся и стал выдергивать с корнем деревья.

Из этих деревьев он сделал себе шалаш на берегу Свияги. «Только, пока я буду спать в шалаше,— подумал Великан,— как бы вода из речки не затопила его». И взял да и русло, по которому текла Свияга, повернул в сторону горы Пушчи. Текущая до этого места прямо, река пошла кружным путем.

Покончив с этими хлопотами, Улып, наконец, лег отдыхать. Как и все великаны, спал он долго. За это время разлив на Свияге кончился, река вошла в свое русло, и в том месте, где Улып вытряхивал пыль из одежды, глинистые прежде берега Свияги покрылись толстым слоем чернозема.

Богатырь еще спал, как на него напали пришедшие из южных степей враги. Окружили Великана, колют пиками, секут мечами.

— То ли плохо я умылся — потом лицо щиплет, то ли комары кусают,— ворчит во сне Улып, проводит ладонью по лицу и смахивает врагов, как обыкновенную мошкару.

Отмахивался он так во сне раз да два, потом проснулся. Видит — со всех сторон лезут на него полчища врагов.

— Вон какие это окаянные слепни мне спать не дают! — сказал рассерженный Великан.

Поднялся он во весь свой рост, махнул правой рукой — смахнул половину вражеского войска в Волгу, махнул левой — вторая половина в Свияге оказалась. В одном месте, в долине, какая-то часть войск уцелела. Так туда рассерженный Улып бросил горсть земли. Врагов земля похоронила, из нее образовалась целая гора. Гору эту потом назвали Горой Чабырлы. Она и по сей день видна издалека.

МОСТ АЗАМАТА

В очень давние времена жил спустившийся с гор Арамази Улып-богатырь. У него было много скота, и жил он в полном достатке и довольстве. Всякие беды и несчастья обходили его стороной.

Но однажды кто-то из богов, видно, разгневался, горы Арамази затряслись, загремел гром, засверкала молния, и полились нескончаемые потоки воды. Горные озера и реки вышли из берегов, и потоки воды устремились в долины и начали заливать луга, на которых Улып пас свои стада. Такого еще никогда не бывало, и Улып не знал, что делать, чтобы спасти свои стада. А луга с каждым днем затопляло все больше. Тогда Улып, при своей богатырской

силе, начал перебрасывать своих коров, овец, лошадей на более высокие, незатопленные места.

Три дня и три ночи трудился Великан, но скота у него было так много, что до окончания дела было еще далеко.

По соседству с Улыпом жил кузнец-богатырь Азамат. Решил Азамат помочь своему соседу. За семь дней и ночей он сковал узорчатый, сверкающий семью цветами мост. Один конец моста упирался в горы Арамази, другой опускался на волжские луга.

Улып со своей женой перегнал свои стада по этому мосту на волжский берег. И как только все стада перешли через мост, он исчез, стал невидим.

Теперь этот семицветный мост можно видеть только в ясную погоду после дождя. Вот почему чуваши возникающую после дождя радугу называют Мостом Азамата.

ЛЕГЕНДА О НАЧАЛЕ ХЛЕБОПАШЕСТВА*

Давным-давно, когда еще леса покрывали все берега Свияги и Суры и весь тот край, где они текут, подобно тучам, закрывающим небо во время грозы; когда еще люди кормились, убивая по лесам диких зверей, добывая из дуплистых деревьев мед диких пчел; когда бог богов могучий и великий Тора** помогал людям добывать пищу,— тогда жили на земле два брата.

Старший назывался Якишем, а младший — Велюком.

Якиш был злой, жестокий, коварный.

Велюк был очень добрый, как малое дитя.

Якиш убивал зверей и кормился мясом. Велюк собирал мед и кормился им.

Однажды Якиш пошел на охоту, но не убил ни одного зверя. Голодный и поэтому еще более злой, он пришел к брату. Тот в это время ел мед, собранный им в дуплах, где жили пчелы.

Старший брат попросил меду, и младший по доброте своей охотно поделился с ним. Якишу захотелось узнать, где находятся те пчелы, которые собрали такую сладкую пищу.

— Скажи мне, где гнезда пчел? — спросил Якиш.

Простодушный Велюк повел брата в лес и указал все дупла, которые знал.

Через несколько дней Якиш вздумал украсть меду из одного дупла и уже отломил кусок сотов и стал есть. Но он не отнес первый кусок сотов к священному дереву Киремети* в жертву богам, и Тора рассердился и приказал пчелам умертвить Якиша. Пчелы собрались из всех дупел и каждая ужалила вора.

---

* Тора — верховный бог в представлении чувашей в древности.

** Киреметь — божество.

Якиш умер, и пчелы также умерли, потому что оставили в нем свои жала.

Когда Велюк увидел мертвого брата и мертвых пчел, то стал плакать: ему было жаль брата и своих кормилиц.

В слезах он уснул и вдруг слышит во сне голос Торы. Тора велит ему взять теленка и облить водой; что будет с водой, то надо сделать и с мертвыми пчелами.

Проснулся Велюк, поймал теленка и облил его. Теленок отряхнулся, и вода светлыми каплями попадала на землю и ушла в нее.

Тогда Велюк, следуя повелению Торы, разбросал мертвых пчел и закопал их в землю.

Это были первая пашня и первый посев.

Скоро из земли появилась травка, на которой потом выросли колосья. Одни были покрыты точь-в-точь такими жалами, какими пчелы убили Якиша: на других зерна висели так, как висят на дереве рои пчел. К тому времени, когда Велюк обычно собирал мед, колосья поспели. Велюк выбил из них зерна, растер между двумя камнями, смешал с водой и стал есть вместо меда.

Так появился сюгур — хлеб.

А Якиш был унесен злым духом в преисподнюю. Там злой дух сделал из его злого сердца червей, убивающих теперь молодых пчел, а из тела сделал мышей, поедающих воровски тот хлеб, который добывается человекам.

САРЫЧ И ВОРОНА

Старики рассказывают, будто в стародавние годы на земле не было ни капли воды. Людям и всякой твари очень туго тогда приходилось. Пили только дождевую воду. А когда не было дождей, все страдали от жажды, тяжко мучились и умирали.

Люди, звери и птицы рыли землю, старались до воды докопаться, но никому это не удавалось.

Сарыч не отставал от других и тоже принялся искать воду. Он семь дней и семь ночей без отдыха долбил землю своим сильным клювом. На восьмые сутки пробился в яме ключик, чистый и прозрачный, как журавлиный глаз. Сарыч обрадовался, вволю напился прохладной, вкусной воды. «Вот очищусь от грязи,— подумал он,— и полечу, расскажу всем о своей находке».

А в это время пролетела мимо ворона. Она увидала ключик, вымазалась в грязи, будто и она копала землю, заторопилась и полетела.

— Кар-р! Кар-р! — закричала ворона человеку.— Я нашла воду!

— Век твоей услуги не забуду,— ответил ей человек.— Отныне ты будешь жить безо всяких забот. Всегда на всем готовом и никогда ни в чем не станешь нуждаться.

Только что успела ворона улететь, как появился чисто при-

бранный сарыч. Он радостно заговорил:

— Семь дней и семь ночей, не смыкая глаз, безо всякого отдыха я трудился, копал землю и докопался до родника чистой, прохладной и вкусной воды!

— Зачем говоришь неправду! — сердито сказал человек.— Не ты, а ворона добыла воду. Она сейчас была у меня с этой доброй вестью, и за это доброе дело я уже наградил ее. Отныне она будет жить без нужды и заботы. А ты, который вздумал присвоить себе заслугу другого, никогда не будешь пить воду из родника, отрытого вороной, а станешь утолять жажду, как и раньше, только дождевой водой! Кш-ш, обманщик!

После того сарыч много раз пытался рассказывать, что родник с ключевой водой отрыл он, но никого убедить не мог.

И говорят, что с тех самых пор сарыч никак не может пить воду ни из какого источника, а утоляет жажду только дождевой водой. Вот почему, когда нет долго дождя, он летает и жалостно кричит:

— Во-оды! Во-оды!

А ворона перед дождем только и знает, что во все горло каркает:

— Кар-раул, не надо! Кар-раул, не надо!

ОТЧЕГО ЛАСТОЧКА ДВУХВОСТАЯ

Рассказывают, что при всемирном потопе умный человек Ной построил корабль и взял на него всякой твари по паре. Мышь взяла да и прогрызла днище Ноева ковчега, а змея, увидев это, просунула в дырку голову и тем заткнула ее. Ной, в благодарность, посчитал нужным хорошо накормить змею и послал за пищей для нее слепня. Слепень полетел, поискал-поискал пищи, но ничего и никого не нашел, кроме человека. Впился он в человека, высосал из него сколько мог крови, а потом полетел к Ною.

— Что принес? — спросил его Ной.

Слепень только было высунул язык для ответа, как в ту же минуту подлетела ласточка и, чтобы он не наболтал что-нибудь злое о человеке,— хвать! — и откусила ему язык. Так, ничего не успев сказать, слепень, сердито жужжа, улетел.

Змея же, разозлившись на ласточку, прокусила ей середину хвоста. Оттого ласточка и стала двухвостой.

ПОЧЕМУ СОСНА И ЕЛЬ ВЕЧНО ЗЕЛЕНЫЕ

Это было давным-давно, в незапамятные времена. Как-то в один из годов очень рано наступила осень. Еще и листья с деревьев не опали, а уже завернули сильные холода. Птицы начали сбиваться

в стаи и заторопились в теплые страны. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки, спасаясь от холода, залезли в свои норы и дупла. Все живое или улетело, или попряталось. Лишь маленькая птичка с пораненным крылом не смогла улететь со стаей и осталась одна в чистом поле на пронизывающем ветру.

Сидит птичка под кустиком полыни, горюет, что делать — не знает. Неужто так и придется погибать? А на краю поля начинался большой дремучий лес. «Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на свои ветки перезимовать», — подумала птичка и, оберегая свое раненое крылышко, поскакала к лесу.

На опушке леса стояла кудрявая красавица-береза. Птичка к ней с просьбой:

— Береза-березонька, густая и кудрявая, пусти к себе перезимовать.

— Веток у меня много, листьев еще больше, мне за ними надо смотреть, до тебя ли тут,— ответила береза.

Поскакала птичка со своим перебитым крылышком дальше. Глядит — стоит развесистый дуб-великан. Стала она его упрашивать:

— Дуб-богатырь, смилуйся, пусти меня на свои густые теплые ветки до весны прожить.

— Вот еще придумала,— ответил дуб.— Если всех пускать на зиму, вы у меня ни одного желудя не оставите. Нет, нет, не пущу, иди своей дорогой.

Птичка-невеличка поскакала дальше по лесу, оберегая свое раненое крыло. Приблизилась к речке, видит — на берегу, спиной к ней, лицом к речке, стоит, до самой воды уронив свои ветви, могучая ветла.

— Добрая ветла, твои ветки густые, уютные, пусти меня прожить на них до весенних теплых дней,— просит и ветлу бедная птаха.

— Проваливай, я с рекой разговариваю, а со всякими встречными мне и разговаривать-то не к лицу,— гордо ответила ветла.

Бедная пташка впала в отчаянье. Да и было от чего: никто ее, горемыку, не пускает на зиму, все-то разговаривают свысока.

Усталая и голодная, побрела она дальше, в глубину леса, осторожно ступая, чтобы не сделать больно раненому крылышку.

Несчастную птицу заметила зеленая ель.

— Ай-яй, бедняга, куда же ты идешь? — спросила она птаху.

— Куда иду, и сама не знаю,— ответила та.

— Как же не знаешь? — удивилась ель.

— Да ведь не от хорошей жизни одна по лесу хожу,— печально сказала птичка-невеличка.— Иду куда глаза глядят.

— А что же ты со своими подругами не улетела?

— Крылышко у меня больное, не могу летать. А пришла в лес, попросилась у деревьев пустить меня перезимовать — никто не пустил, никто не пожалел.

— Ах, бедняжка! — жалостливо воскликнула сердобольная ель.— Тогда поживи у меня. Вот садись на эту мохнатую веточку — она самая теплая.

Рядом с елью стояла старая сосна. Она тоже пожалела пташку.

— У меня ветки не такие густые, не такие теплые, но я буду загораживать тебя от холодных северных ветров,— сказала она.

Птичка забралась в самую гущину еловых ветвей, а сосна прикрыла ее от холодного ветра.

Принял участие в судьбе маленькой птички и росший между елью и сосной можжевельник.

— Не унывай, птичка-невеличка, я тебя всю зиму буду кормить своими ягодами.

Так раненая птичка зажила хорошей жизнью.

Как-то ночью разыгрался, разбушевался ветер. Он так трепал ветви деревьев, что с них дождем сыпались листья. Понравилось это ветру, захотелось ему все деревья раздеть донага, но прежде, чем сделать это, решил он все же спросить у Мороза:

— Батюшка-Мороз, со всех деревьев листья сорвать или на каких-то оставить?

Царь холода, Мороз, сказал:

— С берез, с ветел — со всех, что в листья одеты, срывай. А те деревья, что взяли под защиту маленькую пташку, не трогай, пусть они и зиму стоят зелеными.

Ветер не осмелился ослушаться батюшки-Мороза и не тронул ель, сосну и можжевельник. Так они и по сию пору остались вечно зелеными.

КАК ЛОВИЛИ ЛУНУ

В одной маленькой глухой деревушке жили старик со старухой. Как-то в день Пасхи, под вечер, старуха пошла набрать воды из колодца. Заглянула в колодец и увидела в нем Луну. Удивилась старуха тому, что Луна сошла с неба и в колодец упала, испугалась и побежала в избу старику рассказывать.

Старик взял кочергу и вместе со старухой вышел ловить Луну. Опустил он кочергу в колодец, дернул, а кочерга возьми да за сруб зацепись. Тянут-потянут вместе со старухой — никак вытащить не могут. Поднапряглись из последних сил, и тут деревянный черен оторвался от кочерги, кочерга упала в воду, а старик со старухой отлетели в разные стороны.

Подымаясь с земли, старик увидел на небе Луну и сказал с досадой и сожалением:

— Ах ты, шельма! Хотел на стенку повесить, чтобы в избе светила, так нет — улетела.

Давным-давно жили двое братьев. У старшего не было детей, и жили они с женой богато. У младшего — семеро по лавкам, и сколько он ни старался, никак не мог выбиться из нужды.

Старший брат знался только с богачами, а младшего и на порог к себе не пускал. Однажды ему пришло в голову проверить своих друзей: «Я знаюсь только с богатыми, а родной брат у меня еще ни разу не был в гостях. Хорошо ли это? Не следует ли испытать, кто из них мне ближе?»

Посоветовался он с женой, та с ним согласилась.

— Наварим-ка бочку медовухи и пригласим дорогих гостей.

Так и сделали. Наварили медовухи и спустили бочку в подполье. После этого богач, среди ночи, пошел к своему лучшему другу. Друг в это время уже спал. Он разбудил спящего. Тот проснулся и предлагает гостю сесть.

— Мне некогда сидеть,— сказал гость,— у меня в доме случилась беда: мы с женой ездили в город, а кто-то, в наше отсутствие, бросил в подпол мертвеца. Не поможешь ли вытащить его?

— Не-ет,— ответил лучший друг,— я не могу, с мертвецами мне никогда еще не приходилось иметь дела. Ты уже как-нибудь сам.

Пошел он к другому, столь же любимому, товарищу. Тот тоже спал. А когда он его разбудил и сказал те же слова, товарищ тоже наотрез отказался прийти к нему на помощь.

Третий друг на его просьбу о помощи ответил так:

— Помочь вытащить мертвеца? Да ты с ума сошел! Ведь если люди узнают об этом, мы оба угодим в тюрьму.

К самому последнему он пришел к своему бедному младшему брату. Брат был немало удивлен столь поздним посещением, но все же предложил стул.

— У меня сейчас нет времени рассиживаться,— говорит брат-богач.— У меня очень большое горе, не знаю, как и сладить с ним.

— Какое такое горе? — с сочувствием спросил младший брат.

— Вот какое,— ответил старший.— В наше отсутствие кто-то подбросил в подпол мертвеца. Не знаю, как с ним поступить, пришел посоветоваться с тобой.

— Дело плохо,— сказал младший брат.— И убирать опасно, и оставлять нельзя — весь дом пропитается трупным запахом и кто зайдет, сразу обо всем догадается.

— Может, придешь и поможешь захоронить его — просит старший брат.

— Как же мне не прийти? — отвечает младший,— ты ведь мой брат, родной человек, у нас и отец один, и мать одна. Разве я могу оставить тебя в беде?

И, не мешкая, одевается и идет вместе с братом в его дом.

Хозяин принес со двора вожжи и попросил брата спуститься в подпол:

— Вот тебе вожжи, обвяжи ими мертвеца.

Младший брат лезет в подпол, шарит там, но никого не находит.

— Нет здесь никакого мертвеца! — говорит из подпола.

— А ты получше поищи по углам,— отвечает ему сверху старший брат.

Младший еще и еще шарит в подполье и опять кричит оттуда:

— Ничего похожего! Стоит одна бочка, а кроме нее ничего нет.

Тогда старший ему и говорит:

— Та бочка и есть мертвец. Обвяжи-ка ее вожжами.

Младший брат захлестывает вожжами бочку, и они вытаскивают ее из подпола.

К тому времени хозяйка выставила на стол самые вкусные кушанья. Братья сели за стол, отпробовали медовухи и начали закусывать.

Только теперь старший брат рассказал младшему, как он звал и не дозвался своих лучших друзей.

А те друзья, придя тайком под его окна, глядели на веселое ночное пиршество братьев и терялись в догадках: звал мертвеца хоронить, а сам сидит в застолье и медовуху пьет — что за чудеса?!

— Оказывается, мои богатые друзья хороши, когда вот так же сидишь с ними за столом,— сказал старший брат младшему.— А придется мне туго — на них рассчитывать нечего. А вот родной человек в беде не оставит.

С той ночи, говорят, старший брат перестал знаться с богатыми товарищами, совсем раззнакомился с ними. А младший брат стал ему самым близким человеком.

Выходит, верна старая поговорка: в беде чужого и через чистое поле не дозовешься, а родной прибежит к тебе и через огонь.

ПРИМЕТЛИВЫЙ ПОРТНОЙ

У одного старика было три дочери, все красивые, но очень ленивые. Даже домашнюю работу и то делали спустя рукава, надеясь одна на другую.

Как-то, в предзимье, старик позвал к себе русского портного, чтобы сшить старшей дочери шубу.

Работает портной день, кое-какой мусор в избе накопился. Наутро старшая дочь подмела пол, собрала весь сор в кучу, а вынести не вынесла: авось, кто-нибудь из младших сестер это сделает!

После обеда мела пол средняя сестра. Она пригребла сор в тот же запечный угол, а выносить тоже не стала: старшей сестре шубу шьют, а не мне, и если старшая не вынесла — с какой стати я выносить должна!

Вечером настал черед мести пол младшей сестре. Она сделала

то же самое, что и ее старшие сестрицы — пригрудила сор к общей куче: завтра которая-нибудь из старших, авось, вынесет!

Набралось мусору целый угол.

А портной шить шьет, а все видит, все замечает. И когда одна из дочерей стала варить похлебку на ужин и достала соль, чтобы кинуть ее в чугунок, портной встал со своего места и говорит:

— Дай-ка и мне немного.

Взял щепотку соли и посыпал мусор в углу.

— Зачем же ты его солишь? — удивилась девушка.

— А чтобы не протух,— улыбаясь, ответил портной и направился на свое место.

После этого все три дочери кинулись выносить мусор из избы. А на другой день не поленились даже вымыть пол.

БОЛЬШОЙ ЗАЯЦ

Однажды мы с дедушкой пошли на охоту. Увидели зайца, стали его гнать. Бьем дубиною, убить не можем. Тогда ударил я его прутом чернобыла и убил. Стали мы его вдвоем с дедушкой поднимать — поднять не можем. Попробовал один — поднял и на воз положил. Телега наша была запряжена парой лошадей. Нахлестываем лошадей, а они не могут с места воз стронуть. Тогда мы впрягли одну лошадь, другая повезла. Приехали домой, стали с дедушкой снимать зайца с воза — не можем снять. Попробовал я один — снял. Хочу внести его через дверь — не лезет, а через окно свободно прошел. Собрались мы зайца в котле варить — не помещается, а положили в котелок — еще и место осталось. Попросил я мать сварить зайца, а она стала варить да не уследила: вода сильно забурлила в котелке, заяц выскочил, а кошка — тут как тут — его и съела. Так нам и не пришлось отведать зайчатины.

ЧТО СИЛЬНЕЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ

Одному царю захотелось узнать, что всего сильнее на земле. Он оповестил об этом весь народ и человеку, который даст правильный ответ, обещал отдать половину своего царства.

Много ли, мало ли времени прошло, явилось к царю девять человек разного чина и звания: мельник, крестьянин-погорелец, рыбак, кузнец, военачальник, купец-барышник, сват-краснобай, молодой кудрявый парень и лысый мудрый старик.

Царь посадил их всех вместе и задал свой вопрос:

— Что сильнее всего на свете? Скажите, да так, чтобы было правильно!

Мельник сказал:

— Всего сильнее ветер. Он не только тяжелые жернова легко вертит, но, если разбушуется, и крылья мельницы ломает.

Крестьянин-погорелец не согласился с мельником.

— Ветер подует, подует да утихнет,— сказал он.— А крылья мельницы сломает — не такая уж это великая беда, их можно починить. Всего сильнее огонь. От огня сгорел мой дом, сгорел дотла, даже головешки не осталось.

Рыбак, в свою очередь, не согласился с погорельцем.

— Огонь, рано или поздно, отпылает и погаснет. Сильнее огня вода. Разве вам не приходилось видеть, как по весне разливается вода и рушит на своем пути мосты и запруды, как размывает берега озер, а потом уходит из них.

Рыбаку возразил кузнец:

— Вода сильна лишь весной. В летнюю жару вода высыхает, в зимние морозы превращается в лед. Всего сильнее, конечно, железо. Железный топор рубит столетний дуб, стальное кресало извлекает из кремня огонь, стальная пушка бьет на много верст, стальной меч рубит головы даже барам.

Заслышав разговор о пушках и мечах, вскочил со своего места военачальник.

— Ты забыл, что железо ржавеет! — напомнил он кузнецу.— Всего сильнее храбрый воин. Мои герои-храбрецы опрокидывают вражеские войска, если они даже вооружены пушками.

Молодой кудрявый парень возразил военачальнику:

— Как бы ни был силен и отважен герой, его может пленить красивая девушка. Никто не поднимет руку на красавицу. Она одним взглядом может покорить даже царя.

Купца-барышника такие слова парня рассмешили.

— Красивых девушек покупают на деньги. Всего сильнее на белом свете деньги! Если есть деньги, то и дурак может стать барином, а нет денег, то и барин становится дураком. За деньги поп дважды венчает. Деньги открывают тюремные ворота, деньги могут и для разбойника быть пропуском в рай. Без денег не может прожить даже царь! — с последними словами купец вытащил из кармана мешочек с деньгами и для вящей убедительности потряс им.

Настал черед высказываться свату-краснобаю. Ну, что сваты, что свахи, как известно, за словом в карман не лезут. Ведь у них задача — даже за дурака-жениха уметь выставить хорошую девушку и последнюю дуру выдать за дельного умного парня. Язык у них должен быть хорошо подвешен.

Свой язык и начал хвалить сват-краснобай:

— Это верно: за деньги можно купить все-все. Но ведь деньги-то водятся не у всех, надо еще уметь добывать их. Всего сильнее на свете язык! Недаром про него говорят, что он без костей. Он может черное сделать белым. Может прельстить и героя, и красавицу. С помощью языка барышник обманывает барышника, льстецы задабривают грозных начальников, цари подчиняют себе целые

народы. Слова, сказанные языком, могут и разрушать, и воздвигать города и государства!

Последнее слово осталось за сидевшим до этого безмолвно старым мудрым человеком.

— Кто, по-твоему, сказал правильно? — обратился к нему царь.— Что всего сильнее на свете? Скажи нам.

Старик сказал так:

— По-моему, сильнее всего — правдивое слово! Правдивое слово — остро и сильно, как ветер, горячо, как огонь, может заполонить, как вешняя вода, и пронзить насквозь, наподобие меча. Правдивое слово крепче железа, оно придает герою силы, укрепляет верой изуверившихся, делает умными красивых девушек. Чтобы одолеть правдивое слово, барышнику приходится отдавать все свои барыши, а лжецу-краснобаю изворачиваться ужом. Правдивое слово не ржавеет, не стареет, не тонет в воде, не гниет в земле, оно вечно молодо. Без правдивого слова нельзя править народом, нельзя его объединить в одно целое. Мое слово правильное! Если и твое слово — о, царь! — твердое, то ты должен отдать мне половину своего царства.

Хорошо сказал мудрый старик! Но язык у царя, как и у сватакраснобая, оказался без костей, и он не только не отдал мудрецу обещанного полцарства, но и приказал вытолкать его взашей.

Все же правдивое слово мудреца дошло до народа и распространилось по государству. Народ отнял власть у царя, а его самого сослали на необитаемый остров в океане. Чтобы подумал на досуге и понял, что нет на свете ничего сильнее правдивого слова.

КАК ПЕТР ПЕРВЫЙ СТАЛ КУМОМ ЧУВАША

Захотелось царю Петру узнать, как живут его подданные. Повелел он снарядить простую кибитку и в сопровождении свиты поехал по своему царству-государству.

Рано ли, поздно ли приехал царь в одну чувашскую деревню и решил в ней заночевать.

Деревня была большой. Стали выбирать дом, куда бы можно было попроситься на ночлег.

Приближенные царя говорят:

— Надо идти к тому, кто богат. Самый богатый в деревне, наверное, батюшка. Попросимся к нему.

Заходят к попу, просятся пустить их ночевать.

— У меня матушка нездорова,— говорит поп.— Да и детей полна изба, положить вас негде. Через два дома от меня живет богатый человек, староста, попроситесь к нему, он пустит.

Идут к старосте и слышат то же самое.

— У меня больная жена и детей семеро по лавкам — где я вас положу? На краю деревни стоит избенка, хозяин которой всех пу-

скает. У него и жена здоровая и детей немного.

Царь со своей свитой идут на край деревни.

— Не пустите ли нас на квартиру? — спрашивают.

Бедно одетый мужик им отвечает:

— Если не побрезгуете — заходите, ночуйте, не на улице же спать.

Заходят они в избу. По всему видно, что живут хозяева бедно. Они как раз ужинать собирались, а кроме картошки в мундире на столе ничего не стояло.

Хозяин Иван приглашает царя за стол:

— Садитесь, поужинаем, чем Бог послал.

Царь Петр садится, ест вместе с хозяевами картошку в мундире, спрашивает про их житье-бытье.

— Живем небогато,— отвечает Иван.— Лошади у нас нет, приходится старосте кланяться, а он потом за лошадь половину урожая себе забирает. Семья — не маленькая, детишками Бог не обидел, и хлеба до нового урожая никогда не хватает. Вот и сейчас сидим без хлеба, на одной картошке. Уж не обессудьте, угощать больше нечем.

После ужина легли спать. Бедный Иван отдает царю свою кровать, а сам ложится на голом полу. Царь Петр засыпает, но через какое-то время пробуждается, заслышав женский стон. «Что-то случилось,— думает царь.— Батюшка сказал, что у него жена нездорова, староста ссылался на болезнь жены, видно, и у этого бедняка жена захворала». Но тут раздался крик ребенка. «Нет, не хворая у Ивана жена,— понял царь,— у нее родился ребенок».

Утром царь Петр спрашивает Ивана:

— Ночью мне послышался крик ребенка, уж не жена ли родила?

— Да, жена была в положении, а ночью разрешилась сыном,— отвечает Иван.

— Тогда давай окрестим его,— предлагает царь.— Сходи к батюшке, позови его сюда,— и с этими словами протягивает Ивану золотой пятирублевик.

Иван приходит к батюшке:

— У меня ночью родился сын и надо бы его окрестить. У меня остановился барин, и мы хотим окрестить ребенка, пока барин не уехал.

— На крещение нужны деньги,— говорит батюшка.

Крестьянин тут же протягивает батюшке залотой пятирублевик:

— Вот, возьми.

— Я по осени кропил твой двор святой водой, ты мне за это ничего не заплатил,— говорит батюшка.— Весной ходили с крестным ходом — и за это не было заплачено. Так что этим пятирублевиком ты только-только рассчитался со мной за прежние долги.

Огорченный Иван ни с чем возвратился домой. Царь, завидев его, спрашивает:

— Что случилось, Иван? Что ты так низко голову опустил?

Иван отвечает:

— Батюшка не хочет крестить, говорит, что у меня много накопилось старых долгов, так что твои деньги он забрал на их уплату.

Тогда царь протягивает Ивану золотой червонец:

— Позови его еще раз, и пусть приходит и матушка — кумой будет.

Иван опять идет к попу, отдает ему червонец:

— Барин просит прийти и матушка, говорит, кумой будет.

Получив червонец, поп уже не заставил себя долго ждать. Пошла с ним и матушка. Правда, большой охоты стать кумой бедняка у нее не было, пошла она скорее из женского любопытства: на барина хотелось посмотреть.

Пришли они в дом Ивана, царь Петр говорит:

— Я буду крестным отцом, а ты, матушка,— крестной матерью.

Окрестили младенца. Поп с матушкой домой пошли, а царь Петр на прощанье говорит Ивану:

— Давай, кум Иван, вот так сделаем. Приезжай-ка ко мне в Петербург и привези сто пар лаптей. Как приедешь, тебя могут остановить: куда, мол, мужик, идешь. А ты отвечай: иду, мол, к куму Петру. Тебя и приведут ко мне. А лапти в Петербурге продавай так: первая пара — десять рублей золотом, вторая — двадцать, третья — тридцать, так и дальше. А привези, как я уже сказал, сто пар.

Иван наплел сто пар лаптей и отправился со своим товаром в город Петербург. Начал продавать лапти, как и наказывал ему кум Петр. Царь же на ту пору повелел устроить во дворце бал и сказал, чтобы все танцевали на том балу только в лаптях. Купцы, министры, генералы — все кинулись лапти покупать. Приходят на один базар — нет лаптей, приходят на второй — что за напасть такая — тоже нет, как не бывало. И тут-то как раз встречают крестьянина с возом лаптей. Обрадовались, спрашивают:

— Сколь стоят твои лапти, мужичок?

— Десять рублей золотом,— отвечает крестьянин.

— Дороговато, да что поделаешь: в царский дворец без лаптей не пустят.

Купил один, подходит другой:

— Сколько стоят лапотки, любезный?

— Двадцать рублей золотом.

— Ого!

«Ого»-то «ого», а поди, ослушайся царского приказа; надо брать, пока мужик дороже не запросил.

А мужичок и впрямь за третью пару взял тридцать рублей, за четвертую — сорок, а за пятую уже и все пятьдесят. Надо хватать, пока сто или двести не заломил!

Так Иван расторговал весь свой липовый товар, набавляя по червонцу за каждую новую пару.

Только расторговался — к нему подходит полицейский:

— Эй, мужик, зачем в Петербург пожаловал?

— Я приехал к куму Петру,— отвечает Иван и подает полицейскому записку, которую ему когда-то оставил кум.

В записке было написано: «Кто встретит человека по имени Иван, разыскивающего кума Петра, должен немедленно привести его к царю Петру». И когда полицейский ту записку прочитал, то сказал:

— Я, пожалуй, знаю твоего кума, так что пойдем, прямо к нему и отведу.

Привели Ивана к царю. Тот его сразу узнал:

— Здравствуй, кум Иван. Приехал?

— Приехал,— отвечает Иван.

— Сходи-ка с дороги в баню,— предложил царь,— там тебя постригут, бороду сбреют, приоденут и приведут ко мне.

Ивана вымыли, постригли, побрили, приодели — глядит мужик сам на себя в зеркало и себя не узнает.

Царь Петр берет его с собой на бал, чтобы Иван посмотрел, как министры да генералы со своими женами в его лаптях танцевать будут. Хорошо у них получалось, будто весь свой век они в этой обувке ходили!

А наутро царь Петр дает Ивану богатую кибитку и говорит:

— Деньги у тебя теперь есть, поезжай домой и построй хороший дом, чтобы было куда положить гостя, если он попросится ночевать.

Прикатил Иван в свою деревню на тройке с колокольчиками, привез с собой сундук золота. Все ахают, дивуются, а деревенские богачи от зависти аж позеленели.

— Откуда у тебя, Иван, столько золота? — спрашивают они с любопытством.

— А я сто пар лаптей свез в Петербург да продал,— отвечает Иван.— В Петербурге за лапти платят чистым золотом.

Богатеи — сразу же домой, и давай тормошить своих жен: готовьте лыки, будем плести лапти и чем больше, тем лучше.

Наплели лаптей — чуть ли не всю Россию можно обуть, и повезли в Петербург. Однако же лапти у них почему-то никто не покупает, а если и купят, так платят не больше копейки. Какое уж там золото, ладно бы дорогу оправдать!

Возвращаются лаптежники в свою деревню, и ну Ивана проклинать-ругать на чем свет стоит. Да ладно бы только ругали, украли лошадей, украли и сундук с золотом. Опять Иван пришел в прежнюю бедность.

Что делать бедному мужику, как из нужды выбиться?

Едет он опять к царю Петру, рассказывает о своем житье-бытье. Тогда царь ему говорит:

— Переезжай всей семьей сюда, найдем для тебя здесь дом.

Крестьянин съездил в деревню, забрал жену с детишками, вернулся в Петербург к куму Петру и жил недалеко от него до самой своей смерти.

И по сей день на берегу Невы стоит небольшой домик. В этом доме жил Петр Первый, когда будущая столица русского государства еще только начинала строиться. Рядом с жилищем царя виден домик поменьше. Говорят, чуваш Иван жил именно в этом доме.

ДЕВУШКА НА ЛУНЕ

Давным-давно, в незапамятные времена, жила на земле злая-презлая колдунья. У колдуньи была падчерица — тихая, работящая и собой писаная красавица.

Не любила колдунья свою падчерицу, постоянно ругала, изводила непосильной работой. А та, хоть бы ей что, все такая же красивая да пригожая. Заговорит — словно жаворонок запоет, улыбнется — будто ясным солнышком все кругом осветит. Всем нравилась красавица, все ее любили. Но это только еще больше злило мачеху, и задумала она во что бы то ни стало погубить падчерицу.

Однажды, в глухую полночь, колдунья примчалась невесть откуда на своей железной мялке, разбудила спящую девушку и говорит:

— Сбегай-ка на речку, свежей водицы испить захотелось!

Девушка встала с постели, взяла ведра с коромыслом и пошла на реку.

«Пойти-то ты, красавица, пошла, а вот поглядим, вернешься ли»,— думает про себя колдунья.

Ночь была ясная, морозная. С неба светила полная луна, под ногой снег похрустывал.

Любуясь лунным сиянием, девушка спустилась к проруби. Сняла с коромысла ведра, наклонилась, чтобы зачерпнуть воды, а когда выпрямилась — в ужасе отшатнулась: со всех сторон ее окружали страшные ведьмы. Они носились вокруг нее на помелах и мялках, протягивали костлявые руки, щелкали железными зубами.

В страхе девушка зажмурилась, взяла ведра на коромысло и заспешила домой. Не тут-то было! Ведьмы не отстают от нее ни на шаг, загораживают дорогу, со всех сторон тянут страшные руки, вот-вот растерзают.

Девушка в отчаяньи озирается, но кругом — ни души, только одна-одинешенька луна с неба светит.

— Не дай погибнуть, ясный месяц! — взмолилась девушка.

Луна услышала мольбу девушки, засияла еще сильней и на своих лучах подняла девушку с ведрами с коромыслом к себе. Теперь ведьмам до нее было уже не дотянуться.

С тех пор в ясные ночи на полной луне и видится девушка с коромыслом на плечах. Приглядитесь получше — обязательно увидите.

КАК У ЧУВАШЕЙ ПОСЕЛИЛИСЬ ДЕНЬГИ

Когда-то, в старопрежние времена, плыла вниз по Волге лодка. В одном месте она пристала к берегу. В лодке находились семь разного достоинства монет: копейка, семишник, пятак, гривенник, двухгривенный, полтинник и целковый. Они, говорят, ездили по белу свету и искали для себя новые места.

Лодка пристала к правому крутому берегу. На горе виднелось большое чувашское село. Целковый, как самый старший, приказал полтиннику:

— Поднимись-ка на гору, в село, и узнай, что за люди там живут и есть ли у них деньги.

Полтинник хоть и был в подчинении у целкового, но считал себя тоже старшим над остальными монетами и послал в село двугривенного. Тот, в свою очередь, перепоручил дело гривеннику, гривенник — пятаку, пятак — семишнику, семишник — копейке. Копеечке уже некому было приказывать, пришлось идти самой. Покатилась она в сторону села, а вскоре и из глаз исчезла.

Ждут-пождут копейку, а ее нет и нет. Рубль опять велит полтиннику сходить в село, поглядеть, что за народ там живет и имеет ли деньги. Полтинник опять посылает вместо себя двугривенного, тот гривенника, гривенник — пятака, пятак — семишника. Семишник остался младшим, перепоручать дело некому, пришлось самому идти. Покатился он в сторону села и из глаз простыл.

Ждут-пождут остальные деньги — нет ни копейки, ни семишника. Целковый опять берет за бока полтинника, тот — двугривенного, двугривенный — гривенника, гривенник — пятака. Пятаку посылать некого, покатился сам.

Ждут-пождут — нет и пятака, как в воду канул. Целковый посылает полтинника, полтинник — двугривенного, двугривенный — гривенника.

Один за другим укатились в село и гривенник, и двугривенный, и полтинник. Укатились и от них тоже ни слуху ни духу.

Целковый остался один. Посылать уже некого. Подождал он еще немного да и думает:

— Что такое, куда они все подевались? Видно, придется самому на ту гору подняться и все разузнать.

И хоть был он от природы важным и ленивым, зашагал той же дорогой, по которой исчезли остальные монеты.

Пришел целковый в село, видит — в середине села большущий базар шумит. Пригляделся получше — тут копейка с семишником, пятак с гривенником и двугривенный с полтинником туда-сюда снуют, катаются меж людей, за какую-нибудь минуту по нескольку раз меняются местами. Да так-то весело, с разными шутками-прибаутками, что глядеть любо-дорого.

Пришёлся базар по душе и целковому. Он тоже решил остаться тут навсегда.

Правда, целковый, не в пример юркой мелочи, по-прежнему не вертелся и не суетился меж людей, а больше лежал спокойно по карманам богатых людей. Издавна такой порядок ведется: крупные деньги лежат в кармане одного хозяина, а мелкие, работая вместо крупных, постоянно переходят из рук в руки, из кармана в карман.

КОРКА ХЛЕБА

Невзлюбил сатана деда за веселый нрав при большой бедности, невзлюбил и послал черта помучить деда. А дед, зная повадки нечисти, вешал перед сном корку хлеба на дверях.

Вот пришел черт к дому деда, смотрит — на дверях висит хлеб. Ну, черт решил разузнать, что за человек этот дед. Спрашивает у корки хлеба:

— Каково тут живется?

— И-и-и! — отвечает хлеб,— даже и не спрашивай! Мой хозяин такой живодер, каких редко встретишь. Что он, к примеру, сделал со мной? Сперва разбросал по полю на произвол судьбы, потом драл сохой и бороной, резал серпом, бил цепами, молол жерновами, месил в кадке, калил в печи, а теперь вот повесил как собаку.

Услышал это черт — и давай деру, только его и видели...

КОТ И ВОРОБЕЙ

Дремал кот на завалинке, слышит — воробей чирикает. Открыл глаза — воробей сидит на краешке корыта и что-то клюет. Кот прыг! — и воробей уже у него в лапах. Однако воробей оказался старым, а старого воробья, как известно, на мякине не проведешь и голыми руками не возьмешь.

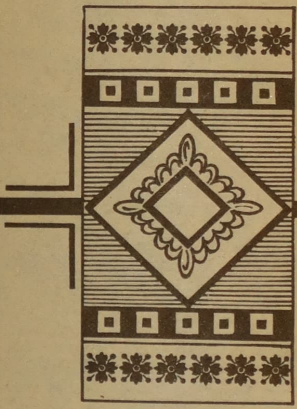
— Добрый кот-мурлыка, ты меня можешь съесть в любое мгновенье,— прочирикал воробей,— но вспомни-ка, умывался ли ты утром, когда проснулся? По глазам вижу, что нет. А ведь умные коты утро начинают с того, что умываются.

Кот вспомнил, что и впрямь не умывался. Обидно стало, что какой-то воробей учит его правилам хорошего тона, а только что возразишь ему?

Убрал кот свои когти, положил воробья на траву и стал умываться. Нализывает языком лапу, а потом этой лапой аж из-за уха и до усов по мордашке проводит, хочет показать: он понимает толк в чистоте. А воробей поглядел-поглядел да и — раз! — и упорхнул. Спохватился кот, но уже поздно: был в лапах завтрак,— и нет его, улетел.

С тех пор, говорят, коты и кошки начали умываться не перед, а после еды: пошла впрок воробьиная наука!

Мифы и легенды мордвы



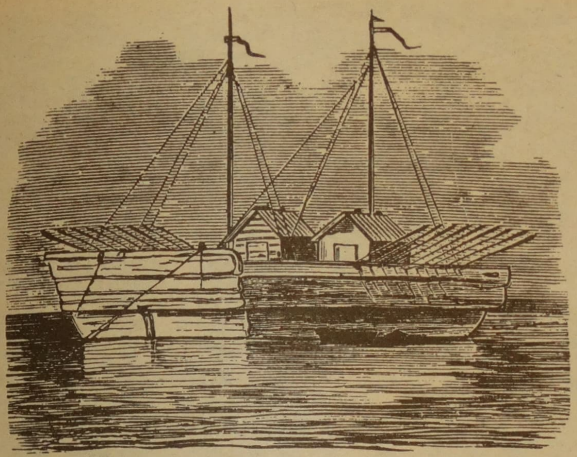
МОРДВА: МОКША И ЭРЗЯ

В ирано-скифских языках есть слово «martiya», переводимое как «мужчина», «человек». В русском языке к основе «морд» добавился суффикс «ва», имеющий оттенок собирательности, общности. Так возникло имя народа, существующего уже полторы тысячи лет.

Предки мордвы — финно-угорские племена — населяли Волго-Окско-Сурское междуречье во 2-й половине I-го тысячелетия до н. э. Этноним «мордва (mordene) впервые упомянут в VI в. н. э. В процессе выделения эрзи и мокши (с VI—VII вв.) большую роль сыграла территориальная обособленность древнемордовских племен Окско-Сурского междуречья и более южных, проживающих в верховьях рек Суры и Мокши. В X веке каган хазар Иосиф в одном из своих писем упомянул народ «арису» — это первое письменное упоминание об эрзе. О мокше впервые упомянуто позднее — в записках фламандского путешественника Гильома Рубрука. Слово «эрзя» восходит к иранскому слову «arsan» (мужчина, герой), а мокша по происхождению связано с наименованием реки, истоки которого уходят к индоевропейскому населению Среднего Поволжья, обитавшего здесь еще до расселения финно-угров. К началу II тысячелетия н. э. различия между эрзей и мокшей стали весьма существенны.

Со времен расселения в Поволжье мордва испытывала постоянные набеги кочевников-степняков. Однако о мордовские укрепленные городища раскалывались набеги мелких кочевых орд. Но государственной организации могучего Хазарского каганата мордва не смогла противостоять. Основная часть южной мордвы покинула свои исконные земли в верховьях Суры и ушла на запад и северо-запад. Оставшиеся же — платили дань каганату. Размер дани не известен современным исследователям. Каган Иосиф в 961 году писал о народах Среднего Поволжья: «Их девять на-

Нижняя Волга. Часть карты царевича Годунова. Начало XVII века



родов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа».

Освобождение от хазарского ига пришло с победой русского великого князя Святослава над царем Иосифом. Арабский географ Ибн-Хаукаль писал вскоре после победоносного похода Святослава на Волгу: «Теперь не оставалось и следа ни от Булгара, ни от буртасов, ни от хазар, потому что Русь уничтожила всех их, отобрала от них и присоединила к себе их край, а те, кто спасся — разбежались по окрестным местам в надежде договориться с Русью и стать под ее власть».

На протяжении длительного времени мордва контактировала с тюркскими народами (волжско-камскими булгарами, татарами) и Древней Русью. Этнической консолидации способствовало развитие феодальных отношений и возникновение раннегосударственных объединений в XI—XIII веках (видимо, летописная Пургасова волость и др.).

Становлению мордовского государства помешало монголо-татарское нашествие в 30-х годах XIII века. На долгие годы мордва подпала под иго Золотой Орды. Итальянский путешественник Плано Карпини свидетельствовал, посетив Среднее Поволжье: «Каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал... одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру... дохорь, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не дает этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба». Ясак взимался также медом, воском, хлебом, скотом. Для сбора дани татары назначили центры — города Темников и Мохша (Наручад).

Связи мордвы с русскими усилились после добровольного вхождения мордвы в состав Русского государства в конце XV века. К середине XVIII века мордва в основном была обращена в православие, но долго сохранялись пережитки дохристианских верований. Интересные заметки о религиозных обрядах мордвы оставил житель Хвалынского уезда Саратовской губернии Тимофей Леонтьев, с которыми мы и знакомим современного читателя.

И. МАРИНИН

Мордовка. Гравюра XIX века

МОРДВА, народ в СССР, коренное нас. Мордовии; значит. группы мордвы живут в Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Нижегородской областях, Башкирии, Татарии, Чувашии. В СССР — 1 191 800 человек, в т. ч. в Мордовии — 339 000 человек. Мордва состоит из двух осн. субэтнич. групп — эрзя (самоназв.) и мокша (самоназв.), сохраняющих язык, нек-рые различия в традиц. культуре. Мордва относится к переходным формам европеоидной большой расы, у части мордвы — мокши прослеживается слабая монголоидная примесь. Говорят на мокшанском и эрзянском языках волжской подгруппы финно-угорской группы уральской семьи. В эрзянском языке выделяются диалекты: центральный, западный (приинсарский), юго-восточный (присурский), северо-западный (приалатырский), теньгушевский; в мокшанском — диалекты: центральный (в бассейне верхней Мокши и реки Иссы), юго-западный (районы верхнего и среднего течения Вада и Виндрея), северо-западный или западный (район нижнего Вада и Виндрея). Диалекты в языках мордвы, проживающей за пределами Мордовской АССР, изучены недостаточно. Диалектной основой эрзянского литературного языка стали козловско-ардатовские говоры; мокшанского — краснослободско-темниковские. Распространен также русский язык. Письменность на рус. графич. основе. Верующие — православные.

Предки мордвы — финно-угорские племена — населяли Волго-Окско-Сурское междуречье во 2-й половине 1-го тыс. до Р. Х. Этноним «мордва» (Mordens) впервые упомянут в 6 веке. В процессе выделения эрзи и мокши (с 6—7 вв.) большую роль сыграла территориальная обособленность древнемордовских племен Окско-Сурского междуречья и более южных, проживающих в верховьях рр. Суры и Мокши. На протяжении длительного времени мордва контактировала с тюркскими народами (волжско-камскими булгарами, татарами), Древней Русью.

Этнической консолидации способствовало развитие феодальных отношений и возникновение раннегосударственных объединений в XI—XIII вв. (видимо, летописная Пургасова волость и др.). Связи с русскими усилились после добровольного вхождения мордвы в состав Русского государства в конце XV века. К середине XVIII века мордва в основном была обращена в православие, но долго сохраняла пережитки дохристианских верований.

Осн. традиц. занятие — пашенное земледелие. Заметную роль играли животноводство, бортничество, позднее — пчеловодство. Были развиты отхожие промыслы, в осн. на с.-х. работы. Промышленность была представлена полукустарными предприятиями. В советское время создана многоотраслевая пром-сть, в с. х-ве созданы крупные механизированные зерновые х-ва, развито животноводство на пром. основе.

Традиционные типы мордовских поселений в прошлом — деревни и села уличной планировки.

Жилище мордвы — двухкамерная изба со ср.-рус. планировкой. Традиц. пища — кислый хлеб, пироги, блины, лапша. Мясные блюда были в основном праздничными и обрядовыми. Напитки — пуре (из меда), брага, квас. В составе совр. пищи больше мясных и молочных кушаний.

Основа традиционного женского костюма мордвы — рубаха из белого холста (панар), богато украшенная вышивкой, в которой преобладали красные, черные, синие тона с вкраплениями желтого и зеленого. У эрзянок бытовала обрядовая рубаха (покай), сплошь покрытая вышивкой. Ее надевали девушки в день совершеннолетия и на свадьбу. Верхняя распашная одежда — типа халата из белого холста (эрз.— руця, мокш.— мышкая, плахон). Мокшанки носили белые холщовые штаны (понкст) длиною до щиколоток. Верхняя одежда — род кафтана (сумань), шубы. Женский костюм дополнялся множеством украшений из металла, бисера, монет, раковин. Специфич. нагрудное украшение — застежка, закалывающая ворот панара (сюлгам). У эрзи она имела форму незамкнутого овала, у мокши была трапециевидной. Своеобразно набедренное украшение эрзянок пулагай (пулай, пулакш, пулокаркс), с богатой вышивкой, позументом, шерстяными кистями, металлическими блях-ами. Впервые его надевали в день совершеннолетия. Разнообразны женские головные уборы: типа сороки, полотенца, покрывала, высокие, на твердой основе. Распространенным головным

убором девушек была налобная повязка, вышитая или обшитая бисером и позументом. Старинная обувь — лапти (моки.— карьхть; эрз.— карть) косого плетения. Ноги обертывались белыми и черными онучами. Некоторые элементы традиционной одежды сохраняются, особенно у мокши: пожилые женщины иногда носят панар, чаще в качестве обрядовой одежды (на свадьбу, похороны, поминки). Мужская народная одежда, основными частями которой были белая рубаха и штаны из холста, вышла из употребления в XX веке.

Традиционная пища состояла в основном из продуктов земледелия: кислый хлеб (кши); пироги с различной начинкой, чаще с кашей; блины из пшеничной, пшенной, гороховой муки, лапша, салма (кусочки теста в форме шариков, сваренные в воде). Мясные блюда (мокшанское жареное мясо с луком — щеням, эрзянское жареное мясо и ливер с приправами — селянка) были в основном праздничными и обрядовыми. Напитки — пуре (из меда), брага (поза), квас. В составе современной пищи больше мясных и молочных кушаний. Из традиционных блюд готовят селянку, суп с клецками, кислое молоко (мокшанское — шапама лофца; эрзянское — чапамо ловсо).

До начала XX века наряду с малой индивидуальной семьей у мордвы существовала большая неразделенная семья из 3—4 поколений потомков по мужской линии. До 1917 г. браки совершались по сватовству, но встречались умыкания невесты, обычно с ее согласия.

Традиционный свадебный обряд сопровождался причитаниями невесты, приговорами дружки и других участников. Специфическими обрядами были угощения невесты кашей ее родственницами накануне свадьбы, а также наречения молодухи невесткой (мазай, павай, вежей и др.) в семье мужа.

Мордовские народные праздники приурочены к земледельческому календарю. Самым торжественным и многолюдным был осенний праздник вельозкс, посвященный покровительнице села (Вель — ава).

Наиболее распространенные виды нар. иск-ва — вышивка, шитье бисером, резьба по дереву. В фольклоре развита обрядовая поэзия: календарная и семейная (причитания невесты, «корильные», величальные песни на свадьбе, причитания); песни — семейно-бытовые, эпические (о Литове девушке, похищенной богом, о Тюште, культурном герое и вожде, заступнике народа), исторические, сказки о богатырях, дохристианских божествах, животных. Бытуют лирические протяжные песни, частушки, пословицы, поговорки.

В советское время сформировалась национальная интеллигенция; развивается профессиональная культура; на основе фольклора значительного развития достигло самодеятельное и профессиональное искусство.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., «Советская энциклопедия», 1988)

ВЕСЬ И МЕРЯ — ОБИТАТЕЛИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Со школьных лет известны нам слова летописца Нестора «Имаху дань варязи из-за мо рья на чуди и на словенах на мери и на веси, кривичах» Словене, кривичи — древнерусские племена, а кто такие чудь, весь и меря? Чудь — собирательное имя финских племен, в том числе веси и мери. К тому времени, как Нестор упоминал о них в летописи, весь обитала север нынешней России, простираясь на северо-востоке до реки Вексы, левого притока Костромы; на востоке граница их расселения проходила через юго-восточную часть Ярославской области, а на юго-востоке — захватывала западную часть Владимирской области к северу от реки Клязьмы; отсюда поднимается несколько на север и северо-запад, охватывает почти всю Тверскую область (как памятник этому древнему племени сохранилось название города Весьегонска — Вези-иага, или водная река). Область обитания мери (соседствующей с весью) была весьма обширна и обнимала все среднее Поволжье, доходя на севере до водораздела Волги с Беломорским бассейном. Во второй и последний раз Нестор упоминает о веси под 882 годом, когда она вместе с варягами, чудью, словенами, мерею и кривичами участвовала в походе Олега на Смоленск и Киев, против Аскольда и Дира. Племена мери в последний раз появляются на летописных страницах под 907 годом.

Карелы и весяне

Весь и меря — не коренные волжане. Предки их, как свидетельствуют лингвисты и археологи, жили где-то у подошвы Алтая. В незапамятные времена уралоалтайские народы (известные более под именем финнов), преследуемые тюрко-алтайцами, вынуждены были покинуть насиженные места и стали продвигаться на северо-запад. Постепенно они перевалили и через «Киви-панда» (Уральские горы). Одни племена продвинулись далеко на север (карелы), другие обосновались в Поволжье (весь, меря, черемисы, мордва, вотяки).

При встрече новгородцев с лесными обитателями последние показались русским чудаковатыми: и глазами выбледнели, и раскосило их, и скулы повыдались. А потому и назвали их «чудью», чухарями, чухонцами. Сами же потомки алтайских племен называли

себя «лудиникад»: «лудь» значит — кости, а «игад» — старинный, древний.

Откуда появилось имя «весь»? Вероятно, при встрече русских с лесными людьми новгородцы вопросили, что это за земля, куда забрели горожане, а местные жители, подумав, что их спрашивают приплывшие на лодьях о реке, ответили: «Вези». Вода по-чудски — вези, отсюда и пошла летописная «весь».

К концу XIX века народность весь, занимая территорию, равную Швейцарии, насчитывала не более 35 тысяч душ обоего пола. Несмотря на то, что много столетий весяне смешивались с русскими, они сохранили свое своеобразие. Весь по сложению своему представляет счастливую середину, хотя и выказывает наклонность к худобе. Волоса имеет темных тонов, хотя у подростков волосы и светлы. Борода окрашена на один или два тона светлее сравнительно с волосами на голове; обыкновенно борода редка. Почти никогда не встретишь между ними человека с темными глазами: обычно радужная оболочка — светло-зеленого цвета, что дало повод насмешникам прозвать весян «чудью белоглазой». К числу наиболее характерных этнических признаков следует отнести раскосость. Нос у них широк, курнос и сплющен, с раздутыми ноздрями. Лоб по большей части плоский, надбровная выпуклость вполне отсутствует, как и надпереносичная впадина. Чудяне обладают очень красивыми бровями, одаренными густыми темными волосами. Губы тоньше, чем у великороссов, но толще, нежели чем у малороссов. По скуластости они занимают после остяков следующее место, а по выдающимся салазкам — первое место, что придает их лицу весьма угловатую форму. Весяне в большинстве своем очень коротко- и круглоголовые. Таков внешний облик чудина в отличие от его соседей.

Лесные жители, весяне обустраивают свое жилье хотя и на манер новгородцев, но привносят в постройки черты, характерные только им. Изба у весянина — двухэтажная. Впрочем, нижний этаж обычно приспособлен под хранение всякой рухляди: сетей и других рыболовных принадлежностей; зимою хранят здесь улов, муку, толокно и репу; тут же, в нижнем этаже (или, как весяне выражаются,— в строе) помещается объемистый чан, в котором бродит излюбленное питье чуди — репный квас, о котором даже легенды сложены. В строе оконца малые, и заткнуты чем попало, лишь бы ветер не свистел, а то выстудит и надстрой, т. е. второй этаж, в котором и проживает весянин.

Признать чудское жилье можно еще и по отсутствию дымовой трубы (в окрестных русских избах нет и намека на черную топку). У чуди всегда проделана в крыше особая дверца — «хайло», так как иначе от дыма житья бы в избе во время топки не было. К избе сбоку прилажены ступеньки, по ним и взбираются на весьма узкое крыльцо (на нем вообще не очень-то и безопасно, ибо оно без перил). Неуклюжая дверь, часто без щиколды, ведет с крыльца в сени; у двери есть косяки, а вот у окон подоконников нет, а рамы

вставляются прямо в надрубки в бревнах. Сени хоть и длинны бывают, а в ширину захватывают не больше трех аршин и притом освещаются лишь тогда, когда отворяют входную дверь: наддверного оконца чудь не делает.

Едва войдешь в горницу — сразу поймешь, что ты не в русской избе. Прямо перед дверью, между двумя окнами, стоит большой семейский стол, которому в русской избе место назначено в красном углу, под тяблом (киотом). Вокруг горницы, от входной двери и до печки — сплошная лавка, очень узкая, а потому и неудобная для спанья. Над лавкой — полица, где хранят шапки, рукавицы и другую мелочь. В противоположном от печки углу — тябло со старинными иконами (хотя и не все весяне придерживаются старой веры, но все почитают старинной работы иконы); любит чудин изукрасить тябельный угол разными картинами духовно-нравственного содержания и литографиею раки Св. Александра Свирского, которого все, и русские, и инородцы, знают в Озерной области за своего заступника.

В правом углу помещается огромная глинобитная печь, облицованная иногда кирпичом; над челом печи в потолке проделана дыра, закрываемая особою дверцею или заслоном, а обок с печью стоит уемистый чан, в котором при нужде рыбу чистят, а когда и руки моют; от внешнего выступа печи протягивается веревка, на нее вздвигается занавеска, отделяющая от горницы женское и детское царство, где идет вечный гомон и куда не всякого впустят.

Вблизи от дома, шагах в 40 от него, расположена «ригэ», или гумно. Сделано оно кое-как, словно наспех. Объясняется сие тем, что «ригэ» часто горят; величиною она мала, так как и хлеба-то родится у чудина мало. За несколько верст от деревни располагается в поле «зарода» — две тычины с поперечными перекладинами, на которые вешают снопы для «дохода и доспели» на солнце: северяне не собирают совершенно спелый хлеб, из боязни, что, пока ждешь его доспели, хлеб побьют морозы.

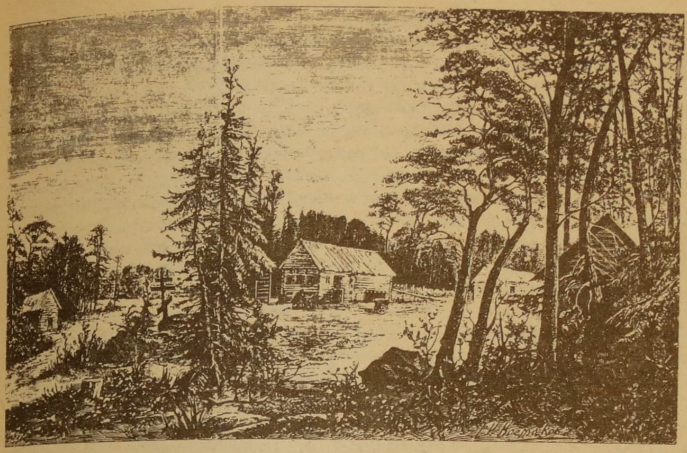
Богаты реки и озера чудские рыбою, леса — дичью и зверем, а весяне питаются не так, как подобало бы на таком раздолье, и не от лености, а потому лишь, что смотрит чудянин на свою еду как на что-то неважное, и несет лучший кусок либо в город, либо к скупщику. Капусту на огороде не сеет, так же, как и лук. Хрен также не по вкусу ему пришелся — не ест он его вовсе, хотя и хорош этот овощ против цинготной болезни. За все овощи несет тяжелую службу и идет во всякую еду репа, которую русский северный остряк величает в шутку своим «ананасом»,— и в уху он накрошит ее, и запечет, и парит, и варит, не прочь и сырьем съесть. Оказывает почет репе и чудянин: без нее за стол не садятся. Горох чудяне недолюбливают, а держатся ячменя; из ячменной крупы пекут калитки или пирожки. Также почетом пользуются и бобы, которые опять-таки едят всячески и лущат даже и едят сырьем в виде особого лакомства. Конечно же, в лесном краю не обойтись без грибов; из них весяне приготавливают множество блюд, даже

Озерный вид.

простые блины едят не попросту, а нарежут намелко рыжиков, да и наложат их на блин.

Ест чудин в определенные сроки; нет у него того русского обычая, что стоит хлеб и солоница весь день на столе, так как хлеб здесь в диковинку. Часу в девятом утра — завтрак: тут припасено у доброй хозяйки и редьки, и репы, и хлебца ломоток, и мальи вареной (мелкая рыбешка). В полдень — главная еда, обед. На стол подают щи (только без капусты за ее недостатком) с картофелем и крошеною, нечищеною мальею. Пекут блины с рыбою, с рыжиками, а то так и с брусникою; мясное и рыбное представлены сигом солёным, мясом провесным (которое висит у чудина под крышею). Дичь не едят, потому в продажу идет, зайчатину есть не водится, а медвежатина — та же человечина, так как чудин убежден, что медведь прежде тоже был человеком, да наказан от Бога за свою гордость. «Чего за обедом горшок, того за ужином на донышке»,— гласит русская поговорка, и у весян также, что остается от обеда, то подают на ужин, за который садятся часу в девятом вечера, а после ужина пора и спать — не жечь же свечи.

Финские племена, кочуя с Алтая, оказались в конце концов между двумя народами с высокой культурой — русскими и шведами, многому у них научившись, о чем свидетельствует язык чуди, впитавший чужеродные для него слова вместе с теми ремеслами и занятиями, которые чухонцы переняли у своих новых соседей. Так, земледелием весяне стали заниматься, когда осели рядом с русскими: слова весинские «бабу» (боб), «ябко», «картофь»,



Чудское поселение на Верхневолжье

«сирп», «каш», «лейба», «суоль» говорят о том. Даже для сена они переиначили русское слово, превратив его в «хена». От шведов переняли слова «одра» (соха), «кагр» (овес) и «олуд» (пиво). До переселения на Волгу знала чудь из домашних животных собаку, корову, быка и лощадь, но не имела понятия об овце и баране, козе и свинье. Домашней птицы чудяне также не держали, а потому и переняли ее название у русских и отчасти — у шведов.

А вот кузнечное ремесло им было прекрасно знакомо, так как для каждой мельчайшей подробности в кузнечном деле они имеют свои слова. Из металлов знали они о меди и серебре, тогда как про железо узнали от русских, а с золотом и оловом познакомились через шведов. Молоток по-чудски называется «киви», т. е. камень, что указывает на те времена, когда молоты делались еще из камня.

Одевался чудин попросту. На нем была рубаха (пайд), штаны (кидиад), онучи (хитрад), берестовые лапти (вирзуд), кожух (пойх), а на голову надевал он кошель (кукор). Бабы просто ходили в рубахах, так как слово юбка заимствовано из русского языка. На шее у женщин, а, возможно, и у мужчин, во множестве висели бусы (кирь), а на пальцах у них надеты были большие перстни (сормуз); маленькие колечки переняли чудь у шведов, назвав их «ринхайне».

Письма чудь не знала, хотя обладала знаками и тавровым письмом, что доказывается словом «кирвюшада» (писать), которое означает прежде всего рисование. Знали чудяне о возможности плавать по воде в лодках (веннех), хотя по всем вероятиям толка-

лись, а не гребли и не ехали на парусах, мачт не водружали; лодки свои они имели и находили необходимым просмаливать (тервеста-да) и употребляли в разные поделки веревки (ноор).

Ни городов, ни сел у чуди не было, как не было и денег, однако мену и торговлю чудяне признавали. Семью они называли так же, как и толпу и народ (канза). Чудь переняла у русских такие слова, как свадьба, приданое, жених, невеста (весянское слово «найнен» просто означает зрелую девушку).

Вероятно, чудь никого не изгоняла из страны своей, так же как не имеет понятия о рабстве и слугах. Не приходилось чуди часто воевать, да и вообще она народ не воинственный.

Из своего прошлого, в том числе и мифического, к концу XIX века весяне не удержали в памяти почти ничего: они только плечами пожимают, когда им называют Вэйнэмойнена, Ильмаринена, Похиолу или кого-либо другого из пантеона древних финских богов. Чудь забыла прежних великих богинь и богов, ограничиваясь лишь мелкими своими былыми божками, которые все еще неизменно живут с ними, вмешиваются в дела людей и стараются то делать добро, то насолить. Все эти божки, под сильным влиянием христианства, успели уже принять в народном воображении окраску обыкновенной чертовщины.

Наиболее почитаем «кудин-ижанд» — «родной брат» домового русских. Как только выстроит чудин новую избу, так приходится кудин-ижанду поклоняться; добрый и путный человек не без ума тоже в новый дом перейдет, а по стародавнему обычаю, как привык кудин-ижанд; станут хозяин и хозяйка лицом к печке, поклонятся по тому направлению трижды и просят умильно: «Приди, старый, приди, молодой, приди, кормилец кудин-ижанд, жить с нами в новом месте!» Коли не сердит на них божок, то вследствие такого приглашения последует за ними, а чтобы ему меньше трудов было, захватит хозяйка из печки золы в лукошко и уголек тлеющий, спрячет и золу и уголь в хлопо́к и несет кудин-ижанда в новую избу, несет и почестливо, и бережно, чтобы ветер на домового не дунул, дождь бы не вымочил, дурной человек ему не досадил дорогою. А как придут в новую избу, то надо у порога остановиться и бережно переставить правую ногу через порог, держа в руках цельную, свежую и непочатую ковригу хлеба да петуха покраснее; полагается бросить петуха в избу, а ковригу забросить за печку и примечать, не крикнет ли петух «кукареку!» Коли запоет — значит, домовой соблаговолил перейти на новое место, не побрезговал новым запечьем. Коврига хлеба в сем обряде — жертва божку, а петух — как символ самого кудин-ижанда.

В бане живет «кульведь-ижанд», его редко кто видит; иной раз и покажется, да так неясно, в таком тумане, что и не разведаешь, каков он с обличья. Иные уверяют, будто он и волосатый, и черный-то, и непригожий. Девушки, что гадают о суженом в «молодое солнце» (праздник Рождества), говорят, что банный хозяин не так страшен и сильно смахивает на ее суженого, ходит больше голый,

бел и красив и обладает всеми ухватками парней — все бы баловал да щипался. Кто кюльведь-ижанду не поклонится да не уважит,— где поклоном, а где и подносом,— с тем у него расправа коротка: взгонит он человека чуть не на самую каменку и подпалит, или обварит кипятком, или задушит чадом. Человек бывалый и знающий силу божка войдет в баню, остановится еще на пороге, да и поклонится по направлению к каменке: «Позволь, старый батько, кюльведь-ижанд, в твоей баньке мне попариться». Для такого учтивого человека банник такого легкого пара дает, что не баня будет, а летний воздух.

«Метц-хиннэ», леший, живет, естественно, в лесу. Чтобы задобрить его, весянин в первый же попавшийся куст должен бросить несколько зерен овса, серебра (или олова, т. к. божок сей плохо разбирается в металлургии) и перьев, т. е. плодов от того, что на земле, под землей и в воздухе, и метц-хиннэ принесет тому человеку всякую прибыль. Без работы метц-хиннэ жить не может ни минуты, и если ему не задать работы, даже никчемной, то от скуки он устроит какую-нибудь пакость человеку, если этот человек не «тедай-мес» — ведун и знахарь, который всегда может держать в руках «метц-хиннэ». Тедай-мес приказывает лешему, и тот для него и лисицу в капкан вгонит, и рябчика в силок заведет. Слушается метц-хиннэ и пастуха деревенского, если только пастух знает заговор на него; но и ему нельзя оставлять лешего без дела, и знающий пастух всегда заставляет хозяина леса что-нибудь сделать: то прикажет сосну на волокна расщепать, то предложит ему озеро выпить, а один пастух, рассказывают, заставил лешака считать песок на дне Волги и сразу на пять лет от него избавился.

На что уж сильны все эти божки, а все-таки посильнее их будет старый «ведэ-хиннэ», живущий обычно в кружалах и водоворотах. Он, старый, рад бывает хлебу и охотник до табаку, а потому следует ему бросить в воду того и другого. Купаться ли идешь, плывешь ли на лодке — спроси позволения у ведэ-хиннэ, а иначе и не суйся: закупает, потопит.

На всякую беду, на всякий случай есть у чудина особая, завещанная ему старыми, бывалыми людьми примета и ухватка; иной, кто не знает всей этой премудрости, пожалуй, легко впросак попадет, а человек умный, да к словам и науке старых людей приметливый ни за что подле лошади во время грозы не станет, так как лошадь сделал нечистый. Как ни много таких примет в чудской мудрости понабралось, все же однако надоедают им «лембой» — мелкие бесенята, которых, кажется, вся задача состоит в том, чтобы чинить людям всякие пакости; терпят люди немало и от того тедай-меса, который особенно зол и получает в силу своей злобы прозвище «нойда»; только после смерти колдуна приводится дышать легко, да и то если окуют его гроб медными обручами, заколотят его медными гвоздями, да и в пятки мертвецу гвоздей медных набьют, так как медь — чистая и с нею никакая нечисть не справится, потому — она от Бога.

Бабка-повитуха, принимающая новорожденного, перерезает ему ту связь, что соединяла его с матерью, непременно громовою стрелкою (каменным ножом). До двух лет питается ребенок материнским молоком, сосет грудь. Никаких особенных обрядов и торжеств при рожденье не полагается, так как, по-видимому, и радоваться-то особенно нечего, что народился новый бедняк на свет Божий. В 16 лет парня стараются уже всячески женить, а девку и раньше того окручивают, что, впрочем, не влияет дурно на рождение детей, так как среди чуди нередкость увидать шестнадцатилетних матерей. Без калыма сватовство и женитьба не обходятся, причем калым (до 10 рублей) передается прямо в руки будущему тестю, который сам никогда калымом не пользуется, а по возвращении молодых от венца отдает целиком своей дочери на первое обзаведенье. Интересно, что калым этот называется по-чудски «верехийнэ-велг» или кровавый долг, что говорит о стародавнем значении калыма как платы за выдачу из семьи одной из кровных ей женщин, а быть может и действительно за пролитую кровь.

Когда чудин не на шутку вздумает умирать (а в конце XIX века средняя продолжительность жизни чуди составляла всего полвека), то старуха из его дома или же какое другое лицо из семьи, знающее обычаи народные и старинные повадки, разыскивает среди посуды чистый ковш, зачерпывает в него воды и ставит ковш на окошке для того, чтобы душа покойника, по выходе ее из тела, могла обмыться от приставшей к ней на земле нечисти. Когда ковш поставлен, необходимо подергать покойника за ноги, чтобы он не потащил за собою еще кого-нибудь из своей семьи. Мертвеца, одев в саван из холста, кладут на лавку, а не на стол, так как в последнем случае он мог бы сделать собою всякую крошку хлеба «мертвым куском», гибельным для того, кто съест его. Воду, которою обмыли покойника, зря выливать не приходится, а надо прежде выкопать ямку и влить туда эту воду (туда же кладутся и стружки, оставшиеся от постройки гроба); тут же над ямкой сожгут костер, чтобы огнем очистить это место.

Поминки справляют на 3, 6, 9, 12, 20, 30 и 40 день, в полугодье и в годовщины. За поминальным обедом на долю покойника ставят особый прибор, а если священник слишком ретиво следит за искоренением языческих обрядов, то прячут под скатерть его излюбленную ложку.

Чудь жила большими семьями еще в конце XIX века: семьи насчитывали до 30 человек. Главою семьи был дед при детях и внуках, старший дядя при братьях и племянниках. Женщина главой семьи не могла стать, это было не в обычаях. Чудь не особенно гостеприимна, но не от своего характера, а по причинам экономическим. В большей части случаев гостю предложат ночлег, но не станут навязывать еду, которой часто не хватает и самим-то.

Из древней старины до наших дней сохраняют жители чудской стороны интересный обычай: никогда чудин не станет клясться,

подобно русскому человеку, землею, а клянется всегда водою, которая, конечно, больше земли, кормит его и поит.

Сто лет назад этнограф В. Н. Майнов, исследуя жизнь верхневолжской чуди, так описывал ее быт и бытие: «Трудная работа, дурная пища и плохие гигиенические условия жизни наложили на чудина некоторую печать свою: облик его всегда грустный, ходит он как-то неповоротливо, удали в нем нельзя найти и намека; давно позабыл он свой народный инструмент и довольствуется одною дудкою в редких случаях своего веселья; поет он редко, а если и запоет когда-нибудь песню, то непременно русскую, грустную, которую передал ему прихожий лесопромышленник. Праздники проходят у чуди как-то вяло и грустно; нет на улице радости и веселья и, проходя в праздник по чудской деревне, и не узнаешь, праздник ли на дворе или будни; даже и посиделок не бывает на чудской стороне. Пока кое-как перебивается чудин в Озерной области, со всех сторон подвигается на него, как туча, русская колонизация, которая скоро совершенно изгладит даже и последние следы стародавней Нестеровой Веси».

Разная судьба ждала уралоалтайские племена, некогда преодолевшие «Киви-панда». Одни ветви — финны, карелы, эсты — расцвели, образовав отдельные нации. Другие же растворились, ассимилировались. Меря обрусела уже к XI веку. Племена веси сохраняли свой уклад до начала XX века. XX же век не русифицировал «нестерову весь», как предполагал В. Н. Майнов, ибо и сам русский народ потерял свой исконный облик, пострадал от интернационализации не меньше, если не больше, нежели малочисленные народы. Большие изменения претерпела и верхневолжская весь. Ныне нет такой народности на карте России. Есть прямые потомки веси — вепсы. Как сообщает Большая советская энциклопедия, вепсы живут ныне небольшими группами среди русского населения в Ленинградской, Вологодской областях и в Карелии. По переписи населения 1959 года их насчитывалось 16 000 человек. К 1979 году их осталось всего 8100 человек. Основная масса вепсов занята в сельском хозяйстве.

М. ЧУДИНОВ

(Статья написана по материалам исследования В. Н. Майнова «Приоятская чудь» и «Нестерова весь», а также по фактам из энциклопедических словарей Южакова, Брокгауза и Ефрона, Гранат)

МОЛЯНЫ МОРДВЫ ХВАЛЫНСКОГО УЕЗДА

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Иакову, епископу Саратовскому
и Царицынскому и Кавалеру
Проживающего Хвалынского уезда,
Барановской волости, деревни Телятниковой из ясашных кантониста Тимофея Леонтьева

ВСЕПОКОРНЕЙШЕЕ ДОНЕСЕНИЕ

Рожден я материею от законного отца моего, умершего рядовым солдатом в полевой службе, и до возраста положенных лет отдан на воспитание матери по билету, а ныне ею испрашиваюсь в силу Высочайшего указа у правительства на призрение старости ее. В малолетстве мать препоручила меня достойным учителям, попечением коих образовывался я как в чтении российской грамоты и в других нужных предметах учения, так наипаче в исправлении моей нравственности при внушении главных необходимых христианских обязанностей; обучался и письмоводству по проживанию моему в означенной моей деревне в 580-ти душах состоящей, принял тамо обществом в должность сельского писаря, где с возрастом лет моих внял, что в единоплеменных со мною жителях мордвах с истинным правоисповеданием христианской веры не истребилось доселе и древнее предков заблуждение идолопоклонства. Редкая семья, чтоб сею заразою не одержима.

Пришедши до осьмнадцатилетнего ныне возраста, страдая душою моею о вечной погибели всех, ближним моим и прочим открывал заблуждение их в суеверии и помрачение тем самым истин христианства. Но они при внимании и справедливых моих внушений по невежеству своему только и возражают сим: «Сей обряд исполняем мы по обычаю предков наших, коими признан за благо; и естьли оставим молян сей, то случится худо, ибо один де год не исполнили родители наши — был им большой вред во всем». Таковое глупое мнение их и невозможно отвратить никак частному низкому лицу, сколько б кто благоразумно их не убеждал и ни умудрял во спасение. Продолжение же их долга идолопоклонническое совершается как, в которое время года и где — нижеследующим обнаруживаю.

1-е. Когда поминают родителей, тогда на тот день перед обедом каждое семейство становят припас на стол для пищи изготовленный; потом молятся сначала пред иконою как должно, с возжен-

---

Публикуется по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Саратовской области (ф. 407, оп. 2, д. 1904). В тексте сохранены некоторые лексические и стилистические особенности, характерные для того времени. Заголовок дан издательством.

ною свечкою, напоследок взявши горшок с кашею, обращаются к двери и отворив их несколько, шепчет из них одна из старших женщин, призывая домовицу дома о сохранении всего, скобливши ножом грош, и посылает как бы деньги в поддержание умершим; и затем одни обедают дома, а другие уходят на кладбища и там, по отслужении священником панихиды, наливают в стакан браги и другого пойла и, отрывши на могиле ямочку, вливают и кладут в нее, подчуя тем умерших, и затем, в воспоминание их, закусивши сами, расходятся по домам.

2-е. Весною, пред посевом ярового хлеба, запасши на домах лучший обед и взявши с собою и вина или браги, выезжают все ясашные крестьяне совокупно в один день каждый на свой загон, делают по-своему такой же молян и по оному, отрезывая горбушки от хлеба, и в оныя по кусочку вкладывая от всех их запасов, зарывают в землю, и потом обедают сами, и приветствуя друг друга по соседству, угащивают, и затем начинают посев.

3-е. Таковой же молян творят и женский пол у них весною же внутри деревень при речке; режут овцу, сварят оную и кашу, и сносят с собою наздобленные пирожки, яйца и масла, и отправивши мольбу по-своему, обедают.

4-е. Сверх сего крестьяне в июне на Петров день, и в августе на Флоров день, выходят на поле к речкам и родникам, режут там быка или овцу, разбирая по времени, наварят и меду кадушку и, творивши такой же молян, по оном равно обедают, пьют мед и расходятся.

5-е. Особенный же молян бывает у них или на самый праздник Покрова, или пред тем за несколько дней, и называется Султан-Керемедь. Сходятся они недалеко от деревни на овраг к дубу (по-мордовски называется «ини чинь тума», что по-российски значит «Святого дня дуб»), с съестными так же из домов припасами. Готовят тамо на пойло мед во многом количестве, варят гуся; потом расстилают по косогору полотняные полога и большие столешники; на оные раскладывают принесенные с собою припасы; при том трое или четверо из стариков наденут на себя белые холстяные одеяния, и округ всякого приуготовления обходят один за другим раза три, касаясь руками каждой яствы, и приговаривая слова по-мордовски: «Белы ноги Керемедь! по лесу ходя Керемедь! по полю ходя, Керемедь! мы тебя чтим и ты нас сберегай!»; стоящий же позади народ и множество из женщин, зря на служащих, то творят, что им повелевается: делают коленопреклонение за ними; и затем, как наряженные отрезывают от хлеба горбушку и положивши на оную по кусочку от всех ядений, сами сперва отведывают и передают другим, а остатки зарывают в землю; так же делают за ними и прочие; засим и дуба в большое дупло тоже опускают и на дерево кладут, особливо старухи, кланявшись пред дубом и скобливши гроши ножом, туда ж и деньги бросают; а женщины и из прочих деревень сходившиеся в какой-либо немощи и печали, между тем принесенную с собою холстину аршина два или три

прикладывают к дубу и, унесши с собою, хранят на исцеление года два и три, и после отдают на одежду служащих. Как означенно, оправивши таким образом молян, садятся всякой при своем припасе, обедают и угащиваются медом, и после расходятся, и при расходке одеяния от старших отдаются под сохранение другим, которые означутся тем, что они на будущий год будут приуготовителями такого ж празднества; и сие исполняется в мордвах с великою осторожностью от всякого начальства. Каковые празднества древнего идолопоклонства Барановской волости и у других, как довольно известно, в селах, особенно в глухих деревнях, не опустительно отправляются, но только в каждом по своему названию и в разные по их обычаям времена: вот какая глупая слепота в моих единоплеменных; и от чего издавна такая зараза и при христианстве не истребится и мрак в их сердцах суеверия не исчезнет.

Конечно, прежде от непросвещения самых их пастырей и учителей свет истины не внедрен совершенно,— темнота заблуждения совсем не прогната, что видно и ныне; ибо священно-церковнослужителям когда учить, особливо в деревнях: — зимою холод недопущает, собственные житейские попечения; настанет весна, надобно пахать; варят браги, оставляя в праздничные и воскресные дни в храме Божием и службу, собирают мордвов на помочь и по трудам поят и угащивают их, что слабым беднякам по навыкам и найдено; настанет парка, покос — тоже: настанет жнитво,— тогда сходятся всякой пол и по трудам угащиваются, и утучнясь-упившись, уходят при борьбе, с шумом и песнями срамными, и тем проводят праздник; тож крестьяне исполняют и между собою; когда нет помочей, вымышляют возложить на бедного в чем-либо вину, и отклоняя телесное наказание, опивают его, и тем немощного немощнее соделывают; в богатых других нет никакого сострадания ко всякой нищете; другому в голод хлеб от избытка своего уделяют и за деньги против посильной цены, а во всем оскудевшему и кусок хлеба жалко подать; и это от того, что не вкоренен в сердца их страх Божий, не напоены благочестием, не посеяны плоды любви к ближним, кто и что в связи с каждым, не внушено...

(...) Осмеливаюсь донести и о чувашах, которые ожесточеннее кажутся и вреднее совсем в зловерии своего идолопоклонства; они также почитают за Бога предков своих какого-то идола Ирика, коему равно делают моляны в нарочитые дни года в определенных дубровах, куда просто заблутавшись посторонний человек не выдет, не получа себе великого вреда; какие многие рассказывают в повреждении здоровья, если не выведен будет случающимся там чувашником; в домах своих всякой хранит тайно какие-то еще куколки бесовские и им поклоняются; детей многие крестят взрослых, когда уже дознаются сами священно-церковнослужители.

Для какового рода обоих иноплеменных ясаков, по мнению здраво мыслящих, не следовало бы и определять в пастыри, кольми паче в начальники из рожденных у них в духовенстве, ибо таковые, возростши там, привыкают к их обычаям и нравам, а, сле-

дователно, и мольбы их и все обряды древнего многобожия за маловажное почитают, как бы за праздное одно пиршество. Из духовенства же великороссийской Церкви определяемые, кольми паче пресвященные все зловерие таковых могут обсуживать безпристрастно, гнушаясь их заблуждениями, могут паче о них сожалеть, и из единого человеколюбия духом кротости убеждать и преклонять к истинному христианскому Богопознанию; к сему и из разследователей должен быть избран посторонний, отличенный в добродетели, не любостяжательный, кроткий, но проницательный, который бы обилующий сим мог подробно вникать как во внутренность вероисповедания прихожан, так и в качества самих благочинных с духовенством, сколько они успевают посевать словобожие в сердца им вверенного стада, отдаляя всякое пристрастие.

Равным образом ко просвещению в истине осмеливаюсь коснуться и татар новокрещенных, каковых несколько имеется и по Хвалынскому уезду, а большая часть по Кузнецкому. Которые также обязанности христианские совсем не хранят, но и паче жительствующие совокупно с татарами магометанского закона; стригут головы, ядят все без разбора — и маханину, не хранят постов, ни среды, ни пятка, и о таинствах веры ни мало не понимают за нерадением, по-видимому, пастырей же, коих нравственность и требует особенного равно вникания и поддержки со внушением христианского правоисповедания; что представляя и ныне в благоразсмотрение ВАШЕ, обнадеживаюсь подкреплением и паки при Святительском ВАШЕМ ободрении; да тем, если паче еще получу увольнение из кантонистов от военной службы по милости Монаршей на призрение матери моей, то на свободе и более поревную изкоренять из сердец невежествующих всякое заблуждение к общему всех при благодати Божией утешению; в надежде споспешения, но и паче от подборы вашей есть ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА! Милостиваго Архипастыря и отца! всенижайший и подданнейший раб Хвалынского уезда Барановской волости деревни Телятниковой из кантонистов ясашный Тимофей Леонтьев. Июля 5 дня 1840 года.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО!

Милостивейший Архипастырь! Благотворительный Отец!

К подробному уразумению всякой мольбы при всяких случаях окрещенных ясашных мордвов по внушению Вашему на вид и следующее объявляю:

Иисусовой молитвы краткой: «Господи Иисусе Христе! Боже наш, помилуй нас» без ошибочно и то не могут ни мужской, кольми паче женский пол, проговорить, а о других молитвах и понятия не имеют, кроме разве некоторых в нынешнее время из учащихся грамоте молодых мордвов; однако некоторые из постоянных стариков жалеют о неведении нужного к познанию, завидуют сведущим; только мешаются, откуда научиться.

В прочем, пред обедом в праздники, или в дорогу отлучаясь, или в особенности за что-либо молитву говорят так: «Вере Паз, Покш Паз, корминиц, аштик тоньць кимнек, весиме тевинь кулыма, берень Таркада, Благгый причада, а пара стречада, Благгый Сельмида, Лиходейда, Злодейда, а пара ломаньда, вант тоньць, Венстик кедид стявтык полыть стяда чарчавск, пирень заборск».— Сие по-российски означает: «Верхний Бог! Большой Бог! кормилиц! стой сам за нас во всех делах, от напастей и бед, от негодного приключения, от худой встречи, нехорошего глаза, лиходея и злодея, от недоброго человека, береги сам, протяни руку, подыми полу, заставь и прикрой и загради как забором».

Когда же на стол все поставят яства, то говорят, молясь пред иконою: «Всена пидинь панинь кши, сал аша Кенца; пара мельца, вана каша чикшке, зняра эйсынза ямскит, зняра невть Миненик парогнить». По-российски: Вот печеной и свареной хлеб с солью белыми руками, с добрым сердцем; вот каша в горшочке; сколько в нем крупин, столько окажи нам доброго».

В церкви и в домах пред иконою Святителя Николая, становя свечу, так молятся: «Микола милостивый! корминиц! вана тоть путан свеча! вант Аштик танызь весиме таркада кусельми». По-русски: «Никола Милостивый! Кормилец! вот тебе ставлю свечу! смотри и защищай сам во всех делах».

При отъезде в путь молятся еще так: «Вере Паз! Покш Паз! Нишке Паз корминец! вант Тоньць киява якамста стящетва, прамста, чинь ащимства вень удумста чокшнипь и валскипь Паз! Чит чивалца веть ковалца лихой ломанде, злодейде а пара арцийде, благгый причада благгый стречада и чумбраста парсте кудав-чив самета ванык тоньць. Энялтана и тыненьк теипят, а ват, поктят, бада видичин Паз и киле кода мин лемикк пиликк кундасыник». На российском: «Верхний Бог! Большой Бог! питательный Бог Кормилец! Сберегаю сам когда в дороге ходим, встаем, ложимся во время дневного покоя и нощного сна, вечерний и утренний Бог! при солнечном и месячном свете от лихого человека, злодея недобромыслящего, от дурной притчи и нехорошей встречи, в добром здоровье возврати в дом, сбереги сам. Просим и вас, отцы, матери, дедушки, бабушки, родственники и родственники: вы на праведном свете просите праведного Бога, когда мы имя ваше воспоминаем». (...)

Июля 6-го дня 1840 года

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО!

Милостивейший Архипастырь и отец!

К видимости ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА объявляю о нижеследующем:

1. Ежегодно до наступления праздника Рождества Христова 24 числа декабря месяца у крестьян Мордовских селений в каждом доме пекутся нарочно небольшие пирожки в честь каляды, и по-

том, по изготовлении и других яств, посылают малолетних детей своих к каждому хозяину дома под окошко просить чрез каляду подояния из пирожков; в вечеру же все взрослые мущины то же делают, а когда, обошедши все селение, то подаянные за каляду пирожки продают, и за деньги сии нанимают одну избу (и игрока), в эту избу сходятся все они во время Святок по вечерам и пребывают тамо всю ночь, делают из соломы идола и сожигают оного; и сверх сего забавляются не приличествующими христианами поступками и при рассвете расходятся.

2. В это же время некоторые из крестьян выходят на поле, или к речке, без крестов, следуя туда, в пути промежду собою ни о чем не разговаривают и о молитве в мыслях не воображают, ложатся при дороге на перекрестках не в одном месте, а один от другого поотдаль, лежавше не долго встают все, и так же не говоря ни о чем, следуют обратно в домы свои и по приходе рассказывают семейным и сотоварищам своим о том, что кому причудилось: иные слышат жнущих, другие возящих снопов, молотящих хлеба, плачущих и проч., и чрез сии привидения примечают, что в наступившем году будет происходить.

3. Когда у мордвов случается свадьба, то пред выездом для бракосочетания выходят на улицу родители жениха и невесты с поезжанами, имея при себе коровай хлеба и какого-нибудь пойла, поклоняются они к воротному столбу с приклонением колен, о чем-то пропоют по своему обычаю и потом отъезжают в путь с невестою.

4. Во время случившегося у кого-либо в доме упокоившегося приходят сродники и соседи, приносят на поклонение к усопшему гроши, наздобленные пирожки и разные овощи и отдают все оные представленному при упокойнике из них престарелому человеку, который, получа приносимое, кладет все на стол, и потом делают коленопреклонение, скобливши пред умершим ножом гроши и щиплют от всех съестных припасов по кусочку, привязывая прежде успокоившихся своих родителей, и таким образом отправивши мольбу, посылают за священником для отпетия умершего, а потом, по отпетии, умершего относят на кладбища, в доме же на его месте кладут топор и подушку и, наконец, оставшиеся щепы после резки и избной сор вывозят за околицу и сваливают при дороге неподалеку от кладбища, и в сих местах останавливаются, когда проходят для поминовения на кладбищах родителей, и делают тамо к щепам поклонение, бросают и гроши с кусочками, и после сего расходятся; а естьли кто, проходя, внезапно найдет на оное место и коснется к щепам, тому бывает великий вред, для исцеления от сего вреда делается особая мольба женщинами.

Таковые суеверия замечены были сельца Баевки дьячком Михайлою Скворцовым и усугублено им действия к предостановлению. А к отвращению от всех прописанных закоснелостей по убеждению моему приняты меры деятельности в сельце Баевке и деревне Телятникове местными сельскими начальниками, а в

прочих селениях по Барановской волости членами волостного правления.— Другие же богопротивные качества, о которых прежде доносимо было много ВАШЕМУ ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ, начали понемногу прекращаться, о чем представляя в благорассмотрение ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА при покровительстве вашем и остаюсь ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА! Милостивого Архипастыря моего и отца всенижайший раб х. окр. д. Телят. из ясаш. кон. Тимофей Леонтьев.

4 октября 1840 года

ЕХАЛ ПО ВОЛГЕ РУССКИЙ КНЯЗЬ МУРЗА

О заселении Среднего Поволжья русскими так говорится в народном предании мордовского племени, жившего здесь в глубокой древности:

«Поехал по Волге русский князь Мурза. На ту пору на горе мордва в белых своих балахонах молилась богам. Спросил Мурза своих воинов: «Что это за березник шатается, мотается, ко земле-матушке на восток переклоняется?» Посланные донесли, что это не березник мотается-шатается, а мордва своим богам молится; в бадьях у них стоит пиво сладкое, на рычагах висит яичница, в котлах янбеды (жрецы) говядину варят. Мордовские старики, узнав о прибытии русского царя Мурзы, послали ему с молодыми людьми говядины и пива.

Молодые люди дорогой говядину съели, а пиво выпили, а русскому князю принесли земли да воды. Князь Мурза обрадовался этому дару, принял его за знак покорности мордовского племени и поплыл дальше по Волге-реке.

Где кинет на берег горсть поднесенной ему недогадливой мордвой земли,— там быть городу, где бросит щепоть — там быть селу. Так и покорилась земля мордовская».

На донесение Тимофея Леонтьева епископ Саратовский и Царицынский Иаков предписал «...поручить иеромонаху Палладию, долженствующему побывать в мордовских селениях дознать о сих суеверных обычаях и о последующем мне рапортовать. Леонтьева поблагодарить за усердие о истреблении суеверных и богопротивных обычаев. Сверх сего просить господина Фадеева поручить своим окружным начальникам стараться искоренять сии зловредные обычаи между мордвою, если оные имеются».

МАКРАЗЬ

Это было очень давно. Вскоре после того, как Вере паз землю создал, небо, светила на небе развесил, сотворил людей и всякую живность. Одному Вере пазу трудно стало управлять огромным миром, он породил себе помощников-сыновей: Нишке паза, которому поручил все земное владение, а потом Пурьгине паза — ему отдал он небо. Два родных брата и лицом, и нравом не были похожи друг на друга — они отличались, как небо от земли. Нишке был сильным, по-мужицки красивым и добрым; Пурьгине же родился раздражительным, завистливым, может, оттого, что росточком не удался, да от рождения у него правая нога была немного короче левой. Он всегда вставал с левой ноги и целый день хмурился, гремел, метал огни и молнии. Отец Вере паз, зная о хромоте сына, подарил ему золотую колесницу и тройку быстрых коней.

— Катайся, Пурьгине, по небу, поливай землю благодатными дождями, громами пугай ослушников, великих грешников поражай огненными стрелами.

Сначала Пурьгине делал то, что было ему велено, но потом возгордился, по своему усмотрению и судил, и наказывал и неправых и правых. Метал свои огненные стрелы не только в грешных, а и для острастки, для ублажения своих прихотей. Он смотрел с высоты, как, заслышав его громовой голос, поджав хвосты, прячутся в укрытия собаки, крестятся и дрожат люди, перестают петь беззаботные птицы.

Взмолились люди, попросили они своего заступника Нишке паза: уйми, мол своего брата, безобразничает, спасу нет. Нишке побратски уговаривал буйного Пурьгине паза. Прямо сказал ему:

— Я, брат, живу на земле среди людей, слышу, как плохо они о тебе говорят, шепотом осуждают твои деяния... Не любят тебя люди.

— Пусть не любят, лишь бы боялись.

Так говорила в Пурьгине его гордость. Но в глубине души горько ему было оттого, что никто его не любит.

Катаясь по небу, Пурьгине не раз видел, как с наступлением сумерек выходит из Суры молодая красавица Ведява, садится на белый камень и золотым гребнем расчесывает свои шелковые волосы. Захотел Пурьгине паз, чтобы она стала его женой. И уговаривал, и угрожал Ведяве, но она и слушать не хотела. Только завидит Пурьгине, сразу же прячется в омут.

Понял Пурьгине, что добром не пойдет за него Ведява. Стал кружить над Сурой. Бешено понеслись небесные кони, завертелось небо, поднялся сильный ветер. Крутясь волчком, он опустился в омут, где жила Ведява, и закружил ее вместе с водой, ры-

---

* Легенду Макразь и последующие легенды этого раздела литературно обработали писатели В. К. Радаев и М. А. Втулкин.

бами, раками и травой придонной, поднял в небо к Пурьгине пазу.

После того, говорят, был чудной дождь. С небес падали на землю живые лягушки, раки, рыба всякая: мелочь там, и сомы, и стерлядь сурская. Люди ходили под струями ливня и мешками собирали живую рыбу и раков. Потом все лето Пурьгине в небе и не показывался, прятался в густых тучах.

А на земле настала великая засуха. Не было дождей, обмелели реки и озера, высохли ручьи и колодцы. Увяли травы и цветы, сгорели хлеба. Плакали-плакали люди, пожаловались Нишке пазу:

— Что это ты, наш великий покровитель, разгневался на нас, лишил воды?

— Как? — удивился Нишке.— Почему нет воды? Где Ведява?

— Нет ее на земле, Пурьгине утащил в небо.

Оставил на время Нишке землю, взвился в небо к Вере пазу и сказал ему:

— На земле засуха, голод, умирают люди, дохнет скот, травы и цветы сгорели, на земле не стало воды! А все потому, что Пурьгине Ведяву на небо утащил.

Вере паз ничего не знал о делах земных, полностью доверился Пурьгине и царствовал, лежа на боку. Тотчас же повелел он непослушному сыну вернуть Ведяву на землю и все хорошенько полить дождем.

Не хотелось Пурьгине расставаться с красивой Ведявой, но перечить отцу он не посмел: чего доброго — золотую колесницу отнимет. Разразился он ливнями и возвратил с ними на землю Ведяву.

Прошло время, и у Ведявы родилась дочь, которую она назвала Макразь.

Шли дни, годы, Макразь росла, расцветала, стала красавицей несказанной, умницей, все понимала, только одно было горе: говорила слишком тихо,— как рыба, рот разевает, а не слышно, о чем говорит,— чтобы услышать ее, нужен был тонкий слух.

Пришла золотая пора и для Макрази, весна ее — молодость. Она стала стройной девушкой и с тоской посматривала в сторону села, где с утра до вечера работают люди, бегают девушки и парни. По ночам она стала выходить из воды. Как мать, садилась на белый камень, распускала свои косы и расчесывала волосы золотым гребнем. Иногда уходила в глухой лес и слушала песни деревьев.

Однажды вечером сельские парни и девушки пришли водить хороводы к реке. Макразь бесшумно вышла из воды, спряталась за березами и смотрела на праздник молодых. И тут от хоровода отделился высокий кудрявый парень и подошел к ней. У Макрази голова закружилась: таким красивым показался он ей.

Юноша склонился к земле, сорвал красный цветок и протянул его Макрази.

— Здравствуй, девица-красавица. Что стоишь в одиночестве? Идем с нами хороводы водить.

Макразь улыбнулась ему, смутилась, убежала в прибрежные кусты и бесшумно исчезла в реке. Юноша ходил по берегу, искал ее, думал: «Вот чудо! Как в воду канула».

— Может, привиделось? А? Такая красавица, будто сам Нишке паз создал ее, как цветок счастья.

После этой встречи Макразь вовсе лишилась покоя. Все ночи проводила на берегу, ходила по лесу, все надеялась, что парень придет и опять подарит ей красный цветок.

Парень тоже думал о ней и вот снова пришел к омуту.

Тут они и встретились во второй раз.

— Здравствуй, душа-девица, красота ненаглядная. Пойдем на луг зеленый, там цветов много, там мятой и цяпором* пахнет.

Он протянул руку девушке, и она послушно пошла с ним. До самой зари гуляли они по лесным тропинкам, по бархатным лугам. Парень рассказал ей, что он единственный сын старейшины села Вечкузы. А село это за Давол-горой, на берегу тихой речки. Зовут его Дуваром.

Макразь кивала, подтверждая, что она все понимает, иногда произносила слово, как умела: тихо, почти шепотом. Парень плохо понимал ее, зато он хорошо видел красоту Макрази.

На следующий вечер Дувар опять пришел к омуту. Макразь ждала его, и они, взявшись за руки, опять ушли в лес. Так продолжалось недолго. Дувару хотелось, чтобы девушка разговаривала с ним и пела ему песни. И тогда Дувар сказал:

— Макразь, я не могу целыми ночами говорить с тобою и в ответ слышать шепот. Мне нужно, чтобы ты говорила, чтобы пела мне песни о великой любви. Я приду снова, когда услышу твою песню.

— Песни любви не слушают,— прошептала Макразь,— ее сердцем чувствуют.

Не расслышал ее слов Дувар. Не простившись, быстро зашагал к Давол-горе.

Макразь прыгнула в омут, темные круги побежали по воде. Взволновалась Сура, подули озерные ветры.

Целый день проплакала Макразь в своей светелке. Мать ее, Ведява, обо всем знала, но не докучала ей. Только наставляла, мол, не надо давать сердцу воли, можно любить, но не сгорать в огне. По-своему она была права, ведь она была владычицей холодной воды, и сердце у нее было холодное.

Вечером Макразь опять вышла на берег ждать Дувара. Она не верила, что он не придет. Но проходил час за часом, уже меркли и гасли звезды на синем небе, а Дувара все не было.

Когда румяная зорька повесила на краешке неба свою красную фату, услышала Макразь песню. Песня звучала издали, плыла над Сурой, над прибрежными лесами, песня завораживала. За-

---

* Цяпор — благородная трава.

стыла Макразь на месте. А песня все звенела и приближалась к ней.

Подошли к омуту парень с девушкой. Парень высокий, красивый, а девушка и росточком мала, и лицом неказиста. Они встали у дерева, и Макразь слышала, как парень сыпал упреки девушке:

— Поешь ты, Дана, что соловушка. Приятно с тобою быть, сладко тебя слушать, но ходить с тобой можно только темной ночью, чтобы не видеть лица. Мне хочется выйти с тобою в люди, да боюсь осмеют меня.

— Где же взять красоту, если бог не дал?

— А мне по моей красоте нужна красивая девушка. Я больше не приду. Вот и весь мой сказ.

Парень резко повернулся и побежал, будто боялся, что девушка побежит за ним. Но девушка стояла как окаменевшая, только слезинки одна за другой скатывались по лицу, падали на омытую росой траву.

— Боже мой! — с ужасом простонала Дана,— зачем создал ты меня несчастной, некрасивой? Зачем мне мой прекрасный голос, нежная душа, если он меня не любит? Где мне взять красоту? Чем так жить, лучше в омут!

Девушка уже готова была броситься в омут. Но чья-то рука легла ей на плечо, и едва слышный голос сказал:

— Не надо в омут. Там вечно темно и холодно. Я сделаю тебя красивой, твой парень полюбит тебя. Но ты за это должна отдать мне свой чудесный голос.

— Значит,— сказала Дана,— ты мне свою красоту, а я тебе свой голос.

— Да, да,— закивала Макразь.

— Пусть будет так. Я согласна!

Макразь взяла Дану за руку, подвела к берегу реки. Она стала шептать заклинания. Вздрогнуло, загрохотало небо, огромной волной выплеснулась вода из Суры, окатила девушек и обратно сползла в реку. Успокоилась зыбь, вода стала зеркально чистой.

— Посмотри на себя, красавица Дана! — крикнула Макразь.— Теперь ты будешь счастливой.

Дана увидела свое отражение в Суре, ахнула, но и сама не услышала своего вздоха: с зеркала воды смотрела на нее девушка красоты небесной. Девушки поцеловались и разошлись довольные.

Макразь так же после ухода Даны долго смотрела в зеркало реки, но не жалела о своей былой красоте. Она кричала, она пела, она восторгалась своим серебряным голосом и думала: «Вот теперь-то Дувар вернется. Надо только сложить песню о любви».

Песня была в ее душе и теперь рвалась в широкий мир. Макразь спела ее сама себе. Потом спела рыбам, вышла на берег, запела громко, нежно, призывно. Умолкли птицы, тесным кольцом окружили ее деревья, наклонились вершинами, чтобы не пропустить ни единого звука; травы встали на цыпочки, тянули вверх свои головки, чтобы лучше расслышать песню о великой любви.

Чудесной, воистину самой лучшей песней была эта песня. Рассказывают, что древние певцы не знали ее слова и музыку, а теперь никто из людей не знает этой песни, а деревья, цветы и травы поют, но поют на своем языке. Говорят, влюбленные слышат ее.

Буйные ветры подхватили песню Макрази и принесли в село Вечкузы. Дувар услышал в ней свое имя, встала перед ним во всем величии своей красоты Макразь. Он не мог не пойти к ней.

Он запел песню и пошел к омуту. Быстро сгущались сумерки, небо покрылось тучами, ночь черным пологом накрыла землю. Темным-темно в лесу. Дувар шел по знакомой тропе, песня Макрази звала и указывала ему путь. Они встретились... И долго, долго, до самой осени, слышалась над Сурой эта великая песня любви. Но в это же время не было ни одной лунной ночи, висели тучи в темном небе, нигде и малая звезда не блеснула.

Холодно стало в осеннем лесу, деревья сбросили свои нарядные платья, птицы покинули свои гнезда, улеглись на землю травы — все готовилось к долгой зиме.

— Мерзну я,— прижимаясь к Дувару, говорила Макразь.— Пойдем ко мне. У моей матери в хрустальном дворце тепло. Проведем там холодную зиму и вернемся сюда летом. Я буду тебе женой, я рожу тебе сына.

Призадумался Дувар и, помедлив, сказал:

— Пойдем!

Макразь взяла его за руку.

— Ты иди за мной, только я знаю дорогу в этот подводный дворец. Мы очень скоро будем там. Там очень, очень тепло!

Идет Дувар за Макразью, они вошли в воду, шаг... второй, уже по колено в воде парень. Будто острым ножом колола холодная вода. Он остановился:

— Подожди, Макразь. Дай дух переведу. Я... Я, пожалуй, не пойду в твой хрустальный дворец. Перед матерью твоей я должен появиться настоящим женихом, нарядным. Рубаха на мне не новая, лапти поношенные. Пойду наряжусь, да и родительское благословение для жизни нам нужно. Матери надо сказать, она умрет от горя, если я вдруг уйду из мира.

— Смотри, Дувар, воля твоя, речи твои умные, родительское благословение нам нужно, без него счастья не будет. Иди и возвращайся вечером. Вернешься?

— Как же, Макразь. Я вернусь. Порази меня гром, если я не сдержу своего слова.

Макразь вывела его из воды. Они простились.

Но не пошел Дувар вечером, и на следующий день не пришел, сколько ни звала его Макразь песней о любви. Она ходила по берегу, вокруг нее резвился ветер, теребил косы, шелестел ее платьем. Она крикнула ветру:

— Не вертись подле меня! Слетай на Давол-гору в Вечкуз веле*, донеси мою песню Дувару.

Ветер распростер свои невидимые крылья и улетел. Он очень скоро вернулся и прошумел над Макразью:

— Не пой, Макразь, песню о любви, нет ее, любви, у людей. Дувар твой сейчас сидит за столом с невестой, он обманул тебя. Он больше никогда не придет к омуту.

— О! Великий Вере паз, и отец мой заступник Пурьгине! Помогите мне в моем горе. Верните мне мою любовь,— воскликнула Макразь.

Вздрогнуло небо. Над Сурой пронеслись черные тучи, гремел гром. Тучи обогнули Давол-гору, закружились над Вечкузом. И тут, привстав на край черной тучи, хромоногий Пурьгине метнул на землю огненную стрелу...

Стрела угодила в дом старейшины, где гремела-шумела свадьба Дувара. Одни черные головешки остались.

Туча повернула обратно, поплыла над Сурой и остановилась над омутом, сверху донесся громовой голос Пурьгине:

— Я исполнил веление Вере паза, я поразил стрелой неверного, он сам избрал себе судьбу, поклявшись тебе.

Улетела туча. С воплями отчаянья нырнула Макразь в омут и больше никогда не показывалась людям. А люди помнили ее песню о великой любви. Девушки бросали в омут венки живых цветов. Молились ей, просили у нее красоты и счастья. Все мордовские племена чтили ее, и потом, когда в наши края пришли славяне, они тоже поклонялись Макрази, только имя немного по-своему переделали, Мокрошью называли.

ВОЛГА-РАВ И КАСПИЙ

Очень давно это было, никто не помнит. Наверное, на самой заре жизни. Жил тогда в стране Высокого Солнца могучий богатырь Каспий. Роста огромного, грудь и плечи широкие, красивым был Каспий: волосы густые, черные, кольцами вьются, глаза карие — насквозь пронзают, нос, как клюв орлицы, а лицо смуглое. Он ездил на огромном вороном коне.

Недалеко от Каспия, в сторону Белой Ночи, жил другой богатырь — Рав. Он был тоже очень высокого роста, пожалуй, выше Каспия, тоже красивый: станом стройный, как сосна, беловолосый, нос прямой и тонкий, а глаза голубые-голубые, как ясное весеннее небо. Рав был таким могучим и тяжелым, что ни один конь не мог удержать его. Он ходил пешком, и когда шел — земля под ним содрогалась.

Сначала мирно, по-добрососедски жили эти богатыри, но потом... Пришла и поселилась неподалеку девушка, тоже высокая,

---

* Веле — село.

сильная, а уж красивая — и описать не опишешь, и нарисовать не нарисуешь: такая же красивая, как утреняя заря. Звали ее Волгой.

Увидел ее Каспий и сказал:

— Эта девушка моя. Я женюсь на ней.

Встретил ее могучий Рав, улыбнулся и тоже сказал:

— Эта моя половина, я должен жениться на ней.

Долго спорили богатыри, но ни о чем так и не договорились. Тогда Рав сказал Каспию.

— Пойдем спросим у самой девушки, за кого она замуж пойдет.

Пошли. Каспий — впереди, на коне, Рав — немного поодаль, пешим.

Встали они рядом перед Волгой и спросили:

— Свет-красавица Волга! За кого выйдешь замуж?

— За самого сильного,— ответила девушка.— Мне нужен сильный муж, чтобы дети были здоровыми и сильными.

— Я сильнее! — закричал Каспий.

— Это еще проверим,— сказал Рав.

Сцепились два могучих богатыря. Земля дрожмя дрожала, тучи на небе покачивались, солнце прикрывало лицо, как бы камушком не ударило.

Сильным был Каспий, но Рав еще сильнее. Он победил смуглого богатыря Каспия.

Волга встала рядом с Равом, прижалась к груди, а печальный, хмурый Каспий вскочил на своего вороного коня и ускакал в свою страну Высокого Солнца.

Счастливо зажили Рав и Волга. На первом же году Волга родила Раву двух дочерей-близнецов, Оку и Каму. А потом пошли сыновья и дочери, дочки и сыновья. Родился Большой Иргиз, Сок, Сура. Родилась дочка, капелька в капельку на отца похожая. О ней говорили: «Это сама Ра» и имя ей дали Самара. За долгую жизнь они много-много детей народили, дети в свою очередь тоже нарожали. В роду Рава и Волги сыновей-дочерей, внуков и правнуков было более четырехсот.

А смуглый красавец Каспий жил бобылем. Ни жены, ни детей у него не было. Он завидовал Раву, клял свою судьбу, что тогда не улыбнулась она ему и не помогла победить Рава. Он думал: «За это время я стал более богатым, более сильным, чем Рав. Теперь я имею право владеть самой красивой женщиной, Волгой». Собрал Каспий вокруг себя множество помощников: бури песчаные, ветры-суховеи, зной, жара — все пришли к нему. Повел свою рать Каспий на земли Рава. Далеко зашел.

А Рав не стал дожидаться, пока злой Каспий иссушит суховеями его земли, переломает бурями леса, сам вышел навстречу Каспию. Долго сражались богатыри, ни на шаг не отступил Рав.

А Каспий пядь за пядью все пятился, и наконец загнал его Рав в огромную глубокую впадину. Вокруг горы каменные,— больше некуда Каспию деваться. Тут-то Рав и ранил в грудь Каспия. По-

лилась оттуда не кровь, а иссиня-зеленая вода. Набралось столько воды, что она заполнила всю впадину. Подул ветер, забегали крутые волны — бунтовал, негодовал Каспий. Это огромное скопление воды назвали люди морем Каспия, то есть Каспийским морем. Оно во всем похоже на своего прародителя: хмурое, суровое, а начнет буйствовать — волны из стороны в сторону мечутся. Оно вечно нелюдимо, никто к нему в гости не ходит, и само оно дороги к другим морям не знает.

Недолго после богатыря Каспия жил и Рав. То ли от ран умер, то ли старость подошла. Как только перестало биться его сердце, сразу же упала и умерла и Волга. Она была его половиной, у них была на двоих одна душа.

Весть о смерти Рава и Волги разлетелась по всей земле, от Каспия до страны заходящего Солнца. Горькими слезами заплакали дети, внуки, правнуки и пра-правнуки Волги и Рава. Они все пошли к родительскому дому, и вслед за ними тянулись реки, речки и ручейки. Когда они подошли к усопшим, за ними катилась широкая величавая река. Она взяла в свои объятья останки Рава и Волги и стала могучей, как Рав, и красивой, как Волга.

С радостью смотрели люди на эту реку, и каждый по-своему выражал свой восторг. Одни говорили: величавая и красивая, как сама Волга, и называли реку Волгой; другие видели в ней силу и благородство Рава и говорили: ну точно, как Рав, и называли Равом. Наши предки, мордва, Волгу называли (и теперь называют) Равом. И древние греки оставили записи, что у скифов и сарматов есть река Ра.

КАЧЕЛ

Давным-давно, во времена царствования инязора Тюшти, было одно небольшое эрзянское село, называлось оно Канеть. Стояло оно посреди леса, на широкой поляне. Рядом озеро, очень глубокое и холодное, вода в нем казалась черной, потому и называли озеро Черным.

В этом селе и жил парень-богатырь Качел. Он был у матери семнадцатым сыном. Из всех силачей села никто не мог осилить его. За что он ни брался — поднимал, что поднимал — уносил. И сам он не знал, что не по силам ему.

Жили они вдвоем с матерью, было у них много гусей. Гуси с утра уходили на озеро. Возвращались вечером с прилипшей на перьях ряской, в багровом зареве заката казались зелеными. За ночь ряска отпадала, и утром они опять белой стаей уходили на озеро. Взглянет Качел в окно на Черное озеро и увидит своих гусей: вода от берега до берега — белым бела от них.

Однажды он посмотрел на озеро и удивился: там нет ни одного гуся. Пошел искать — нигде поблизости не нашел. Прошелся по лесу — и там нет.

— Гуси куда-то ушли,— сказал он матери, возвратившись домой.— Искал, нигде не нашел, как в воду канули.

— Не печалься,— успокоила мать,— гусь — птица умная, мимо дома не пройдет, придут сами.

И правда, вечером гуси пришли. Увидел их Качел — удивился: все они были белее снега, как серебром облиты, а лапы в золотистый цвет покрашены. И все такие чистые. Долго удивлялся Качел, потом сосчитал — одного гуся не хватает.

И на другое утро гуси куда-то пропали с Черного озера. Вечером опять одного недосчитался Качел.

На третий день Качел сам погнал гусей на Черное озеро, посидел на берегу и ушел завтракать. Только сел за стол, посмотрел в окно на Черное озеро: там ни одного гуся уже нет. Вечером вернулись гуси домой — одного опять недостает. Так дней пять продолжалось. Как ни стерег Качел, но уберечь гусей не мог. И тогда-то решил парень: «А посмотрю-ка я, куда они ходят».

Утром выпустил гусей. Они вышли за ворота — и прямо в лес. Качел крадучись — за ними. Гуси долго шли по лесу, потом поднялись и полетели над деревьями. Качел побежал за ними: гуси — под облаками, он — по лесу. Качел быстро бегал, коня опережал, зайца догонял и от гусей не отстал.

Опустились гуси на широкой поляне. Вся поляна в цветах, посередине ее ключ, вода из него бьет фонтаном, сверкает под яркими лучами солнца и кажется серебряной. Из ключа вытекает коротенький серебристый ручеек, через сто саженей он впадает в небольшое озеро. Вода в озере тоже серебристая, а по бережкам трава шелковая. В этом озере гуси стали купаться. Уж так купались, так резвились, будто плясали под сказочную музыку.

Качел залюбовался, вся душа его наполнилась радостью. И хотелось ему припасть к ключу, освежить пылающую от быстрого бега грудь, успокоить сердце сладкой прохладой чистой воды. Но он побоялся спугнуть гусей, улетят — так и не узнаешь, кто же крадет их. Качел сидел под густым кустом и все ждал.

Гуси вышли на берег, пощипали зеленой травки на мягком лужке, погоготали, погоготали и заснули. Спят гуси. Только один гусак, приподняв глову, караулит.

Тут откуда-то подул жаркий ветер, стало душно. Заснул и гусак-сторож.

Теперь можно было напиться из ключа. Только наклонился Качел, откуда-то вновь дунул на него горячий ветер. Он поднял голову и видит: стоит под дубом страшное семиглавое чудовище, из семи глоток изрыгает обжигающий ветер.

— Кто пьет мою воду?! — громовым голосом спросило чудовище.— Этот ключ мой! И озеро мое. Кто придет пить мою воду — не жить тому на свете.— Эти слова произнесли сразу семь ртов, из четырнадцати ноздрей сверкнули молнии, повалил дым и огонь.

— Земля — всем людям мать! Вода из земли выходит! Земля ее всем дарует. А уж кому жить или не жить на белом свете, это

еще на озере вилами написано,— ответил Качел чудовищу.

И задрожала тогда земля, солнце покрылось тьмою. И набросилось чудовище на Качела. Не дрогнул богатырь, ножа не обнажив, стал против дива лесного.

Сцепились чудище и молодой богатырь: поляна превратилась в пашню, столетние дубы попадали и тучи над ними колыхались.

Ударит Качел, катится голова чудовища с плеч, но тут же вместо нее вырастает новая, и опять палит чудовище огнем и дымом. На Качеле истлела одежда. Жарко и самому чудищу. Прыгнут они в озеро, выйдут оттуда и снова идут друг на друга.

До обеда бились — никто не побеждает. Сообразил Качел, что голыми руками не одолеть ему чудище. Тогда он выдернул с корнем сосну и стал бить ею чудовище. Бил, пока не искрошилось дерево. Шесть голов отбил. Теперь у змея только одна голова, и силы иссякли.

— Свет-солнышко, добрый молодец,— взмолилось чудище.— Пощади меня, добро твое я не забуду. Дозволь глонуть воды из ключа. Потом уж что хочешь проси, все дам.

Качел отпустил его. Чудовище, хромая, потащилось к ключу. И только глотнуло воды, как тут же выросли все его головы, и тело стало сильнее и больше, чем прежде. И раны зарубцевались, будто их и не было.

— А теперь посмотрим, чья возьмет! — семью ртами засвистало чудовище и набросилось на Качела.

И они снова начали биться... Тут-то обнажил Качел свой охотничий нож и сказал чудовищу:

— Богатыри бьются честно, ты схитрил, хитрость — не сила, жизни твоей не спасет, доброй молвы о тебе не останется. Умирай, вор и разбойник. Это ты моих гусей крал.

Качел ножом пронзил чудовище насквозь и пригвоздил к земле. Взмолился змей перед смертью:

— Знаю, теперь ты, парень, не пощадишь меня. Но исполни мою последнюю волю, похорони меня вон под теми старыми дубами. Копая мне могилу, найдешь свое счастье.

— Испустило дух чудовище, Качел начал было уж ему могилу копать, но в это время прилетел дятел и сказал:

— Не хорони его тут, добрый молодец: лес и ключ высохнут, и трава расти не будет, и птицы оставят свои гнезда. Ты сожги его, а пепел развей по ветру.

Качел так и сделал. Тотчас же тучи рассеялись, засветлел небосвод, весело зашумел лес, поляна покрылась яркими цветами, запел ключ, вода стала еще прозрачней. Качел попил воды и почувствовал прилив новых сил, усталость как рукой сняло, ни ссадин, ни ран на теле не осталось.

Скоро о целебном ключе узнали все жители села Канеть. Они оставили старое место и переселились на красивую поляну, Качела избрали старшим, женили на самой красивой девушке. Он прожил на свете сто пять лет. И до смерти был самым сильным, никто

его не мог победить. А смерть все же взяла. Его давно уже нет, а село, названное именем Качелай, до сих пор стоит у животворного ключа.

ДУША МАТЕРИ

В прежнее время много всяких ведьм было. Иные на них и внимания не обращали. Летит ведьма на метле, ну и пусть. Она, может быть, тоже по делу летит, где-нибудь у них шабаш. Но старый Вардай терпеть их не мог. Увидит, начнет заклинания читать, и угодит ведьма туда, куда он ей прикажет: в кадку, в бочку, в погреб. Бывали случаи, потехи ради — в горшок или кувшин втискивал. Закроет и так денька два держит.

Однажды вместо ведьмы самого Идемевся в дупло посадил. Три дня держал. Все губы искусал Идéмевсь от злобы и, когда выпустил его Вардай, пригрозил:

— Сочтемся, старый! И ты, и твои соплеменники наплачутся.

Через два дня Вардаю в бане черт кипятком глаза ошпарил — ослеп Вардай.

Потом сразу в середине лета, неведомо откуда, нагрянули трескучие морозы. Все заморозили: и ключи, и большие реки. Замерзли и лошади, и коровы, и овцы. Остались только гуси да кошки, но их люди съели.

Пришла Смерть, развязала свой холодный мешок и сказала:

— Лезьте, эрзяне. Больше вам деваться некуда.

Первым умер дед Вардай, черти слепого в полынью заманили. Потом один за другим стали умирать старики, старушки, голодающие, худосочные. А стужа не отстает, еще крепче жмет. Много людей замерзло. Собрались оставшиеся в живых, стали думать, как спастись от лютого холода.

— Надо уходить отсюда,— сказал старик Гомза,— наверное, есть на земле места, где нас черти не достанут?

Собрали эрзяне мелкие пожитки и пошли. Повел их Гомза, но и дня пути не выдержал — умер. Никто не берется вести. Заплакали детишки, запричитали матери.

— Куда делись наши мужчины? — говорили они.— Неужели и детишек им не жаль? Кто же нас поведет?

Мужики молчали... Тогда раздался голос сироты Вечки.

— Не плачьте, женщины! Идите все за мной. Я вас поведу.

Поверили ей люди и пошли за ней. Лютовал холод. Вечка шла и шла, не останавливаясь. Шли за нею другие, падали, вставали и снова шли.

Потом вдруг холод сменился нестерпимым зноем. Жара — дышать нечем. Раскалилась земля, обжигает ноги. Это Идемевсь проказничал, мстил за свое заточение.

После этого вновь похолодало. Но не остановились люди, шли и шли... И это спасло их.

Наконец дошли они до теплой страны. Тут спелые хлеба на по-

лях, на лугах трава выше пояса, реки и озера прямо-таки кишат рыбой.

Только теперь, вырвавшись из рук Смерти, люди до земли поклонились своей спасительнице — Вечке.

Нишке паз за спасение рода дал девушке четырнадцать душ. Пусть, говорит, живет долго-долго на счастье всем людям! Пятнадцать сердец застучало в ее груди. Она раздобрела, расцвела, как алая роза. День и ночь гляди на нее — и не наглядишься. Когда шла по улице, во всех домах растворялись окна, люди любовались ею. Встречали ее люди — низко кланялись. Девушку называли «матушкой-спасительницей».

А сколько парней ухаживало! Многие хотели жениться на ней. Но Вечка вышла замуж за Комеля. Сильным и красивым был этот парень. Но не красота и сила прельстили Вечку, а его необычайная доброта.

Жили они дружно. Родила Вечка четырнадцать детей: семь сыновей и семь дочерей. Каждому своему ребенку, кроме души от природы, дала еще и душу от себя. У каждого из них было два сердца, две души, им и предстояло прожить по две жизни. А сама она осталась с одним сердцем в груди.

Шло время. Выросли дети. Женились сыновья, вышли замуж дочери. У каждого сына было семь сыновей, у каждой дочери — семь дочерей.

Вечка и теперь была здоровой и цветущей, хотя было ей уже шестьдесят лет.

Но вскоре горе опять пришло к эрзянам: хазары с мечом и огнем шли по селам.

Комель собрал эрзян и повел их на врага. Прогнали хазар, но сам Комель умер от множества ран, полученных в жарких битвах с врагами. Велика была печаль Вечки. Но не поддалась она горю. Рядом были сыновья, дочери, внуки. Не оставляли они ее одну с горькой печалью.

Еще десять лет прожила Вечка. Смерть поглядывала на нее, но взять не могла: женщина в теле, и сердце крепкое. И тогда Смерть сказала:

— Я сделаю так, что сама себя Вечка умертвит.

Послала она злую хворь на ее любимую внучку Цянаку. Тяжко страдала девочка, мучилась, бедняжка. Сердце вот-вот перестанет биться.

Не раздумывала бабушка Вечка. Помолилась и свою последнюю душу отдала умирающей девочке. Девочка тут же ожила и встала на ноги. А Вечка побледнела и умерла мгновенно, не мучаясь.

Начали собирать-снаряжать ее в последний путь.

— Родные мои братья и сестры, выслушайте меня,— заговорил отец Цянаки.— Мама была очень добрым человеком. Не знаю, осталась ли еще такая мать на этом свете. Она отдала Цянаке самое дорогое — жизнь.

АЛАТЫРЬ И ИНСАР

Все это было очень давно, во времена царствования мордовского инязора Тюшти. Алатырь и Инсар — это, как сказывали, были богатыри, сыновья эрзянки красавицы-Суры. Она родила их от мокшанского богатыря Пензы, за которого вышла замуж по любви.

А Пенза, говорят, был главой всех богатырей Тюшти.

В то время, когда Алатырю и Инсару было по пять лет, напали жестокие половцы. Предводителем их был Бурумбай. Они долго сражались с войсками Пензы. Но победить их так и не удалось. Тогда Бурумбай решил Пензу обмануть — приехал в его дом и предложил мир.

Здесь он увидел Суру. Воспылал страстью к ней и надумал похитить ее к себе в жены.

— Война никому из нас добра не принесет,— угодливо говорил Бурумбай Пензе.— Незачем нам жить в ссоре. Будем хорошими друзьями. Сегодня я у тебя в гостях, завтра ты приходи ко мне. Я тебе помогаю, ты мне поможешь. И мне хорошо, и тебе хорошо. Завтра же приезжай ко мне в гости. Встречу как настоящего друга.

Поверил ему Пенза. Приехал к нему в гости. Действительно его встретили как хорошего гостя. Угостили, спать положили. Коня, быстрого, как ветер, подарил ему сам Бурумбай. А когда стали провожать его домой, подарили еще двух красивых девушек, чтобы нянчили детей. Проводили — лучше уж некуда. Бурумбай дал ему десять провожатых.

Но домой Пенза не вернулся, не встретился он с женой и своими любимыми сыновьями: по дороге напали на него два больших отряда, посланных Бурумбаем. Долго отбивался Пенза, много врагов убил, но и сам от множества ран ослаб. Его схватили, связали и посадили в каменый подвал, который был в глубине леса на склоне крутой горы.

Девушки-рабыни пришли к Суре и рассказали, что случилось с ее мужем.

Сура долго плакала о Пензе. Со временем Бурумбай прислал к ней сватать своего старшего брата.

— Пусть сам приедет,— ответила Сура.

Немного погодя приехал сам половецкий хан. Богатые дары привез с собою. Поклонился жене Пензы и все сложил перед нею. Сура в ответ даже не поклонилась ему.

— Зачем ты приглашал Пензу? — спросила она гостя.

— Аллах знает зачем,— бросил взгляд на небо хан.— Как хорошего гостя приглашал я его. По-хорошему и проводил. Охрану дал.

— Куда ты дел Пензу? — спрашивает Сура.

— Я хорошо проводил твоего мужа, он поехал, а куда делся, об этом только аллах знает. Я ни в чем не повинен,— оправдывался хан.— А ты все равно будешь моей. Хочешь не хочешь — сама придешь.

— Петля обнимет твою шею вместо моих рук! — крикнула Сура.— Убирайся прочь!

Бурумбай сверкнул очами, выскочил во двор, схватил игравших там Алатыря и Инсара, вскочил на коня и ускакал с ними.

Велико было горе Суры. На мгновенье даже пожалела, что не дала согласия хану. За один день волосы ее поседели, стали белее первого снега.

Примерно через полгода Бурумбай опять прислал сватов. Те сказали Суре, если она выйдет замуж за хана, дети будут жить и блаженствовать, не выйдет — Бурумбай их убьет.

Сура и вправду заколебалась. Стала думать: не лучше ли будет, если она выйдет за хана замуж. Хоть дети живыми останутся... Долго думала и послала хану такой ответ:

«Если убьешь моих детей, то и тебе не жить на свете. Мое сердце ни за что не купить. Пусть ты убил моего мужа, но не сможешь умертвить моих детей. Их охраняет Нишке паз».

Бурумбай задумался: а может быть, и вправду Нишке паз — покровитель детей. Растут они не по дням, а по часам. И решил избавиться от них: одного швырнул на восток — в медвежью берлогу; другого — на запад — в волчью нору. А сам собрал войска и повел их на мордовские земли.

Долго тянулась война, не один, не два года...

За это время Алатырь и Инсар выросли, превратились в могучих богатырей и пошли искать друг друга. Прошли через леса, топи, болота, наконец встретились у села Ичалки, на опушке соснового бора.

Встретились братья и пошли искать свою мать. Тогда Бурумбай оборотился горой, встал на их пути. Алатырь и Инсар разрезали пополам эту гору, прошли через нее.

Пришли они к своей матери в ту пору, когда в разгаре было жестокое сражение. Набросились они на врагов и стали гнать их прочь. Где гнали их, там от пота и крови образовалась бурная река.

Алатырь и Инсар схватили Бурумбая и привели к Суре.

— Где Пенза? — спросила его Сура.— Скажешь — будешь жить, не скажешь — голова с плеч долой.

Затрясся Бурумбай, взмолился:

— Знаю я, где Пенза, покажу каменый подвал, куда посадили его злоумышленники.

Пришлось Бурумбаю вести Суру и ее детей к каменному подвалу. Пенза был еще жив, но очень ослаб, вынесли его на свет, и он умер...

Похоронили его со всяческими почестями. Со временем здесь был заложен город — Пенза. И, говорят, реки наши мордовские: Инсар, Алатырь и Сура,— носят имена некогда живших людей.

КАДАДА

По красивым местам протекает река Кадада. Мимо лесистых холмов, через широкие поля несет она свои воды. Много эрзянских и мокшанских сел вокруг нее красуется. Только раньше эта река называлась иначе. А как? Никто этого сейчас уже не помнит.

Одно эрзянское село на берегу этой реки называлось Поляж. Оно далеко протянулось вдоль реки, по холмам, покрытым лесом. Леса тогда здесь были такие густые, что по ним не только верхом не проехать, но и пешком не пройти. А уж если в них забредал незнакомец, считай — пропал, заплутается, сгинет в дебрях. Для мордвы же лес был и домом, и местом, где можно было укрыться; он кормил и одевал.

В Поляже жил со своей красавицей-женой мужик-богатырь. Тумай. Была у них одна-единственная ночь — Валда.

Уродилась она красотой в мать, силой в отца. Была словно только что раскрывшийся цветок, который с радостью встречает восход солнца. Стройная, словно березка, волосы кудрявые, а глаза такие синие, будто небесная лазурь потонула в них. Поэтому и звали ее Валдой.

Не было в селе парня, который не таил надежду жениться на Валде. Многие посылали к Тумаю сватов. Не сосватали: никто из парней Поляжа не тронул сердце девушки. Приходили свататься Валду и из других сел, и те ушли, не добившись своего. Отец не неволил свою единственную дочь. Даже ногайский мурза хотел жениться на ней. Вот как это вышло.

В Поляже бывали базары, где собирались эрзяне и ногайские купцы. Однажды там Валду увидел ногайский мурза и пристал к ее отцу: отдай мне ее в жены. Хвалился своим богатством. Чего только не обещал за девушку, и золото, и серебро, и коней, и много другого добра. Валда тогда и говорит жениху:

— Пойду я, мурза, за тебя замуж, только давай сначала поборемся. Победишь — буду твоей, не сдюжишь — уплатишь обещанное.

О силе Валды мурза не знал, но односельчане видели, как во время корчевки леса она вырывала с корнями такие пни, которые двум-трем мужчинам не по силам, а на току в шутку одним ударом цепа, как топором, разрубала сноп.

Мурза рассмеялся:

— Если так, тогда не долго моим губам ждать меда!

Все, кто был на базаре, собрались вокруг них. Где бывало такое, чтобы девушка боролась с мужчиной, да с таким, как мурза?! Ногаец — косая сажень в плечах, лицо шире самовара.

Схватились. Ногаец хотел поднять девушку и осторожно положить на землю. Но... даже с места не сдвинул, будто корни она в землю пустила. Попытался второй раз, третий — опять не вышло. А Валда подняла мурзу за пояс, и он ахнуть не успел, как распластался на земле. Очухался. Уплатил обещанное да оплеванный уехал с базара.

Шло время. Тут нежданно-негаданно и жених Валде нашелся. Так дело было: Валда собирала грибы и набрела на медвежью берлогу, в ней было два медвежонка. Бросилась молодая мать-медведица, разодрала бы девушку, но выручил ее молодой охотник, пришлось убить медведицу. Они познакомились. Звали охотника Вандолом. Вот этот парень понравился Валде! И в самом деле — стоили они друг друга: если она — березка, то он — дуб могучий, если он — солнце, то она — луна белоликая. И по силе, и по красоте были они парой. Поэтому никто не удивился, когда Валда ушла с Вандолом в село Куз, которое было от Поляжа верстах в десяти. Счастливо и дружно жили они. Только недолго.

Тяжелые были тогда времена. Ногайцы часто нападали на мордовские села. По оврагам, лесам, словно волки, крались они к селам, набрасывались внезапно. Кто сопротивлялся, того убивали, девушек угоняли в полон, дома и посевы сжигали.

У эрзян села Куз поля располагались по ту сторону реки, где меньше было лесов и не было гор. Хорошие земли, только близки к ногайцам. Селяне, когда работали на полях, ставили караульных. В одиночку немногие ходили. Здесь, в заречье, Вандол и Валда стали расчищать себе участок под поле. Лес свалили, сожгли, стали корчевать пни.

В этот день они за рекой работали одни, и набросились на них ногайцы. Человек семь схватили Вандола. Тот даже руки не успел поднять. Двое набросились на Валду, хотели связать ее, но та так их стукнула лбами, что они как подкошенные рухнули перед нею.

А Валда бросилась на помощь мужу. Ногайцы не ожидали этого, растерялись. Вырвался от них Вандол, схватил топор. Не успели ногайцы понять в чем дело, как трое были изрублены.

Победили бы Вандол и Валда тех ногайцев, которые напали на них, но из леса прискакала подмога — человек пятьдесят.

— Беги, Валда, в село! — крикнул Вандол, отбиваясь от ногайцев.— Беги, говорю! — крикнул он опять, когда увидел, что жена замешкалась.— Видишь, сколько их. Предупреди наших, беги-и!

Стрелой полетела Валда к селу. Восемь верховых ногайцев погнались за ней. Бежит Валда, текут ее слезы, вытереть некогда. Вот и лес кончается, скоро до реки добежит. Вот и село видно. Слышит — ногайцы нагоняют ее. Собрала все силы и закричала:

— Ногайть! Кекшеде! Кадодо кудонк! Кадодо! (Ногайцы! Прячьтесь! Оставляйте дома! Оставляйте!)

Бежит и кричит. Вот и река. Но в это время настигла погоня, трое схватили ее. Она вырывается и кричит громко, громко:

— Кадодо, кадодо велень! (Оставляйте, оставляйте село!) Посмотрела Валда в сторону села, увидела, как забегали в нем эрзяне: они услышали ее. Обрадовалась, собрала остатки сил, руками и зубами вцепилась в ногайцев и вместе с врагами бросилась с крутого берега в реку...

Старый мурза долго стоял и смотрел на то место, где исчезла

женщина с его нуреками. Только ничего, кроме волн, не увидел. Скоро и волны успокоились.

— Ай да Кадада! Ай да Кадада! — дивясь, повторял мурза.— Джигит, Кадада! Джигит!

Кто знает, что хотел сказать старый мурза словом «кадада». Возможно, он думал, что так зовут эту сильную женщину. Возможно, удивлялся героической ее смерти и вспомнил ее последние слова. Кто знает. Только после этого стали называть эту реку Кададой.

Очень давно это было.

Тихо, плавно течет Кадада. Глядя друг на друга, на двух берегах ее стоят эрзянские села Валдалей и Вандол.

МАЛОЛЕТНИЙ МУЖ

Был у мордвы в старину такой обычай, по которому мальчишек восьми, десяти лет женили и брали им в жены восемнадцати-девятнадцатилетних девушек.

...Мария уродилась рослой красивой девушкой. Лет ей было около двадцати. Была она из рода Бонзеевых. Был у нее ею выбранный жених, высокий сильный пастух. В церкви его нарекли Григорием, звали Диго. Он был круглым сиротой. Из всего рода-племени остались дед и он. Дед сторожил пасеку, а Диго пастушил. Он очень любил Марию, раза два посылал сватов. Не отдали: бедный, безродный.

Однажды поздним осенним вечером прибежала Мария к Диго. Плачет, слезы градинами катятся по щекам.

— Диго, меня сватают. Уже сосватали за... Митьку Алькина. А на нем и штанишки не держатся. Я руки на себя наложу. В прорубь, в петлю, но не к Алькиным. Злые они, свирепые люди.

— Давай убежим,— предложил Диго.

— Куда?

— Мир велик. Мы молодые. У нас сильные руки, не прокормим, что ли, себя?

Они пошли к дому Марии.

— Жди меня тут, я скоро выйду.

Диго остался у ворот.

Мария действительно вернулась скоро. В руках несла небольшой узелок. Они взялись за руки и пошли навстречу своей судьбе. И успели-то сделать всего несколько шагов, как из дома выскочили мужики двух родов, Алькины и Бонзеи, набросились на Диго. Но удержать его было непросто: расправил пастух-богатырь плечи, сбросил с себя пьяных мужиков.

— Бей Марию, чтобы не убежала! — закричал старший Алькин и ударил девушку колом, она застонала и рухнула наземь.

Разъяренный Диго вырвал кол из рук Алькина и одним ударом уложил его на землю. Еще троих угомонил Диго. В это время при-

бежали соседские мужики. Один из них палкой ударил Диго по руке. Рука повисла плетью. Тогда Диго здоровой рукой поднял Марию и побежал. Он бежал к лесу. Но вскоре его нагнали. Били кольями, пинали сапогами, крутили-ломали руки. Потом старик Алькин ударил его палкой в переносицу.

— Готов! — ликовал Алькин.— Надо в овраг сбросить. Ночью хозяин леса придет, пусть закусит косолапый.

Мария видела, как бездыханного Диго сволокли в овраг, потеряла сознание.

Беглянку-невесту полуживую принесли в родительский дом.

Смыли мужики с рук своих запекшуюся кровь и сели праздновать.

Не помнил Диго, сколько времени пролежал он на дне оврага. Когда пришел в сознание, все тело горело, руки и ноги не двигались. Диго пополз к пасеке деда. Полз, кровавый след тянулся за ним. Только на второй день дополз он до пчельника.

Дедушка лечил его разными лесными травами, ключевой водой и медовой сотой. Поставил внука на ноги...

За это время поправилась и Мария. Назначили день свадьбы. Девятилетний жених приехал за нею на пяти тройках.

Жениха к свадьбе родители принарядили, как полагается: надели на него белую рубашку, синие штанишки, обули в новые сапоги и сопли тщательно вытерли. Поставили рослую красавицу Марию с этим шкетиком, она еще более высокой показалась.

Соблюдался весь свадебный ритуал. Когда молодым полагалось поцеловаться, жених не мог дотянуться до губ невесты.

— Дура,— шипела старуха Алькина,— возьми мужа на руки, видишь, не достает...

Так и не подняла жениха Мария. И сама не наклонилась.

Гремела, шумела, бесновалась свадьба. Гости веселились, радовались. Мария молчала. Она думала о Диго. Может быть, он жив, может быть, была великая милость бога, и он воскрес. Нет, нет... шумело в ее голове, ведь видели же деревенские мальчишки, как собаки со стороны оврага тащили и обгладывали кости. Наверно, это его...

Слезы текли по щекам. Она вытирала их кончиком фаты. И снова вставал перед ней ее Диго. Чудилась ей встреча. Он ждал ее у околицы под шатровой елью. Она увидела его, побежала, а он подхватил ее на руки, поднял, закружил, завертел и унес в поле...

— Подыми мужа! — услышала она вновь шипение свекрови.— Целоваться надо...

Мария с нетерпением ждала, когда же кончится наконец свадьба, когда можно уйти от людей и забыться в тишине ночи.

По древнему обычаю предков, жениха и невесту в первую ночь полагалось уединить в амбаре. Марии и Митьке была приготовлена постель также в амбаре. Жениха утомила свадьба, на брачное ложе его положили сонным. Он спал, сопел, вздрагивал.

Мария засветила свечу. Тусклый свет бликами лег на серые

стены и соломенную крышу амбара. Она посмотрела на спящего мужа. В его мальчишеском лице было что-то пугающее, звериное. Он показался ей волчонком. «Но он вырастет,— думала Мария,— и будет таким же безжалостным и жестоким, как все Алькины. У них весь род такой. Им убить человека ничего не стоит. Ведь убили же они Диго... убили...»

— Милый,— зарыдала она,— хоть бы собрать твои косточки и зарыть в землю...

Слезы душили ее, она уткнулась в подушку и плакала...

Прокричал петух. Откликнулись петухи других дворов. Воцарилась мертвая тишина ночи. Мария слышала, как засвистел за дверью ветер, жутко зашуршала соломеная крыша. Свеча стала гореть тускло, тускло. Из полутьмы доносились вздохи и стоны. Кто-то невидимый встал над Марией, показалось, он тяжело дышит ей в затылок. «Терпишь, покорилась?.. Они убили Диго. Убили твоего Диго. Окровавленный труп его на дне оврага. Вороны выклевали ему светлые очи... Очи, очи выклевали. Ты будешь теперь женой волка, в волчьем роду пустишь росток...»

Мария встрепенулась. Посмотрела вокруг. При тусклом свете Митька ей казался уже матерым волком и скалил зубы так же, как старик Алькин, когда бил Диго палкой. Она не могла видеть это лицо...

— Мария-заступница, пресвятая богородица,— взмолилась она,— спаси от греха...

Мария подскочила к спящему Митьке, закрыла одеялом лицо, чтобы не видеть и не слышать его сопения.

...Бежать, бежать, хоть в омут, хоть в прорву!

Она поспешно накинула на себя шубейку, вышла из амбара и закрыла за собою дверь. Бежала в сторону леса, там тишина, там дорога в Верхние Поляны, где живет ее старая тетушка. Она сжалится над нею. Может быть, жив Диго... Она поможет найти его...

Мария передохнула, добежав до леса. Только сейчас вспомнила, что забыла погасить в амбаре свечу. «Может быть, вернуться?» — успела подумать она, и в это время донеслись из села отчаянные крики:

— Пожар! Пожар!

— Алькины горят!

— Амбар горит! Жених с невестой в амбаре!

— Спасайте молодых!

Гулко зашумело село. Люди бежали к месту пожара. Два мужика, набросив на головы кафтаны, вошли в горящий амбар. Вынесли оттуда опаленного, почерневшего Митьку. А невесты в амбаре не было.

Поскакали сыновья Алькина в погоню на двух подводах. Догнали Марию, привязали к оглобле и повели. Стегают плетьми: раз по лошади, три раза по женщине. Пока довели до села, в кровь отстегали.

Приехали урядник и пристав. Допрашивали, били, ничего она

им не сказала. Урядник приказал отвезти ее в Бугуруслан.

Запрягли пару лошадей, положили в телегу окровавленную Марию, для верности по рукам и ногам связали веревками. Двое сотских повезли ее в уездный город, как сказал урядник, «судить по закону царя-батюшки».

Сотские по дороге раза два прикладывались к жбанчику с пуре. От села Ега до Ключей дорога идет лесом. На опушке мужики опять хлебнули пуре. Один из них тут же уснул в телеге, второй — ведет лошадь, а сам дремлет.

Вдруг перед ними через дорогу повалилось дерево. Лошади остановились. Какой-то рослый мужчина подбежал к телеге и дубиной оглушил сотских, сбросил их с телеги на обочину.

Мария съежилась у задка телеги. Человек разрезал веревки и сказал:

— Ты свободна, Мария.

Она по голосу узнала Диго. Посмотрела ему в лицо, но оно было незнакомым, опухшим, синим, в багровых шрамах. Только голубые глаза смотрели ласково и призывно.

— Диго, Диго,— вырвалось у Марии,— ты жив... Слава богу. Диго, подними меня, иссекли меня... замучали...

Диго оттащил с дороги поваленное дерево, взял вожжи.

— Э-э-гей! — ударил по лошадям, и помчалась лихая пара коней, увезла от злых обычаев, от озверевших людей богом нареченную чету.

Чужбина открыла им материнские объятия. В том селе до сих пор живут эрзяне, сильные красивые люди, потомки Диго и Марии.

ЯГОДЫ СЛЕПОЙ ЖАЛОСТИ

У одного старика, мордвина было пять сыновей. Жил он зажиточно. Дом пятистенный, ладный, красивый. В фруктовом саду, как в большом лесу, заблудиться можно. Яблоки продавал он в семи городах. На пасеке у него было столько пчел, что когда вылетали из ульев за взятком, черной тучей застилали солнце. Много у него было и лошадей, и коров, и всякой другой скотины. Ездил он в плетеных дрожках, запрягал в них тройку лошадей: коренник — вороной, пристяжные — белые.

Надо прямо сказать, он был хорошим хозяином, мастером на все руки, и сыновья в отца пошли. За что ни возьмутся, все сделают с любовью и красиво.

С годами четырех сыновей он женил, построил им дома и отделил. Младший, Аркадий, остался при родителях. Отец хотел, чтобы он изучил торговое дело и стал купцом, послал его в город учиться у надежного человека. Денег не жалел. Аркадий как сыр в масле катался, ходил по кабакам да трактирам, научился сорить деньгами, пить водку, петь, плясать, ногами вензеля выкидывать.

Через два года он вернулся домой. Отец с матерью диву дались: вместо прежнего молодого красавца перед ними стоял осунувшийся, мутноглазый человек. Жидкая бороденка торчала черными грязными клочьями.

— Ой, да что с тобой? — всплеснула руками мать. Она истопила баню. Отмыли, почистили сына, остригли бороду, надели на него новый костюм.

— Чем накормить-то тебя, моя кровиночка? — забеспокоилась мать, а сама быстренько накрыла ему на стол.

Аркадий блеклыми глазами посмотрел на пищу и ни до чего не дотронулся.

— Вина надо, так не проглотишь...— прогнусавил он.

Мать тотчас же подала графин вина.

И началось. Сегодня — вино, завтра — вино, и послезавтра — то же. Туда пойдет — выпьет, сюда зайдет — выпьет. Никогда не бывает трезвым.

Мать день и ночь колготится подле него, угодничает: «Сыночек мой, соколик, искорка моя...» Что ни попросит он — сразу же подает, лишь бы не кричал, не брюзжал...

А отец? Отец растерялся. Что теперь делать? Как быть? При разделе старших сыновей он все состояние переписал на Аркадия. Какой из него хозяин? За два года камня на камне не оставит, все прокутит. Долго, мучительно раздумывал старик, и ночью ему не спалось, и кусок в рот не лез. Потом он позвал старших сыновей, стали все вместе думать.

— Что с ним делать? — спросил отец.— Пробовал с ним говорить. Даже слушать не хочет.

— По-моему, ему поможет только одно,— посоветовал старший сын.— Надо заготовить розги и хорошенько расписать ему шкуру.

Под вечер, когда меньшого привели домой друзья-забулдыги, старшие братья схватили его под руки и проводили под навес. Сняли с него нарядную поддевку, спустили штаны и уложили ничком на землю. Он брыкался, орал, ругался. Один брат уселся на его ноги, другой прижал к земле голову, а двое с прутьями по бокам встали.

— Всыпьте ему! — приказал отец.

Засвистели прутья, да замерли: под навес вбежала мать и прикрыла своим телом любимого сыночка.

— Сначала мою душу погубите, меня, меня под розги...— вопила она.— Потом уж делайте с ним, что хотите.

Сыновья бросили розги и ушли по домам. Старик махнул рукой, вошел в избу упал на кровать. И без того его здоровье было плохо, а теперь совсем ослаб.

Аркашка теперь вовсе расхозяйничался. Как хочет, так и воротит. Мать ни гу-гу. Напротив, потакает сыну. Сегодня — пьянка-гулянка, завтра — пирушка, потом — гости, опять веселье. А деньги текут, утекают.

Отец слег. Велел позвать старших сыновей и сказал:

— Сделайте мне избушку на пасеке и отвезите меня туда. Здесь каждый день пьянка, глядя на это, с ума сойду. Домик сделайте в глубине леса, у края оврага. Чтобы и глаза мои не видели, и уши мои не слышали, как по ветру летит добро наше.

Сыновья построили на пасеке каменный домик и перевезли отца на новое место. Он там прожил не более года и умер. Похоронили его тут же на пасеке, недалеко от избушки.

Теперь Аркадий — полный наследный хозяин. Пробовал жениться. Да ни одна местная девушка не пошла за него замуж. Искали и на стороне. Да какая девушка пойдет за такого пьяницу? Никто не позарился и на его богатство. После этого еще пуще стал пить Аркашка. Черт знает сколько друзей-товарищей собралось вокруг него. И из своего села, и из города едут... Дом не вмещает охочих на дармовщину выпить. Все едут и едут... Так изо дня в день.

Первым делом Аркадий пропил деньги, которые остались после отца. Когда они кончились, принялся за скотину. Всю пропустил через глотку — взялся за дом и усадьбу: уплыли и пчельник, и сад, был продан и родной дом. Никто не купил только маленькую избушку на пасеке, в которой жил и умер старик.

Пришли в дом новые хозяева. Аркадия с матерью выгнали на улицу. Была осень. Шел дождь со снегом. Куда идти? Что делать? Пошли к старшему сыну, постучались.

— Ты, мама, заходи,— сказал старший сын,— Аркадий не нужен.

— Я без Аркадия не переступлю порога,— ответила мать.

Пошли ко второму сыну, и тот так же ответил. Обошли и остальных — и те так ответили, будто сговорились. Мать очень обиделась.

— Свет не без добрых людей,— сказала она.— Пойдем, Аркаша. У тебя много друзей и в селе, и в городе. Кто-нибудь да приютит нас...

Они обошли всех Аркашиных друзей-собутыльников в селе. Никто им даже дверей не открыл. Вторично стучались — собак на них натравливали. Псы последнее пальтишко Аркадия в пух-прах разодрали. Первую бездомную ночь они скоротали в какой-то еще не остывшей бане. Она им показалась уютнее горницы. Утром ушли в город, надеясь найти приют у городских приятелей Аркадия. Ходили, ходили, просились, просились — и тут их никто на порог не пустил, куска хлеба не подал.

И пошли мать с сыном просить милостыню. Сегодня побираются, завтра попрошайничают. Так недели идут, месяцы. Ночуют где придется: то в соломе, то в заброшенном доме, в сарае или в забытом овине. Большим счастьем для них было, если удавалось переночевать в теплой бане.

Долго так мытарствовали они по свету. Может быть, год, может, и больше. Аркадию — ничего, а старушка сдала.

— Хватит, сынок,— опустилась она на обочину дороги.— Видно, счастье далеко ушло от нас. Не догнать нам его. Об одном прошу тебя: доведи меня до нашего села. Там и схороните. Больше мне ничего не надо.

Сын впервые послушался матери. Пошли они в свою деревню. Трудной была эта дорога. Лили дожди, дули холодные ветры, падал мокрый снег. Мать совсем ослабла. Аркадий то вел ее под руку, то нес на руках. Они проходили по селам, просили милостыню, не хватало милостыни — Аркадий воровал. Так они пришли в родные места. Смеркалось. Они забрели в густой лес и заблудились. Туда пойдут — бездорожье, сюда повернут — ни тропинки. Мать еле-еле дух переводит. Ослаб и Аркадий. Упали они под дерево и стали ждать смерти.

В это время невдалеке закаркала ворона. Что такое? Может, она накаркивает смерть! Это испугало Аркадия. Он встал и на четвереньках пополз вперед. Наткнулся на тот маленький домик, который был сделан для ныне покойного отца его. Торкнулся — дверь открыта. Вошел — в избушке тепло, ветра нет, дождь не капает. Он перенес в избушку мать. Затопил печь. Стало тепло. Мать ожила. Поговорили-погоревали и уснули...

Утром встал Аркадий, окликнул мать — не откликнулась. Подошел к ней, дотронулся — она уже холодная. Так и сел Аркадий. Что теперь делать? Куда идти? Некому приютить, некому пожалеть. А зачем жить? Кому он нужен... Незачем и жить. Незачем! Он разыскал веревку, сделал петлю и стал искать подходящее место, где бы прикрепить конец. Увидел на потолке крюк, на который когда-то отец вешал лампу. Подставил скамейку, встал на нее, упрепил конец веревки за крюк и последний раз посмотрел на свет. Потом накинул на шею петлю и отбросил ногой скамейку. Шею сжало, и будто кто-то сильно ударил его по голове. Аркадий брякнулся на пол, обломилась доска, в которую был вбит крюк. На нищего сверху посыпались золотые и серебряные монеты. Аркадий от радости оцепенел на мгновенье, а потом с жадностью набросился на деньги, прикрыл их своим телом. Когда пришел в себя, начал считать. Денег было много. Вполне достаточно, чтобы выкупить дом и все пропитое добро. И еще впрок останется.

Обрадовался Аркадий. Перепрятал деньги. Две горсти положил в карман и побежал к братьям, чтобы рассказать о матери. Но не дошел до них: у села стоял кабак, он не мог обойти его, вошел, напился и умер.

Люди известили братьев. Те пришли. Нашли у него в кармане много денег и кольцо, которое когда-то носил их отец и хранил на черный день.

— Где он взял это кольцо? — подумал старший.— Неужто в домике отца?

Побежали братья в лес к домику на пасеке. Нашли в нем труп матери и деньги. Догадались они, что это серебро и золото припрятал здесь отец для матери. Он заранее знал, куда доведет ее

Аркадий, какими горькими будут ягоды слепой жалости.

Старушку похоронили рядом со стариком.

А похороны Аркадия были хлопотными: поп и почтенные старики села не позволили схоронить его рядом с добрыми людьми на сельском кладбище. Пришлось схоронить Аркашу на окраине села, недалече от кабака.

Там со временем свое кладбище самоубийц и умерших от перепоя выросло.

ВЫСОКИЙ МАКСИМ

1

Жил в одном селе силач по имени Максим. Он был сухощавым, ростом выделялся среди мужиков села. Поэтому и дали ему прозвище Высокий.

Случай этот произошел года два спустя, как образовалось село. Землю старики-эрзяне купили у ногайцев. Много земли, хорошая земля, и заплатили не очень-то дорого. Построили дома, сараи, распахали пашни, стали сеять хлеб, скот разводить.

Ногайцы, хотя и продали земли, но дорогу в старые владения помнили, наведывались, как волки. Нападут, схватят добычу и ускачут. То корову, то лошадь украдут, а то и стадо угонят. Бывало, и красивых девушек крали.

Как-то, дело было на исходе лета, пошел Максим в лес по дрова. Только начал рубить сухостой, слышит истошные крики:

— Помогите, помогите, татары стадо угоняют!

По голосу узнал Максим: кричит пастух, забыл он про свой топор и побежал к поляне, откуда доносились крики. Видит: пастух привязан к дереву, а вокруг стада человек десять ногайцев суетятся. Максим перво-наперво стал пастуха вызволять, нагнулся, веревки развязывает, а в это время, как рыси, прыгнули на него два душмана. Максим схватил каждого за грудки и стукнул друг о дружку лбами. Только крякнули ногайцы. Максим развязал пастуха, а веревкой, которой он был связан, обвязал-опоясал незваных гостей и повесил их на толстый сук.

— Посушитесь немножко!

Снова огласили поляну крики: «Помогите, помогите!» — Но теперь уж орали ногайцы, имя аллаха упоминали, друзей на помощь кликали. Други их, кто верхом, кто пешком, примчались выручать. Со всех сторон подбираются к Максиму. Близко подойти боятся... издалека веревку аркан бросают. После нескольких бросков заарканили Максима. Ухватился Максим за конец веревки, да как дернет — самого арканящего стащил с лошади. Вырвал у него из рук веревку, отбросил в сторону.

— Еще пригодится.

Видят ногайцы — голыми руками не взять им долговязого си-

лача, вчетвером набросились на него с ножами. Старик-пастух сунул в руки Максима увесистую дубину.

— На-ка, Максимушка, палочку-выручалочку.

Как начал Максим дубасить ногайцев, куда люди, куда лошади полетели. Всех уложил Максим.

— Дед Афанасий,— сказал он пастуху,— принеси-ка мне веревочку, вон там она у дерева. Бусы на нее низать будем.

Принес дед аркан и связали они с Максимом всю воровскую братию друг за дружкой, как поплавки берестовые на сети. Между двух деревьев растянули веревку с навязанными на нее ногайцами...

— Сходи-ка, Афанасий, в деревню. Да мужиков позови. Думать будем, что с этими коршунами делать.

Пошел пастух в деревню, а Максим с дубиной сторожит. Вскоре всем селом собрались эрзяне. Сели старики вокруг, решают, как с ворами расправиться.

— Убить их надо,— сказал старик Пурмаза.

— Мертвые не разбойничают, не грабят,— поддержали его Вардай и Каряз.— Житья от них не стало.

Наверное, убили бы охотников за легкой добычей, но вступился за них Максим.

— Убить их я бы и без вас убил, еще по разику дубинкой, и дело кончено. Мертвые, правда, не воруют, но и не говорят. Нужно, чтобы и языки, и шкуры этих мерзавцев долго рассказывали другим ворам и разбойникам, почем фунт лиха.

— А ведь и правда,— согласились старики.— Снимай, ребята, портки с татар, крестить их по ижицам будем,— сказали Вардай и Каряз.

— Каждому из нас прут, каждый каждому вору только по разу всыплет — и им достаточно будет.

Так и сделали. Ох и выли татары!

— Теперь они все знать будут, сколько людей в нашем селе,— шутил Максим.— Навсегда дорогу в края наши забудут, арканом тащи — не затащишь.

Максим сказал правду: ногайцы в наши земли больше никогда носа не совали. Здорово их проучили. И все Максим.

II

Максим не только ногайцев, но и медведя проучил.

Поехал однажды он пахать. Поля тогда были все на полянах. Лошадь у Максима была добрая, а соха широкая: трем мужикам на телегу не поднять. Пахал до обеда, потом распряг лошадь и пустил ее пастись. Сам поел, попил квасу и лег отдыхать. И не долго спал, будто что-то кольнуло в бок. Вскочил и видит: добрая лошадь его лежит на земле, брюхо распорото, и огромный медведь по уши влез в утробу ее, внутренности пожирает.

— Ах ты сволочь лохматая! — рассердился Максим.— Подожди, я тебя проучу. Век не забудешь.

Максим подкрался к медведю.

Медведь усердно уплетает, даже не оглядывается. Максим прыгнул на него верхом и схватил за уши. Медведь сначала вверх подпрыгнул, потом в лес помчался. Максим за уши повернул его на дорогу. Медведь встал на задние лапы, пытался сбросить с себя Максима. Прыгал, прыгал, а седока так и не сбросил. Он как прилипший сидит. Потом медведь лег, думал под себя подмять Максима. Максим соскочил на землю и так сжал Мишке уши, взвыл тот от боли и артачиться перестал. Куда потянет Максим — туда и поворачивается. Совсем смирный и покорный зверь. Максим — мужик толковый, подвел медведя к сохе, надел на него хомут и запряг вместо лошади. Одной рукой соху придерживает, во второй — дубину сжимает. Как пошел пахать! Аж земля дрожит. «Но-о, милок!» — покрикивает Максим. Тащит медведь, комья земли из-под лап летят, соха по лачиги ушла в землю, борозда широкая, глубокая, по колено Максиму Высокому.

До вечера Максим весь загон вспахал. С медведя пена клочьями падает. Лег в борозду, дышит, не отдышится. А вокруг писк, гомон: все звери и птицы собрались над медведем посмеяться.

Потом Максим перепряг медведя в телегу, взнуздал Мишку, вожжи пристегнул, сел в телегу, домой поехал.

Вся деревня всполошилась. Как увидели взрослые медведя, попрятались кто в баню, кто в погреб. Зато уж ребятишки вдоволь нарадовались! Полную телегу ребятни насажал дядя Максим. Кому места не хватило, те за телегой бежали и улюлюкали.

Так и пришлось медведю работать у Максима вместо лошади. Сам виноват, не надо было лошадку трогать. Виноват — искупай вину, паши, дрова вози. А когда Максим купил новую лошадь, последний раз поехали они с Мишкой в лес по дрова, там и расстались.

ПЕТР-МЕДВЕДЬ

Тогда еще в наших лесах жили медведи. До сих пор один из оврагов так и называется Медвежьим. Раньше, говорят, как из села нашего выйдешь, так лес тут же рядом. Теперь до него надо верст семь идти полем. Там будет ручей, а за ручьем Медвежий овраг.

За этим оврагом, на большой поляне, была пасека. Хозяином ее был здоровенный мужик Петр-медведь. Он и вправду чуток на медведя смахивал: большой, волосатый, а уж силища — ни у кого в округе такой не было. Он тоже медведя за уши водил.

— Да что вы все про медвежьи уши? — спросил один из собеседников.

— Да вот пошто,— ответил седобородый.— Медведь зверь сильный, а уши у него слабые, чуть нажми посильнее, сразу взво-

ет. Так что, если попадется тебе медведь, скажем, набросился на тебя — хватай его за уши и веди, куда хочешь.

— Медведя ухватишь! Он тебе покажет.

— Кому, может быть, и покажет, а вот Петр в кузницу привел медведя за уши. Правда, это так и было.

Медведь сам напросился на это. Известно, эти бестии очень любят мед. И в лесах «бортничают», да и на пасеки иногда заглядывают.

Вот и к Петру на пасеку медведь повадился. Каждую ночь навещает. Иногда там прямо улей разламывал, другой раз — с собой уносил. Невмоготу стало от него. Каждый день улей пропадает.

И надумал Петр проучить этого медведя. И ямы рыл, и капканы ставил, так и не поймал.

Однажды Петр вышел утром пасеку осмотреть. Видит: тут же, недалеко от дома, поваленный улей, медведь влез в него с головой, ест и назад не оглядывается. Петр подкрался сзади и — хвать его за уши! Взвыл медведь, метался то туда, то сюда, вырваться хотел. Никуда не уйдешь! Петр крепко держал его за уши и повел в село, прямо в кузницу. Там Мишке в верхнюю губу вдели кольцо и посадили на цепь. Дед Петр не любил озорников.

ДЕД ФИЛИПП

И в Толкае был один очень сильный старик, но это не все знали. Силу свою он не выказывал.

Когда стали заселять эти места, прежде всего начали дома и сараи строить, колодцы рыть. На дома и амбары бревна рубили в ближнем лесу, годились они и на столбы для сараев, а вот для колодезных журавлей — нет.

Такие высокие деревья росли только около села Ега, за Чихангорой, в глубокой лощине. Только очень уж трудно было выносить их оттуда. Ездили по десять человек. Три-четыре лошади запрягали в длинные телеги. И так вытаскивали из лощины столбы да стрелы для колодезных журавлей.

Старик Филипп ездил один и только на одной лошади. Бревна же привозил толще и длиннее, чем другие. Даже дом свой срубил из бревен, привезенных оттуда. Все диву давались. Как это он один, на одной лошади вывез оттуда такие толстые бревна? Как клал их на телегу? Другие вдесятером ездили, а он один справлялся.

Сосед деда Филиппа был молодой сильный мужик, но любопытный, как баба.

— Пойду,— говорит,— посмотрю, что там делает. Здесь что-то не чисто. Не зря же в селе поговаривают, что Филиппу черти помогают. Надо проверить.

Так и сделал. Вечером дед Филипп уехал в лес, сосед — за ним, но не сразу, а так часа два спустя.

Приехал на Чихан-гору, к лощине, где росли высокие деревья,

которые на колодезные журавли идут. Смотрит: стоит телега. Пустая еще, тут же отдыхает распряженная лошадь Филиппа. Где же он сам? Мужик пошел по тропинке, ведущей в лощину. Смотрит — оттуда ему навстречу высовывается конец толстого бревна. Он спрятался за кусты и стал наблюдать. Филипп выносит на плечах ствол дерева длиной сажен десять. Под тяжестью ноши перегнулся. Вынес, положил на роспуска, отдохнул немножко и пошел за вторым бревном.

Когда Филипп вынес второе бревно, сосед вышел из-за кустов и подошел близко к нему.

— Так вот как ты, дед Филипп, вытаскиваешь бревна! Ну и силища у тебя.

Старик положил бревно на телегу, подошел к мужику, двумя пальцами взял его за шиворот и поднял вверх, подержал малость, опустил на землю и говорит:

— Вот что, если кому-нибудь расскажешь о том, что видел здесь, хотя бы жене своей, я тебя только раз щелкну, и мокрого места от тебя не останется. Дай слово! Не дашь — пеняй на себя!

Как не дать! Семь раз поклялся ему мужик. Сам с собой, говорит, шепотом разговаривать буду.

Филипп и ему одно бревно вынес, двух бревен лошадь соседа с места не сдвинет. Сели они вдвоем в роспуска деда Филиппа и с миром поехали в село.

— Дедушка Филипп,— спросил его сосед дорогой,— почему ты не велишь никому о своей силе рассказывать?

— Много будешь знать, скоро состаришься,— пошутил Филипп. Немного погодя добавил:— Я не хочу умереть, работая на богатых. Ты знал нашего Назара? Сильнее меня мужик был. У Азоркиных батрачил только одно лето, лес им рубил, на себе из этой же лощины кряжи вытаскивал. Всю силу выказал, заездили Назара, надорвался, помер... А я хочу умереть своей смертью.

Так и было: сосед до смерти деда Филиппа никому о его богатырской силе не рассказывал. Да-а. Такова жизнь была. Все, что хорошее было в человеке, стремились взять богатеи. А теперь что? Зачем теперь прятать силу? Пусть смотрят люди на таких сильных, как Власов, Жаботинский, Алексеев. И у нас, у мордвы, есть силачи. Слышали вы про Борова?

Боровы жили небогато. Были у них одна лошаденка да вол. Для чего они держали этого вола — один Бог знал. Иногда только в лес по дрова на нем ездили. А все остальное время бродил он по лесам и горам на воле. Был он бурый, огромный, как гора. Идет — земля дрожит под ним. Работой его хозяева не томили.

Да и лошадь не часто запрягали. Если только в поле хлеб и воду привезти. Снопы из поля на ней привозили. А в сохе да в бороне ее не видели.

А с делами в поле Боровы обычно управлялись раньше всех. Дивились люди. Смотрят — днем полоса у них целехонька, ни чер-

точки, ни борозды на ней; наутро — все вспахано, хозяева спят, храпят на всю округу.

— Когда же они вспахали? — спрашивали люди.

— Ведь вечером еще была нетронутой,— удивлялись другие.

И однажды один из соседей решил последить за ними. Пахать Боровы обычно выезжали вечером. Запрягут гнедого, сядут втроем, отец с сыновьями, и поедут. Поедем, говорят, с ночевой.

И на этот раз на ночь поехали. Стало смеркаться, и сосед пошел за ними. Полоса Боровых была у леса. Приехали они и распрягли лошадь на опушке. Сняли с телеги соху, наладили и запрягли в нее гнедого.

— Засветло,— говорит сыновьям старик,— надо проложить первую борозду.

Прорезали они первую борозду, сделали еще два-три круга. Взмок гнедой, устал. Выпрягли его и выпустили пастись на поляну.

Сами тоже немного отдохнули. Потом Никита взялся за оглобли и потащил соху. Старик бегом бежит, соху придерживает. Сделали кругов десять, разбудили Лариона. Да так, пока весь загон не вспахали, работали.

К полуночи полоса была вспахана.

— Устали? — спросил отец.

— Немного есть,— ответили сыновья.

— Давайте подзакусим и полосу бабки Степаниды прострочим. Одна осталась. Кто ей вспашет.

Сыновья слова против не сказали. Умяли по караваю хлеба и взялись за дело. До утра и эту полосу вспахали бы, но задержал их каверзный случай.

Сосед, который следил за ними, смотрел, смотрел да и заснул. И наткнулся на него спящего медведь, заграбастал в охапку и потащил в глубь леса. Мужик, конечно, сразу же проснулся, да как заорет истошным голосом.

— Микита! Ларион! Медведь меня утащил!

Никита был на том конце полосы. Услыхал крики Ларион, помчался за медведем. Нагнал. Медведь бросил свою ношу и — на Лариона. Вцепились друг в дружку медведь и мужик. Силится Ларион, валит мишку, но тот крепко на лапах держится, норовит подмять Лариона. В это время прибежал Никита. Не мешкая ни минутки, шлепнул медведя в правое ухо, в левое — кровь брызнула. Заревел медведь, рухнул наземь, и дух из него вон.

На шум прибежал старик Боров. Он отнес к телеге незадачливого соседа: медведь все-таки успел помять его, ушиб, когда бросил.

— Ты, сосед, как это в лапы медведю угодил? — спросил его старик.

— Виноват, Савелий,— признался тот,— пришел я посмотреть на вас, как землю пашете.

— Не по-свойски ты сделал. Нехорошо подсматривать... Кому какое дело, как мы пашем?

— Виноват, сосед... больше не буду и рассказывать не стану...

А в это время уже рассвело. Полосу бабки Степаниды пришлось допахивать на гнедом. Не любили Боровы показывать людям свою силу.

Да и гнедого-то впрягали для отвода глаз: лошадь только ходила в упряжи, соху пахари сами толкали и тянули борозду глубокую, почти по колено.

КОЛЕСА

А еще вот что рассказывали о Боровых.

Они были очень добрые. Плохого слова от них не услышишь. Последний кусок делили с голодными, помогали всем: кому лес рубить, кому колодец копать, кому печь сложить. Все умели делать и хорошо, и прочно. И денег не брали.

Все знают про случай с колесами... Дело было так. Развалились у Боровых колеса, все четыре разом. А телега без колес, что лошадь без хомута. И вот отец посылает Никиту на базар:

— Иди,— говорит,— Никита, в Починки на базар. Колеса купи. Они, небось, не такие уж тяжелые. И на себе принесешь.

Кое-как набрали денег на колесный стан.

Никита вышел из села с табунами. Двадцать пять верст прошел без отдыха, как раз к разрагу базара поспел.

Долго ходил Никита по колесным рядам. Но никак не может купить стан колес — дорогие. Понравились ему колеса одного мужика-колесника. Телега доверху нагружена крепкими шинованными колесами. Как литые! Вот такие бы купить! Но денег у него и на пару таких колес не хватит. Ходит вокруг телеги и посматривает.

— Ладные колеса! — приговаривает он.— Такие, должно быть, сами катятся.— Подошел к телеге сзади, взялся за концы дрог, приподнял, на вес попробовал. Опять сам себе говорит:

— Лучше некуда. Только вот цена...

— Силен, видать, ты молодец,— сказал подошедший к нему хозяин товара, малость подвыпивший колесник.

— Да, Нишке паз вроде бы не обидел. Подешевле один стан не уступишь?

— Нет. Ты глянь-ка, колеса — игрушки! Сто лет проходят, одного стана на всю жизнь хватит.

— Хорошие, не спорю...— И опять Никита приподнял задок телеги.

Колесник покачал головой:

— Телегу с колесами сдвинешь с места?

— Продашь мне один подешевле, не только с места сдвину, всю колымагу на спине вокруг база пронесу.

— Неужто?! Неси, удиви народ! Так и быть: пронесешь — стан бесплатно отдам.

Никите не хотелось показывать свою силу такому множеству народа. Но делать нечего: очень нужны были колеса. Подлез под телегу с колесами, выпрямился и пошел с возом вокруг базара.

— Мотрите-ка! — кричали люди,— что медведь-мордвин делает! Телегу с колесами на себе тащит.

— Ай да богатырь!

— Что Илья Муромец!

Диву дается народ. Никита пронес воз вокруг базара и поставил на прежнее место.

— Считай, что один стан твой! — сказал ему колесник.

— Спасибо,— поклонился Никита.

— Откуда будешь? — спросил его хозяин колес.

— Из села Кенде.

— Далеко отсюда?

— Верст двадцать пять будет.

— А ты смог бы этот воз колес до своего села довезти?

— А почему и не довезти... Смогу даже без отдыха.

— Эх-х, черт тебя побери! Весь воз с колесами так отдам — вези, впрягайся!

— Без обману? — забеспокоился Никита.

— Ты что? Разве я — колесник Афанасий Бонза, стану врать? Перед всем честным народом, потом у меня кто хоть цекушку купит.

— Что сумлеваться,— раздалось несколько голосов,— Афанасий — мужик честный, слово держит.

— Перед всем базаром слово дал,— сказал колесник,— никакого обмана не будет!

— Тогда вот что,— сказал Никита.— Жеребца привяжи к задку, а сам садись на воз и наблюдай.

Афанасий сложил в телегу сбрую, привязал жеребца и взгромоздился на макушку воза, Никита взялся за оглобли и пошел.

Вышел из Починок и повернул в сторону Кенде. До околицы Починок шли за ним любопытные. Идет, умеренно вышагивает, легко, быстро катится телега, только колеса о камушки позвякивают.

Вот и Кенде. Никита остановился посреди села и крикнул:

— Эй, эй, мужики-лапотники, хозяева беспортошные! Кому нужны колеса, приходите! Дам я вам колесо!

Собралось народу видимо-невидимо. Лезли за колесами и богатые, но Никита знал бедных и колеса раздавал только им.

В это время подошел к нему отец и спросил:

— Никита, что это ты все село взбудоражил?

— Колеса продаю.

— Себе-то купил?

— Вот они,— показал на телегу,— все четыре колеса да еще и телега.

— Остальные за какую цену распродал?

— За ту самую, сколько я сам за них заплатил. Возьми твои

деньги обратно,— протянул он отцу замасленный кисет с деньгами, с теми, что они по медяку собрали на стан колес.

Колесник сел верхом и отправился восвояси. Всю дорогу дивился — «Видал я силачей, а такого не встречал. Бог знает, чего в нем больше: или силы богатырской, или доброты мужицкой».

ТЕТКА МАТРЕНА

Тетка Матрена была женщиной крупных размеров, красивая и добрая. А муж ее, Дмитрий Чалый,— тщедушный мужичишка, не прочь был заложить за воротник и покуражиться над своей дородной супругой. Бывали случаи, когда и поколачивал. Баба терпела.

По законам предков мордвы муж для жены — и друг, и отец, перечить ему, а тем более руку на него поднимать — грех перед богом. Об этом вот помнила Матрена... И вообще она была нрава доброго, знать, сказалось то, что она состояла в дальнем родстве с Мишей Боровым, вроде бы прадеды их были братьями.

Дело было в тридцать восьмом или тридцать девятом году. Приехал в Толкай борец — Воробьев Сергей... Слух о его приезде разлетелся по селу, возле правления колхоза висела красочная афиша. На ней был нарисован полуголый богатырь, на шее на широком ремне — двухпудовая гиря. Тяжелый молот бил по гире, искры разлетались... Перечислялись номера, какие он показывает, большими буквами было напечатано: «Борец сильнее двух лошадей».

Смотреть представление богатыря собрались все жители села, как говорят, и стар и млад. Мужики-плотники наскоро сколотили дощатый помост, сделали скамейки зрителям и приготовили все, что велел принести борец. А ему нужен был большой камень весом в двадцать пять пудов, наковальня, четыре дюжих молотобойца с кувалдами, дубовая доска-сороковка, прочное бревно длиной не менее пяти-шести метров и две лошади, самые сильные лошади колхозной конюшни. Все было приготовлено. Только немного поспорили мужики, каких лошадей выставить на состязание с Воробьевым. Тяжеловес Антон прошел бесспорно, но о второй лошади были споры. Победил дед Федот Новокаев, он сумел убедить всех, что сильнее его чалой Секи лошади нет и не будет.

Пришли смотреть на борца и супруги Чалые, дородная тетка Матрена и хлюпенький тщедушный Дмитрий. Сели Дмитрий и Матрена во втором ряду.

Началось представление с легких номеров. Вышел борец, представился народу, что-то рассказал о себе... Ожидали люди, что появится перед ними богатырь-богатырем, а вышел на помост мужчина лет пятидесяти, сухощавый и чуток повыше среднего роста. Никому сначала не верилось, что таится в нем богатырская сила. Он взял в зубы металлический пруток толщиной с палец и скру-

тил спиралью вокруг себя, потом раскрутил и отбросил под помост.

Потом долго два молотобойца колотили по гире, подвешенной на его шее. Стоит как вкопанный — и не шелохнется. Удивил он народ, когда лег на спину, и на дубовый помост, который он держал на коленях, положили камень. В камне, может быть, и не было двадцати пяти пудов, но он был огромный, шестеро мужиков на помост поднимали. И потом эти же мужики что было в них силы кувалдами били по камню со всего размаха. На мелкие части разбили камень, сами еле-еле дух переводят, а борец крепко держит помост. Встал как ни в чем не бывало. Побежал за занавеску, которую он в самом начале представления повесил. Там у него были столик, чемоданчик и полотенце. Вышел немного покрасневший, но бодрый, шагал по помосту пружинящей походкой, мускулы рук играли.

— Приведите лошадей.

Дед Федот привел свою громадную кобылу, он ее все еще считал своей, хотя уж семь лет тому назад сдал в колхоз, и по ночам приходил к ней в конюшню с мешочком овса, кормил ее из своих рук и уходил от нее с мокрыми глазами. А Антон был ничейный, белый мерин с цифрами 267, выжженными на левом бедре (Антон до колхоза в коммуне был, там лошадей цифрами клеймили).

— Ну не подведи меня, милая,— похлопывал Федот свою любимицу. Кобыла доверчиво смотрела на своего бывшего хозяина, равнодушно помахивала хвостом, будто уверяла: «Не беспокойся, все будет хорошо».

Но огорчила Сека своего хозяина, они вместе с Антоном, сколько ни понукали их, так и не сдвинули с места Воробьева, который будто бы прилип к земле. Это уже чудо. В понятии крестьянина лошадь — это великая сила, а тут двух лошадей пересилил. Пока мужики хлопали в ладоши, Воробьев опять забегал за занавеску, вышел оттуда еще более бодрым и радостным.

— Доску и гармониста! — сказал он повелительно.

Принесли широкую дубовую доску-сороковку, поставили на два чурбака. В уголке на табурете со своей «хромкой» уселся Васька Цирькун (Сверчок, прозвище у него уличное такое было). Борец наклонился к нему и чему-то учил.

Воробьев ушел за занавеску. Васька лихо растянул меха старенькой «хромки», и полилась нежная мелодия «Коробочки». Воробьев вышел на помост и ходил вокруг доски, играя бицепсами в такт музыке и когда был взят аккорд: «Э-эх, пожалей, душа моя зазнобушка, молодецкого плеча-а», он высоко поднял руку с зажатым в ней гвоздем и ударил по доске, до шляпки всадил в нее гвоздь. Потом все это повторил... вбил семь гвоздей, и каждый раз под эти самые «Э-эх, пожалей, душа-зазнобушка». Завершил номер еще более красиво. Вышел из-за занавески, в руке он теперь держал пять гвоздей. Не ходил вокруг доски, а плясал лихо, красиво, молодо. Когда Васька Цирькун, теперь уже медленно, про-

тяжно заиграл: «По-ожа-лей, душа моя зазнобушка», Воробьев разбежался и с одного удара всадил в доску кучу гвоздей. Поднял вверх руку, перевернул доску, с обратной стороны виднелись острия гвоздей.

Предпоследним номером было катание на живой карусели. Борец положил на плечи десятиметровое бревно и велел десяти мужикам, по пяти с каждой стороны, повиснуть на этом своеобразном коромысле. Нашлись смельчаки. Богатырь приподнял над собой коромысло с необыкновенным грузом и вышел вальсировать. Начал тихо, а потом к концу вертелся, как волчок. После мужиков осмелились и девки. Это было очень красиво, как лепестки цветка, мелькали в воздухе широкие юбки мордовок. Красиво, только больно уж пронзительно визжали девки.

А потом Воробьев стал опять рассказывать о себе, как он стал силачом... Он был доволен собой, но в толпе кто-то произнес имя Борова раз, потом еще и еще. Говорили мужики по-эрзянски о великой силе Миши Борова, и Воробьев, не зная языка, чутьем понял, что силу его сравнивают с силой Борова, и раздраженно крикнул:

— Знаю я вашего Борова, боролся с ним, клал я его на лопатки!

— Это вы Мишку переборолн? Да не было еще на свете человека, который бы осилил его! Наших не возьмешь!

— Он самого Поддубного два раза переборол.

— У него на чемпионской ленте было написано: «Миша Боров — богатырь Поволжья».

— Может быть, кто-нибудь из вас желает побороться со мной — пожалуйста.

Раздался робкий шепот, толпа зашевелилась, но никто из мужиков не вышел в круг.

Матрена ткнула Дмитрия локтем в бок.

— Посиди тут, Митрий, я сейчас вернусь.

И вышла тетка Матрена в круг, вытерла руки передником.

— Ну, борец, давай поборемся.

Толпа гудела. Любопытство поджигало мужиков, а Дмитрий крестился:

— Что это надумала дура баба, помнет ей кости... Куда уж лезет.

Воробьев первым обхватил туловище бабы и хотел поднять ее над собой, но сильные руки тетки Матрены разорвали железные клещи борца, и через мгновенье Воробьев был поднят в воздух и крепко припечатан к земле. Ошибся Воробьев, вот где надо было бы заказать гармонисту одобряющий мотив «Пожалей, душа моя зазнобушка...»

Воробьев намерен был выступить еще в Архангельских Ключах, на родине Борова, и в Подбельске, но там после этого курьеза выступать раздумал.

Казалось бы, на этом кончилась история, показавшая народу женщину-богатыря. О, нет.

Когда Матрена поборола Воробьева, она вернулась на место, где оставила своего Митрия. Но его не было, искала в толпе — тоже нет. Пришла домой, по двору прошлась, в горнице посмотрела — нет Дмитрия... Сварила ужин, вышла во двор, покликала мужа — не отзывается, пропал старик. Забеспокоилась женщина, за сыном сбегала. Всех соседей расспросили. Никто Дмитрия не видел. Говорят, что он бегом бежал с места представления и что-то бормотал и охал.

— Никуда он не мог деться,— сказал сын.— Надо искать.

И нашли они Дмитрия в бане. Сидит, дрожмя дрожит.

— Митюша, дорогой мой,— говорит Матрена,— пойдем домой, суп стынет. Выходи, айда, айда домой.

— Не пойду-у,— всхлипывал мужик,— я ведь тебя-то бивал, бывалоча. Ты же меня, как лягушонка, прихлопнуть можешь.

— Могу, могла бы,— спокойно ответила баба,— рука не поднимается: ты — мой муж.

КАК КУЗНЕЦ СОСЕДА ПОДКОВАЛ

Была холодная зимняя ночь. Кузнец Василий спал на печи. Слышит: возле дома зазвенел колокольчик и замер, кто-то постучал в окно.

— Хозяин, выйди-ка на минутку.

Оделся Василий и вышел во двор. Смотрит: у ворот стоят плетенки — санки. Запряжены в них три жеребца: два карих и один сивый. Пена клочьями падает с коней.

Слез с саней добрый молодец и говорит кузнецу:

— Один из моих коней подкову потерял, надо подковать. Садись, довезу до кузницы. Хорошо заплачу.

Василию не хотелось среди ночи ходить по морозу, только обещанная плата его соблазнила.

Сел в санки. Молодой человек взял вожжи, свистнул и кнутом стегнул лошадей, вихрь поднялся за ними.

Кузница была у реки. Остановилась тройка. Как из-под земли выросли перед ним еще два парня, такие же сильные, и принялись распрягать сивого жеребца.

Высек Василий огонь, стал подковы и гвозди искать. Посмотрел в угол, там целая куча подков и гвозди рядом.

«Что за чудо? — думает он.— Никогда я заранее не готовил столько подков».

В это время молодые парни ввели жеребца. Василий поднял переднюю ногу коня, посмотрел и опять удивился: на ноге лошади никогда еще не было подковы.

Кузнец сам не заметил, как гвоздь пошел вкось и впился в мякоть. Слышит Василий: кто-то над ним тяжело вздохнул. Жеребец низко опустил голову и зашептал над ухом Василия:

— Сосед, осторожней, очень уж больно.

У Василия волосы дыбом встали, и шапка с головы свалилась. Он узнал голос Ильи, соседа своего. И сам не помнит, как забил последний гвоздь. Парни спешно запрягли лошадь. Один из них достал из кармана четыре рублевки и сунул в руку кузнеца.

— На, пей, кудельная борода! — Втроем рассмеялись так, что кузница задрожала. Ударили кнутом лошадей и полетели вдоль села.

Василий положил деньги в карман и пошел домой.

Утром рано вошла к ним жена соседа и сказала:

— Помогите, соседи, сегодня ночью Илья умер от водки. Что теперь делать?

Кузнец слез с печи, помолился Богу и стал шарить в кармане. Вместо денег достал оттуда четыре вялых дубовых листа. Только тогда догадался, кто его заставил подковать соседа.

Души умерших от водки забирают черти, оборачивают их в коней и катаются на них по ночам.

Мифы и легенды мари эл

ВОТЯКИ И ЧЕРЕМИСЫ

Древняя история марийского народа хорошо прослежена в работе П. С. Березина «Обитатели Среднего Поволжья с первобытных племен до наших дней», публикуемой в данной книге. Здесь же кратко напомним, что ядром формировавшегося в 1-м тысячелетии н. э. в Волго-Вятском междуречье древнемарийского этноса были финно-угорские племена. В X веке марийцы упоминаются в хазарском документе как ц-р-мис (черемисы). Большую роль в развитии этноса играли тесные этнокультурные связи с тюркскими народами (волжско-камскими булгарами, чувашами, татарами). Интенсивные связи с русскими, особенно после вхождения марийцев в состав Русского государства (1551—1552 гг), оказали значительное влияние на материальную культуру марийцев: распространились новые полевые, огородные и садовые культуры, срубные овины, духовая печь и связанные с ней способы приготовления пищи, северно-русский тип планировки жилищ, связное расположение дворовых построек и др. Марийцы были обращены в православие в XVIII веке.

Предваряя публикацию этнографических зарисовок А. И. Герцена и Н. Иванова, следует сказать, что вотяки и черемисы в настоящее время известны под другими названиями. Вотяки — удмурты — составляют основное население Удмуртии, а черемисы — марийцы — коренные жители Марийской республики. В статье Герцена имеются неточности, объясняемые состоянием этнографической науки того времени. Так, Герцен ошибочно относит латышей к финно-угорским народам и неправильно проводит аналогию между вотяками и мерей.

Исследование о вотяках и черемисах должно обратить на себя большое внимание. Доселе не было ничего полного собрано ни о их быте, ни о их религии; но сведения, которыми я мог располагать, еще не представляют возможности сделать удовлетворительное описание этих племен. Описание же их быта чрезвычайно важно, ибо это последний документ их истории. У них нет преданий, можно только по настоящему быту догадаться о их прошедшем. Физиогномия этого племени начинает стираться, русское население поглощает более и более финское — новый повод к тому, чтобы заняться ими; но на это набодно иметь не те средства, которые служили для составления этой монографии. Ограничимся кратким обзором.

Вотяки и черемисы принадлежат к финскому племени, к чуди и мери древних летописей (вотяки доселе называют себя мери), так, как латыши, эстонцы, лапландцы, чухонцы, маджары*. Из скандинавских саг и путешествия Оттара знаем, что Кириаландия и Биармия** были сильные государства, населенные финнами, и что Биармия (отсюда слово Пермь) была в северо-восточной части России. «Никакого племени нет старобытнее финнов в северных и восточных климатах России»,— говорит Карамзин. Известный путешественник Фишер полагает, что самоеды и остяки составляют остаток чуди — древних жителей Сибири***. А Мальте Брюнь

---

* Маджары — мадьяры, самоназвание венгров.

** Биармия — легендарная страна в Приуралье, известная по русским и скандинавским преданиям IX—XIII веков. Кириаландия — страна Карел, упоминаемая в скандинавских сагах.

*** Надписи, найденные в Енисейской губернии в Минусинском краю, подтверждают это мнение

и Гумбольдт находят некоторые резкие черты сходства между остяками, тунгузами и дикими племенами Северной Америки. Эти данные позволяют нам сделать такие общие заключения.

Вероятно, некогда, гораздо до переселения народов, при падении Римской империи, финны составляли племя сильное и очень многочисленное, занимавшее огромную полосу на севере Европы, Азии (и, может быть, Америки). Но при появлении новых племен с востока финны тотчас уступили место. Цель бытия их как бы окончилась, они расчистили землю, обновили ее, доказали обитаемость и, теснимые другими племенами, разбежались, скрываясь от победителей за Карпатскими горами, в странах прибалтийских и оставляя части своего племени на прежде бывшем месте жительства. Павши совершенно, они должны были прийти в дикость. Такими-то их застали новгородцы на берегах Камы и Вятки, и малочисленная ватага их победила вотяков и черемис, точно так, как горсть испанцев завоевывала целые страны в Америке; ибо отличительная черта племен падших — страдательность. Недавно черемисы Вятской губернии отвечали миссионеру: «В лесу не все деревья равны, есть белые, высокие березы и есть маленькие, черные сосны. Пусть вы эти березы, а мы сосны». Таким образом они высказали основу формы бытия своего племени. Но перейдем от общего взгляда к ним самим.

Первое, что бросится в глаза — это различие деревень русских от вотских. Русские деревни в Вятской губернии почти везде хорошо выстроены, избы чисты снаружи и внутри. Напротив, вотские построены в груду*, нечисты, мрачны; большая часть изб поставлена окнами на двор и без малейшего порядка. В избах нечистота ужасная. Беспрерывный дым из-под котла, который висит над некоторого рода горном, делает воздух удушливым. Свиньи, телята, куры — все это вместе с их детьми на грязном полу избы. Летом они строят себе шалаши (чумы), посреди их раскладывают огонь, и едкость дыма доставляет им какое-то наслаждение.

Вотяки вообще очень робки. Несколько лет тому назад было дело в уголовной палате, что несколько человек татар Агрызской волости белым днем ограбили вотскую деревню, состоящую из нескольких сот душ. Мудрено ли после этого, что новгородцы, братья воинственных норманнов, без труда победили их.

Религиозные понятия вотяков некрещенных нисколько не выше религиозных понятий какого-нибудь смирного племени в Океании — например, гавайского. Они верят в верховное существо, но верят также и в других, частных, богов, подчиненных ему, а более всего в злого духа, который, по их мнению, самовластно управляет жизнию людей. Жертвенные места (кереметь) избирают на возвышенностях в елевых лесах. Их понятия о будущей жизни грубы и сбивчивы. Они считают себя под гневом высшего существа, и достаточно прочесть молитвы их, чтобы разом видеть и степень их

* Построены в груду — по несколько изб на одной усадьбе

образования и то внутреннее отчаяние, о котором мы говорили выше. Все молитвы свои они ограничивают просьбою о пище и о детях. Как будто, устрашенные прежними несчастиями, не надеются на Бога и потому вымаливают хоть существование. У них четыре больших праздника в году, сообразные с началом и окончанием посева, жатвы и покоса. Самый большой — по окончании жатвы; тут приносятся на жертву лошадь рыжего цвета и другие животные, мясо их съедают. Весною сожигают на жертвоприношении пестрого дятла.

Песни их столько же безутешны <?>, как и молитвы; тот же материальный взор, лишенный всякой поэзии, то же попечение об одном насущном хлебе. Однако должно заметить, что большая их часть песен суть импровизации. Язык их беден и незвучен. Они часто примешивают русские слова. У них, кажется, не соблюдаются и те грамматические правила, которые необходимы для ясности речи и которые по навыку известны всем едва образованным народам. В разных случаях я замечал глагол без всякого изменения у одних и тот же, весьма измененный — у других.

Особенное внимание на обращение вотяков в христианство возникло во вторую четверть прошлого века. Около 1739 и 1740 г. были присланы казанские миссионеры. Епископ Вениамин сам посещал домы вотяков, уговаривал и крестил очень многих. Крещеные с тех пор называются новокрещеными. Но должно признаться, что большая часть из них нисколько не понимают христианской веры и в душе остались теми же идолопоклонниками, хотя и скрывают свою привязанность к прежней вере. Благоразумные священники в некоторых местах приняли весьма хорошую методу: они дозволяют им некоторые языческие обыкновения, не относящиеся к догматам веры, но к которым они привыкли с незапамятных времен. Еще более они самые эти обычаи соединили с формами религиозными и таким образом привязали их к новым обрядам. Так, например, они дозволяют в их летний праздник закалывать лошадь и есть ее, но предварительно служат молебен и части лошади кропят святой водой. Впрочем, нельзя думать, что вотяки не принимают христианства по привязанности к старой вере, ибо она у них шатка и сбивчива, не имеет никакого положительного, определенного учения или системы богослужения; они просто не понимают вовсе догматов нашей веры. Они не много образовались со взятия Казани, но, по счастию, начинают перемешиваться с русскими и, вероятно, совсем поглотятся ими.

К малому числу обычаев их, в которых есть поэзия, надобно отнести следующий: когда кто-либо из родных отправляется на долгое время, то, простившись со всеми, он вколачивает в стол пятак, для того чтоб всякий день поминали отсутствующего.

Одежда вотяков весьма мало отличается от одежды наших крестьян. Вся разница в шитой сырцом и шелком рубахе с красными наплечниками и в ножнах для топора и ножа, привешиваемых к поясу. Головной убор вотячек делается из бересты, к нему при-

Черемиска из Нижегородской губернии. С фотографии А. Карелина, конец XIX века.

МАРИЙЦЫ, мари, марий (самоназв.) — «человек», «мужчина», черемисы (устар. рус. назв.), народ в СССР, коренное население Мар. АССР. Живут также в Татарии, Удмуртии, Башкирии, Нижегородской, Пермской и Свердловской областях. Общая числ.— 622 000 человек, в т. ч. в Марий Эл — 306 600. Подразделяются на 3 осн. субэтнич. группы: горные, луговые и восточные. Горные населяют правобережье Волги, луговые — Ветлужско-Вятское междуречье, восточные живут к востоку от р. Вятки. Относятся к субуральскому типу уральской расы (европеоиды с нек-рыми монголоидными чертами). Говорят на мар. яз. финно-угорск. группы уральской семьи. Распространен также рус. яз. Письменность на основе рус. алфавита. Верующие — православные.

Осн. традиц. занятие — пашенное земледелие. Подсобное значение имело разведение лошадей, кр. рог. скота и овец, охота, лесные промыслы (заготовка и сплав леса, смолокурение и др.) бортничество, рыболовство. Художеств. ремесла — вышивка, резьба по дереву, ювелирное. В советское время создана многоотраслевая промышленность, с. х-во стало механизированным.

Жилище — срубная изба с двускатной крышей, двухраздельная (изба — сени) или трехраздельная (изба — сени — изба). В летнее время переходили жить в летнюю кухню — кудо, срубную постройку с земляным полом, без потолка, с двускатной крышей со щелями для выхода дыма. Посреди кудо — открытый очаг с подвесным котлом. Усадьба включала также клеть, погреб, хлев, сарай, каретник, баню. Характерны двухэтажные кладовые с галереей-балконом на втором этаже. На первом этаже хранили продовольствие, на втором — одежду и утварь, а летом там спали молодые супруги.

Основная традиц. пища — вареники с начинкой из мяса или творога, вареная колбаса из сала или крови с крупой, слоеные блины, творожные сырники. Пили пиво, пахту, креп. медовый напиток.

Традиц. верования включали культы предков, божеств. Среди восточных марийцев были мусульмане. Народная музыка основана на пентатонике. Традиц. инструменты — волынка, барабан, гусли, карш, деревянные трубы, свирель.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., «Советская энциклопедия, 1988)

крепляется кусок сукна, вышитый шелками. Девки вплетают в косу множество серебряных монет. Женский наряд состоит из шаровар и шитой мелкими цветами рубахи.

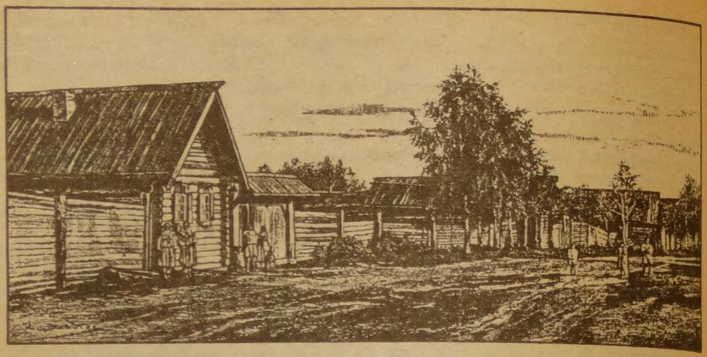
Нрав черемис потому уже отличен от нрава вотяков, что они не имеют их робости. Напротив, в них есть что-то дикое, упорное. Около времен взятия Казани они еще имели своего царя. Черемисы гораздо более вотяков привязаны к своим обычаям и к своей религии. Самая наружность их отлична. Вотяки мелки, худо сложены, слабы; черемисы вообще крупнее и сильнее. В религиозных понятиях у них более резкого, нежели у вотяков. Их священники (карты) избираются из самых умных, опытных черемис; они толкуют сны, гадают, предсказывают. Бог (Юма) есть верховный дух, но власть его разделена с супругой (Юман-Ава) и с прочими богами, родственниками Юмы. Злой дух, Шайтан, живет в воде и бывает особенно зол в полдень. Службу отправляют на чистых, священных местах. Они принадлежат или одному семейству, или целой деревне. Праздники их в том же роде, как у вотяков. Самый большой Юман бывает через год, через два, иногда и четыре. В назначенный для жертвоприношения день раскладывают несколько огней, первый посвящен Юме, ближайший по нему — Юман-Аве и т. д., у каждого огня свой карт. Служащий Юме держит жеребца,

служащий Юман-Аве — корову; закалывают животных так, чтоб кровь брызнула в огонь. До жертвоприношения животное обливается водою, и ежели оно не вздрогнет, то значит богам не угодна жертва.— Покойникам они кладут в гроб розги для того, чтоб отгонять нечистых духов, и каждый провожавший кладет кусок блина, говоря: «Это тебе пригодится».

У черемис жених покупает невесту; обряды очень просты: приводят невесту к жениху в дом, молятся идолу и отдают ему ее. Ежели она окажется не целомудренною, то посаженый отец наказывает ее плетью.

Одежда довольно похожа на вотскую, но гораздо красивее. Зимою женщины носят сверх рубах еще верхнее платье, также все вышитое шелками. Особенно красив и головной убор конической формы (шиконаюч). К поясу привешивают множество кисточек. Женщины почти никогда не снимают головного убора.

⟨1837 г.⟩ А. И. ГЕРЦЕН



Черемисское село. Рисунок XIX века

О ВОТЯКАХ, ЧЕРЕМИСАХ И ТАТАРАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вотяки, черемисы и татары отличаются друг от друга нравами, образом жизни, земледельческим и домашним хозяйством.

Вотяки народ полудикий, суеверный, но добросовестный, кроткий, покорный и примерно трудолюбивый; придерживаясь обычая предков своих, избегают сближения с русскими, более их образованными, отличающимися чистотою и опрятностию домов и лучшим их устройством. Почти все они крещеные и ежегодно бывают на исповеди, как отзывается местное духовенство; но за всем тем имеют весьма слабое понятие о том, что должно знать православному христианину.

Домашний быт вотяка для человека, привыкшего к чистоте, невыносим. Зимою живут они в больших избах, где помещаются также телята, козы, овцы и домашние птицы; весною переходят в клети, построенные во дворе, посреди которых днем и ночью тлится огонь под навешенным котлом, в котором приготовляется обыкновенная их пища, род кашицы с куском вяленой говядины или баранины, иногда сушеного зайца или белки, истолченных вместе с костями в мелкий порошок.

Пред наступлением полевых работ вотяки празднуют целую неделю, для чего приготовляют брагу и дозволенную им кумышку. С начала сенокоса до окончательной уборки озимого и ярового хлебов все способные к работе ни днем, ни ночью не сходят с поля, только старики и малолетние остаются в домах для присмотра. Вотяки имеют благоразумную предосторожность устроивать гумна и складывать хлеб вне селения, иногда за полверсты от оного, для безопасности от пожаров, и стараются иметь запас оного на два

и даже три года на случай неурожая. Этот запас, несмотря даже на значительную дороговизну, остается неприкосновенным. Зимою занимаются они выделкой кулей, рогож, звериною ловлею и вымолотом хлеба на продажу и для собственного употребления. Будучи привычны к холоду и зною, они в самые сильные морозы не имеют обыкновения одеваться тепло, подобно русскому или татарину, а носят обыкновенно легкие полушубки до колена, а сверху полусуконное или холщовое полукафтанье. Во всякое время года они находят для себя занятие и весьма редко можно встретить здорового вотяка праздным, почему все они живут безбедно, а многие даже зажиточно.

Религиозные понятия некрещенных вотяков весьма грубы. В случае какого-либо несчастия, как то: неурожая, градобития, повальной болезни, скотского падежа, следуя преданиям, приносят жертву духу зла. Для сего, зарезав утку, гуся или теленка, варят их в котле, из которого каждый, участвующий в жертвоприношении, почерпнув первую ложку, выливает на огонь. Потом съедают приготовленное и тем оканчивают жертвоприношение. Обряды эти исполняются иногда и крещеными вотяками; но беспрерывным назиданием местного духовенства и полиции, случаи эти урежаются. Язык вотяцкий — бедный, способный выражать только самые обыкновенные нужды,— довольно приятен для слуха. В нем нет этого стечения грубых согласных букв, которое так терзает ухо при разговоре татарина. У вотяков нет поэзии, т. е. нет ни сказаний, ни песен, переходящих от поколения к поколению изустно или письменно. Между тем они имеют большую склонность к пению и, не имея постоянных песен, поют о том, что представляется глазам. Ежели спросить поющего вотяка, что поет, он ответит: лесом едем, лес поем, полем едем, поле поем. Чаще же всего поют одни слоги, не имеющие никакого значения.

Черемисы во всем сходны с вотяками и отличаются только языком и одеждою: столько же дики и суеверны, но более упрямы и своенравны, более верят нелепым бредням мудрецов своих. У черемис есть предание, будто бы вотяки некогда были им подвластны, а потому питают к сим последним некоторое презрение. Подобно вотякам неопрятные и живущие в вечном дыму, они подвергнуты многим недугам, в особенности глазным болезням. Некрещеные черемисы признают многих богов: у них есть бог грома — кудурце юму, бог земли — кабя юму, бог солнца — юм каче, бог животных — сын юму, пятничный бог — уишнян юму (черемисы празднуют пятницу); бог пчел — пюрокш юму. Язык черемисский разделяется на разные наречия, имеющие между собою довольно значительную разность. В Яранском уезде три такие наречия: Кордемское (к Уржумскому уезду), Пачинское (к Котельничу) и Устинское (к Костромской и Нижегородской губерниям).

Татары, одаренные от природы лучшими умственными способностями, нежели первые, и крепким телосложением, могли бы, без сомнения, чрез труд достигнуть благосостояния, но отвращение от

земледелия и желание приобретать легчайшим способом доводит многих из них до крайности. Хлебопашество у них в самом жалком положении; они всегда последние принимаются за полевые работы. Когда русские, вотяки и черемисы, при наступлении весны, занимаются паханием и в продолжение одного месяца оканчивают яровой посев, тогда татары подеревенно празднуют Зипн, нимало не заботясь о приготовлении земли к посеву и самом посеве. Праздник этот не есть религиозный, а вошедший в употребление издревле. Каждое почти селение имеет свой день, в который татары окрестных селений съезжаются на праздник. После угощения в домах выезжают на поле, где производится конская скачка и борьба. Обогнавший всех и отличившийся силою получают в награждение платки, полотенца, кушаки и т. д. по определению старших, распоряжающихся праздником. На другой день отправляются на такой же праздник в другое селение и т. д.

Празднование Зипна начинается в половине апреля и продолжается до последних чисел мая. Тогда только на изнуренных лошадях выезжают на пашню. Спахавши на скорую руку и облегчая обессиленную лошадь мелким запуском сохи в землю, царапают только поверхность оной; а, засеявши на столь худо приготовленной пашне, боронить высылают детей, которые и оканчивают работу. При паровой пашне татары также всегда бывают последними; пашут худо, сеют поздно, и потому всегда имеют недостаток в хлебе. Мена лошадьми, мелочная торговля крестьянскими товарами, извоз, распилка леса и плотничная работа суть обыкновенные занятия татар, которые, будучи ловки и хитры, обманывают простодушных поселян. Во время разъездов и работ высматривают где что есть, знакомятся с расположением домов и, спустя некоторое время, производят кражи сами или чрез своих сообщников. Многие из них, не имея удачи в своем уезде, преимущественно те же, которые судились за подобные промыслы, получив паспорты, или билеты, расходятся в разные губернии, не оставив своим семействам средств для пропитания. Татары имеют страсть к роскоши, но ленивы, привержены к пьянству и склонны к воровству. Примеры наказания за преступления мало на них действуют; есть случаи, что целые семейства, начиная от отца до последнего сына, сосланных в Сибирь или отданных в солдаты, не удержали их родственников или сообщников от подобных преступлений.

Н. ИВАНОВ, ученый лесничий. *«Прибавления» к № 42 «Вятских губернских ведомостей» от 21 октября 1839 года*

ЛЕГЕНДА
О ВОЗНИКНОВЕНИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

У Юлы-бога была дочь молодая и прекрасная, а женихов на небе не было. Там были одни только ангелы.

Юла-бог был работящий, а потому на небе работников не держал. Он делал все сам, а дочь свою посылал пасти скот.

На небе травы нет, а потому скоту надо было спускаться на землю. Бог и спускал его каждый день с неба, а вместе со скотиной спускал и свою дочь. Растворит небо, раскинет войлок, чтобы он доставал до самой земли, и спускает по нему дочь свою и стадо прямо на землю.

Однажды, будучи на земле, небесная девушка встретилась с мужчиной. Его звали Мари. Он жил на земле и никак не соглашался идти к Юле-богу. Девушка же не могла подняться на небо и осталась на земле. Она вышла за Мари замуж, и от них и появились люди. Это и был народ Мари Эл.

ОНАР-БОГАТЫРЬ

Когда-то в далекие незапамятные времена возле Волги-реки жил могучий великан. Звали его Онар. Был он так велик, что встанет, бывало, на крутом волжском откосе и только чуть-чуть не достает головой до поднявшейся над лесами цветка-радуги. Потому-то и называют марийцы радугу — Воротами Онара.

Сияет радуга всеми цветами, она так красива, что глаз не отвести, а одежда у Онара была еще краше: белая рубаха расшита на груди алым, зеленым и желтым шелком, подпоясан Онар поясом из голубого бисера, а на шапке — серебряные украшения.

У богатыря Онара и шаг был богатырский: раз шагнет — семь верст позади оставит. Дорога ему была не нужна, он шел прямо через леса — могучие дубы и сосны перешагивал, словно мелкий кустарник. Не останавливали его и болота: самая большая топь для него была что лужа-калужинка. Был Онар охотником, добывал зверя, собирал мед диких пчел. В поисках зверя и бортей, полных душистого меда, он уходил далеко от своего жилища-кудо, которое стояло на берегу Волги. В один день Онар успевал побывать и на Волге, и на Пижме с Неидой, впадающих в светлую Виче, как по-марийски называется река Вятка.

Однажды шел Онар по берегу Волги, и ему в лапти набился песок. Разулся он, вытряхнул песок — с той поры остались на берегу Волги курганы и песчаные холмы.

Попалась Онару на пути речка, и пришла великану на ум озорная мысль: набрал он земли в горсть и кинул ее в речку. Легла богатырская пригоршня поперек течения, запрудила речку, и тотчас разлилось перед запрудой большое озеро.

Про многие холмы и озера в Мари Эл народ говорит, что это

следы древнего великана. И потому-то марийцы называют свой край землей богатыря Онара.

ЧАЧАВИЙ И ЭПАНАЙ

Жил когда-то в деревне отчаянный парень по имени Эпанай. Не было во всей округе человека озорнее его. Покуда он тайком забирался в чужие огороды и погреба, мужики еще терпели. Но вот его уличили в краже лошади, это уже было настоящим преступлением.

Вора судили всем селом. Мужики, разъярившись, кричали:

— Побить его, на кол посадить, чтоб не повадно было красть!

Что и говорить, вина Эпаная велика: без лошади крестьянин что без рук: ни вспахать, ни посеять, даже дров из лесу не привезти. Нет лошади — бери суму и ступай по миру.

В ярости мужики насмерть забили бы конокрада, но, на его счастье, нашелся среди сельчан незлобивый старик Акрей, который пожалел парня за молодость. Хотя Эпанай и непутевый парень, но все же свой человек, деревенский, отец его всю жизнь честно трудился.

— Земляки! — поднял руку Акрей.— Не порочьте добрую славу деревни злым делом! Накажите его крепко, но не доводите себя до душегубства. Все-таки он вам сосед...

Мужики то ли действительно пожалели парня, то ли отнеслись с уважением к сединам Акрея, но только перестали бить парня. Однако решили твердо:

— В деревне нашей ему не жить! Пусть убирается куда хочет.

Эпаная с позором изгнали из деревни, наказав, чтобы впредь он глаз не казал, иначе будет ему худо. Ни слова не сказал Эпанай, посмотрел, словно загнанный волк, повернулся спиной к односельчанам и зашагал прочь.

Вскоре народ узнал, что в лесах появилась разбойничья шайка, во главе которой стоял Эпанай. Грабил он всех прохожих, ни за что убивал людей. Не знал Эпанай жалости ни к старому, ни к малому. А разбогател он как! Ходил в зеленом шелковом кафтане, обшитом золотыми позументами, алые сафьяновые сапоги на его ногах сверкали серебряными узорами, подпоясывался атаман кушаком из парчи. Немало награбленного добра скопилось у него в лесных тайниках.

И вот задумал Эпанай бросить разбой, перевестись в купцы, а там — ищи его след! Золото и серебро все прикроют, из душегуба сделают человека именитого, почитаемого...

И быть бы Эпанаю купцом, да, на свою беду, он увидел как-то раз на базаре дочь Акрея — Чачавий. Полюбилась ему красавица Чачавий, и решил он увезти ее силком в свое лесное разбойничье логово.

Глубокой осенней ночью нагрянули лихие люди к старику Ак-

рею. Не успел хозяин и глазом моргнуть, как его избу заполнила толпа разбойников. За поясом у каждого из незваных гостей — пистолеты и кистени.

Эпанай объявил старику, что он сегодня женится на его дочери.

Перепуганную девушку отослали в амбар, чтобы она там принарядилась к свадьбе, хозяйке велели нести из погреба угощение, а сами разбойники достали с печи бочонок с медовщиной, выпили, загорланили песню:

Не свадьба пришла,
А само горе-беда,
Не торговцы мы,
А разбойники лесные,—
Поклонись, хозяин, атаману,
Угощай гостей лихих!..

Но Акрей ухитрился увести со двора тайком дочь и жену.

Когда Эпанай обнаружил, что хозяина нет в избе, сразу побежал в амбар, а там — пусто. Тут-то он смекнул, что провел его старик. В гневе взмахнул он саблей и закричал:

— Догнать! Зарубить их всех!

И в этот миг дрогнула изба, закачались стены, затрещал потолок. Провалился дом вниз, под землю, хлынули струи холодной воды. Разбойники, воя от ужаса, копошатся кучей, давят друг друга, но ни одному не удалось выбраться.

Прибежал народ со всей деревни к избе Акрея, а на том месте, где только что стояли изба с сенями, амбар и сарай, теперь виднелась большая яма, и в яме зловеще плескалась невесть откуда прибывающая вода.

Так на месте былой усадьбы Акрея появилось большое озеро.

Долго еще старики, пугая легковерных, говорили, что иногда осенними ночами со дна озера слышатся топот ног и заунывный вой,— это, дескать, пляшут и поют люди Эпаная, злые дела которых земля не стерпела и расступилась, чтобы покарать их за все содеянное...

ДА БУДЕТ С ВАМИ ПЭРКЕ!

Загадывая об урожае, марийцы говорят: «Хорошо бы и нынче быть нам с пэрке...

Когда сосед заходит к соседу и застает его за едой, то приветствует хозяина словами: «Да будет с вами пэрке!»

Народ издавна считает, что пэрке посещает только хлебосольного, трудолюбивого хозяина.

Рассказывают, что в старину в одной деревне жил богатый мариец по имени Саран. Был он очень жаден и скуп. Амбары и погреба у него ломились от припасов, на гумне стояли скирды немолоченного хлеба. Так долго стояли, что на них успевали вырасти березки.

Но никто не помнил, чтобы Саран когда-нибудь с кем-нибудь поделился хлебом. Бывало, Саран обедает, а в это время заходит к нему сосед. Услышит богач скрип ворот, и всю еду скорее прятать: одно в печь, другое в угол, и через минуту на столе хоть шаром покати. Сосед в избу, а Саран говорит ему, вздыхая:

— Ох, не вовремя ты зашел, соседушка. Маленько опоздал, мы только что отобедали и котел вымыли... Уж прямо не знаю, чем бы тебя угостить...

Но соседу давно известна скупость Сарана, он только рукой махнет:

— Не беспокойся, дядя Саран, я сыт по горло, так плотно пообедал, что, пожалуй, неделю есть не захочу.

— Ну ладно,— говорит Саран,— а то я уж хотел было тебя угостить...

Уйдет сосед — Саран снова тащит на стол еду.

Сам Саран в поле не работал. На него дни и ночи работали батраки... А кормил их Саран впроголодь: даст кусочек черствого хлеба и при этом еще оговорит:

— Дармоеды все, только объедают меня... Как бы хорошо было, если б никого не надо было кормить...

Прослышал про Сарана бог достатка Пэрке.

И вот однажды в жаркий летний день в избу к Сарану постучался старик-нищий.

Саран в это время как раз обедал.

Нищий был стар, слаб. Жена Сарана пожалела его и, когда муж отвернулся, тайком подала ему корку хлеба.

Но Саран все-таки углядел, коршуном набросился на старика, вырвал у него из рук эту корку:

— Всем подавать — сами по миру пойдем! Чем бродяге, лучше своей свинье скормить!

Старик посмотрел на богача и спрашивает:

— Хочешь, я сделаю так, что никто никогда не будет у тебя просить хлеба?

Обрадовался Саран:

— Хочу! хочу! Небось свой-то хлеб всегда жалко давать людям.

— Возьми лук со стрелой, выйди во двор и пусти стрелу в сторону своего гумна,— говорит старик.— Если сделаешь так, то тебе никого никогда не придется больше угощать.

Саран схватил лук со стрелой и, даже забыв надеть шапочку, выскочил во двор.

Натянул тетиву и пустил стрелу в сторону гумна, где словно избы возвышались скирды необмолоченного хлеба.

Упала стрела посреди гумна, и в тот же миг крытое гумно и все скирды вспыхнули жарким пламенем.

А старик-нищий говорит:

— Теперь исполнилось твое желание, жадная душа. Никто больше не придет к тебе просить хлеба. Это я, Пэрке, тебе говорю.

Так сказал старик и исчез, как будто сквозь землю провалился.

Понял тогда скупец Саран, что он обидел самого Пэрке, дающего людям достаток за труд и хлебосольство.

Дотла сгорели и гумно, и все скирды. Никто из односельчан не прибежал тушить пожар. Сгорел и дом Сарана, и двор.

Остался жадный Саран нищим, теперь он сам пошел по миру просить у людей хлеба.

Сейчас уже никто не верит в старика Пэрке; слово «пэрке» теперь обозначает просто «урожай, обилие».

НЕПОБЕЖДЕННАЯ ВЕТЛУГА

Нам не дорого злато-серебро,
Дорога нам наша родина.

Марийская народная песня

Это случилось в те далекие годы, когда в наши края вторглись дикие орды хана Батыя...

Глухой, темной ночью враги налетели на одну спавшую мирным сном марийскую деревню.

Громкие воинственные крики и звон оружия наполняли улицы. Разбуженные люди выбегали из домов и в страхе смотрели на озаренное багровым пламенем небо. Яркие языки огня лизали небо и, извиваясь, стохвостой змеей ползли по деревне — это враги подожгли крайние избы...

С диким гиканьем врывались в избы воины-нукеры в пестрых шароварах и косматых шапках, жадно набивали грабленым добром свои большие мешки, недрогнувшей рукой убивали малых и седых стариков.

Рыдания и стоны, звон железа и гневные проклятия слышались по всей деревне.

Но никто не поднял против врагов ни меча, ни лука, не было в деревне людей, способных носить ратное оружие. Сильные мужчины, подобные дубам, и парни, смелые, как соколы, ушли на смертельную битву с врагами. Далеко-далеко, к голубым водам реки Волги, улетели могучие орлы. Среди приволжских холмов стали они заставой, ожидая вражеское войско, а в деревне остались лишь их седые отцы и матери, милые жены и невесты да дети, похожие на нежные лесные цветы.

Без крепкой защиты они были обречены на смерть или рабство.

Опьяненная кровью и легкой добычей, бесчинствовала и радовалась вражья орда. И вдруг в дверях одной избы вражеских воинов встретила блеснувшая, как молния, сабля. Нукеры отступили.

— Воин!

— Ай, яман! Ай, беда!

— Батыр! Богатырь!

Ханские нукеры настороженными взглядами следили за каждым движением молодого воина, преградившего им путь в избу, и оглядывались друг на друга: кто отважный, кто осмелится первым вступить в схватку со смельчаком?

Черные, горящие огнем ненависти глаза отважного воина в упор смотрели на чужеземцев. Ни один взмах его сабли не был напрасен: он сразил уже восемь нукеров.

Враги грозили ему издали, злобно ругались, но ни один из них не решался приблизиться.

Пухлолицый, с отвислым подбородком военачальник — менгечи мурза Церелен — с высокого белого аргамака следил за происходящим. Его косые щелки-глаза замутились от гнева, он до крови искусал свои губы.

— Воины, вы забыли, что вы потомки волков? Вы забыли повеления великого джасака?

Менгече говорил еще что-то, но его слова потонули в криках нукеров и в многоголосом шуме хангулов.

Нукеры бросились на приступ и снова, словно опаленные огнем, отпрянули назад.

Молодой воин по-прежнему твердо стоял на своем месте, как будто он был вытесан из того же крепкого дуба, что и стены дома.

Тогда нукеры достали из налучей луки и осыпали воина стрелами. Менгечи наблюдал за неравным поединком, готовый в любую минуту соскочить с коня и наступить ногой в узорном сапоге на грудь поверженного врага.

Но вдруг мурза заметил, что два нукера с широкой холстиной забрались на крышу дома. Он довольно усмехнулся: догадались! Мурза громко крикнул:

— Взять парня живым!

И в тот же миг юного воина покрыл брошенный сверху холщовый полог. Воин забился, как птица в силке, но на него уже насели двое дюжих нукеров.

Дружно бросились вперед остальные. Тучный мурза не утерпел, слез с коня и поспешил к месту схватки.

Подойдя, он, изумленный, остановился: перед ним стоял не воин, а девушка, подобная цветку шиповника.

Она тяжело дышала, а за руки ее держали восемь нукеров.

Блестящие черные глаза девушки горели гневом.

Седой, морщинистый мурза-менгечи оглядел ее с ног до головы и самодовольно сказал нукерам:

— Женщина всегда есть женщина. Ее мы победили без сабли. Среди рабынь Церелена-богатура как раз недостает такого цветка.

Гордый своей властью и уменьем красиво говорить, мурза взобрался на коня и поехал со двора, приказав вести за собой пленницу.

Огонь пожара, вихрем пронесшийся по деревне, затихал. На месте изб дымился горячий пепел и, чадя, догорали последние головешки. В дорожной пыли, в подзаборных лопухах остывали тела

убитых, а оставшиеся в живых с петлей на шее брели, подгоняемые нукерами, по дороге прочь от родных мест в проклятое рабство.

Через утихший лес полоняников привели на берег Ветлуги-реки.

Погрузив на плоты невольников и награбленное добро, нукеры начали переправляться через реку.

Церелен-богатур с двумя воинами в железных кольчугах сел в длинную остроносую лодку. Пленную девушку-воина посадили в ту же лодку.

Девушка сидела, глубоко задумавшись. Хоть бы заплакала, зарыдала, как другие женщины, уводимые на чужбину! Нет ни слезинки в ее глазах, только лицо бело, как первый снег, и печально, как осенняя ночь.

А вдали, за лесом, подымалась заря. Заалели свинцовые волны на Ветлуге, потом засверкали золотом и серебром. Легкий ветер пробежал по вершинам деревьев, словно тронул струны на гуслях, и послышалась тихая песня. Живительные лучи солнца озарили все вокруг, и все вспыхнуло несчетными красками. Запели птицы, как бы возвещая, что есть еще жизнь в лесном краю, что нельзя убить его красоту, что вечно будет стоять он, гордясь и красуясь.

Белых берез верхушки,
Кудрявясь, в лесах остаются.
Серебряные черемухи в цвету,
Листвою блестя, остаются.
Медные сосны в бору,
На ветру качаясь, остаются.
И Ветлуга — светлая река,
Плеща в берега, остается...

Неожиданно девушка поднялась, улыбнулась, как утреннее солнце, и запела.

Один нукер схватился за меч, но мурза Церелен лениво остановил его:

— Пусть поет. Хотя эта марийская девка поет не так красиво, как наши девушки, но пусть поет. Я не люблю печальных людей...

А девушка пела старинную песню своего народа:

Ой, черная стерлядь,
Ой, черная стерлядь
Плывет по реке,
Нигде не стоит
А в омуте темном,
В глубоком-глубоком,
В омуте тихом
Она отдохнет.
Никто не поможет мне —
Ни родня, ни соседи,
Только светлые волны
Помогут мне.

Девушка поставила ногу на край лодки:

— Знай, черный опкын, ты можешь заковать нас в цепи, но никогда не покорить тебе наши сердца, горящие ненавистью.

С этими словами девушка прыгнула в реку, а лодка, покачнувшись, перевернулась вверх днищем.

Белой рыбой мелькнула девушка под водой, чистая струя заиграла вокруг нее. А мурза и его телохранители в тяжелых доспехах камнем пошли ко дну и там, на дне чужой реки, нашли себе могилу.

С удивлением и страхом смотрели остальные нукеры.

— Непонятный здесь живет народ. Непокорная у него душа. Трудно его одолеть,— говорили они между собой.

А пленники на плотах говорили о богатырях, которые придут с этих берегов и освободят их.

— Как имя этой девушки? — спросил один нукер.

— Ветлуга,— ответили ему пленники.

— А как зовется эта река?

— Тоже Ветлуга.

Побледнели нукеры и молча смотрели в воду.

Текла река Ветлуга, сверкая, как стальная сабля,— вольная река непокорного народа.

АКПАРС И ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Четыре века тому назад на горном берегу Волги, там, где марийская земля граничит с чувашской, жил отважный воин, глава своего рода, старшина Акпарс. Был он настоящий богатырь, сродни легендарному Онару. С рогатиной один ходил он на медведя, могучей рукой перехватывал на лету прыгнувшую с дерева рысь.

В народе прозвали его Акпарс, что значит «Белый барс», за его храбрость и за то, что он ходил в белом кафтане.

С детства видел Акпарс вокруг себя горе и страдания народа и сам немало претерпел от врагов-поработителей, и вот стало ему невмочь видеть страдания и самому терпеть.

Созвал Акпарс самых верных друзей на тайный совет. Пришли к Акпарсу его соседи Аказ с младшим братом Яныгитом, пришел отважный Ковяж, пришел Алтыш, чьи илемы расположены были среди лесных оврагов.

Как положено, радушный хозяин выставил на стол угощение и пайданы с пенной медовухой. Но на этот раз ели и пили мало.

— Нет больше сил терпеть ханский гнет,— говорил Аказ.— По всему краю, Акпарс, славят твой ум, быстрый, как рысь в лесной чаще. Скажи, как нам избавиться от власти хана?

— Одним нам не справиться с врагом,— ответил Акпарс,— надо нам искать сильного и верного друга. Посылал я своих людей в Москву посмотреть да разузнать, как живут на Руси. Ныне вернулись они и говорят, что народ русский силен, отважен и в дружбе верен. Следует нам искать помощи у московского царя.

— К русским и мы присматривались,— сказал Ковяж.— С ними дружбу вести можно — народ душевный, добрый.

— Народ добр, да, говорят, царь и бояре русские люты,— прервал Аказ.— Коли уж идти под руку русского царя, то надобно прежде договориться, чтобы русский царь положил нам дань посильную и чтобы не забирал наших сыновей и дочерей.

На том совете и решили послать к московскому царю марийских послов.

Вьюжной зимней ночью Акпарс с двумя товарищами отправился в далекий путь.

Неизвестно, как им удалось обойти ханские дозоры, как удалось добраться до далекой Москвы, только говорится в старинном предании, что были Акпарс и его товарищи приняты самим царем Иваном Грозным, что били они челом и просили принять край марийский под свою высокую руку.

Русский царь милостиво выслушал послов и обещал свою защиту. Повелел он русскому войску идти в поход на Волгу против казанского хана.

Двинулось русское войско в поход на Казань. Среди русского войска был и отряд марийских воинов.

Шли марийцы воевать против хана, а впереди отряда — отважный старшина Акпарс.

Едет он на белоснежном коне, на боку у него сабля, на груди — гусли. Играет Акпарс на гуслях и поет громким голосом, слышным по другую сторону широкой Волги:

Сейчас мой дом
Без окон, темный,
Беспросветна, горька
Жизнь под гнетом,
Вернусь я с битвы,
Построю себе новый дом,
Вернусь я с битвы,
Уберу оружие в клеть,
Стану жить с соседями
В мире и дружбе.
Будет дом с окнами
На юг, к солнцу!
Прибудет силы у меня
От верной дружбы...

Славно бился с врагами Акпарс. И за это царь Иван Грозный его пожаловал своей милостью.

— Хочешь служить при мне? — спросил он отважного старшину.— Награжу тебя землею и холопами, будешь жить в довольстве, ходить в золоте-серебре.

— Государь, хорошо жить в царском дворце, но еще лучше в дремучем лесу,— ответил Акпарс.— При тебе, царь, жить — что близ смерти ходить, а в сыром бору я сам себе хозяин.

Гневно взглянул царь на дерзкого, но не посмел его наказать, ибо обидеть Акпарса значило вступить в ссору с целым народом, а царь не хотел терять край марийский.

ГУСЛЯР

Жил когда-то в лесу у реки Кокшаги, как рассказывает предание, молодой мариец-гусляр.

Когда он играл на своих гуслях, то ноги сами пускались в пляс. И не только люди, даже камни вокруг начинали плясать.

Однажды случилась беда: умер у гусляра друг. Был он лихой танцор, и вот — лежит в гробу, неподвижный, с закрытыми глазами.

Плачут родные, причитают:

— Забрал нашего молодца к себе в свое мрачное царство бог смерти Киямат-тора, покинул нас лихой мариец навеки. Не бывать вечеру утром, никогда не ожить умершему...

Слушал эти слова гусляр, и сердце у него разрывалось от горя. Вдруг он воскликнул:

— Не плачьте, не причитайте. Хоть и говорится, что вечеру утром не бывать, а друга я верну из мрачного царства Киямата-торы!

Взял гусляр свои гусли и отправился к богу смерти.

Долго добирался он, преодолел десятки препятствий и, наконец, пришел в царство Киямата-торы.

Сидит Киямат-тора в своем черном доме, широко раскрыл огромную страшную пасть с острыми зубами. Почуял он, запахло человечьим духом.

— Твое счастье, что сегодня я сыт,— говорит он гусляру,— уходи, покуда жив, а не то проглочу.

— Я пришел сюда за моим другом, которого ты забрал к себе,— отвечает гусляр,— и без него не уйду.

Удивился Киямат-тора, спрашивает:

— А ты кто такой? И что это у тебя в руках?

— Я гусляр, а в руках у меня гусли. Как заиграю я на них, то даже камни пускаются в пляс. Хочешь, я заиграю — и ты будешь плясать?

Киямат-тора только ухмыльнулся:

— Никогда никто не плясал в моем царстве и плясать не будет. Ну что ж, попробуй сыграй. Если заставишь меня плясать, то отдам тебе друга, не заставишь — сам прощайся с жизнью.

Заиграл гусляр.

Заплясали вокруг дикие камни, заплясали черные тени, заплясал Киямат-тора.

Так гусляр победил своей игрой саму смерть и вернулся из мрачного царства смерти на землю с живым другом.

Ким ВАСИН

КРЫЛАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Лет четыреста тому назад в Кокшайской стороне жил богатый человек — марийский мурза Мамич Бердей. Его селение — илем, обнесенное высокой дубовой стеной, стояло над высоким обрывом, там, где Ошла впадает в Кокшагу.

Посреди илема возвышались высокие хоромы, в которых жил сам хозяин, а вокруг хором толпились избы для слуг и стражи, вместительные амбары, полные добра, и просторные конюшни. Очень богат был Мамич Бердей!

Зная про его богатство, казанский хан отдал ему во власть земли по Кокшаге и Кундышу и поручил собирать в ханскую казну ясак с живущих в тех местах марийцев.

Хитро рассудил хан: если плохо будет собирать Мамич Бердей ясак, ответит своим добром.

Но хан получал ясак полностью и в срок, а богатство Мамича Бердея росло год от году. В Кокшайской стороне не осталось ни одного человека, который бы не попал в кабалу к марийскому мурзе: всех превратил Мамич Бердей в своих данников — не то в вечных работников, не то просто в рабов.

Попал к нему в кабалу и Шюшка́н. В любом деле — гнать ли смолу, вырезáть ли посуду, выдолбить ли из колоды лодку — не было во всей округе мастера искуснее Шюшкана. Никогда не сидел он без работы. Но и Шюшкан не избежал сетей жадного мурзы.

Не знал, не ведал Шюшкан, как вдруг оказался кругом должен Мамичу Бердею. Без долгов — должен, без вины — виноват. Но знал твердо Шюшкан: мурзе долга не выплатишь, справедливости не найдешь, правоты не докажешь; одно остается — бежать. Да только как бежать? В лес уйдешь — конная стража догонит, по реке поплывешь — быстрые лодки, сделанные для мурзы самим же Шюшканом, настигнут. Остается один путь — по воздуху; уж там-то, в синем небе, Мамич Бердей не поймает.

«Небо — вольный простор... Только над вольной птицей небесной не властен марийский мурза, и сам хан не властен»,— думал Шюшкан, глядя в голубую высь, где, раскинув широкие крылья, парил могучий сокол.

Высоко кружит могучий сокол, и дерзкая мысль Шюшкана парит наравне с крылатой птицей.

Долго следил Шюшкан за полетом сокола, а потом принялся за работу, невиданную и неслыханную доселе.

* * *

Мамич Бердей выехал на сбор ясака. На сером жеребце с десятью телохранителями, как волк, рыскал он с утра до ночи по

илемам. Много илемов в лесной стороне, много должников у мурзы.

Приехал он к Шюшкану. Жил мастер на склоне холма в бедном шалаше — ку́до. Рядом с кудо навес из жердей, куча жженого черного угля, бочки со смолой, небольшая, только что вытесанная лодка, и вокруг нее в траве, словно серебристые рыбины, сверкают белые щепки.

Услыхал хозяин кудо приближение всадников, вышел из дома и встал на краю дороги.

Мурза остановился и вперил в него нетерпеливый гневный взгляд, ожидая покорного земного поклона. Но Шюшкан как будто не замечал гневного взгляда.

— Будь здоров, тора*. Пусть будет счастливой твоя дорога,— сказал Шюшкан с усмешкой.— Салам алейкум.

Мамич Бердей, сжимая рукоять плети, нехотя пробормотал положенные слова ответного приветствия и сразу же раздраженно заговорил:

— На словах ты почтителен, это дело не трудное — язык без костей, а вот скажи, собираешься ли платить, что положено? За тобой еще с прошлого года недоимка.

— Рад бы отдать, да денег нету,— спокойно ответил Шюшкан.— Придется тебе еще подождать.

Мамич Бердей побледнел от гнева, не ожидал он такого дерзкого ответа. Он привык, что его должники с плачем и мольбами валятся в ноги и на коленях вымаливают отсрочки.

— Что-то слишком волен ты стал,— сказал мурза.— Видать, давно по твоей спине не гуляла плетка. Нет денег — плати какимнибудь добром. Небось есть у тебя сработанная вещь?

— Есть,— ответил Шюшкан.— Я отдам тебе за долги лодку.

Мамич Бердей косым взглядом скользнул по новой долбленке:

— Из такого корыта только скотину поить.

— Не об ней речь,— сказал Шюшкан.— Вон видишь липу возле навеса? Это твоя лодка.

Мамич Бердей взглянул на зеленую развесистую липу и побледнел еще сильнее.

— Что болтаешь? Она еще даже не срублена. Не дают имени неродившемуся ребенку. Срубишь, тогда будет видно, на что она годна — на лодку или кадушку, или выйдет лишь щепа на растопку.

Шюшкан подошел к липе и постучал по стволу палкой:

— Смотри лучше.

Мурза и его стража окружили липу. С одной стороны ствол липы был посередине расщеплен, и в расщеп вбиты клинья.

— Пять лет назад я вбил эти клинья,— сказал Шюшкан.— С тех пор липа растет и на корню превращается в лодку.

И тогда все увидели, что раздавшийся в стороны ствол липы

---

* Тора́ — начальник, господин.

с глубокой выемкой посередине действительно похож на лодку.

— Осталось только ее срубить, вычистить внутри, заострить нос, и будет добрая лодка,— продолжал Шюшкан,— человек двадцать поднимет.

— Когда будет готова твоя лодка? — строго спросил Мамич Бердей.

— Спешить нельзя. Через год ствол совсем окрепнет, и можно вынуть клинья.

— Целый год! — воскликнул Мамич Бердей.— Ты смеешься надо мной! Чем ждать год, я лучше завтра же продам тебя самого в рабство казанским купцам.

— Нет, я не буду рабом,— без страха глядя в глаза мурзе, сказал Шюшкан.

Мамич Бердей онемел от гнева и удивления, а Шюшкан, повернувшись, стал быстро взбираться вверх по крутому склону обрывистого холма.

Когда Мамич Бердей обрел дар речи, он взмахнул плетью и взвизгнул:

— Поймать дерзкого буяна! Схватить! Связать!

Стража бросилась к холму, но в это мгновение на вершине обрыва показался Шюшкан.

Высоко вознесся холм, выше леса, выше вековых сосен. И мурза на лошади кажется отсюда букашкой.

Встал Шюшкан на краю обрыва, и все увидели, что за его плечами сверкают белые берестяные крылья.

Окинул Шюшкан взором все вокруг, взмахнул руками-крыльями и прыгнул с обрыва.

Вскрикнул, не выдержав, какой-то стражник. Мамич Бердей на миг зажмурил глаза, а когда открыл их, то увидел парящего над лесом крылаторукого человека. Он летел над кудо, и неведомая сила поддерживала его в воздухе.

— Летит...— услышал Мамич Бердей за своей спиной удивленный шепот.

Опомнившись, он схватился за лук, запела тетива — и острая стрела быстрее птицы со свистом понеслась за крылатым человеком.

Мамич Бердей не промахнулся.

Затрепетали берестяные белые крылья, и отважный мариец рухнул в густой кустарник, на дно глубокого оврага.

— А-а! — радостно завопил Мамич Бердей и погнал коня прямо через кусты к тому месту, куда упал Шюшкан.

Вслед за ним поскакала стража.

Шюшкан лежал на сломанных крыльях, закрыв глаза и раскинув руки; белая рубаха на груди окрасилась алой кровью.

Воины-телохранители соскочили с коней и окружили распростертое тело.

— Чудеса,— говорил один.

— А ведь улетел бы, как птица...— вторил ему другой.

— Не иначе, Шюшкан был колдуном,— сказал третий.— Говорят, колдовское слово сильнее молитвы...

— Сам бог покарал его за грехи,— сказал Мамич Бердей и злорадно добавил: — Так тебе и надо. Ишь захотел умнее бога быть. Знай свое место, холоп!

Крылатый человек не слышал этих слов: он лежал бездыханен.

...Но говорят, будто бы не умер Шюшкан, будто бы он все-таки убежал от Мамича Бердея в дремучие леса, нашел там дерево, что было легче легкого и гибче гибкого, и сделал из него крылатые лыжи. На тех крылатых лыжах летал он, подобный ветру, по всей марийской земле: бывало, утром отдыхает на берегу Вятки, обед варит у Кокшаги, а вечернюю зарю встречает за Ветлугой.

То ли правда, то ли выдумка, но и сейчас еще услышишь в марийских деревнях о Шюшкане и его летучих лыжах...

Василий ЮКСЕРН

ОХОТНИК САЙГЕЛДЕ

(Легенда)

Кругом лес — темный и дремучий. Внизу тихо журчит река, извиваясь в крутых берегах. Над водой клубится густой туман...

На берегу стоит охотник Сайге́лде. То поглядывает вниз на реку, то на густую могучую сосну, что растет над обрывом.

Сайгелде в белой домотканой одежде. На голове войлочная шапка, тоже белая. Из-под шапки выбиваются пряди густых каштановых волос.

Поднялся Сайгелде до свету, умылся утренней росой. Охотник должен рано вставать. Проспишь — только локоть свой облизнешь.

Сайгелде поднимает голову и, неслышно ступая обутыми в лапти ногами, в который раз обходит раскидистую сосну, внимательно оглядывая ее снизу доверху. Вон там, саженях в десяти над землей, чернеет в стволе дупло. Это и есть, наверное, борть — пчелиное гнездо.

— Ну, конечно, это пчелы. Я чую, что они должны тут быть,— шепчет Сайгелде.

Сайгелде знатный охотник. Ведомы ему повадки каждого зверя. Но сегодня вышел Сайгелде не на зверя — за медом. Потому и снасть у него особая: через плечо перекинута туго смотанная веревка с деревянным крюком на конце, в руках пайда́н — деревянное ведро.

По утрам над рекой холодно. А может, это кажется Сайгелде, потому что его белая одежда пропиталась росой. Рубаха из толстого холста намокла и крепко облегает плечи и грудь.

Ничего, скоро выглянет солнце, поднимется, просушит росу, и пчелы вылетят из гнезда. Они только и ждут, пока просохнет ро-

са — боятся промочить свои нежные, легкие крылышки. Пчелы полетят за взятком, а Сайгелде полезет за медом.

Вот уже и туман над рекой рассеивается. Стлался густой пеленой над водою, а теперь выполз на берег и, оставляя на траве сверкающие капли, скрывается в густой чаще. И вода в реке только что казалась темной и мрачной — вдруг заиграла блестками. Это появился на небосклоне светлый край солнца. Солнце поднимается все выше и выше. И вместе с солнечным светом и теплом разливается вокруг аромат лесных трав и цветов.

Проходит еще немного времени, и над головой охотника раздается мерное жужжание. Вот они, пчелы! Сайгелде не ошибся!

«Ну, теперь пора!» — Сайгелде прицепил к поясу ведерко, снял с плеча веревку, размотал ее, раскрутил над головой и резко бросил вверх.

Веревка взвилась до самой макушки сосны. Взлетела и, как того хотел Сайгелде, зацепилась крюком за толстый сук. А Сайгелде, обернул себя веревкой несколько раз вокруг пояса, крепко-накрепко завязал ее узлом. Потом разбежался, оттолкнулся от земли и, быстро перебирая ногами, пошел вверх по широкому стволу, словно по гладкой дорожке. Руки охотника так ловко перебирают веревку, что кажется, Сайгелде скользит по ней вверх. Вот уже он высоко-высоко над землей!..

Но оказалось, что не один Сайгелде решил сегодня добраться до пчелиной борти. В эти же утренние часы бродил неподалеку другой охотник.

Огромный, лохматый, косолапый, он бродил по лесу, сердито принюхивался черным носом, мотал головой из стороны в сторону, будто отгонял назойливых мух. Это был страшный бурый медведь. Все лесное зверье побаивалось бурого медведя. О-о, он становился злым, как перец, когда ему не удавалось полакомиться медом. Шагал напролом, не разбирая дороги, как ураган ломал все вокруг.

— Медведь! Слышите, идет свирепый, злой медведь! — шептали друг другу звери и прятались кто куда.

Сегодня бурый медведь был очень сердит.

— Опять этот человек! — грозно ворчал медведь. — Я чую его дух. Ну, попадись он мне! Будет знать, как лазить за моим медом!

В который раз уже случалось: найдет медведь пчелиную борть, сунет лапу в гнездо, а там пусто: кто-то выгреб весь мед и пчелиный народ растревожил. В прошлый раз одна пчела так ужалила его в нос — до сих пор медведь головой мотает, боль не уймет...

Шел медведь по следу за человеком и вышел к сосне, под которой стоял охотник Сайгелде. Как увидел медведь охотника, вся шерсть у него от злости встала дыбом. Вот он какой, его обидчик!

— Ну погоди! Сегодня я с тобой расправлюсь!

А Сайгелде не видел медведя. Взобрался он по веревке на сосну, подтянулся, а потом и вовсе уселся на ветке передохнуть. «Посижу немного,— думает,— отдохну и полезу дальше. Пчелы не

скоро прилетят, как раз успею набрать полное ведерко меда. То-то будет радость моей маленькой Саскавий».

Глянул Сайгелде вниз и чуть с сосны не свалился: переваливаясь на косолапых лапах, приближался к дереву бурый медведь. Даже отсюда, с высоты, было видно, какой он сердитый. Шерсть на его спине вздымается, глаза горят. А медведь встал на дыбы и заревел таким страшным голосом, что с сосны посыпались шишки:

— Вот ты мне и попался!

Карабкается медведь на дерево, а Сайгелде сидит ни жив ни мертв. Заскользили по стволу медвежьи когти, сполз бурый вниз. Тут Сайгелде опомнился. Поднялся, ухватился за следующий сук, выше полез.

Все выше поднимается Сайгелде, а медведь — за ним. Охотник уже на самой макушке. Какая она тонкая! Гнется, качается, того гляди обломится. А медведь все ближе.

«Эх, была бы у меня вторая веревка! — тоскливо думает Сайгелде.— Белкой перелетел бы я на другое дерево».

Но второй веревки у Сайгелде нету. А медвежья морда, вот она — у самых ног Сайгелде. В отчаянии толкнул охотник медведя ногой. Изо всех сил толкнул, а медведю что — он и не почувствовал удара. Дернул медведь охотника за ногу, и вот уже Сайгелде в медвежьих лапах.

«Пришла моя смерть,— думает Сайгелде.— Сейчас швырнет меня медведь вниз...»

Но медведь не сбросил человека на землю. Он тряхнул его в воздухе и прижал к стволу. Да еще и веревкой обмотал. А потом за мед принялся. Теплый, как парное молоко, светло-янтарный мед, видно, очень понравился медведю, потому что он ел и ел, и маленькие глазки его светились от удовольствия.

Много ли, мало ли меду съел, нам неведомо, наелся он до отвалу и, тяжело сопя, спустился вниз.

— Ушел! — облегченно вздохнул Сайгелде, прислушиваясь к затихающему в чаще шороху.

Крепко привязан Сайгелде к дереву — ни рукой, ни ногой, не шевельнешь, веревка впивается в тело.

«Что же теперь со мной будет? — думает охотник.— Сколько раз ставил я в лесу ловушки на зверей, а теперь сам попался».

Безжалостно припекает солнце. Соленый пот стекает по лбу и жжет Сайгелде глаза. И опять думает Сайгелде:

«Хоть бы ветерок подул, стало бы легче дышать. Хоть бы туча брызнула дождиком, промочил бы пересохшее горло. Хоть бы ласточки пролетели мимо, попросил бы их сказать маленькой Саскавий, какая беда приключилась с ее отцом. Дочурка что-нибудь бы придумала, освободила бы. Даром, что маленькая, зато умная и ловкая».

Но ни ветер не подул, ни туча дождем не брызнула, ни ласточки не прилетели. А прилетели пчелы. Воротились, увидели свое разоренное гнездо. Зашумели, загудели пчелы, жалят охотника.

Не знают они, что не Сайгелде разорил их дом.

Прошел день, и ночь прошла. Наступило новое утро. Сайгелде из сил выбился. Закрыл глаза, и кажется ему, что он разговаривает со своей любимой дочкой. Но на самом деле Сайгелде ничего не говорит, только стонет.

Вдруг слышит охотник тоненький голосок. Может, это и в самом деле его дочурка Саскавий прибежала? Открыл Сайгелде глаза и видит: сидит перед ним маленькая белочка.

— Человек, человек, почему ты здесь на дереве висишь? Я тут всегда играю и никогда раньше не видела тебя.

— Ох, белочка,— отвечает Сайгелде,— приключилась со мной беда. Будь добра, помоги мне.

— А чем я могу тебе помочь?

— Сбегай в мое стойбище. Разыщи мою дочку Саскавий и приведи ее сюда.

— Хорошо,— сказала белочка и поскакала по деревьям.

Вдруг слышит маленькая белочка, как вдогонку ей кричит белка-мать:

— Ты куда спешишь, дочка?

Рассказала маленькая белочка, о чем просил ее Сайгелде. Очень хотелось белочке поскорей помочь человеку.

— Подожди, подожди,— сказала мать-белка.— Ты еще глупенькая и ничего не понимаешь. Этот Сайгелде — охотник. Не он ли меня вдовой оставил, а тебя — сиротой. Пусть сам справляется со своей бедой.

Не посмела маленькая белочка ослушаться, нарушить материнский запрет.

Прошел день, и ночь прошла. Наступило новое утро. Выбежал на поляну поиграть зайчишка. Прыгает, кувыркается в мягкой траве. Вдруг слышит: тихий стон. Остановился зайчонок, захлопал своими длинными ушами, поглядел вокруг своими раскосыми глазами — никого. Доскакад он до большой сосны на высоком берегу и опять услышал стон. Остановился зайчишка, захлопал своими длинными ушами, поглядел своими раскосыми глазами. В прошлый раз он по сторонам глядел, а теперь — вверх, сначала одним глазом, потом — другим. И увидел Сайгелде.

— Человек, человек,— запищал зайчишка,— почему ты там на дереве сидишь? Я каждое утро здесь играю и никогда тебя не видел.

— Ох, зайчишка,— стонет Сайгелде,— приключилась со мной беда. Будь добр, помоги.

— А чем я могу тебе помочь?

— Скачи, дорогой зайчишка, в стойбище,— шепчет Сайгелде,— приведи сюда мою дочку Саскавий.

Шепчет Сайгелде, а сам думает: «Не услышит зайчишка моих слов». Но зайчик услышал.

— Хорошо, дяденька! — и поскакал со всех ног.

Вот и лесная опушка. Дальше — поле, за полем — стойбище.

И вдруг услыхал зайчишка собачий лай. Насторожил уши, забился под куст, лежит, дрожит. Тут и нашла его зайчиха-мать.

— Ну и напугал ты меня! — говорит.— Куда это ты собрался?

Рассказал зайчишка маме-зайчихе о Сайгелде. А она рассердилась:

— Ах ты глупенький! Разве ты не слышишь, как громко лает собака? Может быть, это та самая, которая в прошлый раз за нами гналась. Я ее тогда от тебя подальше увела. Едва сама спаслась. Нет, никуда я тебя не пущу! Пусть этот человек сам справляется со своей бедой.

Не смеет зайчишка ослушаться материнского наказа.

Прошел день, и ночь прошла. Наступило новое утро.

Над сосной, где висит привязанный к стволу охотник, кружит черный ворон. Ждет добычи. Громко каркает, приглашает друзей на предстоящий пир. Сайгелде не слышит вороньего карканья. Снится ему, что пришел он к себе в стойбище, принес своей дочке Саскавий ведерко теплого, как парное молоко, пахучего меда. Радуется дочка подарку и весело хохочет...

И уже перед вечерними сумерками вышла на поляну выдра. Услыхала воронье карканье, увидела, как кружит ворон над сосной, подняла голову, повела носом. Нюх у выдры чуткий, глаз острый. Увидела человека на дереве. «Чудно, каждый вечер я тут гуляю, и никогда мне случалось не видеть человека на дереве».

Любопытно стало выдре, вьюном взобралась по шершавому стволу и уселась на ветке возле Сайгелде.

— Человек, человек, почему ты здесь висишь? — спрашивает.— Кто привязал тебя веревкой к стволу?

Отвечает Сайгелде тихим шепотом:

— Сбегай в стойбище, выдра, позови дочку мою Саскавий, может, она сумеет меня освободить. Я и белочку просил, и зайчишку просил. Не сдержали они своего слова. Неужели и ты меня обманешь?

Поняла умная выдра, почему звери не помогли Сайгелде. И хочется ей помочь человеку, и страшно. Побежишь на стойбище, а там тебя люди поймают или злые собаки растерзают. Да и сам Сайгелде... Выручишь его из беды, а он снова за охоту примется! Долго сидела выдра на ветке рядом с охотником, думала.

— Ну ладно,— сказала наконец выдра.— Я придумала, как тебе помочь. Никуда я не побегу, никого не позову. Сама тебя высвобожу. Только обещай мне, человек, что ты никогда не будешь больше охотиться на сородичей моих.

— Обещаю! — прошептал Сайгелде.— И сам не буду, и детям своим завещаю это, и внукам!

Выдра спустилась с дерева. Встала на задние лапки, передними за ствол держится да еще лбом упирается. Принялась добрая выдра грызть сосну острыми зубами.

Наступила ночь. Поднялся над лесом месяц. Засветились звезды.

Старается выдра изо всех сил, торопится. В лесу по ночам тишина стоит. Слышно, если хрустнет самая малая веточка. А сегодня скрежет на весь лес! Испугались звери, забились со страха в свои норы. Сайгелде и тот сначала не понял, что в лесу творится. А когда догадался, то и обрадовался, и запечалился. Обрадовался, потому что подумал: не обманула его выдра. А запечалился, потому что понял: не свалить маленькой выдре такое толстое дерево.

Собрал Сайгелде последние силы и громко, что есть силы, закричал:

— Друг мой, выдра! Не точи древесный ствол! Лучше поднимись ко мне и перегрызи веревки!

Казалось Сайгелде, что он кричит, а на самом деле шептал еле слышно. Но выдра услышала, потому что уши у нее очень чуткие...

Увидел Сайгелде перед собой выдру и не узнал ее: была она гладенькая, толстенькая, а теперь худая-прехудая, длинная-предлинная! Это выдра так похудела за ночь от трудной своей работы. И голова у выдры была круглая, а теперь стала плоской. Это оттого, что выдра лбом упиралась в дерево. Только шуба у нее осталась прежняя, такая же красивая.

Перегрызла выдра веревку, которая, будто змея, толстыми кольцами обвила Сайгелде. Перегрызла одно кольцо, и охотник зашевелил руками, перегрызла второе, и Сайгелде высвободил руки.

Вот уже последние путы упали на землю. Спустился Сайгелде с дерева, попрощался с выдрой.

— Смотри же не забывай своего обещания! — крикнула выдра.

— Не забуду, никогда не забуду! — ответил Сайгелде.

* * *

Эту старую марийскую легенду рассказывал мне мой дедушка, когда я был совсем маленьким.

— Теперь, конечно, выдру на дереве не увидишь,— добавлял дедушка,— разучились выдры лазить по деревьям, живут в воде. Вот когда мы пойдем с тобой как-нибудь к берегу реки, ты увидишь ее.

И вот однажды пошли мы с дедушкой к реке. Выдры, правда, нам увидеть не удалось. Зато увидели мы кем-то приготовленное для нее угощение — хлеб и чашку янтарного меда. Выдру в наших краях и правда почитали, даже устраивали в честь нее празднества.

Я вспомнил эту легенду и дедушкин рассказ недавно, когда пришлось мне заехать в село Комино, что по-русски означает — Выдра.

Наверное, когда-то назвали это селение в память об охотнике Сайгелде и его спасительнице.

С. Г. ЧАВАЙН

ЙЫЛАНДА

(Легенда)

В прежние далекие времена всю теперешнюю Казанскую губернию покрывали дремучие леса, и водилось в них всякого дикого зверя и птицы видимо-невидимо.

Марийцы тогда жили в лесах. У них не было деревень, подобных нынешним, они селились небольшими заимками-илемами. Хлеба в те времена марийцы сеяли мало, они были больше охотниками, добывали лесного зверя и птицу. Огнестрельного оружия тогда еще не знали, охотились с луком и стрелами. Ружья вошли в обиход позже.

До 1237 года марийский народ жил сам по себе, дани никому не платил. Но вот в 1237 году на русские земли двинулись татаро-монгольские завоеватели. На своем пути они покорили все малые народы по Волге и заставили их платить себе дань.

В 1438 году татары образовали Казанское ханство. Марийский народ стал подвластен казанским ханам.

Татарские мурзы угнетали и обижали марийцев.

Бывало, повстречает какой мурза марийскую свадьбу и первым делом смотрит на невесту. Не дай бог, если она ему приглянется, тотчас приказывает своим воинам взять ее и везти к нему в дом. Тут уж проси не проси, моли не моли — ничего не поможет. Только оружие могло защитить девушку от притязаний мурзы. Поэтому в те времена невесту к жениху везли, скрыв ее лицо под покрывалом. А гости сопровождали свадебный поезд, вооруженные саблями, кистенями и пиками. В марийском свадебном обряде до сих пор сохранился обычай покрывать невесту специальным платком — вюргенчыком, а поезжане сопровождают ее с плетками в руках. Пришел этот обычай из тех далеких лет.

Особенно усилился гнет татарских поработителей после 1500 года. Тогда среди предводителей народов, подвластных Казанскому хану, образовались две партии: одни думали просить защиты у русского царя, другие же хотели и впредь жить под ханом. Эти партии постоянно враждовали между собой, как кошка с собакой. Между тем ханская власть над этими народами становилась слабее.

Марийский народ думал о присоединении к Руси.

I

Живший в Казани молодой марийский князь Йыланда справлял свадьбу. Его невеста, юная Чачавий, сияла красотой, словно утренняя звезда. Второй такой красавицы не сыскать во всей Казани — ни среди татарок, ни среди мордовок. Многие заглядывались на нее, многим она была по сердцу, но Чачавий любила Йыланду.

Отец Чачавий — старый марийский князь отдал Йыланде дочь и в приданое за нею все свое княжество. Но гостей на свадьбе было немного: старики родители, друзья жениха Чавай и Мустай, да еще два воина — и все. Втайне, тихо справлял свадьбу Йыланда. (А почему — читатель узнает позже.)

После свадьбы Йыланда увез молодую жену из Казани в свой илем, в глухие марийские леса, и зажил с ней вдали от ханского глаза.

Высокий частокол из вековых дубовых бревен, внутри частокола — крепкий дом, амбары, сараи, за частоколом — сразу же дремучий лес. Так выглядел илем марийского князя в те времена.

Йыланда и прекрасная Чачавий поселились в илеме. Йыланда охотился, дичи в окрестных лесах было много, он всегда возвращался с хорошей добычей. И не ведали молодые счастливые супруги, что в это время над их головами собираются грозные тучи, не знали, какое недоброе дело затевается против них в Казани.

...Казанский хан призвал в свои покои мурз и князей. Он был разодет в дорогие одежды, сверкающие золотом и серебром, на голове у него, как снег на солнце, блестела расшитая тюбетейка. Хан был в гневе, его глаза метали злобные молнии.

В молчании склонили мурзы и князья перед ним головы. «Чем прогневали мы хана, зачем он вызвал нас, что скажет?» — думал каждый.

— Слушайте, князья и мурзы! — сказал хан.— Слушайте! Мне стало известно, что среди марийцев появились ослушники! Известно мне, что горные марийцы хотят передаться русскому царю и ныне задумали послать своих людей в Москву. Мнится мне, что Йыланда, хоть он и не горный мариец, тоже смотрит в русскую сторону. Он нарушил веками освященные обычаи: не показал мне, великому хану, свою невесту, тайно справил свадьбу, а теперь скрылся в свой лесной илем.

— Голову ему долой! — закричали мурзы.

— Молчать! — оборвал их хан.— Йыланду нельзя казнить, он нам нужен. Его почитают все марийцы, и пока он на нашей стороне, марийский народ будет нам верен. Повелеваю доставить ко мне Йыланду. Я его пошлю к горным марийцам. Кто поедет сообщить ему мою волю?

— Я! — отозвался мурза Калим.

— Через три дня Йыланда должен быть здесь. Тогда я вас опять призову. А теперь идите прочь! Все идите, пусть останется один Калим.

Мурзы и князья, поклонившись хану, вышли, остался один Калим.

— Ты, Калим, видел дочь старого марийского князя, которую Йыланда взял в жены? — спросил хан.

— Видел, великий хан,— ответил мурза.— Она прекрасна, как ясное солнце, во всей Казани нет ей равных по красоте...

— Я сам давно приметил красавицу Чачавий, хотел взять ее

в жены, да за многими делами и заботами не углядел, как она стала женой Йыланды,— сказал хан.— Я — великий хан Казанского ханства, а он всего лишь какой-то марийский князек и посмел встать на моем пути!.. Но он сейчас нам нужен, поэтому я не срублю ему голову. Нам сейчас нельзя ссориться с марийским народом. Бери, Калим, сто воинов и скачи к Йыланде. Скажи ему: «Ты нарушил древний обычай, и великий хан требует, чтобы ты прислал ему свою молодую жену Чачавий. Хоть и гневается на тебя великий хан, но если исполнишь его волю беспрекословно, он помилует тебя». Поступай так, как сочтешь нужным. Но смотри, чтобы ни один волос не упал с головы Йыланды! Если что-нибудь случится с ним, ответишь собственной головой!

— Да будет по-твоему, солнцеподобный хан,— ответил Калим, склонился в низком поклоне и, кланяясь, удалился.

Хана одолевали горестные думы. Он думал о Йыланде. «Если марийцы изменят,— думал он,— великий урон будет для Казанского ханства. У Йыланды много друзей...»

Повесил хан голову.

Тихими шагами приблизилась к нему его любимая жена.

— Великий хан,— сказала она нежным голосом,— пришла твоя любимая жена. Взгляни на нее.

Он поднял голову.

— Великий хан,— продолжала женщина, ласкаясь к нему,— почему ты так задумчив?

— Многие заботы гнетут меня.

— О хан! прежде ты всегда был милостив ко мне, дарил дорогие подарки, любил меня, а сегодня даже слова ласкового не хочешь сказать... Или ты полюбил другую? Тогда отошли меня, хан, в родные места, в глухие леса, там я буду жить в неутешном горе и печали... Отошли туда, откуда привез, великий хан!

— Удались в свои покои, женщина. Не мешай мне думать.

Вся в слезах убежала любимая жена хана в свои покои. Да, когда-то любил ее хан, но теперь все его мысли были о Чачавий.

II

Ранним утром на следующий день Калим выехал из Казани. Дорога к илему Йыланды пролегала по глухим лесам, но Калим ехал без опаски: с сотней отборных воинов можно ничего не бояться.

Летнее солнце стоит высоко. Лес полон звуков, где-то в чаще поют-заливаются птицы, вокруг с громким жужжаньем летают пчелы и шмели. Вот налетел ветерок, тронул листву, и тихий шелест пронесся по лесу.

Едут воины, поглядывают по сторонам.

Вдруг откуда-то издали послышался крик, кто-то воскликнул: «Алла!» Калим приостановил коня, прислушался. Крик повторился.

— Вперед! — скомандовал Калим и подхлестнул коня.

Татары сначала тронулись рысью, потом помчались галопом. Проскакав немного, они увидели окровавленного татарского воина, который несся им навстречу.

— Стой! — окликнул его Калим.

Воин придержал коня.

— Что случилось?

— Марийцы,— только и смог проговорить раненый и свалился с седла.

Калим приказал двум воинам остаться с раненым, а сам с остальными ринулся вперед.

Через полверсты его глазам открылась картина, повергшая мурзу в страшный гнев. На поляне кипела битва. Около двух десятков убитых воинов валялись у дороги, а немногие, оставшиеся в живых, окруженные марийцами в белых кафтанах, рубились саблями из последних сил.

Словно бурный поток, устремились воины Калима в сраженье. Но марийцы уже заметили их, и туча стрел встретила всадников. Калим врезался в самую гущу боя. На его пути встал молодой марийский парень в белой шапке. Он распален боем, глаза его горят, как у рыси. Скрестились две сабли в могучем ударе, и сабля мурзы, выбитая из руки, полетела в сторону, а сабля марийского парня опустилась на голову Калима. Обливаясь кровью, мурза рухнул под копыта коней. Но ему на выручку уже спешили татарские воины. Десять, двадцать, тридцать татар окружили марийца. Слишком уж неравной была схватка, и порубанный татарскими саблями парень упал на траву.

Марийцы отбиваясь, отходили к лесу. Вот они уже за деревьями... Татары знают: в лесной чаще марийца не возьмешь, лес ему — надежный друг и верная защита, поэтому они не стали преследовать их.

Татары подобрали своих раненых и убитых. Калима отнесли к ручью, промыли раны, перевязали. Калим очнулся, прохрипел:

— Коня!

Воины посадили его на коня.

Татары ускакали. Тишина воцарилась на поляне. Только остались лежать там и тут тела погибших в схватке марийцев.

Но что это? Кажется, не все они мертвы. Молодой парень, что так храбро бился с Калимом, шевельнул рукой и застонал:

— Ча-а-авай...

Тихо в лесу, никто не отозвался на призыв раненого.

— Ча-а-авай...

На этот раз его стон был услышан. Из лесной чащи показались вернувшиеся к полю битвы марийцы.

— Мустай! Мустай! — бросился один из них к раненому. Это был его друг Чавай.— Ты жив?

Мустай поднял голову.

— Жив... Воды...

Несколько человек побежали к ручью за водой.

...Марийцы ехали по лесной дороге. Мустай настолько ослаб от ран, что друзья должны были поддерживать его с двух сторон. Невесел был их разговор.

— Много наших положили...

— Все горе от хана и его мурз...

— Теперь хоть носа из леса не показывай...

— Без помощи России нам не избыть эту беду,— сказал Мустай.

— Видно, так,— согласился Чавай.— Что-то в последнее время особенно злы стали татарские мурзы.

— Едем к Йыланде,— предложил Мустай.— Он тут недалеко.

— Разве Йыланда в своем илеме?

— Да.

— А все-таки и мы немало побили ханских воинов,— проговорил один мариец.

— Если бы не подоспела им подмога, была бы наша победа,— ответил ему другой.

III

В то время, когда Мустай, Чавай и их друзья бились с воинами Калима, Йыланда и Чачавий, взявшись за руки, сидели во дворе своего тихого илема.

Из леса доносились кукование кукушки и нежный пересвист соловья, вокруг пестрым ковром цвели, благоухая, цветы — алые, белые, лазоревые, над ними кружились быстрые пчелы.

Чачавий, глядя в глаза любимому мужу, запела:

Стану зеркалом твоим,
Ты в него всегда смотри.
Взглядом ласковым своим
На меня всегда смотри.

Стану светлым родником
Воды быстрые струить,
Чтобы знойным летним днем
Мог ты жажду утолить.

Буду крышей над тобой,
Лягу под ноги тропой,
Лишь меня ты не оставь,
Не покинь, любимый мой!

Когда она замолчала, запел Йыланда, отвечая любимой:

Кто всегда перед собою
Видит милый облик твой,
Тот, кто каждой ночью слышит
Голос нежный сладкий твой,

Не пойдет просить у бога
Доли счастья своего,
Потому что он счастливей
Даже бога самого.

Ныне я счастливей бога —
Ты со мной, и я с тобой.
Глаз друг с друга не спуская,
Мы всегда вдвоем с тобой.

О тебе лишь мои думы,
Ты одна в моих мечтах!
Сердце бьется — тук, тук, тук,
Слезы счастья — кап, кап, кап...

Кончив петь, Йыланда, пугая жену, пошутил:

— Вот придут к нам татарские мурзы и уведут тебя к хану: ведь ты, нарушив старый обычай, не пошла к нему на три ночи перед свадьбой...

— О боже! — воскликнула Чачавий.— Я лучше умру, чем идти к хану! — и слезы блеснули в ее глазах.

— Не бойся, не бойся,— принялся утешать ее Йыланда.— Хан меня любит, он не отнимет тебя у меня. А если попробует похитить, мы вызволим тебя даже из крепкой Казанской крепости! Марийцы помогут мне. Да и среди татар у меня есть друзья, и среди русских есть!

Чачавий улыбнулась сквозь слезы.

В это время послышался топот коней. Ворота распахнулись, и во двор ворвались татарские воины, предводительствуемые мурзой Калимом. Понял Йыланда, зачем явились татары в его илем.

Что делать? Биться? У Калима сто воинов, а Йыланда один. О, где вы, Мустай и Чавай! Спешите на помощь, верные друзья, отважные воины!

Горе тебе, Йыланда! Горе тебе, прекрасная Чачавий! Горе тебе, марийский народ!

Чачавий побелела, как белое полотно, прижалась к мужу, смотрит глазами, полными слез, и ее взгляд спрашивает: «Неужели ты отдашь меня хану?..»

Калим между тем слез с коня, подошел к Йыланде. Эх, с какой бы радостью он сейчас расправился с этим марийцем, отомстил бы за свои раны! И только строгое повеление хана сдерживало его.

— Приветствую тебя, марийский князь Йыланда,— сказал Калим и поклонился.

Йыланда тоже поклонился.

— Князь Йыланда,— продолжал Калим.— Ты нарушил установленный ханом закон. А знаешь, что ожидает ослушника? Но великий хан прощает тебя. Если ты беспрекословно исполнишь его волю, он тебя не казнит. Великий хан повелевает тебе завтра же прибыть в Казань. Он хочет с тобой говорить.

Йыланда побледнел. От испуга задрожала Чачавий.

— Выполнишь ханскую волю? — спрашивает Калим.

Ничего не ответил Йыланда.

— Взять ее! — кивнул Калим воинам на Чачавий.

Чачавий еще крепче приникла к Йыланде.

— Прочь! — закричал Йыланда и протянул руку к левому бед-

ру, где всегда висела сабля. Но сейчас сабли при нем не было, не ожидал он таких гостей.

— Берите же ее! А князя не трогать! — приказал Калим.

Воины схватили Чачавий. Из дома выбежали во двор мужики-марийцы с дубинами в руках и встали, ожидая слова князя. Но Йыланда молчал, опустив голову.

Чачавий между тем усадили на коня и двинулись к воротам. Калим обернулся и крикнул:

— Не забудь, Йыланда, завтра ты должен быть в Казани!

Но у ворот возникло какое-то замешательство, послышались громкие восклицания.

И тут Калим увидел, что из лесу выбежали марийцы. Те самые, с которыми они сегодня бились на лесной поляне. Калим крикнул:

— Князь Йыланда! Смотри, твои люди хотят напасть на нас. Хотя великий хан дал повеление, чтобы мы не тронули тебя, но если твои люди начнут, мы вас не пощадим! Прикажи, чтобы они пропустили нас. Мы все равно пробьемся: у меня много воинов, а твоих людей и полсотни не наберется... Подчинись великому хану, иначе потеряешь голову!

Йыланда и сам видел, что сопротивляться бесполезно. Как во сне он подошел к воротам.

— Пропустите их, родичи,— сказал он.

Татары стали по одному выезжать из илема.

— Я всегда буду помнить о тебе! — крикнул Йыланда Чачавий.— Каждый час, каждую минуту!

Но она не услышала его, ее глаза окутала тьма.

Тихо опустился Йыланда на лавку, на которой только что сидел с женой, и уронил голову на грудь.

Во двор въехали Чавай и Мустай.

— Сходите с коней, запирайте ворота. Сегодня мы останемся здесь,— сказал Чавай и подбежал к Йыланде.— Теперь, Йыланда, ты убедился?

— Убедился,— ответил Йыланда и обнял Чавая.— Что мне теперь делать?.. Как жить теперь?..

— Успокойся немного, а потом поговорим,— сказал Чавай.— И ты, Мустай, иди отдохни.

Мустай и Йыланда ушли в дом, а Чавай с двумя товарищами скрылся в лесной чаще.

IV

К вечеру Чавай и его товарищи вернулись. Они принесли трех подстреленных зайцев, несколько куропаток и двух глухарей. Отдых подкрепил силы Йыланды и Мустая.

Ужинали на дворе.

В небе серебряная луна сменила закатившееся солнце, одна за другой засверкали ясные звезды. Затих темный лес, и только соловей пел-заливался все громче и громче.

Все молчали.

Первым заговорил Чавай.

— Что мы теперь предпримем, каков будет наш ответ хану? — спросил он.

— Драться! — воскликнул Мустай.

— Но нас слишком мало, чтобы начать войну.

— Посмотрим,— проговорил Йыланда.

— Йыланда, что ты надумал?

— Я иду в Москву. Хан не вернет мне Чачавий добром, теперь мне нечего делать в Казани.

— Конечно, нечего...

— Ты пробирайся в Москву, а мы с Чаваем будем здесь поднимать народ,— сказал Мустай.

Так порешили на совете в илеме Йыланды.

Чачавий привезли в Казань. Хан был очень доволен. Он приказал отвести ей лучшие покои во дворце. Ни живую ни мертвую проводили ее в предназначенные ей покои. Хан приставил смотреть за Чачавий старуху татарку, умевшую говорить по-марийски.

V

Как жила Чачавий у хана во дворце, что у нее было на душе, об этом не буду рассказывать. Ты сам все поймешь, дорогой читатель, если прочтешь ту песню, которую часто певала Чачавий.

Вот она, эта песня:

Ветер дует, лес колышет —
Липы стонут, сосны гнутся.
Сердце бьется, замирает,
Слезы льются, слезы льются...

Как далекая береза
Расцветает-зеленеет,
А на нашей-то березе
Листья сохнут, опадают.

Если рядом недруг злобный,
Сердце в горе замирает.
Если рядом милый друг,
Сердце в радости трепещет.

Недруг злой меня похитил,
Милый друг, а где же ты?..
Боже, боже! Неужели
Мне лишь горе суждено?..

VI

Русские войска окружили Казань со всех сторон, перекрыли все дороги: ни пешему, ни конному, ни зверю, ни птице — никому не пробраться в город, никому из города не выбраться. Но татары сдаваться не собираются, они засели за крепкими крепостными стенами. Много раз русские войска ходили на приступ и все безуспешно.

Тогда русский царь надумал взорвать неприступную крепостную стену.

— Кто возьмется за это дело? — спросил он.

Стоявшие вокруг него военачальники молчали.

Вперед выступил Йыланда и сказал:

— Я берусь.

— Ты, марийский князь? Значит, предан ты мне душой и телом? Благословляю, отомсти хану за свою обиду. Но где же твои воины?

— Они, великий государь, стерегут лесные дороги. Однако надоело им, великий государь, рыскать по лесам, хотят показать свою отвагу в открытом бою. Повели им присоединиться к твоему войску.

— Ладно, князь, повелеваю,— ответил царь,— пусть они придут сюда из дремучих лесов и делают с тобой то великое дело, за которое ты взялся. А еще даю тебе в подмогу одного русского мастера: он хорошо знает, как подкопы вести.

И Йыланда приступил к исполнению царского приказа. Под стенами крепости протекала речка Казанка, поэтому подкоп повели под водой. Много народу копает землю, еще больше воинов выносят в своих шлемах землю из подкопа.

Наконец подкоп готов. В него вкатили сорок бочек с порохом, на одну поставили свечу и зажгли ее. Как свеча догорит, так и бочки с порохом взорвутся.

А Йыланда взял другую, точно такую же свечу, зажег ее и встал возле царского шатра.

— Ну, князь, когда же ты взорвешь крепость татарскую? — спрашивает царь.

— Вот догорит эта свеча, и тогда рухнут неприступные стены,— отвечает Йыланда.

Держит в руках Йыланда заветную свечу, а она прямо на глазах тает и тает.

И все вокруг с нее глаз не сводят.

Ждет Йыланда, ждут его друзья — Чавай и Мустай. Их мысли и желания едины: радость Йыланды — их радость, горе Йыланды — их горе. Пока Йыланда ходил в Москву, они собрали пятитысячное марийское войско. Побывали они в Казани, разузнали, как живет Чачавий. С самой-то Чачавий им не удалось повидаться, но с приставленной к ней старухой татаркой поговорили, денег ей дали, на свою сторону склонили. Эта старуха слыла в Казани колдуньей. Она сказала хану: «Открылось мне, что ежели ты до-

тронешься до пленницы из марийских лесов, большие несчастья обрушатся на твою голову». Хан поверил ей и оставил Чачавий в покое. А Чачавий жила одной надеждой — не сегодня, так завтра придет Йыланда со своими друзьями и освободит ее.

И вот он со своими ратными друзьями стоит под стенами Казани.

Все короче и короче свеча в руках Йыланды. Наконец, она совсем догорела... А взрыва нет.

Из шатра вышел царь.

— Почему свеча догорела, а стена стоит, как стояла? — спрашивает он.

— Великий царь, погоди немного,— сказал Йыланда.

Подождали еще.

Но нет, не взрываются в подкопе бочки с порохом...

И тут пробил последний час Йыланды!.. Разгневался царь, свалилась с богатырских плеч срубленная саблей голова и покатилась по земле...

И в это самое мгновенье содрогнулась земля, и неприступная крепостная стена взлетела на воздух. Раздался громкий клич: «Вперед!» — и русское войско ринулось в пролом. Чавай и Мустай были в первых рядах наступающих.

Русский царь долго стоял над бездыханным телом Йыланды, низко склонив голову, потом медленными шагами удалился в белоснежный шатер.

Русские отряды, как бурные волны, устремились вперед. Со стен на них летели бревна, камни, лилась горячая вода и кипящая смола. Но разве есть на свете такая сила, которая могла бы остановить разбушевавшееся море? Так и наступающее войско ничто не в силах сдержать.

Упало срубленное русской саблей ханское знамя, и на его месте поднялось гордое знамя русского царя.

Чавай и Мустай поспешили к ханскому дворцу, туда, где томилась Чачавий. С ними десять марийских воинов. Как ветер ворвались они во дворец. На лестнице им повстречалась старуха татарка, что стерегла пленницу.

— Веди нас скорее к Чачавий! — приказал Чавай.

Старуха повела их через многочисленные покои и привела в комнату, где, забившись в угол, сидела испуганная Чачавий.

— Чачавий! — окликнула ее старуха.— Пришли друзья Йыланды!

— Чавай и Мустай, это вы?

— Да, это мы,— ответили они.

— А где Йыланда? Где он? Почему его нет с вами?

Опустили головы Чавай и Мустай.

О несчастная Чачавий! Она поняла, что, освобождая ее, сложил Йыланда свою буйную голову... Побледнела — ни кровинки в лице — и без сознания упала на пол...

Окончилась война. Казанское ханство было присоединено к России. А на том месте, где погиб Йыланда, русский царь воздвиг монастырь. Прежде назывался он Йыландов монастырь, теперь называют его Зилантовым.

Не забыл царь и Чавая с Мустаем, наградил их землями. Только о Чачавий с тех пор никто ничего не слыхал, исчезла она, пропала куда-то, и никто не мог ничего сказать о ее судьбе...

1908 г.

Предания княжеской Руси

«Все мы родом из Октября»,— учили нас в эпоху «развитого социализма», имея в виду революцию 1917 года, после которой, по версии большевиков, и началась настоящая история русского народа.

В Новгороде же в 1862 году установили красивый и величественный памятник тысячелетию России, считая, что именно в 862 году, с призвания Рюрика, и началась русская история.

А Михаил Васильевич Ломоносов в своей «Древней российской истории» замечал, что величие и могущество «славенского племени» «началось за многие веки до разорения Трои», и самих троянцев Ломоносов относил к славянам-венедам. Уже в наше время археологи нашли в юго-западной части Турции надгробную плиту с надписью на русском языке: «Схован здеса Никифор Одуев, сын Ковпаков коведанец». Плита сия датируется VI веком до Рождества Христова.

В 80-е годы археологи раскопали на Южном Урале, неподалеку от города Аркаим славянское поселение с астрономической обсерваторией, действовавшей за три тысячелетия до нашей эры.

Истоки русского народа теряются в незапамятных временах. Это знали честные ученые, такие, как М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, Е. И. Классен. Ныне от русского народа его историю прячут. Мало того — украдено и само понятие о том, что такое русский человек. Национальным самосознанием обладает едва ли десятая часть ныне живущих русских людей. Что же значит — быть русским? Ответ на этот вопрос поищем у наших писателей, историков, философов. Они отмечают не только положительные качества русского народа, но и отрицательные стороны национального характера. А наши недостатки — это, как известно, продолжение наших достоинств. Итак, что значит быть русским:

* * *

«Нет на свете людей, одаренных более, чем русские. Почти в каждом из них сидит какой-нибудь талант, иногда даже несколько, чаще всего — все таланты, кроме таланта. Взятые порознь, они удивительно толковы и понятливы. Соединенные вместе, но для дела и непременно под чьим-нибудь крепким водительством, они способны творить чудеса. Я всегда утверждал, что прежняя любая пехотная рота, если только она не была сплюснута бессмысленной свирепостью начальства, могла сделать решительно все: построить кирпичный завод, плотину, паром, барку, мост, мельницу, кухню, хлебопекарню. Стоит вспомнить русские артели — каменщиков, плотников, рыбаков, продольных пильщиков — с их выборно-монархическим началом и свободно-суровой дисциплиной... Как чисто, весело, дружно и быстро они работали, когда хотели!

Великороссы. Слева направо: Ярославль, Владимир, Нижний Новгород, Рязань, Орел, Тамбов

Но если те же русские люди соберутся самостоятельно для решения — все равно, своих ли собственных, маленьких дел или больших государственных судеб,— они мгновенно обращаются в беспастушное стадо. «Мир — дурак» — давно уже сказано жестокое, горькое мужицкое слово. Откуда-то из мрачных недр древней, рабьей души внезапно восстают: самоуверенное невежество, крикливое упрямство, вязкая месть по личным счетам, пренебрежение к чужому мнению, придирки не к мысли, а к ошибочному слову, злобное преднамеренное решение дать скорее провалиться всему делу, чем хоть в малой части согласиться с правотой противника».

А. И. КУПРИН

* * *

«Лучшие стороны русского национального характера, прослеживаемые в нашей истории и доднесь, заложены Сергием Радонежским. Это абсолютное, непреложное следование избранным принципам, работоспособность и такая же абсолютная, при должной строгости, доброта, спокойная деловитость, нарочитое, принципиальное отсутствие позы, внешней значительности во всех своих действиях, одинаковость в обращении с высшими и низшими и тоже абсолютный, жертвенный патриотизм».

Дмитрий БАЛАШОВ

1980-е годы

* * *

«Сепаратистические тенденции окраин, тщательно прикрытые маскою любви к родине, в узком смысле этого слова, и стремления к всестороннему развитию, проникли в некоторую часть нашей печати и, под флагами либерализма, гуманных начал, прогресса, любви к ближнему, братства, равенства и других красивых и пышных слов и фраз, нашли себе, к великому сожалению, сочувствие во многих из нас, русских. (...) Такое фарисейское отношение и поведение наших инородцев, отлично замаскированное со всех сторон, трогает до глубины нашу славянскую душу, и мы, желая прослыть либералами, гуманными и опасаясь более всего быть заподозренными в излишних заботах о себе самих, откладываем в долгий ящик мечты о своих насущных и необходимых нуждах: забывая сшить себе рубаху, чтобы кто-либо не подумал, что она у нас ближе к телу, наряжаем иногда даже в пышный наряд свои окраины. Такая политика крайне недальновидна и не приносит нам ничего другого, кроме вреда».

М. МИРОПИЕВ

1901

* * *

«Неисчислимы бедствия и срамоты, какие терпел и терпит наш народ от того, что мы чересчур доверчивы к иноземцам и допускаем их делать в нашей земле все, что они хотят. Народ должен познать самого себя и не верить инородникам».

Юрий КРИЖАНИЧ

1650-е годы

* * *

«Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, «всечеловеком», если хотите. И все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей (...) И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди, поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христианскому евангельскому закону!»

Федор ДОСТОЕВСКИЙ

* * *

«Европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ. В умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших — усталость и растерянность. Воля наша слаба, идеалы слишком неясны. Ближайшее будущее Запада — загадочно и страшно... Народ наш пьян, лжив, нечестен и успел уже привыкнуть в течение 30 лет к ненужному своеволию и вредным претензиям. Сами мы в большинстве случаев некстати мягки и жалостливы и невпопад сухи и жестоки. Мы не смеем ударить и выпороть мерзавца и даем легально и спокойно десяткам добрых и честных людей умирать в нужде и отчаянии. Из начальников наших слишком многие робки, легально-церемонны и лишены горячих и ясных убеждений...

Но сила Божия и в немощах наших может проявиться!

И недостатки народа, и даже грубые пороки его могут пойти ему же косвенно впрок, служа к его исправлению, если только Господь от него не отступится скоро.

Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом — «богоносцем», от которого ждал так много наш пламенный народолюбец Достоевский, он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом. Чтобы продолжать быть и для нас самих с этой стороны примером, он должен быть сызнова и мудро стеснен в своей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше и серьезности, а при большей серьезности будет гораздо больше и того истинного достоинства в смирении, которое его так красит».

Константин ЛЕОНТЬЕВ

1891

* * *

«Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Все это ребенок должен получить вместе с молоком матери (буквально). Особенно важно, чтобы это пробуждение самосознания и личностной памяти ребенка (обычно — на третьем, четвертом году жизни) совершилось на его родном языке. При этом важен не тот язык, на котором говорят при нем другие, но тот язык, на котором обращаются к нему, заставляя его выражать на нем его собственные внутренние состояния. Поэтому не следует учить его чужим языкам до тех пор, пока он не заговорит связно и бегло на своем национальном языке. Это относится и к чтению: пока ребенок не зачитает бегло на родном языке, не следует учить его никакому иному чтению. В дальнейшем же в семье должен царить культ родного языка: все основные семейные события, праздники, большие обмены мнений должны протекать по-русски; всякие следы «волапюка» должны изгоняться; очень важно частое чтение вслух Святого Писания, по возможности на церковно-славянском языке, и русских классиков, по очереди всеми членами семьи хотя бы понемногу; очень важно ознакомление с церковно-славянским языком, в котором и ныне живет стихия прародительского славянства, хотя бы это ознакомление было сравнительно элементарным и только в чтении; существенны семейные беседы о преимуществах родного языка — о его богатстве, благозвучии, выразительности, творческой неисчерпаемости, точности и т. д.»

И. А. ИЛЬИН

* * *

«Россия как вселенская хранительница и защитница святого Православия есть «подножие Престола Господня». Это понимание зрело в русском религиозном самосознании на протяжении многих веков, а наиболее четко его сформулировал перед самой революцией наш великий святой — всероссийский праведник и молитвенник Иоанн Кронштадтский. Родиться русским, говорил он, есть дар определенного служения. Ведь в церкви нет национальностей, «несть эллин и иудей»; она различает людей только по служениям. Есть служение царское, есть — патриаршье, есть — монашеское, есть служение мирян.

Так вот, русское служение — одновременно жертвенное и героическое, высокое и скорбное, общечеловеческое и вселенское — заключается в том, чтобы до конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни Веры. Доколе мы помним об этом — жива Святая Русь, неодолима и страшна врагам — нашим и Божиим! А за верность долгу и понесенные труды воздаст Господь воинам Своим воздаянием великим и вечным, всех благ которого не может вместить ныне жалкое человеческое воображение.

Высокопреосвященнейший ИОАНН,
митрополит Санкт-Петербургский и
Ладожский (+1995)

* * *

Нравом Россианы большею частию веселы, беспечны даже до ветренности, любят наслаждения чувственные, способны скоро понимать все и делать; выдумщики к сокращению работ, во всех делах живы; проворны и дружны. В пристрастиях не умеренны, скоро теряют середину, и нередко впадают в самую крайность. Они внимательны, решительны, отважны и предприимчивы. Превеликую имеют склонность к торговле и менам. Гостеприимны и щедры, часто с оскудением себя. Не заботятся о будущем слишком. В обхождении дружелюбны, откровенны, услужливы и буде в чем не теряют, независливы, насмешливы и тайнохранительны. Их естественный и простой образ жизни и веселый нрав не много имеет надобностей, да и те сносные; оный дает им время к успокоению себя, освобождает их от заботливых затей, сыскивает везде радость, сохраняет их здоровье и крепость, и доставляет им не тягостную, спокойную, веселую и большею частию долговременную старость.

И. П. ГЕОРГИ

(Из книги «Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей», СПб, 1797, перевод с немецкого)

РУССКИЕ (самоназв.), крупнейший по численности народ в СССР и РСФСР, живут также в др. союзных республиках. Числ. 137 400 000 чел., в т. ч. в РСФСР 113 500 000 чел. За пределами СССР проживает 1 300 000 чел., гл. обр. в США (1 000 000 чел.), Канаде и ряде европ. стран. Относятся к большой европеоидной расе. В сев. областях преобладает атланто-балт. раса, в центре — восточноевропл. тип. средневропл. расы, на С.-В.— восточнобалт. тип беломорско-балт. расы, на Ю. фиксируется примесь монголоидного и средиземномор. элементов. Русские говорят на языке восточнослав. подгруппы слав. группы индоевропл. семьи. Рус. алфавит — вариант кириллицы. Большинство верующих — православные.

Одной из важнейших особенностей этнич. истории русских было постоянное наличие слабозаселенных пространств, соседних с основной рус. этнич. терр., и многовековая миграционная активность рус. населения. Период, предшествовавший формированию древнерус. гос-ва, так же, как эпоха Киевской Руси, ознаменовался движением восточнослав. этнич. массива на С. и С.-В. и заселением тех областей, к-рые впоследствии образовали ядро рус. (великорус.) этнич терр.; развитие феод. отношений на Новгородских землях и землях С.-В. Руси — дальнейшим движением на Европ. Север, позже — в Приуралье. После освобождения от ордынского ига началось вторичное заселение «дикого поля», т. е. южнорус. р-нов, разоренных ордынскими набегами; последовали переселения в Поволжье, в XVII—XVIII вв.— в Сибирь, на Сев. Кавказ, позже — в Казахстан, на Алтай и в Ср. Азию. В результате постепенно сформировалась обширная этнич. терр. русских, окруженная зоной постоянных этнич. контактов с народами, весьма различными по происхождению, культурным традициям и языку (финно-угорскими, тюркскими, балтскими, романскими, западно- и южнославянскими, палеоазиатскими и др.). Рус. группы в процессе миграции оказывались в разнообразных естественно-исторических условиях, к к-рым они вынуждены были адаптироваться, усваивать подчас традиц. производств. и промысловые навыки аборигенного населения и принося в р-ны нового расселения свой трудовой, в частности земледельческий, опыт.

Сходка крестьян в Симбирской губернии. Гравюра XIX века

Для рус. села XIV—XV вв. была характерна срубная деревянная изба (пришедшая на смену землянкам и полуземлянкам) с духовой «русской» печью. В XVIII—XIX вв. традиц. сев. изба была высокой срубной постройкой с подклетом и подпольем, двускатной крышей, под к-рую подводились и хоз. постройки. Изба южнорус. крестьянина была относительно низкой постройкой с полом на уровне земли или чуть выше, срубной или каркасной с обмазанными глиной стенами, местами саманной или кирпичной, с четырехскатной крышей, открытым двором и отдельно стоящими хоз. постройками.

Пища русских сохраняет традиц. особенности. Большую роль играли хлебные, мучные и крупяные блюда (на С. преобладала рожь, на черноземном Ю.— пшеница) — блины и лепешки, хлеб из кислого (реже — пресного) теста, в праздники — разл. рода пироги, пряники и печенья. Характерны жидкие мучные, крупяные и овощные блюда (тюря, похлебки, щи, уха); из напитков — квас, пиво, в прошлом — мед. Чай широко и повсеместно распространился только в XIX в. Как правило, соблюдались пищ. запреты (в

Великороссы. Рисунок Тимма, 1860 год

т. ч. посты), к-рые регулировали потребление мяса и молока.

Народное искусство русских — многослойно и разнообразно по своему характеру. Оно имело в осн. прикладной характер, но вместе с тем выработало значит. художеств. ценности. Развитие художеств. ткачества, вышивки, плетение кружев были связаны с украшением одежды, полотенец, постельного белья; резьба по дереву — с украшением жилища, утвари и орудий труда, с игрушками; керамика — с посудой, игрушкой; роспись — с украшением интерьера (печи, лавки), прялок, игрушек.

К числу выдающихся явлений фольклора принадлежат эпич. песни — былины о патриотич. подвигах богатырей, историч. песни. Получили развитие календарно-обрядовая поэзия (колядки, веснянки, семикские и троицкие песни), причитания и мелодически богатая протяжная песня — специфич. рус. лирич. песня, построенная на повторах, словообрывах, вставных частицах и т. д.

Сюжетный репертуар русских сказок — один из богатейших в Европе. Особенно развиты были многоэпизодные волшебные и остросатирические новеллистич. сказки, меньше — сказки о животных. В конце XIX — начале XX веков русская сказка, так же как и лирическая песня, бытовала еще очень активно.

В XIX веке из плясовой и гуляночной песни развивается частушка, становящаяся популярным молодежным жанром, к концу века — рабочая песня.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., «Советская энциклопедия», 1988)

РЕЛИГИОЗНО-ЯЗЫЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗБЫ СЛАВЯНИНА

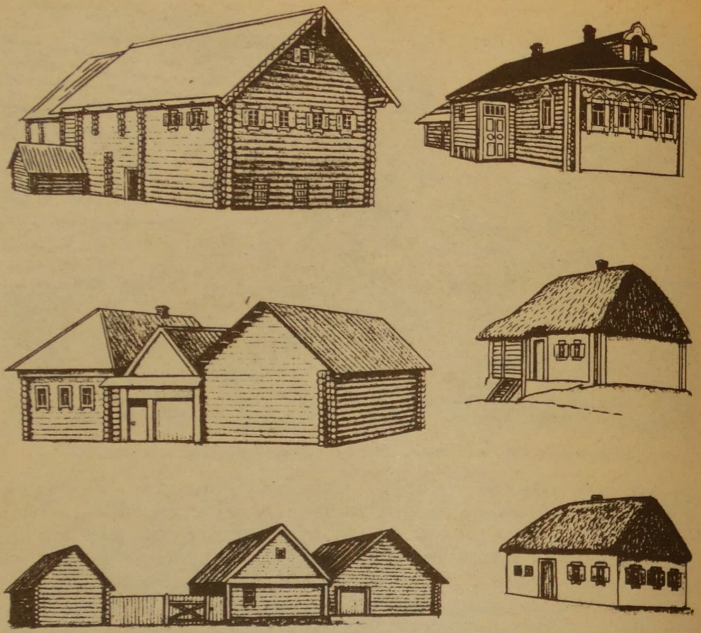
Славянин вследствие естественных условий, определивших первоначальное развитие его быта, был по преимуществу человеком домовитым, семейным. В кругу родной семьи или рода, который представлялся тою же семьею, только разросшеюся, проходила вся его жизнь, со всем ее обиходом и со всеми торжествами; в семье сосредоточивались самые живые его интересы и хранились самые заветные предания и верования. Оттого изба, в которой жило семейство славянина, имела для него великое значение. Как место, свидетельствующее о быте предков, изба должна была пользоваться и особенным почетом; но, кроме того, изба была местом пребывания пената и совершения различных религиозных обрядов. Любопытно проследить те языческие верования, какие славянин связал с своим жилищем.

Свидетельствуя о первоначальном быте славян, Нестор говорит, что они жили родами; каждый род на своем месте — особе, то есть разъединенно. Отдельный род представлялся сожитием вместе нескольких семей, связанных кровными узами родства и властью единого родоначальника. Поздние остатки от такого патриархального быта, принадлежавшего глубокой древности, до сих пор встречаются в некоторых славянских племенах, мало или вовсе не испытавших влияния цивилизации. Еще теперь жилища сербов представляются рассеянными по долинам и холмам; каждое жилище составляет свой отдельный мір, и сообщения между этими жилыми местами довольно затруднительны. Сербские семьи, принадлежащие к одному роду, живут вместе: каждый сын приводит свою жену под отцовский кров, получая отдельную комнату, *но для всех, и для старых и для молодых, очаг и стол один.* Все члены огромной семьи живут, как рой пчел в одном улье; разделы неизвестны. В Славонии[1] сохраняется тот же патриархальный быт. Члены семейства живут нераздельно — *вместе, под управлением одного домовладыки (господаря),* потому там часто встречаешь *семейство, состоящее из шестидесяти и более душ и проживающее в одном доме.* Каждая соединенная браком чета живет в особенной клети; но так как *клети построены без печей, то на зиму все перебираются в одну общую теплую избу,* причем каждая чета переносит и свою кровать, таким образом, в избе собирается кроватей до двенадцати и более. Господарь и господарица (родоначальник и жена его) управляют домом, распределяя между всеми его членами различные занятия; имущество составляет общую собственность. О славянах фриульских[2] мы имеем следующее любопытное известие: большею частью они живут, не разделяясь, по нескольку женатых сыновей и замужних дочерей вместе. *Изба у них всегда черная, закоптелая от дыма* (то есть курная); утром и вечером, когда топится печь, она *наполняется дымом. Кругом* избы стоят лавки, *а в середине или в стороне каменный помост, на*

Великороссияне Новохоперского уезда. Рисунок XIX века

котором раскладывается огонь. Над этим помостом или очагом висит котел, в котором приготовляется для всего семейства общая пища. Рядом с такою теплою избою стоит другая, без печи и с постелью. Вспомним житье великорусской крестьянской семьи, и мы найдем много общего с приведенными нами описаниями. «У русских,— говорит покойник Пассек[3],— есть семейства из пяти и шести женатых братьев, которые с женами и детьми живут *в одной избе* или, по крайней мере, *на одном дворе;* все заодно работают и *все повинуются или старшему брату, или отцу, или даже деду,* который часто едва двигается с места, но не отрекается от семейной власти, от своего первенства. Все невестки в послушании у одной старшей или у самой матери их мужей». Таким образом, в избе помещается несколько поколений. Избы у русских крестьян часто попадаются *курные:* дым выходит в волоковое окно или в растворенную дверь. Большая печь в углу и полати составляют необходимую принадлежность всякой избы.

Из представленных сейчас указаний наглядно раскрываются некоторые характеристические черты древнейшего первоначального быта славян. Они селились разъединенными, обособленными родами. Каждый род, соединявший в себе несколько родственных семейств, помещался в одной избе или, если слишком размножался, в нескольких холодных срубах (клетях), построенных вблизи теплой избы или даже пристроенных к ее стенам. Во всяком случае очаг оставался *единый* для всех, а приготовленная на нем пища составляла *общий* обед и ужин. Явление это весьма знаменательно. В отдаленное время язычества огонь, разведенный на домашнем очаге, почитался божеством, охраняющим обилие дома,



Типы традиционного жилища (порядно сверху вниз): северные и центральные районы России, Пермская область и южные районы, западные районы и Кубань

спокойствие и счастье всех членов семьи или рода. От огня, возжигаемого на очаге, обожание должно было перейти на самый очаг; оба эти понятия действительно слились в одно представление родового пената. Таков характер первоначальных народных верований, которые чужды строгого анализа и обыкновенно сливают явления, хотя различные, но почему-либо тесно связанные между собою. Старинная загадка, означающая *печь, огонь и дым*, все эти понятия представляет в близкой родственной связи. Загадка эта произносится так: *мать* толста, *дочь* красна, *а сын* под облака ушел*. В глубокой древности каждый род у славян имел *своего* пената, и этим пенатом был *очаг*. Разумеется, если род делался через нарождение слишком велик, то несколько семей могли отделиться от него и основать свое особое жилье с своим очагом.

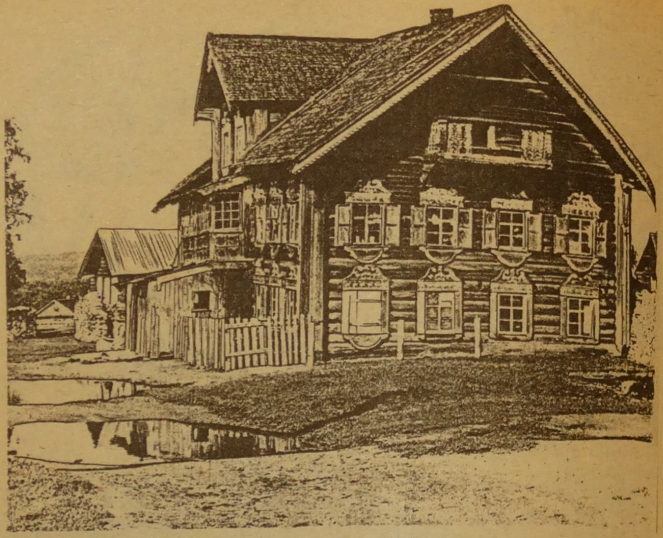
* Славянин все представления свои облекал в патриархальные родственные формы: самые божества света являлись ему одною семьею:

Красно солнце — то хозяин в дому,
Светел месяц — то хозяйка в дому,
Часты звезды — то малы детушки.

Лесная заимка в верховьях Волги

В религиозном значении очага кроется филологическое и археологическое объяснение многих слов и понятий, принадлежащих нашему языку и тесно связанных с предметом настоящей статьи. Создаваясь в эпоху образования языческих верований, слово запечатлело в себе характеристику древнейших представлений. Название *изба* первоначально означало только ту *теплую* часть жилища, в которой был поставлен очаг; а потому необходимо отличать избу от *светлицы (клети);* последняя всегда строится через сени, насупротив первой*. *Изба,* в древнем языке Нестора — *истопка (истба),* происходит от глагола *топить* (из-топить). Славянин дал своему жилищу название от того священного, в глазах языч-

* Светлица делается холодною, без печи, с красными окнами; над потолком ее земли не насыпают. Здесь кладут у нас спать в первую ночь молодых. У других славян для новой четы пристраивают холодную клеть; для каждой семьи нужен особый угол.



Жилище крестьян на Русском Севере. Современная фотография

ника, действия, которое совершается на очаге. Точно так же слово *дым* у Нестора и даже теперь в некоторых провинциальных наречиях употребляется в значении дома, жилища*. Такое название, кроме религиозного смысла, обращает на себя внимание по своей меткости, потому что избы у славян долгое время были *курные* (без труб). В связи с этим название *огнищанин*, означающее главу рода, происходит от слова *огнище (огниско)*, которое во многих славянских наречиях употребляется в смысле *горна, очага*, а в лужицком и польском в смысле *дома, жилища*. Огнищанин — владетель дома, или, еще ближе, владетель очага. От этих данных мы приходим к тому простому заключению, что вся изба в глазах славянина-язычника получила особенное освящение от очага. Больший или меньший почет к различным частям и атрибутам избы обусловливался большею или меньшею связью их с этим пенатом, охраняющим счастье целого дома. Очаг домашний был самое священное место; от него религиозный характер перешел на все жилище, в стенах которого возжигался на очаге обожествленный огонь. Изба для славянина была поэтому не только домом, в обиходном смысле этого слова, местом жилья; она представлялась ему таинственным капищем, в котором пребывало благотворное светлое божество очага и в котором совершались обряды в честь этого

* Дымовник — труба, дымоволок — окно.

пената. *Изба была первым языческим храмом.* Оттого слова *хоромы* (дом, жилище) и *храм* (освященное место богослужения) — филологически тождественны.

Действительно, первые жертвоприношения, первая мольба и первые религиозные очищения совершались в избе, пред очагом, что довольно ясно подтверждается остатками дошедших до нас обрядов. Огонь в домашней печи можно поддерживать только *приношением* разных сгораемых материалов, *пожираемых* пламенем: отсюда простым и естественным образом явилась *жертва* очагу. Наиболее торжественным жертвоприношением чтили очаг при повороте солнца на лето, когда зажигали в домашней печи с особенными обрядами бадняк*, а в разведенный огонь бросали хлебные зерна и лили масло, *испрашивая обилия в доме и плодородия* в жатвах и стадах**. Затем вся семья садилась за стол, и вечер, по непременному обрядовому закону, оканчивался пиром. После ужина разбивали о землю опорожненные горшки, чтоб (по народному объяснению) *прогнать из дому всякий недостаток****. Горшок, в котором переносят на новоселье горячие уголья очага, также разбивается: как освященная участием в религиозном обряде, посуда эта должна быть изъята из обиходного употребления. По всему вероятию, из этих обрядов родилась примета, по которой разбить на пиру что-нибудь из посуды предвещает *счастье*****. Что первоначальные жертвоприношения принадлежали очагу — это убедительно доказывается тем фактом, что атрибуты кухни и очага — кочерга, помело, голик, ухват, лопата, сковорода и проч., получили значение орудий жертвенных и удержали это значение даже до поздней эпохи языческого развития******. Огонь очага *прогоняет нечистую силу* холода и мрака, а потому пред этим родовым пенатом производилось религиозное *очищение,* освобождающее от враждебных влияний *темной* силы. Так, от лихоманок и других болезней в простонародье лечат больного перед *печью, окуривая его дымом,* или дают больному выпить и умыться, наговоренной воды, смешанной с *углем и золою.* Той же водой смывают у дверей притолоки и косяки, чтоб не могли забраться в избу лихоманки и другие болести. Жертвоприношения и очищения должны были сопровождаться и в самом деле сопровождались мольбою и другими

---

* У истрийских славян на Иванов день кормят чурбак, а потом его бросают в огонь.

** Связь очага с идеей плодородия наглядно выражена в следующем обряде: в Малороссии во время сватовства невеста сидит у печи и колупает глину, выражая тем свое желание выйти замуж.

*** Еще до сих пор накануне Рождества вечером хозяин дома садится на покуте, с правой руки его жена, а вокруг дети — и целою семьею съедают кутью из пшеницы или ячменя и взвар из сушеных плодов — яблок, груш и вишен.

**** Примета эта смешалась со свадебным обрядом бить посуду.

***** См. об этом в статье «Ведун и Ведьма» в альманахе «Комета», 1851, и в «Архиве г. Калачова (статья «Дедушка домовой») — о голике, на который брызгают кровью петуха, и помеле, которым изгоняют чужого домового. В последнем издании смотри о других жертвенных обрядах в честь очага.

обрядами язычества: гаданием и судом. При народном врачевании читаются над *золою* и *углем* заговоры — эти старинные прошения, обращенные к божествам; при возжении бадняка *молят очаг* о ниспослании урожая и довольства; по *пламени* очага, по расположению дров, *горящих в печи*, по *искрам*, разлетающимся от удара *кочергой*, по *головням*, *золе* и *зажженным лучинам* гадают о будущем богатстве, плодородии и счастии; наконец, до сих пор сохранился следующий обряд, по которому узнают виноватого: созывают всех подозреваемых в проступке и дают им *зажженные лучины* одинаковой меры: чья лучина скорее сгорит, тот виноват. Обожествленная стихия огня сама произносит в этом случае приговор, который почитается вполне истинным.

Изба, служившая первоначальным местом совершения религиозных обрядов, кроме постоянного пребывания в ней очага, освящалась еще нисхождением в нее других светлых богов. Сила жертвы и молений была так велика, что божества, призываемые славянином, оставляли небо и нисходили к нему в избу вкушать от жертвенных приношений, сожигаемых на очаге, и помогать в беде человеку. Славянин глубоко верил в силу заповедного слова своей мольбы и не раз обращался к небесным божествам света с таким призывом: «Месяц ты красный, *сойди в мою клеть*; солнышко ты привольное, *взойти на мой двор*», или: *«Сойди*, ты, месяц, сними мою скорбь и *унеси ее под облака»*. Отсюда родилось верование, что в избе может таинственно присутствовать вся боготворимая сила природы, или, по выражению старинной песни:

Чудо в тереме показалося:
На небе *солнце*, в тереме *солнце*,
На небе *месяц*, в тереме *месяц*,
На небе *звезды*, в тереме *звезды*,
На небе *заря*, в тереме *заря* —
И *вся красота поднебесная*.

Известно, что через трубу посещал избу *огненный змей* (персонификация *молнии*).

Таким религиозным значением избы легко объясняется славянское гостеприимство. Всякий странник, гость, вошедший под кров избы славянина, вступал под защиту очага. Нанести ему обиду — значило нарушить уважение к святыне избы, этого первоначального храма. Даже враг, преступник, прибежавший к очагу, оставался неприкосновенным, потому что пролить кровь в избе представлялось самым ужасным грехом. У горцев враг-убийца, случайно зашедший под кров обиженного им рода, принимается с обычным почетом, несмотря на то, что долг требует кровавой мести; но когда он оставит гостеприимный кров — вдали от избы, его настигает пуля местника*.

---

* Все другие объяснения славянского гостеприимства — добродушием, желанием узнать новые сведения от бывшего человека и проч.— ничего не объясняют. Любопытно, что о гостях гадают по горящим в печи дровам.

При дальнейшем развитии язычества, когда начался антропоморфизм, очаг олицетворился в *дедушку-домового*, которого народ представляет себе так: домовой* любит принимать разные виды; но обыкновенно он является плотным, не очень рослым стариком, в коротком смуром зипуне или синем кафтане, с *алым* поясом — иногда же в одной рубахе; у него порядочная седая борода; волосы острижены в скобу, но косматы и застилают лицо; голос суровый и глухой; он любит браниться и употребляет при этом выражения чисто народные. Кто в этом изображении не узнает типа русского мужика? Миф, воплощаясь в образ, следовал живой действительности и до сих пор остался ей верен. Самое название *домового* уже показывает, что это пенат — охранитель дома, каким в первоначальной форме являлся очаг. Оттого в каждом доме и бане, на каждой мельнице и винокурне непременно есть свой домовой. Тождество домового с очагом доказывается многими дошедшими до нас поверьями и обрядами; кроме того, характеристические черты их религиозно-языческого значения одинаковы. При переходе в другой дом хозяева, призывая домового на новоселье, берут из печи старого своего жилья горячие уголья и переносят их на новый очаг. Представления, нераздельные с очагом, должны были необходимо перейти на домового, как на его персонификацию. Так, домовой главным образом живет под или за *печкою*, куда *кладут для него маленькие хлебцы;* домовой *любит высекать огонь; он не боится мороза* и потому ходит без шапки. Увидеть домового в шапке — самый *худой и печальный* знак. Если домовой давит, то чувствуешь, как на все тело налегает что-то *жаркое*. Наконец, видимая связь домового с очагом высказывается в том поверье, что домовой чаще всего принимает вид *трубочиста***. Как все божества света и тепла представлялись у славян покрытыми шерстью (руном)***, так и домовой. Народ верил, что домовой *весь оброс мягким пушком; даже ладони и подошвы у него мохнатые;* только лицо около глаз и носа нагое. Мохнатые подошвы его обозначаются зимою по следу; а ладонью домовой гладит по ночам спящих, которые чувствуют, как шерстит его рука. Если домовой гладит *мягкою* и *теплою* рукою, то предвещает *счастье* и *богатство*, а если *холодной* и *щетинистой* — то быть *худу*****. С таким представлением домового косматым находится в связи следующее поверье: кто хочет видеть домового, тот может видеть его на Пасху в *коровнике* или *хлеве*, где он сидит в углу притаившись.

---

* Другие названия: домовик, постень, лизун, в Сибири — суседко, в Архангельске — хозяинушка.

** У финнов домовой представляется белой кошкой или белой женщиной, которая освещает собою всю избу... по поверью литовцев, домовой, будучи оскорблен, зажигает дом.

*** Шерсть сохраняет теплоту.

**** Сличите: если петух поет вечером в необыкновенное время, то надо снять его с насести и ощупать ноги: теплые ноги — к гостям, холодные — к покойнику.

Как представителя стихий света и тепла домового языческое верование сблизило с *петухом*. Петух — птица, приветствующая восход солнца; своим напевом она как бы призывает это животворящее светило и прогоняет нечистую силу мрака, ночи. По крику петуха простой народ считает время и заключает о ведре и непогоде. Слово *куром* (творительный от *кур* — петух) в летописях употребляется для означения того раннего времени, когда запевают петухи. В Малороссии кочета называют *певнем*, потому что пение (крик) его народ считает за самый существенный признак*. В языческой религиозной системе петух признавался птицею солнца и очага, как земного представителя солнечной теплоты и света. Что петух был символом очага, его атрибутом — ясно свидетельствуют некоторые народные пословицы и загадки, эти сохранившиеся обломки древнего мифического языка. Загадка: «*Красный кочеток по* нашестке бежит» означает *огонь;* загадка: «*Красненький петушок* по жердочке скачет» означает *горящую лучину;* загадка: «*Пивень* спива поки з заранья, а дали спыть, аж потие» — означает *печку, очаг.* Ясно, что слова *кочет, петух, певень* служили метафорическим обозначением *огня, печи, очага.* Основанием такому обозначению послужило древнейшее языческое верование. У скандинавов петух также считался символом огня, на что указывает старинная датская поговорка *о пожаре:* «*Красный петух* на кровле поет». У нас существует весьма знаменательная поговорка: «*И петух на своем пепелище* храбрится (*на своем пепелище и курица* гребет). Здесь прямо высказана тесная связь петуха с *пепелищем,* под которым разумеется изба и очаг; сравните: *огонь — огнище, пепел — пепелище***. Теперь становится вполне понятным, почему домовой нисколько не стесняется петушиным криком, которого так боится вся нечистая сила***.

Домовой, мифический образ очага, принял на себя все религиозно-языческое значение последнего; он явился благотворным пенатом, охраняющим счастие дома и живущей в нем семьи, блюстителем ее интересов и защитником ее благосостояния. Как настоящий *хозяин,* именем которого чтят его в народе, домовой присмат-

---

* В одной народной песне сказано:

Ах вы, петухи, петухи,
Петухи рано-певчие,
Вы не пойте поутру рано,
На заре рано на утренней,
На всходимом красном солнышке.

** Если у кур искривляются от болезни шеи, то, по поверью, вертит у них шеи домовой. В мифологиях других народов петух почитается выше всех животных, потому что первый восхваляет Бога, то есть восходящее солнце; когда петух перестанет петь — тогда наступит Страшный Суд, потому что голос петуха уже не вызовет солнца и вселенною овладеет нечистая сила вечной тьмы.

*** Постель мертвеца, тотчас по смерти его, выносят в курник на три дня для отпевания петухов: пение петуха ,прогоняющее нечистую силу, отстраняет зловредное влияние смерти (очищает).

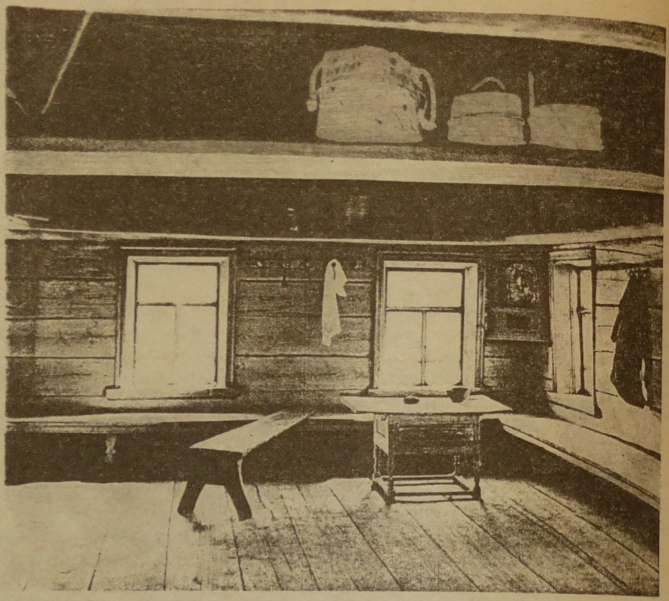
ривает за всем в доме*, сочувствует и семейной радости и семейному горю. Когда умирает кто-либо в семье, домовой *воет* ночью, выражая тем свою печаль; смерть хозяина он предвещает наперед, садясь за его работу и *надевая себе на голову шапку*.

Обожанием очага условливалось совершение особенных, религиозных обрядов при закладке нового жилья и при переходе на новоселье. Место, избранное для жилья, требовало освящения, потому что всякая изба назначалась быть капищем родового пената. Надо было, чтоб охранительная сила этого пената перешла в новоизбранное место. Между нашими крестьянами еще недавно сохранялся следующий обряд, очевидно принадлежащий глубокой старине: перед постройкою дома, *ради будущей счастливой и здоровой в нем жизни, хозяин с хозяйкою* приходили на место, назначенное для нового жилья, *отрубали у петуха голову и зарывали ее в том пункте, где определялось быть переднему углу*. Обряд этот совершался тайно**; в нем нельзя не увидеть жертвоприношения очагу (домовому), совершавшегося перед постройкою новой избы. В жертву закололи петуха, самую почетную и любимую домовым птицу; пролитием ее крови освящалось избранное место и призывалось на него покровительство пената. Изба таким образом строилась на петушьей голове***, которая полагалась в переднем углу. Здесь необходимо указать на значение этого угла. Вообще славянин питал особенное уважение ко всем *углам* избы — и понятно почему: углы обозначают собою те главные пункты, в которых сходятся стены избы; углы определяют ее границы, а в этих границах только и ощущается благотворное влияние от теплоты и света очага. Отсюда объясняется, почему обряды, совершаемые по углам дома и даже двора, народ связал с верованиями в домового, охраняющего пределы семейных или родовых владений. Так, чтоб умилостивить домового — *по всем углам* избы и двора обкуривают медвежьей шерстью, с произнесением заговора. Обряды эти имеют в виду водворить в доме порядок и спокойствие. Но два угла: *задний*, в котором поставляется *печь*, и *передний*, диагонально противоположный первому углу, пользовались самым большим почетом. Названные два угла представляют те главные точки, которыми обозначалось пространство будущей избы: определив точку *очага*, необходимо было определить еще точку того переднего угла, о котором сейчас сказано — и границы избы, искони строившейся четвероугольником (клеткою, *клетью*), получали извест-

* Простолюдин боится много говорить о домовом и никогда его не бранит. По народному представлению, домовой хотя и любит проказить, но отличается добротою. Если он полюбит дом, то служит хозяину и его семье, ровно в кабалу пошел. По ночам он смотрит за хозяйством и, расхаживая по двору, стучит и хлопает. Хочет ли домовой уведомить о чем спящего хозяина, он толкает его и будит. Домовой более любит лошадей серых и вороных, а чаще обижает соловых и буланых. У нелюбимой лошади он отнимает корм, сбивает гриву колтуном, забивает ее под ясли, в подворотню и т. п.

** Мясо петуха, надо думать, съедалось.

*** Припомним сказочное выражение: «избушка на курьих ножках».



Интерьер крестьянского жилища на Русском Севере. Современная фотография

ность. Такой передний угол называется *большим* и *красным*, то есть главным, светлым, и пользуется особенным уважением. Место на лавке в переднем большом углу называется также *большим* и *княженецким*; сюда сажают самых именитых гостей, старших родственников, молодого князя и молодую княгиню после венца; в этом углу стоит всегда стол, за которым совершается трапеза; когда семья садится обедать или ужинать, то *большое место* занимает старший в семье: дед, отец или старший брат. Встречаем еще в избе название *кут* (по-кут); название это придается *углу* у дверей, *углу* напротив *печи* и тому месту пред самою *печью*, где стряпают и которое отделяется иногда занавеской или перегородкой. За этой перегородкой наряжают к венцу жениха и невесту. В одной свадебной песне поется:

Во столовой новой горнице,
Как *в кути, за занавеской*,
Тут сидела красна девица.

Слово *куток* означает в народном словаре *угол*. Как с большим углом, так и с кутом одинаково связываются предания о домовом. Слово *кут* употребляется еще в значении дома, подобно словам *огнище, дым*. Так, у сербов существует название *кутянин*, одно-

значительное с названием *доматин*, то есть хозяин, владыка дома. Кутянин происходит от слова *кутя* (древнеславянское: *куща*) — дом*.

В переднем углу, как сказано выше, совершалось при закладке избы жертвоприношение; в нем зарывали черепки от того горшка, в котором переносились в новый дом горячие уголья с старого очага. От совершения таких обрядов передний угол в глазах язычника получил еще большую важность. Из одного источника с сейчас указанными поверьями образовались и следующие приметы: если трещит *передний угол* дома — трещит он к *покойнику*; если трещит *задний угол*, значит, выживается из дому кто-либо живой**. Любопытно, что треск переднего угла бывает к покойнику, а домовой, по народному поверью, воем предвещает в семействе покойника***.

После того как дом был выстроен, вся семья переходила на новоселье и переносила с собой священный огонь своего очага. Такое перенесение очага совершалось торжественно. Старший в роде выгребал из печи старого дома весь жар в чистый горшок и покрывал его скатертью, потом растворял дверь и, обратившись к *заднему куту*, призывал домового: «Милости просим, дедушка, на новое жилье». В новом доме встречали того, кто нес горшок, или, правильнее, самого домового, у растворенных ворот, с *хлебом и солью*. Принесенные уголья высыпали на очаг; горшок разбивали, а черепки его зарывали в переднем углу. Этот обряд оставался в обыкновении до позднейшего времени. При перенесении избы с одного места на другое совершался подобный же обряд: ночью, когда на небе высоко стоят *стожары* (созвездие плеяд), *старший* в семействе брал *непочатый хлеб и с поклоном клал его на месте старого двора и произносил просьбу, чтоб домовой с хлебом, солью и довольством перешел на новое жилье*. В некоторых местах до сих пор, при переселении в новый дом, прежде всего вносят в него *икону, хлеб-соль* или *квашню с растворенным тестом, кошку, петуха и курицу*; затем входит в избу семья, обращается к *красному углу* и *молится*. В этом последнем обычае замечается уже христианское влияние (перенесение иконы); тем не менее он важен, потому что подробности его указывают на прежний характер обрядового перехода на новоселье. Сверх того, участие здесь кошки, петуха и курицы — видимые остатки язычества. Петух — птица очага, и принесение ее служило символическим знаком перехода самого божества (домового) в новое жилище. Обряд этот даже намекает на совершавшееся при перенесениях жертвоприношение этой птицы, подобно тому, как совершалось то же жертвоприношение при закладке дома. Кошку переносят *собственно для*

---

* В куту ставят на разостланной соломе кутью.

** Литовцы для своих домовых зарывают по углам дома одежду.

*** В Белоруссии языческий обряд перед постройкою дома заменился христианским освящением первых трех или четырех венцов сруба. У болгар при закладке дома убивают какое-либо животное.

домового, приговаривая: «Вот тебе, хозяин, *мохнатый* зверь на *богатый* двор»*. Поверья народные сохранили многие указания на связь кошки с печью, таковы: приметы о погоде, о гостях и др. Кроме петуха, при переходе на новоселье в жертву очагу (домовому) приносили *хлеб-соль*. Оттого до сих пор сохранился обычай посылать знакомым на новоселье большой хлеб и солонку, наполненную солью**.

Так как изба в языческие времена была первым храмом, а очаг — божеством, то, естественно, первыми служителями божества были те, которые обращались с очагом и его атрибутами, то есть топили печь и приготовляли пищу. Эти хозяйственные и вместе религиозные занятия принадлежали старшим в роде: они пользовались властью распоряжаться в доме и могли свободно приближаться к обожествленному огню. В первоначальном быту славян старшинство в роде определяло и власть и почет; при таком устройстве понятно особенное уважение славян к старцам, которые соединяли в своих руках и власть правителей, и власть жрецов. Народные предания сохранили много свидетельств о богослужебном значении *стариков и старух*. Старинные песни приписывают заклание жертвенных животных старцам; до сих пор еще старик обращается к морозу с овсяным киселем, при опахивании старуха везет соху; при встрече весны старшая женщина держит хлеб и проч. Хозяин, как служитель очага, носил имя огнищанина; от хозяйки, по народной поговорке, должно пахнуть дымом.

А. Н. АФАНАСЬЕВ

1851

[1] *Славония* — современная Словения, входившая в состав Югославии.

[2] *славяне фриульские* — южнославянская народность, проживавшая на территории современной Италии (административная область Фриули — Венеция — Джулия).

[3] *Пассек Вадим Васильевич* (1808—1842) — русский историк и этнограф, автор трудов «Путевые записки Вадима» (М, 1834), «Очерки России» (кн. 1—5, М., 1838—1842), где были собраны материалы по географии, истории, археологии, фольклору и этнографии народов России.

[4] *истрийские славяне* — южнославянская народность, живущая на полуострове Истрия (территория современной Югославии и Италии).

* Подобный же обряд соблюдается при покупке лошади или коровы. Вводя вновь купленную скотину в стойло, кланяются низко, обращаясь к каждому из четырех углов хлева или стойла и приговаривают: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь; моего (или мою) такого-то (кличка скотины) люби, пой и корми». Ту веревку, на которой приведена купленная скотина в новый двор, вешают у кухонной печи.

** Хлеб-соль — символ русского гостеприимства.

ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ

Не в чуждом царстве, а в нашем государстве было, родимый, времячко — ох-ох-ох! В то время у нас много царей, много князей, и Бог весть кого слушаться, ссорились они промеж себя, дрались и кровь христианскую даром проливали. А тут набежал злой татарин, заполонил всю землю мещерскую, выстроил себе город Касимов и начал он брать вьюниц (молодых женщин) и красных девиц себе в прислугу, обращал их в свою веру поганую и заставлял их есть пищу нечистую маханину (лошадиное мясо). Горе да и только; слез-то, слез-то что было пролито! все православные по лесам разбежались, поделали там себе землянки и жили с волками; храмы Божии все были разорены, негде было и Богу помолиться.

И вот жил да был в нашей мещерской стороне добрый мужичок Антип, а жена его Марья была такая красавица, что ни пером написать, только в сказке сказать. Были Антип с Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и дал им Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егорием; рос он не по дням, а по часам; разум-то у Егорья был не младенческий: бывало, услышит какую молитву — и пропоет ее, да таким голосом, что ангелы на небеси радуются. Вот услыхал схимник Ермоген об уме-разуме младенца Егория, выпросил его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отец с матерью, помолились и отпустили Егория в науку.

А был в то время в Касимове хан какой-то Брагим, и прозвал его народ Змием Горюнычем: так он был зол и хитер! просто православным житья от него не было. Бывало, выедет на охоту — дикого зверя травить, никто не попадайся, сейчас заколет; а молодиц да красивых девиц тащит в свой город Касимов. Встретил раз он Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчас велел ее схватить и тащить домой, а Антипа тут же предал злой смерти. Как узнал Егорий о несчастной доле родителей, горько заплакал и стал усердно Богу молиться за мать родную,— и Господь услышал молитву его. Вот как подрос Егорий, вздумал он пойти в Касимов-град, чтоб избавить мать свою от злой неволи; взял благословенье от схимника и пустился в путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шел он, только приходит в палаты Брагимовы и видит: стоят злые нехристи и нещадно бьют мать его бедную. Повалился Егорий самому хану в ноги и стал просить за мать родную; Брагим грозный хан закипел на него гневом, велел схватить и предать различным мучениям. Егорий не устрашился и стал молиться Богу. Вот повелел хан пилить его пилами, рубить топорами; у пил зубья посшибались, у топоров лезвия выбивались. Повелел хан варить его в смоле кипучей, а святой Егорий поверх смолы плавает. Повелел хан посадить его в глубокий погреб; тридцать лет сидел там Егорий и все Богу молился; и вот поднялась буря страшная, разнесли ветры все доски дубовыя, все пески желтые, и вышел святой Егорий на вольный свет. Увидал в поле — стоит оседланный конь, а возле лежит меч-кладенец, копье острое. Вскочил Егорий на ко-

ня, приуправился и поехал в лес; повстречал здесь много волков и напустил их на Брагима хана грозного. Волки с ним не сладили, и наскочил на него сам Егорий и заколол его острым копьем, а мать свою от злой неволи освободил.

А после того выстроил святой Егорий соборную церковь, завел монастырь, и сам захотел потрудиться Богу. И много пошло в тот монастырь православных, и создались вокруг него келии и посад, который и поныне слывет Егорьевском.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

На горах то было, на горах на Дятловых,
Мордва своему богу молится,
К земле-матушке на восток поклоняется.
Едет мурза, московский царь, по Воложке,
По Воложке, на суденышке.
Говорит мурза людям своим:
«Слуги вы мои верные,
Слуги верные, неизменные,
Поглядите-ка, посмотрите-ка
Вы на те ли на горы на Дятловы,
Что это за березник мотается,
К земле-матушке преклоняется?
Вы, слуги мои, пойдите,
Слуги верные, доглядите».
Слуги пошли, доглядели;
Видят слуги: на горах на Дятловых
Мордва в белых балахонах стоит,
Стоит, своему богу молится,
К земле-матушке на восток поклоняется.
Слуги воротились,
Низко мурзе поклонились;
Говорят мурзе, московскому царю:
«То не березник мотается,
Мотается-шатается,
К земле-матушке преклоняется,—
То мордва своему богу молится,
К земле-матушке преклоняется».
Вопросил же их мурза, московский царь:
«Зачем же они кругом становятся,
С чем же они молятся»?
Отвечают мурзе слуги верные:
«Стоят у них в круг бадьи могучие,
В руках держат ковши заветные,
Заветные ковши, больши-на́большие,
Хлеб да соль на земле стоят.
Каша да яичница на рычагах висят,

Вода в чанах кипит,
В ней говядину янбед варит».
И сказал слугам мурза, московский царь:
«Слуги вы мои, подите,
Слуги верные, отнесите,
Мордве на моляне скажите:
«Вот вам бочонок серебра, старики,
Вот вам бочонок злата, молельщики,
На мордовский молян так и ступайте,
Старикам мордовским серебро, злато отдайте».
Верные слуги от мурзы пошли,
Мурзин дар старикам донесли;
Старики серебро, злато приняли,
Суслом сладким слуг напоили;
Слуги к мурзе приходят,
Весть мурзе приносят:
«Угостили нас, напоили суслом сладким,
Накормили нас хлебом мягким».
Мордовские старики от мурзы деньги получили,
После моляны судили, рядили:
«Что нам мурзе в дар дать,
Что московскому царю послать?»
Меду, хлеба, соли взяли,
С молодыми ребятами послали,
Молодые ребята, приуставши, сели,
Мед, хлеб да соль поели.
Говорят: «старики не узнают!»
Земли и желта песку в блюда наклали,
Наклавши, пришли
И мурзе, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песок честно принимает,
Крестится, Бога благодарит:
«Слава тебе, Боже, царю!
Что отдал в мои руки мордовскую землю!»
Поплыл мурза по Воложке,
По Воложке на суденышке.
Где бросит земли горсточку —
Быть там градечку;
Где бросит щепоточку —
Быть там селеньицу.

ДЯТЛОВЫ ГОРЫ

Возник Нижний Новгород на месте большого дремучего леса. Высокие холмы по правому берегу реки Оки, прорезанные глубокими оврагами, назывались Дятловы горы. А название, говорят, вот откуда пошло.

Во времена стародавние на том месте проживал мордвин Скворец, друг и помощник Соловья-разбойника, побежденного и связанного Ильей Муромцем. Здесь он женился на восемнадцати женах, и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке-реке.

Тут же, в ущельях горы, обитал чародей Дятел, бывший также некогда в ладах с Соловьем-разбойником.

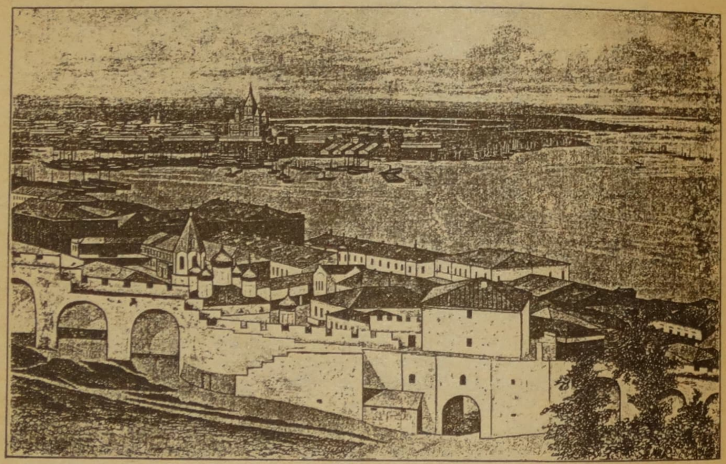
Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих сыновей. И отвечал Дятел:

— Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а если поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят на устье Оки град камен и крепок зело, и не одолеют его силы вражеские...

Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном ему погребении. Тот обещал.

Время шло. Умер чародей-Дятел, и похоронил его Скворец на горе при устье Оки-реки. И прозвалось то место «Дятловы горы». Умер за ним и Скворец.

Перед смертью он завещал детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой, и тогда Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки, а племянник его Юрий Всеволодович, построив здесь Нов-Град Нижний, исполнил предсказание Дятла.



Вид Нижегородской ярмарки с Кремля. Гравюра XIX века

ИБРАГИМОВ ГОРОДОК*

Мордвин Абрам, или Ибрагим, вышедший из-за реки Кудьмы, поселился при впадении Оки в Волгу, на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было четырнадцать сыновей и три дочери; для них построил он семнадцать домов...

Колония эта названа была Абрамовым, или Ибрагимовым городком, а сам Ибрагим будто бы был выбран от всех мордовских племен чем-то вроде правителя.

Когда Абрам заслышал о движении войск суздальских, муромских и рязанских под водительством Мстислава, то принялся укреплять свой город, в котором всех жителей было тогда до пятисот человек. Он обнес город тыном, оградил валами да рвами. Укрепление это охватывало с севера к югу все пространство от Коровьего взвоза до Лыковского съезда, а с востока на запад — от Ковалихинского ручья до речки Почайны. В этом укреплении Абрам устроил двои ворота: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми створами, которые завалил землей, другие тайные, на север, у самого Коровьего взвоза; а где должно было проходить воинство княжеское, поставил караулы.

И вот Мстислав подошел со своим войском под Ибрагимов городок. Он не хотел проливать напрасно людскую кровь, а желал лишь только покорности мордвы и приобретения земель их. Мстислав вступил с правителем в переговоры, предлагая ему удалиться с Дятловых гор и признать над племенами мордовскими владычество князя Суздальского.

Абрам отвечал, что так как он не прирожденный владыка народа мордовского, а только выбранный правитель, то и не может принять на себя никаких условий без согласия всего народа, почему просил дать ему четыре года для сношений со всеми племенами мордовскими.

Князь Мстислав дал ему срок для объявления окончательного ответа, но вместо четырех лет — четыре дня.

Хитрый старик сумел воспользоваться и этим коротким временем: через тайные ворота своего укрепления он немедленно послал гонцов в ближайшие мордовские сельбища, требуя помощи.

В две следующие затем ночи вошло в укрепление, через те же тайные ворота, более пяти тысяч человек мордвы, и прежде истечения срока, данного Мстиславом для ответа, Абрам велел открыть южные ворота и внезапно ударить на русские войска.

Но и эта отчаянная решимость не принесла мордве пользы: Абрам пал в битве вместе со всеми своими сподвижниками...

Мстислав здесь оставил тысячу человек конных ратников и приказал им жить около Абрамова городища, не в самом городке.

Между тем мордва, узнав о погибели Абрама и его сподвижни-

---

* Легенды на стр. 393—428 записаны и литературно обработаны профессором В. Н. Морохиным (Н. Новгород).

ков, заволновалась и замыслила мщение: суздальцы, поселившиеся у Абрамова городища, были обречены ею на смерть; шесть тысяч человек мордвы двинулись на них с тем, чтобы совершить внезапное нападение.

Но суздальцы, жившие у Абрамова городка уже около года, имели также и друзей между ближайшей мордвы, и эти друзья уведомили суздальцев о грозящей им опасности.

Воины княжеские, видя, что одна отчаянная храбрость может спасти их от гибели, решились предупредить мордву, сели на коней и бросились навстречу неприятелю, вшестеро сильнейшему.

Верстах в семи от Нижнего, на нынешнем Арзамасском тракте, около того места, где теперь стоит деревня Новая, они, встретя пешую мордву, ударили по ней, пробились через смятенные массы неприятеля без потери и ускакали Березопольем к Боголюбову.

Мордва преследовала их далеко, но, будучи плохо вооруженной и без коней, ничего не могла поделать с суздальцами. Так и не удалось догнать ратников Мстислава, оставивших Ибрагимов городок.

ПОЧАЙНА

Есть в Нижнем Новгороде подле крепости маленький ручеек, он течет по оврагам и близ Никольской церкви впадает в Волгу. Зовут его Почайной и, говорят, что Юрий Всеволодович, основатель Нижнего Новгорода, назвал так этот ручей, будучи поражен сходством местоположения нижегородского и местоположением киевским. В том месте, где Почайна берет свое начало, есть большой камень, на котором прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось.

От этого камня зависит судьба Нижнего Новгорода: в последнее время он сдвинется с места, из-под него выступит вода и потопит весь Нижний.

«МОРДОВСКИЕ КОСТИ»

Верстах в восьми от Нижнего Новгорода, в сторону от Арзамасского тракта, между деревней Щербинки (она же Новая), стоящей на самом тракте, и деревней Ляхово в настоящее время пролегает сухой дол. Когда-то здесь была пойма истока речки Рахмы, впадающей в Волгу около села Великий Враг.

В этом месте, по преданию, в 1181 году происходило побоище войск князя Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского, с мордвой. С той далекой поры место этого боя было известно старожилам под названием «Мордовские кости».

О речке Рахме говорят, что в старые годы она начиналась от самой деревни Щербинки, протекала мимо деревни Ляхово. Жите-

ли обоих селений пользовались ее водой. Но случилась беда.

Среди ляховских крестьян в те давние времена был один знахарь. Как-то, поссорившись со своими односельчанами, в отместку им, знахарь пошел и заговорил исток Рахмы, после чего она совсем пересохла в этом месте и теперь начинает свое течение лишь ниже села Константинова. Так Ляхово очутилось у сухого дола без воды, что причиняло жителям большие осложнения и бедствия.

Для добывания воды жители деревни стали рыть колодцы. Но воды в них было мало, а деревня к тому же часто страдала от пожаров.

Тогда ляховские крестьяне видят, дело плохо — пошли к этому знахарю на поклон, а хитрый колдун отвечает им: так и так, говорит, жаль мне вас теперь и самому, да ничего не поделаешь, больно заговор силен положил я на веки вечные, сам снять не могу, и не течь здесь Рахме до второго пришествия. Пустить снова Рахму теперь я не властен, а вот что могу сделать: положу заговор великий на вашу деревню, чтоб не гореть ей во веки.

И действительно, до 1881 года, когда в Ляхове случилось два пожара — один на деревне, другой в барской усадьбе (в которой жил П. И. Мельников),— старики не помнят, чтобы когда-нибудь горело оно.

КАЗАНЬ

Наши деды рассказывали, что город Казань получил свое название по имени речки Казанки, на которой с незапамятных времен ставились его первые постройки. А название самой реки, будто бы, вот откуда пошло.

В очень давнюю пору, когда не только Казанка, но и многие другие притоки матушки-Волги не знали своих имен, на берег этой речки вышел отряд одного из сыновей последнего булгарского хана Алтынбека. Воины Алтынбека уже несколько дней мчались на своих резвых скакунах сквозь непроходимые чащи и перелески, спасаясь от преследования назойливых кочевников. Золотоордынцы давно не давали спокойно жить волжским булгарам. Вот и теперь, разгромив не одно их мирное поселение, они неотступно шли по пятам отряда Алтынбека.

Но случилось так, что булгарскому отряду удалось, наконец, оторваться от преследователей, а потом скрыться от ворогов в лесную чащу. Здесь, с минуты на минуту ожидая нападения кочевников, отряд в страхе, не слезая с коней, простоял до утра.

С рассветом, когда воины Алтынбека убедились, что противника поблизости нет, хан решил искать любую речку с тем, чтобы по ней выйти к Волге, а уж там и вернуться в родные места.

Весь день отряд искал такую речку, и лишь только к вечеру усталые и голодные выехали они на крутой берег совсем незнакомой им речки. Воины стреножили коней и начали еще засветло го-

товить себе пищу. И вот тут-то случилось достопамятное событие... Слуга хана пошел к речке за водой и случайно уронил в нее золотой котел. В поисках его слуга залез в воду, обшарил дно речки, но котла нигде не было. Не нашли котла и утром следующего дня. Котел — а по-татарски он называется казан — как говорят, в воду канул! Воины Алтынбека, сожалея об утрате, хвалили котел и часто наряду со славянским повторяли его татарское название. Тем временем посланные на поиски устья реки люди вернулись и сообщили, что Волга близко. И тогда, оставив место своей стоянки, а с ним и котел на дне неведомой реки, булгары отправились домой.

С тех пор и стали называть все булгары, а позднее и татары, приток Волги речкой Казан, а потом Казанка.

Вскоре на берегу речки появилось селение, которое получило по ней свое название и стало именоваться Казанью.

ЙОШКАР-ОЛА

В былые времена город Йошкар-Ола Царевококшайском назывался. А это старинное имя будто бы издавна, от времен царя Алексея Михайловича идет. Люди рассказывают, что якобы он, прежде чем заступить на престол, упросил своего батюшку, царя Михаила Федоровича, отпустить его поездить по государству да посмотреть, что оно из себя представляет, каков народ, чем он живет, каковы его нравы-обычаи. И поехал царевич Алексей по разным местам матушки-России.

Ездил он ездил да и оказался в глуши лесов марийских, на берегу реки Кокшаги. Здесь он под видом чиновника остановился на временное жительство и даже доброе для себя дело на лесопильне нашел. На работе будущий царь проявил себя человеком честным, там он защитил от посягательств негодяя безродную девушку, которая позднее стала его женой.

Жизнь царевича в этом селении, его венчание в местной церкви якобы и послужило причиной того, что оно получило название Царев. Ну а потому, что стояло на берегу Кокшаги, по мере превращения его в город будто бы и появилось имя Царевококшайск. Это название просуществовало до Октябрьской революции, а с того времени город стал именоваться Краснококшайск. С 1936 года город называется Йошкар-Ола, что в переводе с марийского означает Красный город.

ЧЕБОКСАРЫ

Шупашкар (Чебоксары) вообще-то в переводе с чувашского означает «поселение чувашей», но есть об этом городе и такое предание.

Когда-то, очень давно, в небольшом селении на берегу Волги жили парень по имени Чубук и девушка, которую звали Сара. Они любили друг друга, но Чубук был беден. И родители Сары, которые были богаты, воспротивились их браку. Они хотели насильно выдать Сару замуж за богатого жениха.

Но Чубук и Сара решили, что лучше вместе умереть, чем жить порознь, и, обнявшись, они бросились с высокого мыса над Волгой в волны реки.

С тех пор селение стало называться Чубуксары, а мыс, с которого бросились в воду влюбленные — Мысом любви.

Говорят, что поцелуй при утренней заре на Мысе любви — самый чистый, он является залогом верности любимому человеку.

БАЛАХНА

Балахну основали братья Плесянычи, жители Плеса, заштатного города Костромской губернии.

В очень давние времена жили в этом городе два брата. Плесянычи занимались судовым промыслом, плавали на своих судах в низовья Волги. Так, раз они плыли на своем судне и оно поломалось, что и заставило их пристать к правому берегу Волги около устья реки Железницы, или Истечи. Меньшой брат из Плесянычей пошел отыскивать для срубки дерево, годное для починки судна, и увидел яму с водой, окраины которой побелели и мокрились на солнце. Это заинтересовало его, и он попробовал воду. Она оказалась соленою. Тогда он отправился на судно, взял котелок, зачерпнул из загадочной ямы воды и стал кипятить ее. Вода, выпариваясь, становилась все солонее и солонее.

— Эй, смотри, братец, лиха какого бы не было, живота бы тебе не положить здесь,— говорил старший брат младшему.

Но младший не обращал внимания на слова старшего, продолжал кипятить воду и пробовать ее, пока она ни превратилась в соль.

Обрадовались братья, старший и грустить перестал — принялся думу думать, что им теперь делать. Наконец порешили: держать свое открытие в секрете, а после путины пробраться из Плеса к соли.

Так они и сделали, перебрались сюда тем же летом с женами и домочадцами, построили себе дома и варницы и таким образом положили основание «Балахнинскому усолью». И разбогатели они, говорит легенда. И разбогатели бы еще больше, но их поселение не могло укрыться от окрестных жителей, для которых и самый промысел Плесянычей не остался тайной. Народ стал стекаться в эти места со всех сторон. Братья Плесянычи сперва встречали было новых пришельцев дубьем, но должны были, наконец, уступить, войти в переговоры и из единственных владельцев соли сделаться пайщиками.

Балахнинское усолье стало и людно, и шумно, как торговое место.

НИКИТИН ЗАВОД

Западнее Малого Содомова раскинулась деревенька с громким названием Никитин Завод. Стоит он на высоком берегу речки Усты и, кажется, ничем не отличается от тысячи селений Нижегородской земли, но откуда же у деревни такое название?

Местное предание, сохранившееся в памяти народной, гласит, что название ей дано не случайно.

Много столетий тому назад житель здешних мест, по имени Никита, случайно наткнулся на ручеек с соленой водой. Смекалистый крестьянин решил, что источник можно использовать для добычи соли. А соль-то в ту далекую пору была в большой цене!

Вскоре у найденного Никитой источника появились первые строения. Обитатели этих лачуг сразу же занялись выариванием соли, которая шла для своих хозяйственных нужд и даже на продажу.

Все крестьяне занимались этим промыслом. Но особенно отличился в этом деле сам Никита. Он сделал простое, но очень производительное сооружение для выпаривания соли и превзошел в этом всех своих земляков.

Земляки оценили приспособление Никиты, и кто-то из побывавших в городе назвал это сооружение заводом.

Вот отсюда и пошло выражение Никитин завод. Оно закрепилось за деревней, в которой жили солевары с Никитой во главе.

КУЛЕБАКИ

По-разному объясняют в народе происхождение названия этого города. Одни говорят, что лет четыреста тому назад в окрестностях наших, в дремучих лесах, деготь гнали. Это значит, что прежде всего заготовляли в лесу дрова, потом сжигали их в ямах и таким образом получали деготь и уголь.

И вот будто бы заготовленный так уголь и деготь свозили в то место, где сейчас наш город находится. Говорят, что уголь везли в кулях, а для дегтя были сделаны особые баки. И вот, мол, собиралась вся эта продукция в кулях и баках, а отсюда и пошло название наше — Куле-баки.

А другие говорят, что были и кули, и баки, но в баках был не деготь, а мед. Медом, рассказывают, наши предки давно промышляли. Бортничеством это называется. В лесах наших диких пчел много водилось. Вот люди и собирали ульи да мед в баки и сливали, а потом сюда везли.

Интересен факт, что рядом с Кулебаками есть деревня Ульищи. Тут тоже бортники жили, так что, наверное, второе объяснение больше похоже на правду.

БЕЗВОДНОЕ

Встарь в народе говорили, что места, где стоят теперь Безводное и другие селения, в давние времена принадлежали самому Борису Годунову.

Тяжело жилось тогда годуновским крестьянам. Нужда и голод гнали их из бедных деревень в дремучие леса да на матушку Волгу. Много беглых людей было в те годы в здешних местах. Бывали случаи, когда бежавшие от хозяев крестьяне беспокоили жителей приволжских деревень.

Особенно доставалось от них деревне Гремячке, что стояла выше нынешнего села Безводного.

Гремячские жители терпели-терпели все это, да и решили всей деревней покинуть насиженный край.

Долго искали они подходящее место и вот один раз вышли из леса на открытую поляну над Волгой. Понравилась гремячинцам та поляна и задумали они на ней обосноваться. Поставили свои избушки немудрящие и стали колодцы копать. До пятнадцати сажен докопали, а воды-то все нет и нет. Вот тогда и назвали они свое селение Безводным.

Ну, а расселяться-то люди стали по горе, ближе к Волге, значит. Здесь, в горе, много ключей с хорошей водой было, да и река совсем рядом. Так что в селе воды стало — хоть отбавляй, а название так и осталось — Безводное.

КАДНИЦЫ

Существует несколько объяснений происхождения названия села Кадницы. Одни люди говорят, что на том месте, где теперь находится село, в далекой древности был главный пункт татар по обмену пленными. Рассказывают, что татары тут не только меняли, но и казнили многих русских. Оттого, мол, и пошло название места — Казницы. Ну, а со временем оно превратилось в Кадницы.

Другие люди, объясняя историю названия села, утверждают, что название Кадницы пошло оттого, что здесь, якобы, очень давно, еще до XVII века, располагалось селение бондарей, делавших деревянные кадки. А мастеров, которые занимались бондарным ремеслом, называли еще кадушечниками или кадниками. Так вот село и получило имя по промыслу жителей — Кадники, а позднее изменилось в Кадницы.

Есть в народе и третье объяснение. Будто бы название села произошло от имени разбойников, которых в здешних лесах называли кадами. Жили эти разбойники в лесах, которые сплошь покрывали горы над Волгой. Разбойники кады бесчинствовали на больших дорогах да на реке, никому от них отбоя не было.

Атаманом этой шайки был Сутырь, а казначеем — Спех. От имен атамана и казначея пошли фамилии кадницких старожилов Сутыриных и Спеховых.

РАБОТКИ

Старые люди рассказывают, что село Работки очень древнее, а название свое оно будто бы во времена борьбы с татарами получило. И было все это, говорят, вот как.

Один раз, когда татары стали уж очень назойливы, русские не вытерпели. Собрали они силы свои разрозненные и вместе ополчились на врага. Ополчились да и ударили по татарам так, что те не выдержали натиска русских. И стали удирать татары, а наши за ними. Татары быстрей поскакали, да русские не отстают!..

Так и гнали ворогов до самого леса, который вплотную подходил к волжским кручам. А татары как добежали до Волги, сразу и переправились на левый берег.

Ну, а русским не удалось реку-то преодолеть, не на чем было. Тут и решили они деревьями, что росли на берегу, воспользоваться. Стали они рубить лес да строить из него плоты для переправы.

Много нужно было повалить деревьев, и делать все это надо быстро. И русские воины, как говорят, не подкачали. Тут и закипела работа, да еще какая! Резво стучали топоры, проворно бегали с бревнами добрые молодцы, все плоты сооружали. А когда работа была закончена, русские воины переправились в заволжскую часть и опять погнали татар.

За местом же, где хорошо поработали наши ратники, с тех далеких пор прочно закрепилось в народной памяти название Работки.

ГОРОДЕЦКИЕ ПРЕДАНИЯ

РАДИЛОВ — МАЛЫЙ КИТЕЖ

Основанный в 1164 году псковским князем Юрием Всеволодовичем, Городец в те далекие времена был известен под именем Радилова.

Но было у Городца и другие название — Малый Китеж. Предание говорит, что Городец получил такое имя в отличие от Великого Китежа, который стоит теперь на месте Светлого Озера, что находится близ села Владимировки. Рассказывают, что и теперь можно видеть в глубине этого озера и церкви, и монастыри, и жилища, а некоторые будто бы явственно слышат звон колоколов...

В народе говорят, что как Великий Китеж, так и Малый связаны с именем Юрия Всеволодовича. После несчастной битвы с Батыем князь скрылся с остатком войска в стенах Малого Китежа. Но немного погодя Батый со своим полчищем, преследуя князя, появился у стен города. Город был осажден, Юрия Всеволодовича и его войско ждала неминуемая смерть. И вот тогда, выбрав темную ночь, князь тайно вышел из малого Китежа и направился в Великий Китеж.

Когда Батый взял Малый Китеж, то ни среди убитых, ни среди пленных он не нашел князя. Батый стал пытать жителей города. Некто Гришка Кутерьма не вынес пыток и открыл Батыю место пребывания Юрия Всеволодовича. Батый ринулся туда, разорил Китеж и убил князя. С тех пор Великий Китеж стал невидимым...

Другой была судьба Малого Китежа. На месте разрушенной столицы Городецкого княжества враг оставил память по себе: громадный, версты в три, вал, который получил название Соп (вероятно, от слова «сопа» — труба). Жители Городца убеждены, что вал этот Батыевы воины наносили.

Предание городчан сохранило имя какого-то древнего народа — паны, из весьма воинственного племени. С панами воевали жители Городецкого княжества, паны оставили в память о себе Пановы горы с тайными пещерами, в которых и по сие время чудесное творится,— с пропастями, обрывами и рвами, на дне которых теперь только таинственно позванивают ручейки...

Но покорил панов русский народ, разбил их капища и молельни. Воздвиг в знак победы монастырь...

ПРО ГРАД КИТЕЖ

Давно это было, люди даже не помнят, когда. Наверное, с той поры много сотен лет прошло. Так вот, в те далекие времена и был построен в дремучих лесах на невысоких горах, что стояли над красивым тихим озером, город Большой Китеж. Строился он князем Юрием Всеволодовичем после того, как был уже воздвигнут на Волге Малый Китеж.

И едва только закончили каменщики и плотники постройку белостенных храмов и теремов, как пошел на Русь нечестивый хан Батый со своими злыми соплеменниками.

Докатилось войско татарское до волжского Китежа и начало осаждать город тот со всех сторон. Стойко сражались русские воины, но силы было у них маловато. Одолели враги защитников города.

Взял Батый Малый Китеж и к Большому устремился. Юрий обороняться стал, хотел преградить путь ворогов к Большому Китежу, да не устояли против недругов княжьи войска, и стали они отходить в глубь заволжских лесов. Так и шли татары по следам русских воинов вплоть до самого лесного озера Светлояра. А когда вражья сила близко подступила, русские стали стеной. Но сил было мало. И тут Китеж весь как есть съехал с горы прямо в озеро и на глазах татар утонул.

С той поры и стоят в этом дивном местечке, над зеркально чистым Светлояром, горы, ничем не застроенные. И только выросли тут высокие как мачты сосны да большие кудрявые березы. Деревья да низкорослые кусты с травой веками отражаются здесь в спокойной воде тихого лесного озера.

ЛЕГЕНДЫ О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Легенда первая

Про то, как образовалось наше озеро, много есть легенд, но эта, думаю, самая древняя, и сложили ее еще в языческие времена люди, которые жили в здешних лесах за много веков до нас.

Немало богов и лесных духов окружало древнего человека. И всех-то он боялся, стремился задобрить, поклонялся им, приносил жертвы. Больше всех боялись люди богиню леса и лесного зверья Девку-Турку. Где конь ее огромный ударял копытом, там проваливалась земля, образовывалась яма.

В наших заволжских лесах, в глухих местах жило в селении гордое непокорное племя, которое забыло про Девку-Турку. И та, разгневавшись, напустила на жителей селения своего коня. Конь бил землю копытом, все проваливалось и заполнялось подземной водой. Так и возник на месте, где жило это племя, Светлояр.

А название это, я думаю, тоже очень древнее. Соединились два слова — «светлый», что значит «добрый», и «яр» — «Ярило», языческий бог.

Легенда вторая

Это событие относится к XIII веку. Князь Юрий Всеволодович очень любил путешествовать. Однажды, путешествуя, он задумал на Волге строить город — ныне Городец — и построил. Его назвали Малым Китежем. Путешествуя дальше по заволжским лесам, на реке Люнде он нашел более красивое место и решил здесь тоже строить город — его назвал Большим Китежем.

В это время началось монголо-татарское нашествие. В сражении против врагов участвовал и князь Юрий Всеволодович. Первая битва с недругами произошла у Малого Китежа. Она для русских была неудачной: дружина князя потерпела поражение, и он бежал в лесную часть своего удельного княжества — в Большой Китеж, чтобы собрать там новые войска.

Во время битвы татары взяли в плен одного дружинника князя — Гришку Кутерьму и начали его пытать, мучить, чтобы он показал дорогу в Большой Китеж, где прячется князь. И он показал им дорогу.

В городе скоро узнали о приближении вражеских войск, все ценности припрятали в церквах и монастырях.

Князь Юрий Всеволодович вновь вступил в бой, но в этот раз вместе с дружиной враги убили и самого князя.

Победив дружину князя, враги устремились к Большому Китежу. Но тут перед их глазами происходит чудо: город проваливается в землю, постепенно исчезает с глаз, и глубокий провал наполняется водой. А церкви и монастыри скрываются под колпаками, земляными холмами. Так и не смогли враги войти в город.

РУСЛАНУШКА

Давно это было, еще в ту пору, когда злой Батый на Руси бесчинствовал. Налетели татары один раз на селенье русское. Разграбили его, зажгли. Многих жителей села тут же убили, а других в плен увели. Только один остался живой: Русланушка, храбрый молодец. Пахал он в то время полюшко далекое, потому и жив остался. Увидел он черный дым над селом, почуяло его сердце беду. Побежал он туда, прибег, а там один пепел да дым, да мертвые кругом лежат. Стал Русланушка искать среди них родимых батюшку и матушку и не мог найти. В полон их увели татары. Залился он горючими слезами, а потом думает: «Слезами горю не поможешь. Выручать надо отца с матушкой». И пошел Русланушка по свежему следу. Солнце закатилось уже за лес, как увидел он впереди огни: это татары на берегу Волги остановились, костры жгли, отдыхали, да добычу свою разбойничью делили.

Подкрался он поближе, обметал себя сеном, зажег да бросился к татарам. Татары перепужались — никогда такого чудища не видели и разбежались кто куда. А Русланушка нырнул в реку и вышел из нее невредимым. А потом разыскал подземелье, открыл его и выпустил оттоль весь народ. Тут и увидел он отца с матушкой, обнял их и пошли они со всем миром назад.

РЕЧКА ИЛИНДИК

Когда было нашествие татаро-монголов на нашу страну, татары не обошли и села Давыдова. Здесь остановился хан Илиндик. Когда невдалеке от деревни, вздымая облако пыли, показался отряд хана, жители попрятались в погреба. Хан Илиндик приказал отряду собрать весь народ у колокольни. В погребах оказались только старики и дети, так как взрослое население, узнав заранее о продвижении многочисленного отряда к селу, ушло в леса.

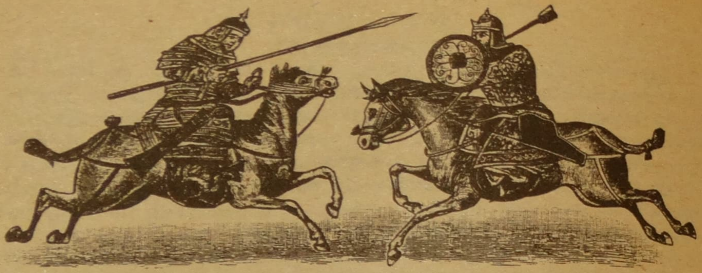
Собрав стариков и старух, хан сказал:

— Я не буду вас убивать и жечь вашу деревню. Передайте всем, чтобы вернулись в деревню.

И ханский отряд поскакал дальше, а остановился лишь на берегу лесной реки, протекавшей недалеко от села. Поставив там юрты, татары не показывались в село пять дней.

Тем временем женщины, мужчины и девушки стали возвращаться в село. Пора была страдная: надо было жать хлеба. Когда все вернулись, внезапно нагрянул ханский отряд и полонил молодых девушек в жены хану Илиндику. Завыли, запричитали бабы. Но татары продолжали свое злое дело. Тех мужчин, которые оказывали сопротивление татарам, они убивали. Татары ограбили всех жителей: увели коров, свиней и хлеб забрали, а заодно и пленных девушек.

Вечером мужчины, собравшись, стали держать совет, как осво-



Татарскіе воины. (Съ персидскаго раскрашеннаго рисунка XIII вѣка).

Татарские воины. Персидский рисунок XIII века

бодить своих дочерей из плена. Вперед вышел молодой плотник Гаврила и сказал:

— Если мы все нападем на хана, он нас всех перебьет. Уж лучше мне одному пострадать...

У Гаврилы татары увели невесту в полон, и он отправился в стан врага. Подкравшись к юрте хана, Гаврила убил часовых, а потом зарезал и самого хана. Затем он побежал мимо юрт, крича что есть мочи:

— Татары, всем вам конец сейчас будет!..

Татары услышали крик, проснулись, бросились к юрте хана и увидели, что хан их убит. Они бросились вдогонку за Гаврилой. Но тот мчался быстро. Долго бежал Гаврила и вот слышит, что татары догоняют. Тогда он крикнул: «Мать-сыра земля, помоги!»

И тут же, говорят, земля разверзлась под татарами и все они упали в бездонную яму, которая тут же заполнилась красной огненной массой, а потом та красно-огненная масса снова ушла под землю и яма заполнилась водой. Образовался тут высокий яр.

Гаврила видел происшедшее и решил вернуться в татарский стан. Тут он отыскал пленных девушек и выпустил их на свободу.

А тело хана Илиндика Гаврила бросил с яра в речку. С тех пор ту реку стали звать Илиндик.

ПОЧЕМУ ТАТАРЫ НЕ ВЗЯЛИ НИЖНИЙ

Старики сказывали, что в очень давнюю пору, когда татары на Руси бесчинствовали, дошел до их князя слух про Новгород Нижний.

И вот повелел этот князь супостатный войскам своим нечестивым пойти на Нижний, захватить да разграбить богатый город.

Направили татары коней своих быстроногих вдоль Волги-реки и долго ли, коротко ли — до Нижнего доскакали. Выслал князь вперед дозорных своих и ждет...

В те поры, видишь ли, весна была, и случилось так, что первыми заметили ворога нижегородские бабы. Они на Волге белье полоскали. Почуяв недоброе, подхватили бабы коромысла свои — да на татар! А те уж к воротам кремлевским подбираются. Напали бабы на татар и давай их дубастить!..

Испужались супостаты и к князю с донесением. Выслушал князь татарских дозорных и молвил:

— Ежели уж бабы здесь такие, то каковы же мужики нижегородские?..

Сказал и повернул войска свои нечестивые обратно. Не пошли татары на Нижний. Побоялись.

КОРОМЫСЛОВА БАШНЯ

Три дня стояли под Нижним разбойники-татары; все жители города заперлись в Кремле, и на новую-то стену надеялись, и татар-то боялись, никто не смел выйти за ворота кремлевские.

Была тогда в городе одна девица-красавица, имени и отечества ее не помнят. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну реку; не хотелось, видно, пить колодезной. Вот взяла она ведра на коромысел, а коромысел тот был железный, только два пуда весом. И пошла она, девица, за город на Почайну реку.

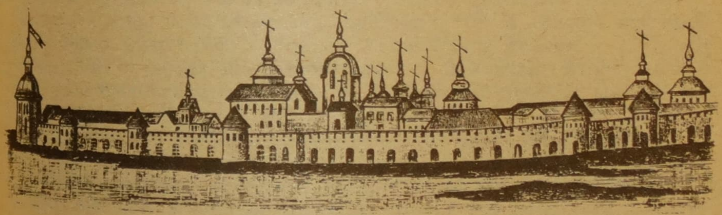
Татары заметили ее возле башни и, кто их знает, в полон ли хотели взять, красоте ли ее позавидовали, только кинулись все на нее опрометью.

Вот она, видя беду неминучую, поставила ведра на землю и, взяв коромысел в руки, дожидалась первого татарина... Подходили к ней татары не по одному, не по два, а целыми сотнями: и всех тех татар девица уложила возле башни спать непробудным сном. Уж этих татар она била-била, а все их много было.

Одолели наконец они девицу, изрубили ее на мелкие куски и похоронили у башни вместе с коромыслом ее. Князья же татарские Сеит, да Булат, да Качелей подумали-погадали — да и решили от Нижнего убраться подобру-поздорову.

— Если бабы в Нижнем такие сильные,— говорили они,— что же нам будет, если ратные люди на нас выступят?

Вот отчего та башня зовется Коромысловой: возле нее было это побоище.



ПРЕДАНИЯ О ТАТАРКЕ

Предание первое

Дело было давно, еще когда Татарка воевала и когда город Казань был столицей Татарской, а город Козьмодемьянск был под ее державой. А наша столица была тогда Кострома, а Нижний был вторым городом.

В те времена в Казани царствовала княжна Татарка, по имени Аннушка, вроде как у нас царствовала Екатерина. Аннушка обладала сказочной силой: камни разжимала она своей рукой; если, бывало, на нее бросят камнем, то она схватит его налету, сожмет, и из него вода потечет. Кроме того была она и волхунья и умела всякое колдовство делать: ядра в руки хватала, и никакая пуля ее не брала. Если в нее кто стрелял, то она ловила пулю налету и бросала обратно в того, кто в нее стрелял.

«Я бессмертная,— говорила она,— моя смерть находится под камнем, который называется Казак-камень; кто меня убьет, стоя на этом камне, тот и сам погибнет, провалится сквозь землю вместе с камнем».

Когда войско царя Ивана Грозного подошло к Казани и начало осаждать город, то Аннушка только издевалась над войском, ездя по своей крепости.

Между тем среди русских нашелся один смельчак, который под видом купца пробрался в Казань и узнал то место, где находится Казак-камень.

Подговорив с собой нескольких товарищей, русский купец решился убить княжну Татарку, а чтобы в то же время самому избегнуть смерти, он употребил такую хитрость: своим товарищам он велел накрыть камень полотном и распорядился, чтобы те, как только он выстрелит в Татарку, полотно моментально дернули бы, чтобы ему не провалиться с камнем сквозь землю, как предсказывала эта Татарка.

Товарищи исполнили его распоряжение в точности, и он убил Татарку, зарядив ружье медной пуговицей. Таким образом Аннушка была убита, и Казань досталась русским.

Предание второе

В Казани Аннушка собрала большое войско, оно длиной целых семь верст было. И вот двинулась она из Казани покорять землю русскую, и хотела всю Россию покорить. Ей нужны были воды, нужны реки от истока до устья. И пошла она вверх по Ветлуге-реке правым ее берегом, разоряя и сжигая встречающиеся на пути селения.

В то время на Унже-реке был город Макарьев и подле него Макарьевский монастырь, в котором жил преподобный отец Макарий. Услышав о движении Татарки, которая хотела добраться до монастыря и завладеть его богатствами, преподобный отец Макарий со

своим войском выступил ей навстречу. Между Татаркой и Макарьем произошла битва, и громадная сила Татарки одолела войско Макария. Тот начал отступать по направлению к городу Макарьеву, а Татарка погналась за ним и все грозила преподобному: «Я убью тебя, Макарко». Преподобный отец Макарий отвечал ей на это: «Хоть и убьешь меня, а все равно тебе России не видать!» «Не убегай, Макарко! — грозилась Аннушка,— я тебя все равно догоню и убью! Я и тебя, Макарко, и весь твой город камнями закидаю,— говорила она издеваясь,— подай мне свою ручку и я пожму ее!»

Преподобный отец Макарий накалил полосу (клюку) железную и подал ей; взяла Аннушка полосу в руки, пожала и из нее вода потекла. «Ой, Макарко, горячая же у тебя рука», или «Ну, тепла у тебя, Макарко, рука-то»!

Не доходя верст семи до города, Макарий своротил с дороги и сделал так, что на дороге, где он шел, сзади него образовалось топкое болото. Но Татарку это болото не остановило: себе и своему войску она привязала к ногам бревна и на них, вроде как на лыжах, пошла по болоту...

Не дойдя до города Макарья версты четыре, она и ее войско ослепли. Начала она путаться, заблудилась и шлялась все, пока, наконец, не испустила дух, а войско ее потом частью перебили, а частью оно потонуло или разбрелось. Нашли Татарку уже мертвую и зарыли ее на самой дороге.

Много зла Татарка сделала по Ветлуге,— зорила да жала население; триста лет после нее Ветлуга пустела,— не могла оправиться от разорения и за это окрестные жители заповедь сделали между собой, приказ такой: кто бы ни шёл мимо места погребения Татарки-Аннушки, кто бы ни ехал,— всяк должен палку, либо сучок бросить Татарке на могилу.

«Вот тебе, Аннушка, свечка!» — говорят при этом бросающие. Даже ребятишек заставляют бросать сучья на могилу: «Ребятишки, ломи сучков да кидай на Татарку!»

Могила Татарки, говорят, находится на самой дороге из города Варнавина в город Макарьев, что на Унже, на расстоянии приблизительно около четырех верст от города Макарьева, на левом берегу реки Унжи в урочище под названием Аннушкин Борок.

Могила расположена посередь дороги промежду объездок, так что ее постоянно заезжают и она делается все менее заметной. Прежде, говорят, она была хорошо заметна в виде крутых веретен, сажен пять в диаметре, а ныне плохо заметна, все заезжают. На этом месте, обозначающемся в виде горки небольшой, площадью около одной четверти десятины, кроме Аннушки, говорят, много силы татарской легло, и она, эта сила, тут же зарыта. Близ могилы имеется до трех-четырех десятков ям, как бы от обвалившихся могил. Ямы эти имеют продолговатую форму длиною около 6—9 аршин.

Трудно, говорят, проехать мимо этого места, чтобы не заметить

его: когда на могиле либо куча хвороста нарастает, либо пепелище от кучи остается. Кто бы ни шел мимо могилы, каждый старается бросить на нее что-нибудь: кто палку, кто сучок сломит и бросит на могилу, кто щепочку али-бо прутик поднимет с земли и бросит. Рассказывают, что на полторы версты сучка здесь нигде нет — все обломано и подобрано. Если кто едет на телеге, то хоть соломки либо сена клок бросит...

Ежегодно из сучьев и прочего хлама образуются здесь валы, вышиною до полутора аршин, а то вроде как копна или как стог вырастает, когда стает снег и куча обсохнет, ее поджигают и она сгорает, а если вырастает летом, то и летом поджигают. От зажженных валов загорается часто и окрестный лесок — Аннушкин Борок, который от этого плохо растет и редеет. «Каракульник-соснячок только и растет на том месте... не выживает соснячок на Аннушкином Борку, нет ему приросту ни вверх, ни в толщину»,— говорят местные жители.

Но не все из окрестных жителей с таким презрением относятся к могиле Татарки, иные этот свой древний обычай — бросать сучья на могилу,— объясняют иначе и к памяти своего бывшего сильного врага относятся весьма почтительно. А что бросают сучки, так это, говорят, подаяние ей делают, память воздают, вроде как бы ерманцу — некрещенная она ведь была: свечки тут нету. Вот и бросают сучки — «Надо Татарке свицку поставить»,— зажгут костер, он и сгорит, вроде как бы заместо свечки.

ЧЕРТОВКА

Давно это было. Проходила в этих местах дорога, которая связывала Городец и Нижний Новгород со старой Галичской дорогой. На этой дороге, у глубокого омута, был перевоз через Ветлугу. И жили здесь в земляной избушке старик со старухой да их внучка — молодая девушка. Родителей ее убили проезжавшие через этот перевоз татары и теперь вся радость стариков была в этой внучке.

Но вот на этот перевоз снова наскочили татары. Чем-то не угодили им старики, и они засекли старика и старуху до смерти. Внучка в это время в лесу была, за ягодами ходила. А когда вернулась, волосы у нее встали дыбом от увиденного. Велика была печаль девушки и, быть может, другую бы горе сломило, но ее нет. Сердце ее жгла ненависть к убийцам дорогих ей людей. У могилы дедушки и бабушки, на берегу Ветлуги, выкопала она себе землянку и продолжала трудиться. Но никакая работа теперь не шла ей на ум. Девушка все думала, как отомстить ей татарам.

Случай такой скоро подвернулся. Казанские татары двинулись войной на Галич, но поход для них оказался неудачным.

Простояв две недели под стенами Галича, татары вынуждены были снять осаду. Возвращались они через ветлужские леса, грабя

и уничтожая русские селения. Подойдя к Ветлуге, татары остановились в нерешительности: река зияла полыньями в тонком неокрепшем льду. И тут явилась к ним русская девушка. Она предложила отряду провести его на противоположный берег. Татары нуждались в продовольствии и стремились скорее перебраться на другую сторону Ветлуги, богатую русскими и марийскими селениями. Поэтому они охотно согласились на предложение девушки. Она сказала, что отряд должен бегом бежать следом за ней.

Вначале бежали у мелководного песчаного берега, где лед был толще. Потом девушка круто повернула к омуту. И тут лед треснул. Те, кто смог, отпрянули назад, но большинство татар уже оказались в воде вместе со смелой девушкой, которая еще успела крикнуть:

— Тоните, проклятые!

В ярости метались татары по берегу реки, бессильные помочь тонущим собратьям. Их дикие крики: «Чертова девка», «Сатанинское отродье»,— долго оглашали реку.

Прокляли это место татары и позже всегда объезжали его стороной. А народ русский из поколения в поколение передавал эту легенду, восхищаясь мужеством своей соотечественницы.

Так и осталось это название в памяти людей, как окрестили его татары — «Чертовка».

ЗВЯГИНО

Есть недалеко от Вачи несколько селений со своеобычными названиями: Звягино, Городищи, Иголкино, Засека.

В народе говорят, что в те далекие времена, когда Русью правил грозный царь Иван, а может быть и раньше, в этих местах проходил рубеж Московского государства. В каждом из теперешних селений в ту пору были сделаны укрепления да расставлены дозоры, чтобы вовремя предупреждать государя о приближающейся опасности: завидев угрозу издали, дозорные, что сидели где-либо на возвышенности — на вышках или там на деревьях, обязаны были быстро оповещать соседние посты.

А как это сделать?

В обязанность дозорных входило: немедля трубить, или стучать во что-то звонкое или же каким-либо другим способом дать знать соседям о приближении или нападении врага.

Так вот, в том укреплении, где теперь раскинулось село Звягино, дозорные, при виде опасности, звякали во что-то дюже звонкое. И не было, говорят, во всей округе звона громче, чем у звягинцев! Гулко разносился он по всей окрестности, возвещая о появлении недоброжелателей. И слышали хорошо этот звон соседние посты, слышали да сразу же передавали тревожный сигнал дальше. А о месте том звонком слава вокруг пошла: Звягино, мол, это да и только!

УТЕСЫ НАД ВОЛГОЙ

Давно это было, очень давно. В те времена на месте Жигулевских гор простиралась обширная равнина. На ней паслись несметные стада, хлеба колосились в рост человека.

Хорошо тут жилось людям. Но случилось так, что соседей, кочевавших за Волгой, обуяла зависть. Они и до этого разбойничали по чужим землям. А тут решили совершить набег на Волгу, взять в полон мирных людей, что жили по ее берегам.

Подплыли они на челнах. И только хотели было высадиться, как услышали грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Оглянулись в страхе пришельцы. И видят: на берегу стоят двое — добрый молодец по имени Микула и подруга его Дарьица. Осмелели враги: что им два человека? У них-то целая рать. И стали они стрелять из луков в русского богатыря и его подругу. Пустили в них тучу стрел. А потом пригляделись и ахнули! Увидели чудо: перед ними не люди, а два высоких утеса с отвесными скалами. Встали они на крутом берегу неприступной стеной.

В это время Волга будто глубоко вздохнула. Поднялась она мощной волной и стала опрокидывать один за другим вражьи челны. Началась суматоха в стане пришельцев. Тонут они в бурных волнах. Кого-то на помощь зовут. Но никто их не слышал. Только время от времени, как эхо в горах, раздавался тот же грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Много жадных и жестоких кочевников погибло тогда в волжских водах. А те, кто уцелел, поспешили на восток, откуда явились.

И стоят с тех пор на крутом берегу Волги два славных утеса. Один называют Молодецким курганом, а другой — Девьей горой.

ПЬЯНСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Один раз во время татарского владычества по Нижнему разнесся слух, что на землю низовскую идет главный подручник Мамая — Арапша. Великий князь нижегородский снова соединился со своим зятем. Дмитрий Московский в Нижний явился сам, во главе огромного ополчения, но слухи о приближении Арапши вскоре замолкли и через несколько времени, оставивши в Нижнем свои войска, он снова вернулся в Москву. Между тем до Нижнего опять стали доходить тревожные вести о появлении татар уже у самой границы русских владений, в Засурье.

Русские дружины выступили из Нижнего к берегам Пьяны и остановились у Пьянского перевоза. Прождавши здесь два дня, уверенные окрестной мордвой, что Арапша еще далеко, что татары, появившиеся по побережьям Суры, не что иное, как отдельные

ничтожные шайки грабителей, считая себя в безопасности, русские ратники предались бражничеству, сняли с себя доспехи и побросали оружие, многие разбрелись по окрестным селениям. Между тем Арапша был близко и только дожидался удобного момента напасть врасплох. Второго августа у самой Пьяны появились несметные полчища татар; русские, изменнически введенные в обман мордвой, были внезапно окружены со всех сторон, только немногие спаслись бегством, остальные погибли.

При Пьянском поражении погибли, между прочим, брат великого князя Нижегородского Дмитрий Ноготь и племянник Иван Дмитриевич, по прозвищу Брюхатый.

Арапша двинулся к Нижнему, нижегородцы бежали, опустевший город был предан разорению. Это случилось в 1377 году. Вскоре Арапша снова явился в пределах Нижегородского княжества и опустошил Засурье. Одновременно с этим взбунтовалась окрестная мордва, которая грозила Нижнему новым погромом.

РЕКА ПЬЯНА

Про то, почему нашу речку Пьяной прозвали, разное говорят. Рассказывают, что дали ей такое название за то, что очень уж изгибиста она. Сплошные повороты, словно в прятки между холмов сама с собой играет.

А еще говорят, что давным-давно, когда полчища монголо-татар на нашу землю шли, остановились здесь на ночлег войска хана Мамая. И так уж понравились им эти места, что решили они именно здесь отпраздновать то, что уж очень легко им русская земля поддается. Наварили своего хмельного варева и пошло у них веселье. Допьяну все упились.

А неподалеку стояли войска русского князя, готовился он к бою с татарами.

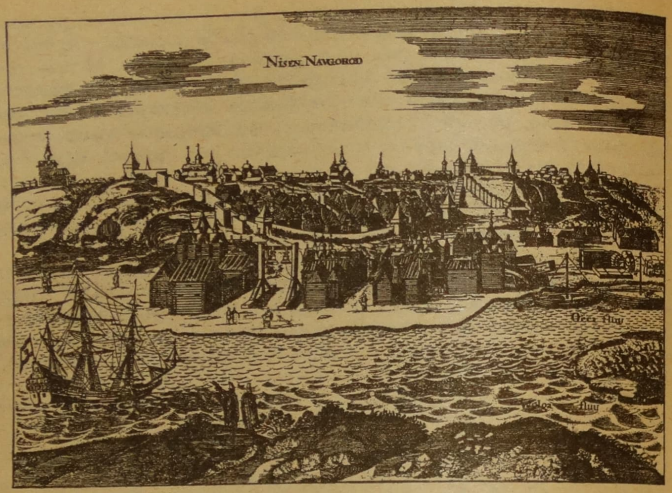
Жители деревеньки, у которой монголо-татары свой лагерь разбили, послали самого быстроногого парня князя предупредить, что у их деревни монголо-татары все вдрызг пьяные и победить их легче легкого.

Князь, недолго думая, поднимает свою дружину и велит пареньку место показать. Полетела наша дружина и разбила полчища недругов.

А речка теперь в честь того, во что монголо-татарам их преждевременная попойка обошлась, Пьяной называется.

СПАСЕНИЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ПЛЕННЫМИ ЛИТОВЦАМИ

В 1505 году Махмет-Аминь, данник Ивана III, вздумал попытаться возвратить Казанскому царству независимость. Начал он с того, что 24 июня на Арском поле в Казани, во время происхо-



Нижний Новгород. Рисунок А. Олеария. XVII век

дившей там ярмарки ограбил и перерезал русских купцов, а затем, совместно со своим шурином Мирзой Ногайским с подготовленными войсками двинулся на Нижний Новгород.

Иван III, узнав об измене царя Казанского, послал против него сто тысяч ратников, но воеводы, предводительствовавшие ими, довели войска только до Мурома и почему-то задержались здесь. А между тем Махмет-Аминь, опустошив земли нижегородские, 4 сентября пришел под Нижний Новгород с сорока тысячами татар и двадцатью тысячами ногайцев.

В то время воеводой в Нижнем Новгороде был, прославившийся впоследствии, Хабар Симский, молодой и отважный, а вместе с тем благоразумный начальник, который мог смело встретить любую опасность и решительно встать против любого врага лицом к лицу.

У Нижегородского воеводы не было в городе столько сил, чтобы отразить полчища Махмет-Аминя, а получить подкрепление извне он своевременно не мог. И вот, сосредоточив под Нижним все свое войско, Махмет-Аминь назначил день взятия города приступом. Этот день был 7-е сентября. Всем казалось, что Нижний не устоит. В это время вспомнили, что в городских темницах сидят «огненные стрельцы литовские, глаголемые жолныряне». Хабар Симский решил использовать этих искусных стрелков, тем более, что литовские пушки, взятые когда-то вместе с пленными, были целы.

Пленным литовцам была обещана полная свобода, если они отстоят город. Те согласились. И тогда были вытащены их пушки на вновь построенные стены каменной Тверской башни (ныне это Ивановская башня Нижегородского кремля). Литовцы сделали наводку на неприятельский стан, который располагался на возвышенности противоположного берега речки Почайны и стали ожидать нужного момента для начала своих действий.

Махмет-Аминь и его шурин в это время отдавали последние распоряжения перед штурмом. Стараясь вдохнуть в свои войска мужество, они обещали и татарам, и ногайцам богатую добычу в городе...

Еще час-другой — и Нижний Новгород испытал бы то же, что испытано им было в 1377, 1379, 1408 и 1445 годах.

Но раздался первый пушечный выстрел, направленный в стан Махмет-Аминя искусным пушкарем Федей Литвичем. От этого выстрела, пораженный ядром в грудь, упал мертвым Мирза Ногайский. И тотчас ужас объял готовившихся к осаде города воинов, особенно ногайцев, только что так неожиданно потерявших своего вождя. По словам летописца, они «возмутились аки птичьи стада».

Теперь ногайцы уже не хотели идти на приступ и биться с русскими. Казанцы стали принуждать их, между ними вспыхнула и закипела взаимная резня. Между тем Федя Литвич и его товарищи выстрел за выстрелом метали в толпу растерявшихся татар и ногайцев раскаленные ядра.

Растерялся Махмет-Аминь и вместо приказа о штурме Нижнего вынужден был отступить от города. Опасность миновала.

Хабар Симский, со свойственным ему великодушием, выполнил свое обещание и не только вернул литовцам свободу, но и богато одарил их. Некоторые из них ушли к себе на родину, а другие добровольно остались в Нижнем Новгороде навсегда. Они поселились тогда на берегу Волги. От поселения литовцев улицы получили свои названия «Панских улиц».

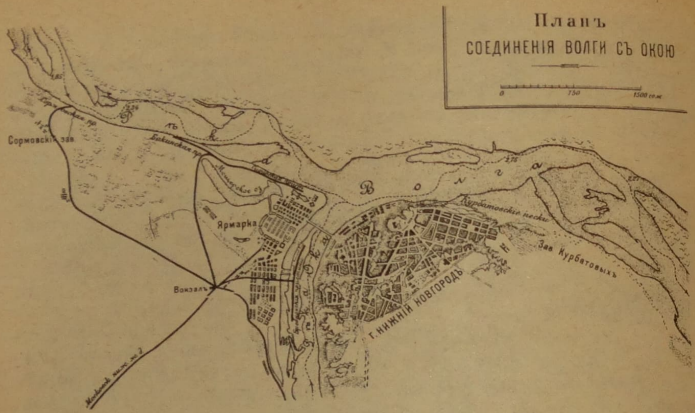
ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Прежде на Руси как царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь.

У одного барина был крепостной человек Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему: «Иван, пойдем на реку. Когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!»

А Иван ему на это: «Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспременно голову срублю!»

Пошли через реку, опустили свечи — и у Ивана свеча и загоре-



Карта окрестностей Нижнего Новгорода, 1910 год.

лась. Стал Иван царем, вспомнил свое обещание, барину голову отрубил.

Вот с той поры за это его Грозным и прозвали.

ПОХОД ИВАНА ГРОЗНОГО

Через наши места на Казань царь Иван Грозный шел.

А жила тут мордва. Она еще не знала, на чьей стороне воевать ей. Говорят, что многие, как и русские, тоже на татар вместе с войском царя двинулись, потому что татары мордву притесняли.

Царь, чтобы все видели, какое у него войско мощное, повелел возле нынешней деревни Сосновки каждому своему воину принести и высыпать по шлему земли.

Вот они выполнили приказ, и у деревни вырос курган.

Мордовская деревня Балахна на Пьяне тогда уже была и из нее с царем три брата пошли. В битве с татарами под Казанью они отличились.

Как царь назад шел, остановился снова в этих местах, вспомнил погибших ратников и велел, чтобы сравнить свое оставшееся войско с прежним, рядом с первым насыпать второй курган. Маленьким он получился, потому что много пало воинов в той тяжелой борьбе.

А братьев из Балахны царь отпустил домой и повелел дать каждому земли, чтобы на ней свои деревеньки строить. Построили каждый из братьев по дому вдоль Пьяны-реки, а вскоре понаехал к ним с разных концов честной народ — мордва да русские — и стали они новые места обживать. Не знаю, верно это или нет, но слух о тех временах идет такой.

ЛЕГЕНДЫ О ДЕВИЧЬИХ ГОРАХ

Легенда первая

Девичьи горы в настоящее время — небольшое село Лукояновского уезда, стоит оно на высоком крутом холме, у подножья которого протекает небольшая речка Чека. Здесь, в дремучем лесу, как говорит легенда, Иван Грозный, шедший на этот раз без проводника, принужден был остановиться, встретивши непроходимые болота; несколько дней рассылал он людей разыскивать удобного перехода; тем временем окрестная мордва составила будто бы заговор против царя и замыслила убить его; в глухую ночь заговорщики, вооруженные копьями, подкрадывались к царской ставке, но были замечены будто бы какой-то проходившей русской девушкой. Догадавшись о их намерении, девушка бросилась бежать, чтобы разбудить спавшую стражу, но была перехвачена мордвой; тогда она начала кричать, от крика ее проснулась царская стража и вовремя предупредила нападение. Когда рассвело, несчастную девушку нашли мертвой, висящею на мордовских копьях, воткнутых в землю; узнавши обо всем, царь велел на этом месте построить церковь из тут же срубленных дубов. С тех пор это место стало называться Девичьи горы.

Легенда вторая

В Большеболдинском районе есть небольшое село с красивым, поэтическим названием Девичьи горы. Расположенное у подножья довольно высокого холма, селение это весной утопает в розовом яблоневом цвете, а осенью купается в золоте богатого листопада.

Старожилы Девичьих гор говорят, что их селение получило свое название несколько столетий тому назад, во времена знаменитого похода Ивана Грозного на Казань.

В ту пору, когда царь вел свое войско против татарского ханства, на месте теперешнего села стояла маленькая мордовская деревенька. И вот жители ее, узнав о походе Ивана Грозного, ополчились против московского царя, устроили заговор и решили убить его.

Одна девушка-мордовка услышала про недобрый замысел своих односельчан, села на коня и помчалась в стан Ивана Грозного. Она сообщила царю о том, что собираются сделать жители ее селения.

Иван Грозный выслушал рассказ девушки, горячо поблагодарил ее за вести и наградил дорогими подарками.

Но когда девушка вернулась в свою деревню, злые люди убили ее. Весть об убийстве девушки дошла до царя и он велел похоронить ее с великими почестями, как славного воина. А после похорон Иван Грозный приказал насыпать на могиле девушки-спаси-

тельницы высокий холм. Для этого каждый воин должен был принести к могиле по шапке земли.

Много воинов было тогда у московского царя, и все они свято выполнили приказ своего полководца. И вырос на могиле девушки высоченный холм.

По воле Грозного в деревеньке у подножья холма было оставлено несколько воинов, а само селение с того давнего времени стало именоваться Девичьими горами.

ПРЕДАНИЕ О ПОХОДЕ ИВАНА ГРОЗНОГО /1552 г./

...Соглашаясь в том, что проводником Грозного был мордвин, рассказы в некоторых чертах разногласят между собой, или по крайней мере представляют события то в сокращенном, то в пространном виде. По рассказам одних, Кужендей жил в лесу, занятие его состояло в поставлении пчелиных бортней. Нашедшие Кужендея среди густого лесу Иоанновы воины привели его к государю. Представленного мордвина царь спрашивал, что он за человек. Но ответа не было, потому что мордвин не только не понимал, а даже не слыхал русского наречия.

Разгневанный безответным молчанием царь отдал приказ повесить его на дереве. Но приближенные к царю слуги упросили его поискать, не найдется ли кто в ополчении из ратников, который мог бы понимать на мордовском наречии и быть толмачом для русских из приводимых к царю иноплеменных ратников. Нашелся один воин, способный понимать найденного мордвина и передавать его речь царю.

Знаток русского и мордовского языков начал разговаривать с Кужендеем. Окружавшие его воины велели своему ратнику спросить мордвина, не проведет ли он как здешний житель лесами царя с ополчением казаков. Не зная всей дороги, Кужендей не отказался. Он дал обещание довести их до старшего брата своего Ерзи, который больше знает дорог по лесам. Проведя царя с войском, путеводитель несколько времени спустя остановился и сказал на мордовском наречии, что у него есть тепло. На этом самом месте царь ночевал со своим отрядом и, не отступая от мордовского произношения, назвал это место «теплом». Здесь ныне стоит село Теплово в 24 верстах от Ардатова к северо-западу.

После ночлега Кужендей среди леса сбился с известного пути. Немало водил он царя лесами и наконец, вышедши на знакомую поляну, сказал предстоящим, а переводчик перевел: «Молитесь, что он нашел дорогу и теперь может провести до брата Ерзи». Кужендей приказал остановиться. На этом месте стоит ныне село Молекса, в шести верстах от Ардатова. К югу-востоку от Молексы Кужендей вел царя, не сбившись до самого Арзамаса, с коего был избран проводником брат его Ерзя, а за услугу Кужендея царь изволил пожаловать ему перстень или кольцо. Кужендей желал за-

твердить оное слово, повторял: «голько», «дольцо», отчего получил название Гольцов. Впрочем, награду царь не ограничил одним перстнем. Возвратившись с полною победой из Казани, Иоанн не забыл Кужендея — пожаловал его с потомством землею и лесами, среди которых был найден мордвин. Такой рассказ можно слышать от старожилов вокруг города Ардатова.

ВОРОТЫНЕЦ

Не раз слышать мне приходилось, что много веков тому назад шел через те места, где нынче Воротынец стоит, русский царь Иван Грозный с войском — Казань-город брать. И все-то у него в походе хорошо да удачно было до самой марийской деревни, что Малым Сундырем именуется.

А тут останавливался перед высокой горкой, на которой татары укрепленные посты держали, и ни с места!.. День бьются русские, второй, а татары — хоть бы что!

Засели они в укрепление свое, не вышибешь их оттуда ничем, точно приросли к этой проклятой горе!

Как ни бились русские воины, татарских постов одолеть не смогли. Ну, потоптались, потоптались они на месте и ни шагу дальше. Тогда и приказал Иван Грозный своим войскам идти обратно.

А чуваши и марийцы увидели, что у московского царя под Малым Сундырем ничего не получилось, послали к нему гонцов, обещали помочь ему.

Догнали гонцы русское войско у высокого холма, что недалеко от речки Чугунки и сказали Ивану Грозному о решении чувашей и марийцев.

Русские поворотили от этого холма назад и снова пошли на Казанское царство. Пошли и удачно атаковали вражеские посты под Малым Сундырем, а там — благополучно вышли к Казани и разгромили татар в их столице.

С той поры место, откуда войско московского царя повернуло на Казань, стали именовать Воротынцем: поворотились, значит, русские-то...

НАКАЗАНИЕ ВОЛГИ

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополчение через Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства.

Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега. Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валами страшные — лодки мечутся из стороны в сторону, летают как пух...

Видит Грозный царь с берега, того и гляди что перетопит Волга все его воинство, и крикнул он громким голосом: «Не дури, река, присмирей, а то худо будет!»

Не унимается Волга, заволновалась пуще прежнего. «Палача сюда подать,— крикнул царь,— вот я тебя проучу!»

Пришел палач, мужчина здоровенный, и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге — вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула и лег на воде кровавый рубец в палец толщиной. Потише пошли волны на реке, а царь кричит: «Не жалей, валяй крепче!»

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее: кровь брызнула еще выше и рубец лег толще. Волга утишилась больше прежнего. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца на три толщины — совсем присмирела тогда Волга.

«Довольно,— сказал Грозный царь,— вот как вас надо проучивать».

После того благополучно переправилось через реку все войско и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страху. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видят на Волге три кровавых рубца, особливо летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

ЕРМАК И ЕРМАКОВЦЫ

Вот этот самый Ермак, чего-чего он ни делал! Соберет, бывало, шайку, да не тайком, не втихомолку, а как есть при всем народе собирал себе товарищей. Пройдет, бывало, по станице да крикнет: «Казаки-атаманы! Есть ли здесь охотники идти со мной на Волгу рыбу ловить?» К нему, как комары на огонь, все и лезут! Соберет шайку, да на Волгу! Там уж у них своя воля: без оброка ни одного судна не пропустит; раз бежало царское судно с царской казной — и тому спуску не дал: все дочиста обобрал! Царь и распалился гневом великим: «Подать,— говорит,— ко мне Ермака!»

Только вышла у нашего царя война с каким-то другим королем или султаном. Пошла баталия: бились, бились — видит наш царь, дело плохо, наша неустойка. Отколь ни возьмись Ермак Тимофеевич — ясным соколом прилетел со своими товарищами, казаками-атаманами, на подмогу нашему царю. Да наскочил Ермак-то Тимофеевич с флангу, с боку то есть. Да как стал Ермак-то королевское войско лупить... Царское войско впереди, а Ермак сбоку, да и задку прихватил! Как со всех сторон обступили королевское войско, так всех и побили, ни одного живого не оставили; никого и в полон не брали, всех смерти предали!

Кончилась баталия, царь и спрашивает: «Кто мне подмогу дал? Позвать того человека ко мне!» Позвали Ермака к царю. «Что ты

есть за человек?»— спрашивает царь. — Я,— говорит,— Ермак, ваше императорское величество. Тот Ермак, что...»

«Та вина теперь тебе, Ермак, отпущена,— говорит царь. — Только вперед не балуй! А теперь скажи ты мне: каким чином мне тебя пожаловать?» А Ермак ему: «Никакого чину мне не надобно, а пожалуйте нас, ваше императорское величество, всех донских казаков Тихим Доном». Царь и пожаловал нас, донцов, Тихим Доном, оттого мы и прозываемся донскими казаками, а по Ермаку Тимофеичу — ермаковцами.

БАРМИНО

Давно это было, очень давно, говорят, еще до взятия Казани царем Иваном Грозным.

Жил в ту пору здесь, в дремучих лесах дубовых, что росли по высокому берегу Волги, или, как у нас зовут, Венцу, разбойник отчаянный с шайкой удальцов преданных. Проживали они будто бы в пещере глубокой, и выходила эта пещера громадная из горы к самой реке.

Звали того атамана Бармой и происходил он, вроде как, из жителей одного марийского селения, которые изредка встречались тут среди густых лесов и непроходимых зарослей.

Громкая слава о Барме шла по всей реке русской от Нижнего до Казани, а то и далее — по притокам там и заволжской стороне. И не было среди господ да хозяев барок и паузков волжских, пожалуй, ни одного такого богача, которого бы не пощупали разбойники Бармины. В ночной тиши быстро скользила по водной глади легкая на ходу лодка, бесшумно причаливали разбойники к борту плывущей баржи, и тут же разбегались они по палубе... Мгновение — и скручен задремавший сторожевой, а у входа из каюты уже застыли вооруженные разбойники. Атаман строго приказывал растерявшемуся и перепуганному хозяину сдать без сопротивления все самое ценное. Владельцу судна ничего не оставалось, как раскошелиться и безмолвно выполнять требование предводителя грозной шайки.

Но бывало и так, что хозяева судов груженных, подплывая к страшному для них месту, собирались вместе, запасались камнями да кольями и пробовали сообща отбиваться от смелых разбойников. Однако и тут кого-то из них обязательно ждала неудача. Барма умел поворачивать дело так, чтобы отбить от большого каравана одно судно. А потом атаман и его помощники уводили судно это в сторону и там без труда расправлялись со своей добычей.

И вот затаили хозяева всех мастей злобу черную против Бармы и его друзей. Тут, сказывают, вскоре и смельчак среди них выискался, вроде бы кто-то из нижегородских... Молодой да сметливый, затеял он покончить с атаманом и его шайкой смелой. Была у него баржа небольшая, возил он на ней грузы и свои, и других

хозяев. И вот что он придумал: запас камней больших да увесистых, приказал бурлакам своим уложить их рядком на палубе вдоль бортов, самим же в трюм спать уходить не велел, а пристроиться тут же поблизости, бодрствовать и ждать его сигнала.

Как только приготовление было закончено и наступила темнота, вывел хозяин тот судно свое на самый стрежень, да и повел его с припасом страшным к тому месту, где разбойнички-то пошаливали. Плывет эта баржонка-то хозяйская по Волге, к опасному месту приближается. Барма с друзьями издалека заприметил это судно, ведь у него где-то на горе пост наблюдательный был. Ничего не подозревая, поехали разбойники наперерез барже.

Лодка их тихо подплыла к судну, привычным движением ухватился Барма за смоленый борт...

В этот миг на барже раздался пронзительный свист, и сразу же, как по команде, в разбойничью лодку посыпались сверху десятки увесистых камней. Многие из работников были тут же убиты, другие — сильно ранены. Под тяжестью необычного груза лодка быстро пошла ко дну.

Так погибли Барма и его отчаянные помощники. Погибли, а народная молва о них сохранилась на многие века. Живет она и сейчас, и не только в памяти людской, но и в названии села, которое, якобы, появилось недалеко от барминской пещеры и тех мест, где гуляли атаман и его лихие разбойнички.

ПАРАША

Как рассказывают старые люди, на том месте, где Балахна сейчас стоит, в давние времена большая торговая дорога проходила.

Места эти далеко по Руси красотой славились. И вот разнеслась весть, что, как только солнце за лесом спрячется, выходит на дорогу девушка. Всю ночь веселит она купцов плясками дивными. А утром ни плясуньи, ни товаров. Пусты купеческие упряжки.

Как и куда исчезла красавица — никому не ведомо.

Осенят себя крестом и мчат без оглядки от того места люди. Но только не поубавилось народу на дороге. Велико было желание взглянуть на лесную деву, а кому — просто молву проверить.

Проживал в Нижнем купец один, Григорием его величали. Понаслышав рассказов о красавице, решил сам все проверить. Снарядил он обоз, мужичков, что поплечистее, выбрал и отправился в путь. Вот путники к лесу заветному добрались, поляну поудобней нашли, ковры расстелили, а там и костер развели, ночь переждать приготовились. Пируют молодцы, а сами незаметно по сторонам посматривают. Кто со страхом, а у кого и надежда в глазах светится.

Близится день к концу. О чем-то зашептались листья берез с вечерним ветерком, пахнуло из глубины леса прохладой, прелым листом, запахом хвои.

Видит вдруг Григорий: стоит у дерева девушка, прислонилась к стволу и на купцов смотрит, улыбается. Заметили ее и остальные. А она, сложив руки на груди, уж к костру приближается. Глянули на нее путники и замолкли — красой любуются.

Черная ее коса пряталась в складках красного сарафана. На высокий лоб упал черный как смоль завиток волос. Большие темные глаза как звезды блестели на бледном лице. Все в ней было какое-то особенное, вольное и по-своему прекрасное.

Встряхнула она плечами и плавно пошла по кругу. Пробежал ветерок по верхушкам деревьев, забеспокоилось пламя костра, вскрикнула в глубине леса встревоженная птица. Параша, так называли плясунью, начала свой танец... Озаренная светом огня, она кружилась, змеей извивалось ее гибкое тело, мелькали тонкие руки, и вдруг, широко раскинув их в стороны, стремительно приближалась к купцам, быстро притопывая каблучками. И, казалось, задень она собравшихся вокруг нее хоть краем своего платья — вспыхнут они огромным костром.

Долгим, очень долгим был этот танец. А когда небо стало светлеть, из глубины леса раздался свист. На мгновение девушка замерла, а потом опять закружилась.

Исчезла она незаметно, словно растаяла среди темных стволов. Догорал костер. Из леса потянуло утренней сыростью.

Как и следовало ожидать, утром люди не нашли ни красавицы, ни добра.

С той поры прошло немного времени. И вот, переодевшись в простой сермяжный кафтанишко да обув старые лаптишки, Григорий пристал к одному из богатых обозов, что направлялся в Нижний. Теперь он твердо решил выведать тайну плясуньи-красавицы.

На знакомой ему поляне все повторилось, как и прежде. И когда Параша незаметно скрылась за молчаливыми березами, Григорий, прячась за деревьями, тихо пошел вслед за нею.

Долго петляла девушка по лесным тропинкам. Наконец она выбралась к небольшой деревушке. Здесь она остановилась, вытерла шалью лицо, сняла с ног своих узорные парчовые сапожки и быстро пошла к деревне.

Григорий прилег на траву, решил переждать немного, а там и в гости пожаловать.

По всему было видно, что крестьяне в деревне жили не бедно. Добротные избы, резные наличники, белые гладкие куры степенно прохаживались вдоль изгороди. На крыльце одной избы сидела бабка. Маленькая, сухонькая, пережившая все отведенные для нее годы, она дремала, грея на солнце свои старые кости. Григорий подошел, и, назвавшись странником, попросил попить, а потом и на постой остановился.

Больше недели жил Григорий в деревне. Его приметили, а там и привыкли, за своего считать стали. А скоро пригласили и на «ночное веселье». Пошел он, а когда вернулся — долю свою старой Агафье отдал. Подобрее да поласковее стала старуха.

И тогда решил он про Парашу разузнать. Знает ведь что-то хитрая Агафья! Заулыбались морщинки на ее лице, понимающе взглянула на Григория и беззубым своим ртом прошамкала, что нет, не припомнит что-то такой.

— Слаба умом уж. Поди, сколько девушек в деревне, куда всех знать-то...

И попросила старая сходить после обеда на луга, принести сенца свеженького ей на печь. И морщинки опять зашевелились на лице старушки.

— Что же, схожу,— обещал он.

... Выйдя из леса на луговую тропку, Григорий зажмурился от яркого солнца. А открыл глаза — отшатнулся: перед ним стояла Параша. Простоволосая, с розовой лентой в косе, в светлом ситцевом платье, такая тоненькая и нежная, она смеялась, прижимая к груди белые ромашки. А Григорий ни слова вымолвить не мог, ни с места сдвинуться не решался: таким неожиданным было это видение...

Близилось к концу лето. Полюбил купец девушку. Молил уйти с ним в город, чуял сердцем, что не доведут до добра ее пляски...

Догадывалась обо всем, видно, Агафья. И вот, подсев как-то к Григорию, старушка стала рассказывать:

— Жил в одной деревне барин. Поставлял он к царскому двору ловчих птиц. Что у самого царя власти у него было. И служил ему главный ловчий, Егором звали... Красив, ладен собой был.

Свез как-то барин птиц во дворец, а вернулся злющим, в гневе был страшен. Сказывали, не угодил чем-то царю. Ну и давай ловчего тиранить. Все ему не так да не эдак. Пришел он один раз к избе Егора, зима в ту пору стояла лютая, и велел ему всем семейством на мороз выходить. Те — в ноги ему, дети малые плачут, жена Егорова-то руки ломает, молит барина детишек пожалеть... Да... Никого не пожалел, супостат. Из всей семьи живой одна Параська и осталась. Выходили добрые люди... Пряталась от глаз людских она долго. Дика, сущий волчонок была. Да и барин, видно, побаивался что-то ее. И не зря. Года через два запылала барская усадьба. Никто из огня живым не вышел. За все заплатил злодей сполна.

Ушли люди из той деревни, далеко ушли. Искали их долго. Но не выдал лес тайны...

Ну, а Параша плясать выучилась. И пляшет так, что ветру завидно становится... Так-то, соколик... Только вот разохотились мужички-то наши что-то... Беды бы не было...

Умолкла старушка. Ее коричневое, с впалыми щеками лицо напоминало кору старого дерева. Слезились почти слепые глаза. Тихо проковыляла она к печке, с трудом взобралась и скрылась за занавеской.

...Осенью ушел Григорий в город. Взял слово у Параши, что скоро вернется и она уйдет с ним из лесу. Но не пришлось им больше свидеться.

Как и предсказывала старая Агафья, выслеживать стали мужичков-разбойничков. Сам царь велел поймать плясунью и во дворец живой доставить.

Вот и выследили один раз Парашу. Схватили, скрутили ее веревками и объявили, что уготовлены для нее особые, страшные муки. Но и из лесу не успели солдаты выбраться, как напали на них мужики, отбить хотели девушку. Да не равными были силы. И тогда один, умирая, подполз к Параше и вонзил нож ей прямо в сердце. Спас от мук и позора. Здесь же, в лесу, ее и закопали. И от тех времен лес этот так ее именем и зовется.

Вскоре повернула Волга свое течение и затопила дорогу. Высоко подмыла она берег Парашиного леса. А течение в этих местах такое быстрое и стремительное, какими были когда-то пляски лесной красавицы.

ЛЯХОВО

В 1608 году Алатырь, Курмыш, Ядрин, Арзамас, Темников и Касимов приняли сторону Тушинского вора, и тотчас же поднялись все инородцы: мордва-эрзяне, мордва-мокшане, черемисы, чуваши, вотяки. Боярин Федор Иванович Шереметьев из Казани двинулся с понизовою ратью на возмутившихся. Мордва-мокшане с своими князьками Еникеевым, Шугуровым и Смиленевым пошли навстречу Шереметьеву, а эрзяне и терюхане под начальством изменившего царю Василию арзамасского воеводы Тимофея Лазарева пристали к тушинскому воеводе князю Семену Вяземскому, шедшему с тушинцами и ляхами на Нижний. Вяземский послал к Шугурову и Смиленеву приказ, чтоб они отнюдь не вступали с Шереметьевым в решительный бой, но чтобы Мордва разделилась на малы отряды и чаще беспокоила набегами понизовую рать. Расчет был тот, чтобы замедлить поход Шереметьева и, пока он поднимался к Нижнему, овладеть городом. Нижний был осажден, но в январе 1609 года нижегородцы выступили навстречу тушинцам и мордве, верстах в десяти от города напали на них и совершенно рассеяли. Обоих воевод, князей Вяземского и Лазарева, захватили в плен и повесили на нижнем базаре, не считая нужным не только испрашивать на то дозволение Московского царя, но даже и уведомлять его о совершенной народом казни. По местному преданию, нижегородцы побили ляхов и их сообщников там, где теперь находится сельцо Ляхово, названное этим именем, потому что стоит на костях ляхов. В прежнее время, сказывают, здесь на пашнях выпахивали человеческие кости; теперь об этом давно не слышно.

ЛЫСКОВСКИЙ ЦАРЕВИЧ

Еще с семнадцатого столетия Лысково сделалось вотчиной *грузинского царевича*. Там, в Лыскове, он имел свою постоянную

резиденцию. Это был чистокровный, ярый рабовладелец и неукротимый деспот. Обладая большими связями и огромным состоянием, он ни во что ставил местные власти и действовал как древний персидский сатрап, его дебоши и безобразия сделались достоянием народных преданий. Ежедневное времяпрепровождение этого старинного барина заключалось в собственноручной расправе с мужиками. Не давал он потачки и купцам (в его время ярмарка была насупротив Лыскова, в городе Макарьеве). Переправится, бывало, грузинский царевич через Волгу и станет по ярмарочным рядам ходить — все купцы ему в пояс. На одного покричит, другому, кто в торгу поперечит, или просто невзначай налетит на князя,— плюнет в лицо, а то и плюхой угостит. Так петухом и ходит.

Был такой случай [...] Один купец, должно быть из новеньких, не согласился уступить князю вещь по предложенной им цене. Князь вспылил, закричал, кинулся на купца; а тот из лавки — бежать. Князь за ним. Купец в переулок — князь за ним. Добежал до озера; купец бросился в воду и залез по горло. Князь, в ярости, тоже в воду.

— Выйди,— кричит он,— сделай мне милость, выйди! Раз ударю, верь слову, сорву только сердце!...

Купец не выходит.

Оба стоят по горле в воде.

От продолжительного созерцания своего противника, а больше, вероятно, от воды, князь остыл. Выйдя на берег, он *простил* купца.

Горячая восточная кровь князя не остывала до самой его смерти, которая приключилась на девяностом году от рождения.

ДЕЛО ОСОКИНОЙ

Купец Осокин во второй половине позапрошлого столетия был одним из богатейших людей в Нижнем, где жил на Паненой улице (около нынешних пароходных конторок), в собственном большом доме. Семейство его состояло из жены и красавицы дочери, в которой он души не чаял. По своим понятиям о счастии своей дочери, он частенько спроваживал орду засылаемых к нему по временам свах, рассчитывая дождаться свахи от такого же богача, как он сам. Но как часто бывает, что понятие о счастии, составляемое родителями, не сходится с такими же понятиями, составляемыми их детьми, так и на этот раз дочь склонилась на любовь какого-то бедняги, богатого всем, кроме казны.

«Вечно юная история» разрослась в тайные свидания молодых, устраивавшиеся при помощи нянюшки молодой девушки во время частых выездов родителей в гости в подгородное их имение.

Однажды влюбленные заболтались долее обыкновенного, а старая няня, задремавши, прозевала приезд стариков-большаков. Дело было к ночи. Деваться доброму молодцу было некуда; ход из

светелки молодой Осокиной был один, а старик-отец имел обыкновение заходить к дочери, благословить ее на сон грядущий. Нянюшка придумала спрятать молодого человека под пуховик. Так растерявшиеся женщины и сделали. Спрятали молодца, а тут вошел в светелку Осокин.

Ничего не заметив, он почему-то особенно долго проговорил с дочерью. По уходе его, трепетавшие от страха дочь и воспитательница ее облегченно перевели дух и кинулись к кровати... Когда они подняли пуховик, то увидели труп: молодой человек задохнулся под ним.

Что делать? Старая няня нашлась и тут, она уговорила молодого батрака, жившего у Осокина, стащить труп в Волгу, за двадцать рублей, сумму, по тогдашнему времени, особенно для батрака-голяка, весьма внушительную. Деньги эти нашлись у молодой Осокиной очень легко, потому что отец ее часто дарил большими подарками...

Затем случилось то, что нередко в таких обстоятельствах случается. Такие дела на юридическом языке именуются ничем иным как шантажом. Батрак, которому никогда, может быть, не снилось такое богатство, как двадцать рублей, изрядно закутил. Прогуляв полученные деньги, он попросил прибавки. Осокина-младшая не имела силы отказать. Батрак закутил еще пуще и снова явился за деньгами. Он требовал их уже настойчиво и грозил оглаской ночной тайны.

Так продолжалось, пожалуй, с год. Осокина передала своему мучителю не только все свои деньги, но и все имевшиеся у нее перстни, жемчуга и другие драгоценности. Всего этого было мало увлекшемуся батраку. Он потребовал, чтобы Осокина воровала деньги у отца и, наконец, предложил ей себя взамен погибшего милого...

Девушка, боясь отца, суда, казни, публичного мирского позора, и тут не устояла...

Между тем, старик Осокин, заметив разгульную жизнь батрака, прогнал его из своего дома.

Один раз случилось, что разгулявшийся батрак вздумал угостить своих деревенских земляков, приехавших в город на базар. Снова вымучив денег у своей жертвы, он закатился с земляками в «Облуп» — кабак на выезде из города, не доходя до Покровской дамбы, где тогда находилась застава.

Когда парень шибко раскутился и стал погромыхивать серебряными рублями, как медными полушками, товарищи его начали над ним подтрунивать.

— Уж не сам ли ты целковые мастеришь? — осаждали они его.

Крепко подвыпивши, он стал куражиться и брякнул, что живет с дочерью своего бывшего хозяина. Земляки не верили, и этим еще более его подзадоривали. Парень горячился и начал бахвалиться:

— Коли прикажу я этой Осокиной, так она сама сюда приволочется и угощать нас тут станет...

Русская пляска. Рисунок Орловского, XIX век

Земляки расхохотались еще пуще, и взбешенный ловелас послал кабачного мальчика-подносчика к Осокиной со своей рукавицей, которую та очень хорошо знала, как несомненного «предъявителя».

И вот Осокина, дочь гордого и знатного нижегородского богача, явилась в кабак, смутив немало целовальника и всю пьяную компанию.

— Угощай меня!.. Целуй меня!.. Целуй мою руку!.. Целуй ногу!.. Угощай приятелей!... Кланяйся всем в ножки!.. Пляши!... — ломаясь, сыпал одно приказание за другим герой затянувшейся попойки.

И когда дело дошло до грубого требования плясать, Осокина отчаянно крикнула:

— Выпить сперва надо! — и, осушив не сморгнув косушку, пустилась в пляс под веселый звон балалайки, на которой бойко «наяривал» мальчик-подносчик.

Понатешивши своей пляской пьяную компанию, Осокина подсела к своему «милому», обняла его и стала крепко целовать, подливая ему и его землякам шкалик за шкаликом вина. К полуночи она споила не только самого «заводчика» и его приятелей, но и целовальника с мальчиком-подносчиком. Сама же она была, как говорят, «ни в одном глазе», хотя тоже выпила не мало... Но она

была пьяна накипевшей жаждой мщения, злобной страстью доведенной до отчаяния жертвы.

Когда все свалились и захрапели, в руках молодой Осокиной заиграли нож и пламя... «Облупа» вспыхнула как факел!..

На зарево сбежался народ. Люди стали гасить пожар, охвативший кабак и, конечно, никто и не подозревал, что в огне горят семь трупов, уложенных Осокиной...

Все, как говорится, было бы шито и крыто, если бы Осокина смогла быстро уйти от пылавшей «Облупы». Но силы покинули ее. Страдания от ужасной драмы, происшедшей под пуховиком, затем грубое унижение и позор, и, наконец, убийство этой страшной ночи окончательно надломили нервы молодого организма. Осокина помешалась и сама раскрыла тайну происходящих событий собравшимся на пожар людям.

Начался суд, который затянулся надолго. Ее приговорили к кнуту и каторге.

Но помешательство Осокиной было таким, что она временами приходила в себя и в ее сознании наступало просветление. Сидя в остроге, в ожидании исполнения приговора, замедлявшегося ее болезнью, Осокина бывала и в состоянии полного рассудка.

Будучи в 1767 году в Нижнем Новгороде, императрица Екатерина II, по-видимому от принимавшего участие в судьбе Осокиной губернатора Аршеневского, услышала эту печальную повесть и пожелала видеть несчастную.

Осокина была приведена к царице в незадолго до этого отстроенный архиерейский дом, в котором тогда остановилась Екатерина II. К счастью Осокиной, она на этот раз была в полном рассудке. Императрица приказала снять с нее кандалы и выйти всем бывшим в зале. Наедине, ободренная лаской царицы, Осокина откровенно рассказала ей всю подноготную о себе... Человек в Екатерине II понял человека, женщина — женщину, и Осокина была освобождена от всякого наказания. По совету царицы, она поступила в Нижнем в женский монастырь, где, вероятно, и померла.

МАСТЕР-ЧАРОДЕЙ

Рассказывали в былое время, что церковь Рождества Богородицы, которая на Нижнем базаре находится и по-другому еще Строгановской называется, строил не простой человек, а чародей. Будто бы богатей Григорий Строганов где-то встретил человека, разговорился с ним и сказал ему о своем желании построить в Нижнем Новгороде необыкновенный храм. Он хотел иметь его таким, чтобы нигде в России не было Строгановской церкви подобной. Человек этот обещал помочь Строганову.

И вот один раз к нему явился невзрачный мужичок и заявил, что он и есть тот самый строитель, которого ищет Григорий Строганов. Договорились они о цене, о материале и месте, где строить

церковь. Начал тот мужичок строить, и, говорят, дело у него очень споро пошло...

Вскоре храм был выстроен, и оказался он таким удачным, что все залюбовались им. И действительно, уж очень хорошей да нарядной получилась эта церковь, не только в Нижнем, но и в других городах, казалось, не было такой.

Довольный постройкой, Строганов позвал мастера и, похвалив за работу, поинтересовался, сумеет ли тот сделать храм лучше только что возведенного.

Мужичок подумал, хитро подмигнул богачу и сказал, что сумеет построить и получше.

Такой ответ взбесил Григория Строганова, и он немедленно приказал своим слугам схватить мастера и тут же выколоть ему глаза.

Услышав это, мастер побежал. Он решил спрятаться от преследовавших его людей в храме. Те бросились за ним. Он быстро стал карабкаться на колокольню. Слуги не отставали от него и готовы были схватить. Тогда мастер залез под самый крест. Прихожане заметили его: у церкви собралась большая толпа. В это время слуги уже подбирались к нему...

И здесь случилось чудо: мастер-чародей вдруг превратился в ворона, взмахнул крыльями, быстро полетел за Волгу и скрылся из глаз.

СВЕЧА

В Шахунском районе, недалеко от села Хмелевицы, течет небольшая речка, которую народ Свечой называет. Не помню, кто мне говорил про то, что название ее издавна идет. И пошло оно будто бы с тех пор, когда через речку ту мост был проложен. После этого на мосту том вдруг старичок появился. Встал он посреди моста на колени со свечой в руке и начал молиться. Кто это был — никто не знал: то ли святой какой, то ли грешник великий пришел грехи свои замаливать — не знали люди, только, как рассказывали тогда, надо было ему очень долго молиться. И при этом он не должен был никому слова молвить и никому не отвечать и с места не двигаться.

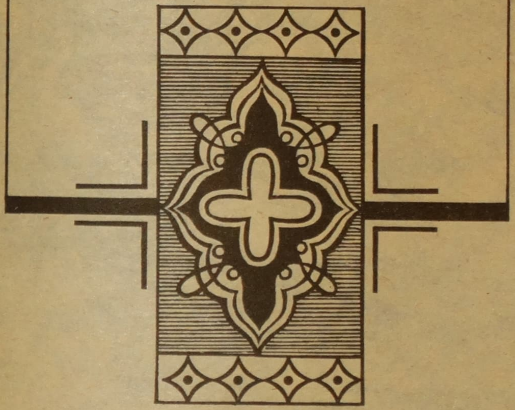
А в это время тут войско какое-то шло. Подошло оно к мосту, воины и кричат старику — пусти, мол! Раз крикнули, другой, а старик и не шевельнулся, и не поглядел на них.

Рассердились тут воины, подхватили старика и в воду с моста столкнули. На дно сразу ушел тот старик, а свечка его на удивление всех поплыла по течению, и не лежа, а стоймя... Плывет себе и горит! Далеко уже уплыла, а огонек ее все видно.

Смутились тут воины, испугались даже и поспешили они с места этого поскорее убраться.

Ушли они, а речка с тех пор так Свечой и называется.

Мифы и легенды калмыков



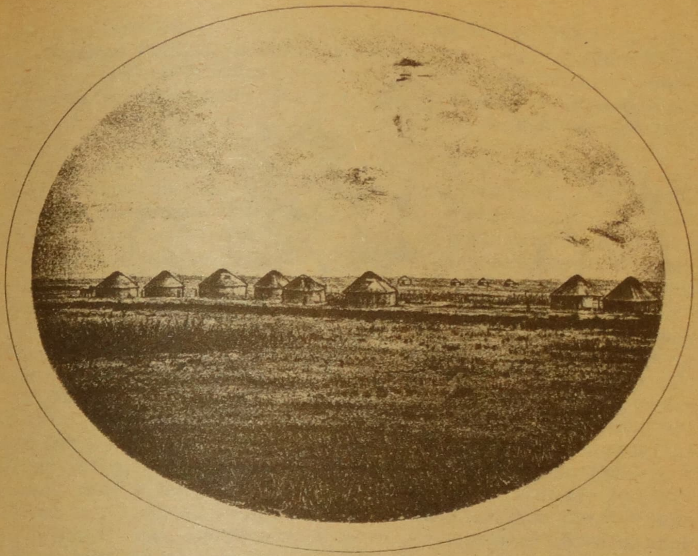
После переворота, произведенного в Средней Азии основателем монгольского царства, Чингисханом, когда потомки его владели китайским престолом, в нынешней Зюнгарии, на равнинах Алтая, кочевали три сильные поколения: Чорос, Хойт и Хошот. В конце XIV столетия они образовали между собою союз под названием *Ойратов*. (Ойраты называются еще Хари, Дербен-Хари,— чуждые, отчуждившиеся, отошедшие,— вероятно, потому, что отделились от своих одноплеменников, монголов.). Впоследствии к нему присоединилось монгольское поколение Торгоут, и союз этот стал известен под названием Дербен-Ойрат (дербен — по-монгольски значит четыре, Дербен-Ойрат — четырехсоюзие). Распространяя свое влияние на всю Монголию и имея постоянную целию возвратить Китай наследникам Чингисхана, утратившим престол в лице одного из его потомков Тогон-Темура, дербен-ойраты наводили ужас на китайцев своими набегами.

В мирные времена китайское правительство для ограждения северных пределов своего государства входило в сношение с ойратами, платя им косвенный налог в виде шелковых тканей, в обмен на лошадей, которых правительство обязывалось принимать от ойратов по той цене и в том количестве, какие установлены были договорами. Но частые обманы и подлоги, как с той, так и с другой стороны, вызывали постоянно ссоры, оканчивавшиеся обыкновенно оружием, так что дербен-ойраты, имевшие всегда перевес на своей стороне, постоянно держали в страхе китайское правительство.

Дербен-ойраты управлялись своими тайшами и нойонами, которые относились к тайшам как их вассалы.

В начале XVII столетия тайша Хара-Хула (зюнгарского рода), покорив своей власти мелких владельцев и желая ввести единодержавие и преобразования в союз, начал стеснять права ойратов до такой степени, что некоторые нойоны, с подвластными им калмыками, отделились от союза. Из числа их Хо-Урлюк откочевал в 1621 году с торгоутовским родом на север и расположился в пределах Сибири, по берегам Оби, Иртыша и Тобола. Хотя с этого времени и начинаются прямые сношения ойратов с русскими, но еще за три года перед этим, именно в 1618 году, тайши Байбагас-Батур (потомок Хабуту-Хасара, брата Чингисхана) и Хара-Хула присылали в Москву своих послов с миролюбивыми предложениями. Согласно выраженному ими желанию, они получили грамоты, которыми русское правительство принимало ойратов под свою защиту и подданство, приглашая их в Сибирь и другие места для торговли.

Посольства ойратов, одно за другим, появлялись в сибирских городах, путешествуя в Москву под разными пустыми предлогами, с единственною целию получить подарки за ложные уверения в их преданности России. Обстоятельство это побудило, наконец, пра-



Калмыцкая степь

вительство не допускать послов в Москву, а выслушивать предложения их в сибирских городах. Это прекращение посольских сношений вызвало неприязненные действия со стороны ойратов, страшно опустошивших уезды Тюменский, Тобольский, Тарский и Томский, так что правительство, не имея возможности укротить их силою, вынуждено было по-прежнему принимать посольства, убеждая ойратов оставить занятые ими места в пределах Сибири.

Между тем откочевавшие с Хо-Урлюком ойраты не могли найти покойного убежища по рекам Сибири: теснимые с одной стороны киргиз-кайсаками, давшими им название Калма, Калмак, Калмаклык (на тюркских наречиях это значит остаток, отсталый, отделившийся; отсюда название калмык), а с другой стороны своими соплеменниками, монголами, которые под предводительством Хара-Хулы и знаменитого сына его Батур-Хон-Тайджи, хотели снова подчинить их своей власти, ойраты, или, как они тогда называли себя, элеты (недовольные) должны были искать более удобного пристанища для своего кочевья.

Обширные и совершенно пустынные южные степи России, между реками Уралом, Волгою и Доном, представляли в то время привольное убежище для ойратов, незначительные же остатки татар бывшей здесь Золотой Орды не могли быть им страшны своею силою. Поэтому Хо-Урлюк, с шестью своими сыновьями и 50 000 ки-

Калмыки. С фотографии 60-х годов XIX века

КАЛМЫКИ, х а л ь м г, (самоназв.) народ в СССР, осн. население Калмыкии. Общая числ. 147 000 чел., в т. ч. в Калмыкии 122 000. Живут также в Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Ростовской областях, Ставропольском крае. Относятся к центральноазиат. расе большой монголоидной расы, незначительно отличаясь от монголов и бурят. Язык калмыцкий зап. подгруппы монг. группы алтайской семьи. Письменность с 1925 на основе рус. алфавита, ранее пользовались общеойратской, т. н. старокалмыцкой, письменностью тодо бичиг. Верующие — буддисты-ламаисты, часть — православные.

Основу традиц. х-ва составляло кочевое скотоводство. В сер. XIX в. стали разводить свиней. Рыболовство и земледелие были известны еще ойратам. Поселившиеся в прибрежных р-нах Волги и Каспия торгуты и хошуты занимались ловлей рыбы. Были развиты художеств. ремесла: вышивка, обработка металла (чеканка и гравировка металлич. частей седла, уздечки, прикладов ружей и т. п.), тиснение по коже, резьба по дереву.

Традиц. поселение имело круговую планировку — наиболее удобную с точки зрения обороны при кочевом образе жизни. Известны три типа традиц. жилища: кибитка, землянка и полуземлянка. Кибитка — это юрта монг. образца. Землянки и полуземлянки — жилища бедноты, со стенами из сырцовых или нарезанных из дерна кирпичей, глиняной или дерновой крышей. Вход с юж. стороны, сев. часть — почетная (для гостей, с домашним алтарем); правая сторона жилища — мужская, левая — женская.

Основа питания — мясо и молоко. Предпочитаемое мясо — баранина, говядина. Повседневный напиток — чай с молоком, маслом, солью и специями.

Осн. жанры фольклора: протяжные песни, благопожелания, изречения, сказки, пословицы, поговорки, героич. эпос «Джангар», исполняемый сказителями-джангарчи. Сохранялись элементы общемонг. добуддийских верований (шаманство, культ огня, воды и т. д.) (Из книги «Народы мира», М., 1988)

биток подвластных ему торгоутов, направился из Сибири к южным пределам России. Заняв сначала места по рекам Эмбе и Уралу и подчинив своей власти кочевавших там татар, ойраты захватили потом все пространство между реками Волгою и Уралом, и на севере до р. Самары, а в 1632 году Хо-Урлюк расположил уже свою ставку на берегу р. Ахтубы.

Правительство наше не имело возможности силою оружия отразить кочевников, самовольно захвативших эти пустынные степи, так как малочисленная русская рать находилась только в городах Казани и Астрахани, где были стрелецкие приказы. Покоряясь необходимости уступить ойратам свои земли, правительство в то же время надеялось, вероятно, найти в калмыках живой оплот для южных границ от вторжения разных орд из глубины Азии, и вместе с тем рассчитывало, что народ этот, воспользовавшись громадными степными пространствами, будет вести мирную пастушескую жизнь.

Обольщенный таким неожиданным успехом, Хо-Урлюк начал мечтать о восстановлении независимого ханства на развалинах Золотой Орды и, приняв под свое покровительство едисанских и юртовских татар, бывших уже подданными России, стал грабить и разорять села и пограничные города: калмыки свободно бродили по степи и, пользуясь оплошностью обитателей, грабили, полонили и подчиняли их своей зависимости. Извещенный об этом, царь Алексей Михайлович приказал астраханским воеводам проведывать, «где калмыцкие люди и сколь далеко от Астрахани кочуют». Но какие меры были принимаемы правительством для укрощения калмыков, о том не сохранилось никаких сведений. Между тем орда Хо-Урлюка увеличивалась с каждым годом прибывавшими из Сибири ойратами, и он, желая упрочить еще более свою независимость от России, старался поддержать связи с зюнгарскими тайшами и нойонами.

По смерти Хо-Урлюка во время управления калмыками сына его Шукур-Дайчина, они продолжали свои грабежи и набеги, пока сила оружия не заставила их наконец покориться России. Отправленные Шукур-Дайчином в 1655 году послы клялись по шертной записи Алексею Михайловичу от имени Шукур-Дайчина, родных его и всех улусных людей «быть в вечном послушании, и государевых русских людей и вечных холопей ногайских, едисанских и юртовских татар в полон не имать и не грабить, от прежних своих неправд отстать, государеву отчину Астрахань и иные украйные города, деревни и учуги не жечь и не грабить..., а где государь укажет быть тайшам и улусным людям на государственной службе с ратными людьми вместе, взятых же в полон и перешедших к ним татар возвратить в Астрахань и вперед не принимать». Затем в 1661 году тайша Дайчин и сын его Мончак учинили с дьяком Иваном Гороховым шертную запись о выступлении калмыков в поход на крымские улусы вместе с российскими войсками, о присылке взятых у неприятеля языков в Москву и об отдаче русских плен-

ников, взятых ими, и всякой добычи россиянам.

Калмыки на время присмирели, ходили в поход против государевых недругов, на крымцев, под Азов и под Казыев улус. В декабре 1661 года калмыцкий тайша Мончак, он же и Бунчук (Пунцук), договорясь на съезде при урочище Берекете с князем Григорием Сунчалевичем Черкасским, дал шертную запись за себя, отца своего Дайчина, всех родственников и улусных людей быть царю Алексею Михайловичу в вечном подданстве и послушании, городов и сел не грабить, на конские и животинные стада войною не ходить и никого не посылать; с русскими ратными людьми, по указанию царскому, служить, не щадя голов своих; недругов русских ружьём и лошадьми не ссужать, как это они сделали для крымского хана при прежних боярах, князьях Ромадоновском и Львове; всех же взятых в плен людей прислать в Астрахань. В подтверждение своей присяги тайша Бунчук, вынув нож из своих ножен, лизал и к горлу прикладывал, призывая за нарушение присяги Божий гнев и огненный меч и быть зарезанным от неприятеля по горлу тем ножом, на котором он клялся.

Несмотря на эти клятвы и уверения, следующие события показали, что хищничество калмыков этим не кончилось: при том же тайше Пунцуке и сыне его Аюке набеги калмыков повторялись беспрерывно. Обстоятельство это вынудило правительство требовать снова присяги калмыков. И вот опять в 1673 году тайша Аюка клянется на речке Соляной (против г. Астрахани) князю Я. Н. Одоевскому и саблю к голове и горлу прикладывает, обещаясь быть в вечном послушании и строго исполнять данную отцом его шерть, и кроме того обещает «чинить торги под Астраханью с русскими людьми без всяких ссор и задоров, а к Москве в ордобазарные станицы посылать с улусными людьми многия лошади, прежнею дорогою на Тамбов, на Касимов и на Володимир».

Очевидно, что правительство, сдерживая калмыцкую орду одними только договорами, не имело возможности усмирять ее и держать ее в страхе силою оружия. При этом надобно заметить, что правительство смотрело на калмыков, как на владельцев больших конских табунов, что и заставляло его запрещать калмыкам «ссужать лошадьми царских недругов». Но, налагая это запрещение с политической целью, правительство должно же было предоставить калмыкам рынок для сбыта их лошадей, и таким рынком была избрана Москва. Для калмыков подобное разрешение было необходимо потому, что кроме потребности удовлетворять своим нуждам продажею лошадей, торговля ими сохранялась и в обычаях народа: даже в Зюнгарии калмыки требовали, чтобы китайцы принимали их лошадей по условной цене в виде косвенного налога. К сожалению, я не имею никаких данных для определения: как велика была в то время торговля лошадьми и продавались ли вместе с тем другие породы скота. Последнее предположение более чем вероятно, потому что калмыки беспрепятственно могли пригонять свои стада из Сибири и увеличивать их впоследствии грабе-

жом и нападением на кочевавших вместе с ними скотоводов-татар, туркмен и других, что доказывается даже обязательством калмыков пред правительством: «на конския и животинныя стада войною не ходить». Независимо от того, скотоводство калмыков могло увеличиваться и мирным путем на удобных и обширных степных пастбищах, которыми пользовался народ без всякого стеснения со стороны правительства. Равным образом прежний кочевой быт калмыков, сохраняемый ими и в пределах России, служит доказательством, что скотоводство составляло единственную отрасль промышленности народа.

Казалось бы, что при таких условиях и удобствах калмыки должны были вести мирную пастушескую жизнь, пользуясь безданно, беспошлинно предоставленным им громадным степным пространством, но воинственный дух и страсть к удальству и молодечеству, выражаемые отгонами чужого скота, захватами и хищничеством, готовы были нарушить клятвы, пуститься на грабежи и перейти на ту или другую сторону. Таким образом, несмотря на все данные уверения в послушании, калмыки вместе с башкирами во время известного башкирского (Сеитовского) бунта грабили и опустошали в течение 1681 и 1682 годов казанский и уфимский уезды, жгли и разоряли деревни и рыболовные промыслы по Волге. Русское правительство и в этом случае щадило виновных, ограничиваясь новыми уверениями Аюки и других тайшей быть в послушании и свято хранить прежние договоры. С этого времени калмыки действительно прекратили хищничество в России и перенесли поле своего удальства за Урал и к восточным берегам Каспийского моря, нападая на киргиз-кайсаков, туркмен и других кочующих народов. Чтобы держать эти племена в страхе и покорности и обезопасить русские границы, правительство наше содействовало набегам калмыков на Крым, Кубань и Кавказские горы. С этой целью оно отпускало калмыкам порох и свинец и обещало в случае походов их против бухарцев, каракалпаков и киргизов прислать им даже артиллерию. Вместе с тем около 1700 года калмыкам предоставлено было право кочевать по нагорной (крымской) стороне реки Волги, независимо от луговой (ногайской) степи, которою они пользовались до того времени. За заслуги и участие с русскими войсками против неприятеля хану Аюке, его родственникам и нойонам назначено было жалованье и провиант.

Именным указом императора Петра I 1723 года разрешено было калмыкам, где они кочуют, рубить всякий лес, кроме дубового; на необходимые им потребности дозволялось и дуб рубить, только с разрешения астраханского губернатора.

Со смертью Аюки хана в 1724 году начинается между потомками его и другими ряд столкновений за право быть ханом калмыцкого народа. Я прохожу молчанием этот период истории калмыков как не относящийся к избранному мною предмету, считая необходимым заметить только, что сношения калмыков с Зюнгарией не прекращались: толпы их прикочевывали туда из Сибири и возвра-

Калмыки Хошоутовского улуса Хозлаева рода. С фотографии середины XIX века

щались обратно. Так, в 1686 году прибыли в Россию черные калмыки (теленгуты) под покровительством тайши Цаган-Батура. Им указано было кочевать на луговой стороне Волги по р. Ахтубе, а в 1701 году вследствие возникновения вражды в семействе Аюки один из сыновей его, Цанджаб, откочевал за Урал с 15 000 калмыцких кибиток, которые не возвращались уже более в Россию.

Русское правительство ввиду беспорядков и столкновений между претендентами на ханство нередко силою оружия заставляло интриговавших нойонов признавать того или другого хана и наконец вынуждено было назначать ханов по своему усмотрению.

В это же время начинаются первые попытки правительства приохотить если не простых калмыков, то по крайней мере ханов и нойонов к оседлой жизни. С этой целью в 1742 году по указу сената велено было: «для лучшего удовольствия калмыцкого хана и других владельцев к российскому житью, а паче вящего к поселению приохочивания, построить при Астрахани двор с довольными покои, а для летняго увеселения возобновить мечетный сад, в котором во время приезда останавливались калмыцкие ханы». В построенном доме жил не более года сын наместника хана Асарха, который здесь и умер в 1744 году. Впоследствии дом этот, оставшийся пустым, был занят канцелярией астраханского гарнизона, а сад причислен к прочим казенным садам.

Между тем водворение казачьих станиц по Волге и увеличение

русских поселенцев в крае начали возбуждать неудовольствие калмыков. Так, в приезд свой в Астрахань в 1765 году наместник ханства Убаша жаловался губернатору Бекетову, что выше города Саратова по р. Иргизу и другим начались новые русские поселения, жители которых захватывают у калмыков скот и самих хозяев, тогда как со времени прихода калмыков в Россию они кочевали на этих местах покойно, и если новые поселенцы станут умножаться, то калмыки будут иметь крайние притеснения и нужду в корме для скота. Поэтому он просил губернатора сделать с ним общее представление коллегии иностранных дел об уничтожении новых поселений.

Губернатор заметил наместнику, что запрещать и уничтожать поселения он не вправе, но что если бы места кочевок по степи и пользование ею было разделено между калмыками правильно, то они не были бы так стеснены, судя по тому пространству степи, которое предоставлено калмыцкому народу; если же, при правильном размежевании земель, действительно оказалось бы стеснение калмыкам, то губернатор обещал ходатайствовать о том, чтобы не увеличивать более селений. Между прочим, губернатор представлял наместнику все выгоды и преимущества оседлой жизни перед кочевой, указывая при этом на калмыцкого нойона Замьяна, поселившегося по высочайшей грамоте на берегу Волги. На это наместник, сильно озлобленный против Замьяна за то, что он выпросил грамоту и завел поселение, заметил, что калмыцкий народ по привычке к кочевой жизни находит ее несравненно лучше оседлой и что никто из калмыков не согласится по своей охоте вести оседлую жизнь. После долгих убеждений губернатора и заявления, что оседлое водворение калмыков угодно и ее императорскому величеству, наместник сказал, что он, повинуясь высочайшей воле, противиться не может и предоставляет право желающим следовать примеру нойона Замьяна, сам же он с прочими остается по-прежнему кочевником.

Последовавшие в то время ограждения некоторых прав наместника ханства и заведение военных линий по берегам Волги, Урала, Самары и Терека не могли нравиться калмыкам, привыкшим к своеволию. Для возбуждения же большего неудовольствия в народе некоторыми лицами калмыцкого духовенства и зайсангами был распущен слух, что русское правительство намерено взять в казну большую часть калмыцких земель, а калмыков принудить к оседлой жизни и обратить в военное звание, образовав из них отдельное войско. Вследствие всех этих обстоятельств калмыки задумали оставить Россию и перекочевать в Зюнгарию.

В письме своем к киргиз-кайсацкому хану Нурали наместник Убаша писал, что «торгоутам никогда таких налогов, как ныне, не бывало, от которых весь народ пришел в колебленность и беспокойство, почему и не возжелали над собою иметь начальство российское, а желая видеть своих единоверцев и прежния нашего пребывания места, покочевали от России».

Калмыцкое духовенство

Задуманный таким образом калмыками план бегства приведен был ими в исполнение в 1771 году. В январе этого года большая часть калмыков, находившихся на луговой стороне р. Волги, откочевала за Урал, к границе Китая, куда калмыки достигли в весьма малом числе после всех бедствий, перенесенных ими в пути. Прибывших калмыков китайское правительство, владевшее уже в то время Чжунгарией, распределило по кантонам илийской области.

В пределах России остались только калмыки, находившиеся на правом берегу Волги, около 13 000 кибиток, не успевшие, по отдаленности кочевьев и по недостатку переправ, присоединиться к прочим.

После бегства Убаши, звание калмыцких ханов и наместников было уничтожено, а оставшиеся калмыки, подвластные Убаши, разделены между прочими нойонами, из которых каждому велено было управлять своим улусом отдельно и давать, как прежде, суд и расправу по калмыцким законам и обычаям. В то же время усилен был за калмыками надзор со стороны правительства и последовал ряд административных распоряжений по управлению народом.

Управляющий Астраханскою Палатою Государственных Имуществ и Главный Попечитель Калмыцкого народа полковник КОСТЕНКОВ, 1863 год

Из кочевых народов, обитающих в пределах Астраханской губернии, калмыки составляют значительную часть всего населения губернии, сохраняя до некоторой степени свой кочевой и патриархальный родовой быт, свойственный монголам, с которыми они имеют одно общее происхождение.

Основанием общественному устройству калмыков в настоящее время служит хотон, то есть группа близкородственных семей, нераздельно кочующих на данной местности. Хотоны, родственные между собою, хотя и в дальней степени, составляют аймаки, аймаки — роды (анги); последние, впрочем, не имеют особенного общественного значения, но в свою очередь родственные между собою роды составляют улусы. Таким образом калмыки, кочующие в пределах Астраханской губернии, подразделяются ныне на семь улусов, известных под следующими названиями:

Малодербетовский — Хошоутовский
Харахусо-Эрдениевский — Яндыковский
Икицохуровский — Эркетеневский
Богацохуровский

Первые три улуса считаются владельческими, а последние, как выморочные, называются казенными.

Кроме означенных улусов, есть еще владельческий калмыцкий улус, называемый Большедербетовским, кочующий в пределах Ставропольской губернии. Он был подчинен, вместе с другими, астраханскому начальству, но по положению кавказского комитета 8 марта 1860 года отчислен в ведение ставропольского губернского начальства с подчинением его главному приставу кочующих там магометанских народов.

Казенные улусы управляются назначенными от правительства особыми правителями, а владельческие — нойонами; последние переходят наследственно к старшему в роде.

По сословиям, калмыцкий народ разделяется на нойонов или владельцев, зайсангов, духовенство и простолюдинов. Нойоны или ноины (соответствующее слову: господин) носят название цыган-ясан (белая кость). Им присвоены, по русским законам, права дворян. Зайсанги, называемые также цаган-ясан, подчинены владельцам улусов и сами пользуются некоторыми правами владений над своими аймаками, которые, как и улусы, переходят безраздельно, по праву наследства, к старшему в роде, и вследствие того другие родственники аймачного зайсанга хотя считаются тоже зайсангами, но без-аймачными. Никогда не было примера, чтобы аймаком владели женщины, тогда как насчитывают до четырех случаев, когда женщины управляли улусами.

Аймачные зайсанги, то есть управляющие родовыми аймаками, пользуются правами потомственных почетных граждан, а без-аймачные — личным почетным гражданством. Простолюдины, называемые хара-кюнь (смерд, черный человек), хара-улус (черный

народ), или хара-ясан (черная кость), почти не имеют никаких личных прав, составляя податное сословие. Каста калмыцкого духовенства (ламайского вероучения) безбрачна.

В калмыцком народе прежде не производилось, как известно, никогда никакой переписи; калмыки, из опасения налогов или других повинностей, всегда уклонялись от точного исчисления, под разными предлогами, ссылаясь на свои предания, предрассудки и т. д., так что даже статьею 199-ю Положения о управлении калмыцким народом 1847 года предписывалось иметь только верные сведения о числе кибиток простолюдинов, не делая им переписи или ревизии по форме. Это постановление было весьма приятно лицам, стоявшим близко к управлению народом. Правительство довольствовалось только теми сведениями, какие доставляемы были от самих владельцев и улусных правителей о количестве одних кибиток (семейств), из которых на каждую полагалось произвольно по 2 души мужского и по 2 души женского пола. (По сведениям подобного рода, во всей калмыцкой орде считалось простолюдинов 17 564, и в счет калмыцкого народонаселения за 1860 год не входят около 900 кибиток Большедербетовского улуса, переданного в этом году в ведение ставропольского губернского начальства). Численные отношения между полами несоразмерны. Объяснить этот факт можно тем, что калмыцкие женщины в домашнем быту несут почти все трудные работы, которые, изнуряя их силы, нередко содействуют преждевременной их смерти.

Для доказательства приведем подлинные слова лиц, имевших также случай наблюдать калмыцкий народ. Н. Нефедьев говорит: «...женщины занимаются шитьем одежды и другими свойственными калмыцкому быту работами; что же касается до мужчин, то, за исключением немногих, охраняющих скот, все другие, особенно пожилые, имеющие лет за 40, остаются в совершенной праздности, курят табак и бродят по соседственным кибиткам». П. В. Небольсин, описывая быт Хошоутовского улуса, между прочим говорит: «что на женщине лежат решительно все хлопоты по домохозяйству. Она должна вовремя гнать арзу, вовремя заготовить «шитво», то есть и одежду, и обувь, и посуду, и все мелочи, изготовляемые при помощи швейного искусства; кухня, освещение, отопление, призор за детьми, надсмотр за мелкой скотиной, ухаживанье и прислуга за мужем и сыновьями — столько отнимают у хозяйки времени, что нельзя не подивиться, как бедные калмычки успевают еще управиться с хозяйством. Одно доение животных, изготовление пищи, кумыса, арьяна и вина и мелкие заботы о домашней расправе, суд над перессорившимися ребятишками, распределение занятий между младшими взрослыми членами семьи, так много требуют беспрестанной деятельности, что хозяйке решительно трудно улучить минуту, не только чтоб прибрать кибитку и освободить ее от накопившейся грязи, ей некогда почти заплести себе косы».

Но самое главное, что сокращает жизнь женщин, это роды: в

Калмыцкая борьба в Ставрополе. Рисунок Е. М. Корнеева, 1803 год

этом случае калмыки обращаются с женщинами хуже чем с животными. «Если роды очень трудны, то бабка и гелюнг (священник) призывают посторонних мужчин, соглашающихся подать родильнице помощь, которая состоит в том, что когда мучающаяся родами женщина сидит на ковре, то сострадальные к ее мукам люди сильно обхватывают ее сзади несколько ниже пояса и стягивают ее руками, сколько сил хватит»,— пишет П. Небольсин в «Очерках быта калмыков Хошоутовского улуса».

В 1861 году прибыли в калмыцкие улусы 4 повивальные бабки из калмыцких девушек, обучающихся, по распоряжению правительства, в монгольском повивальном институте; к каждой из них тотчас же были назначены в обучение по 2 девочки. К сожалению, познания этих бабок мало прилагаются на практике: калмыки, придерживаясь своих обычаев, весьма редко приглашают ученых бабок для подания помощи родильницам; кроме того, сами бабки с трудом могут применить свои познания в кочевом быту, особенно в зимнее время.

Весьма натурально, что после таких медицинских пособий и при таком образе жизни женщины не могут быть долговечны, тогда как мужчины достигают глубокой старости. Привыкая со дня рождения к кочевой жизни и находясь постоянно на открытом воздухе, калмык приобретает особенную силу и крепость, врожденная же беспечность, праздность и всегдашнее спокойствие духа способствуют к достижению преклонных лет.

Калмыки вообще народ довольно рослый и красивый, черты

смуглого лица их напоминают монгольский тип: густые, жесткие черные волосы, узкие глаза, большие скулы, плоский нос и прекрасные белые зубы; загар с лица, рук и всегда открытой шеи у калмыков никогда не сходит. Чтобы убедиться в атлетическом сложении *дикого сына степей*, надо взглянуть на него во время борьбы: здесь он является едва прикрытым короткими до колен шальварами и действительно можно полюбоваться превосходно очерченными формами борца и матовой белизной его тела. Многие находят калмыцкий тип безобразным, но, вглядевшись в добродушные черты калмыцкого лица, нельзя сказать, чтобы они имели что-нибудь отталкивающее, напротив того, есть много мужчин и в особенности женщин, которые могли бы удовлетворить самому прихотливому вкусу.

Калмыки, как потомки монголов, сохранили доныне язык и письмена монгольские, изменивши только наречие, вследствие смешения с другими племенами. Находясь в частых сношениях с русскими, многие калмыки понимают русский язык и даже говорят довольно хорошо по-русски; но замечательно, что при встрече с русскими и особенно при допросах в суде и т. п. они избегают говорить по-русски, отзываясь непониманием: «*меткиш, толмач уга*, не понимаю без переводчика»,— вот обыкновенная фраза всякого калмыка при желании избежать расспросов, хотя потом тот же калмык сам объяснит отлично все по-русски. Это надо приписывать хитрости, свойственной всем малоразвитым людям и недоверчивым калмыкам в особенности.

Главное свойство калмыцкого разговорного языка заключается в грубости произношения, которое в самых дружеских объяснениях заставляет предполагать ссору. Различие наречий между разными племенами астраханских калмыков очень разительно. По отзывам лиц, хорошо знакомых с калмыцким языком, некоторые улусы, независимо от большего или меньшего количества русских и татарских слов, разнятся еще между собою как некоторыми грамматическими формами строения калмыцкой фразы, так и изменениями отдельных слов и целых речений. Различие в наречии особенно замечательно между дербетовскими и торгоутовскими родами, так, например, называют:

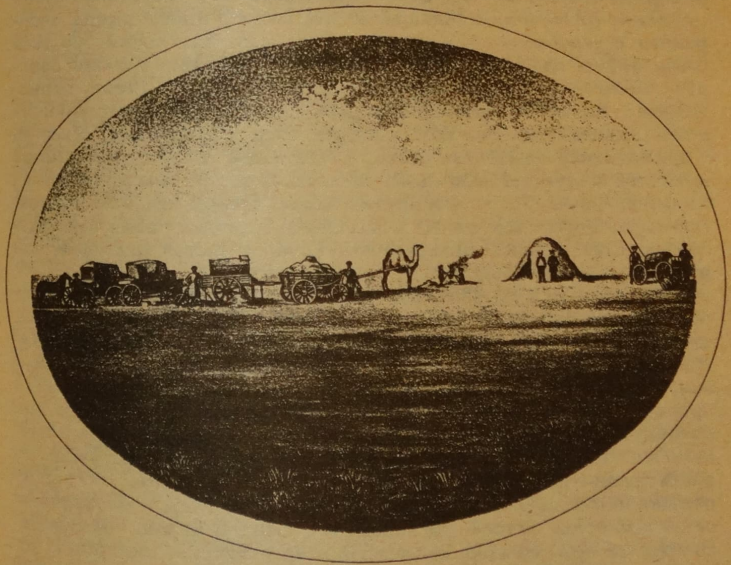
Дербеты	Торгоуты
Карман — Даргам	Хор
Овес — Арба	Сули
Тыква — Дурак	Хаван
Кожаная бутылка — Бордога	Борби

Случается, что калмык торгоутовского племени с трудом может понять смысл того, что говорит дербетовец, и наоборот.

* * *

Низменная площадь, ограниченная с одной стороны северо-западным берегом Каспия и Волгой, а с другой стороны подножиями Ергеней и Кавказа, представляет ровную, едва лишь взбуренную степь, сложенную из горизонтальных песчано-глинистых пластов каспийской формации. Юная почва эта, еще так недавно представлявшая морское дно, почти всюду проникнута в большей или меньшей степени солью. Вот почему общий характер степи тот, что она покрыта почти исключительно полынью, к которой лишь по возвышенностям, сильно выщелачиваемым весенними водами, местами присоединяются ковыль и оржанец, и которые в низменностях, где испаряются воды, насытившиеся солью, совершенно уступают место солянкам и другим растениям, в значительном количестве содержащим соль.

Но в местах, где количество соли несколько меньше, другие, кроме полыни, травы развиваются слабо и гибнут скоро, как вследствие летнего бездождия, лишающего их влаги, так и вследствие зноя, высушивающего и местами сожигающего их совершенно, так что остатки отживших растений, вместо того чтоб перегнивать, здесь высыхают и ветер разносит прах их по степи. Вследствие этого обстоятельства во всей степи нигде нет значительного



Экспедиция на Маныч

слоя так называемой растительной земли (terre vegetale): полынь и другие травы сидят прямо отдельными пучками на красновато-желтой глине. Да и как образоваться здесь растительному слою, когда растения высыхают, а не перегнивают! Говоря это, я не принимаю во внимание те оазисы или площади у подножия Ергеней, которые заливаются ергенинскими водами, удобряющими их приносимым илом, и также некоторые местности в северной части степи, где почва возвышеннее и несколько менее солонцовата.

В тех местах, где соли меньше, земля сама по себе может быть пригодна для хлебных посевов, ибо в Черноярском уезде я видел всходы хлеба даже среди полыни, но и тут успех посева будет в полной зависимости от климатических условий, и если дождя будет мало, то хлеб скорее сгорит, чем успеет созреть. А дождливое лето бывает здесь довольно редко. Удобрение же не может иметь места, ибо навоз сгорает быстро.

Что касается деревьев, то, за исключением приволжских поемных мест, где встречаются тальник, осокорь и дуб, во всей низменной степи нет ни одного дерева и даже кустарника. Фруктовые сады Сарепты и Астрахани исключительно обязаны усиленным искусственным поливам.

Летнее бездождие и горизонтальность пластов каспийской формации производят то, что в калмыцкой степи совершенно нет постоянных проточных вод. Воды, происшедшие в низменной степи от таяния снега, или же павшие на нее весною в виде дождя, собираются в углубления и испаряются дочиста. Вот почему во всей степи нет ни одного озера, которое бы образованием своим одолжено было этим водам. Озера же, существующие в степи, напротив того, питаются главнейше водою, приносимою с окружающих степь возвышенностей: так, система озер Сарпанских, Яшкуль и др. питаются весенними стоками с Ергеней, а Састинские озера питаются весенними водами, проводимыми восточным Манычем из Калауса, Чогры, Ургулей и других балок, принадлежащих кавказским предгорьям. Но и в этих бассейнах в летнее время вода всегда портится, делаясь горьковато-затхлою от настоя камышом, или же очень солоноватою.

Гораздо бóльшую важность для кочевого народа представляет так называемая **почвенная** вода, которою они пользуются, вырывая в земле колодцеобразные ямы, называемые **копанями** или **худуками**. Происхождение воды этой объясняется следующим образом. Если почва довольно песчана, то снеговые и дождевые воды просачиваются в глубь ее и останавливаются на встречаемом ими глиняном подпочвенном слое. Ежели, напротив, верхний слой почвы очень глинист, то вода проходит чрез него по образующимся в нем трещинам и распространяется по песчаному слою, лежащему под глиной. Вода, ушедшая таким образом в почву, предохраняется от испарения солнечным зноем, местами ею можно пользоваться круглое лето (зимою, когда вода озер и худуков замерзает, кочевники употребляют снег. Горючим материалом им всегда служит

скотский помет — по-калмыцки аргасун). Для этого кочевники роют ямы, сажени в 1 1/2 ширины и от 1 1/2 до 3-х сажен глубиною, хотя, впрочем, есть худуки и более глубокие, например, в 7-м сажен. Достигнув песчаного слоя, вода наполняет худук на некоторую высоту и достается ведрами, прикрепленными к шесту или же, всего чаще, привязанными к веревке.

Худуки рассыпаны группами по всей степи, на расстоянии группа от группы в 10, 15, 20, 30, редко в 50 и только в некоторых местах в 70 верст. Копани эти составляют величайшее благодеяние для кочевников, ибо не удерживают их на одном месте, а дозволяют делать те передвижения или перекочевки, которые необходимы для прокормления скота.

Не во всех худуках вода хорошего качества; некоторые содержат воду солоноватую, негодную для питья и даже злокачественную, а в других ямах и вовсе воды не находится. Кочевники обыкновенно делают так: придя к худукам, они их расчищают от сора и в течение дня стараются вычерпать из них совсем воду, которая и натекает снова ночью; таким образом они всегда имеют воду свежую и хорошую.

Благодаря этим худукам, низменная степь искрещена дорогами, которые служат не только для перекочевочных движений калмыков, но и транспортными путями из Черного Яра, Енатаевска, Пришиба и Астрахани в ергенинские станицы, равно как из Царицына на Кавказ.

Земли, предоставленные калмыцкому народу в Астраханской губернии, состоят на правах общего пользования, сопряженного, впрочем, с некоторыми ограничениями относительно соляных озер, лесов и рыбных ловель. Высочайше утвержденным указом 18 мая 1806 года определена для кочевья калмыков нагорная степь реки Волги, с обозначением ее границ, и вместе с тем предоставлено им право пользоваться луговой стороной или очередным кочевьем, отведены там же земли для кочевья Хошоутовского улуса и нарезаны для водопоя скота прогоны из степи к берегам реки Волги. Вообще, права калмыков на отведенную им вышеозначенным указом землю ограничиваются свободой кочевать на ней, возводить постройки, фабрики, заниматься хлебопашеством, садоводством и проч., но прав, сопряженных с полным владением, т. е. права продажи, передачи или отдачи в наем, не предоставлено.

Из всех дарованных калмыками прав, они до настоящего времени пользовались только первым, т. е. правом кочевья; относительно построек, калмыки ограничились возведением нескольких сюме (молитвенных храмов), владельческих и нескольких зайсангских домов на местах зимних кочевок. Что же касается до устройства фабрик, заводов и т. п., то об них нет и помину; опыты разведения садов и огородов, точно так же как и хлебопашества, находятся в младенческом состоянии и в самых ограниченных размерах. Главную отрасль хозяйства калмыцкого народа составляет

скотоводство. Огромные степные пространства, богатые травами, представляют питательный корм скоту, волжские же лесные займища и камыши близ озер и по берегам Каспийского моря служат убежищем от зимних непогод, так что существующие местные условия могли бы быть весьма благоприятны для развития скотоводства, даже в самых значительных размерах, если бы на это обращено было более внимание со стороны самих калмыков.

Начало оседлости уже положено водворением некоторых зайсангов и простолюдинов Малодербетовского улуса, получающих с 1862 года в наделы земли, согласно высочайше утвержденного положения о заселении дорог, т. е. зайсанги аймачные по 400 и безаймачные по 200 десятин на семейство, и калмыку простолюдину по 30 десятин на душу. Калмыки, которым уже отведена земля, начинают устраивать землянки, сеять хлеб, горчицу, табак и вообще правильнее вести свое степное хозяйство, чувствуя себя настоящими хозяевами отводимой им земли, чего они прежде не испытывали, при общем пользовании степью.

Кочевник-калмык, почти никогда не употребляющий хлеба в пищу, нуждается в муке только в зимнее время, и то в весьма ограниченном количестве, как в приправе к кирпичному чаю и похлебке (шулюн). Поэтому он мало заботится о посеве для себя хлеба, но охотно, и за всегда малое вознаграждение готов дать свой свободно пасущийся скот для работ крестьянину.

Во время зимних метелей-шурганов, повторяющихся здесь очень часто, вьюга бывает так сильна, что в двух шагах нельзя различить предметов. Иногда целые стада угоняются по направлению ветра, и нередко случается, что хозяин-скотовод — накануне бури богач,— становится после нее нищим; подобных примеров можно представить много, особенно в калмыцком народе.

Калмыцкий народ, нанимаясь охотно на всевозможные работы, весьма скоро привыкает к ним, нисколько не тяготясь самым черным, самым тяжелым трудом; можно упрекнуть калмыков в беспечности, в отсутствии всякой заботы о домовитости и будущности своей семьи, но отнюдь не в лени и праздности, которую многие писатели о калмыках безапелляционно и бездоказательно приписывали им. Причины беспечности калмыков кроются гораздо глубже, нежели предполагают, именно в религиозном настроении народа, убеждаемого своим духовенством в том, что только жертвами божествам, как при жизни, так и по смерти, можно спасти свою душу. Дайте этому народу другое верование, другое направление, и тогда смело можно поручиться, что каждый калмык станет заботиться о завтрашнем дне и будущности своей семьи не менее другого оседлого и более развитого семьянина.

Из отчета участников Кумо-Манычской экспедиции в 1860—1861 годах полковника КОСТЕНКОВА и инженера-подполковника БАРБОТ-де-МАРНИ

О СИРОТЕ БОШ-КЮБЮНЕ И ЗЛОМ ХАНЕ

Когда-то, в давнее время, жил в кочевьях одного хана сирота, по имени Бош-кюбюн. Ничего у него не было — ни своей юрты, ни скота, ни хорошего халата, был только черный бычок-двухлетка, лук да стрелы. А среди стрел была одна особенная: свистун-стрела; она со свистом летела, никогда мимо цели не попадала.

Отправился раз сирота Бош-кюбюн к озеру на охоту. Залез в камыши и стал ждать, когда слетятся птицы.

Долго ли, недолго ли он ждал, только слетелись на озеро птицы, большие и маленькие,— журавли, дрофы, гуси, кулики... Прицелился Бош-кюбюн и пустил свою свистун-стрелу. Полетела стрела и задела пятьдесят птиц по крыльям, семьдесят птиц по шеям, сто птиц по спинам... Вот сколько птиц за один раз подстрелил сирота Бош!

«Что мне делать с этой дичью? — думает Бош-кюбюн.— Отвезу-ка я их к хану да посватаюсь к его младшей дочке!»

Оседлал Бош-кюбюн своего черного бычка-двухлетку, навьючил на него всех птиц, а сам сверху уселся. Ударил он бычка по лопаткам — съежился бычок, ударил по копытам — завертел бычок хвостом, ударил по хребту — побежал бычок, да так быстро, что и удержать нельзя.

Приехал Бош-кюбюн к ханской ставке, развьючился, стал носить птиц в ханскую юрту. Направо кладет и налево кладет, наполнилась юрта доверху. Спрашивает хан Бош-кюбюна:

— Кто ты и зачем привез мне столько дичи?

Отвечает Бош-кюбюн:

— Я сирота, великий хан, зовут меня Бош-кюбюн. Нет у меня ни юрты, ни скота, сам я живу в твоих кочевьях, возле круглого озера. На этом озере я и настрелял столько дичи. А привез я тебе ее в подарок: она пригодится на свадебном пиру, ведь я хочу жениться на твоей младшей дочке!

Услышал хан такие слова — рассердился, затопал ногами, закричал:

— Эй, слуги! Схватите этого оборвыша, негодяя! Он осмелился свататься к моей дочери! Избейте его жестоко, а потом отвезите подальше в степь, в безлюдное место и бросьте там!

По ханскому приказу набросились слуги на сироту Боша, избили до полусмерти — еле дыхание в нем осталось — и отвезли в голую степь.

Лежит Бош-кюбюн, мечется, стонет, разум у него помутился — совсем недалеко смерть... Вдруг видит он — идет какой-то старик, совсем старый, с белой бородой, на палку опирается. Подошел он, осмотрел Бош-кюбюна и стал его лечить — какое-то питье ему дал, синяки растер, переломанные кости вправил. Совсем здоровым стал Бош-кюбюн.

— Ну, кюбюн,— говорит старик,— теперь ты здоровый и крепкий. Ступай в свои кочевья. А чтобы тебя больше не обижали, я

научу, что надо делать. Если захочешь наказать кого-нибудь, скажи только: «Приклейся!» И тогда твоему обидчику не встать, пока ты не скажешь: «Поднимись!»

Обрадовался Бош-кюбюн, поблагодарил старика и поспешил в свои кочевья.

Бежит он и видит — ханский пастух пасет стадо телят. Захотел Бош-кюбюн посмотреть: правду ли сказал ему старик. Закричал он:

— Приклейся, ханский пастух, вместе со всеми телятами к земле!

И тотчас и пастух, и все телята прилипли к земле — лежат и кричат от страха.

«Правду сказал мне старик»,— подумал Бош-кюбюн и крикнул:

— Поднимитесь!

Только произнес это слово — поднялись разом и пастух, и телята.

«Теперь,— думает Бош-кюбюн,— проучу я хана! Так проучу, что он навсегда запомнит!»

Дождался он вечера, пробрался к ханской юрте и сказал:

— Приклейтесь к земле, хан и ханша, вместе с подушками и постелями!

Сказал и ушел.

На другой день поутру проснулись хан и ханша, хотели встать, а встать не могут. Закричали они слугам:

— Поднимайте нас!

Сбежались слуги поднимать хана и ханшу, а поднять не смогли. Кругом крик, шум:

— Хан и ханша к земле приклеились! Поднять их невозможно! Кто их поднимет?..

Чиновники, сановники, старшины кочевьев бегают с места на место, кричат, руками машут. А сделать ничего не могут. Приказали читать молитвы. Молились, молились — никакого толку нет! Созвали тогда удгун-бе — гадалок и эмчи — лекарей. Удгун-бе гадают, эмчи лечат, а все никакого толку нет... Стали дергать хана и ханшу за руки и за ноги — никак оторвать от земли не могут. Собрались все знатные люди, все старики, стали держать совет: как помочь хану и ханше, как их поднять?.. Долго говорили, весь день говорили, всю ночь говорили — ничего не могли придумать...

В ту пору проходил мимо человек из дальних кочевьев и сказал:

— Слышал я, что в кочевьях Могойту-хана живет прославленный эмчи. Он всякую болезнь как рукой снимает! Его привезите!

Стали чиновники, сановники и старшины думать: кого послать в кочевья Могойту-хана за эмчи? Место дальнее, путь опасный, врагов на пути немало. Говорят:

— Надо, видно, целый отряд послать!

Вдруг вошел Бош-кюбюн и говорит:

— Я поеду в кочевья Могойту-хана за эмчи!

Все обрадовались.

— Поезжай поскорее! — кричат.

Сел Бош-кюбюн на своего черного бычка-двухлетку. Ударил бычка по лопаткам — съежился бычок; ударил по копытам — завертел бычок хвостом; ударил по хребту — побежал бычок так быстро, что удержать нельзя.

Ехал Бош-кюбюн долго и приехал наконец в кочевья Могойту-хана. Разыскал эмчи и говорит:

— Приклеились к земле наши хан и ханша, вот и прислали меня за вами, премудрый и преславный эмчи,— не сможете ли вы помочь им в такой беде?

Эмчи важно говорит:

— Кроме меня кто же поможет? Разве есть второй такой эмчи, как я? Только я и могу помочь!

Надел эмчи свою белую шапку, надел белый халат, сел на белую лошадь и поехал вместе с Бош-кюбюном.

Ехали они, ехали, и когда завидели вдали ханскую ставку в степи, тогда стал эмчи бурчать, бормотать, на губах у него пена выступила.

— Сейчас все узнаю! — кричит.— Сейчас все расскажу! Сейчас подниму хана и ханшу!..

Бош-кюбюн слушает это, а сам думает:

«А вдруг этот эмчи и в самом деле такой всемогущий? Надо будет проверить»,— и сказал тихонько:

— Приклейся, эмчи, к земле вместе со своей белой лошадью!

Только сказал — прилип эмчи к своей лошади, а лошадь к земле. Испугался эмчи, закричал не своим голосом:

— Эй, кюбюн, стащи меня с лошади, я и сам прилип, как ваш хан!

Стал Бош-кюбюн помогать эмчи — еле смех удерживает:

— Нет,— говорит,— не могу я помочь вам, премудрый и преславный эмчи!

— Тогда беги скорее в ханскую ставку, зови сюда людей, пусть хоть стащат меня с лошади! — вопит эмчи.

Прискакал Бош-кюбюн на своем черном бычке к ханской юрте.

— Где же эмчи? — спрашивают его.

— Эмчи недалеко. Только с ним беда случилась: он сам к земле приклеился,— отвечает Бош-кюбюн.— Прислал он меня за вами, просит, чтобы спешили к нему на помощь!

Прибежали к эмчи ханские сановники и старшины. Стали его дергать. Дергали, дергали — не могли стащить с лошади, так крепко он приклеился к ней.

— Как нам помочь нашему хану, скажи, мудрый эмчи? — спрашивают его сановники и старшины.

— Не до вашего хана мне! — кричит эмчи.— Я и себе-то не могу помочь!..

Вернулись сановники и старшины к хану и доложили о том,

что и сам эмчи приклеился к земле. Хан от страха и от злости последний ум потерял.

— Что хотите, то и делайте! — кричит.— Только поднимите меня!

Тогда ханские чиновники, сановники и старшины кочевьев собрались опять на совет, подумали, потолковали и говорят:

— Надо кликнуть клич: кто избавит от беды хана и ханшу, выдать за того ханскую дочку и отдать половину всех богатств хана.

Спросили хана — согласен ли он? Хан вопит:

— На все согласен!

Кликнули клич, только никто не вызвался избавить хана и ханшу. Кликнули клич во второй раз — опять никто не вызвался. Кликнули клич в третий раз — вышел Бош-кюбюн и говорит:

— Я не удгун-бе и не эмчи, а все-таки попробую! Только сдержит ли хан свое слово?

Хан говорит:

— Сдержу, сдержу! Только помоги мне!

Бош-кюбюн говорит:

— Приведите сюда младшую ханскую дочку!

Как он велел, так и сделали. Тогда Бош-кюбюн сказал:

— Хан и ханша, поднимитесь!

Тотчас хан и ханша поднялись. Глянул хан на Бош-кюбюна и закричал:

— Это тот негодяй, оборвыш, которого я за дерзость приказал избить до полусмерти и бросить в голую степь, чтобы он там погиб от голода! Как он здесь появился? Видно, плохо его избили! Эй, слуги, схватите его, отрубите ему руки и ноги!..

Кинулись было ханские слуги к Бош-кюбюну, а он сказал:

— Приклейтесь к земле, хан и ханша! Приклейтесь к земле, ханские слуги!

Только сказал — все тотчас и прилипли к земле.

А Бош-кюбюн с младшей ханской дочкой сели на черного бычка. Ударил Бош-кюбюн бычка по лопаткам — съежился бычок; ударил по копытам — завертел бычок хвостом; ударил по хребту — побежал бычок, да так быстро, что самому лучшему скакуну не догнать. Унес он Бош-кюбюна и девушку далеко-далеко, и стали они жить дружно, весело и счастливо.

О ПОЕДИНКЕ ВЕЛИКОГО НОЙОНА ДЖАНГРА С ЯСНОВИДЦЕМ АЛТАНОМ ЦЕЖДИ

Единственный в древнем роду,
Джангар, ныне великий нойон*,
Был на пятом своем году
Стариком Шикширги полонен.

---

* Нойон — князь, титул Джангара.

Изучив подробно дитя,
Исследовав со всех сторон,
Истину обретя:
Из людей он один рожден
Из начала мира сего
Стать владыкой мира всего,
И могучим и славным стать,
Ханом семидержавным стать,—
Старый Менген Шикширги решил
Джангра убить в молодые года.
Пятилетний Хонгор тогда —
Юный сын Менген Шикширги —
Джангру на помощь поспешил.
И припав к ногам Шикширги,
Хонгор счастье изведал тогда:
Смерти подвергнуть не дал тогда
Душу великого Джангра Богдо.*

Стал раздумывать Шикширги,
Как убить потаенно дитя,
Уничтожить нойона-дитя.
И так решил Шикширги, наконец:
Может погибнуть этот юнец,
Если угонит красивый табун
Сорокатысячный сивый табун
Ясновидца Алтана Цеджи,—
Явную гибель найдет нойон,
Яростною стрелою сражен —
Ядом напитанной, удалой
Ясеневого лука стрелой.

К этому времени Джангар-нойон
Лета шестого достиг своего.
Вот однажды отправил его
Шикширги на великий угон
Сорокатысячного табуна.
Оседлав своего скакуна,
Джангар поскакал на восток.
Полетел Аранзал, как стрела.
Оказывался юный ездок
То спереди, то сзади седла.
Длиннохребетный конь Аранзал
Ночи — ночами не считал,
Утра — утрами не считал.
Так он три месяца проскакал.
Черной пыли взвилась полоса,

* Богдо — священный хан; титул.

Подпирающая небеса.
Через сорок и девять дней
Джангар увидел вершину горы —
Покоилось небо на ней.
Взобравшись на вершину горы,
Взглядом холодным окинул нойон
Землю со всех четырех сторон:
Среди золотых горных громад
Засверкала башня Барвад.
Заволновался красивый табун,
Сорокатысячный сивый табун.
Через истоки множества рек
Переправился Джангар потом.
Завладел он могучим скотом,
Окриком в кучу собрал табун
И, словно тучу, погнал табун...
Буре подобны, в густой пыли
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что по дороге раскидывали,
Будто брезгуя прахом земным!
От развевавшихся конских волос
Пение скрипок и гуслей неслось.
Там, где мчались коней косяки,
Красные разметав пески,—
Появлялась потом тропа:
Покрывалась песком трава.
Увидал Алтан Цеджи:
Всадник летит, табуны гоня,
Ни одного не теряя коня.
Приказал Алтан Цеджи
Оседлать своего коня.
«Этот угонщик коней лихих,
Сизо-плешивых коней моих,
Очевидно, Джангар-нойон,
Что захвачен был в плен Шикширги.
В голове Менген Шикширги
Был задуман этот угон!
Вижу, заглядывая вперед:
Прибыл бы Джангар сюда через год,—
Был бы теперь семилетним он,—
Надо мной одержал бы верх,
Захватил бы меня в полон,
С трона меня бы низверг!
Но прибыл сюда шестилетним он,
Значит, он будет моим теперь!»

Ясновидец при этих словах
Ясеневый, шириною с дверь,
Крепкий достал разукрашенный лук.
Сел на коня с помощью слуг,
На восток направил коня.
Через сорок четыре дня
Он увидел нойона вдруг
За тремя истоками рек.
Сразу прянула с лука стрела,
Пролетев над истоками рек,
Джангру в лопатку вошла.
К мягкой гриве мальчик припал,
Покинут сознаньем своим,—
Но хозяина спас Аранзал:
Так поскакал, что дыханьем своим
Он раздваивал траву!

Упустив необъятный табун,
Джангра домчал чудесный скакун
Прямо до ставки Шикширги.
Изнемогая, свалился нойон
Около ставки Шикширги.

Закричал Шикширги, разъярен:
«Опротивел мне этот юнец.
Изрубите его, наконец,
Искрошите кости его
И скорее бросьте его
На съедение курам и псам!»
Так он жене приказал, а сам
На себя доспехи надел,
На темно-карего сел коня
И поскакал, броней звеня.

Когда же ханша Зандан Герел
Собиралась убить Богдо,
Как повелел ей грозный супруг,—
Хонгор бросился к матери вдруг,
Телом своим храня Богдо.
«Мать, убей и меня с Богдо! —
Закричал он матери вдруг.—
Не заноси над ним руки,
Из лопатки стрелу извлеки!
Ты, Герел, святая жена,
Ты самим бурханам* равна,
Если моленьям уступишь ты,

* Бурхан — дословно «праведник», человек, достигший совершенства и ставший богом

Трижды когда переступишь ты
Через нойона Богдо моего,
Выпадает сразу стрела из него!»

Наконец, уступила она:
Видеть сына, молящего здесь,
Дольше добрая мать не могла.
Трижды переступила она
Через Богдо, лежащего здесь.
Вылезла из лопатки стрела,
Да наконечник в ране застрял.
Хонгор крикнул: «Заметила, мать,
Что наконечник в ране застрял?»
Мальчику так ответила мать:

«Как-то на следующий год
После замужества, весной,
Приключилась беда со мной.
Делала я кобылицам обход —
Помню, был хороший удой.—
Вдруг один жеребец гнедой
Матку покрыл. В ту пору еще
Глупой была я, молодой,
И на них через плечо
Страстолюбивый бросила взгляд.
Вот отчего, быть может, стрела
Выйти из раны теперь не могла!»

Стала тогда на колени Герел,
И для горячих молений Герел
Обе ладони вместе свела.
Выпала сразу из раны стрела,
Сразу же Джангар был исцелен.
Быстро вскочил великий нойон,
Ханше святой воздал он хвалу,
С Хонгром обнявшись, пошел к столу,
Песню дружбы с Хонгром запел.

Время некоторое прошло,—
Видит ханша Зандан Герел:
Не возвращается Шикширги.
Молвила ханша, вздохнув тяжело:
«Не возвращается Шикширги,
А возвратиться время пришло.
Поезжайте за ним поскорей»

Оседлав боевых коней,
С быстротой великой тотчас

Оба помчались в латах своих,
И Шикширги настигли как раз,
Когда он судьбой наказан был,
Когда ясновидцем связан был,
Когда его дорогого коня
Уводил Алтан Цеджи...

Увидал Алтан Цеджи:
Мчатся могущественные друзья.
«Мне бороться с ними нельзя,
Буду сразу же побежден.
Если соединился нойон
С Хонгром,— драться напрасно мне,
Надо сдаваться, ясно мне!»

И ясновидец, так сказав,
Ноги Менген Шикширги развязав,
Навстречу всадникам поскакал.
Чумбуры* серебряные растянув,
Железом из лучших желез застегнув,
Сталью из лучших сталей согнув
Стройные ноги своих бегунцов,
Четверо славных храбрецов
Для беседы сошлись мужской.
Важный, величественный Цеджи
С речью к ним обратился такой:

«Только вот этому Джангру Богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто.
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов раздавит он.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги,
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Менген Шикширги!
В эти прекрасные годы его
Обручите с ханшей Шавдал.
Перейдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святые свои дела.
И когда великий нойон
Соберет на пир племена,
В радости вечной пребудет он,
В изобильи пребудет страна,—

* Чумбур — повод уздечки.

Мне тогда поручит нойон,
Мне, Алтану Цеджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
И прекрасный, как ясный сон,
Будет Хонгор тогда возглавлять
Левую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы* величие распространим —
Да воссияет из рода в род!
И в золотом совершенстве тогда,
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ».

Сел Алтан Цеджи на коня,
Поскакал, бронею звеня,
Свой табун обратно гоня.
Джангар, Хонгор и Шикширги
С превеликою быстротой
К башне помчались Шикширги —
Тополевой и золотой —
и устроили торжество.

И когда нойон достиг
Лета седьмого своего,—
Четыре хана в жены ему
Дочерей предложили своих.
И простые нойоны ему
Дочерей предложили своих,
Джангар и слушать их не стал,
Ни с чем они удалились прочь,—
В жены взял Ном Тегиса дочь —
Шестнадцатилетнюю Шавдал.
Взял он в руки мирские дела,
Взял он в руки святые дела
И с поры достопамятной той
Стал величаться в народе своем
Совершеннейшим сиротой,
Джангром, единственным в роде своем.

* Бумба — наименование страны, океана и горы. Бумбой называется также вершина купола. Очевидно, и страна называется Бумбой, так как является вершиной человеческих желаний.

Да, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя.

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сагендже. И у многих сердца бились, видя ее, и не забывались ее глаза темные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых ильменей проводила она знойные дни, веселая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сагендже кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии и из Индии, много добра накупил у них богатый Сагендже для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки и руки рабов то и дело передавали в руки Сагендже переливающиеся на солнце, дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сагендже.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луни, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогих бухарских коврах. А ее мать, старая Болгун, сидела у ее изголовья, с глазами, полными слез, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик,— думала она,— зачем так печально шумят над ериком ветлы и о чем вполголоса говорит Сагендже в соседней кибитке с богатым сватом... Милая моя Эрле. Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сагендже говорил знатному свату:

— Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разреши мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколько он разумен и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к нойону* Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперек седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Болгун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сагендже и печально глядел на Эрле.

— И зачем она так быстро выросла,— шептал Сагендже,— и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, веселую, как весенний ручеек, как первый луч солнца.

* Нойон — знатный феодал, князь.

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдет от нее, что еще рано ей покидать стариков и что не страшит ее гнев свирепого нойона Тюменя.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюменя и сына его Бембе.

Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сагендже. Красны были от слез глаза Болгун.

Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын беспощадного, свирепого нойона Тюменя, чье имя приводило в трепет всю степь.

— Пусть сама Эрле скажет тебе условия,— промолвил Сагендже, когда Бембе заявил о том, что Эрле нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнце.

Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.

От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.

— Все, что хочешь проси,— сказал он ей,— только согласись.

Улыбнулась Эрле и сказала:

— Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдешь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но во всем мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдешь меня на этом же месте, и, если принесешь цветок, я стану твоей женой. Прощай.

Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:

— Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришел без страха и сказал мне об этом за большую награду.

Быстрее ветра облетел степь приказ Тюменя.

Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запыленный всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:

— Я знаю, где растет желанный твоей красавице Эрле прекрасный цветок.

И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезет лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.

На другой день шесть всадников пустились в дальний путь.

Скучно рассказывать о том, как жил Сагендже холодной зимой.

Северо-восточные ветры загнали скот в крепи, а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невеселые песни степные бури. Даже веселая Эрле тосковала о солнце и ждала весны. Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе. А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду.

Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали и ехали вперед.

Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок — лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришел старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:

— Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто еще более прекрасное.

Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.

Все реже и реже дул свирепый ветер, а солнце все дольше оставалось в небе. Близилась весна, а ее так ждала бледная, исхудавшая Эрле.

Напрасно ходили в землянку отца знахари, напрасно поили ее разными травами, с каждым днем таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Болгун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходившую от нее навсегда.

А когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза ее по-прежнему смеялись тихо и ласково.

Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтоб торопил он своих коней, потому что скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали от изнеможения.

Знатные сваты неслись навстречу Бембе.

— Торопись, Бембе,— кричали они.— Твоя прекрасная Эрле умирает.

И когда уже показалась кибитка Сагендже, все увидели, как из нее, пятясь, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама.

Схоронили ее на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм.

Темной ночью Бембе ушел в камышовые заросли устья и посадил там чудный лотос.

И до сей поры растет там прекрасный этот цветок.

КАК ЛЕНИВЫЙ СТАРИК РАБОТАТЬ СТАЛ

В давние времена калмыки верили, что есть такой день — «тушу», когда нельзя работать. Иначе — беда будет.

А у одного ленивого старика что ни день, то «тушу». Сам себе «тушу» устроил. Совсем его лень одолела. Лежит целыми днями в кибитке, курит трубку да поглядывает. Спит подолгу.

Совсем измаялась старуха, его жена. Уж она и укоряла его, и ругала, и просила. Ничего не помогает. Лежит старик, как колода.

С утра до позднего вечера возилась бедная старуха по хозяйству. Кряхтит, ноет, а работать нужно. И кибитку убрать, и огонь развести, и козу подоить, и обед приготовить, и мало ли чего еще нужно сделать. Одной — целого дня мало!

Все размышляла старуха, как ей своего старика работать заставить. И надумала.

Встала она однажды рано, вышла тихонько из кибитки и поставила у входа горшок с маслом. Сама же опять легла и прикинулась больной. Лежит и охает. Проснулся старик.

— Ты чего охаешь, людям спать не даешь? — спрашивает.

— Нездоровится мне.

— Ну, как знаешь,— говорит старик,— я работать за тебя не буду.

— Да я и не прошу,— говорит старуха.— Ты только за дверь выгляни, погляди, какая погода сегодня, как мне одеться, чтобы еще больше не расхвораться.

Ворчал-ворчал старик, потом решил, что при больной жене ему же труднее будет, оделся и вышел.

Только выглянул старик из кибитки, видит — в трех шагах от него горшок с маслом. Старик обрадовался, три шага туда, три назад сделал и принес горшок с маслом в кибитку.

— Старуха, а старуха! Готовь теперь чаю побольше.

— Вот видишь,— говорит старуха,— в первый раз из кибитки вышел и сразу же горшок с маслом нашел.

Сидит старик, бороду поглаживает, сам собой доволен. А старухе только того и надо. На следующий день положила она чуть подальше, шагах в десяти от кибитки, большой кусок баранины. Вышел старик из кибитки и видит — опять повезло ему: лежит кусок жирной баранины. Сделал старик десять шагов вперед, десять шагов назад и принес мясо.

— Старуха, а старуха! Смотри, какой я сегодня кусок мяса нашел. Вари скорее, досыта наедимся.

Поели шолюн. Важничает теперь старик. «Вот, мол, какой я человек. Сам себе еду добываю, работаю».

Так старуха понемногу старика от безделья и лени стала отучать. Скоро старик в поисках съестного сотни шагов отмахивал, готов был и дальше идти.

Говорит однажды старуха ему:

— Вот везет тебе! То ты горшок с маслом найдешь, то барани-

ну принесешь, то на лепешки свежие наткнешься. Поехал бы ты теперь на охоту. Уж, наверно, добыча твоя получше, чем у молодых охотников, будет.

Оседлал старик лошадь, взял лук, стрелы и с важным видом отправился охотиться. В степи приметил зайца. Пустил в него старик стрелу — не попал. Другую пустил — промахнулся. Третья — мимо пролетела. Все стрелы выпустил старик, а зайца не убил.

Расстроился старик. Досадно стало ему, что такой удачник и работяга, как он, да с пустыми руками домой вернется.

Соскочил старик с лошади и что было силы погнался за зайцем. Заяц в сторону — старик за ним, заяц на бугор — и старик туда, заяц через яму — и старик через нее.

Долго гонял старик зайца, да не догнал. Стал он посреди степи, отдышался и назад побрел. И куда его лень подевалась! Еще готов бежать старик, да заяц скрылся из глаз.

Пошел старик искать свою лошадь. Пока искал — есть захотелось. До того проголодался, что нет сил. Присел наш охотник на бугорок и видит — что-то блестит в траве. Подошел старик, нагнулся — кольцо золотое. Только успел находку в карман положить, как подошли к нему два молодых калмыка.

— Старик, а старик! Не находил ли ты золотого кольца?

— Нет,— отвечает старик,— кольца я не находил. А вы что-нибудь потеряли?

— Да!

— Ну так беда небольшая. Я ведь колдун. Дайте мне поесть как следует, лошадь мою приведите, а уж я вам кольцо отыщу.

Принесли молодцы старику вдоволь еды. Пока за едой ходили, старик опять в траву кольцо недалеко от себя бросил.

Славно поел старик и еще старухе своей припас. Пышек, масла, молока, всего натащили старику. И лошадь его отыскали, привели к нему.

Наелся старик, араки выпил и говорит:

— Идите, куда я пальцем укажу, там и найдете кольцо.

Пошли они и нашли кольцо. Долго дивились стариковскому колдовству.

Поехал старик домой, жене пышек, мяса, молока привез.

С тех пор пристрастился старик к охоте. Стрелять стал метко. Теперь, чуть утро настанет, он уже на коне. А как с охоты придет — ни минуты посидеть не может сложа руки, по хозяйству возится — помогает старухе, стрелы точит.

Так научила старуха работать своего ленивого старика.

ДВА ОБМАНЩИКА

Давно это было. Встретились на границе двух улусов два обманщика — один из Торгоутского улуса, другой из Дербетского. Один нес на спине полный мешок стружек, а другой — мешок верблюжьего помета. Поздоровались, а потом торгоутский

обманщик спросил дербетского, куда он идет и зачем.

— Иду к вам в Торгоутский улус. Слыхал, что у вас очень дороги орехи, вот и несу продавать мешок орехов,— ответил тот.

— А я иду к вам в Дербетский улус. Слыхал, что у вас очень дорого стоят рожки. Вот и несу продавать мешок рожков,— сказал другой.

— Ну, тогда давай обменяемся товаром,— заговорили оба.

— Давай поменяемся, проверять уж не будем. Ведь мы же не обманщики? — предложил один.

— Давай поменяемся,— согласился другой.

Поменявшись мешками, оба заторопились назад, каждый в свой улус. По дороге открыли они мешки. В одном — стружки, а в другом — помет. Тогда оба вытряхнули мешки и с пустыми повернули обратно.

Никогда в жизни еще никто не сумел их обмануть, а теперь обманули, и они обозлились. Встретились снова и подрались.

— Зачем ты меня обманул, пес проклятый?

— А ты зачем меня обманул, проклятая собака?

Вцепились они друг другу в волосы и так дрались, что докатились до хутора, находившегося между двух улусов. Хозяин приметил их и предложил им поработать. Они согласились: один поступил пастухом, другой дворником.

Пастух встал рано утром, взял с собой кусок хлеба и ушел. Дворник тоже встал, начал убирать двор и вдруг нашел копейку.

Вечером оба встретились. Пастух, видно, устал, тяжело дышит и говорит:

— Ой, до чего же хорошо пасти скот! По самому берегу реки он пасется, а ты спи себе вдоволь. Приходят русские бабы, угощают чаем, пирогами. Видишь, я даже не доел утрешнего куска, назад принес, вот,— показывает.

— Ну, убирать двор тоже неплохо. Рано кончаешь работу. Вот я кончил рано, от нечего делать стал плясать. Подошел хозяин и говорит: «Молодец!» — и дает деньги.— И он показал найденную копейку.

— Ну, тогда ты иди пасти скот.

— А ты убирай двор.

Так опять они обменялись.

На другой вечер встретились, чуть не плачут. Пастух потерял одного бычка, а дворник до поздней ночи работы кончить не мог.

Хозяин тогда стал их бить...

— Ты же говорил, что хорошо пасти скот!

— А ты говорил, что хорошо убирать двор!

— Ну, давай помиримся, друг друга обманывать больше не станем, лучше давай украдем вместе ханскую казну.

Взяли с собой сундук, аркан и в ту же ночь отправились. А ханская казна без крыши; один из них сел в сундук, а другой на аркане спустил его в казну. Тот наложил полсундука денег и спрашивает:

— Может, хватит!

— Клади еще,— отвечает другой.

Тогда тот тихонько влез в сундук, лег в него и закрыл крышку. Держащий аркан дернул изо всех сил, вытянул сундук и взвалил его на спину.

— Ну, прощай, друг! Я взял деньги. А тебя хан казнит за то, что ты полез в казну. Оставайся, дружок! — Сказал и ушел.

Шел, шел, устал. Лег поспать в степи, а сундук поставил рядом. Когда крепко заснул, тот вылез из сундука, заклеил спящему глаза, взял сундук и пустился бежать. Бежал, бежал, и тоже устал. Уже начало рассветать, а потом густой туман поднялся.

Первый обманщик проснулся, отодрал с глаз наклейки и пустился бежать. Бежал, бежал, остановился. Два раза заржал по-лошадиному. Услышал второй, что ржет «лошадь», вернулся назад, стал звать лошадь к себе: «Тпрс, тпрс».

Так и повстречались они в густом тумане.

— Ты зачем украл сундук?

— Ты первый украл!

Поругались. Потом помирились и пошли в кибитку к торгоутскому обманщику.

Дербентский обманщик рассуждал так: «Дурак, что ли я, работать у него бесплатно. Нет, шалишь, все равно обману. Украду сундук и один буду владеть добром». Придумал он, как лучше это сделать, украл ночью сундук и исчез. Пришел к себе, спрятал деньги, вырыл яму, влез в нее, велел сверху закрыть себя доской и зарыть.

Жене своей сказал:

— Когда придет за мной человек, то скажи ему так: «Помер он вчера. Если не верите, посмотрите, вот его могила». И укажи.

Пришел торгоутский обманщик. Ему и говорят:

— Помер он, если не верите, смотрите,— вот его могила.

— Эх, как жаль! Вот беда. Как хорошо мы с ним жили. Сколько страдали вместе, голодали!.. Боже мой, помер! Вот теперь я должен исполнить его последнюю волю. Когда мы странствовали по свету, дали друг другу слово, что если кто-нибудь из нас умрет, то оставшийся в живых должен залить могилу кипятком. Вот теперь я это и сделаю.

Взял он бочку горячей воды и стал лить в могилу.

Дербетский обманщик тут же выскочил из могилы. Сцепились опять оба обманщица.

Тут я подоспел к ним и стал разнимать.

— Живите,— говорю,— черти вместе и без обмана.

Так и помирил их, и хорошо прожили они свой век.

ТРИ МУДРЕЦА

Давным-давно жил один скупой хан. Как-то раз его решили обмануть три мудрых старика. У одного из них были белые усы и черные волосы. У другого старика волосы были белые, но зато усы черные. Третий старик был без усов и без бороды.

Когда старики предстали перед скупым ханом, он спросил у первого:

— Почему у вас усы белые, а волосы черные?

Старик ему в ответ:

— Есть на то причина. Нож у меня тупой, жена моя злая, лошадь плохая. С досады я крутил усы, вот они у меня и побелели.

Тогда скупой хан спросил у другого старика:

— Почему у вас усы черные, а волосы белые?

Старик ему в ответ:

— Есть на то причина. Волосы мои на двадцать лет старше усов. Волосы уже поседели, а для усов еще не настало время седеть.

Тогда скупой хан обратился к третьему старику:

— А почему же у вас нет ни бороды, ни усов?

Старик ему в ответ:

— Есть на то причина. Я родился весь в отца и, чтобы не обидеть мать, решил немного походить на нее. Поэтому у меня нет ни усов, ни бороды.

Хан за находчивость подарил старикам мешок золота. Они взяли золото и отправились домой.

Но скупцу стало жалко своего богатства, и послал он им вслед гонца, чтобы тот хитростью отобрал у них золото.

Ханский гонец придумал три хитрых вопроса. Он думал, что старики не смогут на них ответить и придется им вернуть золото.

Гонец пустился вдогонку. Догнав стариков, он спросил:

— Какое расстояние от востока до запада?

Чтобы ответить, остановился только один старик, а двое других продолжали путь.

Старик ответил:

— От востока до запада расстояние в один день, так как солнце встает утром на востоке, а вечером заходит на западе.

Гонец задал тогда второй вопрос:

— Как далеко небо от земли?

Старик ответил ему так:

— Небо от земли находится на расстоянии человеческого слуха, так как гром, который рождается на небе, слышен на земле.

Наконец ханский гонец задал третий вопрос:

— Что такое перемена жизни?

К этому времени два других старика были уже далеко. А первый старик так ответил гонцу:

— Мы как раз говорили все втроем об этом до вашего прибытия. Наверно, мои спутники уже нашли верный ответ. Дайте мне лошадь, я быстро узнаю у них и тогда скажу вам.

Гонец слез с коня, а старик сел на него. Отъехав от гонца, он повернул коня и сказал:

— Ханский гонец, думал ли ты когда-нибудь, что останешься пешим и одиноким в глухой степи, без пищи, без воды, не зная куда идти? Вот это и есть перемена жизни.

С этими словами старик ускакал к своим спутникам.

МУДРЕЦ И ГЕЛЮНГ

Жили-были старик и старуха. Был у них только один сын. Жили они в нищете. Заболел старик и помер. А не во что старика завернуть, чтобы схоронить. Жалко сыну отца голым в землю зарывать. Разорвал он бешмет, завернул тело отца и схоронил.

Прошло время; не обходит сына несчастье. Заболела мать, померла. Остался сын круглым сиротой. Жалко сыну мать голой в землю зарывать. Снял он с себя рубашку, разорвал, завернул тело матери и схоронил.

Остался сирота один в травяной кибитке. Есть нечего, делать нечего. Вышел сирота из кибитки и пошел по первой попавшейся дороге.

Идет по дороге туда, откуда ветер дует, и сам не знает, зачем идет. Притомился сирота, силы к концу подходят. Тогда сирота представил себе, что едет он верхом на лошади, шлепнул себя ладонями по бедрам, словно коня подогнал — побежал, еще раз шлепнул — веселей побежал, усталости будто и не было. Вдруг видит сирота — навстречу гелюнг едет верхом. Подъехал гелюнг и спрашивает:

— Куда ты, юноша, идешь?

— Туда, где и поработать можно и поесть,— отвечает сирота и рассказал гелюнгу о своем несчастье.

«Пригодится мне сирота»,— думает про себя гелюнг и говорит:

— Садись позади седла, у меня найдется для тебя работа и еда.

Сел сирота и поехал с гелюнгом. Едут они по степи, видят: журавли летят и кричат. Гелюнг и говорит:

— Журавли — птицы благородные, в степи щиплют только душистую сочную травку эревни. Потому они и кричат так ласково и приятно: «Крык, крык, крык!»

Сирота ему отвечает:

— Не щиплют журавли никакой сочной травы, ходят они по болоту и едят лягушек, потому они так и кричат: «Курлы, курлы!..»

Рассердился гелюнг на сироту. Как смеет такой нищий перечить ему, гелюнгу! Соскочил с кобылы и ударил сироту. Не стерпел сирота и бросился на гелюнга. Дрались, дрались,— помирились, поехали дальше.

Подъехали они к озеру, в озере утки плавают. Гелюнг и говорит:

— Утки — птицы благородные, им Бог дал мягкий шелковый

пух и перепонки на лапах. Поэтому лучше их никто не плавает.

Возразил сирота гелюнгу:

— У ужа нет ни пуха, ни широких перепонок, круглый он, как палка, а плавает быстрее ваших уток.

Рассвирепел гелюнг: как смеет оборванец ему перечить. Соскочил с лошади и ударил сироту. Сирота не стерпел и бросился на гелюнга. Дрались, дрались,— помирились, поехали дальше.

Подъехали они к дворцу хана: гелюнг был братом ханской жены. Стал гелюнг жаловаться ханше на сироту:

— Я пожалел этого бродягу, взял его с собой, а он избил меня. Прикажи наказать его.

А ханша была злая, приказала она казнить сироту. Видит сирота, дело плохо. Он и говорит:

— Безжалостная вы, ханша, только не знаете вы, что овечья голова не распоряжается ханством, для этого есть баранья голова. Вот придет хан, пусть он и казнит, а от вас я смерти не приму.

Рассвирепела ханша, а возразить сироте нечего.

Приехал хан, услыхал о дерзости сироты и велел позвать его.

— Как ты посмел,— говорит хан,— избить гелюнга и обругать ханшу?

Сирота рассказал хану, из-за чего они дрались с гелюнгом и за что обругал он ханшу.

— Вы, хан, сделали бы так же, как и я,— закончил сирота.

Понравился хану мудрый ответ сироты и решил он оставить сироту при своем дворце.

Однажды хан созвал всех своих мудрецов. Пришел и сирота. Дал хан каждому по овце и приказал:

— Вскормите овец так, чтобы сала у них видно не было, а чтобы овцы были очень жирными.

Пришел сирота домой с овцой, нашел шкуру волка, набил в нее соломы и зашил. Как только овца наестся, сирота ее соломенным волком пугает. Он страха у овцы все жиринки по телу разбегутся.

Пришел срок, созвал хан мудрецов. Пришли они и овец с собой привели. Зарезали мудрецы своих овец — у каждой овцы сало толщиной с ладонь. Зарезал сирота свою овцу — ни одной жиринки не видно. Стали варить его овцу — полон котел жира набралось.

В другой раз созвал хан всех мудрецов и дал каждому по собаке. Досталась собака и сироте.

— Каждый должен научить свою собаку говорить,— приказал хан-сумасброд.

Пришел сирота домой и стал учить собаку говорить. Поставит перед ней еду, а есть не дает и все твердит: «Кезя, кезя (когда, когда)». Долго учил. Собака исхудала от голода, а молчит. Наконец собака поняла и гавкнула:

— Кезя, кезя.— Тогда сиротка дал ей поесть.

Пришел срок, созвал хан мудрецов. Привели они собак. У всех собаки жирные, злые, на людей кидаются, лают, а ничего не гово-

рят. Видит хан: собака сироты худая, все позвонки можно счесть. Хан и говорит ему:

— Ты, верно, свою собаку голодом заморил.

— Нет, хан, я ее лучшей пищей кормил,— ответил сирота, а сам тихонько из кармана кусок собаке показал.

— Кезя, кезя! — закричала собака.

Удивился хан, удивились мудрецы, что сирота научил говорить собаку.

С тех пор и прославили сироту по всей степи.

НЕРАЗРЕШЕННЫЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

Давным-давно жил некий хан. Когда он перекочевывал, то на новом месте ставил рога антилопы, чтобы они охраняли его от всякой нечисти.

Как-то один охотник вздумал принести в подарок хану лебедей. Пошел он к озеру, улегся там с ружьем наготове и стал поджидать дичь. Прилетели на озеро семь лебедей. Охотник решил всех застрелить; когда они поднимутся в небо и вытянутся в один ряд. Пока он ждал, другой охотник выстрелил в лебедя и убил его наповал. Привязал убитого лебедя красной шелковой ниткой к поясу и понес в подарок хану. Явился к хану и первый охотник и так сказал:

— Всесильный хан, я лежал на берегу озера и ждал, когда семь лебедей поднимутся в небо и вытянутся в ряд, чтобы одним выстрелом убить всех разом и отнести вам в подарок. Откуда ни возьмись, другой охотник подстрелил одного лебедя и понес вам, а остальных спугнул, и они улетели. Прошу вас, хан, созвать справедливый суд и заставить охотника оплатить мне семь лебедей.

В ответ на это хан и говорит:

— Неизвестно еще, смог бы ты убить всех семерых лебедей одним выстрелом, а потом охотник, на которого ты жалуешься, явился ко мне раньше тебя и не с пустыми руками, как ты, а с лебедем, поэтому я отказываюсь вас судить.

Так и не удалось рассудить охотников.

Во владениях того хана жил богатый гелюнг. Когда табуны гелюнга гнали на водопой, то все заранее должны были перекочевать в другие места, чтобы не мешать им.

Однажды, когда табун гелюнга должен был пойти на водопой, все население перекочевало, на пути осталась лишь одна кибитка бедняка, у которого рожала жена.

Когда табуны шли, по подняли они такой шум, что новорожденный у бедняка скончался. Но другой день бедняк пришел к хану с жалобой.

— Вчера, хан, когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, моя жена родила ребенка, но новорожденный скончался от шума. Прошу вас, хан, созовите суд и накажите виновного.

— Наверно, табуны, проходя через твою кибитку, задавили твоего сына? — спросил хан.

— Нет, табуны шли не через мою кибинку, а мимо, но, если бы они не проходили мимо кибитки, ребенок мой не умер бы,— настойчиво сказал бедняк.

«Табуны шли на водопой стороной, кибитку не задевали, а ребенок скончался»,— так размышлял хан и сказал бедняку:

— Нет, не могу я это рассудить.

Так не удалось разобрать и второе судебное дело, и оно осталось неразрешенным.

Жил-был один мальчик, была у него только мать. Нанялся он к хану пасти телят, играть с его детьми и улаживать их ссоры. Дети хана всегда слушались этого мальчика.

Однажды мальчику сильно захотелось есть, но есть было нечего. Тогда он уговорил ханских детей зарезать теленка. Как решили, так и сделали: теленка зарезали, мясо сварили и съели.

Вечером, когда коровы пришли домой, смотрят — одного теленка недостает. Стали разыскивать, расспрашивать, а ханские дети сознались и выдали зачинщика:

Хан вызвал мальчика и спрашивает:

— Зачем же ты зарезал нашего теленка?

— Есть очень хотелось,— ответил он.

Допросил мальчика хан и решил его казнить. Узнала об этом мать мальчика, прибежала к хану и стала его упрашивать:

— Могущественный хан, не казните моего сына, он ведь не простой, а особенный.

Хану стало любопытно, и он приказал позвать мальчика.

— Есть у меня два неразрешенных судебных дела. Если ты их разрешишь, то я тебя пощажу,— сказал хан.

— Я смогу решить, только скажите, что это за дела,— ответил мальчик.

Хан тотчас же послал гонца за охотником. Привели охотника. Мальчик его и спрашивает:

— Вы хотели одним выстрелом убить сразу семь лебедей?

— Да, я.

— А далеко ли от вас были лебеди?

— За сто шагов.

— А есть ли у вас дети? — спросил мальчик.

— Сынок двухлетний.

— Если вы и вправду искусный стрелок, поставьте своего сына, положите ему на голову лебединое яйцо и со ста шагов одним выстрелом пробейте яйцо. Тогда мы убедимся, что вы смогли бы одним выстрелом убить семь лебедей,— сказал мальчик.

Охотник согласился. Здесь же, у всех на глазах он поставил своего сына, положил на его голову лебединое яйцо и на расстоянии свыше ста шагов одним выстрелом пробил яйцо насквозь, а сын остался невредимым.

Так разрешилось первое дело, и охотнику заплатили за лебедей.

— Есть еще одно дело,— сказал хан.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, на их пути стояла кибитка бедняка, жена которого только что родила. Новорожденный испугался шума и умер. Отец ребенка требует осудить хозяина табунов. Разреши это спорное дело,— обратился хан к мальчику.

— Можно,— сказал мальчик.— Наполните большой котел овечьим молоком, вскипятите его и поставьте в кибитку бедняка.

Подоили овец, наполнили молоком большой котел, вскипятили и поставили в кибитку бедняка. На другой день табуны гелюнга Гаванга погнали на водопой мимо этой кибитки. От шума пенка на молоке порвалась на четыре части.

— Мозг новорожденного подобен пенке на молоке,— сказал мальчик.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, не выдержал мозг ребенка, и он умер.

Гелюнг Гаванг был наказан.

Так разрешилось и второе судебное дело.

Хан отменил решение о казни мальчика и сделал его своим судьей.

МУДРАЯ НЕВЕСТКА

В давно минувшие времена жил-был некий хан. У хана был единственный сын. Был он дурак дураком. Это очень печалило хана. И хан решил во что бы то ни стало при жизни подыскать сыну-глупцу умную жену.

Поехал хан по своим владениям. У одного селения видит: три девушки собирают кизяки. Вдруг полил дождь. К пасшимся коровам подошли телята. Две девушки побежали домой, а одна накрыла бешметом кизяки и побежала к стаду, отогнать телят.

Хан подъехал к ней и спросил, почему она осталась под дождем, когда ее подруги убежали домой.

— Мои подруги один раз выиграли, два проиграли, а я два раза выиграла, а один проиграла,— ответила девушка.

— В чем же ты выиграла? — спросил хан.

— Я укрыла от дождя кизяки и отогнала телят от коров, а то бы они высосали молоко. Беда только, что дождь намочил мой бешмет. Но бешмет я высушу у огня, а огонь разведу сухими кизяками. А у моих подруг и кизяки намокли, и телята высосали молоко. Только бешметы свои не намочили. Видите, хан, у меня и молоко будет и огонь, а у них ни того, ни другого.

Хану понравилась находчивость девушки, и он решил разузнать, кто она такая.

— А как переправиться через эту речку? — спросил хан девушку.

— Поедете направо, дальше будет, зато короче. Поедете налево, короче будет, зато дольше,— ответила девушка.

Хан понял девушку так — если поехать налево, то там брод будет болотистый, застрять можно, и решил ехать направо.

Еще спросил он у девушки, как ему найти в селении ее кибитку.

— Моя кибитка стоит слева. Вы ее сразу увидите. У нее шестьдесят окон и шестьдесят пик торчат.

В селении по левую сторону хан увидел черную-пречерную кибитку. Через дыры в крыше виднелись все жерди. Хан догадался, что это и есть шестьдесят окон и шестьдесят пик.

В кибитке оказался отец девушки. Вслед за ханом пришла и девушка с кизяками.

Чтобы еще раз проверить находчивость девушки, хан вдруг спросил ее:

— Сколько у тебя в мешке кизяков?

— Столько же, сколько раз ступил ваш конь от вашего дворца до нашей кибитки,— не задумываясь, ответила девушка.

Перед отъездом из селения хан приказал старику приготовить на завтра кумыс из бычьего молока и обшить свою кибитку пеплом.

Заплакал старик и передал дочери повеление хана. Но дочь ничуть не смутилась и успокоила старика, что все сделает сама.

На следующий день девушка обшила кибитку рогожей и выжгла ее так, что пепел пристал к войлоку, затем она подняла и поставила у кибитки длинный шест.

Хан подъезжает к кибитке, видит — стоит шест, значит в доме кто-то рожает.

— Отец рожает,— ответила хану девушка.

— А разве мужчины тоже рожают? — удивленно спросил хан.

— О великий хан! В ханстве, где готовят кумыс из бычьего молока, все возможно.

Уезжая, хан приказал старику приехать к нему на двуглавой лошади и скакать не по самой дороге и не по степи, а когда приедет к нему, сесть не внутри кибитки и не снаружи.

Как тут выполнить ханское приказание? Старик поделился своим горем с дочерью. Дочь объяснила ему повеления хана. Приехать нужно на жеребой кобыле, скакать нужно не по середине дороги и не по колее, а по полоске между ними, по приезде же к хану нужно сесть у порога снаружи и на спину накинуть войлок от двери.

Старик сделал так, как ему сказала дочь. Хан объявил старику, что он желает женить своего сына на его дочери, и велел приезжать в следующий раз с сумой для золота и арканом для лошадей.

В назначенный день старик явился к нему, как тот приказывал.

Хан повелел наполнить суму старика доверху золотом и дать ему столько лошадей, сколько тот сможет увести.

Однако сколько ни сыпали золота в суму, она все никак не наполнялась, а арканом можно было еще сколько хочешь лошадей захватить.

— Что это у тебя за сума и что за аркан? — спросил хан.

Старик ответил, что о суме и аркане ничего не знает, а что дала их дочь.

Хан послал к девушке гонца. Девушка рассказала ему, что сума сделана из человечьих глаз, и чтобы наполнить ее, нужно посыпать в нее немножко песку, а что аркан сделан из человеческой жилы, и чтобы он сократился, нужно один конец его прижечь огнем.

Наконец хан женил своего сына на девушке.

Через некоторое время после свадьбы хан тяжело заболел. Желая проверить, будет ли невестка помогать своему глупому мужу, хан призвал к себе сына и велел ему догнать перекати-поле в степи и узнать у него, где оно будет дневать-ночевать.

Вернулся ханский сын домой и передал жене приказание отца. Тогда жена посоветовала ему:

— Передай отцу — перекати-поле ответило: «Где я буду дневать, известно оврагу, где я буду ночевать — ветер о том знает».

Ханский сын ответил отцу так, как научила его жена.

Отец остался доволен и велел сыну привести из табуна лошадь с двумя головами и чтобы одна голова смотрела вперед, а другая — назад.

Сын привел к хану двух лошадей и спутал их так, что головы их смотрели в разные стороны.

Хан побранил сына за дурацкую выдумку и велел ему идти к себе в кибитку.

Дома ему жена посоветовала:

— Пойди приведи хану жеребую кобылу. У жеребой кобылы жеребенок лежит в утробе головой к хвосту.

Сын хана сделал так, как посоветовала ему жена.

Хан остался доволен сыном и спокойно умер, зная, что невестка поможет мужу во всем.

ЛЕВЫЙ ГЛАЗ ХАНА

Некогда на краю кочевьев одного хана жил старк с тремя дочерьми. Младшая дочь, по имени Кооку, отличалась не только красотою, но и мудростью.

Однажды старик отправился на ханский базар продавать скотину. Перед уходом он спросил дочерей: какие бы они хотели получить от него подарки? Две дочери попросили купить разные наряды, а младшая, Кооку, отказалась от подарка. Она сказала, что тот подарок, который она бы хотела, достать трудно и опасно, а другого ей ничего не надо. Но отец захотел непременно исполнить желание самой любимой дочери, даже если бы это стоило ему жизни.

— Если так,— сказала Коку,— то прошу вас не продавать черного бычка ни за какие деньги, а просить за него левый глаз хана.

Старик ужаснулся, но понадеялся на мудрость дочери и решил ее желание выполнить.

Старик распродал свой скот, оставил одного черного бычка и стал просить за него левый глаз хана.

Вскоре слух о дерзости старика дошел до ханского дворца. Хан приказал немедленно привести к нему старика.

Испуганный старик упал к ногам хана и признался, что требовать левый ханский глаз научила его младшая дочь.

Хан решил, что в этом необычном требовании, наверно, есть какая-нибудь тайна. Он отпустил старика с условием, что тот немедленно пришлет к нему свою дочь.

Когда Кооку явилась к нему, он строго спросил ее:

— Для чего ты научила отца требовать мой левый глаз?

— Для того,— отвечала Кооку,— чтобы вы, услышав о таком требовании, пожелали увидеть меня.

— Почему тебе так захотелось? — спросил хан.

— Я должна открыть вам истину.

— А какую именно?

— По обыкновению, на вашем суде знатный и богатый стоит с правой стороны, а бедный — с левой. И всегда оправданным бывает тот, кто стоит по правую сторону. Я велела отцу просить ваш левый глаз, так как он у вас лишний: вы ведь не видите того, кто стоит в суде по левую от вас сторону.

Разгневался хан и приказал судить девушку за дерзость.

Суд решил проверить, что толкнуло ее на столь неслыханный поступок: злоба или мудрость.

И вот судьи показали Кооку бревно, ровно обтесанное со всех сторон, и предложили угадать, где у дерева была вершина, а где корень.

Кооку бросила бревно в воду: корень потонул, а вершина осталась наверху. Так она решила первую задачу.

Затем дали ей двух змей и предложили узнать, которая из них женского пола, а которая мужского. Кооку положила обеих змей на вату. Одна из них свернулась клубком, а другая стала ползать вокруг. Так она узнала, что первая змея женского пола, а вторая — мужского.

Тут суд убедился, что Кооку оскорбила хана не по злобе, а по своей мудрости.

Но хан был недоволен решением суда. Он захотел сам задать девушке ряд вопросов и доказать, что нет в ней никакой мудрости.

Вызвал хан к себе Кооку и спросил ее:

— Если девушек пошлют собирать яблоки, кто из них и каким способом соберет больше?

— Та, которая не полезет на яблоню, а останется на земле и будет яблоки подбирать,— ответила Кооку.

— Вот ты приехала к топкому болоту,— как через него переправиться?

— Прямая дорога дальше, а кругом объехать — ближе,— ответила Кооку.

Девушка мудро отвечала на все вопросы, и хан был очень этим

раздосадован. После долгого раздумья он снова начал ее спрашивать:

— Знаешь ли ты, как стать известным?

— Делать добро неизвестным,— был на это ее ответ.

— Кто мудр?

— Тот, кто сам себя не считает мудрым.

— В чем заключаются достоинства женщины?

— Она должна быть прекрасна, как пава, кротка, как ангел, осторожна, как мышь, справедлива, как зеркало, и чиста, как рыбья чешуя,— ответила Кооку.

Хан был изумлен мудростью девушки. Но он все еще продолжал на нее гневаться. Долго опять думал хан и наконец снова призвал к себе Кооку.

На сей раз он предложил ей узнать цену его сокровищ. При этом он сказал, что, если она ответит правильно и на этот вопрос, он признает ее действительно мудрой.

Девушка согласилась, но попросила, чтобы хан дал ей слово, что четверо суток он будет слушаться только ее. Едва лишь хан согласился на это условие, как она потребовала, чтобы хан четверо суток ничего не ел.

На четвертый день Кооку поставила перед ханом блюдо с мясом и сказала:

— Признайтесь, хан, что все ваши сокровища не стоят одного куска мяса.

Хан еще раз убедился в мудрости Кооку. Он выдал ее замуж за своего сына и разрешил ей напоминать ему о своем левом глазе.

ПОЧЕМУ КОМАР ЖАЛОБНО ПОЕТ

Это было очень давно. Когда только что появились на земле звери. Был в то время у змей грозный хан. Хотелось знать хану: чье мясо на свете слаще (задумал он полакомиться).

Вот однажды призвал он к себе комара. Комар предстал перед грозными очами змеиного хана. Говорит комару хан:

— Хочешь ли ты, чтобы змеи отныне питались комарами?

Испугался комар и стал просить, чтобы его отпустили. Тогда змеиный хан приказывает комару:

— Облети весь мир, попробуй кровь всех живых существ и доложи мне, чье мясо слаще.— И с тем отпустил комара.

Долго летал комар. Облетел он весь мир. Кусал всех подряд. Настало время возвращаться. Летит комар к грозному повелителю. По пути ему встречается ласточка. Поздоровались. Сели и разговорились. Расспрашивает ласточка комара, откуда и куда он летит, что хорошего видел. Хвалится комар, что облетел весь мир и попробовал кровь всех живых существ.

— Скажи-ка, чья кровь слаще? — спрашивает ласточка.

— Самая сладкая кровь на свете,— отвечает комар,— челове-

чья. Об этом я хочу доложить змеиному хану, он тогда будет питаться человечиной и оставит нас в покое.

— У многих людей ты пил кровь?

— Да, почти у всех.

— Ну-ка, покажи язык,— говорит ласточка.

Комар высунул язык. Тогда ласточка быстро нагнулась, вырвала у комара язык и съела.

Прилетел комар к змеиному хану. Встретил его сам грозный хан. Спрашивает он у комара, а комар — без языка, ничего не может сказать, только жалобно пищит. Удивился змеиный хан, что комар лишился языка. Как ни старался он понять комара, ничего не вышло.

Слушал, слушал хан, о чем пищит комар, и наконец решил, что комар пищит:

— Лягушки, лягушки!..

И с того времени змеи стали питаться лягушками, а у комаров вместо языка выросло жало, потому они и пищат так жалобно.

ПОЧЕМУ У СОВЫ НЕТ НОЗДРЕЙ

Царем птиц был орел, а орлица царицей.

Когда наступило время орлице птенцов выводить, говорит она царю:

— Соберите всех птиц и свяжите за клювы, я буду орлят выводить у них на спинах.

Царь-орел, выполняя волю царицы, собрал всех птиц, просверлил им дырки в клювах и связал между собой. Стали проверять, все ли птицы тут, оказалось, что нет среди птиц совы. Разгневала царя непокорная сова, послал за ней царь вторично. Подчинилась сова строгому приказу царя и вместе с посланцем явилась к нему.

— Почему ты так долго задержалась? — спросил рассерженный царь.

— Вы же не дали мне крыльев, чтобы я могла летать в сырую погоду, не дали мне и глаз, чтобы я могла видеть в ясный день. Я и останавливалась там, где заставал меня день, и смотрела, что происходит вокруг,— ответила сова.

— Что ты видела? — спросил царь-орел.

— Я сосчитала, кого больше на земле: мертвых или живых.

— И кого же оказалось больше? — спросил орел.

— Если спящих считать за мертвых, то мертвых окажется больше,— последовал ответ.

— Что же еще ты видела?

— Видела, каких деревьев больше: поваленных или растущих.

— Каких же оказалось больше? — спросил орел.

— Если считать и сгнившие деревья, то поваленных окажется больше,— последовал ответ.

— А еще что ты видела?

— Сочла, чего больше: дней или ночей.

— Чего же оказалось больше?

— Если пасмурные дни принимать за ночи, то ночей окажется больше,— последовал ответ.

— А еще что ты видела?

— Сочла, кого больше на земле: женщин или мужчин.

— Кого же оказалось больше? — спросил орел.

— Если мужа, который у жены под пятой, принимать за женщину, то женщин окажется больше,— последовал ответ.

Царь-орел понял, на что намекает сова, тотчас же распустил он всех птиц на волю, а царице сказал:

— Выводи птенцов где знаешь.

С тех пор несется она на водных заносях. А у совы нет ноздрей.

СКАЗКА О РОДНОМ КРАЕ

Нет человеку дороже места, где он родился, края, где он вырос, неба, под которым он жил. Да и не только человек,— звери и птицы, все живое под солнцем тоскует по родной земле.

Давным-давно, когда калмыки жили еще в Китае, привезли китайскому императору в подарок необыкновенную птицу. Она так пела, что солнце в высшей точке неба замедляло свой ход, заслушиваясь ее песней.

Приказал император сделать для птицы золотую клетку, постелить ей пух молодого лебедя, кормить ее из императорской кухни. Первого своего министра император назначил главным по уходу за птицей. Он сказал своему первому министру:

— Пусть птица здесь чувствует себя так хорошо, как нигде и никогда не чувствовала. И пусть она услаждает наш слух, жаждущий прекрасного.

Все было сделано согласно приказу грозного повелителя.

Каждое утро император ждал пения птицы. Но она молчала. «Видимо, птице, привыкшей к вольному воздуху, душно во дворце»,— подумал император и велел вынести клетку в сад.

Сад императора был единственным в мире по красоте. Могучие деревья шелестели прозрачно-зелеными резными листьями, живительно благоухали редчайшие цветы, земля играла всеми своими красками. Но птица по-прежнему молчала. «Чего же теперь ей недостает? — думал император.— Разве ей плохо у меня? Отчего же она не поет?»

Император пригласил всех своих мудрецов, чтобы выслушать их высокоученое суждение. Одни говорили, что, может быть, птица заболела и лишилась голоса, другие — что пища не та, третьи — что, вероятно, она вообще не пела. Самый почтенный столетний мудрец предположил, что воздух, выдыхаемый людьми, угнетает птицу и поэтому она не поет. Внимательно выслушав всех, император повелел вывезти клетку в девственный лес.

Однако и в лесу птица продолжала молчать. Крылья опущены до самого пола, из глаз катятся жемчужинки слез.

Тогда император приказал привести пленного мудреца, взятого вместе с воинами соседней враждебной державы.

— Если ты нам дашь хороший совет и птица запоет, получишь свободу,— сказал ему император.

Неделю думал пленный мудрец и доложил:

— Возите птицу по стране... Может быть, запоет.

Три года кочевал император с птицей по своим владениям. Наконец достигли они одного болотца. Вокруг него рос чахлый кустарник, а дальше простирались унылые желтые пески. Смрадные испарения поднимались из болот, роем летала назойливая мошкара. Повесили клетку на сухую ветвь саксаула. Поставили караульного, и все легли спать.

Когда загорелась на небе ясная утренняя заря и багрянец ее стал разливаться все шире и шире, птица вдруг встрепенулась, расправила крылья, торопливо стала чистить клювом каждое перышко.

Заметив необычное поведение птицы, караульный разбудил императора.

А когда вековечное светило показало свой алый гребень,— птица стремительно взлетела, ударилась о золотые прутья клетки и упала на пол. Она грустно огляделась вокруг и тихо запела. Сто восемь песен печали пропела она, а когда начала песню радости, тысячи таких же птиц, как она, слетелись со всех сторон и подхватили ее песню. Показалось людям, что это не птицы поют под струны лучей восходящего солнца, а поют их души, тоскующие по прекрасному.

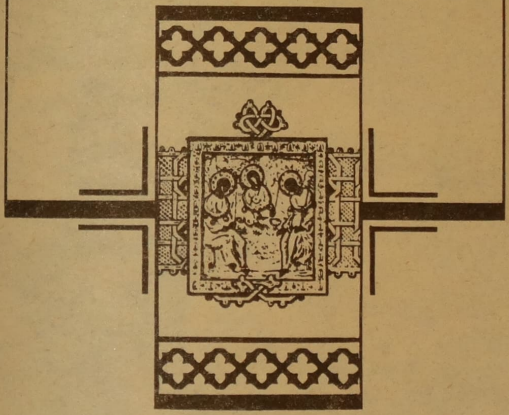
— Вот откуда наша птица, это ее родной край,— задумчиво промолвил император и вспомнил свой несравненный Пекин, где он не был три года.

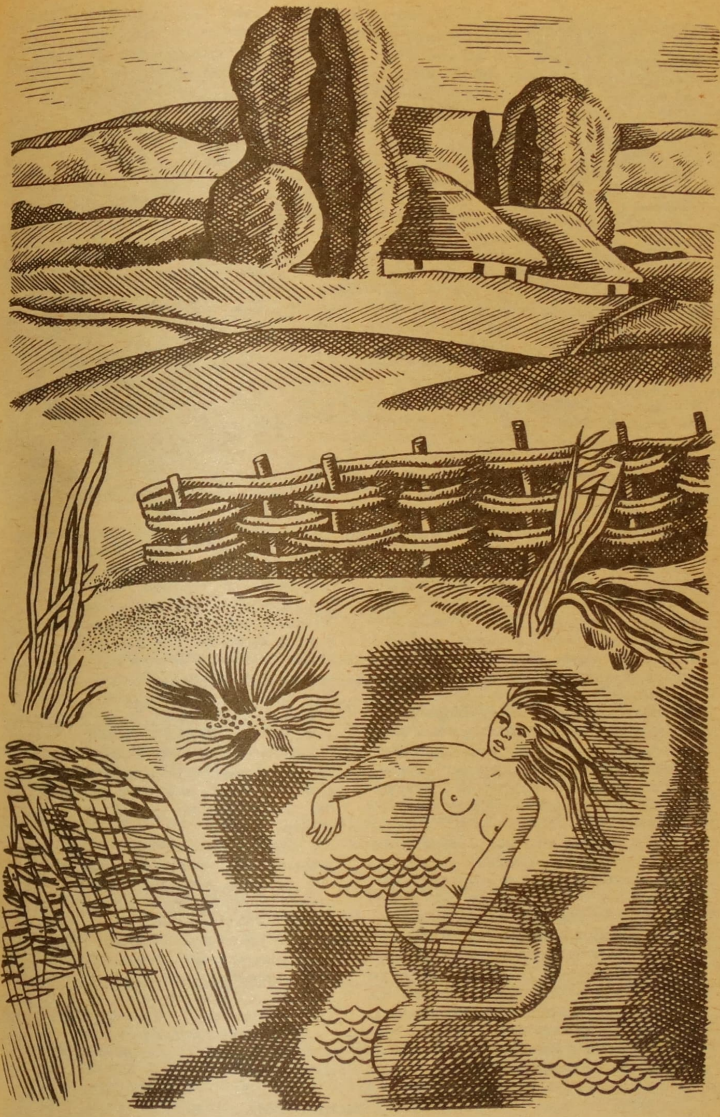
— Откройте дверцы клетки и выпустите птицу,— повелел он.

И тогда запели все птицы тысячу песен хвалы родному краю, тысячу и одну песню хвалы свободе.

Вот что значит родная земля и свобода, петь можно лишь там, где ты обрел жизнь.

Предания о волжских малороссах





УКРАИНЦЫ (самоназв.), народ в СССР. Числ. 42 347 000 человек, осн. население Украины (36 489 000 чел.). Живут также в др. республиках, а также за границей; общая численность 45 015 000 человек. Украинцы относятся к среднеевроп. расе большой европейской расы. В их составе выделяют антропологич. типы второго порядка: полесско-волынский, деснянский (валдайский), карпатский, центральноукраинский, неопонтийский. Говорят на украинском языке вост. подгруппы славянской группы индоевроп. семьи. Различаются след. наречия: северное (левобережно-полесские, правобережно-полесские, волынско-полесские говоры), юго-западное (волынско-подольские говоры, галицко-буковинские, карпатские, поднестровские говоры) и юго-восточное (поднепровские и восточно-полтавские говоры). Письменность с XIV в. на основе кириллицы. Распространены также русский, на Зап. Украине польский язык. Верующие — православные.

В самоназваниях и названиях украинцев отразилась их этническая и политическая история. Наряду с этнонимами, употреблявшимися первоначально по отношению к юго-вост. их группе — «украинцы», «козаки», «козацкий народ», в XV—XVII вв (в Зап. Украине вплоть до XIX в.) сохранилось самоназв. «руськи» («русини»). В XVI—XVII вв. в офиц. документах России украинцы часто назывались «черкасами», позже, в дореволюц. время — преим. «малороссиянами», «малороссами» или «южноруссами». При наличии многих оригинальных самобытных черт традиц.— бытовая культура украинцев близка культуре русских и белорусов, содержит много общеславянских элементов.

Осн. традиц. отрасль с. х-ва — пашенное земледелие (наряду с ним еще в XIX в. сохранялось посечно-огневое и переложное). Разводили кр. рог. скот, овец, лошадей, свиней, домашнюю птицу. Пчеловодство и рыболовство играли в х-ве подсобную роль. Колоритной была фигура чумака — перевозчика грузов на большие расстояния, особенно соли и рыбы на больших возах мажарах, запряженных волами. Значит. место в х-ве занимали разнообразные промыслы и ремесла — поташный, гутный (произ-во стекла), гончарный, суконвальный, деревообрабатывающий, кожевенный и др. Традиц. сел. поселения — села, слободы, хутора уличной, радиальной, разбросанной и иной планировки. Жилище крестьянина — избы (хаты), глинобитные или срубные, побеленные изнутри и снаружи были двух-трехкамерными (типа хата — сени — хата или хата — сени — комора), а в бедняцких х-вах — однокамерный, с глинобитным полом, четырехскатной соломенной, а также из камыша или дранки крышей. При входе в хату справа или слева в углу располагалась печь, повернутая устьем к длинной стороне дома. По диагонали от нее в др. углу, парадном, украшенном вышитыми рушниками, цветами, стоял стол, на к-ром лежали хлеб и соль, накрытые скатертью. Вдоль стен от стола располагались лавы для сиденья. К печи вдоль тыльной стороны примыкал настил (пил) для спанья, над ним висела вешалка (жертка). На стене устраивался «мисник» для посуды. Печь часто разрисовывалась цветами.

Основу питания составляла растит. и мучная пища (борщ, галушки, юшки), каши (особенно пшенная и гречневая), вареники, пампушки с чесноком, лемишка, лапша, кисель и др. Значит. место в пище занимала рыба, в т. ч. соленая. Мясная пища крестьянству была доступна лишь по праздникам. Наиболее популярными были свинина и свиное сало. Из муки с добавлением мака и меда выпекали маковники, коржи, кныши, бублики. Распространены были такие напитки, как узвар, варенуха, сиривець. Как обрядовые блюда наиболее распространены были каши — кутя и колыво с медом.

Богато и разнообразно народное творчество украинцев: изобразительное (художеств. роспись жилища, вышивка с ее традиц. видами — занизування, заволикання и настилування и др.), песенно-музыкальное, хореографическое, словесный фольклор, в т. ч. думы и историч. песни, слагавшиеся кобзарями и лирниками.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник». М., «Советская энциклопедия, 1988)

Малороссийские типы. Рисунок XIX века

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА УКРАИНСЬКА ЗЕМЛЯ?

«Окраина — отдаленная, пограничная область, район государства»,— так определяет современный словарь русского языка С. И. Ожегова слово «окраина». В этом словаре нет слова «украина», но есть слова «украинцы» (восточнославянский народ, составляющий основное население Украинской ССР) и «украинизировать» (сделать (делать) украинским по языку, обычаям, культуре).

Выходит, если верить словарю, украинцы — сделанный народ? Можно было бы посчитать сие абсурдным, если бы не... исторические факты.

На географических картах Украина появилась тогда, когда Маяковский замечал о Польше, что де «еще за географические новости». В 20-е годы Украина еще не была «географической новостью» — дело пока ограничилось новостью политической. В 1922 году декретом большевиков Скрыпника и Гунько слово Малорос-

---

Данная статья — компиляция работ исследователей «украинского вопроса» Николая Ульянова (США) «Откуда пошло самостийничество» (приложение к газете «Русский вестник», 1993 год), Игоря Бутенко «Что должен знать каждый об украинцах», газета «Свободное слово Карпатской Руси», США, июль — август 1971 г.

сия было заменено словом Украина, а русский язык — украинским. Слово «украинец» было настолько не известно в России, что, когда его стали навязывать населению, то люди (в том числе и малороссы) спрашивали друг у друга, где на нем ставить ударение.

Значит, «украинцев» «сделали» из малороссов? Но кто? И зачем?

Термин «украйна» впервые ввел в широкий оборот Стефан Баторий, польский король. Причем «украйнами» он называл бывшие земли Руси, захваченные Польшей. Постепенно словцо перешло и на земли Московской Руси, куда бежали от польских зверств карпаторуссы и малоруссы, когда появилась их «слободская украйна» с центром в Харькове.

Особое значение в украинизации имел Львов. Когда он стал центром одного из польских воеводств, то поляки ввели на его территории польский язык в качестве государственного. Коренное население его не приняло. И тогда во Львовских униатских центрах был разработан искусственный «украинский» язык — своеобразный сленг из малороссского сельского диалекта, польского средневекового литературного языка, польского идиша и немецкого идиша. Загляните в украинско-русский словарь, и обнаружите там немало немецких, польских, а то и английских слов.

Насильственное введение надуманной искаженной «мовы», объявленной «рідною», в официальную переписку на юге России вызвало в свое время сильное неудовольствие, и даже большевикам пришлось отказаться от этой затеи.

Малороссийская разновидность русского языка — явление не так уж и старое. Во всяком случае, до татарского ига о какой-либо разнице не может быть и речи. «Русская правда», «Слово о полку Игореве» и прочие памятники Киевского периода написаны на русском языке и уж никак не на украинском. И даже после того, как «украинизаторы» выбросили из русской азбуки три буквы и прибавили две новые, испортив малороссийское наречие польским и немецким влиянием,— даже и в таком изуродованном виде он не перестал быть русским языком. Еще в середине XIX века сами малороссы протестовали против попыток «новаторов» заменить руєский литературный язык «рідной мовой», доказывая в публикациях, что «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами и в особенности поляками так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных и губительных для Малороссии»,— заключал в 1863 году министр внутренних дел П. А. Валуев.

Однако царское правительство, не понимавшее национального вопроса и никогда им не занимавшееся, не вникло в такие мелочи, как «алфавит», и в Петербурге, равно как и Москве, свободно печатались на «украинском» языке книги, в коих рассказывалось, что злые москали угнетают бедных украинцев. (Когда же разразилось польское восстание, правительство не нашло ничего другого, как запретить... малороссийское наречие, чем дало козырь сепаратистам: они получили ореол мучеников за народ).

Совсем не так относились к «правопису» в соседней Австро-Венгрии. Там давно оценили политическое значение правописания у подчиненных и неподчиненных ей славян. Ни одна письменная реформа на Балканах не проходила без ее внимательного наблюдения и участия. Считалось большим достижением добиться видоизменения хоть одной-двух букв и сделать их непохожими на буквы русского алфавита. Для этого прибегали ко всем видам воздействия, начиная с подкупа и кончая дипломатическим давлением. Варфоломей Копитар, дворцовый библиотекарь в Вене, еще в 40-х годах XIX века работал над планом мирной агрессии в отношении России. Он ставил задачей, чтобы каждая деревня там писала по-своему. Вот почему в Галиции возникла мысль заменить русскую азбуку фонетической транскрипцией, что и было сделано: уже в 70-х годах ряд книг и журналов печатались таким образом.

Завоевывать народы можно не только оружием... Когда при Екатерине II русские земли вернулись к России (в честь чего царица повелела выбить медаль с надписью «Отторженная возвратих»), то название «украина» потеряло смысл, так как наши границы настолько продвинулись на запад, юго-запад и юг (Польша вошла в состав Российской империи), что географически Поднепровье (Украина) стала скорее «серединой», нежели «украиной».

Значительная часть польского общества не примирилась с этим актом, и некоторые поляки начали сейчас же после потери русских земель вести агитацию против России и ее императрицы. Польским политическим деятелям, в первую очередь, необходимо было доказать, что императрица Екатерина Великая — захватчица, отнявшая у Польши не русские земли, населенные чуждым России народом.

Сложившаяся к этому времени обстановка в Европе как нельзя больше благоприятствовала видам польских политических кругов. К концу XVIII века во Франции обосновался революционный порядок, порожденный так называемой Великой французской революцией. На знаменах этой революции главным лозунгом значилась борьба с монархиями, а самой сильной европейской монархией, противостоящей безбожной революции, была Российская Империя. И вот в ненавидевшей Россию революционной Франции появляется на французском языке работа польского эмигранта графа Яна Потоцкого, в которой впервые в истории утверждается, что на берегах Днепра живет не русский народ, а украинский, правда, славянского происхождения.

Малороссияне. Рисунок XIX века из коллекции Энгельсского краеведческого музея

Этого оказалось недостаточно. Очень скоро другой польский граф Фаддей Чацкий предлагает новую теорию: украинский народ не имеет ничего общего со славянством; его предки — кочевники из орды укров. Нечего говорить, что никаких исторических данных об этой орде никому открыть не удалось.

Итак, в самом конце XVIII века в революционной Франции двумя польскими графами для борьбы с Россией был создан не-русский украинский народ.

Первым пропагандистом теории графа Яна Потоцкого в России был его родной брат граф Северин Потоцкий. Вопреки деятельности этого графа и его преемников, широкие слои населения Малороссии, а также Новороссии узнали о своем не-русском украин-

ском происхождении лишь спустя столетие, после революции 1917 года, когда жители этих мест были переименованы революционерами из русских в чужестранных украинцев.

По-иному отнеслась к идеям Потоцкого и Чацкого великорусская и малорусская интеллигенция. Во второй половине XIX века она усилила свои сепаратистские устремления, опасные для единства русской нации. С 1863 по 1899 год в стране возникло много «украинизаторских» обществ. В 1877 году канцлер Германии Бисмарк (кстати, выросший на русских хлебах и получивший чин генерала в России) одобрил слово «Украина» для внедрения в качестве средства расчленения России, сказав: «Нам нужно создать сильную Украину за счет передачи ей максимального количества русских земель».

Мощная пропаганда украинизации началась накануне Первой мировой войны. Германия израсходовала на подрывную деятельность против России 6 миллиардов марок — на 20% больше, чем за 15 лет строительства своего военного флота. Правда, в 1917—1918 годах, когда в Киеве к власти пришли Скоропадский с Грушевским, они с лихвой вернули немцам их затраты, погнав в Германию руду, уголь, металл, хлеб, масло, живой скот... Командующий немецким восточным фронтом Гофман в опубликованных в 1926 году мемуарах писал: «Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной деятельности русского народа».

«Но нельзя же ставить знак равенства между русским и украинцем,— скажет иной читатель.— Только слепой не увидит различий между ними». Да, различия есть. Как есть они у архангелогородца и астраханца, рязанца и пермяка. И если постоянно не только указывать на различия, но и культивировать их, то, умеючи, можно и «вырастить» новую нацию. Занимался же Лев Толстой написанием учебников тульского наречия для своей яснополянской школы, и если бы его опыты подхватила интеллигенция (в Вятке были попытки издать учебник вятского наречия), то, глядишь, сегодня мы бы имели не только «незалежну Украину», но и «самоварную» Тульскую республику. К счастью, наши предки за этнографическими различиями видели и скрепляющие нацию узы: общность истории, единство духа, одну религию. Николай Васильевич Гоголь, которого сегодня одни самостийники объявляют гением украинской литературы, а другие клянут за то, что «продался москалям», так писал о себе: «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой».

В недавнем прошлом, изображая СССР как семью народов, к числу младших относили и украинцев (малороссов). Между тем Малая Россия так называлась отнюдь не потому, что малороссов было меньше великороссов. Греки в каждой стране различали ма-

Великороссияне (1—26), Малороссияне (27—43), немцы-колонисты (44—49). Рисунок Тимма, 1860 год

лую и большую части. Малая — центральная, главная, а большая — позднейшие приобретения. Так, Афины и Спарта — Малая Греция. Новые завоевания и приобретения — Великая Греция. Малая Азия — основа, цитадель. Великая Азия — позднейшие приобретения. Малая Русь — центр, древнейшая колыбель русского народа, священное место, откуда, по слову летописца «есть пошла руськая земля». Потому-то для каждого русского Киевская Русь может быть только малой, т. е. главнейшей, древнейшей, ибо «мал золотник, да дорог» — русская поговорка.

Еще раз подчеркнем, что отторжение от России ее части, названной Украиной, началось с разделения языка. Язык был предметом самых неустанных забот «украинизаторов», причем не разговорный, а литературный язык. Малороссия в те времена располагала великолепным разработанным языком, занявшим в семье европейских языков одно из первых мест. Это русский язык. Самостийники злонамеренно, а иностранцы и некоторые русские по невежеству называют его «великорусским». Великорусского литературного языка не существует, если не считать народных песен, сказок и пословиц, записанных в XVIII—XIX веках. Тот, который утвердился в канцеляриях Российской Империи, на котором писала наука, основывалась пресса и создавалась художественная литература, был так же далек от разговорного великорусского языка, как и от малороссийского. И выработан он не одними великорусами, в его создании принимали не меньшее, а, может быть, большее участие малороссы. Еще при царе Алексее Михайловиче в Москве работали киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие. Они много сделали для реформы и совершенствования русской письменности. Велики заслуги и белоруса Симеона Полоцкого. В формировании общерусского литературного языка принимали участие юго-западные книжники Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. При Петре I наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизации москалей, но никак не о русификации украинцев, на что часто жалуются самостийники. По грамматике, написанной в 1619 году украинским ученым Мелетием Смотрицким, свыше полутора столетий училось и малороссийское, и московское юношество, учился Григорий Сковорода и Михайло Ломоносов. Ни тому, ни другому не приходило в голову, что они обучались не своему, а чужому литературному языку. Оба сделали крупный вклад в его развитие. В Московщине и на Украйне это развитие представляло один общий процесс. Когда стала зарождаться светская поэзия и проза, у писателей тут и там не существовало иной литературной традиции, кроме той, что начинается с Нестора, с митрополита Илариона, Владимира Мономаха, «житий», «посланий», той традиции, к которой относятся Максим Грек, Курбский и Грозный, Иоанн Вишенский и Исайя Ковинский, Мелетий Смотрицкий и Петр Могила, Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и Дмитрий Ростовский. Когда Богданович писал «Душень-

ку», Капнист «Ябеду», а Гнедич переводил «Илиаду» — они создавали «российскую», а не москальскую словесность. Ни Пушкин, ни Гоголь не считали свои произведения достоянием «великорусской» литературы. Как до, так и после Гоголя все наиболее выдающиеся писатели творили на общерусском литературном языке. Отказ от него означает духовное ограбление украинского народа. Не случайно же, что, когда на язык Квитки и Шевченко начинают переводить Шекспира, Байрона, Мицкевича, то для перевода не хватает в украинском языке ни слов, ни оборотов речи: их нужно заново создавать. К такому же обильному сочинительству слов должны прибегать и те авторы, что желают писать по-малороссийски для высокоразвитого образованного читателя. В этом случае отступление от народного языка, его искажение и умерщвление неизбежно.

Стоило ли изобретать велосипед? В том-то и дело, что «украинизаторам» не язык был нужен, не «рідна мова». Всякому, маломальски знакомому с филологией, этнографией, историей, антропологией, ясно, что украинский вопрос не национальный, а политический, и что так называемая украинская нация не столько «нация», сколько политическая партия, созданная и поддерживаемая усилиями тех, кто хочет навсегда расколоть на чуждые друг другу части единый русский народ. К сожалению, им многое удалось. Но провести географические границы гораздо легче, чем заставить народ жить не в согласии с тысячелетними традициями. И хотя малороссы и привыкли к навязанному им названию «украинцы», они не перестали быть русскими.

Не подлежит сомнению, что в нормальных условиях, при свободной, ничем не стесняемой воле народа, все самостийнические ухищрения и выдумки остались бы цирковыми трюками. Ни среди интеллигенции, ни среди простолюдинов не было почвы для их воплощения. Это превосходно знали сепаратисты. Один из них, Сриблянский, писал в 1911 году: «Украинское движение не может основываться на соотношении общественных сил, а лишь на своем моральном праве: если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку,— большинство против него».

Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил. Первая мировая война и революция — вот волшебные силы, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным, но и государственным.

Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, неприсоединенные дотоле, оказались включенными в ее состав. При Хрущеве ей отдан Крым. Все сделано путем сплошного насилия, интриг. Жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании

пребывать в соборной Украине. Русская и мировая демократия, поднимающая шум в случае малейшего ущемления какого-нибудь людоедского племени в Африке, обошла полным молчанием факт насильственной украинизации карпатороссов. Впрочем, при таком же молчании прошла и принудительная украинизация всего малороссийского народа. Ни простой народ, ни интеллигенция не были спрошены, на каком языке они желают учиться и писать. Он был предписан верховной властью. Интеллигенция, привыкшая говорить, писать и думать по-русски и вынужденная в короткий срок переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый язык, испытала немало мучений. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить «державну» мову.

Избежали участи поголовной украинизации лишь те «хохлы», предки которых переселились в свое время на Волгу. Конечно, и они подверглись беспощадной большевицкой нивелировке, однако и поныне в таких селах, раскинувшихся на волжских берегах между Покровском и Ровным, как Анисовка, Квасниковка, Подгорное, Смеловка, Узморье, Березовка, Зауморье, слышна неповторимая, смачная малороссийская мова, а старшее поколение еще хранит старинный уклад жизни.

Когда появились малороссы на Волге? Первые колонии в Поволжье основали ссыльные казаки, так неосмотрительно поддержавшие гетмана Мазепу, переметнувшегося к шведам накануне Полтавской битвы. Затем к опальным казакам стали переселяться крестьяне Харьковской, Полтавской и других малороссийских губерний, покидавшие насиженные места из-за безземелья: пахотных земель в Малороссии стало не хватать возросшему населению. Заселение целинных приволжских земель продолжалось весь XVIII и первую половину XIX века. Большие колонии малороссов появились как на правом берегу — в Аткарском и Балашовском уездах Саратовской губернии, так и на левом, в Самарской губернии, причем малороссы селились не только на берегах Волги, но и в глубине Заволжья, на притоках великой реки — Еруслане и Торгуне.

Публикуем здесь рассказы о волжских малороссах этнографа XIX века А. Н. Минха и современных исследователей Константина Шкоды и Георгия Килочека. К сожалению, эта тема — волжские малороссы, их быт, обычаи, история освоения Заволжья еще в должной мере не разработана и еще ждет своих летописцев.

В. ИВАНЧУК

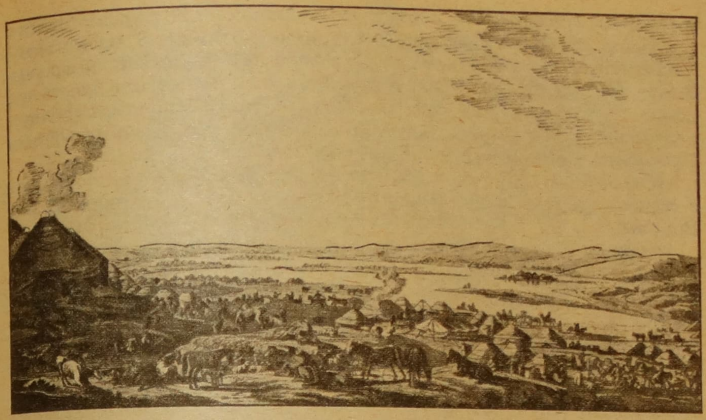
ЗАПОРОЖЦЫ ЗА ВОЛГОЙ

Было это в то время, когда в России царствовал Петр I, а на Украине правил гетман Иван Мазепа. Тогда на Украине в Полтавском полку доживал свой век старый казак Бокура. Были у него

сыновья и дочери. Три сына погибли в битвах за родину, осталось двое самых меньших: Степан и Кузьма. Когда у хлопцев над верхней губой показался пушок, батько повез их в Запорожскую Сечь — тогдашний университет военной науки. Сечь так понравилась Степану, что он однажды заявил батьке: «Бросаю бурсу, буду казакувать». Отец серьезно отнесся к решению сына, сказал: «Настоящий сечевик, да еще ежели сечевой атаман, он должен быть грамотнее всех, умнее всех и быть наивысшим политиком. Мой совет: закончишь бурсу, иди в Могилянскую академию, станешь добрым казаком, а потом и на Сечь можно, перечить не стану». Степан правильно понял отца. Но летом, в каникулы, он седлал коня и мчал в Сечь. Здесь он многое постиг: военную технику того времени, чувство товарищества, мужество, смелость и сметку. Поучиться в академии не довелось: сюда принимали только сыновей высшей знати Украины — «бунчуковых». А тут пришло время «казакувать», и Степана определили в Полтавский полк, а через год в тот же полк записали и Кузьму. На одном из полковых смотров Степан Бокура славно отличился. Это приметил гетман Мазепа и приказал перевести Степана в придворную корогву — личную охрану гетмана — учить военному делу казацкую молодежь. К порученному делу Степан отнесся серьезно, все распоряжения выполнял быстро, но обдуманно. Ему разрешили посещать богатую гетманскую библиотеку, и здесь он в свободное время много читал. Полюбился Степану гетман. А гетман скрытно от всех настойчиво

Малороссійскіе козаки. Запорожецъ.

Малороссийские казаки. Запорожец



Калмыцкий лагерь. Рисунок Е. Корнеева, 1813 год

готовился к измене родине, русскому народу, чтобы стать «свойственным», никому не подчиненным правителем Украйны, равным королям, султанам, царям. Договорившись с королем Швеции Карлом XII вместе воевать против России, гетман Мазепа открыто перешел на сторону шведов. Степан Бокура со своим отрядом слепо последовал за ним. Свою ошибку он понял только тогда, когда Мазепу объявили изменником родины, когда в руки казаков попал манифест Петра I, призывавший старшин (офицеров) и простых казаков Украины уходить от Мазепы, возвращаться по домам, занимать свои должности и поместья, обещавший не наказывать тех, кто добровольно покинет Мазепу.

Степан Бокура отвел свой отряд в лес. Казаки решили искупить свою вину: помочь русским. Они неожиданно нападали на шведов, отбивали обозы с продовольствием и оружием, убивали врагов. Закончилась война славной полтавской победой. Оставшиеся в живых казаки вернулись к своим хатам.

Но недолго радовались казаки: на Украину прибыла царская экспедиция карать мазеповцев. Бокуровцы снова укрылись в лесу.

Далее в легенде рассказывается о царской немилости. Бывшие мазеповцы были направлены «на Волгу соль возить...»

Саратовский воевода поселил казаков за Волгой, против Саратова, правее калмыцкого торга, на высоком берегу протекавшей здесь реки под названием Белая Воложка. Отсюда на далекое расстояние просматривалась окрестность с многочисленными озерами.

На городище бывшего левобережного Саратова казаки обнаружили материалы, годные для постройки хутора. Когда строительство было обеспечено всем необходимым, казаки выехали к озеру

Алтоннор (Елтону) за солью по подрядам саратовских купцов.

Хутор строили женщины и старики-плотники. В то же время хлеборобы с помощью ребят пахали землю под рожь и яровые. Земля была такая крепкая, что в один плуг запрягали шесть пар волов. У ближайшего озера, связанного с рекой ериком, поставили сторожку для охранника полей. С тех пор озеро стало называться Сапсаевым, по-видимому, по имени сторожа.

К Покрову дню хутор был построен. Вскоре казаки вернулись с солью, собрали раду и назвали свое поселение хутором Новые Бокуры.

Первым делом казаки окружили Новые Бокуры рвом и валом для обороны от врагов, затем достраивали свои хозяйства, ремонтировали возы, прошедшие тысячи километров, а в свободное время обучали молодежь военному делу. К этому казаков приучили частые нападения врагов на Украину.

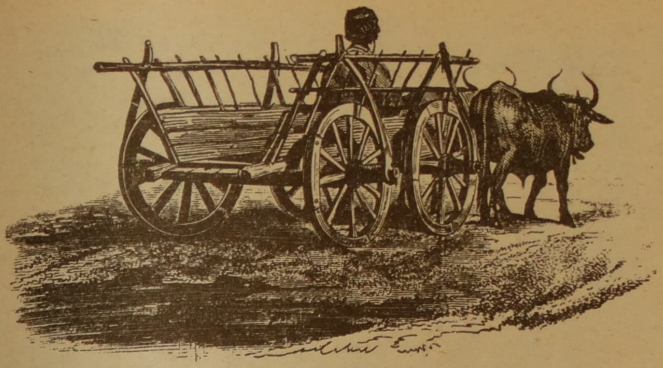
Уже весной следующего года это учение пригодилось: на хутор напали калмыки. Казаки ружейным огнем обратили их в бегство. Зааркани двух калмыков. После допроса сытно накормили пленных, вернули им коней, вручили письмо для хана и отпустили. В письме написали хану, что казаки — люди царя Петра I — поселены здесь для возки соли. «Царем велено жить с вами в дружбе. Мы того же и сами хотим, только и вы не чепайте нас в наших хатах, в дороге за солью и на обратном пути. А мы будем покупать у вас всякую худобу...»

После этого калмыки не нападали на хутор. Но в поле и на дорогах к озеру налетали часто. Бывали и убитые с обеих сторон, иногда калмыки «отымали» у казаков и соль и волов. Поэтому без ружья, пики и сабли казаки никуда не выезжали.

Еще зимой, до Нового года, новобокуровцам удалось послать на Украину письма. В них рассказывали, что живут они в хуторе Новые Бокуры, насупротив Саратова, за рекой Волгой, а она — Волга — такая же большая и красивая, как Днипро-Славута. Звали родственников к себе на вольное житье, без панов.

Летом к резиденции хана придвинулась вся орда. Открылась богатая ярмарка. Казаки купили много волов, коров, а больше всего телят всяких на вырост: пастбища были обширные и бесплатные. В конце лета в ответ на письма с Украины в Новые Бокуры прибыли новые переселенцы, прибавилось много хат, людей. Увеличилась потребность и в церковных обрядах, ездить же к попам в Саратов было несподручно, и казаки следующей весной построили себе небольшую деревянную церковь во имя Покрова Богородицы. Этот храмовой праздник был удобен тем, что к этому времени заканчивались полевые работы и перевозки соли.

Потом переселенцы с Украины прибывали сюда ежегодно. Однако в те годы свободно переселяться с Украины могли только зарегистрированные в полках казаки. Они считались свободными людьми. Разумеется, крепостные крестьяне такой возможности не имели.



Чумацкая упряжка.

Богатые казаки на первой же калмыцкой ярмарке приобрели большие чумачки по 50 и больше возов. Сами за солью перестали ездить, держали для этого батраков, нанятых на саратовской бурлацкой бирже. Большинство батраков были малоземельные и безземельные крестьяне, которые стремились расселиться ближе к месту работы, обзавестись своим хозяйством. Но у казаков было в обычае иногородних в своем селе не селить. Обиженные уходили с работы. Тогда резко падала поставка соли. Купцы же требовали выполнять договор в срок и полностью или платить неустойку. Кроме того, с уходом батраков редела боевая дружина Новых Бокур. Ни того ни другого атаман села допустить не мог, и он предложил батракам селиться за ериком, тянувшимся от реки до Сапсаева озера: это было и за селом, и рядом с ним. Батраки согласились. Вскоре за ериком, где теперь Самарская и Пушкинская улицы, появились глинобитные избы. Поселок назвали Русской слободкой. Впоследствии жители Новых Бокур и Русской слободки переженились, смешались, слились в одну новобокуровскую громаду (общество).

Таковы предания, которые передавались из поколения в поколение. К сожалению, большинство их них не дошло до наших дней. Одно из повествований сохранилось до 1920-х годов в семье покровчанина Михаила Петровича Хмары. Этим текстом пользовался и саратовский археолог Б. В. Зайковский, написавший специально статью об истории Покровска. Другое предание дошло до нас благодаря покровчанину Алексею Львовичу Любенскому. Оно записано им в семье Г. Цибулевского, который, в свою очередь, слышал его от своего деда, жившего в Новых Бокурах в 1740-х годах. В 1855 году А. Л. Любенский опубликовал статью о Покровской слободе, использовав в ней и свои записи.

Разумеется, не все в этих источниках следует считать достоверным. Однако не принимать их в расчет также нельзя. Предания

Чумацкая езда. Гравюра XIX века

имеют право на уважение и признание, будучи коллективной памятью народа, бережно хранящего свою историю, тем более что отдельные даты и события, о которых повествуется в них, привлекаются с известными печатными материалами.

В 1768—1770 годах академики Фальк, Паллас, Гмелин и Лепехин изучали по заданию правительства «новый край России» — Саратовское Заволжье. Первым в нашем городе побывал Иоганн Фальк. Это было в 1769 году, но его публикация появилась значительно позднее — в 1824 году. «Покровская слобода,— сообщал он,— небольшое селение мятежных малороссиян, переведенных сюда Петром Великим. Подле открытой большой слободы находится на одной стороне Российская деревня, а на другой — соляные магазины».

В 1772 году слободу посетил академик Петр Симон Паллас. В своих трудах он более подробно, чем Фальк, описал слободу, ее жителей и род их занятий.

Печатное упоминание о слободе находим и в трудах Евд. Зябловского. Описывая населенные пункты Российской империи, он сообщил в 1810 году: «Покровская слобода (Новые Какуры тож) на левом берегу Волги насупротив Саратова, в котором живет около 400 семей, переведенных сюда после бывших при Мазепе беспокойств». Автор пользовался, по-видимому, другим преданием, называя поселение. В легендах упоминается и иное — Новые Бокуры.

Некоторые дополнительные данные привел в 1855 году и покровский житель А. Любенский: «Теперешние поколения в своей свежей и твердой памяти доселе хранят сведения, что они вышли из Киевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний,

иные припоминают, к каким полкам в Малороссии принадлежали они. Пришли сюда, но сперва не на радость: ордынцы нередко делали на них набеги, тревожили их в поле и в жилищах. Первое поселение было незначительное».

Когда же впервые началась разработка соли в заволжских степях и как она продолжалась после основания Новых Бокур?

Соляное озеро Алтаннор — Елтон находилось во владении калмыцкого хана Аюки Мончака. Русь в те времена крайне нуждалась в соли, и правительство договорилось с Аюкой Мончаком о сдаче соляного озера в аренду купцу Солодовникову, который начал добывать соль и поставлять ее к левобережному Саратову в 1665 году. Доставлял он ее сухопутьем до Дмитриевска (Камышина), а оттуда до Саратова водой. В 1705 году Солодовников разработку и поставку эльтонской соли прекратил. Нашлись другие предприниматели, последним из них был купец Латухин, у которого по подрядам работали и новобокуровцы.

Константин ШКОДА

САВИНКА НА ТОРГУНЕ

Уездный чиновник поднялся на крутоярье и, вытирая с лица пот, повернулся к дородному мужчине в белой малороссской рубахе и в невиданных здесь широких шароварах синего цвета с напуском поверх яловых голенищ, спросил:

— Ну, как наша красавица Волга?

Дородный улыбнулся. Он еще раз обвел Волгу своими пытливыми голубыми глазами и, поправляя большую люльку, торчащую промеж ухоженных, свисающих до подбородка усов, ответил:

— Дуже могутна, гарна и дуже швыдка!

Довольный чиновник повернулся в другую сторону.

— Вот это,— показал он рукой,— поселение соляной Громады приписных чумаков к Эльтонско-Николаевскому тракту. Если хотите, переселяйтесь сюда. По милостивейшему царскому указу получите ссуду на переселение и водворение, а будете иметь по две рабочие фуры на каждую семью для перевозки соли, получите тридцать десятин земли, полное высвобождение от всякого рода поборов и налогов сроком на тридцать лет, а также от рекрутства. А коли нет, укажу вам земли на выбор для крестьянских дел и вечного поселения от Еруслана вдоль по Торгуну, и с той же милостивейшей привилегией.

— Хлеборобы мы!.. — решительно ответил дородный чиновнику.

С этим они и направились на легком тарантасе в сторону Еруслана, а достигнув устья Торгуна, уездный чиновник продолжал рассказ.

— Вот это и есть Еруслан, а вот то,— он привстал в тарантасе,— низовье степного Торгуна, о котором я тебе поведал в пути. Так вот и держитесь вдоль этого Торгуна, пока не облюбуете нужные для вас земли. А вернетесь обратно, тут же справим бумаги на переселение.

Роман Горюшко низко поклонился. Но прежде чем тронуться в путь, он осмотрелся вокруг, присел на возвышенности мысочка в междуречье Еруслана и Торгуна, буквально кишащего разнорыбьем. Наблюдая за охотничьим проворством щуки, окуней и беззубого, но грозного охотника шереспера, так ловко из засады глушившего своим могучим хвостом зазевавшихся рыбешек, задумался. Приглаживая усы, про себя заметил: «Цего у нас на Харьковщине ны побачишь».

Передохнув, он набил люльку тютюном, закрепил за плечами котомку, на всякий случай выбрал из валежника увесистый посох и тронулся в верховье, вдоль мало кому известного степного Торгуна.

Так по весне 1850 года начался путь Романа Горюшко вдоль безмятежно тихого Торгуна, затерявшегося в безбрежных просторах степного Заволжья.

Этот путь начался по воле жестокого рока: безземелья, державно-дворянского произвола. Пришел Роман сюда, чтобы исполнить наказ земляков, пославших его на поиск свободных земель, которые дали бы возможность выжить, прокормиться и уйти подальше от всего того, что точило их жизнь на родимой сторонке.

Шел Роман Горюшко по весне, когда девственная приторгунская степь меняла свой зимний покров на буйную зелень. Шел не спеша, внимательно осматривая все, что встречалось на пути.

И чем дальше он удалялся от берегов Волги, тем все реже и реже встречались деревья, кустарники, начиналось сплошное безлесье, и тем обширнее расстилались перед ним безбрежные равнины с бесчисленной россыпью ярких соцветий разнотравья — донника, пырея, васильков и набиравшего силу чабреца. Из-под ног гостя то и дело вспархивали темно-серые куропатки, задавали стрекача перепуганные зайцы-русаки, а впереди и по обочинам дороги любопытные суслики с удивлением рассматривали пришельца. Паря в высоком поднебесье, за ним следили степные орлы. На всем пути жаворонки, словно развешанные на тонких нитях, захлебывались в радости песнопения.

Торгун — край никем не пуганной птицы, радовал душу Романа. Он был полностью поглощен всем тем, что видел. Смотрел, думал, прикидывал, щупал, примерял и опять размышлял. За ним неотступно следовали трудные думы о сложной крестьянской судьбе на родной батьковщине, при воспоминании о которой изморозью пробегали по телу мурашки. «Как бы хорошо было затеряться в этих степях, подальше от панских глаз, панской докуки, приказчиков и злобных объездчиков со сворой борзых».

В истоме вечерних сумерек Роман облюбовал на берегу Торгуна изрытый сусликами холмик, расстелил свитку и в первый раз

за день прикоснулся к дорожной сумке с харчами. А потом, напоенный степным ароматом, уже в темноте, Роман погрузился в крепкий сон.

Проснулся он перед рассветом — где-то неподалеку выл волк. Вой то утихал, то повторялся. Лежа на спине, Роман прислушивался к нему и в то же время любовался красотой предрассветного мерцания в изобилии рассыпанных по небу звезд. И несмотря на то, что был одинок в степи, он не проявил ни малейшего волнения. «Мабудь волчица сбирает своих малышей. Ны быда, сбырутся»,— добродушно подумал он.

Утром, сопровождаемый перепевами жаворонков, Роман пошагал дальше. Еще более чем за версту до горбатого изгиба Торгуна, перед ним всколыхнулось отдыхавшее стадо сайгаков и стремительно унеслось в степную даль. Роман восторгался увиденным.

У большой излучины Торгуна, круто повернувшей на северо-восток, Роман увидел полоску деревьев. Заспешил к ней. Вдоль берега Торгуна беспорядочно теснились вербы. А на другом берегу раскинулась степь во всей прелести еще никем не тронутой красоты. «О, царыця небесна! Яка лозерева стэп! — воскликнул Роман.— Ривно вся в дивочем сарахване! Аж дивочим духом хватае... А це? Це по-нашему Бузлык...» Роман нечаянно взглянул на оставленный им след с примятыми цветами, растерянно засуетился, стыдливо закружил вокруг самого себя, шарил глазами в поисках стежки-дорожки, чтобы сойти с поля самоцвета. Но искал он напрасно. Ни стежек, ни дорожек, ни вытоптанных делянок здесь не водилось. Он поднял голову к висевшим над ним жаворонкам, бросил свитку, посох, виновато присел, порицая себя: «О так, прысив як перекормленный кабан задом на добро. Побачилы бы мои диткы, шо б воны мени сказалы?!»

Выйдя на берег, Роман Горюшко облегченно вздохнул и произнес: «Тутычко и буды наша нова Савынка! И без помещиков-дворян!»

С южной стороны показались три верховых всадника. Вскоре они нагнали Романа.

— Ну как! Понравилась степь? — спросил Романа ладный офицер пограничной заставы, сидевший на гнедом коне и державший в руках документы Романа.

— Земля тут добра. Вот тилько бачу богато тутычко вооруженных и яки-то кордоны над Торгуном... Отсюда русский. Оттуда кыргызы!.. Ны Крым, ны Туречина и ны Польша, а бачь яка строгость...

— Переселяйтесь! — советовал офицер.— Границы здесь спокойные... Ну, а в случае чего, в обиду не дадим.

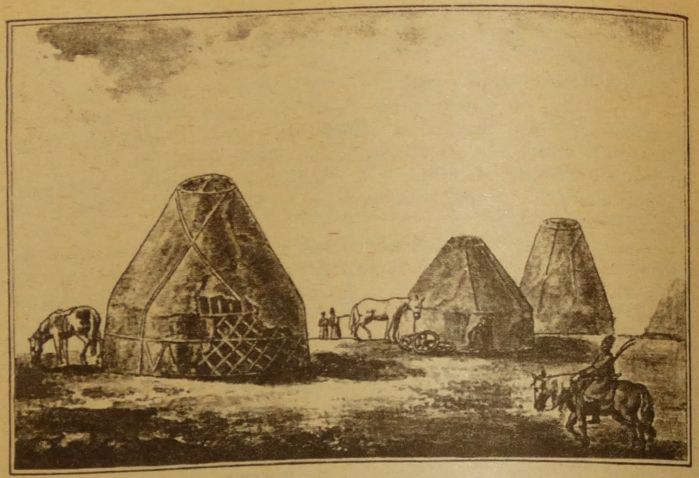
— А чии тут земли? — спросил Роман.

— Вот туда — киргизские*, а эти все казенные, российские, по левой стороне Торгуна, то земли ханские, князя Кубаша.

— Ой лышечко, и тута князь?..

— Переселяйтесь, не бойтесь...

* Так называли тогда казахов



Киргизские кибитки в степи. Рисунок И. А. Иванова, 1802 год

* * *

В эту звездную июньскую ночь в родном селе Романа — Савинцы Изюмского уезда на Харьковщине никто не сомкнул глаз. В хатах горели свечи-каганцы. Горе было в каждой семье. Разве легко навсегда покинуть землю, где жили отцы и деды, где босыми ногами топтали каждую тропинку, где знакома каждая кочка, каждый кустик, бугорок...

Всю ночь ревели девки, бабы и, глядя на них, детвора. Всю ночь, осушая одну за другой макитры горилки, вели беседы мужики.

— На чужой краине, кажут, разом по дви милостыни подают,— язвил тощий, сухо согнутый старостью в дугу древний Мытро Скрыпник, ярый противник оставления своего села.— Тико от панив и помещиков никуды мы ны утычем, тикай хочь на самый край свита, они будуть и там, а на чужой краине и вас соколив будуть каргамы клыкать...

— А як же буты? Заживо умирать пид панским чеботом?

С восходом солнца заголосило все село, в последний раз прощаясь с близкими и сельчанами, покидавшими родные очаги. Все пришло в движение: ревел скот, выли бабы. Только старый дед Хома Сиденко старался скрыть от народа давившее его горе. Он то и дело поворачивался назад, угрожающе махал вишневой клюкой, покрикивал на баб:

— Цыц-ты! Цыц-ты!.. Ишь раскудахталысь...

На околице села Селиверст Гонтаренко, тыча в бок локтем Скрыпника Андрея, умоляюще просил:

Савинчанки сестры Коваленко (в девичестве) Анастасия, Екатерина, Марфа (стоят), Ганна, Оксана, Прасковья (сидят); фотография начала XX века

— Ну сбалаканы що-ныбудь на прощанье, як ны як покыдаем свою же...

Дед Сиденко незаметно смахнул крупные росинки слез и тут же обрушился на провожающих:

— Та замовкниты треклятые мокрыци!.. — и приложился клюкой к толстому заду своей снохи.

На арбу поднялся Скрыпник:

— Дороги и кохани наши матыря, батьки, дидуси и бабуси! Ны плачте, ны нада. Едим мы не на смерть, колы пригляныться и вас поклычем, а буде гирко повернымося назад, будым опять служить трыклятым панычам, а зараз с Богом! До побаченья! Прощай, наша риднесынька батьковщина!..

Пеший переход пятнадцати семей первопроходцев со скотом и обозом на волах занял два месяца и закончился там же, где степной Торгун круто поворачивает на север. От края и до края во все стороны горизонта, до самого сырта волнисто шумели на ветру перестоявшиеся степные травы, седые ковыли.

— Вот это и есть наша новая Савынка! — сказал впервые своим землякам и родным Роман Горюшко.

— Заихалы! — заголосили бабы, заревели дети.

А скот, дорвавшись до вольной травы, разбрелся по степи. Здесь ему было раздольно...

Так началась история степной Савинки.

Засучив рукава поселенцы строили временные жилища, укрытия для скота...

А весной в девственной степи пролегли первые борозды пахучей рыхлой пашни. Старики с мешками через плечо под затаенные взгляды загоревшихся надеждой женских глаз повели первый сев. Словно обрадовалась земля, что ее обласкали жадные до труда руки хлеборобов, дала им больше ста пудов с каждой десятины.

— Жизнь! — воспрянули духом новоселы.

Правительствующему сенату было очень важно заселить степи, граничащие с владениями киргизских князей, поэтому, чтобы закрепить новоселов, оно обязало ближайших к заново обживаемым степям ханов оказывать переселенцам помощь — давать им работу, пресекать националистические притеснения украинцев кочующими племенами.

В первое же лето, вскоре после уборки урожая, к савинчанам приехал сам хан. Он объявил, что если мужики пожелают, то у него найдется и работа. Он решил построить плотину через реку...

...Так, в 1851 году, ровно через год после основания Савинки, появилось первое сооружение савинчан — ханская плотина для задержания торгунских вод с верховья и создания ханского лимана. Но принесла эта плотина савинчанам не радость, а большое несчастье. По весне плотина не выдержала, и вода хлынула в село.

И тогда поняли новоселы замысел хана: оттеснить от своих лучших земель пришельцев. Роман Горюшко опять взвалил котомку на плечи и в сопровождении Пимена Загнибороды и Андрея Скрыпника отправился в далекую Самару с жалобой на хана.

Жалобу приняли и велели возвращаться, решение, дескать, пришлют после. С тем и вернулись мужики.

— Не здесь вы поселились, громадяне,— заявил инженер, присланный губернатором.— Придется уходить! — И указал на небольшой взлобок вверх по Торгуну, в десяти верстах от плотины.

Двинулись дальше, кверху, готовить заново землянки и укрытие для скота.

— Роман! Ще це таке? — удивленно спросил Афанасий Загнибород, показывая на лесочек, большой дом и еще какое-то причудливое строение.

Только позже офицер-пограничник рассказал, что дом, а рядом мусульманская мечеть и сад с двумя чигирями — это летняя резиденция того же самого хана-князя Кубаша, тысячи десятин которого простираются по левую сторону Торгуна. Сюда он приезжает из Петербурга с семьей главным образом на мусульманские праздники погулять, потешиться, посмотреть на десятки гуртов своего скота.

— Кстати, через неделю,— добавил офицер,— сюда будут со-

Киргизский хан в своей юрте. Гравюра XIX века

бираться из самых далеких и разных аулов гости — кунаки киргизы, будут большие пиршества, здесь же будет и сам хан, можете быть его гостями, там уже установили две дюжины огромных котлов для варки бешбармака.

— А ще це таке? — спросил Андрей Живолуп.

— А вон видите, в стороне от сада пасется небольшой гурт овец и рогатого скота...

— Ну? — нетерпеливо переспросил Федор Ященко.

— Так вот,— продолжал офицер,— весь этот гурт по мере надобности порежут на бешбармак. Бешбармак — это вареное мясо большими кусками, а затем измельченное и смешанное с тонкими вареными коржиками и пересыпанное непроваренным луком.

— Цыбулей по-нашему,— вставил Андрей Скрыпник.

— Еда эта очень вкусная, пальчики оближешь.

— О це дило, Фадей Максимович! Готовь свою вылку-ложку, а то и ополыник,— шутил Роман над Водолажским,— ей-богу пидымо, колы поклычуть.

— Ан нет, так не выйдет. Бешбармак у них едят из общего таза или больших деревянных чашей и только пятерней рук, поэтому он и называется бешбармак, что в переводе на русский — «пятью пальцами».

— Та ше воны показылысь, руками... А як у нашего Исидора Ивановича Полусмака руки що грабли, як два раза зачепы, так и пив казана не буде... — высказал Роман.

— Хватит, всем хватит и по завязку, а мало будет, подгонят еще гурт, хан богатый.

На исходе дня, в канун пиршества, киргиз переплыл Торгун на маленькой рыжей лошади и сообщил, что хан будет в большой обиде, если русские завтра не придут на открытие курмана.

С утра у ханского дома выстроился целый конный эскадрон, а рядом верблюжий отряд джигитов-наездников и сразу же начались конные, а потом верблюжьи скачки, представлявшие для новоселов большой интерес.

К приходу поселенцев первый тур конно-верблюжьих скачек был окончен. Гости и хозяева переместились к прямоугольному загону в две десятины, обнесенному с четырех сторон земляным валом с канавой, по гребням которого разместились гости. С торцевой стороны, на широкой возвышенности, устланной пологом и кошмой, поверх покрытым огромным персидским ковром с ярко-светлой окраской, на груде подушек в окружении именитых гостей и семьи восседал разодетый в парчу хан. Перед ханом по левую и правую стороны на высоких, гладко обтесанных столбах были закреплены крестовины с развешанными на них призами: национальными костюмами, сапогами, женскими украшениями, охотничьими ружьями, конской сбруей, волчьими капканами, а промеж столбов, в центре, стоял пустой огромный чугунный котел, вблизи которого сидел хан. Прибывшие поселенцы во главе с Романом низко, до пояса, поклонились хану. Хан что-то хмуро и тихо сказал окружавшей его свите, потом кивнул головой и, указав рукой, предложил присесть на гребень у канавы, продолжая слушать речь старшего затейника об условиях спортивных игр, установленных самим ханом.

— Ну и хан, жирный як кабан, то и дывысь шо опоросится,— цедил сквозь зубы Панченко Петро, по прозвищу Лымарь.

После вручения призов победителям первого тура конно-верблюжьих скачек ведущий перечислил ценности на столбах, объявил, что каждый, не сумевший снять со столба приз, обязан принести от мечети ведро приготовленной болтушки и вылить ее в котел, стоявший перед ханом, затем любитель мог повторить свою попытку достать приз со столба. Желающих образовалась очередь. Но цели достигнуть удавалось очень редким; большинство, не добравшись до приза, под общий хохот и улюлюканье болельщиков срывались вниз на свежескошенную траву, прикрытую кошмой, и тут же хватали пустое ведро, бежали за болтушкой.

Когда котел был наполнен болтушкой из отрубей и настоянной махорки, к нему подошел сам хан и утопил в жиже один десятирублевый и пять рублевых золотых империалов. Задача заключалась в том, чтобы без помощи рук извлечь утопленные монеты, переходящие в собственность доставшего. Желающие снова выстроились в очередь вдоль гребня.

Первым испытал счастье огромного роста мужчина с приплюснутым носом. Широко расставив ноги, придерживаясь руками за

борта котла, он всей грудью погрузился в жижу, долго, мучительно, без дыхания бодался в ней головой, словно боров в корыте, в поисках золотого тельца, а когда выпрямился, под свист и дружный хохот болельщиков, стал шарить вокруг себя, ища ведра с водой, чтобы промыть глаза, и, не найдя их, под общий смех бежал к Торгуну. Особенно заразительно хохотал сам хан, катаясь на ворохе подушек.

— Скаженый хан, знущается с простолюда,— возмущаясь, шептал Роман Горюшко и не заметил, как из-за его спины отважно выскочил Петро Панченко, направился к котлу. Сбросив сорочку, он дважды наклонился над котлом и так же быстро, чуть ли не до самой пуповины, погрузился в жижу отрубей с махоркой.

Головой, как щупом, он отыскал опустившиеся на дно монеты, ловко сдвинул их лбом к стенке котла, и затем под бурю аплодисментов и крики удивленных вынул и показал золотую десятирублевую монету в зубах...

— Це не Петро, а дьявол,— со смехом произнес Горюшко.

После на редкость вкусного и сытного бешбармака Горюшко со своей свитой подошел к кибитке отблагодарить хана за гостеприимство и угощение.

— А кто же из вас вытащил империал? — спросил хан.

— А вот он,— представил Горюшко Петра.

— Молодец, ловкий! Вот если ты еще переплывешь Торгун с тремя баранами и повеселишь этим моих гостей, сейчас же велю подарить тебе самых лучших баранов. Сумеешь?

— Побый менэ Бог, переплыву! Тико ежли можно, подаруйте ярочек для приплоду.

— Откажись, сатанюка! — встревожился Живолуп.

Самый крупный баран и две овцы были тут же доставлены на берег Торгуна, и вся толпа гостей во главе с ханом хлынула к реке посмотреть на диво.

— Треба бычевку,— попросил Петро.

— Никакого аркана хан не велел давать,— ответил затейник.

Почесал Панченко затылок. Снял штаны, связал ноги барану, посмотрел на любопытных, бессовестно снял подштанники, разорвал каждую штанину вдоль, обвязал шеи овец, просунул голову между ног связанного барана, взвалив его на спину, взял пояс подштанников себе в зубы, а овец под мышки и двинулся в воду. Зайдя на глубину, овцы, ведомые зубами за поводки, поплыли сами и, к общему удивлению ханской свиты, оказались на другом берегу.

* * *

Год за годом, один за другим, пролетало безвозвратное время. И чем ближе приближался конец жизненного пути, тем чаще и чаще погружался Роман Горюшко в размышления о сложности пройденного пути:

«Отмеряя одну за другой версты вдоль степного Торгуна в по-

иске земли и укрытия от дворянско-помещичьего произвола, разве мог я тогда предполагать, что в основанную мною Савинку приедет еще не одна партия новых поселенцев: из Харьковской, Полтавской, Черниговской и других губерний, что основание Савинки положит начало для массового бегства сюда, в поисках спасения и передышки от преследований и притеснений, обездоленных и прочих беглых странников. А вслед за ними, почуяв наживу, сюда же, как из прорвы, потекут разного рода дельцы, алчные предприниматели с туго набитыми кошельками, чтобы захватить, скупить и перекупить лучшие земли, дешевые руки и под натиском денег построить собственное благополучие...

Как могло случиться такое, что к закату моей жизни Савинка, выросшая до двадцати тысяч душ, превратившая степную пустыню в край крупного зернопроизводства с собственной мукомольной промышленностью, оказалась разделенной на Городовку, Кырыковку, Голопузовку, Кундаровку и Заречье, оказалась с многими тысячами разоренных, окончательно обнищавших батраков, стонущих под произволом сверхимущих... А беглые и прочие все так же прибывают и прибывают...»

Георгий КИЛОЧЕК

МАЛОРОССИЙСКАЯ СВАДЬБА

в слободе Самойловке, Балашовского уезда Саратовской губернии

Свадьба начинается с сватовства, а сватовство с того, что жених, выбрав из своих родственников сватов, которые носят название старост, посылает их сватать невесту. Старосты, взявши с собою хлеб, идут в дом, где предполагают сватать невесту, и подойдя к окну этого дома, читают молитву: «Господи Иисусе Христе...», из избы отвечают: «Аминь». Старосты просятся в избу словами: «Пустите погреться», им отвечают: «Милости просим». После этого приглашения старосты входят в избу; невеста, увидавши их и узнавши их и узнав причину прихода, тотчас же уходит из избы.

Начинается сватовство, и если родители в принципе согласны на выдачу в замужество своей дочери за предложенного жениха, то старосты, положив хлеб на стол, идут об этом сообщить жениху, а в случае несогласия при уходе хлеб берут с собой обратно.

Жених, узнав о согласии невесты, выбирает из своих товарищей так называемого старшего боярина и с ним вместе, а также отцом, матерью, старостами и ближайшими родственниками идут в дом невесты. Между родителями жениха и невесты прежде всего идут переговоры о кладке. Кладкой называется вознаграждение от 30 до 100 рублей, даваемое женихом невесте на приданое. После договора о кладке отец и мать невесты выговаривают подарки, ко-

---

Публикация по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Саратовской области (ф. 407, оп. 2, д. 932).

торые должен сделать им и родственникам жених после свадьбы. По окончании переговоров и установившегося согласия с обеих сторон, в избу вводят невесту и сводят ее с женихом, т. е. отец невесты спрашивает ее, нравится ли ей жених и желает ли она выйти за него замуж, отец жениха с вопросом в том же смысле обращается к сыну и по получении утвердительного ответа от жениха и невесты, их становят рядом и все молятся Богу.

После молитвы начинают запой, т. е. отец и мать невесты всех угощают водкой; во время запоя невеста делает подарки: матери жениха — головной платок, отцу, старшему боярину и родственникам жениха носовые платки и старостам — рушники. Рушник — это белая, пеньковая рябчатая ткань с цветными полосками, в длину 10 вершков; к нему прикрепляются матуски (завязки). Рушники приготовляются ранее свадьбы специально для этой цели.

Старосты, получивши рушники, перевязывают их себе через плечо, для отличия их от других. Погулявши, родители невесты и ее ближайшие родственники идут в дом жениха, где и оканчивают запой.

Невеста из своих подруг выбирает старшую дружку и с нею идет приглашать к себе в гости подруг. Жених делает то же, т. е. он и старший боярин верхами на лошадях едут собирать товарищей, причем старший боярин берет с собою хлеб.

Товарищи во время свадьбы называются боярами. К вечеру все собираются в дом невесты, веселятся и в конце вечера девки подмавляют парней. Подмавлять парней — это значит, что каждая девка, чрез посредство невесты, приглашает себе парня, и если он на то согласен, идет с ним спать, что делают и жених с невестой, при этом обычае допускаются лишь легкие любезности, дальше коих дело нейдет.

Утром на другой день мать невесты угощает всех завтраком, после которого жених и вся молодежь уходят, а вместо них приходят родители и родственники жениха опохмелиться, а невеста в это время в сопровождении старшей дружки идет в гости к жениху. Жених угощает их и дарит невесте платок, она надевает его и вместе с женихом, старшим боярином и старшей дружкой едут на тройке кататься по селу с целью показать подарок.

Невеста и старшая дружка с сватовства и до самой свадьбы ходят в цветах, цветы делаются в виде высокого кокошника с длинными лентами. Жених и старший боярин, а иногда и бояре, ежедневно до самой свадьбы ходят в гости к невесте, куда собираются и ее подруги.

Накануне девишника в избу жениха приглашаются его родственницы и соседки, где они общими силами приготовляют лежень, шишки и брагу. Лежень — это хлеб продолговатой формы, украшенный фигурками из теста, хлеб этот на другой день свадьбы

украшается цветами. Шишки — это небольшой круглой формы хлебцы, украшенные тоже фигурками; шишками жених дарит всех присутствующих на свадьбе. Брага — это известный всем напиток вроде русского пива.

Во время приготовления лежня и шишек работающие их поют:

Ивашкина ненька
По улички ходит,
Сусидочек просе:
«Сусидочки голубочки
Приходите до менэ,
И до моего дитяты
Калачика бгаты»

Во время приготовления браги поют:

1. Говорило пиво
С своими пивоварами:
«Пивовары пивоварочки,
Варите меня коли варите,
А то вы меня не уварите
И вы меня не удержите:
Ни в кульях, ни в бочках,
Ни в золотеньких кубочках»

2. Говорил Ивашко
С своим батеньком:
«Жените меня коли жените,
А то вы меня не ужените
И вы меня не удержите:
Ни в поле, ни в доме,
Ни на вороном коне»

Накануне свадьбы жених из своих родственников выбирает 1. Дружко — это весьма почетная обязанность, которая при описании сама по себе выяснится; дружко должен быть женатый родственник жениха (брат или зять), 2. Свашки — почетные провожатые жениха, тоже ближайшие родственницы, их бывает две, и 3. Свитилку — это небольшая девушка, его родная сестра, а если таковой нет, то родственница, на обязанности свитилки лежит носить мич (букет цветов).

Невеста в свою очередь из своих родственников тоже выбирает: 1. подружко, помощниц дружко и 2. свашек.

К вечеру этого дня жених с старшим боярином идут звать к себе в гости бояр и родственников, что делается следующим образом: жених и старший боярин, подъехав к дому— откуда хотят пригласить боярина и родственников, входят в избу, и, обращаясь к хозяину, жених говорит: «Просим батько и маты на хліб на соль и на весільє, а міне дайте боярина», ему отвечают: «Спасибо, прейдемо», таким же образом приглашаются и другие родственники и бояре.

Приглашенные собираются в избу жениха, их сажают за стол, а жених и дружко идут в сени, к ним выходит отец и мать, причем отец выносит хлеб. Дружко, обращаясь к отцу и матери, читает молитву «Господи Иисусе Христе...», отец отвечает: «Аминь»,— дружко благодарит за аминь словами: «Спасет Бог за аминь» и продолжает: «Благословите, отец и ненцы жениху поклонитеся», отец отвечает: «Бог благословит». Жених делает три земных поклона отцу, отец передает хлеб матери, жених и ей делает три поклона; отец и мать возвращаются в избу, а дружко, полуотворивши дверь, читает молитву «Господи Иисусе Христе». Старосты ему отвечают: «Аминь». Дружко благодарит за аминь уже известной фразой и, обращаясь к ним, говорит: «Старосты, пане старосты,

кто до кого, а я до Бога и вашего здоровья». Старосты: «Мы рады слухать». Дружко: «Благословите жениха за стол завести и в первый, и другой, и третий раз». Старосты: «Бог благословит и маты велит».

Дружко вводит жениха в избу и заводит его за стол, сев с ним рядом, где рядом же с ним по другую сторону сидит старший боярин. Во время того, как жених садится за стол, свашки поют:

Идет Ивашко на посад,
Навстерчу ему Господь Сам,
И с долею счастливою,
И с доброю годиною.

Отец и мать каждый порознь угощают всех брагой. Угощение происходит следующим образом:

Отец берет ковш браги и подает его жениху, жених не берет и отсылает, т. е. предлагает первоначально выпить отцу словами: «Пій батево», отец выпивает, сказавши: «Здорово, ребята, отец пьет», перед этим жених и старший боярин кланяются отцу в пояс и после того, как отец выпил, старосты говорят: «Выпил батево». Жених и старший боярин второй раз кланяются, таким образом жених отсылает до тех пор, пока отец всех по старшинству не угостит, а затем пьет и сам жених. Точно так же угощает и мать. По окончании угощения дружко, взявши кувшин браги и шишку, идет в дом невесты, за ним следом идут старосты, а за ними уже и жених с боярами, свашками и свитилкой, последняя в руках несет мич.

Невеста к вечеру того же дня с старшей дружкой, обе в цветах, идут приглашать к себе в гости подруг и родственников, во время этого, идя по улице, поют:

1. Душенько наша Оришка!
Ой, высоки скоки — сороки,
Низки поклоны — вороны,
Долгий носок — куличок,
Чуть далече — дружечок.

2. Душенька наша Оришка!
Піп, піп Гордей!

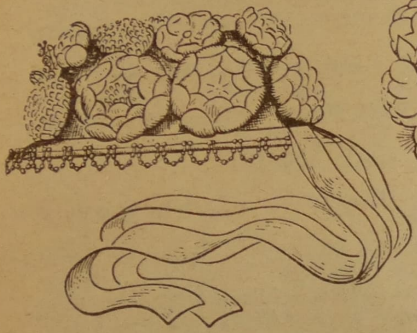
Не дзвони рано в недилю,
дзвони рано в субботу,
Шоб дівцы ни прялы,
Шоб дружек собиралы,
Винки вилы из дерева калины,
Дівцы Орисці князіні

Подходя к дому, из которого невеста желает пригласить подругу и родственников, поют:

Душенько наша Оришка!
Обмитайте дворы,
Застилайте столы,
Кладите калачи,
Из ярой пшеницы,
Сполняйте кубочки
Идут дружечки.

Невеста и старшая дружка входят в избу и обращаясь к хозяевам дома, приглашают их словами: «Просим батево и маты на хлиб на соль, на висільє, а міне дайте дружку», им отвечают: «Спасибо, прейдемо». Невеста, взявши подругу, идет далее.

Все собираются в дом невесты, их сажают за стол, а невеста и подружко выходят в сени, за ними выходят отец и мать, где благословляют ее, и подружко заводит за стол невесту. Благословение



«Девичья красота» — головной убор невесты. XIX век

«Золотой» — головной убор невесты. XIX век, Старобельский уезд Харьковской губернии

невесты и порядок заводить за стол тот же, как и жениха. Невеста садится за стол рядом с старшей дружкой, а по левую ее сторону садится подружко. Во время того, как невеста садится за стол, девицы поют:

Всі ангелы, всі святые
По виконцам сіли,
Молодая Оришка
У своего батеньки
Благословенье просе:
«Благослови ты, мій батенько
На посаде сісты».
А вин ей каже:
«С Богом, дитятко,
Бог тобі на помощь,
А ангелы на радость».
И ангелы радят
И на посад садят.

Отец и мать всех угощают брагой, причем кланяются невеста и старшая дружка, после угощения ожидают жениха. Невеста плачет, а девицы поют:

Ой к чому, чому!
В сим новом дому
Так рано засвичино?
Оришка встала
Коску чесала,
У батеньки поряжались:
«Порадь меня
Ты мой батеньку
Кого в дружки браты?»
А вин ей каже:
«Бери, донька, челеденьку
Всю свою роденьку,
Бери за раненько
Шоб ни було гнивненько.
Садови, доненько,
Риди около себе,
Шоб никто
Ни гнівався на тебе

Садови, доненько,
Вязще и низще,
А свою роденьку близще.

Первым в избу невесты входит дружко, молится Богу и делает три поклона в разные стороны и, обращаясь к отцу и мате-

ри, чествует их и всех присутствующих следующими словами: «Сват свату! Сваха свасі! Компания компании! Хлебом солью вашему здоровью. Вот вам кувшин браги и шишка».

Отец принимает кувшин и благодарит дружко: «Спасибо сватові и свасі цо ни забули и нас», затем дружко сообщает, что на двор идут гости. Старосты невесты, взявши по хлебу, выходят на двор, становятся у входа в избу и ожидают гостей. Во двор входят старосты жениха, тоже с хлебом у каждого, становятся напротив старорост невесты и приветствуют их: «Доброго здоровья», те отвечают: «Добро пожаловать». После приветствия старосты меняются хлебами и по три раза целуются таким образом, что староста невесты, стоящий по правую сторону, целуется с старостой жениха, стоящего по левую сторону, и наоборот, т. е. крестообразно; окончив этим обряд, старосты входят в избу.

Дружко же во время встречи старост подходит к молодой, подает ей ужин и, обращаясь к матери ее, просит у ней рушник: «Сваха, дай мне рушник руки потерты». Мать подает ему рушник, дружко, вместо того, чтобы взять его руками, подставляет палку; мать вешает рушник на палку, дружко же принимает его и перевязывает чрез плечо, а затем, обращаясь к матери, благодарит за него словами: «Спасибо сватові, свасі и молодыя князіни, що рано вставали и подарочки прялы», садится около невесты, угощает ее ужином и по окончании, помолившись Богу, дожидаются жениха.

За ужином невеста ничего не ест, и он делается лишь для того, чтобы дружко получил рушник.

Жених не заставляет себя долго ждать и тотчас же приходит с гостями, гости входят в избу, а жених остается в сенях, дружко выходит к нему в сени и за ним выходит отец с матерью невесты, где благословляют жениха, и дружко заводит его за стол уже известным образом и сам садится с ним рядом. Во время того, как жених садится около своей невесты, девицы поют:

Дружечки паняночки
Посуньтесь по лавотци,
Нехай сий пан сяде
До своей паняночки,
Як буде говорити:
«Серденько миленько,
Присунься близенько»,
Як буде говориты,
Як на світе жіты.

Дружко предлагает молодым ужин и вновь просит у матери рушники, мать подает ему шесть рушников, дружко берет один себе и перевязывает его через плечо таким образом, чтобы он с перевязанным уже рушником образовал на спине крест, остальные рушники дружко передает подружко и старостам, они тоже перевязывают их чрез плечо.

Помолившись Богу, дружко жениху и невесте подает ужин. После ужина подружко угощает дружко брагой, он отсылает брагу отцу и матери невесты и после того, как они выпили, пьет сам. Подружко заявляет ему, что он пропил место, дружко встает и вы-

ходит из-за стола, а вместо него садится свитилка с мичем и свашки, а напротив жениха — старший боярин и бояре.

Свашки, севши на место, берет из рук свитилки мич, наклоняет головы жениха и невесты к столу, зажигает две свечи, вставляет их в мич и им три раза обводит кругом головы жениха и невесты, а затем подымает их и мич передает свитилке, которая с ним сидит целый вечер, держа его в руке.

После этого обряда отец и мать угощают всех брагой, причем кланяются жених, невеста и старшая дружка. Во время самого угощения и после него девицы поют:

1. Чрез сіночки
Двое двірочки,
Там вишневый садочек,
В садочкі Оришка ходила
Голубей гудовала,
С голубями размовляла:
«Гудите голуби,
Куйте зозули,
Щебечите соловейки,
Задайте тугу
Темному лугу
И моему батеньку,
Що меня батенько
Первую дает,
Порядку не зная».
Мой батенько
Сильно старенький,
Як голубок сівенький.

2. Уж ненька моя,
Уж не раненько,
Шож ни учишь
Ты меня, ненька?
«Донька моя,
Я ж тебя учила,
Учора и из вчера,
Що устань раненько,
Умойся біленько,
Свікрови дай добрый день,
И день добрый давши
И ведерочки взявши,
Швыденько иди,
Полненько бери,
Щоб вечіри застать».
«Швыденько я шла,
Полненько брала,
Но вечіри не застала,
Зашла я на среди двора,
Брязнули ложки со стола,
Зашла я на присіночки,
Брязнули и тарелочки,
Сему тому питеньки дела,
Ложечки собрала,
А там пошла в хату
Постиль сібе слаты».
«Ни погнивайся, чужое дитя,
Що забула тобі
Вечіреди оставить».
«Світ моя родная маты:
Де я ни пойду, де не гуляю,
Прейду и вечіряю;
Де я ни буду, де не заборюся,
Тай ни кого я ни боюся;
Хоть до полночи, хожу по улиці,
Тай не забудут
Вечеряти оставят.

3. Казав сірый дубонька:
«Не боюсь я морозыньку,
Не пущу соб ластиньку,
А то теперь опускаешь
Сыру землю укрываешь.»
Казав мій батенько:
«Не отдам сій год, моя доненька».
А она ему каже:

Крестьянская свадьба. Лубочная картина, XIX век

«Отдаешь ты міня, не жалуешь,
А світ ты міне завяжешь,
А гулять то міні заказываешь,
А світ міні завязываешь:
Червонною да китайкою,
Дротяною да нагайкою».

После угощения брагой девицы поют, а невеста плачет и бьет головой о стол до окончания вечера, ее стараются успокоить жених и старшая дружка, и на некоторое время успокаивают, но когда поют песню «Полынули голубеньки», она особенно сильно плачет:

Полынули голубеньки
У поле гудуче,
Оришкино дівуванье
Тай несуче.
«Переймав же мій батенько
Голубов назад,
Чи ни вернется ли
Дівуваньечко мое назад».
А вин ей каже:
«Ой, переймав, донька моя,
Тай не переняв,
Уж твое дівуванье
Навіки отдав.

После этой песни жених с невестой, старшая дружка с девками и старший боярин с боярами идут в особое помещение, для них нарочно приготовленное, и во время ухода девки поют:

Ложите роженьку, (трава)
Стелите дороженьку,
Щоб мягче ступали,
Бояр оглядети:
Чи ни кривы,
Чи ни горбаты,
Чи ни умеют танцоваты.
А бояре полякалися,
В солому поховалися,
Сидят по застильям,
Як карги по кильям,
Як пугач в лісі,
А воробейки стрісі

Невеста-малороссиянка, подпоясанная рушником. Фотография начала XX века

По приходе в приготовленное помещение жених всех угощает водкой, бояре и девки до окончания вечера поют и пляшут, а в конце девки подмавляют парней и ложатся спать.

По уходе из дома молодежи, оставшиеся садятся за стол и их отец с матерью угощают водкой и ужином.

На другой день утром дружко приходит будить жениха и невесту, они встают и в сопровождении дружко, подружко, старших боярина и дружки идут в дом жениха, где их встречают отец и мать с образом и хлебом и солью, благословляют и провожают в церковь. Жених и невеста в сопровождении вышеозначенных лиц, свашек и свитилки с мичем в руках идут в церковь, куда собираются бояре и девки. Во время венчания свитилка стоит сзади молодых с мичем. После венца старшая дружка в ограде церкви подпоясывает молодую полотенцем или шарфом из красной материи и все идут в дом молодого и по дороге девки поют:

1. Пип вінчал,
Не богато взял:
Півзолотого,
Коня вороного,
Собаку рудого
Да и ще трохі.

2. Стояла Оришка под венцом,
Чесала косочку грибенцом,
Упал грибенец под столец:
«Подай, Вашко, грибенец».
А вин ей каже:
«Я тоби, Оришка, ни вдовец,
Що буду подавать грибенец».

3. Стояла Оришка на міжі,
Червонные чиривички на нозі,
Купив Ивашко на торзі:
«Носи Оришка на здоровье,
Ни мовлю тобі ни слова»

4. Душенько наша Оришка!
Схілилася вирба
Сверху до конца,
Вінчалася Оришка
За ранко до полудня.

5. Душенько наша Оришка!
Колесом, колесом
Солнце в гору іде,
А молодая Оришка
Из вінчанья іде,
Своему батеньку

День добрый дае,
День добрый, батенько,
Сій день по візднень,
Тай до вечера.
Коскою маяты
И личком сіяты.

Во время того, как молодые подходят к дому, девки поют: «Обмітайте дворы» и т. д.

Молодые входят в дом, где отец и мать и присутствующие поздравляют их и все садятся за стол, подают обед и угощают брагой и водкой. Пообедавши, молодая с старшей дружкой идут к ее матери; при уходе со двора старшая дружка и девки бьют о воротный столб ложки, украденные ими за обедом, и топчут их ногами; это делается для того, чтобы молодой чаще пускал молодую в гости к ее матери.

Молодой остается дома. Старший боярин и бояре тоже идут по домам седлать лошадей для предстоящего катания. К вечеру старший боярин и бояре верхами на лошадях собираются к молодому, оставляют лошадей на дворе, сами входят в избу, садятся за стол, молодого же, по принятому обычаю, дружко заводит за стол, а отец и мать угощают водкой, причем мать всем боярам дарит по платку, а старшему боярину — самый лучший, для отличия его от других бояр; подаренные платки бояре перевязывают чрез плечо. Свашки поют:

Між липами,
Між осинами,
Там Ивашко
Траву косе,
Вороному коню носе:
«Тай іж траву зелену

Пій воду холодну,
Поідим мы в дороженьку,
В дороженьку далекую.
По скрыню по дубовую,
По перину по пуховую,
По Орину чернобровую»

Вслед за этой песнею свашки поют песню старостам, во время которой все родственники молодого на приготовленную тарелку кладут деньги, которые собирает дружко и передает молодому, молодой на эти деньги угощает водкой бояр во время катания:

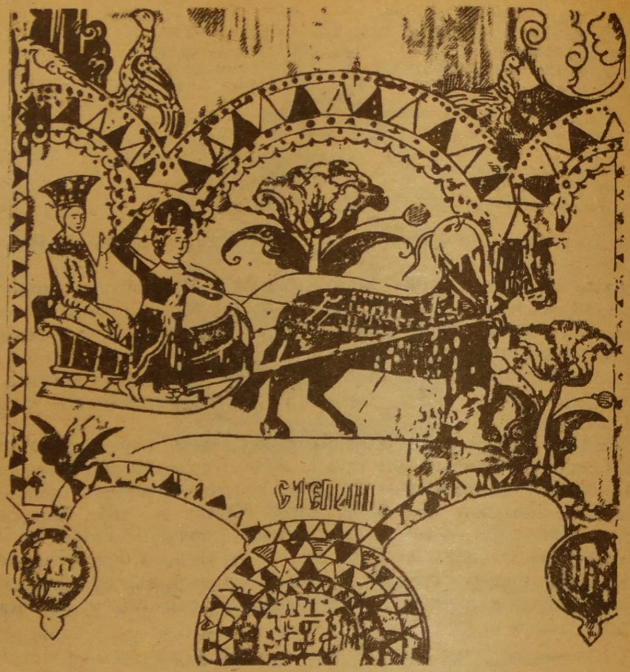
Гадайте старосты,
А вы бояре сумуйте
По золотому отсуньте.

Теперь година шла,
Дороженька скользка,
Тай Ивашке чеботок
И золотеньких пяток.

Свашки собирают у бояр шапки и пришивают к ним квитки (ленты) и во время этого поют:

Росты, верба, развивайся,
Звей себі, вирба,
Симсот квиток и четыре,

Всім боярам по квитці,
А Ивашке квиточки ни мае,
Ивашкина квитка — Оришка дівка.



Свадебное катание. Лубок XIX века

По окончании пришивки квитков молодой и бояре выходят на двор, все садятся на лошадей и становятся в ряды во главе молодого с старшим боярином. Дружко берет хворостину, садится на нее верхом и объезжает три раза поезд, затем хворостину ломает пополам и кидает в ворота в обе стороны. Во время объезда следом за дружко идет мать и посыпает молодую и бояр хмелем с примесью денег и гостинцев. Поезд дружко на хворостине — предотвращает молодого от порчи, а посыпка хмелем — пожелание молодому богатства.

По окончании этого обряда мать, взявши повод лошади молодого в полу, выводит его со двора, а за ним следом выезжают и бояре и едут кататься по селу, первоначально они подъезжают к церкви, молодой и старший боярин слазят с лошадей, подходят к дверям церкви, делают три земных поклона и целуют замок. Целование замка — признак, укрепляющий супружеский союз. Во время катанья молодой угощает бояр водкой. Катанье продолжается до

вечера и именно до того времени, как молодого дружко загонит в дом молодой.

Молодая, после обеда у молодого, идет в дом своей матери, по дороге плачет, а девки поют:

Матенька утка,
Повернися прутко,
Солнце низенько,

Дружечки близенько,
Солнце низше,
Дружечки еще близше.

Эта песня повторяется до тех пор, пока не подойдут к дому молодой, подходя к дому, поют:

Выйди, матынько,
Напротив нас,
Глянь, матынько,
По всіх нас,
Красще Оришка
От всіх нас,

Невзгадала маты
Своего дітяты,
Проміж дружечками
За слезечками,
Проміж миленькими
За следечками дробненькими.

Входят в дом, молодую поздравляют и все садятся за стол обедать, во время обеда отец и мать угощают брагой и водкой, затем молодая с старшей дружкой и девками идут в гости к старшей дружке, где их угощают тоже обедом и все возвращаются к дому молодой, по дороге поют:

Булы мы в дружечках,
ілы пирожечки,
Пирожечки гричани,
А дружечки звычайни

Пирожечки житненьки,
А дружечки пышненьки,
Пирожечки в масли,
А дружечки прикрасни.

Старшая дружка и девки, проводивши молодую до ее двора, идут отдыхать домой.

Вечером старшая дружка и девки собираются в избе молодой, куда приходят и все ее родственники, все садятся за стол, а молодую, по принятому обычаю, подружко заводит за стол, и сам садится с нею рядом. Спустя некоторое время в избу входит дружко с кувшином браги и шишкой, чествует присутствующих уже известным образом, угощает молодую ужином, предварительно взявши у матери ее рушник и перевязав его через плечо, садится около молодой вместо подружко, подружко угощает его брагой и он, пропивши место, идет на улицу загонять молодого. В это время приходят старосты молодого, их встречают уже известным образом.

В избе отец и мать угощают всех брагой, во время угощения и в ожидании молодого девки поют:

Славное поле Яланское,
Славнише Острывское,
На Яланском — дуб да береза,
А на Острывском — вишня да черешня,
Из-под этих вишен
Дунай вышел,

Там Оришка чаши мыла,
Попускавши промовляла:
«Плывите, чаши,
Под свикрови двір,
Я за вами зараз буду:
В неділю — к обеду буду,
А в вечері — к вечірі буду.»

При входе старост в избу девки поют: «Гадайте, старосты», все родственники кладут деньги, на приготовленную подружко тарелку, эти деньги подружко передает старшей дружке на угощение девок.

По выходе дружко на улицу, мимо двора проезжает молодой с боярами, дружко останавливает его, но он увертывается и проезжает мимо; после третьего проезда дружко ловит молодого и, взявши повод его лошади в полу, вводит во двор, молодой слезает с лошади, а на его место садится брат молодой и выезжает на улицу; дружко идет за ним выкупать у него лошадь, и когда брат проезжает мимо двора, дружко становится ему навстречу и предлагает выкуп, давая бутылку водки и шишку; брат не соглашается на этот выкуп и требует в дополнение к нему какую-нибудь вещь, например: перчатки, гармонику и т. п. Дружко соглашается на требование брата, удовлетворяет его, и тот въезжает во двор, передает лошадь дружке и идет с товарищами пить полученную водку.

Во время того, как дружко ловит молодого на улице, в избе девки поют:

Оришкина сестрица
В віконцах сидит,
То с боярами говорит:
«Грайте, бояре, грайте.
А в двір не ввертайте.

іще моя сестра
Ни сряжена сидит,
Ни срядил ее батенько
За свои жалости,
Ни як за жалости,
Як за скупости.

И когда дружко вводит молодого во двор, девки поют:

Що це за гости,
Що силою в двір іздуть,
Копытами двір копают,

Шаблями огонь рублют,
Ручками разжигают,
Сколочками раскладают.

После того, как молодого вводят во двор, из избы выходит мать молодой, становит діжу (квашню) напротив входа в избу, покрывает ее рушником и кладет хлеб. Молодой с боярами собираются вокруг діжи, мать угощает их брагой, угощение начинается с молодого, мать подает ему ковш браги, он отсылает ее, мать выпивает и подает молодому второй ковш, молодой берет ковш и выливает его через себя, старший боярин принимает от него ковш и передает матери, она третий раз подает ковш молодому, который он и выпивает, затем мать угощает брагой старшего боярина и бояр, причем каждому дарит по платку.

Все входят в избу, а молодой и дружко остаются в сенях, где тесть с тещей его благословляют, а дружко, известным уже образом, заводит его за стол, но в то время, как дружко с молодым подходят к столу, брат молодой, севший около ее, бьет дружко по голове особо приготовленным жгутом из соломы с шишкой на одном конце из репьев, и не пускает садиться за стол, требуя за сестру выкуп; дружко отказывает в выкупе, говоря: «Що не дам выкупа, она теперь наша, а не ваша», брат же настаивает на выкупе, объ-

ясняя: «Нет, не ваша, ни всі гроши отдали». Во время переговоров дружко с братом девки поют:

Братику, не лякайся,
Братику, постарайся,
Не продавай сестру
За півзолотого,

Проси червонного
И коня вороного,
Як зятя молодого
Тай поізд его.

Дружко с братом договариваются, и брат получает выкуп — шишку и денег от 5 до 10 копеек. После договора девки поют:

Татарин, братику татарин!
Продал сестру за дары,

Взял за сестру стрілочку
За ее русую косочку.

Молодой садится около своей новобрачной, в это время девки поют: «Дружечки паняночки» и т. д.

Затем дружко угощает молодых ужином, ему дают другой рушник, а также дают рушники чрез дружко — старостам и подружко, все они перевязывают их через плечо, и у дружко вновь от перевязанных рушников образуется на спине крест. Дружко благодарит мать за рушники уже известным образом.

Помолившись Богу после ужина, дружко, сидевший около молодого, уступает свое место свитилки и его свашкам. Одна из свашек, севши на место, берет у свитилки мич и обводит им молодых уже известным образом, причем в мич вставляет венчальные свечи. По окончании этого обряда отец и мать угощают всех брагой и после угощения свашки молодой берут с ее головы ленту, сделанную в виде розетки, и пришивают ее к шапке молодого, в которой он ходит и на другой день, и во время пришивания поют:

Зять хороший,
Готовь копу грошей,

А копой не отбудешь,
Хиба жупан купишь.

Дружко предлагает им по шишке и копейке, они не берут:

А казали люди,
Що зять богат!
А казали люди,

Що грошей міе!
А дает копейку
Як на сміх!

Дружко прибавляет денег, свашки не берут и поют:

Глянь же ты, зятенько, на меня,
Красче звіздоньки от тебя,
На звіздоньке шлычек колпачек,
Готовь, зятенько, шесточок (6 коп),
А як ни сготовишь шесточок,
То поідешь без шлычка,
Без дротяного віночка.

Наконец дружко договаривается с свашками и дает им каждой по шишке и 6 копеек. Свашки, получивши выкуп за шапку, обращаются к молодому с требованием отдарить родню молодой, договоренными при сватовстве вещами. Молодой, чрез свашек, делает

подарки: тестю — валенки, теще — сарафан, свояченице — стричку (ленту), шурину — шапку и другим родственникам платки и кроме того каждому присутствующему, за исключением девок, дают по шишке.

Теща молодому дарит платок, он вдевает платок за кушак и с ним ходит и на другой день. Молодая чрез свашку дарит старшей дружке и девкам по платку. Девки, не получившие шишек, поют:

Свашка ни липашка,
Шишек ни ліпила,
Дружек не дарила,
Одну сліпила.
Из зеленого сіна
И ту сама съіла,
Не доіла, к столу приліпила,
Бояре глодали,
Зубы поломали.

После этой песни свашка дает девкам по шишке. Отец и мать угощают брагой, а девки поют:

Душенько наша Оришка!
Чи пісни співати,
Чи сваты казали:
«Свяночка білое личко,
Свитилочка, барвиночка,
Заспівай нам
Хоша одну приіжжую
Веселую пісенку?

Свашки от лица молодой поют:

Дружечки наши голубеньки,
Сивеньки наши,
Лебеденьки біленьки.
Высокий переізд.
Широка дорога
И чужа сторона,
Подавайте сторожа,
Співайте сами.

Девки и свашки эти две песни поют по три раза и после третьего раза свашки соглашаются на просьбу девок и от лица молодой поют:

Наіхали подоляне из подолья,
Привезли свої игры с собою.
Тай задали по-поляцки играти,
А старосты с Ивашкой скакати.

Дружко выходит на средину избы, ему подают рушник, на него он кладет хлеб, а на хлеб платок, коим предполагается покрыть молодую, выходит в сени, подымает все на голову и, полуотворивши дверь, читает молитву «Господи Иисусе Христе...» и известное уже вступление, просит благословения словами: «Благословите в сій чістной дом с святым хлібом войти». Старосты отвечают: «Бог благословит и маты велит», дружко входит в избу, а девки поют:

Глянь, на пороге діво,
Несут твое діло,
Як біл білесенький,
Як попил тонесенький.
Діло ни женуче
И всіх дівок ниминуче.

Дружко хлеб кладет на стол, сам садится около него, рушник берет себе, а платок передает свашкам, встает, читает молитву «Господи Иисусе Христе...», говорит известное уже вступление и просит благословить словами: «Благословите сій святой хліб по міру раздать». Старосты благословляют. Дружко режет хлеб на мел-

кие куски, кладет по два куска на тарелку и подружко разносит его всем присутствующим, начиная с отца и матери молодой и т. д. по старшинству родственников и в конце сам дружко вместе с подружко съедают по куску. После этого обряда девки поют:

Дружко волохатый
Біга кругом хаты,
Соломою підпорізався,
Под каравай подбрався.

Каравай ріже,
А у него из носа сопляк лізе,
А бояре думали масло,
Поіли каравай сласно.

По окончании этой песни начинается обряд покрыванья молодой, который заключается в следующем: две свашки, одна от молодого, а другая от молодой, подходят к молодой и становятся одна по правую, а другая по левую сторону. Свашка от молодого читает молитву «Господи Иисусе Христе...», старосты отвечают: «Аминь». Свашка, обращаясь к ним, говорит: «Старосты, пане старосты! Кто до кого, а я до Бога, до вашего здоровья». Старосты: «Мы рады слухать». Свашка продолжает: «Благословите молодую покрыть». Старосты благословляют. Старшая дружка снимает с молодой цветы, а свашки расплетают косу; затем свашка от молодого кладет себе на голову его шапку, а от молодой — квиток, взятый с головы ее, развертывают платок, подымают его над головой молодой, держа по концу в каждой руке, и опускают его к голове до трех раз, причем после каждого раза свашки меняются шапкой и квитком,

Покрывание молодой. Сваха (слева) с блюдом, на котором она подавала очипок. Кубань, фотография начала XX века

т. е. та, у которой на голове была шапка, кладет квиток, а та, у которой квиток — шапку, и после каждого же раза целуются и поют:

Покрывалочка каже плаче,
Покриваться хоче,
Не так покриваться,
Як поціловаться.

Пропевши эту песню в третий раз, свашки обвязывают молодую платком, по способу как носят женщины. Во время покрыванья молодая сильно плачет. Покрыв молодую, свашки, обращаясь к присутствующим, говорят: «Шо мы задумали, то і сробилы, из княгини поляницу — из дівки младицу, за эту вість, стаканов по шесть, а то хоша и по одному, да по полному». Дружко угощает их водкой, тем и оканчивается обряд покрыванья.

По окончании этого обряда старшая дружка и девки встают и прощаются с молодой, поцеловавшись с нею по три раза, во время прощания молодая плачет. Простившись с молодой, старшая дружка и девки выходят из избы и поют:

Брала Оришка лен,
Выгоняла дружечек вон,
За що було брати,
Як нас выгоняти,
Мы ни сами пришли,
Ни сами и пойдем,
Требо нам скрыпку и цымбал,
Шоб за нами шли и играли.

По выходе девок на улицу, они подходят к окну и в окно дразнят молодую следующею песнею:

Ни ходить тобі, Оришка,
Куда ты ходила!
Ни любить тобі, Оришка,
Кого ты любила!
Миновались твои ходы
Через переходы;
Миновались твои лазы
Через перелазы.

Во время этой песни молодая плачет и рвется на улицу, молодой ее утешает, затем вместо девок около нее садятся свашки и поют:

«Кто ж тобі білил,
Кто ж тобі білил,
Білая лебедка?»
«Білили же меня,
Білили же меня
Два лібедя на вади»
«Кто тебя покрыл,
Кто тебя покрыл,
Молодая Оришка?»
«Покрыли міня дві младицы,
Иванова и моя сестрицы»

Отец и мать угощают всех брагой и благословляют молодых: отец и мать становятся рядом, отец с образом, а мать с хлебом с солью, молодые три раза кланяются в ноги отцу и целуют образ и его, а он благословляет их, затем, поменявшись с матерью образом и хлебом с солью, мать благословляет молодых, после этого отец хлеб передает молодому, а мать образ — молодой. Во время благословения свашки и приданки, на приготовленных лошадей укладывают имущество молодой, а затем свашки молодого, взявши у матери черную курицу, сажают молодую с образом на лошадей и сами садятся с нею. Приданки едут на особых лошадях с имуществом, а молодой с хлебом в руках и в сопровождении стар-

шего боярина верхом на лошади первый выезжает с двора, за ним — молодая и приданки.

В доме молодого, при встрече поезда, отворяют ворота и насреди их разводят огонь, молодой, а за ним и молодая проезжают в ворота чрез огонь, что делается в предотвращение от порчи. Молодые входят в избу, отец и мать молодого встречают и благословляют их. После благословения дружко отводит молодую в отдельное помещение, раздевает ее, дает ей чистую сорочку и осматривает, нет ли у нее булавки, иголки и т. п. предмета, приглашает к ней молодого, запирает их и сам идет в дом, где ожидает результата,

Гопак. Рисунок И. Е. Репина

вместе с собравшимися свашками, подружко, старшим боярином и другими родственниками; во время ожидания все поют и пляшут, придумывая разного рода увеселения, например: наряжают животных и вводят их в избу, сами наряжаются, музыканят на ведрах, железных палочках и т. п. предметах, это веселье носит название «горох молотить».

Утром рано дружко идет к молодым, будит их, они встают, молодая дарит дружко два рушника и сама перевязывает их ему через плечи, скручивая в жгуты, если вышла в замужество честного поведения и оставляет плоскими — если нечестного. Для посторонних наблюдателей, как признак честности молодой, служит и то, что кроме скрученных рушников дружко перевязывает чрез плечи красный кушак.

В это время свашка от молодого осматривает сорочку молодой, желая удостовериться в ее поведении; затем молодые вместе с дружко и свашками от молодого идут к отцу и матери молодой снидать (завтракать), причем, если молодая честная, свашки нашивают на голову красного цвета квитки и в руки берут по букету калиновых ягод, а также захватывают с собою и сорочку молодой, как доказательство ее честности. Во время пути свашки пляшут и поют:

Як у лузи калина разцветает!
Спасибо морозыньку,
Що не побил калиноньку
И не посмутил родененьку.

Отец и мать молодой встречают молодых с хлебом, молодой благодарит их за бережливость дочери, все садятся за стол и их угощают блинами, водкой. Поевши блинов, молодые с пришедшими с ними гостями возвращаются домой, а за ними следом подружко с свашками от молодой идут в дом молодых украшать лежень. Во время ухода молодых из своего дома к ним собираются все родственники молодого, садятся за стол и их угощают блинами и водкой.

По приходе молодых домой дружко отводит их в отдельное помещение, а сам идет в дом и, встретивши свашек от молодой, сажает их за отдельный стол, подает им лежень и угощает блинами и водкой. Свашки украшают лежень цветами, лентами и калиной, во время украшения поют: «Як у лузи калина разцветает». Свашек угощают водкой и они поют:

У нашего зятя
Курчава голова,
Он кудрями потрясет,
Нам по рюмці поднесет.

и в случае неудовлетворительного угощения свашки поют:

У нашего свата
Из вірбы и лозы хата,
И из білой из березы
Поідым мы домой твирезі.

Если молодая, при выходе в замужество оказалась нечестного поведения, то свашки лежня не украшают и дружко, встретивши их, вместо угощения надевает на них хомуты и отсылает домой.

При уходе свашек домой находящиеся при них мужчины схва-

тывают дружко, кладут его в рядно (полог) и несут в кабак, молодые следом за ними выходят из своего помещения: молодая с тарелкой блинов, а молодой с водкой, и на улице выкупают дружко, угостивши всех водкой, причем все пляшут и некоторые являются ряженными. Дружко, освободившись, вводит молодых в избу, заводит по принятому обычаю их за стол, сам садится рядом с ними, ему подают хлеб, привезенный накануне молодым от молодой, он испрашивает уже известным образом благословение о раздаче по миру хлеба, режет его на мелкие куски, обмакивает их в мед, а если молодая вышла в замужество нечестною, то в кислое молоко, кладет по два куска на тарелку и подружко разносит всем присутствующим, начиная с отца и матери и затем родственникам по старшинству, причем молодые всем родственникам дарят по платку. После этого они встают и идут чествовать. Этот обряд производится следующим образом:

Молодым подают по тарелке с стаканом на каждой, дружко и подружко берут по бутылке водки, украшенных красными лентами, и наливают в стаканы: дружко — молодому, а подружко — молодой. Молодые подходят первоначально к отцу и матери и затем по старшинству ко всем родственникам и угощают их водкой с тем, чтобы каждый зараз выпил два стакана, т. е. от обоих молодых, причем молодые каждому два раза кланяются в ноги: до и после угощения. Родственники молодому и молодой кладут на тарелку деньги, а кроме этого, глядя по состоянию, дарят молодым: корову, овцу, хлеб и т. п. предметы, причем говорят: «Дарю счастьем и здоровьем червонным, или овцой, козой, коровой и тем, што привезу». В это время один из грамотных гостей углем на печке записывает подарки; эту печку молодая на третий день выхода в замужество обязана собственноручно выбелить.

После этого обряда все обедают. Молодые же и дружко, у коего в руках украшенный свашками лежень, идут к тестю и теще звать их и всех родственников молодой к себе в гости. При входе в избу тестя их встречают он сам и все собравшиеся родственники, все садятся за стол. Дружко известным уже образом раздает присутствующим принесенный с собой лежень, обедают и все идут к молодому в гости. При входе в избу, сидевшие за первым столом родственники молодого встают и садятся за второй стол, а вместо их садятся вновь пришедшие родственники молодой, их угощают обедом и водкой, а после обеда их молодые чествуют тем же порядком, как и родственников молодого, а родственники в свою очередь делают подарки.

На другой день утром к молодым сходятся опохмелиться все вообще родственники, и они приносят с собою и обещанные накануне подарки. Затем в последующие три дня молодые ходят в гости к родственникам, бывшим у них на свадьбе, и тем оканчивается сама свадьба.

$18\frac{14}{XI}87$

Составил по личным наблюдениям
Алексей Осипович ВИЛЬГЕЛЬМОВ

ЧАРОВНИК ИГНАТИЙ

Малороссы называют колдунов чаровники и чаровницы. В с. Сокуре (Саратовского уезда) малороссиянка Прасковья Кухарева, старуха 90 лет, говорит, что слышала от своих родителей старожилов, что в Сокуре в прежнее время было много колдунов, которые посредством сближения со злыми духами околдовывали женщин, девушек и мужчин, причем рассказывает следующий случай. Малоросс с. Сокура, крестьянский парень Петр Кутейников крепко полюбил красавицу малороссиянку Улиту Кухареву и желал взять ее за себя; Улита же Петра не любила и на вечерницах смотрела на него с отвращением и относилась к нему с пренебре-

Малороссы. Рисунок XIX века

жением, отдавая преимущество перед всеми другими парнями полюбившемуся ей Егору Передриеву. Заметив это, Кутейников задумал отомстить Кухаревой самым жестоким образом, почему и обратился к чаровнику, крестьянину Игнатию Иванову Скиданову, поведав ему тайну своего сердца и дав приличное вознаграждение. Скиданов приказал ему вырезать из косы Улиты несколько волос и принести ему. Кутейникову скоро представился случай выполнить это приказание. Ему удалось отрезать клочок волос из ее косы и убежать сейчас же к чаровнику Скиданову, которому он и передал их, прося как можно бесчеловечнее отомстить красавице за отвергнутую любовь его. Скиданов взял эти волосы и замазал их в чело печи, сказав Петру, чтобы шел домой и был спокоен, так как все исполнится по его желанию. В тот же вечер, как только волосы были замазаны в чело печи, несчастная девушка начала грустить и тосковать, так что свет Божий ей стал не мил. Через два месяца после свадьбы изнывшая от неопределенной тоски Улита умерла, оставив вдовцом любимого и любившего ее мужа. Когда покойницу вскрыли, то сердце ее оказалось все исколото как бы иглами. Было это лет 50 тому назад. (Рассказ 1886 года).

ВЕДЬМА НАСТАСЬЯ

Малороссы убеждены в существовании ведьм и превращении их в разных животных: собак, свиней и пр. Старуха Кухарева (с. Сокур, 1886 г.) передает, что, быв еще молодой, пошла ночевать по приглашению к односельчанке; в полночь услыхала она шорох, стала приглядываться и видит, что хозяйка с черпаком, наполненным какой-то жидкостью, входит из сеней в хату; затем натерлась этой жидкостью, села на кочергу, открыла трубу и вылетела в нее. Кухарева до того перепугалась, что, закрывшись с головой, не видала, когда та вернулась, и побоялась расспрашивать ее о ночном путешествии. Рассказывают еще в Сокуре, что тамошний крестьянин Кондратий Филипенко шел близ полуночи домой из шинка, вдруг из-за угла хаты выбежала свинья и начала бегать вокруг него. Филипенко, хотя и струсил, но бросился на свинью, поймал ее и хотел бывшим при нем ножичком отрезать ей ухо, как свинья заговорила человеческим голосом: «Куманек, будь так ласков, пусти меня, я тебе завтра выкуп дам, четверть водки; я — Настасья, жена Михайлы Здражевского, и никогда не буду шутить с тобою». Филипенко сжалился и пустил ее.

По убеждению хохлов, ведьмы выдаивают коров; чтобы узнать, кто из баб в селе ведьма, нужно, по словам старух, взять от великого четверга кусочек сыру и беречь его до Светлого Христова Воскресенья; в Пасхальную же утреню положить за щеку и смотреть на молящихся: как только священник скажет: «Христос воскресе», то все ведьмы оборотятся задом к иконам и на головах их будут стоять дойницы.

Малороссы также верят в леших, проклятых и русалок. Лешие, по словам старожилов малороссов с. Сокура, живут в лесах при речках: «Это люди, проклятые своими матерями еще в их чреве и пропавшие после рождения некрещенными». Некоторые из старожилов видели в лесах леших. Приведу два рассказа о подобных встречах: «В лесу была пригородь, пастухи варили поздно вечером кашу и пошли загнать быков; возвращаясь, видят, что какой-то человек хлебает кашицу; они спросили его, кто он, и тот отвечает им, что его отец и мать прокляли по лесам ходить, затем он исчез. Пастухи не решились есть кашицу после лешего и отдали ее волам». Лешего видел также крестьянин малоросс с. Сокура Ефим Осипович Шевченко: «Пас он ночью волов на лесной поляне; по случаю холода развел костер и сел возле него погреться; вдруг слышит вдали отчетливый хохот, который постепенно приближался; смех прерывался иногда глухими стонами — уфф! и затем вовсе замолкал. Шевченко струхнул не на шутку, так что волосы у него поднялись дыбом, и он хотел уйти, но лишь поднялся с места, как увидал невдалеке идущего к нему человека, совершенно голого и обросшего длинными волосами, который, не доходя до него сажень трех, сказал: «Дай мне кусок хлеба, я сильно голоден; но брось его левой рукой наотмашь». Шевченко исполнил просьбу лешего, тот схватил хлеб, съел его, затем захохотал, свистнул, уфнул и исчез из виду».

По рассказам старожилов-хохлов, лет 150 тому назад в с. Сокуре было громадное и глубокое озеро, вокруг которого рос лес сокорник (осокорь); в этом озере водились русалки. В глубокую полночь, при лунном сиянии, всплывали на поверхность озера красивые нагие девы с распущенными волосами и с хохотом плескались водою; но преимущественно показывались они на Русальское воскресенье, которое бывает в четверг после Троицына и Духова дней и очень чтится всеми малороссиянами, называющими его не иначе как Велик-день, в который они не берутся ни за какую работу. В этот русальский день девки не ходили купаться, потому что русалка насмерть защекочет в воде, причем несчастная жертва умирает с хохотом. Старуха Прасковья Максимовна Кухарева рассказывает, приводя свидетелями многих старожилов, случай, бывший в Сокуре с малороссиянкой Аксиньей Черниченко, которая на русальское воскресенье рано утром полоскала белье и была втащена русалками в воду, где они и защекотали ее до смерти. Малороссы верят, что против русалок есть средство, для чего девки рвали в четверг полынь и вплетали ее в косы: русалка не станет щекотать ту, у которой полынь.

ИВАН КУПАЛА У МАЛОРОССИЯН

Девушки-малороссиянки почитают очень день Ивана Купалинова (Рождество Иоанна Предтечи, 24 июня). Накануне этого дня (с. Сокур Саратовского уезда) они берут «секиру» (топор) и идут в лес, где срывают кленовые листья (по-малороссийски чибытки) и вырубают длинную палку черноклена; все это приносят домой; тут часть девушек плетут из «чибытков» венок, а другие лепят из глины человеческую фигуру в виде женщины, выделывая ей нос, рот, глаза и груди, румянят щеки и одевают в женское платье, а на голову надевают венок из чибытков и живых цветов и оставляют ее до утра у которой-либо из дивчин. Утром, в день Ивана Купалы, матери пекут блины, сносят их к той хате, где ночевала слепленная фигура, и кладут принесенное на завалину; сюда собираются старухи и едят эти блины; дивчины идут в хату к глиняной чучеле, которой дают имя Морынка (вероятно искаженная Морана), сажают ее на скамью, берутся за руки и, составляя круг, ходят возле «морынки» и поют следующие песни:

Малиничка, петривочка,
Да не выспалась наша дивочка,
К череди шла да примала,
На спыцы очи повыдырала.
Гди ж ты, Морынко, ночь почивала?
Я ж почивала пид вирбою кудрявою,
Пид холодною водою.

По окончании этой песни берут Морынку, насаживают на прежде приготовленную палку черноклена и идут к реке с песнями следующего содержания:

Гой, Катерыно, биль билила,
Да с своею билью говорила:
Гой биль, моя биль, тонка ни била,
Як я пиду за нелюбого,
Я ж тоби биль в чирни изношу.

* * *

Ой ж ты, моя вирба кучерява!
Так Катерына биль билила,
С тою билью говорила:
Ой, биль моя, и тонка и била,
Як я пиду за милого,
Я ж тебе, моя биль,
За празднык изношу.

По приходе к реке бросают Морынку в воду, а венок с ее головы берут домой; малороссы верят, что цветы и листья из венка Морынки отгоняют нечистую силу из того дома, где хранится один из этих цветов; они помогают также в недугах, для чего их настаивают в воде и последней поят больного; кроме того цветы и чибытки из венка Морынки спасают от громового удара.

РОЖДЕСТВО У МАЛОРОССОВ

В сочельник, накануне Рождества, малороссы (с. Сокур Саратовского уезда, 1886 г.) варят свару и кутью; в этот день они ничего не едят до вечерней зари. Лишь взойдет звезда, они ставят кутью и свару на стол, зажигают перед образами свечу, все становятся на колени и просят Бога о ниспослании им хорошего урожая хлебов, благополучия скоту и здравия себе, затем садятся за стол и едят приготовленную кутью и свару, оставшееся же ставят под образ, подостлав предварительно сена; кутья и свар стоят так до крещенского сочельника; в этот день малороссы съедают все; сено же, бывшее под сваром и кутьею, расстилают по столу. Хохлы уверяют, что в этом сене является неизвестно откуда шерсть разного цвета, которую разбирают по мастям и раскладывают на несколько кучек по цвету; в которой кучке шерсти больше, то этой масти следует держать и скота больше. Сено отдают потом коровам, чтобы ведьмы не могли их доить. Малороссы с рождественского сочельника до крещенского метут свои хаты, начиная от дверей (порога) к переднему углу, под образа, и все это время сора не выкидывают; в крещенский же сочельник жгут этот сор и золу от него оставляют до весны, и когда выезжают пахать, то смешивают эту золу с хлебными семенами для того, чтобы не было пустых колосьев и сорных трав.

На первый день Рождества Христова малороссиянки с. Сокура, женщины и девицы, ходят вечером под окнами и поют следующую коляду (колядуют):

Нова рада стала,
Якой не бувало:
Над вертипом звизда ясна
Весь свит осияла.

* * *

Где Христос родився,
З Девы воплотився,
Там человик пред Богом
Пеленами повився.

* * *

Пастушки з ягнятком
Перед тем Дитятком
На колэны припадалы
Богам велычалы.

* * *

Ой ты, Боже, наш Царю,
Небесный шахмарю,
Пошли лито счастливое
Сему господарю.

* * *

Давыд милосердый,
Выгрывая дивно,
На вси струны ударяе,
Бога велычае.
Припев: Яко царю рожденну
Богу пресвечну.

При этом хозяева дома выносят колядующим хлеб (паляницу), крендели, пироги, колбасу и иногда деньги; колядование продолжается с 5 до 8 часов вечера, несмотря ни на какую погоду. Вот еще другая коляда, распеваемая на второй день:

Пан господаре!
Бог тебе кличе,
Даром даруе —
Три теремочки:

* * *

В первом тереме
Сынов женити,
В другом тереме
Дочь отдавати,

* * *

В третьем тереме
Вам старым жить,
Вам старым жить,
Мед, вино пить.
Припев: О, дай, Боже, святый вичор!

Под новый год вечером малороссияне поют:

Миланна ходила,
Василка просила:
Тым мене, батько,
Пусти к себе в хатку.

* * *

Я живно не жала,
Честный хрест держала,
Честный хрест держала,
Золоту кадильницу:
Припев: Радуйтеся, люди, к нам Христос буде!

Ранним утром 1 января являются мальчики с разным хлебом (пшеницей, рожью и пр.) и обсыпают им избу, приговаривая: «На жито, на горох (пошли, Господи, урожай), на пшеницю, чечевицу; доброму хозяину на доброе здоровье». Затем идет поздравление с праздником, причем поздравителям дают деньги.

Крестьянин Т. Кузьмин (Саратовской губернии, Ведомости № 61 1888) сообщает, что в слободе Рудне Камышинского уезда у малороссов на первый и второй день Рождества поется коляда,

а под Новый год — щедрикованье толпами молодежи и «дивчат» с позволения хозяев, которые дарят их хлебом, салом, деньгами и водкой. Вот образчики этих песен:

КОЛЯДА

Нова рада стала,
Як на неби хмара,
Над вертепом звизда ясна
Весь свит осияла.
Де Христос родывся,
С Дивой воплотывся,
Там чоловик перед Богом
У ее рызами уповывся.
Пастушки с ягнятком
Перед тым дытятком
На колинцы упадают,
Бога-Царя велычают:
Боже наш, Царю,
Небесный шатарю,
Пошли лито счастлывое
Нашему господарю.

* * *

Давыд милосердый
Грае, выгравае,
На вси струны ударяе,
Бога-Царя велычае.
Цари приходылы,
Не то срибло, не то злато,
Чим Господа даруваты.

Приговорка:

Дай, Боже, вечер добрый,
А нам периг (калач) довгий,
Хочь маленький,
Та циленький.

* * *

Еще поют так:

Кто, кто Миколая любе,
Кто, кто Миколаю служе,
Святый отче Миколае
На всякий час помогае.
Миколаю (2 раза).
Богородыця Сына породыла,
Всих ангелив до себе зазвала.
Стали думать и гадать,
Як ему иммя дать.
Миколаю (2 раза).

Далы ёмму иммя святого Петра,
Богородыця Петра не злюбыла,
Всих ангелов посмутыла.
Миколаю (2 раза).
Кто, кто Миколая любе и т. д....

Другой вариант:

Богородыця сына породыла,
Всих ангелив до себе забрала;
Сталы думать и гадать,
Як ему иммя дать.
Миколаю (2 раза).
Далы ему иммя святого Илья,
Вона иммя не злюбила,
Всих ангелив позмутыла.
Миколаю (2 раза).
Кто, кто мене любе и т. д....

* * *

Богородыця Сына породыла,
Всих ангелив до себе забрала;
Сталы думать и гадать,
Яке иммя дать.
Миколаю (2 раза).
Далы ему иммя Иисуса Христа,
Иисуса она возлюбила,
Всих ангелив взвеселыла.
Миколае
Кто, кто мене любе и т. д....

* * *

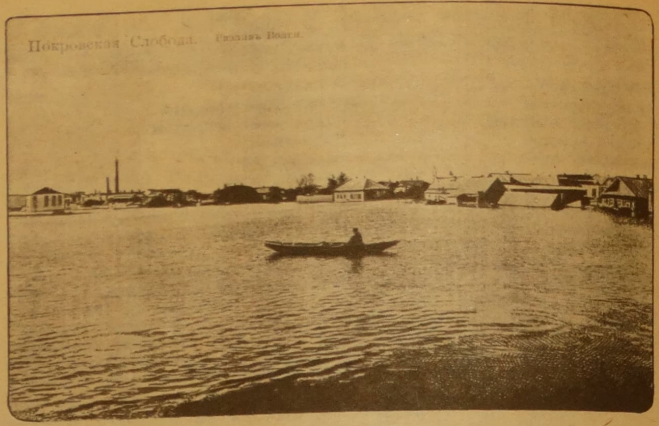
Шла Дива Мария
Из монастыря.
Аллилуя! Аллилуя.
Из монастыря.
Встилы ии
Трое жидовья.
Аллилуя! Аллилуя!
Трое жидовья.
Чи не вы, жиды,
Христа мучилы?
Аллилуя! Аллилуя!
Христа мучилы.
Ни, не мы Его мучилы,
А наши предковья.
Аллилуя! Аллилуя!
А наши предковья.
Шла дива Мария
На Сионску гору.
Аллилуя! Аллилуя!
На Сионску гору.
А на Сионской гори
Мастры маструют,
Церкву будуют.
Аллилуя! Аллилуя!
Церкву будуют.

А в той церкви
Три гроба стоят.
Аллилуя! Аллилуя!
Три гроба стоят.
Первый гроб —
Иисус Христос.
Аллилуя! Аллилуя!
Иисус Христос.
А второй гроб —
Иван Хрыстытель.
Аллилуя! Аллилуя!
Иван Хрыстытель.
А третий гроб —
Дива Мария.
Аллилуя! Аллилуя!
Дива Мария.
Над Иисусом Христом
Свичи пылают.
Аллилуя! Аллилуя!
Свичи пылают.
А над Иваном Хрыстытелем
Евангель читают,
Аллилуя...
А над Дивой Марией
Рожа (роза) розцвитае.
Аллилуя...
Як стой раз
Вылытив птах.
Аллилуя...
Тай полытив птах
По пид небесах.
Аллилуя...
Небеса растворяются,
Вси свиты ему поклоняются.
Аллилуя!..

ПАСХА У МАЛОРОССОВ

Как русские, так и малороссы, выходя на Великий четверток (на страстной неделе) от стояния, стараются донести в свои дома «огонь евангельский» (зажженные свечи) и по приходе коптя ими или выжигают на матице (бревне, поддерживающем потолок) кресты, чтобы «не угасла благодать Господня в доме».

У малороссов в с. Широком-Уступе Аткарского уезда (в 1860 г.) заведено «со старины» (из их родины) приносить при освящении пасхи в Светлое Христово Воскресенье всю свою провизию или уж непременно поросенка и свиное сало в добавление к куличу и сыру вместо приносимых русскими лишь кулича, пасхи и яиц. Православный народ с четверга страстной недели начинает готовиться к Пасхе: варят брагу, ставят куличи, делают пасхи, красят яйца; малороссы делают писанки — узорчато раскрашенные разноцветными полосами, угольниками или другими фигурами яйца. По окончании заутрени, подходя к кресту, все христосуются с духовенством, подавая каждому из священников и притчу по одному и более яиц, которые опускаются тут же в стоящие подле них кошелки, кадушки или иную посуду. После обедни на полу церкви и снаружи около нее вытягиваются длинные вереницы куличей, пасох и яиц, которые святит священник; от каждого кулича и пасхи попы отрезают части в свою пользу и берут по нескольку яиц, все это сваливается ими в особые посуды и затем делится с причетниками, причем прежде не обходилось без споров и ссор. На другой день Пасхи жители слободы Широкого-Уступа, как малороссияне, так и русские, обходят с иконами и хоругвями, взятыми из церкви, кругом села для охраны его от всяких несчастий и пожара; тот же обычай ведется издавна и в с. Полчаниновке Саратовского уезда и некоторых других селениях. Духовенство всю святую неделю ходит по приходу с молебнами (славить Христа), за ними следуют богоносцы с хоругвями и иконами, которые ста-



Покровская слобода. Разлив Волги. Фотографии начала XX века

вятся в домах на приготовленный в посудах разный зерновой хлеб; последний мешают затем с семенами, идущими на посев полей. Отличительное увеселение на Пасху составляют в нашем народе, в большинстве селений, рели (качели) и катанье яиц по улице. Немцы Ягодно-Полянских колоний Саратовского уезда усвоили себе тоже обычай, празднуя первые три дня Пасхи, ставить качели, на которых качается молодежь, парни и девушки.

БАБИЙ ПРАЗДНИК

На левом берегу Волги, против Саратова, лежит большая малороссийская слобода Покровская Самарской губернии. Она населена после указа 1763 г. солевозцами, выходцами из Украйны, и имела уже в 1770 г. деревянную церковь; теперь их в слободе пять. Покровские «жинки» гуляют на Фоминой неделе, выпроводив своих «чоловиков» орати в поле, справляя свой бабий праздник ловить Хому; для этого жинки устраивают складчину и затем собираются в какой-либо хате, где хозяйкою является «сама стара», хотя бы она была совсем молодой женщиной. Подвыпив здесь самым основательным образом, хохлушки целою толпою открывают далеко не скромное шествие по селу с песнями и пляскою. Завидев мужчину, они гурьбой бросаются за ним: это собственно и значит «ловить Хому». Попавшийся в их руки, в особенности «москаль», не скоро отделается от разгулявшихся баб — и во всяком случае не иначе, как заплатив им посильную лепту за выпивку. Девушки, которым перевалило за 25 лет, подвергаются той же участи; каждую из таких пьяная толпа тащит за собой, припевая:

Малороссийская девушка. Рисунок XIX века

Через греблю Микитину
Ведут Гапку пидтыкану...
Кричит Гапка, репетуе,
Никто ж Гапци не ратуе!

Заканчивается процессия новой выпивкой; подобного обычая в других малороссийских селениях, кажется, не водится («Саратовский Листокъ», 1887).

ОБРЯД «ЖЕНИХОВАНИЯ»

Ежегодно в начале октября взрослые девицы малороссиянки (с. Сокур Саратовского уезда), собираясь группами от 3 до 5 пар подруг, снимают преимущественно у вдов хату для ночных посиделок (вечерниц), куда собираются с вечера и сидят далеко за пол-

ночь, причем занимаются разного рода рукоделием: шитьем, прядевом, вышиванием; в то же время поют песни. На вечерницы приходят молодые парубки (холостые ребята) и ведут с ними пляску, гопака под скрипки, сопелки и балалайки. К концу вечерницы парубки спрашивают дивчин, оставят ли они их ночевать? И всегда получают утвердительный ответ; после чего каждая девка стелет для себя и оставленного ею парубка постель, на которой и ложатся спать попарно (женихаются); утром, как рассветает, расходятся по домам. Бывает, разумеется, не без греха, но не было случая, чтобы согрешившие нарушили клятвенное обещание в браке. Опрошенные мною малороссиянки утверждают, что девки, женихаясь с избранными парубками, дозволяют лишь целовать, до греха же допускают очень редкие; то же самое я слышал и в других местах.

А. Н. МИНХ

(Из книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», СПб, 1890)

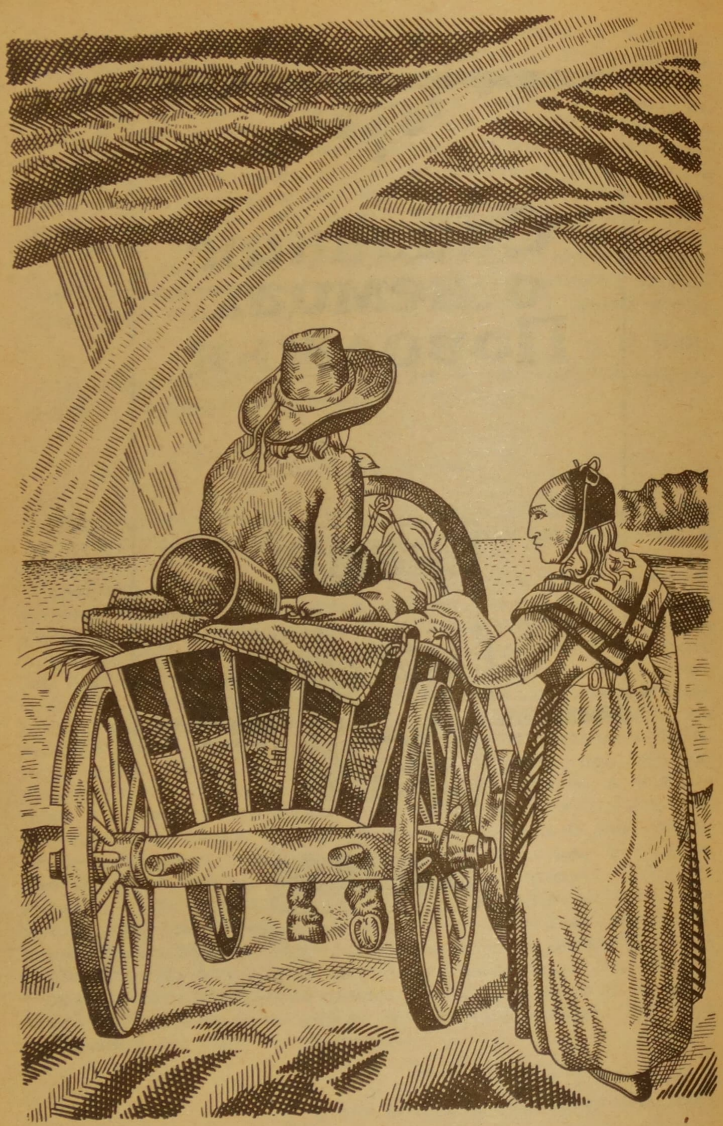
ИВАН-ДА-МАРЬЯ

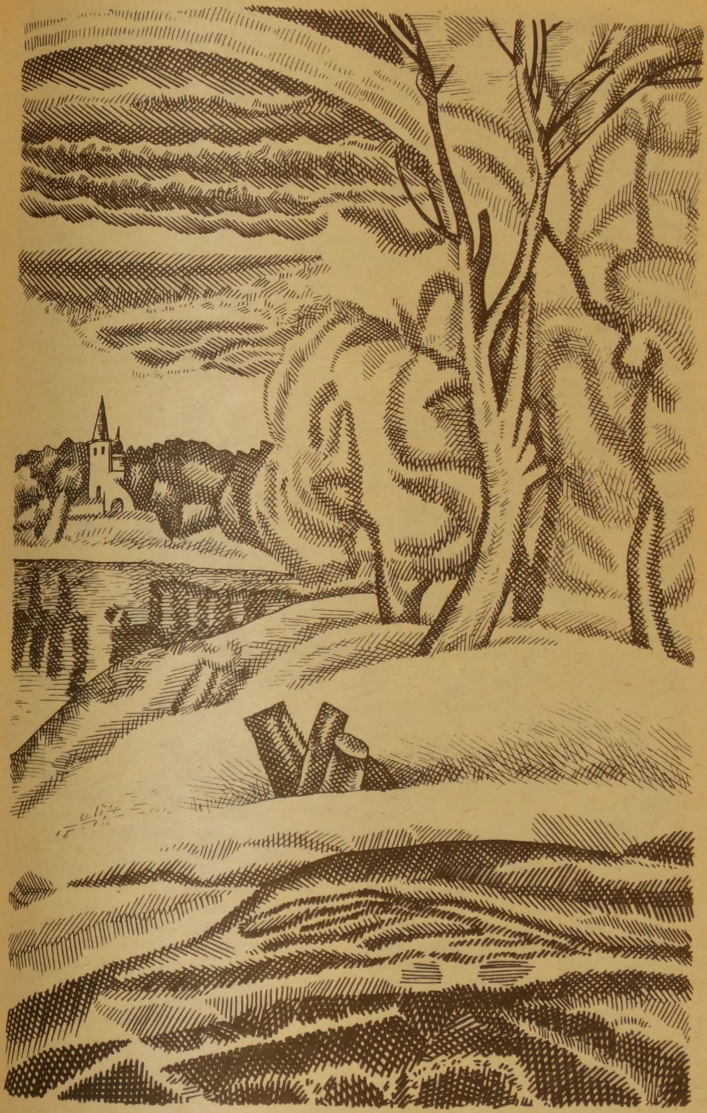
Полюбил Иван Марью, а она — Ивана, но родители и слышать не хотели о свадьбе, подыскивая своим детям богатых жениха и невесту.

Вот и решили Иван и Марья к знахарке сходить: знала та бабка «веду». Пришел к ней Иван. «Садись, Ваня! — сказала бабка беззубая.— Знаю, зачем пришел! Степаниду тебе на шею навязать хотят. Не выйдет ихнее дело!» Между тем родители сватов заслали, получили согласие. Как тут отказаться? Думал Иван, думал и опять к бабке. А та и говорит ему: «Ежели никак нельзя будет отказаться, так возьми вот эту траву, да сделай настойку, сам выпей и Марье дай. Тогда никакие силы вас не разделят!» Поблагодарил Иван бабку, взял траву, сделал настойку, при себе стал носить. Подошел день, готовятся родители к свадьбе. А Марьины тоже, и в одно и то же воскресенье венчаться должны были. Стеречь их обоих начали, чтоб не ушли перед венцом из дому. Марью на замок посадили, а за Иваном все время отец ходил! Вот улучил минутку Иван, пришел к Марье под окошко и говорит: «Ты здесь, милая?» — «Да, я здесь, сижу под замком, выйти не могу!» — «Ну, ничего, я разломаю окошко!» Сказал и стал ломать. Сломал. Вытащил Марью наружу. Видит, родители бегут за ними. Побежали они в степь. На бегу дал он ей глотнуть настойки и сам глотнул, и вдруг оба они повалились наземь и сделались *травой*, на одном стебле желтенький, а на другом голубенький цветок!.. Так с тех пор и зовут его «Иван-да-Марья»!

Юрий МИРОЛЮБОВ
(из книги «Русский языческий фольклор)

Сказания о немцах Поволжья





НЕМЦЫ, дойче (самоназв.), народ, осн. население Германии. Общая численность 84 150 000 человек. Многочисл. группы немцев имеются также в США (5 100 000 чел.), СССР (2 000 000 чел.), Канаде (1 150 000 чел.), Бразилии (700 000 чел.) и др. странах Европы и Лат. Америки, в Австралии и Южной Африке. В большинстве относятся к атланто-балт. расе большой европеоидной расы, есть представители центральноевропейской расы. Немецкий язык принадлежит к западногерм. подгруппе герм. группы индоевроп. семьи. Письменность на основе лат. алфавита. Подавляющее большинство верующих немцев — протестанты-лютеране и католики.

Основу нем. этноса составили древне-германские плем. объединения франков, саксов, баваров, алеманов и др., смешавшихся в первые века н. э. с романизированным кельтским населением на Ю. З. и Ю. Германии и с ретами в Альпах.

Немцы СССР — нац. группа, распадающаяся на неск. субэтнич. групп, предки которых были выходцами из разных земель Германии. Живут в Казахстане (900 000 чел.), в РСФСР (791 000 чел. гл. обр. на Алтае и в Зап. Сибири), Киргизии (101 000 чел.), более мелкие группы — в Узбекистане, Таджикистане, на Украине и др. республиках. Они сохраняют самоназвание, иногда пользуются старыми этнонимами (швабы, ципсеры — выходцы из словацкой обл. Спиш-Ципс и др.). Св. 94% немцев в СССР свободно владеют рус. языком. Ок. половины немцев — гор. жители.

Значительная часть Н. России занята в промышленности, сфере обслуживания, науке и искусстве. Среди них немало преподавателей вузов и средней школы, врачей, инженеров, руководителей промышленных предприятий. Однако до 50% Н. занято в с. х-ве и, живя в течение многих десятилетий более или менее обособленно от других народов, сохранили многие элементы традиц. культуры — жилище, пищу, нек-рые обряды и фольклор. Коренным образом изменился лишь тип поселений. Если в Германии резко преобладают кучевые формы поселений, то в России — линейные (тип поселений определялся при переселении Н. в Россию адм. инструкциями).

Основу х-ва Н. традиционно составляло земледелие.

В стр-ве колонисты сочетали нац. традиции с имевшимися строит. материалами. В юж. степных р-нах дома были глинобитными или саманными. Пол, потолок, печь в доме окрашены. Обязательным элементом нем. усадьбы явл. летняя кухня. Сараи, баня, коптильня, спец. задний двор для скота объединяются под одной крышей, охватывая двор с трех сторон. Фасад дома, ворота, заборы украшают орнаментом (резьба, роспись). Интерьер жилища отличают резная деревянная мебель, пуховые перины, обилие вышитых и вязаных салфеток. Вышивают гладью цветы, птиц, изречения из Библии.

Яркой вышивкой украшалась праздничная одежда. Традиц. костюм отошел в прошлое. У женщин он состоял из кофты, сборчатой юбки, передника, головного платка, кожаных башмаков. Существовала деревянная обувь «шлеры». Из овечьей шерсти вязали кофты, жилеты, чулки, носки, варежки. Мужской костюм состоял из рубахи, штанов, жилета, башмаков, шляпы.

Традиц. пища — куриная лапша (нудль), суп с клецками, фруктовый суп. На праздники готовят свинину или гуся с капустой, пекут пироги (кухе). На зиму коптят сало, мясо и рыбу, делают колбасы. Из напитков предпочитают кофе.

Нар. праздники и гуляния сопровождаются исполнением старинных и современных народных песен, шутливых сценок, танцами. До сих пор широко бытуют в нем. среде шванки, пословицы и поговорки, интересно отметить, что уже много десятилетий тому назад наметился синтез мелодии русских или украинских песен и немецкого текста. Во многих деревнях существуют фольклорные ансамбли.

(Из книг «Народы мира. Историко-этнографический справочник». М., «Советская энциклопедия», 1988, и «Народы России. Энциклопедия», М., «Большая Российская Энциклопедия», 1994).

Преподаватель Первой саратовской мужской гимназии Генрих Андреевич Баум с семейством. Фото начала XX века

1761 год. Со смертью императрицы Елизаветы Петровны и воцарением Петра III окончилась Семилетняя война, в которой Пруссия потерпела сокрушительное поражение. Однако Петр III сделал своему другу, прусскому королю Фридриху, поистине царский подарок, обратив в ничто славу русского оружия. А восшедшая на престол Екатерина II облегчила участь разоренным войском пруссакам, предоставив всем желающим обрести новый «фатерлянд» в России. Манифесты императрицы от 4 и 14 декабря 1762 года, 22 июля 1763 года, обнародованные через русских посланников в Швейцарии, Голландии, Германии и других государствах Европы, приглашали граждан этих стран переселяться на берега Волги.

Расселение поселенцев производилось округами (окружность их была определена в 60—70 верст, а площадь — такою, чтобы на ней могли поселиться до тысячи семей).

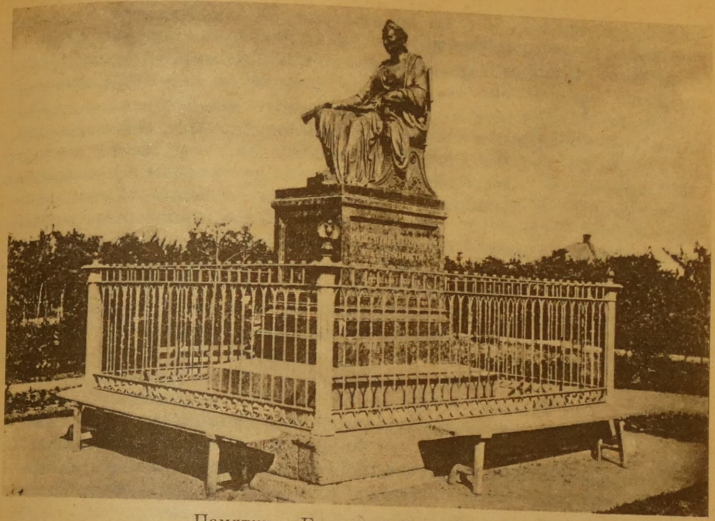
Переселенцам гарантировалась свобода в отправлении религиозных обрядов, невмешательство чиновников во внутреннее самоуправление колоний. Они освобождались от военной службы и податей (в Русскую армию юношей-колонистов начали призывать только с 1874 года, через 110 лет после водворения немцев в России). Каждая семья получала большой для того времени участок плодороднейшей пахотной земли — не менее 30 десятин, что было в три раза больше, чем у русских крестьян. Чуть позже на семью колонистов стали выделять и 60, и 132, и 176 десятин.

Каждая колония в общее владение получала лесные угодья и пастбища, луга и «запасные земли для будущих детей». Помимо земли, на содержание детей колонистов государство выплачивало, например, в 1851—1855 годах под 75—120 рублей. Это очень большая сумма: в ценах 1995 года это 15—24 миллиона рублей. Останавливаюсь на этом в силу хождения еще легенды о причинах зажиточности иностранных колонистов: «богатство колонистов — результат их большого личного труда».

Проезд на поселение, кормовые (суточные по 8 шиллингов со дня записи) у колонистов тоже были за счет российского государства, а по приезде на место они получили льготную ссуду государственного капитала.

На мигрантов не распространялось крепостное право, они были свободны в вопросах принятия российского гражданства или сохранения подданства по «крови» (по национальной принадлежности), выезда — въезда в Россию и компактного проживания колониями на основе местного самоуправления и российских законов, но без какого-либо права на национально-государственное самоопределение.

Поселения первых колонистов имели русские названия: Нижняя Добринка, Усть-Залихинская, Лесной Карамыш, Каменская дистанция и др. Это говорит о том, что они селились в русских се-



Памятникъ Екатеринѣ II въ Баронскѣ.

Памятник Екатерине II в г. Баронске (ныне г. Маркс)

лениях, а также о желании первых переселенцев мирно сосуществовать с коренным населением, об их стремлении вжиться в культуру российских народов и не противопоставлять себя волжанам.

Первая волна мигрантов в основном оказалась мало приспособленной к сельскому труду, так как в «колонисты», например, в Германии, записывались все «не имевшие ни крова, ни пищи». Слабые профессиональные качества и возможности привели к росту их задолженности по кредитам, экономическому упадку поселений, что усугубилось набегами (с полонением, разорением поселений) кочевых племен, казнокрадством, бюрократизмом , взяточничеством местной администрации, назначаемой часто из представителей той же национальности, что и переселенцы.

О первых годах волжских колоний оставил любопытные зарисовки академик Иоанн Петрович Фальк, посетивший саратовское заволжье в 1769 году:

«Саратовские иностранные Колонии населены в нынешнее правление и преимущественно в 1763 году. Колонисты по большей части Немцы, Швейцарцы, Французы и Шведы были на счет казны привезены морем в С-Петербург, и потом не только отправлены на место их назначения на казенный же счет, но и отведены еще были им селения, луга, леса и дан рабочий скот, необходимая утварь и провиант на несколько лет. Подати с их земель должны

они были платить уже по прошествии 10 лет. Число колонистов с женами и детьми простиралось до 10 000 душ. Таковых колонистов было поселено в трех деревнях близ С-Петербурга, несколько на Дону и других местах, а прочие все отправлены в Саратовскую губернию. В Саратове находился попечительный Комитет для колонистов. Оный имел у города 16 больших казарм, в которых жили они до построения деревень, и в коих ныне (в 1769 г.) жило до 30 разорившихся семейств, кои в наказание за худое их хозяйство принуждены были работать на кирпичных заводах. Здесь появились таким образом 104 деревни, из коих каждая называется колонией с Российским или немецким наименованием, как-то: Люцерн, Унтервальден, Гларис, Грязнуха, Сосновка, Каменка и пр. Шестьдесят колоний стоят на левом, или луговом берегу Волги от Большого Иргиза до Еруслана, по берегу Волги и степным речкам Караману и Еруслану; прочие же все на правом берегу, частию в стороне, при Медведице, Иловле и их речках.

Деревни или колонии расположены весьма правильно; дома, состоящие из мазанок, построены в линию в довольном расстоянии один от другого, и каждый определен для двух семейств. В каждой колонии по 25 и 150 домов, а в больших имеется церковь с пастором, врач и аптекарь, получающие жалованье от казны. Во Французской колонии дома каменные. Каждой деревне отведены пашни, луга и леса, и каждый двор имеет свою землю.

Колонии сначала не скоро возвышались в предназначенной цели. В течение 10 льготных лет надлежало многих снабжать провиантом и делать ежегодно новые пособия. Колонисты набраны из разных званий, из крестьян, ремесленников, купцов, фабрикантов, художников и даже ученых, некоторые с отличными способностями, но большая часть ленивых и шалунов. По плану все должны заниматься земледелием, но парикмахеры, цырульники, фабриканты и другие не радеют об оном, и потому их земли неплодоносны. Может быть лучше бы было, когда бы Катериненштадт или другую колонию сделать городом, и населить его ремесленниками и художниками, от чего произошел бы Российский Ниренберг. Многие колонисты суть хорошие сельские хозяева и живут богато, другие, принявшись за ремесла, также живут хорошо. В Саратове колонисты седельники, живописцы, резчики, золотых дел мастера, скульпторы, шляпники, ткачи, оружейники и пр.

Французская колония до половины запустела, поеклику жители ее расселялись по губернии учить детей, или присматривать за ними. Многие же совершенно разорились.

Оные поселяне сеют на малых своих полях обыкновенные роды хлеба. Колонист высевает ежегодно от 8 до 12 пудов озимой пшеницы, 20 и 50 озимой ржи, овса, ячменя, гороха, яровой пшеницы, 5 или 10 пудов полбы, несколько проса, также льну и конопли для домашнего употребления. Большая часть скудны скотоводством.

Много и с хорошим успехом разводят они табак, а особливо в колониях на левом берегу Волги; другие также удачно начали раз-

водить виноград и шелковицу. В колонии Галке уже с давнего времени один колонист делает ежегодно по несколько анкеров хорошего вина для продажи. Сих виноградарей гораздо лучше бы было переселить с бочарами на Дон и Терек.

Шелковый фабрикант Вердье имел 6 лет в воеводском саду (г. Саратов) более 50 000 тутовых деревьев из Берлинских и Астраханских семян, и в 1768 году пересадил он 4000 четырехлетних деревьев, а в 1769 году у него таковых еще более. Многие имеют не большие, но хорошие огороды, где для крупы разводится сахарный голк или бухарский просяник. Я скажу еще здесь о колонистах, что для них здешний климат весьма благоприятен; они живут здесь долго и наслаждаются здравием и многочисленным семейством; в домах их не было тараканов, но клопов такое множество, что многие семейства летом не могли в них жить и принуждены были выбраться в хлева». («Записки путешествия академика Фалька. Ч. I, От С-Петербурга до Томска, с. 109—118,СПб, 1824).

Первым колонистам запрещено было иметь оружие, а потому охраняли их поселения от набегов кочевников и вызволяли из плена казаки, несшие службу на южных рубежах.

С 1802 года к переселению в Россию стали допускаться только те семьи, которые были хорошо приспособлены к сельскому труду, а также ремесленники. Все они, как правило, должны были иметь поручительство уважаемых по месту жительства граждан и первоначальный капитал.

В 1819 году вызов иностранцев был прекращен, кроме как по специальным разрешениям. Так, в 1851 году правительство не пригласило, а *разрешило* более 100 семьям немцев-колонистов из Пруссии поселиться в Самарской губернии. Пригласительный принцип поселения заменен разрешительным.

Особые права и большие привилегии, финансовая поддержка переселенцев российским государством, кропотливый труд обрабатывающих их земли русских крестьян привели к быстрому развитию, экономическому процветанию переселенческих колоний.

Иностранные поселенцы стали привилегированным, закрытым для россиян других национальностей сословием. Самоизоляция последнего вытекала из боязни потерять существенные социальные и экономические льготы и права, что в свою очередь, как отметили Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, мешало им слиться с общим населением Империи. Да и не было у многих из них, особенно из последней волны, такого желания. Вместе с тем необходимость быстрейшего восстановления районов, пострадавших от наполеоновских войск, рост государственных расходов и стремление обеспечить равенство российского населения и мигрантов в пополнении госбюджета привели к тому, что в 1815 году колонисты наравне с казенными крестьянами стали платить налоги. То есть поселенцы лишились бессрочной налоговой льготы. Освобождение от уплаты налогов распространилось теперь не более чем на 10 лет,

Скульптурные изображения Богородицы и Иисуса Христа
из храмов немцев-колонистов

что все равно было очень большой привилегией, о которой российские граждане Поволжья (в основном — крепостные крестьяне) даже мечтать не могли.

Правительство России в 1871 году учреждает правила об

устройстве колонистов. Их стали официально считать поселянами-собственниками, живущими на казенных землях. На них распространили и общие положения о крестьянах 1861 года с сохранением ряда все уменьшающихся льгот — земельных, налоговых и других.

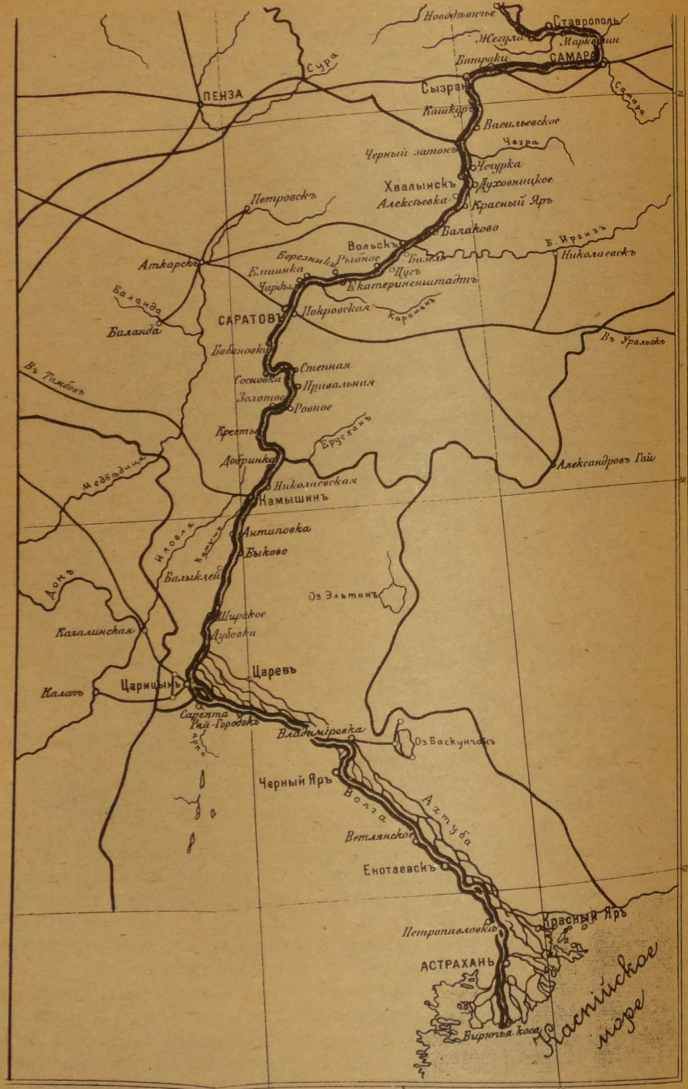
К началу XX века первоначальные особые льготы и привилегии колонистов постепенно ликвидировались, сами они стали превращаться в российских крестьян, что не могло не вызвать у них протеста. Однако политика правительства России была направлена не на обрусение, а на сплачивание многочисленных народов Поволжья в единый метаэтнос — российский народ, россиян.

Всего иностранными поселенцами в России основано 549 колоний; в Таврической губернии — 165, в Самарской — 131, в Саратовской — 58, в Петербургской — 12, в Черниговской — 6, в Новгородской — 3, в Лифляндской — 2, а в Воронежской, Полтавской и других губерниях — по 1.

Внутрироссийская миграция, выезд поселенцев за границу были небольшими, поскольку покинуть колонию они могли, только вернув казне ссуду, полученную при заселении, расплатившись по кредитам и долгам. Поэтому переселиться в Саратов или уехать в другие губернии смогли немногие.

На протяжении всего пребывания в России колонисты находились под контролем и руководством российской администрации, которая стремилась постепенными мерами сблизить переселенцев и русских крестьян на одинаковых, полноправных правах российского гражданина. Однако этому мешала самоизоляция немецкого населения, его нежелание считать себя россиянами, изучать русский язык. По переписи 1897 года русский язык среди них знали: мужчине — 14,35%, женщины — 8,29% (в то время как, например, среди польского и еврейского населения губернии русский язык знали соответственно: мужчины — 38,91 и 57,52, а женщины — 46,63 и 45,05 процентов).

В июле 1918 года большевики, расплачиваясь с Германией за долги (они брали у кайзера деньги на подрывную революционную деятельность), образовали на территории Саратовской и Самарской губерний Трудовую коммуну области немцев Поволжья, преобразованную в 20-х годах в АССР немцев Поволжья. Фактически это было государство в государстве, причем большинство населения республики составляли не немцы, что не смущало ни правительство России, ни местную администрацию: выправить положение они взялись с помощью «коренизации», т. е. онемечивания всех жителей, нежданно-негаданно оказавшихся на территории чужого государства. ЦИК АССР немцев Поволжья постановил все активное делопроизводство перевести на немецкий язык, временно продолжая обслуживать русские части кантонов и сел на русском языке. Все центральные учреждения были обязаны сноситься с нижестоящим госаппаратом, хозяйственными органами и общественными организациями только на немецком языке. Немецкий же


Новоалтынское
Ставрополь
Жегулевск
Маркузинск
Батрацкая
САМАРА
Сура
ПЕНЗА
Сызрань
Сызрань
Кашкар
Васильевское
Черный затонъ
Чесра
Нечурка
Хвалынскъ
Луговницкое
Алексеевка
Красный Яръ
Петровскъ
Балаково
Вольскъ
Березки
Рыбное
Елшанка
Чардым
Екатериненштадтъ
Аткарскъ
Б. Иргизъ
Николаевскъ
Баланда
Покровская
Карамышъ
САРАТОВЪ
Баланда
Бабиновка
Степная
Привальная
Ровное
Золотое
Крестъ
Брусяны
Добринка
Николаевская
Намышинъ
Антиповка
Быково
Балыклей
Оз Эльтонъ
Шарапово
Дубовка
Царевъ
Царицынъ
Сарепта
Рын-Городокъ
Владимировка
Оз Баскунчакъ
Черный Яръ
Волга
Ветлянская
Енотаевскъ
Красный Яръ
Петропавловка
АСТРАХАНЬ
Бирючья коса
Каспійское море
Александровъ Гай
Калатъ
Качалинская
Донъ
Иловля
Медведица
Терса
Ерусланъ
Большой Узень
Малый Узень
Самара
Сок
Кинель
Б. Черемшанъ
Кондурча
Чапаевскъ
Безенчукъ
Кошки
Сызранка
Сызранка
Сызранка

язык введен «во всех без исключения школах республики». Существенно повышалась роль учебных курсов по обучению населения немецкому языку, укреплялся потенциал учреждений немецкой культуры. Принято решение переименовать почти все населенные пункты, что и было затем осуществлено.

Немецких поселений, по сравнению с российскими, было намного меньше. Так, из 14 кантонов 8 имели русское название, резавшее русское ухо чуждым словосочетанием: Федоровский кантон, Иловатский, Покровский, Старо-Полтавский, Красно-Ярский кантоны. Многие из российских городов и сел стали «немецкими»: село Елшанка превратилось в Гуссарен, а села Грязноватка — в Шук, Россоши — во Францозен, Макаровка — в Меркель, Олешня — в Диттель, Лесной Карамыш — в Грим, Каменный овраг — в Деготт, город Покровск — в Энгельс и т. д.

В 1928 году Президиум ЦИК АССР НП с чисто немецкой педантичностью вновь рассмотрел ход «коренизации» всего населения республики и постановил: все юридические документы и постановления немецкого правительства, все административно-правовые акты правоохранительных органов тоже составлять и публиковать (!) на немецком языке.

В августе 1941 года, через два месяца после начала войны СССР с фашистской Германией, республика немцев Поволжья была упразднена, а почти все жители немецкой национальности — переселены в Сибирь, Казахстан и на Алтай.

Вот уже около десяти лет немцы, граждане СССР, а затем России, добиваются «восстановления исторической справедливости»: воссоздания республики немцев Поволжья. Но опыт последних лет свидетельствует: разделение единого государства на национальные квартиры ничего, кроме войн и конфликтов, не приносит. Тем более нецелесообразно создавать государственное объединение немцев, ибо, по законам ФРГ, все представители немецкого народа, где бы они ни жили, считаются полноправными гражданами Германии. Значит, и созданное этими «гражданами ФРГ» государство на территории России будет колонией Германии в России?

Волжане, как и раньше, гостеприимны. Они приглашают немцев жить к *себе* в область, с одинаковым для всех народов правом на компактное проживание и на местное самоуправление, как это было у поселян накануне революции 1917 года, но... без права на суверенитет, собственную государственность. Ведь если уж «восстанавливать историческую справедливость», то надо смотреть на истоки: ни Екатерина II, немка по национальности, ни последующие пронемецки настроенные самодержцы нигде, никогда, ни разу не обещали колонистам-переселенцам статуса государственной самостоятельности. И немецкие колонисты жили в мире и согласии с другими народами на протяжении полутора столетий, пока установившаяся в России антирусская власть не стала проводить политику «разделяй и властвуй». И сегодня простые люди — как русские, так и немцы, люди всех национальностей нуждаются не в

разделении, а в объединительной политике, позволяющей каждому народу жить согласно культурным традициям своих предков.

Валерий БОЧКАРЕВ

САРЕПТА БИБЛЕЙСКАЯ И ПРИВОЛЖСКАЯ

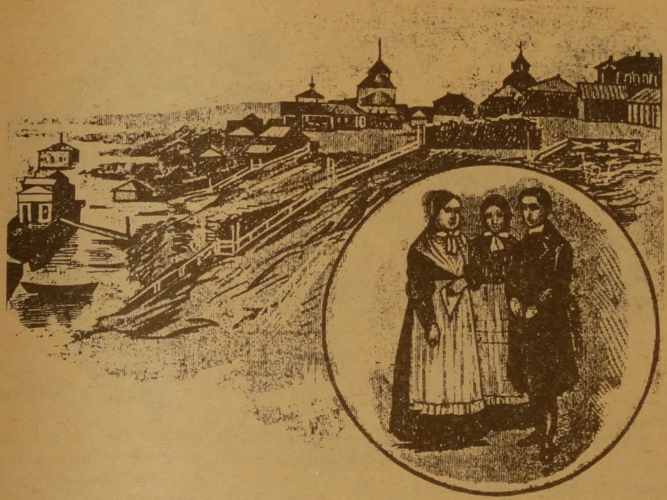
В то время, когда Ее Императорское Величество, в Бозе почивающая Императрица Екатерина II, Высочайше повелеть соизволила бывший тогда ненаселенный край вдоль реки Волги, Саратовской губернии, населить германскими колонистами, воспоследовало и приглашение к Дирекции Евангелического братского Единства (Directorum der Evangelischen Bruder Unitaef) учредить в сих странах колонию.

По отправлении оною Дирекциею депутации в Санкт-Петербург, имевшей честь представить как Ее Императорскому Величеству лично, так и особенной с этой целью назначенной комиссии, и чрез посредство оной Святейшему Правительствующему Синоду и словесные, и письменные сведения об истории, вере и положении Евангелического братского Единства для надлежащего рассмотрения, и по воспоследовании мнения Святейшего Правительствующего Синода, «что учение сего общества с Лютеранским, а паче с Реформаторским сходствует с небольшими изменениями; в обрядах же они и честном обхождении Христианском, они уподобляют себя первенствующим Христианам и называются обществом Евангелическим»,— то Ее Величество Высочайшим указом, состоявшимся 11-го февраля 1764 года всемилостивейше разрешила Евангелическому братскому Единству поселиться в Российской Империи и даровала учреждающейся колонии всеподданнейше просимые для оной права и преимущества.

Вследствии высочайшего указа сего, Дирекция Евангелического братского Единства положила учредить в Российской Империи, а именно в Саратовской губернии колонию, с благочестивым намерением проповедовать Евангелие язычникам Астраханских степей, а именно кочующим калмыкам, обращать их в Христианство и вместе с тем приучать их к оседлости и к занятиям земледельческим.

С такой целью и отправились из городка Гернгута, в королевстве Саксонском, в 1765 году первые пять членов Евангелического братского Единства в Санкт-Петербург, и по получении из канцелярии Опекунства Иностранных всемилостивейше пожалованных Ее Императорским Величеством колонии привилегий, выехали

Рукопись, озаглавленная «Историко-Статистические сведения о колонии Сарепте», написанная неизвестным автором (судя по стилистике — немцем), в 60-х годах прошлого века, хранится в Государственном архиве Саратовской области (ф. 407, оп. 2, д. 2132). Здесь публикуется в сокращении, с сохранением особенностей оригинала. Заголовок дан издательством.



Город Царицын. В круге — немцы-колонисты. Рисунок XIX века.

чрез Москву, Нижний Новгород, Казань и Саратов в тогдашнюю крепость — ныне уездный город Царицын. Отсюда они осматривали окрестность и избрали, наконец, для учреждения колонии то место, на котором и находится нынешняя колония Сарепта.

По случаю наступающей зимы они первоначально выстроили себе маленький домик для защиты от стужи, а в лето следующего года занялись постройкой нескольких жилищ, для помещения в них вновь приехавших осенью 1766 года членов общества.

Первое время после учреждения колонии она с каждым годом все более и более умножалася приезжающими из-за границы, так что около начала XIX века число жителей простиралось до 500 душ обоего пола.

Колония Сарепта находится под 48°31′ северной широты и 62°13′ восточной долготы, от первого меридиана, на большой дороге, ведущей из Москвы в Астрахань; 1012 верст от Москвы, и 384 версты от губернского города, в самой южной части Саратовской губернии Царицынского уезда (на расстоянии одной версты по западному направлению от устья степной речки Сарпы, впадающей в Волгу, при подошве Эргениев гор).

Несмотря на весьма частые и притом чувствительные перемены температуры, климат здешнего края принадлежит к числу здоровейших. На открытых равнинах, не огражденных ни высокими горами, ни густыми лесами, над которыми ветры дуют по всем на-

Сарепта. Рисунок Г. и Н. Чернецовых, 1838 год

правлениям, нельзя опасаться зарождения или распространения повальных болезней.

Свойственное степям явление природы составляют здесь так называемые воздушные отсвечивания, образующиеся при ясной погоде в летнее время и преимущественно с мая до начала июля. Отражающиеся солнечные лучи от нагретой поверхности степи во время жаркой части дня, ломаясь в восходящих из земли парах, образуют такую оптическую мечту, что предметы, лежащие вне кругозора, представляются нашим глазам на кайме сей картины, как бы на пространстве водяной полосы.

Другое в здешних странах явление есть изгар, или так называемый сухой туман (brockene Nebel). По наблюдениям, учиненным здесь, кажется, что сей изгар происходит часто от степных пожаров. Лета, сопровождаемые продолжительными засухами, изобилуют сими явлениями, и нередко наступление изгара приносит первую весть о случившемся где-либо в Астраханских степях степном пожаре. Изгарь* сия иногда бывает столь густа, что предметы, относящие один от другого на таком расстоянии, что они при ясной погоде совершенно видны, делаются тогда вовсе невидимы, причем и солнце получает обагренный вид.

Вскоре после учреждения Сарепты Евангелическое братское общество почло за необходимейшее заставить нескольких членов своих научиться калмыцкому языку, и когда двое настолько изучили калмыцкий язык, что могли уже с калмыками объясняться, предприняли первое свое посещение в Малодербентовский улус, бывший тогда недалеко от Сарепты, дабы еще более узнать нравы и обычаи калмыков. Из их дневниковых записей заимствуем опи-

* Автор употребляет слово «изгар» то в мужском, то в женском роде — «изгарь».

Калмыцкое духовенство. С фотографии середины XIX века

сание величайшего празднества, происходившего во время их пребывания в улусе.

«Во всех капищах,— пишут они,— находилось то большее, то меньшее число высших и низших духовных особ в чине Геллонгов; в большем из сих капищ находились двенадцать Геллонгов, сидящих в два ряда, оставляя между собою свободный ход. Главные два Геллонга или Ламы (Лама — высший духовник у калмыков) начинали попеременно низким и тихим голосом читать молитвы, и постепенно все стали петь, все громче и громче, следуя их примеру. Геллонги соединялись с первыми, и когда голоса становились громче, тогда и чаще производилась мольба, наблюдая притом непременный такт, и через каждые четыре или пять минут начинали новую молитву. Музыкальные инструменты, употребленные при сем служении, были следующие:

1. Две большие красной меди трубы в 4 аршина длины.
2. Две немного короче первых трубы, наподобие гобоя, имели дыры для перебирания пальцами и производящие около 6 тонов.
3. Две трубы наподобие рожка, производящие один только дрожательный звук.
4. Пять маленьких плосковатых барабанов, похожих на сито.
5. Две большие медные тарелки, наподобие турецких. С сими

старший из Лам от времени до времени ударял такт, и прочие музыканты должны были применяться по его такту.

Во всех капищах производилось одно и то же идолослужение. Между тем, как в капищах совершалось идолослужение, прочие калмыки, знатные и незнатные, в лучших платьях, обходили вокруг капища. В последний день сего празднества переменился прежний обряд идолослужения, все Геллонги толпились в капищах, так что в некоторых было до ста человек, а ученики Геллонгов (манджики) расположились вне капищ кружками в сто человек. А дабы при столь много собравшемся народе не произошли беспорядки, некоторые из Геллонгов приставлены были смотрителями. На других четырех местах стояли другие Геллонги, и каждый из них держал в руках по деревянной чашке, в которые собирали с прочего народа, простиравшегося до четырех тысяч человек, жертвованные деньги. Когда народ узнал, что торжество приближается к своему концу, то стал пред капищами в два ряда, и Геллонги, вышедшие из оных, среди народа удалились в свои кибитки, и тем положили конец служению и торжеству».

Из многолетнего сношения сих членов Сарептского общества с калмыками видно было, что не только их дикость и невежество, но более их идолослужение сильно отвергало распространение Божественного слова и препятствовало его водворению. До 1815 года всегда несколько членов Сарептского общества изучало калмыкский язык для наставления язычников в Христианской вере. По учреждении по Высочайшему повелению в 1813 году Российского библейского общества, имевшее попечение печатать книги Священного Писания на всех языках и раздавать их обитавшим обширную Российскую Империю племенам и народам, библейское общество в числе первых обратило внимание свое на калмыкский народ, поручив в 1814 году члену Сарептского общества Г. Шмиту, бывшему после того академиком, переводить Священное Писание Нового Завета на калмыцкий язык.

По окончании Г. Шмитом перевода Евангелия Св. Матфея в 1815 году и по напечатании Библейским обществом довольного числа сих Евангелий, оно препроводило известное количество экземпляров сих книг Сарептскому обществу с тем, чтобы сии книги раздавались по улусам калмыкам, желающим иметь оные книги.

По поводу сему Сарептское общество вновь возобновило ближайшее сношение свое с калмыками, состоящее в предварительном распространении Божественного слова и отправило в 1815 году двоих членов Сарептского общества в улусы для раздачи присланных Российским библейским обществом Евангелий. С раздачею этих и других впоследствии присланных Св. Евангелий, члены Сарептского общества занялись — по 1823 год — наставлением в Христианской вере калмыков, желающих того.

С сими миссионерами особенно коротко познакомился калмык по имени Зотном, который вскоре озарен был светом Божиим и убедился, что калмыцкое идолослужение превратно и ничтожно,

и единственно только в Христианской вере возможно найти спокойствие души, как в настоящей, так и в будущей жизни. По примеру его все родственники его и еще другие две семьи калмыков предались учению Христианской религии. Означенные калмыки, всего 4 семьи, по милости Божией, более и более получали ясное понятие о Христианской вере и открыто признавались пред другими калмыками, и когда изъявили желание, чтобы над ними совершили обряд святого крещения, тогда Геллонги убедили улусного владельца удалить сих калмыков из улуса как отступников калмыцкой веры. Вследствие чего они отправились в Сарепту и жили по их обыкновению в Сарептских дачах, поучаясь чтением Божественного слова и наставлением христианских поучений. А так как Сарептскому обществу по высочайшему повелению воспрещено было сих калмыков крестить и к своему обществу причислять их, то оное общество побудило калмыков явиться в город Царицын и испросить у тамошнего православного духовенства святое крещение, которое и совершилось над ними, и затем они были причислены к православной церкви.

С отъездом сих калмыков кончились опыты, предпринимавшиеся Сарептским обществом для распространения Евангелия между калмыками и не возобновлялись еще по сие время.

Пустопорожняя степь и речка Сарпа напомнили первым поселенцам колонии послание /?/ святого пророка Илии чрез пустыню в местечко «Сарепту» /3 кн. Царств, гл. 17, ст. 9/. Уповая на Бога, давшего чрез пророка вдовице Сидонской уверение, что «мука у нее в водоносе не оскудеет, и масло в кувшине не убудет», они уверовали, что им также дастся все, что понадобится. И потому назвали новую колонию Сарептою, и избрали эмблему для общественной печати: сосуд и колосья на одной, и масляную кружку под масличным деревом на другой ее половине. Печать эта в таком виде и утверждена Правительством, и имеется поныне.

Основатели Сарепты встретились при учреждении ее с большими затруднениями, которые только и могло быть преодолены щедрыми вспомоществованиями высшего правительства и содействием местного начальства, а также неослабным терпением самих учредителей. Почти все строительные материалы, за неимением их поблизости, выписывались из дальних мест, так же, как и плотники с каменщиками. Когда же были построены первые здания для фабрик и заводов, то инструменты и материалы для производства работ по большей части также выписывали из-за границы. Несмотря на такие затруднения, уже в первые десять лет процветали различные отрасли промышленности, как вдруг постиг Сарепту несчастный случай: скопище кубанских татар и кабардинцев, угрожавшее в 1769 году разорением юной колонии, расположило свое передовое войско на расстоянии двух суток пути от Сарепты; впрочем, набег был отражен калмыками, обратившими татар в бегство. Точно так же спаслась колония от не менее страшного бедствия в 1771 году. Возмутившаяся так называемая большая

Калмыцкая орда, бежавшая из России в Китай, возымела злонамерение взять с собою насильно сарептских жителей, как искусных художников и ремесленников. Только одна Волга отделяла Сарепту от неприятеля, и река эта, несмотря на приближение зимы, не только в то время, но во всю зиму не замерзла, что никогда более не случалось.

Так колония как бы чудесным образом спаслась. Жители ее и при наступлении Пугачевщины предались надежде, что и сия опасность минует их, и потому только тогда приняли надлежащие меры к спасению себя бегством, когда это здравому рассудку уже казалось невозможным.

Первое известие о разорении Казани мятежниками получено было в Сарепте 23 июля 1774 года, и 8 августа прибыли в Сарепту уже первые спасшиеся бегством из Саратова, за ними ежедневно и другие следовали. Грабежи, смертоубийства, поджигательства и все ужасы свирепой необузданной сволочи ознаменовали путь тех бунтовщиков, и страх и ужас предшествовали им. Известия, полученные от проезжих чрез Сарепту и спасавшихся бегством в Астрахань, заставили слабую часть жителей отправиться с ними, а оставшиеся спешили в последующих затем днях все, что за неимением подвод не могло быть отправлено, зарыть в землю, между тем как другая часть жителей расставила по валу принадлежащие колонии девять маленьких пушек, потом пообставили рогатки и приняли вообще оборонительные меры, чтобы не открыть путь в колонию калмыкам, бродившим толпами вокруг и наблюдавшим за всеми движениями в колонии и возжелавшим ограбить оную. Несколько раз они приближались к колонии, стреляя в оную из ружей, и решили наконец вломиться во врата и взять приступом Сарепту, однако единый выстрел из пушек и посланные им навстречу вооруженные всадники обратили их тотчас в бегство.

Вечером 21-го августа получено было известие, что мятежники явились уже пред Царицыном и что отряд бунтовщиков, обошел этот город, пустился даже на дорогу в Сарепту. Первое известие, к сожалению, вскоре и подтвердилось, ибо с колокольни видно было пламя, поглощавшее форштат Царицына.

Теперь надлежало не терять ни минуты. Оставшееся население, всего 65 лиц, собравшись в церковь и принеся благодарственное Господу Богу молебствие за оказанное доселе на сем месте покровительство, предалось в теплых молитвах и благочестивом уповании впредь неисповедимому Его промыслу и могущественному ограждению. О спасении колонии и думать было нечего, ибо войска, преследовавшие мятежников, еще находились далеко за Царицыном, а блеск огней Пугачевского стана всего в пяти верстах от Сарепты предвещал скорое наступление неприятеля. И как бы пред глазами мятежников, под вечер 21 августа покинули на 14 подводах последние жители Сарепты то место, которое десятилетние труды обратили хотя еще в незначительный, но зато в цветущий посреди необозримой пустопорожней степи, место это,

которое через немного только часов представит груды дымящихся развалин.

Спасающиеся отправились по дороге в Астрахань, но проехали только в час версты с три, ибо подводы, собранные в торопливости, были довольно плохи и по большей части запряжены волами. Приостановившись в сумерки на небольшом возвышении недалеко от Сарепты, они увидали во всех домах блеск свечей, верный знак, что разграбление началось. Проехав до следующего вечера, 22-го числа, 42 версты и только лишь расположившись на ночлег, как вдруг беглецы были уведомлены приехавшим к ним казаком, что мятежники, хотя от Царицына отражены, но скопище их, еще прежде того обошед Царицын, ограбило Сарепту и, наверно, к завтрашнему дню будет и здесь. Вследствие этого известия они тот же час, не кормя волов, пустились в путь, сбились однако же в ночное время с большой дороги и, не зная этого, ехали по проселкам. Это обстоятельство спасло их тем более, что Пугачев, как они после того узнали, по прибытии своем в Сарепту не найдя в ней ни одного жителя, отправил отряд всадников для преследования спасавшихся бегством, с строгим приказом изрубить их без пощады. Между тем как наездники не отыскали жертвы свои на большой дороге, ехали последние на расстоянии нескольких только верст от нее, так сказать возле своих преследователей, нимало не предчувствуя, как недалеко от смертельной опасности они находились.

Не раньше как на следующий день, когда уж сволочь пугачевская возвратилась восвояси, вышли они на большую дорогу. 24 августа прибыли они в Чернояр, но так как и жители этого города приняли уже меры ко спасению себя бегством, то они того же числа отправились далее в г. Астрахань. После долгого ожидания получили они наконец 26-го числа от спешащего в Астрахань курьера радостную весть, что мятежники ниже Сарепты в сорока верстах войском под начальством полковника Михельсона были совершенно поражены и рассеяны. Несмотря на то путешественники продолжили свой путь до Енотаевска, где и были приняты гостеприимно господином енотаевским комендантом, приказавшим отвести квартиры в казенном доме.

Другая же часть Сарептских жителей, отправившаяся уже 17-го числа по Волге в Астрахань, благополучно прибыла наконец 27-го числа в Астрахань, где были также, как злополучные их спутники в Енотаевске, приняты с полным радушием.

Весть о поражении мятежников наполнила их души после 10-ти дневного страха радостью и искренней благодарностью. После отдыха, продолжавшегося несколько дней, путешественники возвратились отдельными партиями в Сарепту, куда последние из них прибыли 14-го сентября.

В ужасном положении нашли они все по возвращении своем. Страшно свирепствовала сволочь Пугачевская! Раздроблена на мелкие части мебель, взломаны ящики, трупы убитых были рассе-

яны по улицам. Ни одно окно, ни единая дверь не остались целыми, печи в домах были разрушены, полы сломаны, погреба под домами, куда снесли товары и вещи и заклали их кирпичами, были повсюду разломаны и товары раскрадены. Все, что похитители не могли с собою увезти, ими было уничтожено. Как сырые материалы, так и выделанные товары, все было похищено или истреблено; только такие предметы, как то: ремесленные инструменты, казавшиеся грабителям бесполезными, нашлись кое-где под мусором и обломками. От аптеки с комплектным запасом лекарств, от магазина с товарами и от всех фабрик и заводов, а также от церкви не осталось ничего, кроме одних пустых стен и обломков раздробленных вещей.

При всем том возвратившиеся все-таки с сердечною благодарностию вступили-таки во владения разоренным местом, воздав благодарение Господу Богу, что в колонии нашли еще необходимый покров и убежище на зиму и на первый случай продовольственные припасы, уцелевшие, к удивлению, после всеобщего опустошения.

С неутомимым рвением и прилежанием еще той осенью фабрики и заводы были восстановлены и начали действовать, и вскоре изглажены были наружные следы того пагубного приключения. Новыми Ее Императорского Величества оказанными милостями, так и денежными вспомоществованиями со стороны Братского Единства сделалось возможным приобрести необходимые материалы для дальнейшего производства работ в фабриках и тем вознаградить часть убытков колонии Сарепты, простиравшихся до 80 тысяч рублей серебром.

Вскоре после учреждения Сарепты были выстроены мельницы на реке Сарпе, имевшей тогда в избыточности воды. Сия мельница доставляла, кроме нужного продовольствия, для Сарептских и окольных жителей еще значительное количество муки для продажи в дальние места. Помещики заказывали для себя образцы с Сарептских мельниц, для постройки подобных в своих имениях. Лесопильная мельница с колесом в 18 футов в поперечнике доставляла в сутки до 150 досок. А как в 1803 году эти мельницы сгорели, то в последующем затем году положено было выстроить вместо преждебывших деревянных каменные на вколоченных дубовых сваях. Но, к сожалению, означенное, с большими издержками сопряженное, восстановление имело не только что малый успех, но причинило еще большие убытки тем, что только несколько лет после сего восстановления вода в реке Сарпе так убавилась, /потому что в 30-ти верстах от Сарепты крестьянином селения Цацы построены были плотины для мельницы и поливки сенокосных мест в речке Тенгут, впадающей в Сарпу/, что сии мельницы по недостатку воды с тех пор только весной, при полой воде, могут действовать. Взамен же сих водяных мельниц предполагается выстроить паровую мукомольную мельницу.

Значительнейшие фабрики в Сарепте до сильного пожара в

1823 году составляли ткацкие фабрики. Первые ткачи прибыли в Сарепту из Саксонии и Силезии и первоначально работали полотняные платки и материю, для чего материал выписывался из Силезии. Чтобы изготовлять бумажные изделия, надлежало учредить сперва прядильни. Хлопок получался частию из Англии и отчасти чрез Астрахань из Персии. А так как в Сарепте не доставало работников для прядилен, то по разным Саратовским колониям учредилось на иждивении своем Сарептское общество прядилен в колониях Поповке, Норке и Екатеринштадте. Эти прядильни, состоя под заведыванием приставленных в колониях Сарептских комиссионеров, производили бумагу, поставляя ее долгое время как Сарептским фабрикам, так же и учрежденным мало-помалу в Саратовских колониях ткацким фабрикам. Сверх того, еще большее количество сей бумаги, как выкрашенной, так и белой, продавалось под названием Сарептской бумаги на вывоз в разные города Империи.

Сарептские ткацкие фабрики производили и производят бумажные и полушелковые платки и материалы под названием «сарпинки». До начала сего столетия упомянутые фабрики имели хороший сбыт, и по большей части изделия свои продавали на вывоз в Москву. Но когда для этой отрасли промышленности наступило соперничество (Concurenз), то, конечно, сбыт Сарептских фабрик уменьшился и впоследствии совсем прекратился.

Основателем горчичной фабрикации в Сарепте был член Сарептского общества Конрад Нейц, в 1801 году построивший ручную мельницу. Он занимался приготовлением горчицы, но возраставшие год от года требования на это изделие побудило его в 1810 году выстроить мельницу, действующую чрез посредство лошадей. В этом же году Его Императорское Величество, в Бозе почивающий Император Александр I высочайше повелеть соизволил наградить фабриканта золотыми часами. По кончине фабриканта Нейца в 1815 году фабрика сия досталась по наследству зятю его, И. К. Глич, постепенно распространившему и усовершенствовавшему фабрику. Мануфактурный совет присудил в 1850 году фабриканту Ивану Гличу малую серебряную медаль за давнишнее производство отличной горчицы, известной во всей России и отправляемой даже за границу. В 1852 году, по смерти Ивана Глича, фабрика сия досталась сыновьям его, Константину и Фердинанду Глич, которые в последних годах построили новый завод, действующий паровой машиною, изготовленной на машинной фабрике д-ра Альбана в Плау, что в Мекленбурге. За развитие и усовершенствование обработки горчицы по представлению комитета г.г. министров Государь Император в 5 день мая 1859 года высочайше соизволил наградить Фердинанда Глича серебряною медалью «за полезное» для ношения ее на груди на станиславской ленте и предоставил братьям Глич право употреблять на вывесках и изделиях означенного завода их изображения Государственного герба. От Императорского Вольного экономического общества при-

суждена в 1861 году сему заводу за отличные горчичные изделия большая серебряная медаль.

Так как Сарептское общество с самого учреждения колонии имело завсегда своего медика, то и скоро после основания колонии учреждена аптека. Рецептура в небольшом местечке с малым числом жителей не может быть значительна, но при всем том Сарептская аптека славится как своим внутренним устройством, так и по комплектному запасу и отличной доброте, не уступает аптекам, в губернских городах состоящим.

Существующие ныне в Сарепте фабрики, заводы и ремесла суть следующие:

Лавки мелочной продажи. Аптека. Гостиница с постоялым двором. Винокуренный завод и пивоварня. Табачная фабрика. Две горчичных фабрики; одна из них действует паровою машиною в 18 сил. Кожевенный завод. Мыльный и свечной завод. Две мукомольные мельницы. Два часовых дел мастерства. Две пекарни. Два столярных дел мастерства. Слесарно-кузнечных и медных дел мастерства. Сапожных и портых дел мастерства. Кирпичный сарай и скотобойня. Хотя главное занятие Сарептских жителей с самого учреждения колонии состояло в фабричной и ремесленной промышленности, ибо приехавшие из-за границы братья состояли более из ремесленников и художников, но несмотря на то, и другие отрасли промышленности без обращения на них внимания не оставались. К сим принадлежат полеводство, садоводство и скотоводство.

Разведение хлебных зерен производится более для собственного употребления колониею, по малой способности Сарептской земли и здешнего климата к оному. Посему совершенно невозможно производить садоводство без искусственного поливания.

В садах с самого основания колонии кроме огородных растений и картофеля разводили и поныне разводят с большим успехом табак, особенно так называемый калмыцкий (его ежегодно вывозится 6 тысяч пудов). Также в этих садах разводится простая и перечная мята, из нее выделывается довольно значительное количество масла. Равным образом и разводятся в сих садах различные плодовые деревья, как то: яблонные, дулевые, бергамотные, вишневые, сливные и разные плодоприносящие кусты и различные виноградные растения.

Также и в разведении шелководства учинены были в Сарепте опыты, но после многолетних трудов общество удостоверилось, что шелководство по здешнему краю не может быть доведено до удовлетворительного совершенства, ибо продолжительные и сильные морозы зимою с одной, а засухи и жары летом с другой стороны препятствуют такому произрастанию тутовых деревьев, какое неминуемо нужно для успешного производства шелководства. Несмотря на все старания, приложенные к сей отрасли, добытый здесь шелк все-таки остался низкодобротный и после продажи его не возвращались даже издержки.

С самого учреждения колонии общество заботилось как о прочной, так и о правильной постройке зданий, к тому же в тогдашнее время было обращено внимание на укрепление колонии для предуприждения какого-либо внезапного нападения корзаков (? — вероятно, киргиз-кайсаков) и калмыков, кочевавших тогда близ Сарепты.

Был окружен с трех сторон рвом и обнесен валом правильный четырехугольник, на валу выстроили рогатки. Четвертая сторона защищалась рекою Сарпою. Сие укрепление поддерживалось, пока в том была надобность. Внутри сего укрепления первоначально строились дома так близко друг к другу, что во время пожаров выгорали целые кварталы. Пожары заставили отступить от этой системы застройки, причем колония не лишилась прежней правильности, но, напротив того, получила более живописный вид: при обновлении сгоревших улиц между каждыми двумя домами оставался промежуток до 10—15 саженей для садиков, в которых, как и по улицам пред домами, развели деревья.

Центр колонии ныне образует большую площадь, на середине которой разведен садик, огороженный решеткою, выкрашенною зеленой краскою. В садике растут акации. Здесь, кроме фонтана, бьющего ключевой водой, для употребления проезжающих есть еще водохранилище, в котором сосредоточивается вода, проведенная с подошвы гор. Вода подается по деревянным трубам; отсюда она растекается по улицам, питая имеющиеся там фонтаны, равно как фонтаны на фабриках и заводах.

Дома и казармы для работающих в Сарепте посторонних людей находятся вне вышеупомянутого четырехугольника, а кибитки проживающих для заработка калмыков расположены в полуверсте от колонии.

Дома внутри вала все из дикого камня или кирпича, крыши их покрыты железом или тесом и выкрашены большей частью красною или зеленою краской. Дома, находящиеся вне вала, почти все деревянные. Всех зданий считается:

83 каменных домов и других строений каменных.

221 деревянных жилых и не жилых домов.

К числу общественных зданий принадлежат: каменная церковь с железною крышей, колокольнею, часами и органом с флигелем для помещения в нем общественного священника. Каменный двухэтажный дом училища для мальчиков; в нем также пребывают холостые мужчины (братский дом). Каменный двухэтажный дом для училища молодых девиц; также он служит жилищем для незамужних женщин (девичий дом). Каменный двухэтажный дом для вдов (вдовий дом).

Устройство вышеупомянутых школ, как начальных училищ, заслуживает внимания. В первый год обучения мальчиков преподаются:

1. Закон Божий (священником Сарептского общества). 2. Всеобщая и Российская история. 3. Немецкая, русская, французская и латинская грамматики. 4. Арифметика, география и начальные

Герб Сарепты

основания геометрии. 5. Начальные основания естественной истории. 6. Чистописание, рисование и музыка.

В девичьем училище преподают следующие предметы:

1. Закон Божий. 2. Немецкая история и грамматика. 3. Арифметика и география. 4. Рисование, чистописание и музыка. 5. Обучение разным женским рукоделиям.

Все члены Сарептского общества, как мужчины, так и женщины, умеют читать, писать и знают арифметику.

Ежегодные общественные расходы следующие:

Поземельные подати в казну; жалованье начальникам, священникам, учителям и лекарю общества; на содержание благочиния в колонии; на содержание в исправности дорог, мостов и гатей, на содержание ночной стражи, пожарных труб и огнегасительных отрядов, водопроводов, фонтанов и, наконец, содержание бедных, вдов и сирот. Сии расходы простираются ежегодно до 10 000 рублей серебром и покрываются из доходов тех промыслов, которые на счет общества производятся и на денежные средства, каждыми членами взносимыми; личные сборы каждые 5—10 лет производятся в известность для равновесия между приходом и расходом.

Для внутреннего отправления суда и расправы по гражданским делам учреждено Правление Евангелического братского общества. Оно состоит из двух начальников, одного юстициариуса и трех заседателей по выбору общества. По 4-му § Всемилостивейше

Семья Кернер А. М.— потомки основателей Сарепты. Фотография 1910 года

Сарептскому обществу жалованной грамоты предоставлено сему Правлению иметь свою собственную печать, и в отношении к прочим присутственным местам почитается оно наравне с городскими Магистратами, с той разницею, что не подчиняется никакому присутственному месту, но состоит в зависимости от Министерства Государственных Имуществ и ему одному дает подробный отчет в своих делах. А для ближайшего попечения колония ведается одним токмо Управляющим конторою Саратовских поселенцев (Свод законов издания 1857 г., т. 12, постановления о колониях, §§ 86, 489, 490).

Сарептскому обществу Всемилостивейшею грамотою пожалованы следующие привилегии и преимущества:

По 1-му § свободу вероисповедания согласно устава, учению и обрядам, существующим между Евангелическими братьями с дозволением в судебных местах принимать от сочленов оного общества присягу, по их обыкновению в одном изустном утверждении состоящую (Свод законов о колониях, т. 12, § 120, т. 10 о законах гражданских § 381, пункт 2 и т. 15 о законах уголовных § 233, пункт 2).

По 2-му § дано сему обществу в неоспоримое и вечное потомственное владение землями, для Сарептской колонии отведенными (т. 12 о колониях, § 159).

По 3-му § предоставляется сему обществу заводить на землях, обществу сему принадлежащих, города, местечки и всякого рода

селения, церкви с колокольнями и колоколами, публичные училища и такие дома, где по духовному обряду Евангелических братьев могут делать всякие распоряжения, тому соответствующие, и содержать как детей малолетних, так и взрослых обоего пола, разделяя мужской и женский пол особо в общем домостроительстве до времени вступления их в брак, на основании правил, братьями наблюдаемыми (т. 12, § 120).

По 5-му § пожалованы обществу все правила гражданства не только в его колонии, но и во всей Империи и кроме того ему дозволяется производить внутреннюю и внешнюю торговлю с платежом пошлин по тарифу и не принуждать братьев записываться в Российское купечество, яко уволенных от податей и службы оного, и имеющих свободу производить всякие ремесла, художества и промыслы; заводить и содержать у себя всякие фабрики, мануфактуры и заводы, строить всякого рода мельницы и по праву владения свободно и беспрепятственно пользоваться в дачах своих всеми угодьями, рыбною, звериною и птичьею ловлею; варить пиво и курить хлебное вино, как для собственного употребления, так и на продажу проезжающим, временно в их колонии живущих с тем, чтоб вне земель, братству принадлежащих, ни вина, ни пива не вывозить и не продавать; но виноградные вина, делаемую из них водку и всякие виноградные и фруктовые, а не хлебные напитки дозволяется развозить из колонии для вольной продажи по всем Российским городам (Свод законов, т. 12 §§ 124, 349, 361, 374).

По 6-му § воспрещено на землях общества строить харчевни, питейные дома, соляные амбары и всякие казенные и партикулярные строения, или кому-либо из посторонних людей без его согласия там селиться, и прочее (Свод законов о колониях, т. 12 § 364).

По 7-му § подтверждено прежнее постановление, чтоб начальники общества давали от себя паспорты братьям для проезда внутри государства (Свод законов, т. 12, § 425).

По 8-му § освобождаются братья и их потомки от военной и гражданской службы; от всякого рода постоев и квартирования, от содержания почт, дачи подвод и прочих подобных повинностей (Свод законов, т. 12, § 207, п. 1, § 217, п. 1 и § 225 п. 1).

По 9-му § жалуется обществу и его потомству полная свобода и власть распоряжаться собственным своим имением произвольно и по благоизобретению каждого (Свод законов, т. 12, §§ 176, 177, 179).

По 10-му § дозволяется Сарептскому обществу содержать всегда в Санкт-Петербурге одного из братьев в звании Агента, для ведения дел на пользу общества (Свод законов, т. 12, § 235).

По 11-му § повелевается собирать податей не с каждого из братьев лично, но всех вообще чрез их начальников с каждой десятины удобной земли по 7 1/4 копейки серебром в год (Свод законов, т. 12, § 252). (В 60-е годы XIX столетия в России бутылка импортного греческого вина стоила 35 копеек, ведро дегтя —5 ко-

пеек; Сарептское общество имело под садами 58 десятин, под пашней —824, под сенокосными угодьями —184 и под лесами —874 десятины; таким образом, Сарептское общество в казну Российской Империи ежегодно перечисляло поземельный налог в размере 140 рублей 65 копеек, то есть стоимость 402 бутылок греческого вина.— прим. издательства).

«...ДОБРОДУШНАЯ РЕСПУБЛИКА В ГЛУШИ РОССИИ»

Впереди мне предстояло увидеть Сарепту, чего мне хотелось с самого детства, может быть потому, что я по крайней мере раз 15 переводил из книги практических упражнений на французский и немецкий языки описание Сарепты Измайлова из его «Путешествия в полуденную Россию». (В. В. Измайлов, «Путешествия в полуденную Россию», СПб, 1800—1802).

(...) Ямщичий староста в Царицыне, в то время, когда мы пили чай, рассказывал нам много любопытного про Астрахань, где он живал. «У нас в народе называют этот город *Разбалуй-город*, а губернию народною, потому что летом изо всех губерний собираются люди на промысел». Кто раз отправился в Астрахань, тот весь переиначивается, забывает все домо́вое и вступает в артель, состоящую из 50, 100 и более человек. У артели все общее; подступая к городу, она вывешивает свои значки, и купечество спешит отворить им ворота; свой язык, свои песни прибаутки. Семейство для такового исчезает, и он делается необыкновенно общителен, сейчас знакомится со всеми незнакомыми и, добывая много денег, все растрачивает в гульбе. Из них самые смирные — бурлаки, потому что с судами возвращаются вверх по Волге домой, вольнее и дерзче — бирюки, которые ходят в море, но недалеко. (...) Множество народа, смесь, пестрота, сбор людей всех губерний, почти всех наций, разгул, обилие вод — такова картина Астрахани и берегов приморских этого края. (...)

Из Царицына ехали мы до Татьянинской почти по земле; так мало здесь снегу на высоких и крутых берегах Волги, которая и зимой представляет чудную картину. Нам предлагали доехать по льду, но так как это опасно, да и строго запрещено, то мы отказались. Рано поутру ехали мы через Сарепту и решились остановиться в гостинице, содержимой на счет целого братства. Какая прелесть! Какая чистота, предупредительность! Нас встретила девочка лет 14, очень некрасивой наружности, заговорившая с нами вовсе не лифляндским наречием. В одну минуту затопилась для нас печь и подан отличный кофей, с густыми сливками и сдобным хлебом. Улицы чисты необыкновенно, перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных сарептских мужей с длинными немецкими трубками. Русские очень любят этих добрых гернгутеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но однако ничего не перенимают. Необыкновенно странное впечатление производит на

вас эта немецкая добродушная республика в глуши России! К сожалению, мы спешили и, напившись кофею, поехали и скоро вступили в пределы Астраханской губернии.

И. С. АКСАКОВ,
из письма родителям, 18 января 1844 г.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИЯ

МАРКСШТАДТ

I

...Без четверти семь утра бьют на кирхах и на костелах колокола, и все немцы в Марксштадте, как во всех кантонах и колониях, сидят за кофе. В семь утра бьют на кирхах и костелах колокола, и немцы за работой. За колониями — или равнина, или холмы — степь, степь, широчайшие просторы пшеницы, солончаки, ковыль, миражи летом, бураны зимами. На площадях, если это пустыня зноя, в пыльных смерчах немотствуют верблюды, утверждающие «ночь Азии» и «змеиную азийскую мудрость», змеиношеие, драконоголовые верблюды, покойные, как Азия. Над землей пятьдесят градусов жары по Реомюру.— Без четверти двенадцать бьют на кирхах колокола,— жалобный, прозрачный, стеклянный звон,— и все немцы сидят за обедом, чтобы после обеда, прикрыв ставни и раздевшись, как на ночь, спать до трех. Колокола бьют в три,— тогда пьют кофе и вновь работают. В девять последний раз отбивают время кирхи и костелы, тогда наступает ночь, тогда все спят. Рабочий день, колоколом, заканчивается в пять. В гости ходят от пяти до семи, гостям дают медовые пряники с горькой миндалиной посреди и рюмку вина. Полы моют каждый день, печь обмазывают известью после каждой топки, дом снаружи обделывают каждую субботу, по субботам же моют коровники. Непонятно — люди для чистоты или чистота для людей. У каждой хозяйки на все свои туфли: все они стоят у порогов: в одних она ходит по двору, в других — в коровнике, в третьих — по кухне, в четвертых — по «воонунг-циммерам», у порогов ловко шмыгают хозяйки из одних в другие, немки в чепчиках и в белых передниках.

Доктор Пауль Рау,— археолог,— нашел в этих степях памятники неолитической эпохи — памятники человечества, отодвинутые от современности на десять тысячелетий. Здесь Паулем Рау найдены были остатки бронзовой эпохи, протекавшей между четвертым и третьим тысячелетием дохристианской эры. Третье, второе и первое тысячелетия — не сохранили памятей. От первого до второго века христианской эры здесь были сарматы. Около рождества Иисуса Христа здесь были скифы. Между третьим и четвертым веками здесь были аланы, лучшая эпоха этих земель, люди

европейского черепа, ушедшие отсюда на Кавказ и в Европу. За аланами — вновь пустыня, до тринадцатого века татар. За татарами — от пятнадцатого столетия до века российской Великой Екатерины — опять пустыня, кочевья киргиз и калмыков.

Теперь — немцы.

В 1763 году по германским городам читался манифест Екатерины Второй, российской императрицы, в коем говорилось, что в России, на Волге, есть такие чудесные места, где произрастают лимоны, виноградары и мирты, происходит миртовая жизнь, эдакий лирический лимонад из писаний великой императрицы, и что юная Фелица приглашает всех желающих немцев ехать туда на вечные времена трудиться и блаженствовать без податей, без воинской повинности на сто десять лет, на новые земли, где каждый себе может взять земли, сколько захочет. Манифест обещал бесплатный проезд до этих чудесных земель и ссуды на инвентарь и скотину. Манифест читался по немецким городам под звоны бубенцов, привлекающих толпу, как и доныне читаются приказы в волжских немецких колониях,— читался в дни после разгрома Семилетней войны,— и до Волги, барками по Тихвинской и Мариинской системам от Петербурга, дотащилось тридцать тысяч немецких неудачников, разоренных войною и голодом, в первую очередь ремесленников, до сих пор сохранивших германский осьмнадцатый век, меньше крестьян, называющих огороды плантациями, в еще меньшем количестве — студентов, аптекарей, солдат, офицеров, даже дворян, даже одного барона — Дэнгофа, в честь которого назван большой, ныне сарпинковый поселок. Люди тогда приехали к осени, в места, где, как полагалось по российским традициям, миртов не произрастало, но была голая степь, ковыль, пустыня и ни одного человеческого кола. По степи кочевали киргизы и калмыки, и за степью на горизонтах вставали миражи. Кроме немцев в эти места Екатериной посылались каторжники и острожники русского происхождения. Немцы оказались в положении более жестоком, чем были во время Семилетней войны,— и в первые годы от тридцати тысяч осталось двадцать три; офицеры ушли к Пугачеву, солдат вешала Екатерина; многие ремесленники собрались бежать обратно.

Немцы пришли блондинами, северяне. Тип теперешнего немца примерно следующий: выше среднего рост; темные волосы, изредка ярко-рыжие; темный, коричневый цвет кожи; темные глаза. На голове у немца широкополая соломенная шляпа,— такие же шляпы на головах у лошадей,— в зубах у немца сохранившаяся от Германии трубка на длинном мундштуке, сплетенном из кожи. В колонии Дэнгоф строилось в 1926 году несколькоэтажное кирпичное здание, рыли ямы для фундамента,— и оказалось, что здание ставится на старом немецком кладбище. Археолог доктор Пауль Рау и этнограф профессор Дингес приехали на стройку, чтобы обследовать кладбище. Трупы немцев, мужчин и женщин, сгнили в гробах, но кости, волосы и одежда остались. Скелеты мужчин ле-

Семья немецких колонистов. Фотография конца XIX века

жали в шелковых жилетах, в сюртуках и в галстуках, вывезенных еще из Германии. Женские скелеты были в шелковых платьях и в чепчиках. Теперешний тип немца обязательно темноволос,— в могилах сохранились волосы умерших — пшеничные волосы северян. Сто шестьдесят лет немецкого заволжья, степной зной и степные морозы, азиатские стихии — перекрасили немцев, изменили их антропологический тип.

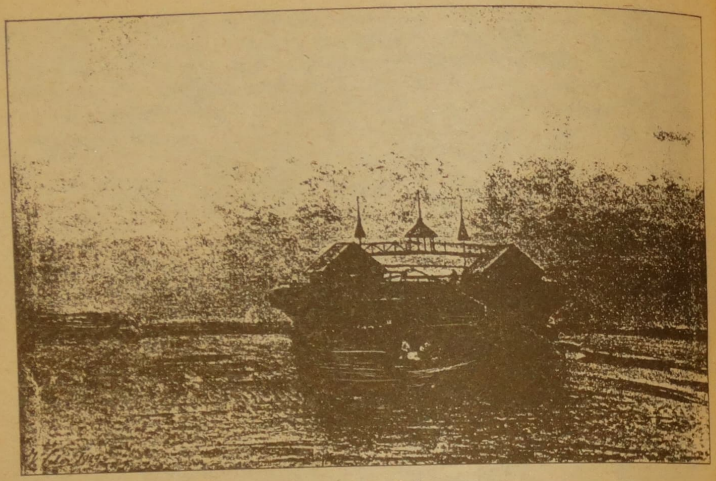
И Рау, и Дингес написали исследование о влиянии климата на человеческую особь. И Рау, и Дингес — потихоньку от сельчан — взяли из могил шлафроки, галстуки, женские платки и юбки — для этнографического музея. Судьбы этих чепчиков и шлафроков — необычны,— вывезенные из Германии, пролежавшие полтораста лет в земле, ныне они лежат за стеклами музея в удушливом и пыльном зное города Покровска.

II

Профессор Георгий Дингес записал сказку.

Шульмайстер Шварцкопф из колонии Дэнгоф Бальцерского кантона умер, оставив жену и дочь, бедную и очень красивую невесту. В это время умер пфарер Трэнклер, богатый человек, оставив свою жену и сына, красивого и богатого жениха, бондаря по профессии. Молодой Трэнклер посватался за молодую Шварцкопф, и это была лучшая и счастливейшая в Денгофе пара. Шумайстерша фрау Шварцкопф вместе со своей дочерью переехала к Трэнклерам — в богатую и покойную старость.

Старухи Шварцкопф и Трэнклер очень сошлись характерами и очень подружились. Молодые были счастливы, и в первый же месяц дочь призналась матери, что она понесла ребенка. И вдруг тогда соседка сказала по секрету фрау пфарерше, что у фрау шульмайстерши — нехороший глаз. В сердце пфарерши запала тревога, мелочи стали подтверждать ее сомнения, и она тогда пошла к знахарке, чтобы посоветоваться с нею. Знахарка дала совет, как узнать истину: надо было в тот час, когда пропоет третий петух, найти в курятнике первое яйцо, снесенное за эту ночь, съесть его сырым и ждать наутро вопросов шульмайстерши; если шульмайстерша задаст подряд три вопроса: куда пошла моя дочка? — продал ли Ганс вчерашние ободья? — перестали ли болеть ноги фрау пфарерши? — если она задаст эти три вопроса, стало быть у нее черный глаз. Пфарерша поступила так, как советовала знахарка. Утром на рассвете в тот день сын уехал в соседнее село на базар и жена пошла проводить его до околицы,— и за кофеем шульмайстерша задала подряд три вопроса, напророченные знахаркой. Фрау пфарерша утвердилась, что у фрау шульмайстерши черный глаз. Но через несколько дней соседка сказала пфарерше новость, о том, что шульмайстерша — колдунья, Пфарерша опять пошла к знахарке. И знахарка дала средство узнать, истинно ли это. Надо было у пойманной в субботу щуки в полночь, с суботы на воскресенье, вынуть икру, сварить ее до третьих петухов и съесть без соли, когда пропоет третий петух,— и утром тогда надо было идти в костел, смотреть, не отрывая глаз, в купол над алтарем, и если действительно шульмайстерша есть ведьма, тогда она будет видна в куполе, где будет она летать на венике. Пфарерша поступила, как ей советовала знахарка,— и действительно, в тот момент, когда органист вознес «аве Мария», под куполом появилась в омерзи-



Картина Я. Вебера

тельном виде, голая на метле шульмайстерша фрау Шварцкопф. Счастье пфарерши фрау Трэнклер было разбито, сын не поверил ее видению, грозил знахарке, что он донесет русским властям, оставил у себя шульмайстершу,— и фрау Тренклер вынуждена покинуть богатый свой дом и поступить работницей к патеру.

Профессор Дингес расследовал историю возникновения этой легенды.

III

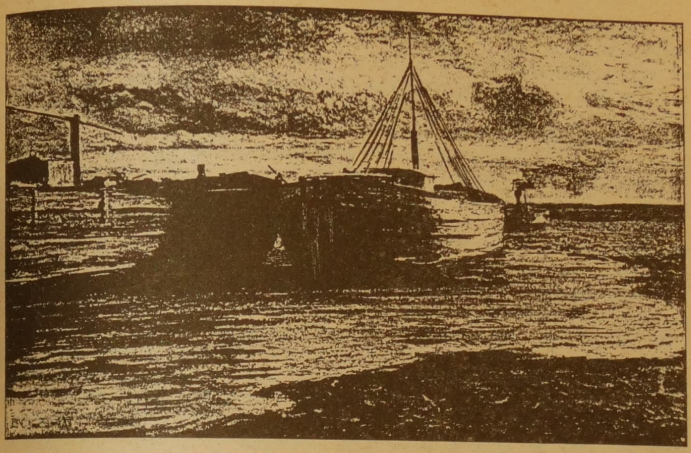
Пароход уходил в закат и в отдых от зноя.

И во мраке июльской волжской ночи пароход пришел к пристани, гудел, пришвартовывался к керосиновым фонарям конторки, в нерусский говор. За сходнями, на берегу, под отвесом горы стоят распряженные фуры. Немцы не волнуются. Телеграмма не дошла вовремя. Ночь,— та пожухлая уже в июне волжская степная ночь, когда из степи веет жарким удушьем, пылью и мятой.

— Нам надо в Бальцер,— говорит профессор Дингес.

— Канн-ман,— отвечает возница и медленно приступает к фуре, чтобы запрячь лошадей.— Варт-ман.

Эти фуры вывезены из Германии, в каждом поселке есть фурман, мастер по строительству фур. Лошади в дышлах. Профессор Дингес спрашивает, как называются части фур: опросом названий обыденнейших вещей, записью этих названий и фонетикой произношения Дингес восстанавливает, откуда пришла эта семья немцев, из Баварии ли, из Саксонии ли иль из Пруссии. Дингес спра-



Картина Я. Вебера

шивает возницу, из какого села он родом, на ком женат, кто у него в родстве,— и Дингес читает в его ответах книгу столетия. Ночь пожухла, пыльна, удушлива. Небо темно. Прибрежные горы стоят отвесом.

Лошади готовы.

— Биттэ!

Фура ползет в гору шагом, под обрывом горы, в овражную щель, валится с боку на бок, но не скрипит, сделанная навек. Въехали в лес, в прохладу и шелест дубов. Спустились в овраг. Поднялись вверх. Темно и ничего не видно. Прошел час пути. Лошади побежали рысью.

— Вот отсюда сворачивает дорога к Карлу Швабу,— сказал возница.

Ни Дингес, ни Рау ничего тогда не знали о Карле Швабе. Никто ничего не ответил.

— Закурим,— сказал Рау и предложил папиросу вознице.

— Канн-ман,— сказал возница и остановил лошадей, чтобы высечь зажигалкой огонь.— Карл Шваб был очень хорошим, трудолюбивым хозяином.

— Какой это Карл Шваб? — спросил Дингес.

— А это тот, к которому пришли черепа,— ответил возница.

Поехали дальше, во мраке, оврагами, лесом. Лошади бежали рысью, гнали за собой пыль, пыль пахла кремнем и полынью. Молчали. Выехали на холм в степь. И в бесконечном просторе степи, впереди, направо, налево, на версты и на десятки верст загорелись в степи десятки костров.

— Смотрите, Дингес,— сказал Рау,— это от кочевого древневековья.

Сказал возница:

— Это в степи пасутся стада и табуны и костры разложены, чтобы пугать волков, которые рыщут по степи. Особенно много развелось волков после революции.

В Бальцер приехали ночью, в кантон, с улицами, проложенными линейкою и заложенными пылью по щиколотку. Кантон спал, прикрыв ставни. Выли по-степному собаки. Небо также было степным. На постоялом дворе блистательствовала чистота. Дали четыре полотенца и две постели. Электричество погасло в час ночи.

Наутро в палительном зное перед глазами прошел Бальцер, этот кантон, где в каждом доме ткнут сарпинку,— сарпинка — Сарепта — сарептинские немцы. День прошел кожевенным заводом, где нечем дышать от удушья падали, клубами пшеничной пыли вальцовой мельницы, горами подсолнечной шелухи маслобойного завода. На литейном заводе отливали части для фур и для сеялок. За невероятностями пыли из зноя переулков, около реки Голый Карамыш стояла сарпинковая фабрика, немки склонялись над ткацкими машинами в немецком порядке и чистоте. Бальцер — кантон, индустриальный центр,— фабрики, уничтожающие кустарничество,— и все же кантон весь день шелестит необыденным, странным для степного зноя шелестом кустарных ткацких станов: это в домах ткут сарпинку женщины, дети, мужчины.

В новом закате отдыха от зноя «форд» контрольного исполкома (у волжских немцев в каждой волости по «форду») понес ученых в Дэнгоф, в село кустарей и школьных раскопок, на родину фрау Шварцкопф и фрау Трэнклер, в прямые немецкие улочки с белыми домами за ставнями и заборами. Учитель Кэрнер показал новые буквари, толковал о многополье и водил на свою плантацию — и в конюшне у него за притолоку были засунуты сушеные щучьи головы — от злого глаза. Дэнгоф шелестел ульем прялок в керосиновом мраке окон средневекового ткачества. Ночь засветилась свечою месяца над степью и кострами в степи. Тогда колония уснула. Последний верблюд прошагал к воротам.

В каждом доме ткацкие станы, мужчины, женщины, дети сидят за станками, ткут сарпинку,— и в каждом доме пахнет свежим ситцем. Дингес написал количество станов в колонии, выработки, процент туберкулезных и близоруких, стопроцентность кооперативности ткачей,— и записал названия частей фуры, частей трубки, частей станов и сундуков, чтобы вскрыть столетия. Доктор Рау в архиве сельского совета раскапывал родословную шульмайстера Шварцкопфа и пфарера Трэнклера, чтобы совместно с Дингесом расследовать историю черного глаза. Дингес и Рау ходили по старикам и старинным домам, просили показать им старинные трубки, сундуки, платья, веретена, убеждали отобранное прибрать для музея, тут же заполняя благодарственные от музея грамоты. В одном из домов они нашли старинные, еще от Германии, очки. Еще

утром учитель Кэрнер сообщил, что он, вернувшись с плантации, отправит свою жену с учеными к знахарке. После вечернего кофе фрау шульмайстерша Кэрнер пошла с учеными к бабушке. Дом бабушки, как все дома, главную комнату заставил ткацкими станами, под окном у стана внучата устроили свою кукольную комнату и забились туда, чтобы посмотреть гостей. Бабушка приняла гостей в новом платье и привела их в столовую, предложила медовых пряников и по рюмке портвейна. Бабушка села в кресло к камину, и гости сели вокруг ее. В первых фразах бабушка сообщила, что она никоим образом не связана с темною силою и верная лютеранка,— все ее знания у нее от бабушки, верные знания, потому что ее прапрапрадед был студентом и лекарем в Саксонии. За свою жизнь она приняла шестнадцать тысяч детей и немногим меньше количество людей — за эти годы голода и смерти — обмыла перед гробом. Она побранила врачей, которые заставляют женщин ложиться во время родов, и с гордостью заявила, что все роженицы рожали стоя, как и требуется природою. Дингес расспрашивал бабушку о фрау шульмайстерше Шварцкопф,— бабушка подтвердила истинность истории, сообщив, что все это произошло, когда она была уже замужем. Затем бабушка отвела шульмайстершу Кэрнер в отдельную комнату, чтобы дать несколько советов и побеседовать об их женских делах. Фрау Кэрнер вышла от бабушки, гордая, смущенная, раскрасневшаяся, и ничего не рассказала мужчинам о советах бабушки — дома же, по настоянию мужа, передала профессору Дингесу для музея порошочки из кирпича, останавливающие кровь, и порошочки из лягушачьих костей и менструальной женской крови, привораживающие любовь. Учитель Кэрнер толковал за ужином о преимуществах корнеплодного хозяйства в деле кормления животных.

Новым вечером «форд» отнес ученых в новое село, где так же шелестели немецкие станы. Та ночь не принесла отдыха от зноя. Улицы задыхались от жажды закрытыми ставнями окон и серебряной свечою месяца в небе. В доме, где остановились ученые, на полы в комнатах клали мокрые полотенца, чтобы утолить жажду комнат. Хозяин дома — ткач Юнг — провел гостей в гостиную. В парадной комнате стояли клавесины и две кровати за десятком подушек. Хозяин был молчалив и очень черен, заросший черной бородой.

— Если мои господа хотят,— сказал ткач Юнг, беспомощно улыбнувшись,— если мои господа хотят, мы с женой сыграли бы и спели для удовольствия гостей. Мы всегда проводим отдых в пении.

Ткач Юнг тихо улыбнулся, лицо его стало блаженным. Он извлек из клавесин несколько звуков — удивительные звуки, выцветшие в этом степном зное. Жена села рядом с мужем и запела. Муж подпевал клавесинам и жене. Запели дети, став около матери. Лица всех певших были умилены. Профессор Дингес записывал слова песни: песнь сохранилась еще от Германии, выцветшая в

степи и переиначенная столетьем зноя. Семья ткача Юнга оказалась духоборческой семьей.

IV

Немец Карл Шваб, рыжеусатый, безбородый, черноволосый человек, кадык которого походил на его колени, а кадык и колени вместе — на его трубку, торчавшую из рыжих усов, кареглазый, впалогрудый человек, после жесточайшего голода 1920 года, дошедшего до людоедства, ушел из колонии на отруб. Карл Шваб получил надел недалеко от Волги, где степь обрывается в Волгу горами, надел был на опушке леса, на краю оврага. Лес стоял рядом, кленовый и некленовый, зеленый лес. Карл Шваб решил строить «кутор», как немцы называют хутора, неподалеку от овражного обрыва.

Еще зимой перевезя сруб и прочие материалы, конец зимы прожив у соседа, посеявшись с весны, летом Карл Шваб, переселившись со своей семьей на новый кутор, приступил к постройке дома. Работали он, его сыновья Иоганн и Фридрих, его жена Марта и дочери Мария и Виктория. Семья была молчалива и дружна. Сыновья строили себе отдельные комнаты, ибо решено было осенью жениться. Девушкам предполагалась светелка, чтобы коротать время до брака.

Во временном сарае, где хранились сельскохозяйственные машины и домашняя утварь, где люди спали и питались, на полке, над обеденным столом, хранились сельскохозяйственные журналы и проспект стандартного строительства на немецком языке. Мужчины вечерами перепроверяли планы, задуманные еще зимой.

В августе, когда пшеница была убрана, когда была закончена постройка дома,— на кухне возникла немецкая печь, обмазанная глиной и известью, целое немецкое строительство со многими печурками, топками, подтопками, с кубом для выварки белья и для варки мыла, с плиткой для кофе, с духовкой для супа и с другой духовкой для кухэнов,— целое строительство под аркой; хозяйка должна работать под этой аркой, чтобы справа и слева от ее руки были все эти топки и подтопки, чтобы камин грел ее ноги, камин, в котором также можно коптить свиные окорока и грудину. Над камином вбиты были вешалки для подсушки одежды после осенних дождей и зимних вьюг.

Зимой в метельные дни должны были бы все собираться около камина, чтобы слушать сказки фрау Марты о ведьме из Денгофа, которая превращалась в свинью и которую в свином состоянии однажды поранил прохожий, так поранил, что ведьма гроссмутер такая-то, целую неделю не поднималась с кровати,— средневековые сказки, привезенные сюда из немецкого осьмнадцатого века.

В девичьей светелке висела мадонна, около которой девушки пели, вышивая тряпки, «авэ, Мария». В комнате отцов стояла резная кровать, в несколько этажей заваленная подушками и одеяла-

ми, где из-под нижнего одеяла свисали кружева, сплетенные Мартой. Около кровати стоял сундук, вывезенный еще из Германии, предмет изучения профессора Дингеса. В сараях и в конюшнях у притолок были повешены сушеные головы щуки, охраняющей от чертей, родившихся где-то в Германии: эти рыбьи головы были предметом изучения и Дингеса, и Рау.

В начале сентября, когда поля окончательно были уже обработаны и перепаханы под зиму, отец и сыновья стали копать погреб, чтобы сложить туда корнеплоды.

Было осенью сыро. Встав в пять часов, моросливым рассветом, отвесив корма животным, начав рабочий немецкий день, выпив в половине восьмого кофе из жженой пшеницы, отец и сыновья пошли на двор (построенный степным уметом), там они рыли погреб. Иоганн и Фридрих спустились в яму и выкидывали оттуда землю. Трубка, кадык и колени Карла были медленны и степенны. Старший Иоганн, похожий на отца, рыл в темном углу, перекидывал землю Фридриху. Фридрих, коренастый, как мать, кидал землю отцу.

Лопата Иоганна уперлась в твердое, это не был камень. Иоганн копнул раз, два и три — к ногам его покатилось нечто круглое. В темноте нельзя было понять, что это такое.

— Варт-ман,— степенно сказал Иоганн брату и крикнул наверх: — Фатер!

— Канн-ман,— ответил сверху отец.

Иоганн высунул из ямы на свет человеческий череп. Череп был коричнев и скуласт. Лица Карла и Иоганна выразили ужас. Фридрих глупо улыбнулся. Не меньше чем минуту, то есть вечность при таких обстоятельствах, Карл и Иоганн были неподвижны в ужасе.

— Что ты смеешься, оболтус,— сказал отец Фридриху.

Фридрих проникся страхом. Отец вынул трубку изо рта, все его кадыки удвоились. Иоганн вылез из ямы и стал рядом с отцом. Фридрих также вылез и также стал рядом — с братом.

— Штиль! — сказал отец.— Иоганн, принеси фонарь.

Отец полез в яму. Фонарь осветил куски человеческих костей, торчавших из земли. Отец сел на землю, в страшном ужасе и горе, подпер рукою голову. Он встал и вылез из ямы. Он еще раз осмотрел человеческий череп и еще раз, с черепом полез в яму. Он положил череп к позвонкам, затылком к востоку, как лежал череп, и вылез из ямы.

— Штиль! Шнэль! — сказал отец.— Молчание! Скорее!

Карл взял лопату и бросил ком земли с края ямы в темный угол, где был череп. Сыновья безмолвно последовали примеру отца. Трубки не было в зубах Карла. Фридрих от природы был глуп, как знали все в семье. Лица Карла и Иогана были покорны судьбе. Теперь уже Фридрих возил землю на тачке от конюшни к яме. Моросил мелкий дождь. Степь была пуста и печальна.

Двадцать минут двенадцатого Марта позвала обедать. Отец

воткнул лопату в землю под навесом, ничего не сказав. Мужчины молча вымыли руки и сели за стол, около андерсеновской печи, которую Марта уже побелила, вытопив.

Обедали молча и молча после обеда пошли спать до кофе.

После кофе до сумерек мужчины завалили яму в излишней для немцев поспешности. Заваливать — куда быстрее, чем выкапывать, и наутро мужчины кончили работу.

Тогда отец сказал сыновьям в последний раз:

— Безмолвие! — женщины не должны знать, никто не должен знать. Мы начнем копать погреб в другом конце двора.

Женщины не спросили мужчин, почему мужчины переменили свои планы, и тем не менее, потому что иной раз вести распространяются без человеческих слов, Марта, мать, в этот вечер, после вечерней в половине седьмого пищи, когда семья собралась около камина против арки, где священнодействовали женщины, когда мужчины повесили свои картузы над печью,— Марта иноречиво рассказала историю шульмайстерши Шварцкопф, бывшую в памяти Марты, когда она была девочкой,— когда фрау шульмайстерша имела черный глаз, ради которого фрау пфарерша Трэнклер вынуждена была покинуть богатый свой дом и поступить работницей к патеру. Фрау Марта рассказала эту правдивую историю, косо поглядывая на мужа, иноречиво задерживаясь на паузах. Дочери в страхе жались к матери, младшая прятала голову от огня камина. За домом, в степи, гудели осенние ветры и шипел дождь. Лицо Фридриха было расстроено. Иоганн и отец были каменнолицы.

— Надо иметь спокойный сон, жена,— сказал Карл и поднялся со стула без четверти девять, чтобы задать скотине на ночь и в девять быть в постели.

Отец всегда один выходил в этот час на конюшню, сейчас он сказал старшему сыну: — Ты пойдешь со мной, мальчик...

Сын зажег фонарь, чего обыкновенно не делалось,— отец не упрекнул его в неэкономности. На дворе было очень темно, гудел над степью ветер и хлестал по кутору дождь, в черном мраке. Мужчины шли рядом, сын жался к отцу, и сын сказал отцу шепотом:

— Страшно, папа.

— Да, очень страшно,— также шепотом ответил отец и положил руку на плечо сына, приласкал сына отцовской своею рукою.— Очень страшно, мальчик.

Наутро мужчины стали рыть погреб в другом конце двора. Иоганн перекидывал землю Фридриху, Фридрих наваливал землю на тачку, отец отвозил землю к конюшне. И через неделю произошло то же, что было девять дней назад: Фридрих откопал человеческий скелет. Лица всех троих теперь изображали ужас. Отец долго сидел на тачке, оперев щеки ладонями, трагически качая головою. Мужчины в безмолвии и поспешности стали заваливать яму. Яма была завалена и сравнена с землею.

Сентябрь уже перевалил на октябрь, начались заморозки. Отец решил рыть погреб в подполье. И опять через неделю труда найдена была могила, теперь уже много человеческих костей и среди них не человеческий уже, но лошадиный череп и около черепа непонятная золотая монета.

Подполье было закопано.

В эти девятнадцать дней рытья погребов Карл Шваб совершенно поседел.

— Мы не хотим больше иметь погреба,— сказал отец.— Мы бедны, чтобы покинуть это место. Молчание! — жизнь всегда идет наряду со смертью, если это не есть злой глаз.— Молчание!

В ноябре подули первые метели.

Карл Шваб построил свой кутор на старом кургане. Есть обстоятельства, когда вести расходятся по людям без слов: никто с кутора не мог бы указать, каким образом узналось и в Бальцере, и в Дэнгофе о том, что род Карла Шваба спознался с нечистью, совершенно средневековою силою, подсунувшей под кутор Карла Шваба мертвецов.

Зима в этом году была снежна и метельна, дороги к кутору замело снегами. Сыновья Иоганн и Фридрих в том году не поженились, как предполагалось, и даже не сватались.

Весною к Карлу Швабу приезжал археолог доктор Пауль Рау, чтобы обследовать курган. В начале лета к Карлу Швабу приезжал профессор Дингес, чтобы установить, как возникают легенды о черном глазе. Обоих их у ворот встречал седой старик Карл, с трубкою в зубах, в широкополой соломенной шляпе. Его взгляд был покоен и непроницаем. Он был неприветлив и обоим приезжавшим говорил одно и то же.

— Что вы хотите от меня, мои господа? — у меня нет только погреба, и больше ничего. Прошу не позорить моего дома.

Все в округе знали, что у Карла Шваба — именно нет погреба.

После приезда этих ученых людей к Карлу Швабу — и в Бальцере, и в Дэнгофе подлинно знали, что Карл Шваб, превратившийся за зиму в старика, уступивший работу сыновьям, не только спознался с черным глазом, но и сам возымел его, упорно о том замолчав.

Так возникают истории, подобные истории фрау шульмайстерши Шварцкопф.

VI

...Степь, степь, солончаки, поля пшеницы, солончаки, ковыль, полынь, степь. Зной. Изредка побежит-побежит по земле, разбежится, оттолкнется от земли, полетит — дрофа. Изредка встанет межевым столбиком сурок. Изредка продымит около дороги трактор. Изредка пройдут верблюды. Изредка видны курганы. Степь, заволжье, зной. Там впереди — уже за десятками, а не сотнями верст — земли Казахстана, Киргизия, Азия. Безлюдье. Степь. Зной.

И вот сейчас же, за десятком верст от Волги, когда позади точно рядом волжские горы,— впереди в степи возникла чудесность — возникли пальмы, мирты, виноградники, озера, воды, непонятные человеческие стройки, фантастика, чудесность,— все то, что написано в манифесте Екатерины Второй. Это — мираж.

Над степью зной. Впереди некие минуты стоит мираж, блекнет и растворяется в ничто. За миражем впереди — степь, изредка курганы, на горизонте горб верблюда, синий воздух, колеблющий пространства. И вновь возникает мираж, вновь к тому, чтобы утвердить манифест императрицы Фелицы. Пустыней степи идет день, зной дня, солончаками, пшеницами, курганами, дрофами. Все больше и больше солончаков, выгоревшей, мертвой земли, окаймленной ковылем. В закате опять возникают миражи, необыкновенные растения, необыкновенные леса и города. И тогда впереди возникает громадная плотина, обсаженная деревьями, громадное озеро, громадные пространства садов и плантаций. Это немецкие оросительные плотины — научная станция, где изучают плод, зерно и почву.

И навстречу летят триллионы субтропических комаров. Там, за этими клоками солончаковой степи, залитыми теперь, в эти последние годы, водой,— за этими плотинами — киргизская степь, тысячи, громадные тысячи верст кочевнической Азии.— Около солончаков стоят гряды курганов, сарматские ли, скифские, монгольские — эти курганы, грядою уходящие вдаль по вершине балки. Курганы оказались аланскими.

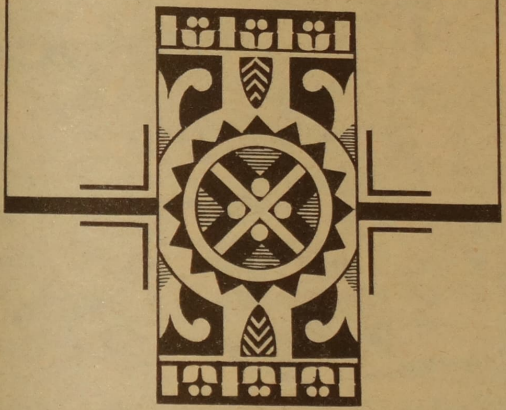
В городе Покровске, в музее, где постоянно работают профессор Дингес и доктор Рау, изредка собираются на заседание экономист Генрих Шлэгель, кооператор Виктор Штромбергер, статистик Николай Либих, общественные деятели,— иногда заходят члены немецкого правительства. Тогда ведутся очередные рабочие разговоры, о менно-голландском скоте меннонитского коппентальского района, о холодильном деле, о хлебозаготовках, о кустарном ремесленничестве, о растительности заливных волжских лугов, о сыроварении, о бэконном деле, о многом очередном прочем.

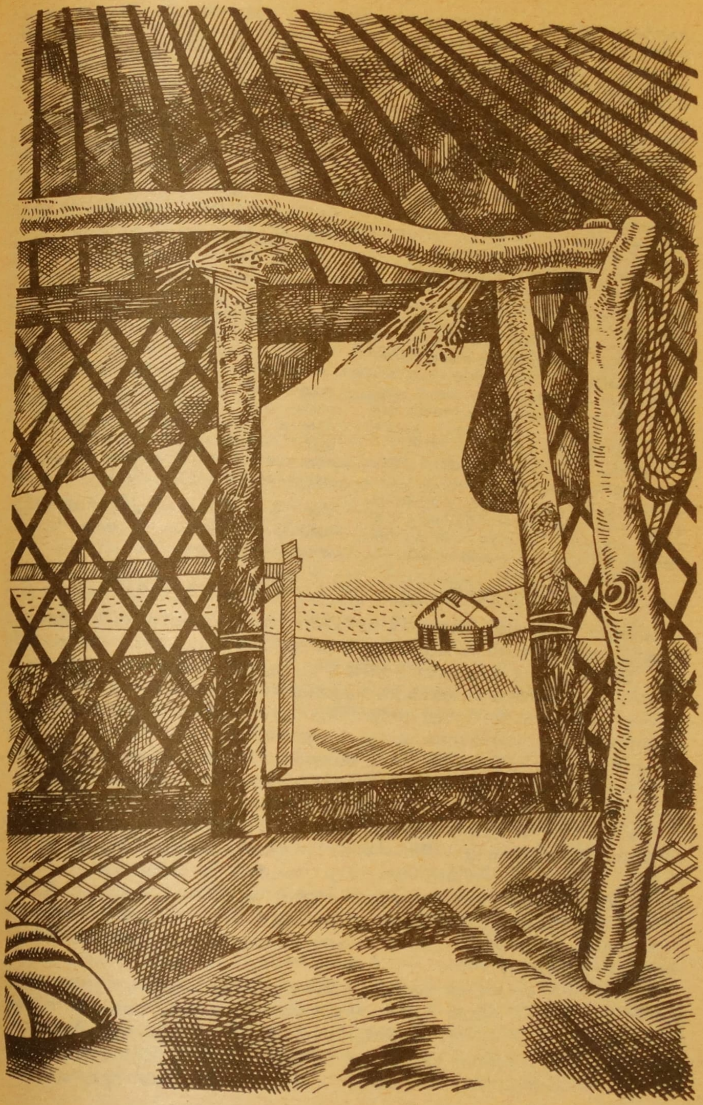
Осенью на улицах Покровска грязь по уши. Зимами над Покровском, над степью, лежат белейшие снега, проходят бураны.— За буднями разговоров в музее, когда заседания заканчиваются и остаются доктор Рау и профессор Дингес, эти два рыцаря своей родины, когда они говорят о своих работах, так же обыденно, как на заседании,— говорят о вновь разработанной сказке и о новом разрытом кургане, о платьях, принесенных в музей из могил,— тогда возникает — здесь в этих музейных комнатах — возникает история, наука этой страны. За стеклами витрин лежат человеческие черепа, камни и утварь тысячелетий курганов.

Борис ПИЛЬНЯК

Ямское поле;
апрель 1928.

Мифы и легенды казахов





КАЗАХИ, казах (самоназв.), устар.— киргизы, киргиз-казаки, киргиз-кайсаки, народ в СССР, коренное население Казахстана. Общая численность 6 556 000 чел., в т. ч. в Казахстане 5 289 000 чел. Живут также в Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Таджикистане и в некоторых областях РСФСР. За пределами СССР 1 060 000 чел., в т. ч. в Китае 960 000 чел. и Монголии 96 000 чел. Относятся к южносибирской (туранской) переходной расе. Язык кыпчакской подгруппы тюрк. группы алтайской семьи; имеет три диалекта: зап., сев.-вост. и южный. Лит. язык на основе сев.-вост. диалекта. Распространен также рус. яз. Письменность на рус. графич. основе. Верующие — мусульмане-сунниты.

Традиц. занятие — кочевое скотоводство, в т. ч. коневодство и верблюдоводство, базировавшееся на круглогодичном пастбищном содержании скота. Земледелие (поливное) носило вспомогательный характер.

Традиц. ремесла у женщин — прядение овечьей и верблюжьей шерсти, изготовление ковров и войлоков, вышивание, шитье золотом и бисером, плетение циновок; у мужчин — ювелирное, обработка металла, резьба по дереву и кости, тиснение кожи. В годы советской власти казахи перешли к оседлости. Животноводство стало отгонно-пастбищным. Широкое развитие получило механизир. земледелие.

Традиц. поселение — аул. Осн. вид традиц. жилища — юрта. Были широко распространены зимние постоянные жилища: каменные шошала, или тошала, и юртообразные постройки из дерева, плетня, дерна и камыша, а также землянки (жертоле, или казба уй).

Основу традиц. питания с весны и до осени составляло молоко, в осн. в сквашенном виде (катык или айран — из овечьего и коровьего молока, кумык — из кобыльего), сыр; с ноября — мясные и растит. продукты.

У казахов сохраняется богатый фольклор — песни, эпич. сказания, исполняемые сказителями — жырши, творчество поэтов-импровизаторов — акынов. Большую роль в духовной культуре играют генеалогические предания, эпос («Кобланды», «Козы-Корпеш», «Баян-Слу» и др.) и сказания.

(Из книги «Народы мира. Историко-этнографический справочник». М., «Советская энциклопедия», 1988)

КИРГИЗ-КАЙСАКИ, НОГАЙЦЫ, КАЗАХИ...

Самым молодым народом на Волге можно назвать казахский народ: кочевья киргиз-кайсаков (так до 1917 года называли казахов) появились в низовьях Волги в начале XIX столетия. Но то — на Волге. А истоки казахского народа, как и любого другого, уходят в незапамятные времена. Вот что известно современным историкам о становлении казахского народа.

В середине VI века по Р. Х. возникло первое раннефеодальное государство — Тюркский каганат. В начале VIII века на территории между реками Или и Чу образовалось государство тюргешей, в 766 году — государство карлуков. В Тюргешском, а позднее в Карлукском каганатах (766—940) феодальные отношения развивались более интенсивно. Возникли города, становившиеся центрами ремесленного производства и торговли (Тараз, ныне — Джамбул, и др). Расширялись экономические связи городов с кочевыми племенами, появились деньги (выпускались монеты местной, тюргешской чеканки).

В VIII—X веках на юге современного Казахстана утвердился ислам. В IX—XI веках западные и юго-западные районы Казахстана входили в раннефеодальное государство огузов. Через их территории проходили караваны в Мавераннахр, Иран, Китай, на Кавказ, в Поволжье. Огузский каганат поддерживал связи с

Русью. Северо-восточные и центральные районы Казахстана в VIII—XI веках населяли тюркские племена у кимаков и кипчаков. Восточные авторы называли этот обширный район Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь). Основное занятие кимаков и кипчаков было скотоводство.

В I-й половине X века в Семиречье вторглось тюркское племя ягма из Восточного Туркестана. На базе распавшегося под ударами ягма Карлукского каганата образовалось феодальное государство караханидов. В конце X—I-й половине XI веков караханиды создали крупное феодальное государство, включавшее Кашгарию, Семиречье, Мавераннахр. Во второй половине XI века в обстановке междоусобной борьбы феодальных группировок начались войны с сельджуками, захватившими Мавераннахр. Распад государства Караханидов был завершен вторжением в Семиречье в 30-е годы XII века киданей (каракитаев), которые создали в Средней и Центральной Азии государство Каракитаев. В середине XII века от ослабленного государства Каракитаев откололся Хорезм, но власть каракитаев в Семиречье сохранялась до нашествия монголо-татар.

В 1219—1221 годах территория современного Казахстана была завоевана монголо-татарами и поделена между сыновьями Чингисхана. В период монголо-татарского господства Казахстан входил в Золотую Орду, а после ее распада — в Белую Орду и Моголистан. Белая Орда, объединявшая огромную территорию, в конце XIV—начале XV веков распалась на несколько владений, среди которых наиболее крупными были Ногайская Орда и Узбекское ханство. Ногайская Орда занимала районы между реками Яиком (Уралом) и Волгой, а Узбекское ханство — от Аральского моря до Яика на западе, Тобола на севере и до Иртыша на востоке.

В этническом отношении они объединяли местные тюркоязычные племена, еще не сложившиеся в единую народность. (Образование казахской народности и казахских ханств пришлось на середину XV — начало XVIII веков).

Семиречье, возрождавшееся после монголо-татарского господства, явилось центром объединения казахских племен. В конце XV — начале XVI веков здесь возникло Казахское ханство. При хане Касыме (правил в 1511—1523 годах) Казахское ханство укрепилось, расширились его границы, численность достигла миллиона человек. К середине XVI века, после распада Ногайской Орды, а позднее Моголистана и Сибирского Ханства, казахские роды, входившие ранее в эти государства, объединились с основной массой своего народа.

Казахское ханство делилось на жузы (районы): Старший жуз (Семиречье), Средний (Центральный Казахстан) и Младший (Западный Казахстан). На территории жузов в XVII веке образовались самостоятельные ханства. Казахское общество состояло из двух основных классов: феодалов (ханы, султаны, бии, батыри, баи, ходжи) и феодально-зависимых крестьян — шаруа. Особую

прослойку составляли патриархальные рабы — кулы. Наряду с многообразными нормами обычного права (адта) действовали также некоторые нормы феодально-мусульманского права (шариата). В начале XVIII века при хане Тауке был составлен свод норм обычного права Жеты-Жаргы, определивший основные принципы феодального правопорядка.

В начале XVIII века Казахстан переживал большие трудности. Казахское ханство дробилось, не прекращались междоусобицы. Наиболее влиятельным среди казахских ханов был Абулхайр, власть которого распространялась на большую часть Младшего жуза. В Среднем жузе существовали ханства Семеке-хана, Кушук-хана и самостоятельные владения султанов Барака и Абулмамбета. В это время Русское государство уже граничило с Казахстаном. В XVII веке на территории современного Казахстана возникли русские города — Яицкий городок — Уральск и Гурьев.

В начале XVIII века большую опасность для казахов представляло Джунгарское ханство. Казахские ополчения в 1710, 1728, 1729 годов наносили войскам джунгарских феодалов тяжелые поражения, но нападения повторялись. Столкновение с джунгарами (калмыками) начались еще в XVII веке, когда калмыки перекочевали с просторов Китая на Нижнюю Волгу. В 1643 году казахские отряды под командой хана Джангира Есимова три дня отбивали атаки превосходящих сил противника, не давая калмыкам возможности занять узкий перевал. Богатырь Жалантос, прибыв из Ташкента с 20 000 воинов, наголову разбил калмыков.

Побоище с калмыками 1723 года казахи назвали «Актабан шубурунды, алка коль сулама» — годы тяжелого бедствия, так как война была кровавой и опустошительной. Казахи бежали, не сумев объединиться из-за своих постоянных родовых распрей, к тому же калмыки впервые в столкновениях с казахами применили пушки.

В 1725 году приволжские калмыки объявили войну казахам Младшего жуза, населявшим побережье Урала, однако на сей раз военное счастье отвернулось от калмыков: казахский хан Абулхайр разбил в нескольких кровавых сражениях калмыков. Через год на реке Буланты (к западу от реки Сары-су) богатырь Богембай из рода Канжигалы дал решительное сражение калмыкам и победил их, развеяв окончательно миф о непобедимости калмыков.

Несмотря на победы, война ослабила Казахское ханство, и хан Абулхайр тогда же, в победном для него 1726 году от имени старшин Младшего жуза обратился к России с просьбой о подданстве. В 1731 году она была удовлетворена, что и явилось началом добровольного присоединения Казахстана к России.

По просьбе Абулхайра русские в 1735 году построили крепость в устье реки Ори (современный Орск), сыгравшей важную роль в укреплении влияния России в Казахстане. В 1731—1740 годах некоторые ханы и султаны Среднего жуза приняли российское под-

Киргиз-кайсаки. Гравюра XIX века

данство. В 1741—1742 годах джунгарские войска вновь вторглись в Средний и Младший жузы, но вмешательство русских пограничных властей заставило их отступить.

В середине XVIII века обострилась борьба между феодальными группировками, в результате которой хан Абулхайр был убит (1748). Его сын Нурали, ставший ханом Младшего жуза, безуспешно пытался распространить свою власть на часть Среднего жуза, а также на Хиву. Старший жуз, большая часть которого находилась под властью джунгаров, после разгрома Джунгарии Китаем (1758) оказался под угрозой захвата маньчжурскими феодалами. Южные районы Казахстана, включая г. Чимкент, были захвачены Кокандским ханством.

Вследствие раздоров между потомками Нурали и Айчувака, наследников Абулхайра, один из сыновей Нурали, султан Букей, испросил в 1801 году высочайшего разрешения от императора Павла I на переход с приверженными ему, Букею, казахами, большею частью байулинского племени, из-за Урала на степи, лежащие между Астраханской и Саратовской губерниями и землей уральских казаков. Этот переход, совершенный Букеем в том же году с 5000 кибиток вместе с присоединившимися к ним потом до 1803 года еще 1260 кибитками, и положил начало так называемой Внутренней, по расположению ее на внутренних землях Российской Империи, или Букеевской, по имени ее основателя, орды.

После смерти ханов Среднего жуза Букея (1815) и Валия (1819) ханская власть была ликвидирована, и в 1822 году введена новая система управления. Так называемый «Устав о сибирских киргизах», разработанный М. М. Сперанским, предусматривал создание 8 внешних округов во главе с окружными приказами. Это привело к возникновению в степи городов Аягуза, Кокчетава, Каркаралинска, Атбасара и других.

Округа делились на волости во главе с волостным управителем. Административный аул во главе со старшиной объединял от 50 до 70 кибиток. В 1824 году ханская власть была ликвидирована и в Младшем жузе. Территория жуза делилась на три части во главе с султанами-управителями. Ограничивались права султанов, биев, батырей, запрещалось приобретение новых кулов (рабов), что вело к отмиранию патриархального рабства.

В 20-х—30-х годах XIX века резко обострились земельные отношения, что привело к крестьянскому восстанию (1836—1837) под предводительством И. Тайманова и М. Утемисова. После смерти хана Джангира (1845) царское правительство упразднило ханскую власть и в Букеевской орде.

В 40-е годы прошлого столетия участились набеги грабительских отрядов Кокандского и Хивинского ханств. Казахи обратились к русским с просьбой о помощи. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В. А. Перовский организовал поход в 1853 году против кокандской крепости Ак-Мечеть, которая была взята и превращена в опорный пункт.

В 60-х годах XIX века завершилось присоединение казахских земель к России. Реформой административного управления краем 1867 года созданы Семиреченская и Сырдарьинская области в составе Туркестанского генерал-губернаторства, в 1868 году Уральская и Тургайская в составе Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская области в составе Западно-Сибирского (позднее — Степное) генерал-губернаторства. Области делились на уезды, уезды — на волости, волости — на административные аулы (120—200 кибиток). Вся земля объявлялась государственной собственностью.

За годы советской власти Казахстан кардинально изменил свой облик: построены современные города, дороги, создана промышленность, что позволило казахскому народу в 1991 году создать собственное государство.

А. ГАЙСЕНОВ

ИЗ ЖУРНАЛА, СОСТАВЛЕННОГО ПОРУЧИКОМ ГАВЕРДОВСКИМ, ИВАНОВЫМ И БОГДАНОВИЧЕМ ВО ВРЕМЯ ИХ ПОЕЗДКИ В БУХАРУ ЧЕРЕЗ КАЗАХСТАН.*

Об одежде киргизцев и о прочих до сего касающихся обстоятельствах.

...Окружавшие нас от всюду киргизцы подавали частые нам случаи рассмотреть одежду и сделать об оной наши расспросы и замечания.

Она малым чем разнствует от татарской, покрой ее у киргизцев одинаков для всех их званий, кроме, что богатый имеет оную лучше и чище против неимущих. Снизу они носят из бухарской, бумажной материи бязи, маты до колен распашную рубашку, *джига*, и портки или широкие штаны той же материи, сверху же надевают по два и более бухарских бумажных халатов, джапан. Богатые имеют оные из шелковой материи, а иногда и из парчи. Любимый киргизцев наряд состоит из суконных кафтанов, которые во всем подобны халатам и называются *чуга, чакмень*; превосходный же по ихнему должен быть красного цвета и голландского сукна. Для зимы имеют они овчинные, собственной выделки, тулупы, для чего употребляют также лисьи и беличьи меха, покрывая их сукном, а иногда малиновым бархатом.

Бедные же, за неимением сукна и халатов, довольствуются своего произведения армяками, материю для коих ткут из верб-

---

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19208, лл. 44—45, 49—51, 54—55, 57—58, 60—61, 65—68, 71—72 и об.

Опубл. (частично) в журнале «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, с. 43—60.

люжьей шерсти и называют оную *чакмень*; еще делают они себе мягкое и прочное платье из обчищенных от шерсти козьих и бараньих кож, называемых *яргак*, коих, окрашивая иногда в желтый и красный цвета, употребляют на шитье халатов и шароваров. Сия кожаная одежда почитается у киргизцев за способнейшую от мокроты, которую и в дорогах носят они по большей части сверху; для сего, а особливо на зиму имеют они еще одежду, *джака*, которая шьется из выделанных кож молодых жеребят, обращая оные для прочности шерстью наружу, а низ подбивают сукном или армячиной, гриву же приноравливают всегда на плечи и спину, [которая] по ихнему не малым служит одежде сей украшением.

Джаки сии бывают деланы из шкурок только что родившихся жеребят или преждевременно выкинутых, которые, будучи подбираемые к куску и цветам шерсти, удаются в одежде сей отменно хорошими. На голове носят киргизцы зимою суконные и бархатные, подбиваемые различным мехом, шапки, *тумак*, концы коих по бокам висят до плеч, а сзади закрывают часть спины; для лета же делают они из козьей и овечьей шерсти и особливые еще себе шапки, называемые *калпак*. Как сей, так и первый головные наряды бывают у них очень высокие, кругообразны, подобно конусу. Под низ оных на голову, которая всегда начисто бывает обриваема, надевают они остренькую на бумаге или шерсти стеганную шапочку, *калякушм*; они делаются из бархата, сукна и других материй, выкладываются местами позументом; вышиваемы иногда бывают разными шелками, шерстью и бумагой, и опушаются выдрой и бобром.

Сапоги, по-киргизски — *итак*, носят всегда они из юфтянной кожи, которая у них называется по имени древнего города *Болгар*; шьют они их сами бараньими жилами, длиной до самого колена с одним на боку швом; вместо подошвы кладут несколько листов сей же кожи и обивают для скрепления оных сплошь небольшими гвоздями, носик сапогов сих они заворачивают кверху и к концу оных пришивают тоненькой в вершок длиною кусок кожи; каблуки же возвышают до двух вершков.

Богатые киргизцы покупают также сапоги, шитые из бухарского сафьяна, который, как уверяли, делается из некоторых твердых частей лошадиной кожи, называемой *сауры*; выделка же сафьяна сего совсем особлива от кож наших.

Киргизцы подпоясывают себя всегда узким ремнем с пряжкой, к коему пришивают с ножем ножны, и много различных сумочек для пуль, пороху, огнива, труту и для протчих мелких поклаж, как возят они всегда при себе; их украшают мелкими медными и серебряными бляхами. Весь пояс сей с прибором называется у них *коя*.

Киргизцы пешком никогда не ходят; и тогда, когда нужно перейти одну только версту, седлают себе лошадь; а в аулах своих и сие исполняют их жены и приводят ленивым мужьям своим оседланных же лошадей к самым их кибиткам. На сей случай киргиз-

цы имеют в аулах особливых лошадей, кои уже с табунами не мешаются; но ходят на корму около кибиток так чрез целое лето, а на зиму заменяются для сего другими.

В самый малый путь ехать без оружия киргизцы почитают за великий грех; а в случае неимущества, место оного заменяется простой палкой. Собственно оружие их состоит в сабле, копье, луке, *джая* и колчане, *сайдак*, со стрелами, *ок*; имеют также в довольном количестве они ружья с фитилями и без оных. К военной одежде их принадлежат сделанные из железных колец кольчуги или панцири и из железных же листов плоские шапки.

Седла киргизские во всем подобны калмыкским и казанским; но некоторые украшаются еще медью и серебром. Под седло на спину лошадей для ее спокойствия кладут 6 и более войлочных потников, а сверху на седло пушистую подушку, *комчук*. Стремяна бывают более железные с серебряной и золотой насечками, как и других металлов, а иногда и деревянные. Узда, *саулук*, делается из ремней с двумя при удиле большими пальцами, к которым иногда для украшения привязывают шелковые платки. Плеть, *камча*, всегдашний сопутник всех киргизцев, бывает иногда у них чрезвычайной величины и толщины.

Киргизцы при выезде в путь запасаются *крутом** и сушеным мясом, а так же ковшиком и из коровьей кожи небольшим мешком, турсук. В сей наливают они воду и кладут туда изкрошенный крут, который во время езды при трясении воде придает острый вкус крута и питательность. Сим только в дорогах и кормятся киргизцы, и 10 ф. такового запаса довольно для одного на целый месяц; хлеб же вовсе у них не в употреблении, кроме разваренных в воде круп, смешанных с овечьим салом: но и сие редко и только посреди семейства их.

Киргизцы ростом довольно высоки, но более средне; в молодости телом бывают статны и собою пригожи, кроме ног, которые от всегдашней верховой езды кривы и с нуждой поддерживать могут тело их, а сие принуждает сидеть их поджав ноги**. Лицо имеют они продолговатое, нос плоский и большой, глаза несколько узкие, цвет кожи белый, но от всегдашнего пребывания на солнце, смугловатый. Усы и борода у них небольшие, борода растет только на самом конце подбородка двумя клочками, протчие же на лице изредка растущие волосы выдергивают они щипцами; редкие, однакож, киргизцы имеют бороду окладистую. В сем случае походят они на зюнгорцов; но в окладе лица их имеют смешение частью с древними манжурами, а частью с татарами и башкирцами...

Любимый сын у отца на вершине головы оставляет клочок волос, который заплетаем бывает в одну или две только тоненькие косички, *айдар*, их допускают они висеть по плечам, привязывая

---

* Крут (правильно: курт.— Ред.) делается из засушенного творога коровьего и овечьего молока.

** Киргизцы садятся различно: по-турецки, складывая ноги под себя на кресте, или, припадая на колени, садятся на пятки, иногда же просто только приседают.

к концам шелковые шнурки и серебряные бляшки, что оставляют они до глубокой старости. Сие дает им преимущественное право вступить во владение отцовского имения, хотя бы то и младший против всех других был сын.

Ухватки в обращении у степного народа сего очень дерзки*, а выговор их вообще груб.

Описание женщин, их одежды и о воспитании детей.

Теперь время приступить к описанию женщин, которые здесь так часто уже встречаются нашим глазам.

Вид их от мужского много отличен; они все суть среднего роста, лицо имеют круглое или широкое с узкими глазами и плоским носом, сие происходит может быть от того, что киргизцы всего более стараются брать себе в замужество калмычек, да и природные киргизки, дабы иметь плоской нос, то в молодости они его вдавливают, ибо сие между ими считается немалой красотой. Цвет кожи их смугловат, волосы имеют черные и длинные, а тело толстое; до 25-ти лет бывают довольно хороши, но потом становятся отвратительны.

Для головного убора киргизки берут 4 и 5 аршин тафты или кисеи, называемой у них особенно — *урпяк*, и сею сначала накрывают себе голову подобно как шалью; потом надевают стеганную на хлопчатой бумаге или войлочную шапку, которая, будучи пышною, до осьми вершков, фигуру имеет подобную отрезанному конусу, но несколько к верху сдавленную. Верх шапки сей обвивают они узким до поларшина и в 3 аршина длиной куском кисеи же, тафты или парчи; сию обвивку вместе с шапкой называют *джаулук*. Потом висящими концами наложенного прежде на голову урпяка перевертывают взад и вперед около головы и тем прикрепляют шапку, а остальные концы, обшитые иногда позументом и бахрамой, опускают вперед ниже пояса, а сзади свешиваются оное из-под шапки во всю ширину материю и закрывают иногда все плечи и половину спины. Джаулук увивают они еще в ладонь ширины тесьмой или лентой, которых концы висят до самых колен. Волосы часто разделяют на три косы, из коих две, тонее заплетенные, лежат на обе стороны до пояса, или завиваются под урсяком, а третья, будучи зашита от самой головы в бархат или другой какой материи сей висит под платком на спине до самой земли и затыкается за пояс. Сия коса или лопасть украшается вся серебряными монетами, мелкими бляшками, змеиными головками, марьянами, на низу оканчиваются шелковой кистью и называется *коджбов*. На лоб до самых глаз надевают они *очелон-бярпяк*, унизанный также серебром, жемчугом, марьянами и корольками; от сего нитки идут

---

* Случалось, что часовые казаки в нашем лагере при малейшем удержании киргизцев, желавших иногда идти в непозволенное место, были опасно угрожаемыми сими, как вынимая ножи свои, готовились часто разить им сопротивлявшихся.

с украшениями теми по обеим щекам до шеи и кругом оной и называются *чупуртма*. На груди носят они серебряные, медные, а иногда и жестяные в ладонь и более ширины бляхи (маджраня) с другими украшениями и вокруг висящими монетами; также шапку их и ворот рубашки любят они украшать разными вещами; более же шею оставляют открытой, увешивая оную бусами.

На низ надевают киргизску[ю] бязинную, китайчатую или шелковую и даже парчевую длинную до пят нераспашную рубашку *(куляк)*, в которой ходят дома и на работу; но для наряда носят обыкновенные заплаты с узкими длинными до земли рукавами; или шубы, смотря по богатству, в прочем, кроме головного убора, во всем одеваются подобно мужчинам, даже в рассуждении штанов и сапогов. Подпоясываются они шелковыми поясами и ремнем коя; а особенно любят носить перстни, кольца и в ушах серьги. После сего удобно представить себе можно с каким звоном неуклюже сии щеголихи поворачивают обвешанными вокруг головами их.

Одежда девок ничем не разнствует от описанной одежды замужних, исключая также головного только их убора. У сих состоит оный из острой круглой до 7-ми вершков вышиной стеганой шапке *(такья)*, которая одна только надевается на голову и украшается разными узорами из позументов и шелков; увешиваются разными серебряными монетами и другими приборами женских упомянутых украшений и опушается выдрой или бобром. Они украшают еще шапки свои гусиными и другими перьями. Волосы свои плетут девки в несколько кос, начиная с самого верха головы, и опуская сзади до колен, концы связывают вместе лентой и украшают еще кистьми и серебряными монетами, иногда же разделяют они косы свои на тоненькие косички, кои распускают из-под шапки, по обоим плечам сзади, а на конце каждой вплетают шнурки и привязывают блестки и бусы; сей любимый наряд их называют они *тыллым*. Часто, а наипаче во время езды, к острому концу (такью) пришпиливают два угла платка; а другие два угла подвязывают под шею, чрез что протчие части оставляются висящими назади, а в скорой поездке — отлетающими.

Вот все, что щегольство киргизских женщин имеет лучшего в своих нарядах; оно всегда одинаково, и единообразие сие конечно бы оставляло их без заботы, ежели бы роскошь не коснулась и сего дикого народа и не познакомила бы киргизцев с серебряными изделиями, жемчугом и бархатом, чем женщины здешние вместо мод до крайности украшать себя любят и тем разоряют мужей своих.

Женщины вообще здесь ездят верхом, как и мужчины; но седла их для сего от мужских отменные тем, что сии гораздо делаются шире, задняя и передняя лука у седла выше, а стремена короче. Они сидят на сем седле очень высоко и не менее 10-ти вершков от лошадиной спины, скорча ноги, они уверяют, что им ездить так удобнее и легче. Сверху покрывают они седло богатыми попонами; да и весь прибор лошадиный получают лучший против мужчин.

Киргизцы жен своих и весь пол сей не уважают, почитая их за единственных работников; и надобно отдать справедливость, что женщины здешние до крайности трудолюбивы и попечительны в хозяйстве, которые все находится в их зависимости и ответе.

Для малолетних детей колыбелей киргизки не имеют и никогда оных не пеленают, оставляя природе печись о возрасте их и воспитании; и сия, при самой крайности, снабжает их способностью сносить все скверности климата и нужды. Матери грудных младенцев носят за своими плечами в кожаных сумках, или привязывают на помочи и с ними вместе исправляют все домашние работы. К сему дети напоследок так привыкают, что подростя, без всяких подмог, не слезают с плеч матери и держутся сами собой; иногда же оставляемы бывают оные без всякого призрения и тогда валяются они вместе посреди барашков и козлят: нередко случалось видеть, как сии невинные крошки, ползая между ягнятами вместе с оными, сосали молоко овец и тем утоляли голод их.

До 10-го года возраста ходят дети киргизцев совершенно нагими, и головы в обоих полах им бреют; но в сие время девки начинают уже волосы отпускать и сначала еще только на висках. Как же скоро можно бывает плесть им небольшую косу, то дают платье, отделяют жить в особенную кибитку с прочими женщинами и начинают учить шить. Мальчики, напротив того, до самой свадьбы их или до 15 и 16 лет ходят почти полунагие и ничем не занимаются, разве пасут только табуны скота их; ездят верхом на жеребятах и быках, и, вслушиваясь в поступки отцов своих, готовятся быть подобными им празднолюбцами и хищниками против своих соседей.

Киргизцы вообще сильны и проживают до глубокой старости, очень мало чувствуют они жестоких болезней, а зараз совсем не знают, не видно также здесь и уродов; подобно как и все дети природы редко несут они следы безобразия, и кроме неповоротливости и толстоты киргизцы были бы для виду из числа приятных народов. Невоздержанность к любострастию и главнейший порок их — нечистота, которая видна во всей жизни их, к старости заражает киргизцев венерическими и глазными болезнями, сыпью, ломотой, иногда же посещаемы бывают горячками и зубными припадками.

Ткачное рукоделие киргизок.

Здесь удалось нам рассмотреть, как киргизские жены ткут из верблюжьей шерсти известную в России армячину или род камлота, называемого у киргизцев *чакмень*. Пред дверьми кибитки растянуты были нити основы, как и сотканная уже часть, на кольях по земле без особых к тому приуготовлений, в дверях на двух сошках висела подобная луку овальная палка, между концами которой укреплялись нитяные берда и основа в ее ширину; сию, вместо подножников, сидящая на земле женщина разводила своими руками и пропускала на палочке как веретене намотанный уток. Сим

невыгодным порядком продолжала она производить работу свою целый день, в которой соткала не более 3-х четвертей аршина. Вторая неудобность работы сей та, что киргизки при перекочевках должны всегда оную снимать, заматывать, чрез что оная путается и много портится; но и при всем том отделка их, хотя не может сравниться с уральской, однако крепостью и пользой для одежд киргизцам не менее выгодна...

Продолжение и конец о истории народных перемен и их законоположении.

Для сокращения междуусобных грабежей и для приведения народа к родоначальникам в повиновение, первый хан Тявке и главные бии с общего согласия, сделав законоположения, повестили оные к исполнению во всех родах, а их начальникам утвердили под строгой присягой. Производимое по уставам сим разбирательство народных дел, хотя и успокоило несколько неукротимую кочевого народа дерзость, а от того и связь общественная могла соделаться спокойнее; но как законы сии не были письменные, а переходили из рода в род по одним изустным только преданиям, а напоследок были так переменены, что по необузданностью киргизцев послужили только к большему их развращению, к разным друг ко другу придиркам и к оправданию жадности их к грабежам.

Время от времени приумножившиеся в родах начальники (ибо все дети бывших старшин имели на оное право) раздробили наконец роды на мелкие части, и каждой таковой предводитель, стараясь усилить свое преимущество с приверженным ему коленом, под видом претензий и на основании так же уставов их нападал на других, а от того простые киргизцы, вышед из повиновения, приставляли для получения прибыли к разным другим партиям, и тогда право сильного соделалось общим уставом. Султаны, происходя от ханских детей и быв прежде народными руководителями, в сие время также ввергнись в пренебрежение, ибо звание таковое, будучи наследственно всему мужескому полу, в течение перемен сих соделало их в киргизцах большое количество; а чрез то и поныне пользуются они одними только именами их. Народную же доверенность получают ныне храбрые только наездники, успешные грабители и богатые семьянины, почему родоначальники, солтаны, и хан, не имея сил обуздать своевольство и привесть народ к себе в повиновение, с частью семей своих приближились к линии под покровительство России, а роды, разделясь с новыми биями, удалились в степи, где и живут теперь без всякого согласия.

Законоположение киргизцев, оставшееся у них ныне в слабом подражании, состояло в следующем. Смертоубивство, большое и невыплатимое воровство, обесчещение женского пола наказывалось кровью, или, вместо смерти, по согласию обиженного, заменялось платежом от 200 до 1000 лошадей, что и называют они *куном*. За увечье или раны также платили скотом или отмщением, подоб-

Киргизский султан в семейной юрте. Гравюра XIX века

ным обиде. Воровство возвращалось с виновного, по уверении свидетелей, и против украденного более трижды в девять раз, то есть 10 верблюдов или другого скота вознаграждались 270-ю того рода скотом, к чему еще придавали: к верблюдам — пленных, к лошадям — верблюдов, а к мелкому скоту — лошадей; прочее имение заменялось только против потери. Выплата такая именуется *айбана**.

Для уличения преступника истец должен был представить четырех свидетелей, а при разбирательстве участвовали с обеих сторон поверенные и начальствующие султаны и бии. Когда же уличаемый виновник не явился к суду, и бии принудить его к сему были бессильны, то с согласия поверенных полагалось угонять скот тайно, объявляя об оном встречающимся киргизцам, но не более того количества, каковое по расчету выходило против потери; сия замена называется *барантой***.

Ежели бии в том роде, откуда виновный, не старались о выдаче преступника, или он сам не в состоянии был претензию заплатить, в таком случае отвечали барантой сами бии и все отделения рода их. При возвращении с баранты, киргизцы о пригнанной добыче

---

* Так в подлиннике. Следует читать: Аиб.— Ред.

** Отсюда происходит то известное на границе и только для спокойствия ее вредное имя барантов.

должны были объявлять своим биям и за все суды давать им из претензии десятую долю.

Нападать на соседние земли никогда между киргизцами в преступление не полагалось, но приписывалось еще к главному достоинству...

Какой порядок имеют роды при перекочевках в общем между собой отношении.

Киргизцы во время общей перекочевки имеют таковой порядок, что все роды переходят как бы в одной параллели с тем, дабы не потерять выгодные места для пастьбы, могущие легко быть заняты неурочными киргизцами, в сем и соблюдают они большую строгость. Всякое отделение для зимних кочевьев имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может; в противном же случае рождаются баранты. Так как владеемые ими степи простираются на большое пространство, то трудно и почти невозможно объяснить и переходы их по оным; нередко кружают они с аулом чрез месяц и более в окружности только 40 верст. Но в какой бы упадок низошло скотоводство их, ежели бы не обширные поля вознаграждали мало произрастание, и когда бы жизнь их не сопряжена была с такими обыкновениями!...

О образе производимого киргизцами земледелия.

Подле озера или реки насыпают они небольшой вал, а реку запруживают еще плотиной, которыми вода по разлитии ее весной удерживается в прибылом состоянии на такой высоте, какая нужна к наводнению пашен. От вала по пашне делают они несколько ниже горизонта запираемой воды каналы чрез все пространство шириной до 4-х футов. К сим каналам примыкают опять с разных сторон еще другие, гораздо меньшие бороздки, кои, пересекаясь между собой, пересекают и пашни на многие неправильные отделы. Все каналы и бороздки сии бывают над поверхностью земли возвышены, будучи кладены из глины наподобие желобов.

Весной, когда земля еще сыра, киргизцы распахивают ее и сеют семена, дабы скорее из влажной почвы получить выходящую зелень; потом, во время засухи, удобряют пашни наводнениями посредством упомянутых каналов, ибо без того в степи киргизской от чрезвычайной жары, бездождия и неудобной почти земли урожай в хлебе совсем бы быть не мог.

Порядок наводнения у киргизцев следующий: против главных каналов разрывают они, во-первых, насыпной вал, чрез что вода, пробираясь чрез рытвины сии, наполняет сначала оные каналы; из сих потом впущается вода в бороздки, а сии сообщают в самые уже отделы пашен, кои смотря по обстоятельствам, наводняются

все вдруг или каждой порознь. Когда же вода найдется в пашнях уже излишней, то спускают оную в новые каналы, прокопанные ниже горизонта полей, к коим нарочито примыкает для сего все прочие каналы и бороздки. Таким образом, два человека в малое время могут наводнить без затруднения весьма большее пространство. Сие повторяемо бывает, смотря по засухе, до тех пор, пока хлеб начнет созревать. Случается иногда, что пашни бывают близ таких мест, где воду нельзя удержать плотиной, то употребляют при убыли ее для впуску в каналы нарочито устроенное колесо, ворочая которое быками или людьми подымают воду на веревках ведрами и кожаными мешками, иногда же делают колесо таковое наподобие машины чертовых четок. Все сие заняли киргизцы от бухарцев и хивинцев, но с меньшим противу тех рачением.

Вспыхивание земли производят киргизцы на быках и лошадях, плуг их, хотя и основан на двух колесах, но сошники разнятся с нашими как видом, так и расположением своим; они не могут отделять земляных глыб, но, будучи возимы вдоль и поперек, раздирают только землю в глубину не более трех дюймов; потом умягчают пашни небольшими деревянными боронами и граблями. Вместо плугов употребляют киргизцы также и ручные сохи, кои во всем подобны первым, но только без колес. Жнут они серпами, а иногда и ножом; молотят же посредством лошадей или быков: обыкновенно, разложив сжатые колосья на расчищенном, гладком и огороженном месте, гоняют вокруг по оному упомянутый скот, топотом коего и отделяются от соломы хлебные зерна.

Киргизское хлебопашество состоит в просе, тако и пшенице, из коих первое родится довольно хорошо и прибыточно, а пшеница по причине недостаточной обработки земли бывает невыгодна. Они разводят также в довольном количестве дыни и арбузы, из сих дыни, будучи одного рода с бухарскими, имеют весьма приятный вкус. Почва земли, на коей киргизцы производят свое земледелие, есть повсюду пещано-глинистая и удобная к произращению сорочинского пшена, ячменя, полбы и гороха, подобно как в Бухарии и Хиве, чем, однако же, они здесь, не имея хороших орудий, вовсе не занимаются.

О начале киргизского земледелия.

Если и принялись киргизцы за земледелие, то они были побуждены к оному их бедностью, ибо тогда, как сильные чрез баранту лишают некоторых из неимущих киргизцев и последнего скота; то сии, не будучи в состоянии сделать отмщение и не имея других средств к собственному пропитанию, должны бывают, соединясь в партии, приниматься за сие пренебрегаемое ими хлебопашество, которое, однако же, будучи у них в весьма малом количестве, не доставляет и годовой провизии одним хлебопашцам; а наипаче, когда из сего же должны они уделять большую часть на вымен скота для будущих работ и на одеяние себя. Мы встретили рабо-

тников сих почти нагих и живущих в открытых тростником огороженных шалашах; зажиточный же считает себе бесчестием приняться за сию работу, исключая только некоторых; но и те вместо себя употребляют также бедных, за малое пропитание, или находящихся у них пленных. Из пшеницы приготовляют они крупу, которую, как и просо, употребляют для азиатского плава* вместо сорочинского пшена**...

О киргизских вороженцах и прочих по сему обстоятельствах.

В прошедшую ночь в ауле близ нашего стана слышан был чрезвычайно дикий голос, который по временам сопровождаем был ужасным криком еще многих других голосов и звуком бубенчиков и бубна, ударяемого палкой. Всего причиной был сего ворожец, по киргизски называемый *дивана;* он, по суеверию их, выгонял из больного дьявола для облегчения.

Поутру показался дивана таковой и в нашем стане. Приближаясь к лагерю, кричал он жалостные песни; после того начинал бегать и кривляться, что мало-помалу увеличивая, казался совершенно бешеным. То кидаясь на все стороны с выпученными глазами, производил сильное зубов скрежетание, то падая на землю и делая разные телом положения, вертелся около находящейся у него в руках палки, во все сие время, крича диким голосом молитвы, как-будто бы призывал духов их мира и зла. Потом пена текла из рта его; ужасные показались на всем теле конвульсии, и напоследок он упал как бы в беспамятстве. После нескольких минутного безмолвия и недвижимости, поднялся, и, сев спокойно, читал молитву и нам предсказывал благополучный путь.

Киргизцы, окружавшие его, во все сие время, подняв руки, с благоговением молились и бросали беснующему хлеб и крут, который сим наотмашь откидываем был к западу и востоку. Потом, выливая часть из носимой им воды, оканчивал все его заклинание.

Он, получа чрез сие некоторые подарки, оставался в лагере нашем до самого вечера, казался несколько задумчивым, но обыкновенным киргизцем.

Чародеев таковых в Киргизской степи находится великое множество и называются общим именем дивана; но по средствам, употребляемым ими для ворожбы, имеют они еще и особенные названия, как-то *бакши, джаурунчи, рамча, джаодугар, кармакчата, урусанали* и прочие. (О некоторых г-н профессор Паллас в путешествии своем 1-й части на странице 575-й описал подробно).

Всякий дивана, однако же, всеми пользуется таковыми средствами и вообще какие только по остроте его придут на мысль для удобнейшего убеждения его зрителей. Народ киргизский, веря

---

* Азиатское кушанье, состоящее из переваренного пшена, смешанного с салом.

** Не более еще двух лет назад тому, как принялись киргизцы за земледелие.

таковым пророканиям и, почитая их [дивана] за святых, просит во всем у них советов и им же приписывает власть наводить гром, дождь и бури; но волхвы сии суть не что иное, как праздношатающиеся обманщики и тунеядцы, ибо все искусство, чем они привлекают к себе народ, состоит в обманчивом лечении больных. Они употребляют к сему некоторые травы, делая при том заклинания, как будто выгоняют из тела болящего обладавшего им дьявола; ежели больной умрет, то говорят, что их черт пересилил, когда же не исполнилось какое-либо их предсказание, то оправдывают они себя будто б сильный дух был на стороне противной и превозмог вызванного им покровителя.

Все ответы их так двусмысленны, что одно ослепление только или предубеждение народа в суеверии дает им цену, а как случаи, по мнению киргизцев, зависят от духов, и всякой от особливого (что выше описано), то диваны для поддержания власти своей стараются укоренить еще более сие мнение и от того, чрез призывание духов под видом их воли, удается им иногда управлять народом по своему желанию. Но при всем том, однако же, власть их против прежнего приметно ослабевает может быть и от того, что некоторые киргизцы чрез сообщение с Россией сделались прозорливее и сии уже ворожбу таковую признают за древний только обряд, который и производят из почтения к праотцам своим, а не из приверженности к предсказателям.

Они встречались нам всегда в худом и разодранном рубище, полунагие и совсем босы; жизнь их протекает в беспрерывных переходах из одного аула в другой, собственного же ничего они не имеют.

Когда киргизец отправляется куда на промысел или торговлю, то чтоб предприятие его исполнилось, он просит помощи у духа, имеющего власть над его желанием и производит сие следующим образом: дивана, после многого беснования, убивает лошадь или несколько баранов, и, сваря их потом, в честь духа первые куски бросает на восток и запад; остальное же все поедает в обществе с другими киргизцами. Сих духов общим именем называют *авряг.*

Суеверие же причиной что киргизцы, будучи поощрены корыстолюбием магометанских мулл, вымениваются от них по дорогой цене выписанные из алкорана молитвы, и, положа оные в суконные мешочки, пришивают на одежду как мужчины, так и женщины иногда по две и по три. Одна, говорят они, во время войны делает их храбрыми и невредимыми от оружия, другая — спасает от очарования, иная сохраняет здравие; иная же, опять, удерживает от падежа скота их. Киргизцы очень почитают алкоран, и муллы, дабы удержать их более в своем подобострастии, предсказывают им по оному также о будущем, что называются у них *фалча...*

О празднестве при поминках умершего.

Осматривая по полудни окружности Тюгошкана, при знаменитых кладбищах, встретили мы киргизское воспоминание их умершему батыру, которое сопровождаемо было некоторыми увеселениями. Обыкновение киргизцев воздавать почести умершим героям описано уже выше при Чидер-каткане августа 5-го числа и при перекочевке их 11-го дня; но здесь особенно еще заметить должно и о поминках, которые принадлежат к числу главных народных обрядов.

Киргизцы по смерти знаменитого какого-либо батыря, или героя или родоначальника целым родом назначают время к его воспоминанию и сие определение, переходя изустно от отца к сыну постепенно, исполняется завсегда с большой точностью, а чрез сие сохраняется в народе о героях тех память и история их времен.

Виденные нами здесь поминки состояли в следующем: многие из почетных киргизцев его рода и приглашенные из других были уже собравшимися около могилы славного Джанбей-батыря, так что стечение сие простиралось до 300 человек (иногда же бывает оное и более тысячи). Начальник семьи, происходящий в прямом колене от покойника, доставил сюда некоторое количество скота, из которого и приуготовляли для угощения общества пищу; особенно же убитая белая лошадь в честь покойника была варена перед его могилой, чем совершалась жертва их. Волхвы в сие время производили их беснования, вызывая тень умершего к посещению празднества их; потом после иступления, лили на могилу кровь, выпущенную из жертвованной лошади, подавали знак, что герой внимает просьбу их; не упустили, некоторые из киргизцев с чебызгой* выхвалить в песнях и все отменные подвиги его, что прочие киргизцы выслушивали с великим благоговением.

Иные из приехавших гостей упражнялись в скачке, другие — в борьбе, иные же — в стрелянии из луков в цель, где присообщались и женщины, а наипаче девки; всякий победитель получал от потомков покойного соразмерную награду, состоящую в различном скоте и прочих вещах, судя по отличиям. Когда же кушанье было приуготовлено и игры кончились, то последовал общественный сытный обед, продолжавшийся до полуночи. При сем случае киргизцы и начальники разных родов имели советы о народных делах и в обидах друг против друга, делали взаимные разделы и удовлетворения; так что съезд сей, как и подобные ему, обращаются в обще-

---

* Инструмент сей похож на деревенский рожок длиной до 3-х футов, будучи составлен из двух выжелобленных половин, превивается камышом; широкий конец его прикладывают они к зубам и дуют прямо в отверстие. Играют они всегда печальные песни высокими тонами, которые и составляли бы довольно приятную гармонию, но, будучи сопровождаемы всегда октавным припевом гортанно играющего, делают оную отвратительной. Разность тонов происходит от перебирания пальцами по находящимся шести отверстиям в боку; выигрываемые песни состоят из описания дел всегда их героя.

ственные суждения, каковых без того никогда бы у киргизцев не было. Приятно бы было смотреть на все сии их увеселения, ежели бы невоздержанность их не доводила иногда до дерзостных поступков.

Могила Джанбей-батыря находилась на левом берегу Иргиза; она обнесена четвероугольной из серого пещаного камня стеной сажени в три с половиной в поперешнике и до полутора сажени вышины; на углах поставлены небольшие глиняные башенки, а в середине возвышался конусный земляной бугор, на коем лежат набросанные кварцевые, известковые и другие каменья; в стене с южной стороны сделано небольшое отверстие, в коем лежали лоскутки и некоторая посуда, с севера же растет высокое тополевое дерево, осеняющее весь бок могилы.

О жизни киргизской в степях, располагая по временам года.

Киргизцы жизнь свою проводят свободно и близко к пастушечей; но с переменой годовых времен, переменяются жилища их и образ жизни, что даже и на самые нравы их имеет великое влияние.

В зимние месяцы они уже не перекочевывают; но, зарывая кибитки свои в снег, остаются надолго в непременных местах, для чего и убежища сии избирают более к югу в густом камыше и около границ российских в привольных лесах. В каком жалостнейшем положении находится тогда народ сей! Закутавшись в одну кошемную лачугу, целая семья, иногда и с молодым мелким скотом их, проводит дни сии в совершенном бездействии, и не видя почти света, претерпевает все свирепости жестокой зимы. Один только разведенный камышом и прутьями кустов огонь в нарочито вырытой для того посреди яме согревает их несколько от холода. Они, севши вокруг оного, закрываются овчинами и тем только себя сохраняют.

Бураны (или снежные ветры) заносят по временам всю кибитку их снегом; и тогда, чтобы выдти оттуда, они должны прорываться, но врожденная в них леность, а наипаче в таковое время, заставляет их сидеть там долго иногда без пищи и без огня. Подъезжающему тогда к кочевью их едва из-под снега видны бывают одни только курящиеся вершины кибиток; и в сие время киргизцы, живущие в полуденной стране, мало имеют выгоды против кочующих на севере, разве в одном только неравенстве в продолжении зимнего времени. Нагие дети, угнетаемые голодом, валяются по земле и редко согреваются пеплом, после огня оставшимся; дым, хотя и сделано для выпуску его в верху отверстие, наполняя прежде оную, выедает, так сказать, у всех глаза и поражает многими болезнями от смрада; неопрятность, главнейший их порок, вселяет великое отвращение при одном воззрении на жизнь их в это время. Ни один киргизец из сего не исключается, даже и самые бога-

тейшие в сем случае походят на диких зверей. Скот, составляющий главное их пропитание, от худого корма и стужи бывает отменно тощ и разбродится тогда по степи так, что великий труд употребить надобно к его отысканию; да киргизцы и не выходят из кибиток для смотрения за ним, разве во время оттепели к отысканию только дров. Они питаются тогда очень умеренно летним запасом своим, состоящим в круте, сушеном мясе и различных крупах*.

После сего удобно представить себе можно, с каким восхищением встречают они весну. Появившиеся проталины приводят их в неизъяснимую радость и один месяц оной как их, так и скот снова оживотворяет или, так сказать, дарует новую жизнь. В сие время начинают они опять скочевываться в средину степи и к привольным паствам. Между тем, когда морозы мало-помалу уменьшаются, то скот, находя повсюду изникающий в довольном обилии корм в скором времени становится отменно тучным. Тогда то киргизцы подобны бывают веселящейся юности, все они приходят в движение и в радость, и жизнь их кажется цветет вместе с оживленной природой. Молоко, кумыз, жирные бараны и молодые лошади служат к их насыщению, тогда бывают у них торжества, разные увеселения, и в лучших нарядах повсюду перекочевки; новые места даруют им новые приятности, звериная ловля также между тем немало приносит им тогда удовольствия.

В жаркие дни лета скрываются они в кибитках и спят; но за то всю светлую ночь проводят во взаимных беседах и веселостях.

Осень, напротив, совсем новое делает на киргизцев влияние, в это время становятся они унылы. Тогда приуготовляют они себе запас к зимнему пропитанию и войлоки или кошмы для закрытия кибиток. Закутавшись, начинают они опять удаляться к югу или искать удобного места, дабы укрыться от преследующей стужи. Кочевья их, рассеяные летом по разным местам, начинают соединяться, везде приметна какая-то мрачность...

1803 г.

* Дойного скота в зимнее время у киргизцев не бывает; свежее же мясо употребляют разве только самые богатейшие.

ИЗ «СЛОВ НАЗИДАНИЯ»

В детстве я не раз слышал о том, как казахи, увидев узбеков, смеялись над ними: «Ах, вы, широкополые, с непонятной трескотней вместо человеческой речи! Вы не оставите на дороге даже охапки перегнившего камыша! Вы, принимающие ночью куст за врага, на глазах лебезите, а за глаза поносите людей. Потому и имя вам «сарт», что означает громкий стук или треск».

Смеялись казахи и над ногаями — татарами. «Эй, татары, боитесь вы верблюда, верхом на скакуне устаете, отдыхаете, когда идете пешком. Ловкость у вас медвежья, и не ногаи вам имя, а нокаи — несуразные. Потому, наверное, только и видишь вокруг: солдат — татарин, беглец — татарин, бакалейщик — татарин».

Смеялись и над русскими. «Рыжие делают все, что им взбредет на ум. Увидев в бескрайней степи юрты, спешат к ним сломя голову и верят всему, что им скажут. Просили даже показать «узункулак», а попробуй увидеть глазами, как о тебе узнали на другом конце степи...»

Я радостно и гордо смеялся, слушая эти рассказы. «О Аллах,— думал я в восторге,— никто, оказывается, не сравнится с моим великим народом».

Теперь я вижу, что нет растения, какое не выращивал бы сарт, нет вкуснее плода, чем в саду у сарта. Не найти страны, где бы не побывал сарт, торгуя, просто нет вещи, которую бы он не смог смастерить. В городе недосуг следить за делами друг друга, поэтому они и дружнее нас. Раньше ведь они и одевали казахов. Даже саваны для покойников мы брали у них, отдавая взамен скот, ради которого глупо убивали друг друга. Когда же пришли русские, сарты опять опередили нас, переняв у русских их мастерство. И богатство, и набожность, и сноровка, и учтивость — все теперь у сартов.

Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и Бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных наших богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами!»

О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислугой.

Куда исчезло наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превосходства над нашими соседями? Где мой радостный смех?

* * *

Говорят, когда наступит конец света, на Страшном Суде перед Всевышним предстанут все хаджи — паломники, побывавшие в Мекке, муллы, суфии, шеиты — воины-праведники и щедрые.

В священном писании сказано, что щедрые, как и священнослужители, тоже попадут в рай.

Но в день Страшного Суда людей, которые стали хаджи, муллами, суфиями и шеитами или были щедрыми только ради того, чтобы пользоваться у народа почетом и уважением, говорят, построят отдельно от тех, кто получил эти звания бескорыстным служением Аллаху, посвятив всю свою жизнь лишь одному — благочестию.

И скажет Создатель первым: «Вы стали на земле хаджи, муллами, суфиями, шеитами и щедрыми, чтобы остальной люд преклонялся перед вами, называя вас «уважаемый хаджи», «почтенный мулла», «высокочтимый суфий», «незабвенный шеит», «несравненно щедрый». Это требовало от вас немалого искусства. Но всего этого вы лишились. Мир, который вы создали общими усилиями, рухнул, а вместе с ним кончилась и сила вашей власти. Здесь иной мир. Не ждите привычного почета, держите ответ. Я дал вам жизнь. На что вы потратили ее? Я дал вам богатство. На что вы употребили его? Вы без устали говорили о Божьем Суде, но всегда лицемерили, вы проповедовали веру в Бога, но всегда без усердия. Вы обманывали людей. Вот на что истрачены жизнь и богатство!»

И обратится Создатель к тем, которые посвятили ему свою жизнь: «Вы пожертвовали всем ради того, чтобы стать моими истинными слугами и снискать мою признательность. Я вами доволен. Входите в обитель, она открыта для вас. Достойны милосердия и ваши друзья, которые, хоть и не смогли стать моими слугами, но относились к вам с сочувствием и участием. Укажите их мне, если таковые присутствуют на этом суде».

Вот, говорят, что ждет людей в страшный судный день.

Абай КУНАНБАЕВ

СКАЗАНИЕ ОБ ОРЛАХ

Ержану завидовали все окрестные охотники: у него был лучший из лучших орел по кличке Шапшан, что означает — быстрый, стремительный. Нельзя было не любоваться, как он, стремглав взвившись ввысь, камнем падал на землю и впивался острыми и сильными когтями в шкуру зверя, будь то волк, лиса или заяц. Вот и сейчас, когда Ержан, после долгих пустых поисков по степи, заметил наконец-то лопоухого серого, выскочившего из кустов, он снял с головы Шапшана колпак и резко толкнул его в ту сторону, куда кинулся бежать заяц.

Но Шапшан вместо того, чтобы камнем упасть на добычу, стал уходить от своего хозяина.

— О алла! Куда же он подался?

Если бы орел завидел зверя более видного, чем заяц, пора бы ему кинуться, высоту он набрал достаточную. Но Шапшан и не

Киргиз с охотничьим соколом.
С рисунка Верещагина

помышлял об этом. Он был один на один с чистым небом, он был свободен, и ничто больше его не занимало. Он то взмывал вверх, сливаясь с бездонной синевой, то камнем кидался вниз, то делал плавный круг в сторону. Порой он складывал крылья и начинал падать вниз, но тут же резко поворачивал, подставляя грудь встречному морозному потоку. Только мелькали в воздухе его огромные крылья.

— Кял, кял, кял!

Но Шапшан был глух к тревожному зову хозяина. Он увидел наконец то, что не давало ему покоя эти дни, о чем он так жаждал в неволе. Он знал, что это случится сегодня, знал, когда еще сидел на гнедом коне, покрытый томагой.

О том, что так будет, говорило все: и ясный морозный день, и чудом услышанный звук невидимых крыльев, и сердце, которое не может заставить быть орлом, если оно действительно орлиное, и молодость с ее огненной энергией, искавшая себе выхода.

То, что заставило верного орла забыть про все земное, заметил теперь и Ержан. И все понял. На большой высоте, доступные лишь зрению охотника, летали три орла: два из них беспечно играли, а третий — постарше — держался несколько в стороне. В свое время он смело кидался на самых сильнейших сородичей, теперь же спокойно парил и сдержанно любовался игрой молодых.

А игра только начиналась, Шапшан понял это сразу, с первого взгляда, но вступать в нее пока воздерживался, и лишь однажды, когда игравшие налетели друг на друга так близко, словно готовясь броситься в объятия друг друга, он не выдержал: бурей пронесся над ними.

«Силен! Горд! Напорист! А на ногах что-то такое сверкает, никогда ни у кого не видела»,— подумала орлица, невольно любуясь незнакомцем. Горячась, она залетела очень высоко, с удовольствием подставляя грудь ледяной стуже.

С орлом из породы тас-кара (каменный черный) она встретилась на рассвете, когда вылетала из душного бора. Тогда черный

привлек ее внимание. Играя, они поначалу держались на небольшой высоте. Потом, присмотревшись друг к другу, забирались все выше и выше, и Тас-Кара временами плохо поддерживал предложенный ему орлицей темп.

Мир и широк и тесен для орлиного племени. И друзей у него много и врагов хоть отбавляй. Поэтому нужно такое потомство, которое бы не боялось ни сибирской стужи, ни азиатского зноя. Такое потомство, которое не принималось бы дремать после первого же сытного обеда. Такое, которое не довольствуется сурками и не таится у мышиной норки, хоть оно и сподручней, и не требует никакого риска. Это орлы знают от рождения, знают без каких-либо умственных усилий. Это у них от природы. Вот почему орлица ни за что не подпустит до себя будущего отца своих орлят, не изучив его как следует. Брачному союзу предшествует долгое состязание. И если орел покажет себя низменным, мелким, то пусть не ждет пощады: орлицы умеют постоять за себя, и иной Тас-Кара валится на землю с разорванным зобом.

Хоть Тас-Кара иногда и хитрил, отставая от нее, все же орлица пока не осуждала его, продолжала игру. Справедливости ради надо заметить, что она держала в поле своего зрения и внезапно появившегося незнакомца.

Уже вечерело, но Шапшан все еще летал, просто так, в свое удовольствие, внезапно появляясь и исчезая. Раза два он подлетал к орлу, который по-прежнему держался поодаль. Летая с ним в паре, Шапшан вел себя скромно, уважительно:

— Ассалям агалейкум, аксакал. Вы летаете безупречно. Отчего же все время уходите в сторону?

— Оттого, милый, что мое время прошло, и я любуюсь своей сменой, любуюсь ее полетом, хочу разгадать ее помыслы. Я по себе знаю: каждый должен назначить себе высоту, которой он стремится достичь. Но даже если ты не достигнешь ее, все равно — пусть осенит тебя высшая цель! Пусть не позорят тебя низменные страсти, даже если ты и заберешься высоко... Запомни: всегда и во всем нужно быть достойным своего орлиного звания... Вот этого я тебе и желаю, мой друг. Будешь поступать так, как я говорю, то поймешь, что значит подлинная высота.

Не словами, разумеется, все это было выражено, но орлы поняли друг друга. Старик показался Шапшану немного назидательным, но это можно было понять, если учесть его возраст.

Тут хвастливый Тас-Кара, желая блеснуть удалью, допустил оплошность. Он развил с высоты скорость и ринулся вниз, на старика, целясь ему в горло: не жди пощады!

Но старик и не думал ее просить. Грозно блеснув глазами, он выставил заскорузлые, словно из витой стали, когти, и приготовился к решительной схватке: только подойди! Когтистым и мускулистым, опытным в битвах оказался старый орел: и лихач не выдержал, метнулся в сторону, сделал вид, будто и не собирался ни на кого нападать!

Этот исход не понравился орлице. Не потому, что она желала чьей-либо крови. Кровь ни к чему во время игры смелых и мужественных. Нет, она жаждала смелости, щедрости и широты. Чем больше этих качеств у орла, тем милее он ей. Молчаливо осудив Тас-Кара, она полетела прочь, к востоку. Зачем надо было приставать к мирному старику? А если уж пристал, то где же твое мужество? Трус не может стать спутником орлицы.

Она повернула в сторону и понеслась непринужденно, стремительно. Тас-Кара с трудом поспевал за ней. До этого было просто: небольшие круги, на высоту забирались лишь однажды — словом, полет был не из утомительных. Другое дело теперь, когда началось самое трудное — испытание на дальность. Вся в морозном инее, орлица не замечала ни стужи, ни яростного сопротивления встречного потока.

И скоро Тас-Кара отстал, ему оказалось не по силам лететь в паре с юной и сильной красавицей. Утешало его одно: сзади, едва поспевая за ним, летел старый орел.

Орлицу, которая теперь опередила всех и летела в одиночестве, легко нагнал Шапшан.

— Здравствуйте!..

Орлица сдержанно ответила, и они полетели рядом. У них одинаково белели от инея плечи.

— Что это у вас на ногах? — поинтересовалась она.

— Называется — путы...

— А что это блестит?

— Медные кольца.

Не сговариваясь, орлы дальше летели вместе. Присматривались друг к другу. С удовольствием отметили: одинаковые взмахи, одинаковое дыхание, одинаковая скорость. Редкая и завидная слетанность! В морозном воздухе звенели крылья. Холод не страшен, их грела горячая кровь, звавшая дальше, выше, туда — к солнцу. Безумной скорости орлов завидовал свистевший в крыльях ветер.

К заходу солнца они выбрали ночлег — ветвистую в два обхвата старую сосну. Выбрали после долгого и тщательного облета густого бора. Уселись рядом, чутко следя друг за другом.

— Что, если здесь совьем наше гнездо?

— Гнездо? Наше? — она удивленно шевельнула крылом.

— Эти толстые ветви особенно хороши для гнезда — стоит натаскать прутьев... Да и крона густая, она защитит наших птенцов от дождя и ветра, укроет от посторонних глаз...

— Не зря ли вы так стараетесь... Ведь еще неизвестно, что я думаю на этот счет...

Тут в бору появился черный лихач, про которого они уже и забыли. В нем, оказывается, все еще жила ослиная надежда, и он хотел пристроиться рядом с орлицей, но не решился: та неодобрительно задвигала головой, а у Шапшана глаза вспыхнули недобрым пламенем. Тас-Кара засуетился, неуклюже запрыгал с ветки на ветку, пока наконец не примостился на высоком суку. Там он

справился со своим смущением, и к нему опять вернулась обычная самоуверенность. Красивая поза должна была загладить недавнюю неловкость, показать, что он равнодушен к орлице, от которой бы он и не отстал вовсе, если бы только захотел сопровождать ее дальше.

Прилетел и старик. Ему не было дела до молодых, и он устроился отдельно. Не всякая ветка выдерживала его грузное тело. Он усаживался долго и не спеша, как не спеша раздевается старый человек, пришедший домой с мороза. Наконец старый орел нашел подходящую ветку и затих.

Притихли и молодые, они неподвижно застыли в ожидании утра. Ночь, темень — не для орлов. Им нужен свет и простор.

Первым проснулся старик. Заскорузлые когти зудели, чуя добычу, и он, не мешкая, отправился в степь, надеясь раздобыть если не зайца, то хотя бы песчаника.

— Полетим? — встряхнулся Шапшан.

— Полетим! — его бодрость передалась и орлице.

Разминая занемевшие за ночь тела, орлы летели вместе: орлица посередине, Тас-Кара и Шапшан — по бокам. Орлица не гнала черного, хотя и испытывала влечение только к Шапшану. Видимо, небесные красавицы тоже не прочь иметь поблизости лишнего поклонника.

К обеду тройка была уже далеко от места ночлега: внизу простиралась степь. На небе не было ни облачка. Вдруг, приглашая начать игру, орлица взметнулась вверх. За ней тотчас же бросился Тас-Кара. Не сбавляя скорости, орлица продолжала подниматься. Неожиданный маневр застал Шапшана врасплох. Но, несмотря на это, он без труда обогнал соперника и помчался дальше. А Тас-Кара догнал и опередил орлицу. Та, казалось, не замечала ни того, ни другого. Она то круто взмывала вверх, то камнем бросалась в бездну.

Подзадориваемые орлицей, соперники начали поединок. В то время, как Шапшан делал большие заходы, ведя честную игру, Тас-Кара хитрил: не залетал так далеко, как его противник, норовил напасть неожиданно.

Хитрить в игре вообще-то не возбраняется. Но если вся ваша хитрость сводится только к уклончивости (а Тас-Кара постоянно уклонялся от единоборства, даже пытался спрятаться за орлицей!), то этого орлы вам не простят. Поведение соперника разозлило Шапшана. И он, выждав очередной ложный заход, мгновенно лег на правое крыло и с ходу бросился в атаку. Железный удар пришелся слева и сверху. С подбитым крылом Тас-Кара кое-как дотянул до земли, где сидел старый орел. На обед у него был сегодня пойманный незадолго до этого песчаник.

Теперь уже сердце орлицы безраздельно принадлежало Шапшану.

Орлы, если они настоящие орлы, играют открыто, не таясь ни от кого — ни от сплетников, ни от завистников. Их не смутишь ни подглядыванием, ни подслушиванием. Потому что они играют не

ради забавы, а ради продолжения рода гордых, смелых и благородных.

Задорная игра, которую затеяла орлица, захватила Шапшана. Играли они с упоением, страстно и пылко, то далеко отлетая друг от друга, то сближаясь вплотную, готовые броситься в объятия друг другу, и снова отдаляли это мгновение.

Поздно вечером, прилетев на ночлег ко вчерашней сосне, которая теперь принадлежала им двоим, они уже не спорили о том, где и как строить гнездо.

* * *

Двое птенцов, вылупившиеся весной, окрепли, и родители озабоченно подумывали об их первом полете.

Целых сорок дней, отдавая свое тепло, высиживала орлица два пестрых яйца. Неподвижное сидение истощило ее. Но не беда, что она так похудела — кожа да кости, еще нагуляет жир; не беда, что крылья плохо подчиняются, еще разомнутся и окрепнут. Завтра чуть свет она отправится на озеро, выкупается. И напьется вволю. Она была счастлива от сознания, что дни, когда приходилось довольствоваться пушинками снега и каплями дождя, остались позади.

Время шло, орлята росли и мужали. Глотали дымящиеся теплые куски мяса. Ревниво озираясь друг на друга, пили свежую заячью или лисью кровь. Дрались между собой. Словом, становились настоящими орлами.

Менялась и сама орлица. Прежде, когда она высиживала яйца, у нее не было никакого другого чувства, кроме материнского: она была холодна с Шапшаном, но теперь птенцы начали мужать, и она снова признала его, отца своих детей, и становилась с ним все нежнее. Теперь у них как-то само собой возникло одно желание, тоже воспитанное в родителях мудрой природой: поскорее бы птенцы познали жизнь и испытали горечь неудачи. Зима не за горами — успеть бы научить их жизни. Скорее бы увидеть, когда они наконец поймут: то, что они едят здесь, в гнезде, бегает на четырех ногах в степи, в горах, и зайцев, сурков, лис приходится добывать самостоятельно. Скорее бы поняли, что все делается в труде и борьбе.

Отец и мать ждали осенних штормовых ветров, чтобы выпустить орлят в первый полет. Надо вытолкнуть птенцов из уютного гнезда, а сильный ветер подхватит их, завихрит и закружит,— невольно полетишь! Посмотреть бы тогда на птенцов, послушать их тревожный клекот. Или, не дай Бог, начнут беспомощно пищать? Вот что заботит орлов. Они так жаждут увидеть своих птенцов орлами, так хотят услышать их первое клекотание.

Осень с ее сильными ветрами не заставила себя ждать. Орлице не терпелось выпустить детей, но Шапшан был неумолим. Он ждал настоящей бури. Что может сравниться с ураганом, который рушит все подгнившее, сносит все отжившее, который очищает лес от всей трухи, от всего застоявшегося! И пусть птенцы начнут свой первый полет именно в такую бурю!

В ожидании настоящей бури Шапшан и сам не знал покоя и не давал покоя орлятам. Решительно отстранив мать, он целыми днями гонял их по просторному гнезду: заставлял махать крыльями, вынуждал цепляться за ветки — пусть натрудят себе мышцы, пусть будут цепкими, пусть крепнут их крылья.

Однажды вечером начал дуть ветер. Он гудел всю ночь и наутро достиг штормовой силы. Чуть свет Шапшан прерывистым криком позвал орлицу.

— Ну, как, выпустим?

— Выпустим.

Сначала они облетели гнездо, размялись. Потом вернулись к орлятам и вытолкнули их против ветра. Толчок был необычный, не из тех, к каким они привыкли. Послушно, еще не понимая, что их ждет, орлята нырнули в бушующее небо. Их подхватил ураган. Орлята взлетели. Взлетели просто, ничем, ни клекотанием, ни писком не выдавая своих чувств. Суетливые поначалу, они становились теперь спокойнее, увереннее. Теперь они смело парили среди бури, выражая радость неожиданным для них самих торжествующим звуком — орлиным клекотом.

— Ух, как хорошо летать! А как велик мир! Отчего мы не знали об этом прежде? Отчего мы так долго сидели в гнезде? А буря? Как хороша эта буря! Она кого хочешь научит летать! Нам бы еще долго топтаться в гнезде, если бы не она, буря! Буря нас вознесла к небу! А теперь... выше и выше... Какая радость, какое счастье — летать!

Отец и мать слушали своих птенцов, и родительская тревога начала рассеиваться. Опасаться нечего. Их дети выдержали свое первое столкновение с бурей.

И они взмыли вверх, чтобы лететь вместе с орлятами.

1966

ЛЕГЕНДА О ЕР-КАПТАГАЕ

Рассказывают люди из большого и древнего рода найман — те, что по сей день живут на юге Казахстана, в Сарканде, по берегам речки Аксу, которая направляет свой бег к Сырдарье.

Рассказывают люди из рода найман, а я — прилежный переписчик — доверил бумаге их рассказ, каким он сохранился с незапамятных времен.

* * *

Холодные ветры, не останавливаясь, мчались на юг от скованного льдом озера Балхаш.

Последний в тот год буран яростно метался от юрты к юрте в

ауле найманов, словно хотел стереть его с лица земли. Он злобно выл в отчаянии от того, что кончается его время. И если уж он вынужден уступить скорой весне, то, по крайней мере, надо оставить по себе такую память, чтобы всех бросало в дрожь до следующей зимы!

Немного в стороне от аула, возле старых скал, похожих на зубы дракона, стояла большая черная юрта Ер-Каптагая*. Из дымового отверстия вылетали искры, каждая величиной с большой пчелиный рой. Буран, не боясь укусов, подхватывал их и швырял об скалу.

Иногда из юрты доносился протяжный трубный звук, который перекрывал неумолчный гул бурана. Это чихал Ер-Каптагай.

Он удобно устроился у очага, смотрел на багровые языки пламени и думал о том, что ему сегодня пришлось услышать от своих сородичей. Говорили, будто бы известный своими подвигами великан по имени Азрет Али находится на пути к земле найманов. Будто бы он намеревается в своем походе пройти еще дальше, чем когда-то проходил Эскендер Зулькарнайн**. У Азрета Али есть аргамак, которому достаточно сделать всего девять шагов, чтобы преодолеть путь длиною в девять месяцев.

Еще говорят, Азрет Али несет какое-то новое слово и требует, чтобы все принимали это слово и повторяли его с восторгом и верой. Кто не хочет его слушать, того он заставляет силой оружия. А секира у Азрета Али в девять раз длиннее, чем обычная. Там, далеко, на его родине, могучие львы, которые вообще не знают страха, и те покорно уступают ему дорогу при встрече.

Пока Ер-Каптагай думал обо всем этом, Азрет Али и в самом деле остановил своего аргамака у скалы, укрывавшей большую черную юрту от бурана. А когда он переступил порог, Ер-Каптагай только-только принимался за ужин.

В доме этом жили такие люди, что есть из одного блюда они не могли. Их пальцы мешали бы друг другу. Поэтому перед Ер-Каптагаем, перед каждым из четверых его взрослых сыновей стояло отдельное блюдо. А вареного мяса было наложено столько, что по нынешним временам хватило бы накормить досыта целый аул. Сыновья не начинали ужинать, они почтительно ждали, когда их старый отец первым прикоснется к пище.

Азрет Али, увидев их, удивился. До этого он предполагал, что таких великанов можно встретить только у него на родине.

— Ассалям агалейкум,— сказал он, но никто не ответил на приветствие. Не зная еще, как ему повести себя теперь, он молча наблюдал: огромными пальцами старик поднял с блюда верблюжью голову. В те времена великаны и скот держали великанский. Голова верблюда была величиной с нынешнюю юрту.

---

* Ер — богатырь.

** Эскендер Зулькарнайн (двурогий) — Александр Македонский.

Ер-Каптагай успел проголодаться, и потому он разом отправил в рот все мясо, снятое с верблюжьих скул, верблюжий язык, мягкий горловой хрящ. Только проглотив все это, он поднял глаза на Азрета Али, который по-прежнему стоял у порога.

Поначалу вид гостя пришелся по душе старику, хоть он и не понял, что тот сказал. Густые черные усы, такая же черная борода, круглая, ухоженная. Высокий, статный... Настоящий джигит. С таким Ер-Каптагаю прилично разговаривать как равному с равным.

— Садись к нашему огню, приезжий батыр,— сказал он и протянул гостю уместившиеся на одной ладони самые лучшие куски: половину огромной печени, отделил от лопатки тающий во рту жир, выбрал кость, на которой было много мяса.

По закону гостеприимства он хотел почтить гостя, чтобы тот принял еду из его рук. Но Азрет Али, видно, не знал этого степного обычая и немного отступил, как бы сторонясь предложенного ему угощения.

Азрет Али сказал:

— Перед тем как поесть, я бы хотел, чтобы мне предложили в этом доме ночлег...

Он мягко выговаривал незнакомые певучие слова, и слова эти коснулись ушей Ер-Каптагая. Но откуда старику было понять их смысл? Он не знал языка пришельца, а пришелец — из арабов — не знал его языка.

— Что ты мне поешь? — спросил Ер-Каптагай, начиная раздражаться.— Слов наших не знаешь?.. Но это же поймет, кто хочешь! Мясо тебе протягивают, значит, надо это мясо съесть. Будешь или не будешь?

Азрет Али приложил правую руку к сердцу и снова повторил свою просьбу о ночлеге. И снова Ер-Каптагай не понял его. Уязвленный тем, что его угощение отвергается дважды, старик сам проглотил и печенку и жир, потом схватил с блюда верблюжью голову и запустил ее в пришельца.

Голова с ощеренной пастью пролетела совсем рядом с Азретом Али, он еле успел отклониться, произнеся: «О алла!»

Слышно было, как верблюжий череп снаружи глухо стукнулся о скалу.

Наверное, в других местах, по которым шел его долгий и немирный путь, Азрет Али не был таким терпеливым. Но что он мог поделать здесь, на речке Аксу, если в юрте перед ним сидели богатыри — Ер-Каптагай и его сыновья.

Азрет Али в третий раз повторил просьбу, но не было рядом толмача, который бы сделал его слова понятными для хозяина. Поэтому сердце Ер-Каптагая не смягчилось, и он не спускал с пришельца подозрительных глаз.

Он весь напрягся, когда гость полез за пазуху... Но не оружие достал Азрет Али, а какую-то книгу и сказал, шелестя ее пергаментными страницами:

— Я принес вам зикр*, чтобы такие отсталые люди, как вы, задумались о своей судьбе. Я принес вам новое слово, которое заставит вас завести новые порядки и жить по-новому. Я сказал, а вы слушали...

Но теперь, после того как гость нарушил закон гостеприимства, отказавшись принять еду, ему уже невозможно было расположить к себе старого Ер-Каптагая.

Ер-Каптагай не дал ему договорить:

— Прекрати свою болтовню! Не то...— Он схватил с блюда кость величиной с молодое дерево и грозно помахал ею.

И сыновья его тоже вооружились. Один поднял тяжелую, как дубина, бедренную кость задней ноги, другой такую же, только переднюю, а двум достались острые, как секира, верблюжьи лопатки. И так они стояли, готовые по первому знаку отца обрушить на пришельца неотразимые удары.

Но Ер-Каптагай остановил их движением руки. У него самого было достаточно силы справиться с кем хочешь, не зовя на помощь сыновей.

Азрет Али понял, что ему не одолеть их, и, пятясь, он вышел из юрты.

Наверное, ему не очень было приятно стоять на ветру и слушать злобный вой бурана. Ведь у великанов и самолюбие тоже великанское. До сегодняшнего вечера Азрету Али и в голову не могло прийти, что на его долю выпадет когда-нибудь такое унижение!..

Ведь он с войнами прошел и по Африке и по Азии, он покорял людей с самым разным цветом кожи: черных и белых, красных и желтых. Многие отдавались под его руку, даже не рискуя вступать с ним в единоборство. И вот, повстречавшись с Ер-Каптагаем и его сыновьями, Азрет Али невольно подумал: а случайно ли, что сам Эскендер Зулькарнайн не смог двинуться дальше? Не сама ли судьба ставит и перед ним глухую стену, которую не перескочишь на самом легконогом коне, которую не объедешь?

Азрет Али, готовый уже ко всему в этой стране богатырей, постоял в ожидании, не выйдет ли кто следом за ним.

Но Ер-Каптагай кроме силы, как и его сыновья, обладал еще и благородством. Они не стали преследовать незнакомца, покинувшего их дом.

Азрет Али взял своего аргамака под уздцы, завел его к скале с подветренной стороны и лег на землю, привалившись к большому камню.

Какой-то запах приятно щекотал ему ноздри, и Азрет Али сообразил, что это запах вареного костного мозга. Верблюжья голова, пущенная могучей рукой, ударилась о скалу и разлетелась вдребезги. Азрет Али почувствовал, что он голоден, и ощупью отыскал кости и куски мяса, которые еще не совсем успели остыть.

---

* Зикр — предостережение; одно из древних названий корана.

Один за другим он отправлял их в рот и думал: «Да, эти люди, оказывается, знают толк в еде». Потом ему пришла мысль, что надо было, прежде чем начинать разговоры, принять угощение старика. Тогда бы все могло обернуться иначе.

Поев мяса и вытерев снегом руки, Азрет Али уверился в том, что ничего еще не потеряно: утром он вернется к Ер-Каптагаю и будет говорить с ним.

Решив так, он немного расслабил кольчугу, плотнее завернулся в теплый халат, надвинул шлем на самый нос. Он спал всю ночь, не шелохнувшись, как спят богатыри.

Перед рассветом навстречу снежному колючему бурану подул ветер с юга и — одержал верх. Буран был вынужден убраться севернее, к озеру Балхаш, куда позднее приходит весна. С восходом солнца южный ветер принялся за уборку и вскоре растопил весь снег, который на прощанье успел накидать буран.

И по черной влажной земле пришлось гнать лошадей пятому, самому младшему сыну Ер-Каптагая — Мунайтпасу. Он сжимал пятками бока молодой гнедой кобылицы. Он торопился домой, как торопится верблюжонок, отбившийся от старших.

Еще издали он обратил внимание на то, что полог юрты откинут и что его старшие братья двинулись навстречу табуну, неся в руках наборные уздечки, должно быть, собрались куда-то ехать, а его, как всегда, оставят дома, скажут: ты мал...

Потом Мунайтпас заметил: какой-то незнакомый богатырь пустил пастись своего аргамака, а сам вошел в юрту. Это Азрет Али, проснувшись, решил исполнить свое вчерашнее намерение и отправился еще раз увидеться с Ер-Каптагаем.

Мунайтпас не знал о случившемся. Он мог бы расспросить братьев, когда они подошли к нему. Но до того ли ему было?.. Он не в силах был оторвать глаз от аргамака.

О, такого коня мальчику еще не приходилось видеть, хоть и кони его отца были далеко не из худших на сто переходов в округе. Теплый ветер играл длинной серебристой гривой, словно хотел заботливо расчесать ее. Глаза у прекрасного арабского коня сверкали, как драгоценные камни, чуткие уши ловили малейший шорох, и голова на гладкой изогнутой шее тотчас повернулась в сторону появившегося табуна.

Аргамак заливисто заржал, приветствуя кобылиц, предупреждая жеребцов, чтобы те не вздумали с ним соперничать.

Мунайтпас так и замер, продолжая любоваться невиданным роскошным конем, а в это время Азрет Али в юрте стоял перед Ер-Каптагаем и продолжал речи, прерванные накануне.

Азрет Али понял, что силой тут не возьмешь, и потому голос его звучал мягко, журчал, как речка Аксу, когда она пронесет уже шальные талые воды и успокоится к середине лета.

Азрет Али, как и вчера, вытащил из-за пазухи сверток кожаных листов — тонких, почти прозрачных. Листы были испещрены непонятными знаками.

Этот сверток он громко назвал: «китаб» (книга, одно из древних названий корана) и запел стихи звучным приятным голосом. Ер-Каптагай не стал прерывать его, хотя слова, которые пел пришелец, по-прежнему ничего не говорили старику.

Но все же ему начало казаться, что в этих звуках скрыта какая-то большая тайна, и он вот-вот постигнет ее и сразу станет ясно, зачем покинул свой дом этот человек... Но чудилось в этих звуках старику и другое: если поддаться им, то неузнаваемо изменится его жизнь и перестанет он быть похожим на самого себя...

Азрет Али кончил петь и протянул китаб старику, чтобы тот прикоснулся к нему и подержал в руках. Это было признаком высшего доверия: дать священную книгу.

Но Ер-Каптагай этого не понял, а потому и не оценил.

Он принял китаб в надежде, что он и в его руках станет издавать те же чудесные звуки.

— Какой прекрасный, ни с чем не сравнимый голос у твоего китаба,— сказал Ер-Каптагай, думая, что если он похвалит таинственный сверток, то опять польется песня, которая неизъяснимым образом действует на душу.

Но китаб молчал.

— Ты, как вчера, морочишь мою седую голову! — сказал старик Азрету Али.— Что мне толку, если твой китаб поет только в твоих руках? Ты тогда и держи его у себя. И уходи, уходи. Я не хочу тебя видеть, и мои сыновья не хотят тебя видеть!

А пока шел между ними этот разговор, не понятный ни тому, ни другому, Мунайтпас продолжал мечтательно смотреть на аргамака и представлял, какое это счастье — хоть раз проехаться на таком коне! После этого и умереть было бы не жалко. Кони его отца выглядели жалкими клячами по сравнению с этим аргамаком, и сердце мальчика сразу остыло к ним.

Он спрыгнул со своей гнедой кобылицы и, ведя ее в поводу, направился к аргамаку.

Мунайтпас, как завороженный, еще не знал, что он сделает: то ли угонит коня, а там будь что будет, то ли просто проедется на нем, пока хозяин не видит, за это не обидно получить один-другой удар камчой.

Аргамак, поставив уши торчком, следил за его приближением. Но, понятно, до мальчика ему не было никакого дела. Его внимание привлекла гнедая кобылица — самая красивая, самая изящная в табуне, отмеченном тавром Ер-Каптагая.

А кобылица тоже не могла устоять перед таким мужественным красавцем. Она не тянула в сторону, она покорно следовала за Мунайтпасом, как только заметила, что он ведет ее по направлению к высокому жеребцу светлой масти.

В дальних суровых походах Азрет Али не пускал своего коня в табуны, и тот был лишен ласки, без которой не может существовать не только человеческое сердце. И потому жеребец вздыбился, едва не задев головой облака, показывая, какой он ловкий, силь-

ный и статный, и так на задних ногах пошел к гнедой кобылице, которая ждала его, раздувая ноздри и горделиво подняв голову...

Мунайтпас мгновенно сообразил, что если даже он и не угонит аргамака, то хоть в табуне у них останется его потомство. Мальчик проворно отскочил в сторону.

Азрет Али, разговор которого с Ер-Каптагаем опять кончился ничем, вышел из юрты в тот момент, когда короткая любовь аргамака и гнедой кобылицы уже кончилась, и он ничему не успел помешать.

Он кричал и бранился, а у великанов и ругань великанская. Но рядом стояли с мечами в руках четверо старших братьев Мунайтпаса, и Азрет Али даже не мог себе позволить влепить наглому мальчишке хорошую затрещину. В гневе он собрался было вскочить на аргамака, но тот еще не пришел в себя от любви и не хотел трогаться с места.

Азрет Али покачал головой и сказал так:

— Многие неприступные вершины пали передо мною ниц. А сейчас мой путь уперся в какую-то маленькую скалу, и я вынужден повернуть обратно. Я, никогда и ни перед кем не отступавший!

Мунайтпас и его братья не поняли пришельца. Они увидели только, как Азрет Али в поводу повел своего коня прочь и скоро скрылся за скалами, а ветер замел его следы.

И больше, пока живы были Ер-Каптагай и его сыновья, он сюда не показывался.

* * *

Так скала и сегодня стоит в Саркандском районе, на юге Казахстана.

Местные жители называют ее Скалой Аргамака.

А в напоминание о тех далеких временах у найманов осталась легенда о том, что ни силой, ни хитростью, ни притворной лаской нельзя победить таких богатырей, как Ер-Каптагай и его сыновья. И еще остались кони, обгоняющие ветер.

1942

Габит МУСРЕПОВ

НА ВОЛГЕ

Я бы спел-придумал песню, песню долгую-предолгую,
Да печаль меня скрутила, да сожгла меня туга —
Как увидел за рекой, за той ли Волгою
Заливные, многоцветные, весенние луга.

Приходили, потрудились люди сильные да смелые,
Стали топкими, пологими крутые берега.
Получи ты, царь морской, дары несметные:
Заливные, многоцветные, весенние луга!

Получи поля широкие, с закатами, все — ратные,
За холмами, под волнами скрылась Русская земля,
Получи ты, царь морской, подарки знатные —
Золотые те, ржаные те, пшеничные поля.

По погостам, по курганам память срублена да скошена,
Раскурочены могилы, гробовая тишина...
А земля моя с размаху в воду брошена
Да утоплена живьем, как та персидская княжна.

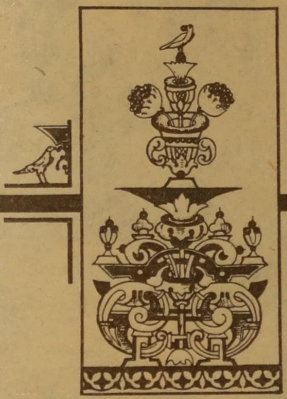
Облака светло и грозно в небе лепятся,
И, торжественно сияя над последнею бедой,
Церкви белые поплыли, словно лебеди,
Над широкою, глубокою, бескрайнею водой.

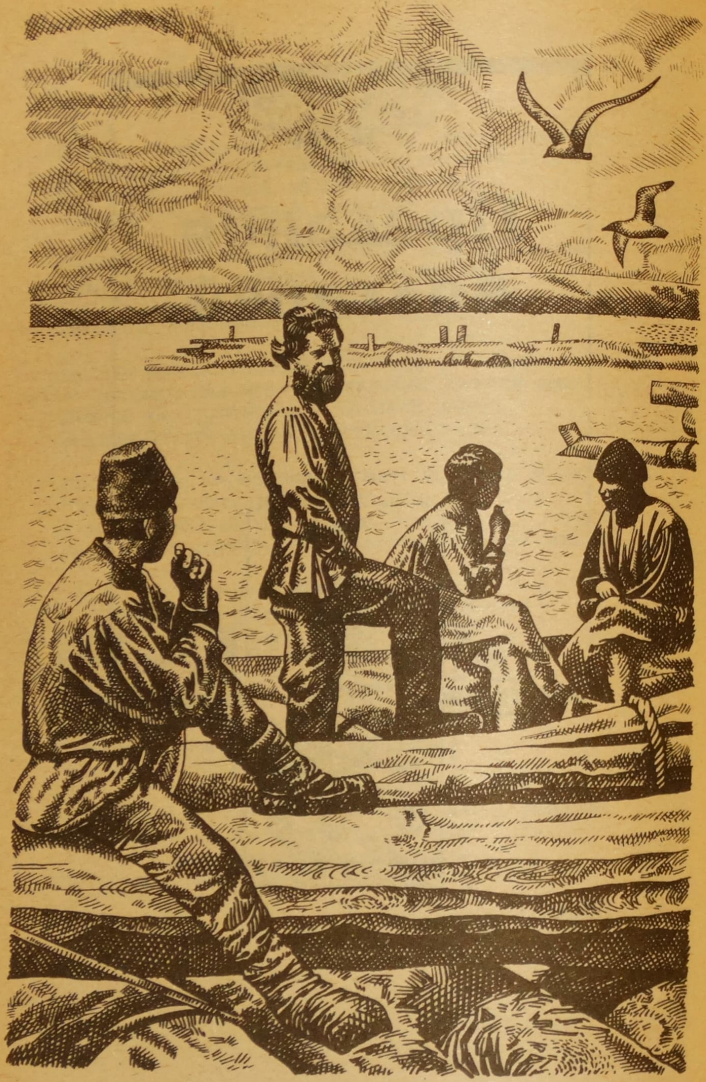
Задохнусь тоскою душною и тесною,
А в глазах моих — туман да пелена,
Я промою их водой, водою пресною,
Возвратится она в реку — солона!..

— Что вздыхаешь, что глядишь на землю русскую,
Видно, долго не бывал в родном краю?..
— Угости меня, паромщик, папироскою,
Ни хрена я здесь, отец, не узнаю.

Владислав АРТЁМОВ

Предания волгарей





СКОЛЬКО НАЗВАНИЙ У ВОЛГИ?

Волга дает приют многим миллионам людей, на ней живет чуть ли не половина России, она — почти синоним Родины. Неужели Волгу можно называть иначе?! А ведь это всего лишь последнее из ее названий. Сколько их было — неизвестно.

Притом в разные тысячелетия части великой реки назывались по-разному: было отдельное название для ее истока, ее верховья (за которое иногда принималась р. Белая), среднего и нижнего течения.

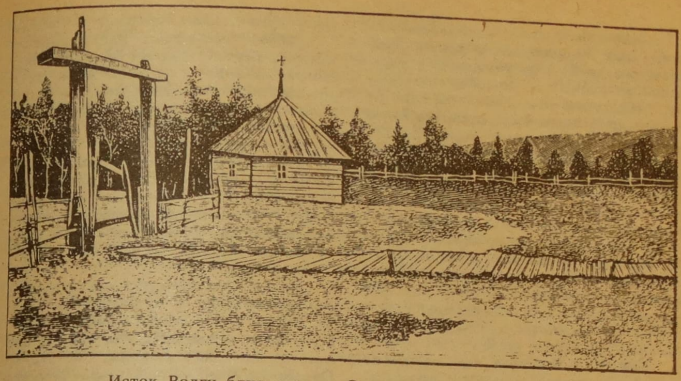
Исток Волги в незапамятные времена назывался **Арьдан** (варианты — **Ирьдан, Йорьдан, Иордан**, последнее дошло и до нас). С санскрита — языка вед — это переводится: «арь» — арийский, «дану» — поток. В ведической мифологии Дану — мать богов и божеств водных стихий, в том числе — бога Варуны (у славян — Перун) — громовержца, дочь бога Дакши (у славян — Даждьбог). Не случайно рядом с Волгой в Европе мы находим много названий, хранящих память о «Дану»: Дунай, Дон, Днепр, Днестр (в последних «пър» и «стр» — стремительный, напористый).

В «Авесте», возникшей в I половине I тысячелетия до н. э. на основе ведических знаний, дважды, как предполагается учеными, упоминается река, которую можно отождествить с Волгой (или частями ее) — это 1 и 16 из областей в Ариан Ваджа-арийском просторе. Вот текст «Авесты»: «В качестве первой из лучших местностей и стран создал я, Ахурамазда, Ариан Ваджа у прекрасной реки Даития. Но там же сотворил злокозненный Ангро-Манью в качестве бича страны рыжеватых змей и вместе с ними зиму, взявшую себе девять месяцев и оставившую лету лишь два месяца. Девять зимних месяцев холодны для воды, для земли, для растений. На исходе зимы были вредоносные паводки».

Река названа **Даития** — в ведической мифологии это имя сына Дити («связанность», «порядок») — старшей сестры Дану.

Шестнадцатая из областей Ариан Ваджа находилась у реки **Рангха**. Бич страны — также — морозы. В «Рамаяне» Рангху — основатель солнечной династии Богов. В Рангху сильна основа «ра». Ра в древнем Мире известен как один из Богов Солнца, точнее — Бог Утреннего Солнца. Геродот (IV в. до н. э.) называл Волгу **Оарос**, Римские авторы первых веков — **Ра**. Ра в Египте был царем и отцом всех Богов (как не вспомнить Рангху?!), его изображали в облике фараона («Фара» — еще одно название Солнца — свет). Это ему навстречу смотрели загадочные сфинксы и для него, особым образом, чтобы первые же лучи восходящего Солнца играли на их стенах, строились пышные храмы.

Ра каким-то непостижимым образом вспомнился, возник в средние века н. э. в названиях населенных пунктов Волги (в среднем и нижнем ее течении): МумРА, АстРАхань, ХаРАбали, ОтРАда, СаРАтов, СамаРА, СызРАнь (не говоря уже о многочисленных яРАх — Ярило у славян один из синонимов солн-



Исток Волги близ деревни Волговерховье. Рисунок XIX века

ца — Светлом, Черном, нескольких Красных, Каменном, Капустном). В VIII—X вв. у реки было другое название. Каган Хазарии Хасдай, считавший истоком ее р. Белая, впадавшую в Каму (Кама — в ведической мифологии бог любви), сообщал в письме: «Я живу у реки по имени Итиль. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении месяцев пути...» Таким образом, Итиль — древнее название Волги в среднем и нижнем ее течении (как и Ра), но не тюркское, как привыкли считать, а греческое. Итил — прекрасный сын Аэдоны (соловья), супруги фиванского героя Зета, по ошибке убитый своей матерью. Поскольку фиванская история к IV в. до н. э. была закончена, можно предполагать, что название уже употреблялось (преимущественно греками) параллельно с Ра (у римлян), а затем закрепилось на какое-то время. Тюрки же пришли позже на окультуренные индоевропейцами земли.

А. П. Валуева, автор книги «По великой русской реке», вышедшей в конце XIX века, считала, что слово «Волга» — финское и означает — «Святая».

А в это время уже существовало слово «Волга» у славян.

Что значит «волга»? В древнерусском слова с «вл» обозначали «влага», «жидкость», то есть это сама вода, а «влаг» — то, что служит вместилищем, в данном случае — русло, берега. Таким образом, Волга — просто река. Но всякая ли река? Известно, что воложка — боковой рукав (без названия), образуемый течением только Волги; волошва — боковой пересыхающий рукав, тоже безымянный. В одном из документов XV в. было написано: надо брать рыбу «с воложек, оприч стрежня большой Волги». Так выясняется, что в название «Волга» вкладывалось понятие «большая река», «большая волга». И это правда: очень большая!! Наши предки были точны на слово.

Александра БАЖЕНОВА.

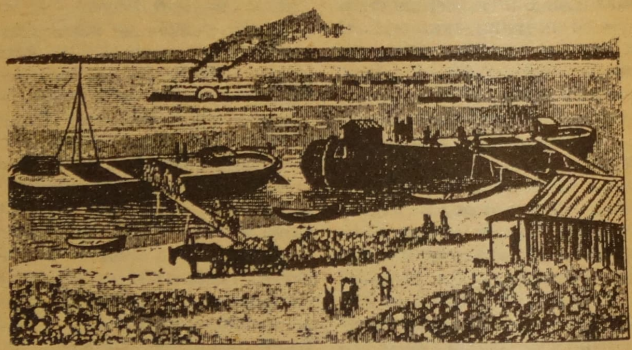
«Волга впадает в Каспийское море»,— так говорят, когда хотят уличить кого-либо в пустословии, в изречении прописных истин. Действительно, куда ж-то и впадать ей, как не в Каспий? Однако были времена, когда она текла в... Азовское море. Именно туда попал легендарный путешественник за золотым руном грек Язон, скрываясь от преследователей, затем вошел в устье ныне не существующего русла Волги, поднялся в ее верховье и через Балтийское море, обогнув Европу, вернулся на родину. А если заглянуть еще глубже, в доисторический период динозавров, то Волгу мы обнаружим в местах, где сейчас стоят заволжские степные города Пугачев и Ершов.

Как-то я услышал, что сейчас на берегах Волги и ее притоков проживают 50 миллионов человек. «Тут что-то перепутано. Это же третья часть населения России!» — подумал я и заглянул в справочники. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (выпущена в начале XX века) сообщает, развеивая мои сомнения: «При помощи своих многочисленных притоков, образующих ее обширный бассейн, Волга захватывает 23 губернии с населением около 37 миллионов душ». На самих же волжских берегах (длина Волги — 3500 км) стояли в начале XX века свыше 1000 различного рода населенных мест, в том числе 39 губернских и уездных городов. Бассейн Волги (а это около 1/3 европейской части СССР) в два с половиной раза превосходит площадь Германии.

Разные источники расходятся во мнении, какое же число волжских притоков, называя то «свыше 200», то — «около 300». Всего же в бассейне Волги одних только сплавных и судоходных рек свыше 900. Общая длина всех рек, озер и каналов, связанных с Волгой,— 74 104 версты. Если их вытянуть в одну линию, то этой ленточкой можно два раза обернуть нашу Землю по экватору! Если же приплюсовать к притокам все мелкие ручьи и временные водотоки, то получим 574 000 километров водного пути!

Самые крупные притоки Волги в ее верхнем течении — Селижаровка, Тверца, Молога, Шексна, Унжа; в среднем — Ока, Сура, Ветлуга, Свияга, Кама; в нижнем — Самара, Б. Иргиз, Еруслан. (Кстати, на три отрезка Волгу делят так: Верхняя Волга — от истока до устья Оки, Средняя Волга — от впадения Оки до устья Камы и Нижняя Волга — от впадения Камы до Каспия. Хотя зачастую границей Средней и Нижней Волги считают г. Саратов).

Самые крупные притоки — Ока (1425 верст) и Кама (1883 версты). От своего истока на Валдае до устья Камы Волга насчитывает всего 1629 верст, что дает повод острякам язвить, де не Кама впадает в Волгу, а Волга — в Каму. С такими арифметическими мерками можно доказать, что Волга впадает не только в Оку (в точке слияния Волга короче Оки), но



На волжской пристани. Рисунок XIX века

и в Вазузу, и в Тверцу. Я видел Волгу в ее верхнем, среднем и нижнем течении, видел и Каму, и Оку; не знаю, можно ли научно доказать (по химическому составу рек, физическим параметрам воды и т. д.) их нетождественность, но то, что у каждой реки — своя физиономия, свое обаяние, своя неизъяснимая прелесть — это очевидно и без скучных цифр. Волга у Твери и в астраханской дельте — все та же Волга, несмотря на несовместимость ширины, глубины, ландшафта, климатических условий и т. п. Есть в ней что-то... Ее, как и Россию, умом не понять...

К сожалению, XX век стал трагическим не только для русского народа: и Волга разделила его участь, попав в неволю. Восемь плотин тяжкими кандалами сковали ее стремительный бег. Если в среднем течении естественная Волга в секунду пробегала один метр, то теперь, превратившись из реки в «волгохранилище», практически стоит на месте, отчего вода гниет от застоя, к тому же отравляется химическими заводами и прочей промышленной опухолью на теле реки.

И все-таки она живет. Хотя стерлядь, севрюга, осетр и не могут подняться выше плотины у Волгограда, но лещ, судак, сазан, сом, щука, окунь и ерш по-прежнему водятся в Волге. А гидростанции... Что ж, они не вечны. Волга на своем веку многое пережила. Переживет и самонадеянную глупость человека, возомнившего, что он — хозяин природы. «Издалека долго течет река Волга...» И долго еще будет течь. На радость грядущим поколениям.

В. ВОЛГИН

ГОРОДЕЦКИЕ МАСТЕРА

Наш старый город издавна хорошими мастерами славится. Особенно много было у нас добрых кораблестроителей да баржевиков. И грамоте не разумели, и чертежей не понимали, а суда строили по своей памяти и собственному разумению. Рассказывают, что хоть баржи, хоть шхуны получались у наших городецких умельцев всем на диво.

Был в прежнее время у нас в Городце мастер один; как он работал, многие старики хорошо помнят. Баржи из-под его рук выходили как игрушечки!

Один раз явились к нему заказчики, чертежи подают, проекты разные, а он посмотрел на все эти бумаги и говорит:

— Я никогда в жизни чертежи да проекты в глаза не видал и проку в них не разумею... Вы мне прямо, без бумажек этих, скажите: какой длины и ширины баржу построить вам нужно. Дайте еще высоту борта — вот и весь заказ!..

Те, конечно, удивились, сообщили ему нужные размеры и стали ждать, когда наш мастер выстроит судно.

В назначенный срок прибыли заказчики и глазам своим не поверили: мастер такую им баржу отстроил, как картинка была!..

Ну, а другого баржестроителя я хорошо помню. Это Яков Кузьмич Колов — отличнейший работник. Он все кокорные баржи-то строил. Вы знаете, что это за баржи? Нет? Да, сейчас таких не строят. Такие суда рубили из кокорновых деревьев, то есть из деревьев, которые вместе с корнем из земли выворачивали. Корневище и ствол дерева вместе топорами обрабатывали, отчего копани

для барж и шхун получались из одного куска и были намного крепче составных. Такие, как говорят, цельные корпуса были намного прочнее и терпели воду по сто лет и больше...

ПРО НИКИТУШКУ ЛОМОВА

На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак, Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море. Плыл он раз по этому морю и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо востро. Товарищи уснули; ходит Ломов по палубе и посматривает; вдруг видит лодку с трухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть; трухменцы полезли из лодки на борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест в руку толщиной, и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли — то же. Те, что в лодке остались, пошли наутек, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал. «Что же ты нас не разбудил?» — «Да чего,— говорит,— будить-то? Я сам с ними управился».

В другой раз взъехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрянули. Ему пора выезжать с двора, а те возов перед воротами наставили — ходу нет. «Пустите, братцы,— говорит Ломов,— я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!» «Станем мы,— говорят возчики,— для тебя лошадей впрягать! Подождешь!» Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь; подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошую шутку сыграл. Идет как-то берегом, подходит к городу (уездному). Стоит город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся. «Чего вы, братцы, делаете?» — «Да вот какой-то купец нанял нас якорь вытащить». «За много ли нанялись?» — «Да всего за три рубля».— «Дайте-ка, я вам помогу!» Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать. «Ты зачем,— говорит,— им помогал? Я тебя рядил?» Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Те чуть не плачут. «Будет,— говорит,— с вас!» Сам ушел домой. Ломов и говорит: «Не печальтесь! Я с ним сыграю шутку; только после как деньги получите, водки мне штоф поставьте». Взял якорь на плечо и попер его

в гору. Навстречу баба с ведрами попалась (дело было к вечеру), увидала она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала замертво. Ломов взошел в гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота. Вернулся к мужикам и говорит: «Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!» Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил. «Ну, братцы, кто меня перегонит? Идет на полштоф?» — «Идет».— «Я побегу бечевой, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние!» Ударятся бежать и всегда Ломов выигрывал.

МЯЧИН

Однажды тут Мячин был, на заводе работал. И вот как подшутил он. Он больно силен был. Семь семериков взял за цепь и стащил в воду.

Лошади пришли, руду надо вешать — гирь нет. Кто-то взял.

— Ну,— Дубровин говорит,— окромя Мячина некому.

Мячин залез в воду, загремел цепью, вынес на берег семерики и положил.

Сперва не сознавался. А потом Дубровин похлопал его по плечу и говорит:

— Ну, я силен, да ты посильней меня!

МЕДВЕЖИЙ ПАРАД

В войне 1812 года было много взято в плен французов. Их отправили в глухие города вроде нашего Сергача.

Все они работали, выполняя какие-то дела по хозяйству, а иной раз просто бродили по улицам. Среди них были не только солдаты, но и офицеры, а в их числе даже один полковник.

Зима на тринадцатый год бедная была — еды не хватало, одежонка у французов неважна, но они храбрились. А полковник все ходил и говорил:

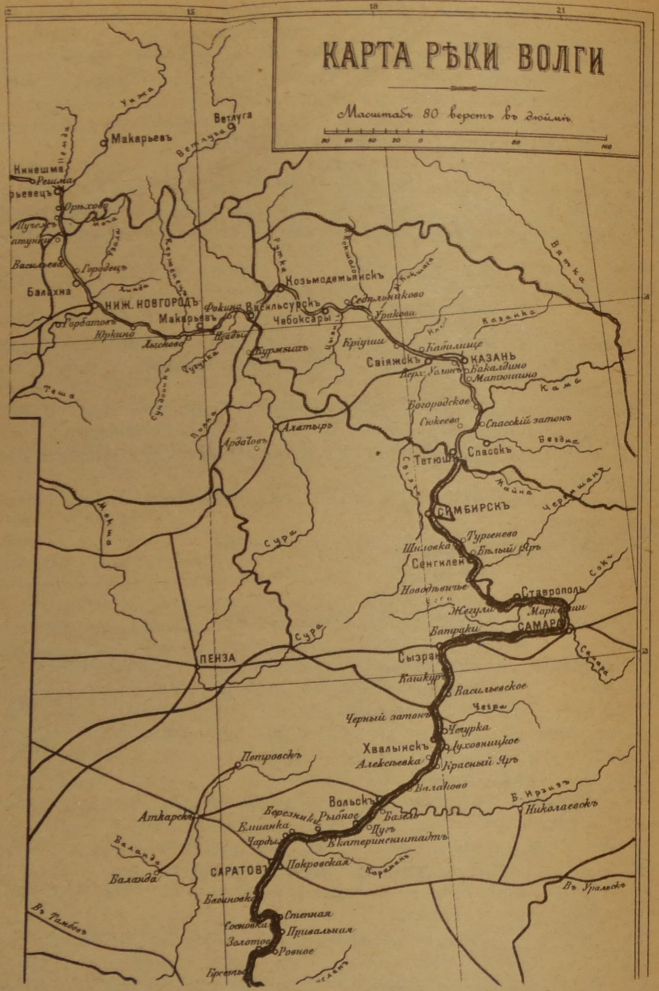
— Русские, кончается ваше время, сил у вас нет. Теперь мы победим. Весной Бонапарт соберет новую армию и победит вас.

Ну, а ему капитан — исправник сергачский то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

— Мы не боимся: у нас еще медведи есть. Сформируем из них полк.

И вот окрестные медвежатники, а ими жители сергачской округи давно славились, получили приказ: за неделю обучить своих медведей ходить в строю и выполнить команды «на руку» и «на плечо».

И этот капитан, что отдал приказ, пригласил всех французов,



Карта Средней Волги. 1912 год.

которые жили в Сергаче, на первый день масленичной недели на базарную площадь.

В назначенный час на площади под горой собрались медвежатники со своими дрессированными зверями. А было их до тысячи двухсот!..

И вот они построились и вместе с вожатыми пошли по главной улице города к базарной площади. Когда они вышли на площадь, раздалась команда «на плечо!» — и медведи подняли деревянные ружья одинакового образца. А когда послышалась команда «на руку!», они опустили их — как будто переходят в атаку.

Французы теснились у стен домов, смотрели на все это и удивлялись. А полковник их с краешку стоял.

И один большой медведь — то ль к французскому духу непривычен был, то ли пенсне у полковника сильно блестело, то ль надушился слишком сильно — так медведь этот как рявкнет на него! Полковник струсил да бежать...

После этого парада французы писали домой из плена:

«Есть в России такой город Дергач. Там против нас медведей на войну готовят — у них даже медведи воевать будут, и на Россию идти воевать больше нечего...»

НЕ СУМЕЛ ВЗЯТЬ КЛАД

Портной один на краю города, у реки Камы жил; вода под самые стены подходила. Были у него работники. Вот раз идет он по базару и попадается ему чувашенин. «Слушай,— говорит,— у тебя, портной, в доме клад есть». Тот смеется. «Где это?» — «Да в хлеве; как войдешь, так направо, в углу, к реке».— «Врешь ты,— говорит,— все, старый хрыч! Какой у меня клад?» — «Нет, не вру. Отрой его — богат будешь!» — «Ну тебя,— говорит,— вот выдумал!» И пошел домой. А дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай порою». Пошел искать этого чувашенина; нашел. Тот согласился. «Только с условием,— говорит,— с рабочими поделись; не поделишься — не дастся, и если в мысль тебе придет не делиться, клад уйдет, когда копать будешь». — «Хорошо».— «Достань икону, три свечки и заступ, а работника одного рыть заставь».

Вот пришел портной домой, одного работника оставил на ночь дома. Праздник был, все гулять ушли, он ему и говорит: «Останься, ты мне понадобишься, не ходи нынче гулять. Будем клад рыть».— «Ладно.»

Пришел ночью чувашенин, пошли в хлев, икону поставили, свечи зажгли. Работник с хозяином роют в углу, а чувашенин молитвы читает заговоренные, чтобы клад остановить. Только портной роет и думает: «Что это я, неужто своим добром с работником буду делиться? Чай на моем дворе-то, а не на его?» Как подумал про это, поднялся шум, икону за дверь выкинуло, свечи потухли,

и загудел клад, в землю пошел. Стало темно. И давай этого портного по земле возить; возит да возит (нечистая сила). Чувашенин говорит работнику: «Кинься на него! Упади!» Тот упал на хозяина: их двоих стало из угла в угол таскать. Насилу знахарь остановил заговорною молитвой. Клад ушел, а чувашенин после и говорит портному: «Вот не хотел поделиться, он и не дался тебе. А теперь в этом доме тебе житье: нечистая сила тебе в нем не даст ничего — все растащит». Портной видит, что плохо дело, взял да и от реки переселился выше, в другое место. И опять как был бедный, таким же и остался. Не умел взять клада.

ПОТАЙНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Никто не знает, что хранится под Волгой и в горах Жигулевских. А ведь непременно что-то есть. Сколько добра у купчишек было отнято! Сказывают, будто завладела этим добром Маринка — Гришки Отрепьева сожительница. Когда ее сослали в Ярославль, так она оттуда бежала в Астрахань, а потом укрылась на утесе Стеньки Разина.

Волгари сильно невзлюбили Маринку. Однажды два бурлака ночью поднялись на утес, и тут в полночь сама раскрылась перед ними дверь в потайное подземелье. Один-то и говорит другому: «Что я ни стану делать, знай молчи, а то худо придется. Нам бы только образ Спасителя вынести, тогда и добро все наше будет...»

Спустились они в подземелье. Большая горница. Каменный гроб, поперек три железных обруча. Кругом бочки с золотом, серебром, брильянтами. А до Спаса далече. Перед ним лампада теплится. И образ весь в золоте и брильянтах. Перекрестились бурлаки. Тут заводила-то поднял кувалду да как трахнет по обручам. Отлетели обручи. Содрогнулся и подпрыгнул каменный гроб. Поднялась крышка, и тут встала перед ними Маринка, баба красы неописанной. «Что вам надо, ребятушки? — ласково заговорила.— Деньги, каменья, самоцветы? Берите, братцы, сколько душе угодно».

Ничего не ответил старшой. Сгреб железные прутья и давай ими хлестать раскрасавицу. Обливается она кровью, молит о пощаде, а он знай хлещет. Ну, тут второй-то не выдержал: «Полно, брат, что с тобой? С ума ты что ли сошел? Она же и так все отдает...»

И только он это сказал — завыл ветер, сверкнул огонь, засмеялась радостно Маринка, и нечистая сила выбросила бурлаков на вершину утеса. Очухались они, ползают, ищут дверь в подземелье, а уже все пропало. Три года со страху не говорили. А пришли в разум, пробормотали: «Вот она, жалость-то, как нас губит!»

Владимир МОРОХИН

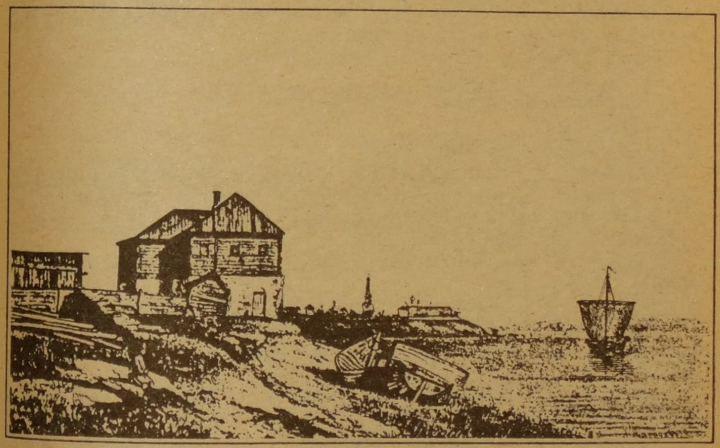
КАК ВАС ПРОЗЫВАЮТ?

Где, как не в пути, люди особенно быстро знакомятся и сходятся между собой в душевных разговорах. Выйдешь, бывало, на открытую солнцу и ветерку корму, где обычно располагаются пассажиры IV класса, и увидишь такую картину. Бывалый пассажир быстро находит себе место и умеет расположиться даже уютно, подстелив под себя прихваченный из дому мешок или дерюжку. Но вот все места разобраны, все кое-как расселись и даже прилегли, стараясь не обращать внимания на четвероногих соседей — собак и коз. Едут здесь крестьянин с косой или граблями, и мастеровой, и мещанин, мелкий торгаш и просто не знай кто — не угадаешь по обличью. Найдется и странник, который везде побывал, всего насмотрелся. И начинаются расспросы:

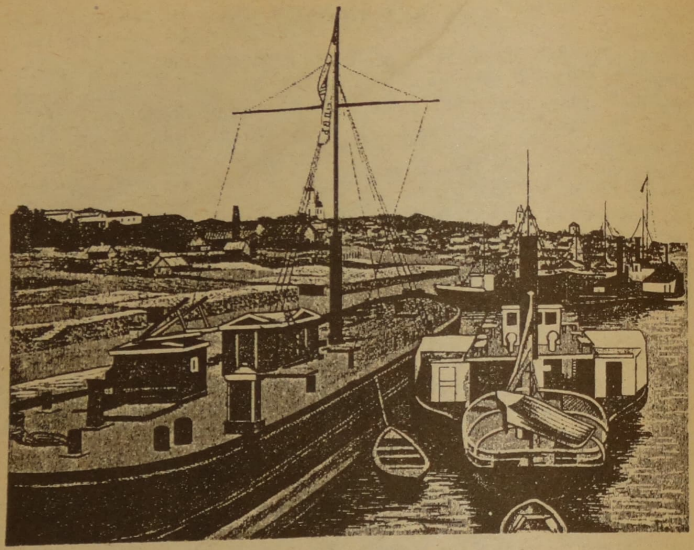
— Откуда едете? — задавал традиционный вопрос пассажир своему соседу и, получив ответ: «Из Костромы»,— говорил:— Ну, значит, «тамойка».

Если проезжающий отвечал, что он из Нижнего, его сразу называли «водохлебом», а астраханец иногда и сам называл себя «чилимником».

Каждое место — город, село — имели свое прозвище, прозвищами наделялись и их жители. С детства запомнились мне услышанные на пароходной корме смешные поговорки-прозвища. Родились эти прозвища с незапамятных времен и держались за городами долго целыми столетиями. Жители на них особенно не обижались, хотя некоторые можно было посчитать довольно обидны-



Поволжская деревня. Рисунок XIX века



Пристани у Саратова. Середина XIX века

ми. Многие из них давно уже вышли из употребления, время изменило отношения между людьми.

Город Зубцов в верхнем течении Волги:

— Ты чей, молодеч?

— Зубцовский купеч.

— Где был?

— В Москве, по миру ходил.

Кимряки — сычужники, летом штукатуры, зимой чеботари. Петуха на канате держали, чтобы на чужую землю не ходил.

Калязинцы собаку приняли за волка, бобра за свинью. У нас, у Макарья, все девки Натальи.

Тверичи — козлятники, через забор козу пряниками кормили, думая, что это девка.

Угличане — толокчане, Волгу хотели запрудить толокном.

Мологжане — коноводы, сицкари (плотники). Сицкарь с топором, что казак с конем. Сицкаря топор одевает, топор обувает, топор кормит.

Рыбинские белотельцы извели пуд мыла, чтобы смыть у родной сестры родимое пятнышко, для этого нарочно и баню топили.

Ярославцы — красавцы, чистоплюи, франты, белоручки, песенники, конфетчики, кукушкины дети.

Романово-Борисоглебск (Тутаев): романовцы — схорони концы. Барана в зыбке закачали.

Кострома: тамойка. Вон он тамой-ко стоит.

Нижегородцы — водохлебы. Воды много, а почерпнуть нечего (вследствие расположения города на горе, а также за прибавление к каждой фразе приставки «чай»).

Самара: горчичники — вольница.

Саратов: чехонники. Чехонь через собор перепрыгнула, а мещане этот собор с молотка продали.

Астрахань: чилимники. Из чилима (водяного ореха) делали муку и несколько раз благодаря этому спасались от голода.

Города, расположенные на Оке и других реках, имели тоже народные шуточные прозвища:

Рязанцы — ягутки.

— У нас в Ризани житье привольное: баба на плоть придеть, леща убьеть, пирог загнеть.

— А что же вы побираетесь?

— А есть нечего.

И еще.

— У нас в Ризани пироги едять с глазами. Их едять, а они глидять.

Тамбов: Макары, Макар-простак. По преданию, Петр I встретил в Кадомах трех мужиков, оказавшихся Макарами, и сказал в шутку: «Будьте же вы все Макары».

Пенза: толстоногие, толстопяты.

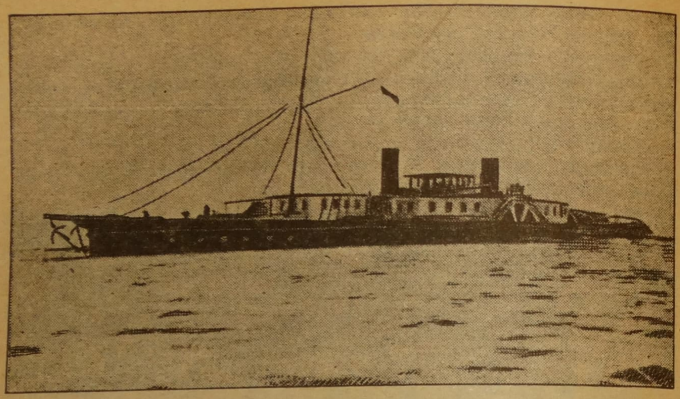
Владимир: богомазы (иконописцы).

Вятка: вятской народ хватской. Вятские — рожки, свистоплясы, слепороды. Некогда свою рать побили, приняв ее за неприятеля. Вятка — хлебу матка.

ПЕРВЫЙ СИЛАЧ ВОЛГИ

В 1890 году на верфи при Мотовилихинском пушечном заводе по заказу судовладельца Ушакова был построен буксирный пароход под немного странным названием — «Ределя князь Косогский». Это был мощный пароход, в железном корпусе, с двумя паровыми машинами. Однако же из-за большой осадки (без груза и топлива —9 четвертей) судно заказчиком принято не было и долгое время стояло без действия. Впоследствии пароход был приобретен у завода обществом «Мазут». За ним установилась слава первого силача Волги, водившего на буксире до сорока некрупных барж.

О «Ределе» на Волге ходили целые легенды, в которых, конечно, была и некоторая доля правды. Рассказывали, например, такую историю. Вел как-то «Ределя» на буксире большой караван деревянных барж, груженых солью, как говорят волгари, «целую деревню». И вот одна из барж сильно прихватила мели. Но бук-



Пароход «Ередедя князь Косогский», позднее «Степан Разин»

сирный пароход этого не почувствовал и продолжал идти дальше. Никто на нем и не заметил, что баржа была почти разорвана, а соль вытекла в Волгу. Остатки оторвавшейся баржи были потом заметены песком, и образовался перекат под названием Соляной.

А вот еще одна из историй, связанных со знаменитым буксиром. Рассказывают, будто однажды хозяин парохода поспорил с одним из купцов, что «Ередедя» стащит его мельницу в Волгу. Мельница эта, имевшая вид круглой башни, стояла на берегу реки около Астрахани. Владелец ее, распалившись, доказывал, что хоть и велика сила у буксира, но мельницу ему не опрокинуть. Такие споры в те времена были не редкостью у купцов-толстосумов. Они готовы были ни перед чем не остановиться, лишь бы потешить свое тщеславие по принципу «ндраву моему не препятствуй!».

И вот спорщики деятельно взялись за дело. Сотня рабочих опутывала здание мельницы цепями, тросами. Наконец все было подготовлено к выполнению этого чудачества.

К месту развертывавшихся событий был подведен и сам «Ередедя», с которого был подан толстый буксир (цинкач) и произведена соответствующая учалка. Медленно стал отходить «Ередедя», постепенно увеличивая ход. Все дальше и дальше. И наконец свершилось то, что и должно было произойти: натянутые до предела цепи и стальные тросы прорезали каменную кладку здания, и оно в облаке красной кирпичной пыли с большим грохотом сначала осело, а потом повалилось на бок под восторженные крики многочисленных зевак. Особенно радовались спорщики, хотя один из них и потерял мельницу. Но и он с восторгом повторял: «Ах ты, черт, до чего ж силен! Всем пароходам пароход!»

МАШИНИСТ

У купца Зотова на пароходе вдруг запил машинист. И команда на две вахты набрана полностью, и трюмы полны рыбой, и лед прошел, а он, стервец, лежит на берегу босой и орет:

— Ни-че-го я знать не хочу и нич-чего я не желаю.

В Астрахани в эту пору машиниста не найдешь. Что делать? Хоть трюмы разгружай! Об этой заботе рассказал Зотов своему приятелю, трактирщику, за вечерним чаем.

А тут, за соседним столиком, человек сидел, тоже чайком баловался. Неказистый такой на первый взгляд, лет под пятьдесят, усатенький, сутулый, но одежонка на нем справная.

Встает этот человек, подходит к купцу и спокойно так говорит:

— Я машинистом, пожалуй, к вам пойду, при двух, однако, условиях. Первое — коли пойдете до Ярославля. Второе — если масленщики мне подойдут,— лодырей мне не надо, пьяниц тоже.

Обрадовался купец, ожил, графинчик велел подать, поросеночка с хреном, осетринки. А как же, иначе — тысячи гибнут.

— Да что,— говорит,— до Ярославля, я до Рыбинска иду, а масленщики у меня — Емельян да Яшка — работают давно, а не покажутся тебе, сменим, масленщика найти не диво: жалование я против других на пятерку больше плачу, а кормежка у меня на судне...— Словом, уговорил...

Машинист рюмку водки выпил, вторую налить не дал, ладонью ее прикрыл — за угощение, мол, премного благодарен.

Вот вечером машинист о чем-то с масленщиками потолковал и решил их оставить. А утром, чуть свет, благословясь, отчалили.

Вот плывут они день, два плывут. Волгой любуются. Хозяин с машинистом чайком балуются, только вдруг бежит масленщик Яков.

— Плохо,— говорит,— дело, труба дымогарная потекла.

А машинист спокойно так говорит взволнованному Якову:

— Так ты что, разве не знаешь, что в таких случаях надо делать?

— Как не знать. У нас и заглушки приготовлены, так ведь становиться надо.

Ну, вышли они с фарватера, якорь положили. А часа через два уже и дальше потопали.

Что у них еще в пути было? Да! Стекло водомерное у котла лопнуло. Сальник цилиндра парить начал. А уж на подходе к Нижнему — мотылевый подшипник постукивать стал.

И ни разу машинист не опростоволосился, чуть что, говорит Якову:

— Так ты что, в самом деле не сообразишь, что делать?

Тот подумает и скажет.

А машинист ему:

— Ну, додул-таки. Правильно, так и делай.

Так дошли они до Рыбинска. Распродал купец товары, погуля-

ли они малость, и так Зотову машинист полюбился, что он ему говорит:

— Оставайся у меня насовсем, я тебе еще пятерку прибавлю.

— Нет, Климыч,— машинист ему,— я здешний, ярославец, да и не машинист я. Портной. А машинистом ты Якова поставь. Яков — он дело знает.

ЛОЦМАН

На Волге широко бытовала профессия лоцмана. Выходцы в основном из крестьян прибрежных сел Волги, Камы, Вятки, Оки, Суры и других рек, лоцманы водили суда. Это были люди очень узкой специальности, в совершенстве знавшие плесы реки и не отвлекаемые больше ни на какую другую работу на судне. Правда, за плесом они следили с большим вниманием, уделяя этому даже время, свободное от вахт. К примеру, сидит он у себя в каюте, чаек попивает, а сам внимательно смотрит в окно — за плесом, за обстановкой*, за всеми изменениями на реке и как идет его напарник — другой лоцман, стоящий на вахте. Поэтому, как правило, их каюты располагались на нижней палубе, в носовой части судна, по обеим сторонам, чтобы удобно было просматривать плес. Или заберется лоцман на самый нос и поглядывает, примечая все, что необходимо ему для безопасного движения судна. Главным образом, он следит за изменением стоящей на реке обстановки. А река очень капризничала, часто менялся ее фарватер, следовательно, и обстановка переносилась с одного места на другое.

Зорким должен был быть глаз у лоцмана. Да и как же иначе, ведь никаких специальных школ и в помине не было. Зрительная память да внимание — вот и вся наука. Карт лоцманы не знали и не умели их читать (просматривали карты капитаны и помощники капитанов).

Звание лоцмана приобреталось исключительно практикой — нахоженностью. Обыкновенно лоцман брал к себе в помощь (или капитан назначал) смышленого, толкового матроса. Назывался он штурвальным и в течение ряда лет постепенно изучал плес во всех его деталях. Запомнить перекаты с их особенностями, названия сел, местечек — дело отнюдь не легкое, да еще попадались лоцманы, ревниво оберегавшие свои знания и секреты. Такие скупо отвечали на вопросы молодого штурвального, и последнему приходилось «потрафлять» учителю. А то нередко на вопрос, как называется село, лоцман недружелюбно отвечал: «Я там не побирался, по миру не ходил» — и молчок. Но таких было немного. Другие же с большой охотой обучали молодых, прививали им любовь к Волге.

---

* Обстановкой называется система береговых и водных знаков, указывающих фарватер.

Были лоцманы в основном малограмотные, с невысокой общей культурой, но дело свое знали отлично. Внешне они выделялись среди судовой команды степенным видом, солидностью, строгостью. Их всегда можно было легко узнать по внешнему виду. И звали их обычно «дядя-лоцман».

Кто соприкасался с лоцманами в работе, отмечал, что люди это были серьезные, хозяйственные, дело свое знали хорошо и к работе относились добросовестно, зная, что нужно «сколотить копеечку» на зиму и на будущее житье. Терпеть не могли лишней болтовни в штурвальной рубке во время вахты и чрезвычайно скупо отвечали на вопросы пассажиров, очутившихся наверху, считая, что в рубке должна царить деловая обстановка (в чем, конечно, были правы). Свои команды «дядя» подавал негромко, больше показывая жестом, ограничиваясь лишь словами: «Не вались направо (или налево)», «Вон, видишь, на горе дерево (или крест) — держи на него!» Если хлопал ладонью по штурвалу, это означало, что он берет его сам.

Для капитанов и лоцманов в рубке стояли высокие табуретки. Но лоцманы садились только в отсутствие капитана. При нем же всегда стояли. Традиции они соблюдали ревностно. Достаточно сказать, что мне за свою работу ни разу не приходилось видеть, чтобы лоцман поднялся на капитанский мостик левым трапом, так называемым капитанским, хотя никакого официального установления на этот счет не было (впрочем, и мы, молодые помощники капитанов и практиканты из речного училища, также ревностно соблюдали эту традицию).

В лоцманах ходили люди в возрасте от сорока лет и старше. Один из них считался старшим, и жалования ему полагалось больше. Вахту, как правило, он стоял ночную, вместе с капитаном, и, конечно, считался лучшим лоцманом на судне. Дальше своей должности лоцманы не двигались — это был потолок; правда, на буксирных судах часть из них выходила все-таки в капитаны.

ГРУЗЧИКИ

Этот разряд волжских рабочих был многочисленным — несколько десятков тысяч.

С детства я наблюдал за ними и полюбил за могучую силу, ловкость, за зычные голоса, задорные песни и острые словечки. Это был особый народ, отличавшийся удалью, бесшабашностью и в то же время удивительной наивностью.

Обычно артель появлялась на судне с громким криком: «Бо-о-цман!» Потом начиналась процедура раздела грузовых трюмов. Она напоминает мне начало футбольного матча, когда судья бросает жребий, кому какие ворота занять. На палубу бросался пятак. Орел или решка решали, кому идти в носовой трюм, кому — на корму. Иногда процедура заканчивалась криком недовольных,

которым достался невыгодный груз. Особенно не любили грузчики домашние вещи и масляную краску в банках, от которых, по их словам, была «одна ходьба с дымом». Нагрузить много банок невозможно — они падали, приходилось их таскать помалу, отчего страдал заработок. Им нравился компактный груз с большим весом — мука, горох, сахар в мешках, рыба в бочках. Бочки разных размеров — тары, полутары, румынки — буквально вылетали из трюмов под задорную припевку:

Вы, ребята, собрались,
За веревочку взялись,
Ой, дубинушка, ухнем!
Раззеленая сама пойдет!
Идет! Идет! Сама пойдет!

Запевки эти, или песни, если их можно так называть, отличались чрезвычайной несложностью, хотя в них нередко звучала тонкая наблюдательность, ирония по адресу подрядчика и самой публики, слушающей песни. Например:

Вот идет усатый,
Рыжий, бородатый...

или:

Эх, золотая наша рота
Тащит черта из болота...

или еще:

Вы, ребята, дери глотку,
Нам подрядчик даст на водку.

и опять:

Эх, дубинушка, ухнем!

Пелось это довольно слаженно, стройно, пожалуй, даже красиво.

Иногда видишь, артель сидит нахохлившись на своих грузовых подушках или на корточках.

— Что, ребята, приуныли?

Махнут рукой:

— Погуляли вчерась. Разве не видишь — темно на берегу?

Это означало, что все столбы с керосиновыми фонарями подгулявшая артель вывернула из земли. Гуляет в них силушка, кровь бродит, хмель ярит, ищет душа выхода. Тяжелая работа выматывает руки, сутулит спину. Хозяин жмется, норовит обсчитать. Бывало, что и мстили такому зло, но и остроумно. С детства я слышал, как артель грузчиков в селе Богородском (теперь Камское Устье) проучила купчину. Хозяин недодал деньги грузчикам за доставку адмиралтейского якоря на баржу. Артель бросила якорь на заплеске и ушла. Но темной ночью дружно перетащила его к дому купчины и навесила на крепкие дубовые ворота, да так тихо, что ни хозяин, ни прислуга не слышали.

Пришлось купцу идти на поклон к той же артели и слезно кланяться, чтобы простили и за приличную плату сняли якорь.

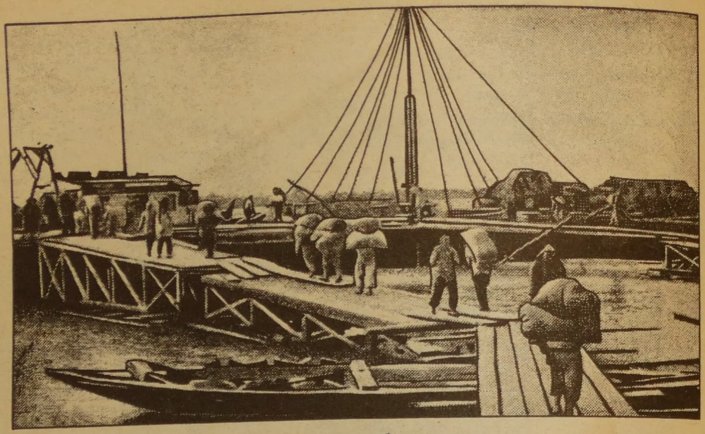
Грузчик был фигурой колоритной. Рослый, здоровый, с широ-

Волжские грузчики

кой грудью, в рубахе с расстегнутым воротом, с крепкими мускулистыми ногами в лаптях и онучах. Обязательная принадлежность каждого грузчика — висящий на груди железный крючок с длинным хвостом, сплетенным из конского волоса. И наконец, самое главное орудие его труда — подушка, или ярмо, надеваемое на спину,— род седла с поперечным выступом в нижней части, на котором и держится груз. Чтобы ноша не скользила на спине, ее придерживают руками и крючком.

Крючникам, иначе называемым горбылями, приходилось таскать за день до 500 пудов груза, а в иные напряженные дни и до 700 пудов.

Это были постоянные работники — профессионалы, специалисты своего дела. Приходили они из сел и деревень Нижегородской, Казанской, Симбирской губерний и славились своей силой, ловкостью, умением быстро и четко работать. Это касалось, главным образом, крестьян из села Промзина на Суре. Звали их просто «промза». В свое время поговаривали, что парням этого села общество запрещало брать себе в жены девушек из других сел и деревень. Делалось это в целях сохранения в жителях природных качеств. А промзинцы, действительно, были молодцы один к одному и выглядели богатырями, пока не изнашивались на своей работе. Тяжесть этого труда нашла отражение в их песнях-запевках: «Эх, матушка Волга, широка и глубока, доля наша тяжела. Эх,



Погрузка барж

укатала Волга нас» и т. д.

По роду своей работы крючники разделялись на группы: горбачи, ка́тали, тачечники, подъемщики, укладчики, спускальщики. Главная тяжесть ложилась на долю простых грузчиков-горбачей, в большинстве своем способных подымать кладь до 15 пудов. Более тяжелые и громоздкие предметы переносились на руках или плечах несколькими человеками или же перемещались волоком при помощи веревки и таскательной доски.

Рабочий день грузчика зависел от времени прихода и отхода судна и длился не менее 14 часов, без учета дня и ночи, особенно на промежуточных пристанях. Правда, были перерывы для отдыха в виде перекура и небольшой паузы. Эти кратковременные передышки назывались «залогами».

Жили грузчики всегда вместе, артельно, нанимая помещение поближе к пристаням, иногда даже размещаясь на пристанях, в трюмах дебаркадеров. Все «удобства» сводились, как правило, к общим нарам, на которых отдыхали и спали, подложив под себя смятую пропотевшую одежду, тут же и ели, а под нарами держали посуду, продовольственные припасы. Питание чаще всего организовывали сами. Для этого выбирали артельщика, который часто даже освобождался от грузовой работы. На него ложилась обязанность закупать продукты, а так как хранить их было негде, то забирались они в частных лавках ежедневно на книжку. Расчет производился через каждые две недели — в дни получки.

Заработок колебался в среднем от 150 до 250 рублей за навигацию, но на руки грузчик получал обычно 50—100 рублей, которые и вез домой, остальное вычиталось за харчи.

Крючник. Литография С. В. Иванова. Конец XIX — начало XX века

Все это касалось основных грузчиков, которые ранней весной по снегу покидали свои села и деревни и шли на заработки в приволжские города. Они часто и работали у одних и тех же хозяев — судоходных обществ и компаний. Из года в год приходили они на Волгу до тех пор, пока не изнашивались совсем. После сорока лет грузчики бросали свою работу из-за профессиональных заболева-

ний: искривления позвоночника, расширения вен, многочисленных грыж, ревматизма, опухолей.

Были на Волге и другие грузчики — временные, которые набирались из случайных людей: безработных, босяков и вообще пропойц. Постоянной работой они не обеспечивались, занимались разгрузкой и погрузкой судов только в тех случаях, когда нужно было срочно распаузить суда ввиду мелководья, а рабочих рук не хватало. Конкурировать с основными грузчиками они были не в состоянии вследствие непривычки к постоянному труду, отсутствия ловкости, силы и быстроты в работе, а также из-за пристрастия к хмельному. На Волге такие грузчики носили разные названия: в Рыбинске их звали «зимогорами» (часть их даже зимой не возвращалась домой, а ютилась в ночлежках), в Нижнем — «золотой ротой», в низовье — «галахами» (название произошло от дома Галахова в Саратове), в Казани — просто «босяками», и жили они там на Мокрой улице. Летом ночевали на пристанях, под лодкой, а то и просто под открытым небом, на обочине мостовой.

Существовал еще один тип грузчика — амбалы. Так называли грузчиков-персов в южных портах и пристанях Каспия. Работали они у нас, главным образом, в Баку и особенно много — в самой Астрахани, а также на 12-футовом рейде Каспийского моря. И если была бесправна жизнь русских крючников, то участь людей, не знавших русского языка и отданных в неограниченную власть свирепому подрядчику, единственному человеку, которого они знали и которому слепо подчинялись, была ужасна. Амбалы подвергались всем видам унижения, вплоть до ударов палкой или плеткой. Пища их была очень скудной: чурек, кислое молоко, овощи и фрукты. Тем не менее амбалы считались неплохими работниками и даже могли в известной степени конкурировать, главным образом по дешевизне обработки грузов, с нашими основными грузчиками — «промзой». Судовладельцы брали их на работу с охотой, так как работали они за бесценок.

Если наш основной грузчик-крючник начинал свою работу, он твердо знал, за кем он ходит, так называемую марку. Первый, начиная, кричал зычным голосом: «Ходи, мальчик, я пошел!» Мешок или другая кладь лежала у него на спине так, что нести было удобно и сравнительно легко. У амбалов такая же поклажа располагалась на спине неправильно (лишь одна треть лежала на подушке в виде осиного гнезда, вызывая удивление наших крючников). И с криком «ада, ада!», бегом, без учета «марки», амбалы неслись с парохода в лабаз, приводя иной раз в смятение приказчиков и боцманов суетливостью, ибо часто из-за этого происходила путаница в маркировке грузов. Но их выносливости и неприхотливости можно было только удивляться. Работали амбалы только летом, зимой, как правило, уезжали домой, в Персию.

Михаил ЕЖОВ

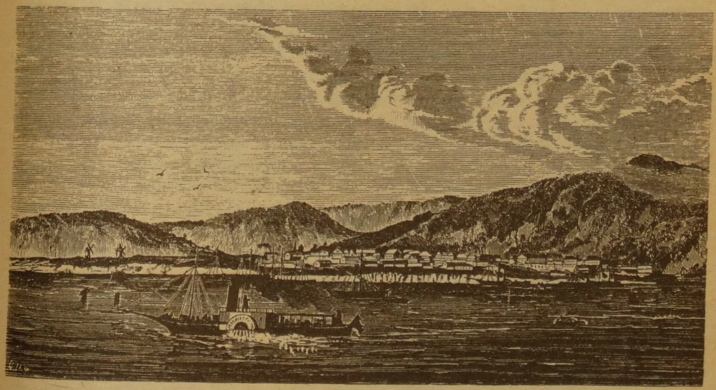
ПАРОХОД НА ЛУГУ

Главным и наиболее уважаемым человеком на речном пароходе был лоцман. Без капитана пароход мог бы пойти, а без лоцмана — едва ли. Лоцман должен был знать весь фарватер реки, а Волга до 50-х годов была река своенравная, кидалась от берега к берегу, везде выбивала песок и глину с берегов, насыпала то тут то там новые и новые мели. И уровень воды все время менялся, летом, особенно к осени — сплошные мели, песчаные косы. Узкий фарватер вилял, иногда долго приходилось ждать, пропуская встречный караван или медленно плестись вслед за плотом, пока не представится случай его обогнать.

Ходовые знаки — береговые створные огни, бакены — освещались керосиновыми лампами и горели довольно тускло. Лоцманы им мало доверяли, полагаясь во многом на интуицию, свои ориентиры, выбранные за много лет, складывали даже побасенки: «Каменный стоит ловко, а пониже есть Вязовка, а в Вязовке нет воды, а пониже есть Пады. В Падах хвалятся — пониже есть Старицы, а в Старицах Крутой Яр, а пониже Черный Яр. Черный Яр город хваленый, а пониже есть Соленый. А в Соленом трепачи, а пониже есть Грачи...» — и так до Астрахани. Или от Саратова: «Мордовое, Золотое, Трубино и Меловое, Банновка, Крестовое, Щербаковка, Мостовое...» Побасенки сочинялись для всей Волги, и были разные легенды о происхождении названий деревень.

Почему село Золотое названо так? Вот одна из версий. Приезжал туда приказчик и расплачивался с бригадой бурлаков. Ниже Банновка — там бурлакам баню топили. Еще с десяток верст пониже была деревня Лапти, там вроде бы лапти бурлакам выдавали.

Велика была Волга-матушка, более 3000 верст судоходного пу-



Деревня Моркваши на Волге. Гравюра XIX века

ти. И везде бакены, у левого берега белые, у правого красные — трехгранные пирамидки из досок на треугольном плотике, на вершине фонарь керосиновый. Каждый вечер бакенщик зажигал фонарь, каждое утро тушил да еще промерял глубину и переставлял бакен по мере необходимости. За сбитый бакен полагался штраф, а сбить его было несложно, ведь буксиры тащили не одну баржу. Был двухтрубный пароход «Князь Ределя Косогский» (после — «Степан Разин»), который тащил по 8 крупных груженых барж. Он проходил с ними не останавливаясь даже увекский перекат, где другие обычно ставили баржи на якорь и по одной проводили через перекат. Такие длинные караваны лоцманы проводили по Верхней Волге, где летом был очень узкий фарватер. Бакены белый и красный почти рядом стояли, а поблизости и бакенщик на лодке, сбил бакен караван — бакенщик поднимает белый флажок, капитан дает свисток и останавливает пароход. Составляется акт о штрафе в пользу казны. Но не всегда можно было остановиться без труда на перекатах, поэтому делали проще: в рубке лежала поленица дров, в которые были забиты полтинники или серебряные рубли. Сбили бакен — капитан кидает в воду полено, бакенщик его ловит, это уже не в казну доход. Так бакенщики ухитрялись крепить бакены «на живую нитку», чуть тронешь — он тут же бултыхнется под плотик и висит там на веревочке. Капитан думает, что разбил бакен и кидает в воду полено. И как только отплывет судно, бакенщик достает за веревочку бакен и снова ждет караван, было и такое.

Случалось, что даже бывалые лоцманы сажали на мель суда. 10 мая 1917 года вышел из Нижнего лучший и самый большой на Волге пароход «Алеша Попович» — бывший «Великая княжна Ольга Николаевна». У Симбирска подул ветер, ночь без просвета, и бакенов еще не поставили. В капитанской рубке были лоцман Поспелов, капитан Поплавский и рулевой Сидоров. Увидев огонь, они обрадовались, и штурвальный взял вправо — пошел на огонь. Последовал удар, под днищем заскрипел грунт, сколько ни крутили колеса, пароход стоял. Рассвело; оказалось, ушли в пойму на полверсты — не тот оказался огонек. Подошли буксиры, пробовали сдвинуть пароход, но тросы рвались, даже кнехт вырвали, но пароход не шевельнулся. Через пару дней вода ушла, и пароход остался на лугу, как модель на столе в музее, что в нашем Саратовском грузовом порту.

Общество «Самолет» срочно начало переговоры с иностранными инженерами, а те заломили большие суммы. На Волге в селе Верхний Услон жил Трифон Кленков, плотник и такелажник, мастер поднимать суда. Он подрядился снять пароход за 40 тысяч, а если удастся все благополучно, то с прибавкой еще 10 тысяч. В договоре определили сроки —28 дней. К пароходу стали стекаться жители из соседних деревень, в основном женщины — мужчины были на фронте. Работали по 12 часов в сутки, берег выровняли, местами срыли, землю увозили на тачках и подводах. Подвели

под пароход лежни, катки и «салазки». Пароход был поднят и поставлен в клетки — а ведь вес судна был 900 тонн. 18 июня судно было спущено на воду, и он ушел в Нижний.

В июне 1934 года пароход «Иосиф Сталин» (бывший «Графиня» общества «По Волге») шел в Астрахань. Оставалось 100 километров до города. Ночью судно село на мель на скорости 30 километров в час в верхней части Тюменского Яра. Были приняты экстренные меры, и до того, как вода спала, с помощью смазанных деревянных брусьев пароход удалось оттащить на фарватер.

ПОЖАРЫ НА ПАРОХОДАХ

До постройки плотин мели были главным врагом судоходства. То и дело пароходы опаздывали — садились на мель. Рации еще не было, пока идущий мимо пароход с какой-нибудь пристани вызовет помощь, пока стащат с мели, могут и сутки пройти.

Где-то перед войной, году в сороковом, камский теплоход «Георгий Седов» стал разворачиваться у саратовских пристаней и крепко сел на мель. Весь день его стаскивали, но стальные тросы со звоном рвались, только на рассвете удалось его стащить. А «Академик Бах» — огромный пароход, бравший более 600 тонн груза (бывший «Христофор Колумб») — как-то грузил бумагу у бумкомбината в Балахне. Долгие часы катали матросы огромные рулоны бумаги, и когда погрузка закончилась, пароход, дав третий свисток, попытался отправиться в рейс, но ему это не удалось. Колеса работали, но пароход крепко сел на мель у самой пристани. Подали трап и стали выгружать часть груза, пока судно не оторвалось от дна.

Особенно трудно было на верхней Волге, а осенью по всей реке было мелко, с многих пристаней дебаркадеры переводились на коренную Волгу за острова, и пассажиры добирались до них на лодках. Но для пассажиров мели не представляли никакой угрозы, ну постоит пароход, ну стащат его, потом он нагонит время, так как запасы мощи у машин были. А вот пожары — это уже очень страшно. Кругом сухое дерево, масляная краска.

«Эпидемия» пожаров вспыхнула на Волге в 1914 году, хотя и до этого были пожары, сгорел пароход «Вера» общества «Самолет», «Боярин» общества «По Волге». Но в 1914 году было особенно много пожаров. Ночью шел мимо Мариинского Посада пароход общества «По Волге», огромный и комфортабельный «Царица». Все спали, в том числе и вахта на главной палубе — матросы устали после погрузки. Огонь в кормовом пролете увидели с плотов и крикнули в рупор: «На «Царице»! Вы горите, пожар!» Штурвальный услышал, поднял тревогу. Капитан Назаров для спасения пассажиров отвел пароход к левому берегу, на мелководье. За 20 минут сгорела вся деревянная надстройка, несколько человек погибли. Причина пожара — курение пассажиров в IV классе, а тут еще спящие матросы, легко воспламеняющийся груз.

В Царицыне загорелось машинное отделение лучшего парохода общества «По Волге» — «Гражданин», но команда сумела потушить пламя. Сгорела каюта 1 класса парохода «Отец» Волжско-Камского коммерческого общества, чья контора находилась в Саратове на Б. Сергиевской улице. Видимо, нетрезвый пассажир заснул с сигарой в зубах. Но самый крупный пожар случился на пароходе того же общества «Савин».

Был жаркий солнечный день. Саратовский яхтклуб проводил гонки, набережная полна народа. Пароход «Савин» стоял у пристани, все пассажиры и команда столпились на террасе правого борта, смотрели соревнования. А в машинном отделении кто-то второпях опрокинул емкость с горючим. Тонкая струйка потекла по полу и где-то у форсунки воспламенилась. Когда раздалась пожарная тревога, главная палуба была вся в огне, на берег выбраться уже невозможно. Люди ныряли в Волгу с правого борта. Вскоре канаты перегорели, и горящий пароход медленно поплыл по течению, поджигая один за другим дебаркадеры и стоящие мелкие суда. Стена огня стояла на набережной Саратова, горели береговые постройки, груз, кучи мешков с воблой, а «Савин» плыл, зажигая все новые «жертвы».

Откуда-то взялась кинокамера, и через несколько дней во всех городах России показывали фотодокументальный фильм о пожаре в Саратове. Через два года сгоревший дотла «Савин» был восстановлен и под названием «Пригородный» ходил в составе судов ВККП, а после национализации снова под новым названием — «Волжская коммуна» — ходил на местных линиях Саратовского порта.

После этих пожаров судоходная инспекция «подтянула гайки». Устраивались учебные пожарные тревоги, ужесточились правила перевозки огнеопасных грузов, и 4 года пожаров на пассажирских судах не было. И началось снова с общества «По Волге», вернее, с его бывших судов. В 1918 году под Царицыном сгорел самый быстроходный пароход «Графиня», который после восстановления назывался «Иосиф Сталин» и окончательно сгорел в 1942 году у Сталинграда. В 1919 году в устье реки Чусовой сгорел «Самодержец», там же тогда же сгорели три последних парохода братьев Каменских. В 20-е годы сгорели бывшие «Императрица», «Императрица Александра», «Император Николай II», «Царь», «Боярыня» — все, бывшие у общества «По Волге», правда, носившие тогда уже другие названия.

В 20-е годы положение наладилось, и до самой Великой Отечественной войны не слышно было о пожарах на пароходах. Но в 1942 году немецкие летчики закидали Волгу акустическими и магнитными минами, которые опускались на дно и при приближении судна всплывали и взрывали его. Погибли теплоходы «Ильич», «Академик Тимирязев», «Красноармеец», «Карл Либкнехт», «X лет «Комсомольской правды» и другие.

После перерыва более чем в десятилетие загорелся на Дону по-

строенный в Чехословакии новый дизельэлектроход «Украина»: маслопровод дал течь, воспламенилось все свежепокрашенное — и весь первый этаж в огне. Дон река узкая, капитан приткнулся к берегу. Но одни бросались в воду, а другие в первую очередь кидали туда свои чемоданы, прямо на головы плывущих. В такой обстановке погибло несколько пассажиров, капитан и несколько человек из команды.

К 60-м годам списали большие и громоздкие пароходы обществ «Русь», «Кавказ и Меркурий», не хватало для них груза, они стали нерентабельны. Но лучший из них, бывший «Александр» общества «Русь» решили отремонтировать и оставить на плаву. Весной 1958 года пароход был полностью восстановлен. Днями он должен был отправиться в рейс. Только сварщик замешкался — не успел что-то приварить в машинном отделении. Тут его окликнули с берега, и он, положив электрод на столик, не выключив сварочный аппарат, побежал на берег. Мимо прошел катер, пароход слегка качнуло, электрод упал... В результате короткого замыкания громадный пароход в считанные минуты превратился в горящий факел. Перед этим в Белом городке сгорело 3 парохода.

1978 год. В Астрахани стоят три теплохода у причала; апрель, после ремонта они свежевыкрашены. «25 октября» и «Семнадцатый год» построены еще обществом «Кавказ и Меркурий», и новый импортный теплоход «Валентина Терешкова». На одном из них в каюте была включена плитка для обогрева, вахтенный ушел на берег... А потом то же самое: от качки плитка упала на ковер — и три парохода сгорели дотла. И уже в 80-х годах сгорел флагман, дизельэлектроход «Ленин» сормовской постройки 50-х годов.

Кроме пожаров опасались на судах взрыва котлов. Рассказы о таких несчастьях передавались из уст в уста.

...Идет по верхней Волге однопалубный пароход. Перед штурвальной рубкой стоит стол с яствами и напитками. За столом хозяин парохода, его гости, конечно же, среди них дамы. Тихий ясный день. Хозяин хвалит пароход. И вдруг видит, что их обгоняет двухэтажный пароход общества «Самолет». Подозвал капитана: «Давай полный, самый полный!» Колеса застучали веселей, но «самолетский» уже обогнал и уходит. Хозяин снова подозвал капитана: «Подать мне этого колбасника!» Поднялся немец-механик. «Дай что можно и что нельзя, чтобы мы тотчас обогнали вон тот пароход»,— приказывает хозяин. «Это самолетский пароход, у него сильный бельгийский машина, у нас старая машин и слябий котьел, он может, может лопнуть». «Если ты сейчас же не обгонишь его, я тебя и всех твоих машинистов выгоню взашей, а если обогнать сумеешь — тебе стольник, а ребятам по золотнику. Чеши».

Механик ушел, что-то бормоча, и вскоре машина застонала, зашипела, колесо как в лихорадке начало барабанить по воде, да и весь пароходик затрясся, заскрежетал. Вскоре «Самолет» стал отставать, и когда оказался за кормой, хозяин пароходика, его гости

и пассажиры в азарте стали кричать, не взять ли их на буксир. А «самолетники» увидели облако пара и услышали глухой страшный удар. Говорят, когда пар рассеялся, по воде плавал один стол...

Но это все легенды. А вот быль. Последний пароход, построенный обществом «Русь», назывался «А. П. Мещерский». Его принимал в Сормове, да и наблюдал за его постройкой один из лучших волжских капитанов Василий Браатц. Огромный тяжелый пароход был длиной 90 метров и шириной 20, брал более 600 тонн груза и много пассажиров. Красив был его салон и примыкающий к нему ресторан 1 класса. В салоне было огромное окно, а в ресторане их не было, по бокам ресторана шли небольшие коридорчики, а за ними ряд одноместных кают 1 класса. Зато стены ресторана украшали огромные зеркала замечательной чистоты. Отделенные друг от друга винтовой колонкой красного дерева, зеркала отражались друг в друге до бесконечности.

На верхней палубе за огромными и комфортабельными каютами I и II класса, располагалось фойе с диванами, креслами, пианино. И далее до кормы III класс — 4-местные каюты по бокам с окнами на Волгу, а внутри, в середине парохода — два ряда 16-местных кают без окон и дверей, как купе плацкартного вагона, свет лился сверху в небольшие фрамуги. Я и другие любители путешествий ждали этот пароход и его двойник, так как на другие невозможно было достать билеты — с осени записывались в очередь в Ленинграде, Москве, Горьком и Астрахани, а на другие города — Саратов, Самару и т. д.— давалась I бронированная каюта, которая и до касс не доходила, попасть в поездку было невозможно. А вот на этих двух пароходах было огромное количество мест III класса, кто-нибудь да сойдет, десяток мест бывало свободных. Ну, а каюта наверху, ресторан тот же и терраса та же.

В 1942 году пароход назывался «Карл Маркс», один раз он отчаливал от Сталинграда с грузом и эвакуированными. Все было забито, и каюты, и коридоры, пролеты, корма, проходы и машинное отделение — всюду женщины, дети, старики. И в это время начался страшный массированный налет на город немецкой авиации. Пароход шел полным ходом против течения. Но капитан приказал механику закрыть все клапаны и поднимать давление до любых пределов. И пароход пошел против течения со скоростью более чем 30 километров в час — этого не может дать современный теплоход: 26 километров их предел. Так, рискуя взорваться, «Карл Маркс» спас тысячу пассажиров и груз. Шел он с такой скоростью около часа, пройдя тракторный завод. Зайдя за поворот, капитан сбавил скорость. Котел не взорвался и за пределами разрешаемого давления. Так до начала 70-х годов проходил этот пароход, переименованный в «Богатырь», по линии Ярославль — Астрахань, перевез много груза и пассажиров. Но с годами с грузами стало хуже, то хоть летом работа была, а как запретили Астрахань и Волгоград вывозить овощи в другие области, так стали старые суда работать в убыток.

Когда приехали в Нижний Новгород представители с КАМАЗа с просьбой продать пароход под общежитие, их встретили с радостью: «Любой выбирайте». Выбрали «Богатырь» как самый просторный, поставили на реке Каме, да за несколько лет превратили ни во что. Привели в Саратов, растащили все, что еще осталось — весь верхний этаж. А корпус с машиной утопили в протоке Сазанки да еще песком замыли...

Герман ШЕНЕМАН

БЕЛУГА ДЯДИ КЛЕМЕНТЬИЧА

Мой дядя, Клементьич, со своим напарником Фетисом поймал белугу на двадцать четыре пуда. В истории наших плесов такого еще не бывало. Старики не помнят. Сказать, повезло? Так нет же! Потому что до этого старики ту же самую белугу упустили. Взять не смогли, хотя две недели караулили. Клементьич ее «меченую» выхватил, крючок у нее в губе от молевы остался. А чей крючок — известно каждому. Конфуз получился...

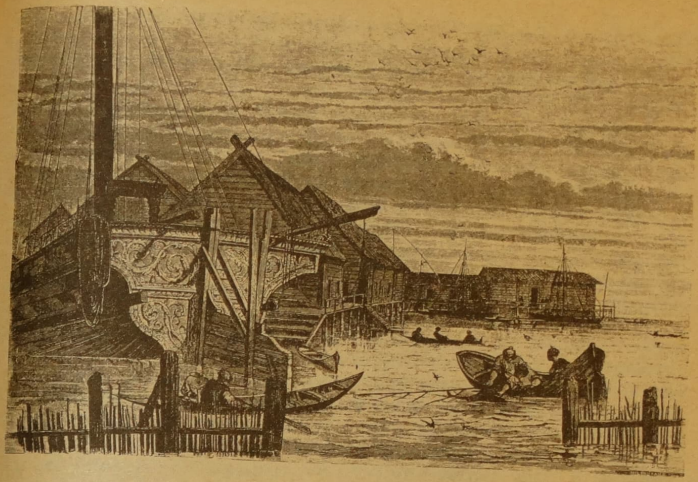
А как ее, такую громадину, Клементьич ловил?! Я от него не раз слышал, со всеми подробностями, как он ее ловил, но по-настоящему понял, каких это трудов стоило, когда сам корщиком стал. Такую белугу «и денно и нощно» мечтал поймать. Пудов на пять-шесть, до восьми приходилось багрить, но чтобы такую — нет, не доводилось даже и увидать, где-то засечь, приметить. Не было... А «мелких» прямо в лодку втаскивали. Кормовое отделение, или, как его еще называли, куть, неводная корна, у рыбацких лодок просторное, приспособленное для лова. А снасть на белугу — молева. Насадка — обычно язь. Очень живучий, сильный, подвижный и по окраске яркий. Его трудно не заметить. А белуга на ямах обитает. Я даже представлял, как она там стоит. Тупым рылом с маленькими глазками встречь воды держится, по спине облитая синевой, гладкая. Плавниками слегка пошевелит — и всплыла вполуводы над перекатом. Пасть у нее круглая, гармошкой вытягивается. В это жерло вместе с водой и лещ, и синец, и плотва — все как в прорву, засасывается. Бывает, и она, как всякая рыба, «мечется», из глубин на поверхность вылетает. Такая-то громадина над водой на весло, а то и выше — трубой встанет, а потом плашмя ухнет, вал пойдет. Если над Волгой тишина, как в блюдце, не шелохнет, так ее за семь верст слыхать, как она «балует». Рыбаки — они-то уж знают — прислушиваются. «Слышь, Мироныч, кажись, белуга на Приверхе встала!» Мироныча уговаривать не надо. И чаю не попьют, всякие срочные дела побросают, молевы в лодку — и на двое весел в затон, белугу обкладывать поспешат.

Сказать «поклевка», так к белуге это не относится. Какая может быть поклевка у рыбины в сто килограммов весом! Она берет

уверенно, по-хозяйски, а то и походя уркнет язя — и зацепилась. Гляди, если наплав твой — жердина — завырил вниз по матушке по Волге, значит, хапнула. Прыгай в лодку и греби, греби, спеши-догоняй, чем быстрее, чем лучше, не отмотает, может и задеть, она ведь всю снасть вместе с камнем по дну волочит. Поймал наплав, за оттугу схватился, вываживай. Белуга может на дно «лечь», так до морковкина заговенья и будешь за нее держаться. Нудий, нудий, шевели ее, глядишь, встанет! Оттугу на руку наматывать не моги, а то она так рванет, что пятки взыграют, будешь в подводном царстве Сивку-Бурку вещую Каурку разыскивать...

В войну в бригаде нашей рыболовецкой, как говорится, Тюха да Матюха, да Колупай с братом были. Старики да женщины, да мы, пацаны. В неполные шестнадцать я уже корщик, а весельнику моему и того меньше. Молодо-зелено. Выручало то, что тут, на берегу, и выросли, с младых ногтей около рыбаков крутились. Теми же ложками, из того же блюда, что и отцы и деды наши, уху хлебали. Науку рыбацкую само собой впитали, навыки какие-никакие приобрели. Но еще и сила, и сноровка, и ловкость нужна... Ловкости у нас хоть отбавляй, но без крепкой силы и она хороша, пока в лапту на бугре играешь, а тут невод надо тянуть. Его с вешелов стащить, на неводник набрать — обычно пять-шесть полколодков, больше тысячи метров,— и то пластом ляжешь. А это, считай, ты еще ничего не сделал, а только приготовился к работе. Главное впереди... Здоровые мужики бросили невод, Родину ушли защищать, а мы тут, около полколодков, остались. И неважно, есть или нет у нас сила, невод потребует ровно столько, сколько ее необходимо для промыслового лова, а иначе пустая затея, потихоньку да полегоньку здесь ничего не выйдет... А если белугу в лодку бросить?! Она не смотрит, какой ты там есть рыбак. Случается, и не на нее снасть положишь, а она попала. Так тащи, оплошал — упустишь...

Первую белугу тащил — смех и слезы. Корщик! В кожаном фартуке, в сапогах под пах, как вяз, в корму ногами врос. Надолго ли?! Как только оттуга в руках натянулась, рыбина навалилась, тяжело повела, так и поджилки задрожали, того и гляди, ноги подкосятся, рухнешь. Без памяти, но руки сработали по всем правилам. Добился, белуга «на вставку» пошла, приневолил. Легость засвистела, успевай выбирать слабину, замешкаешься — рыбина может сойти. Но она «встала» возле борта, словно только что на глазах родилась такая красавица. Из замшелых древних веков, из неведомых глубин явилась, как рыцарь в кольчуге и шлеме, сединой оплавленная... Ободок круглого рта прямо перед лицом, совсем рядом. Увидел — и все пошло кувырком. Куда наука подевалась... Надо один из багорков схватить, которые тут под носом на борту понавешаны, и багрить, неплохо за губу, за круглый ободок. А то она и в самом деле как железная, не с плеча, так и багорок скользнет, из руки вывернется. А белуга ртом заиграла: «Фр-рр-р...», крючок от губы отлепился. Это называется «рыбина крючок вы-



Рыбная ватага на Волге. Гравюра XIX века

плюнула». Весельник мой горло сорвал, кричит: «Ба-агрий! Багрий!..» Как будто я без него не знаю, что мне делать. Долго ли белуга «стоять» у борта будет?! Мгновенье! Все знаю, только не то делаю. Я как-то по-мальчишески сработал, но вышло ловко. Поймал крючок, который она «выплюнула» с оттугой вместе, и с обезьяньей проворностью снова его в рот ей кинул. Она и пошла вглубь. Оттуга из лодки за ней змеей заюлила. Схватил, держу, уперся. Вода пузырит, словно по ней кнутом хлещут, это моя оттуга воду режет, то потянет вниз, то в сторону. Весельник матерно стал ругаться. Я в него еще багорком успел запустить по ходу дела. Кто ему позволил на корщика голос подымать? По традиции этого делать не полагалось во время лова. После — сколько угодно. Но он же не знал, что белугу я пока и не упустил, хотя и глупо сделал: вместо того чтобы багорком работать, крючок ей в пасть закинул, но не ушла же... Команду подаю: «Корму прочь!» Это значит, держи лодку строго по оттуге, от пузырей, которые рыбина выпускает, корму отворачивай, а то белуга может под днище выйти, тогда считай пропало, из-под лодки ее не взять...

Второй раз, как она вышла, успел я ее забагрить. Осталось рыбину свалить в лодку. Из воды она «сама идет», легко. Тут весельник подоспел, вдвоем в лодку ее и перевалили. Но как-то так случилось, что она нас с ног сшибла и мы под ней оказались. И пошло у нас: то мы наверху, то она. Кувыркаемся, кукан ей никак не вденем. Благо, корма широкая, есть где разгуляться. Наши малахаи по воде поплыли, на волне покачиваются, а холодно, лед только-

только сошел. Потом и багорки забулькали, плица тоже поплыла. У весельника сапог в воду улетел. Велики сапоги были, отцовы, пока в воздухе ногами дрягал, с белугой боролся, сапог и слетел с ноги. Горе луковое, а не рыбаки...

Но белугу закуканили, в воду сбросили, живую на стан привели. Старики посмотрели, на глаз прикинули — пудов восемь. «И то дело». Хоть бы похвалили! Нет, скупой на слова народ. И рассказать некому, как ловили. «А чегой-то у вас малахаи-то мокрые?! Ныряли, что ли?!» Как же ныряли, если сами сухие! Черти замшелые! Но нашлись: «А это мы в воду глядели, рыбу выслеживали, вот малахаи и попадали!» Головами покачали: «Ну молодцы, архаровцы!» А сами-то?! Был такой случай, на весь плес известный. Мой дед, по матери который, и с ним Власьич плыли на лодке по Стрежневому затону. Вода тихая, незаносчивая, и они гребут легонько, не торопясь. Рыбак, он как гребет? Он очень экономно гребет, весла в небо высоко не поднимает, «колеса не крутит» и лопасти в воду глубоко не погружает, он ими вежливо, с уважением воду, как бы играючи, погоняет. А сам столбиком сидит, в спине не прогнется, у него только руки работают: ать-два, ать-два, как нога у кузнечика: «Коси, коси, ножка, осталось немножко». А поди скажи ему, что он неправильно гребет, что на весла надо наваливаться — так он и послушает! Неправильно, зато красиво. К обеденке не поспею — походочку не сменю. У рыбака в веслах, как у казака в седле, важна сама посадка. Попробуй брызни веслом, тут же скажут: «Что ты, как бурлак, воду-то будоражишь!..» Вот так и гребут два старика, по широкому затону плывут, коротко словами перебрасываются. «Гля-ка, Воробьевские горы засинели. Темно!» — «Сирень с черемухой отцветают... На Гусиной лапе леща невпроворот.» — «Оно так, оно так!» — «А давеча Марья сказывала...» И откуда бы ей взяться — белуга, из воды и в лодку! Между стариками поперек лодки улеглась. Посудина осела от такой тяжести, вода с бортами наравне хлюпает, вот-вот зачерпнет. Они пригнулись, обреченно ждут, чего дальше будет. А ничего и не было. Рыбина плеск, как косой парус, загнула — и бот по борту, сползла в воду по другую сторону лодки. По воде пузыри. Они опять гребут. Долго гребли, один другого спрашивает: «Дак чего, ты баишь, давеча Марья сказывала?!» Больно ему, видать, интересно, чего Марья сказывала! «А сказывала, вишь, красного червя много на конюшнях появилось».

Клементьич после не без подковырки спрашивал: «Чего же, старики, белугу не багрили?!» А они как будто знали, почему не багрили, но огрызались: «Побагри! Лютой какой, вишь! Она тебе побагрит! Едрена корень!» — «Что она, тигра, что ли?!» Клементьич смеялся...

Я думал: как же он двадцатичетырехпудовую тащил?! Она сама с лодку. А риск! Когда вышла, он и рискнул. Схватил кукан в одну руку — и в пасть белуге, а другой рукой под жабры. Только бы рук хватило, чтобы концы стянуть! А их как раз и не хватало.

Кончики пальцев касаются, а концы провздеть — никак. Весельник растерялся, кричит: «Брось, Клементьич! Брось! Погибнешь! Черт с ней и с белугой!» Но он упрямый. По самые плечи руки в жабрах утопил, но конец провздел. А что могло случиться? Стоило рыбине сомкнуть рот, прижать жабры — и попал бы он, как в железный обруч. И мотни она в этот момент головой, ушел бы он с вывернутыми из плеч руками вместе с ней в воду. Глубина хорошая, метров до восьми. Когда бы вынырнул, если бы вынырнул... Помог опыт. Знал, что стоит любой рыбине хватить воздуху, как она на краткое мгновенье, но замирает. Этим мгновеньем и воспользовался. После белуга показала себя. Целых полдня до дому плыли, весла сушили. Грести нельзя. Рыбина шуму боится. Только весла в воду опустят, она и начинает работать своим мощным хвостом и потащит лодку. Только не туда, куда они гребут, а куда ей хочется. Подлиннее кукан отпустят, она на дно «ложится», стоят как на якоре. Так и плыли, и болтались на плесе вплоть до рыбацкого сарая. А там бригадники только что невода отсмолили, сидят на рынке за столом отдыхают перед тем, как домой уйти. Вечер уж... И вдруг: «Гляди, мужики, никак наши парни шапками машут?!» — «Да что они?» — «Перепились, что ли?!» — «Дак подгрести не могут!» — «Весла, может, переломали?» — «На воде пить! Всыпать надо!» Так и порешили: «Всыпать!» Сели в лодку, подплыли: «Ну чево?!» А те смеются, как дурачки, но ни в одном глазу: «Ничего! Вот!» За кукан подергали, рыбина котел выдала, словно где-то на глубине саженный винт провернуло. «Неуж-то?!» — «Она!» Старикам рассказывать не надо. Рыбина знакомая. Они же ее и упустили... А Клементьич...

РЫБАК И НЕВОД

Дед весной на пенсию собрался. Целое событие. У нас в селе, кажется, и слова «пенсия» никто не знал. А тут на́ тебе! Свой рыбак — на пенсию. Это событие всячески обговаривалось, обтолковывалось, и у рыбацкого сарая, и в бригадном доме, и на конном дворе обсуждалось. По труду и честь. Такое было впервые. Над дедом подшучивали: «Как так, дядя Иван, поутру встанешь, а иттить некуда??! Безделье уму не научит!» Никто из них и не знал, что дед, хотя и отшучивался, но переживал это событие крепко. Что оно еще такое — пенсия, кто ее знает. Возможно ли, нигде не работать?! Слыханное ли дело? Они с бабкой по вечерам в полной темноте допоздна шептались, а то и горячими словами перебрасывались, как будто имущество делили. И я то и дело слышал это бодренькое, но ветхое какое-то слово «пенсия». Вздыхали глубоко и затяжно, словно дед-то в солдаты уходить собрался. Но утром у рыбацкого сарая он бодрился: «Дак сидеть на завалинке, на кой кеш он, ум-от!» Но вряд ли дед смог бы сидеть на завалинке. Где там! Всю жизнь, как вол, а тут — на завалинке, смешно! В уме перебрать, сколько детей они с бабкой вырастили, и то устанешь, я

со счету сбивался: то ли семь, то ли одиннадцать?! Сбивался я потому, что к бабушке все какие-то женщины ласковые,— особенно ко мне,— приходили погостить из ближних сел, пряники, конфеты приносили, а бабушка их оладьями, блинами потчевала. И звали они ее то мамынькой, то сестричкой, а дедушку то браткой, то тятенькой. После я узнавал, что это наши дальние родственницы, сироты. Когда-то их дедушка с бабушкой вырастили, замуж повыдавали, они к нам и приходили, как домой. Да у меня еще было три тетки, дядья — дедушкины с бабушкой дети. Большая, видать, семья была. Это уж я тут у них один остался. Они меня у отца с матерью забрали, когда я был совсем еще мал, а родители мои, как и многие в те времена, поднялись ехать на стройку автозавода. Года два в городе помыкались по частным, да с такой-то оравой,— кроме меня, еще трое было,— и вернулись. Но бабушка с дедушкой меня уже не отдали. Побоялись, как бы старшие, тем более они уже стали городскими и более озорноватыми, не заобижали, как бы мне голодно да холодно не было, оглашенному. Вот я тут у них и слизывал сметану...

Не довелось деду на пенсии побывать. Только и всего-то, что поговорили, душу потешили. В старину так рассуждали: человек предполагает, а Бог располагает. Тут и подумаешь, чем же мои дед с бабкой ему не угодили, за что прогневался, за что такое испытание послал под старость? Не тем умом, похоже, располагал Бог-то... Скажи я бабке эти слова, а она притчу, невинная душа: «Ой, мнучика, так-то одному младенцу глас Божий с небес явился, молвил, что примет он смерть от воды, быть ему утопленному. Така ево планида. Вот батюшка с матушкой и порешили упрятать малого в безводные места, в пустыни. И жил он там много лет. Родители его умерли, и он забыл уж про глас Божий. И подумалось ему: «Чтой-то я ни разу на корабле не плавал?» И так ему захотелось покататься по синю морю, что не вытерпел, сел на корабель. Плывет день, плывет другой, а на третий и поднялась черная буря. И стал корабель тонуть. Тут он и вспомнил про глас Божий. Упал на колени и ну просить Бога-то: «Господи! Мне-то уж на роду написано быть в пучине, от воды смерть принять, а люди со мной, чем они виноваты?!» Бог-то и ответил: «Я вас, милыи, таких-ти, пятьдесят лет собирал на этот корабель!» Вот и приняли они все, царствие им небесное, Божью смерть...»

...В войну двадцать миллионов погибло...

Дед мой и до конца ее не дожил. Случился с ним паралич прямо на тоне, под Рощей. Тяжелая тоня была. И как только ее не называли, особенно женщины, которые мужей своих в бригаде заменили. Мучились и надрывались. Тоню под Рощей и грязной, и проклятущей, и иродовой — всяко проклинали в своем бессилии.

Обычно там тянули большим неводом. Связывали от пяти до семи полколодков, а каждый полколодок саженей сто. Тоня получалась длинная, а берег вязкий, илистый. В тину утопали, как рыбачки в сердцах бранились, по самую ровесницу, ноги, как цапля,

повыдергаешь за день. Тянуть было тяжело еще и потому, что невод загребал илистые наносы, высыпки. Где-то метров за тристачетыреста от берега на дне насыплет водой, намечет целый валун ила, а невод и подрежет его нижней подворой, загребет в свой мешок. Тяни, упирайся, надрывайся, сколько душе угодно... Плечи от лямки горят, а невод углом встанет, верхнюю подвору притопит и ни с места, как пружинный. Старики, которые покрепче, в неводник садятся, плывут, гребут, торопятся подвору выдрать, промыть. А бабы, где стояли с лямками через плечо, чебурками за урез зацепленными, там и попадали, как лошади в хомутах. Я, когда немного подрос и тоже пришел к «грязной веревке», не переставал удивляться, как это бабы умеют: не успели как следует упасть, земли коснуться, а уж спят, словно на них мор какой нападает. А не думал, что они в вечном недосыпе ходят. Раньше полуночи не ложатся, а с восходом солнца вставать приходится. Им и печь надо протопить, и прибраться, и детишкам на целый день чего-то сготовить, припасти, и успеть к отплытию неводника. Там опоздавших не ждут. Вот и ходят день-деньской по грязному берегу, как мореные мухи, ползают по неводам, позевывают, вздыхают: как там ребятишки, что да чего поделывают? Хорошо, что пацанье это в войну почти не болело. Понимали словно, что ходить за ними некому. Хворай не хворай, никто тебя, беднягу, не погладит, не приласкает. Как-нибудь уж сам выкручивайся. Да и закаленные были. По снегу босиком побегать даже и не геройством, а нормой считалось. Кто дальше убежит. А в апреле, только-только лед сойдет, искупаться. Кто первый! А там, лиха беда начало, из воды не вылазят. Идет свой счет, кто сколько раз искупался в день. У иного, глядишь, губы синие дрожат, зубы места себе не находят, дробь выбивают, а он в воду лезет. А как же! Петька вон больше на один раз искупался! Такого допустить нельзя. А Петька разгорится да еще... Тут уж только прутом от воды этаких купальщиков гнать. Да некому.

Солнце только-только из-за острова проклюнется, рыбачки из дома уходят, на весь курмыш кричат-наказывают: «Макря, Макря, а ты, чай, пригляди за моими-то?!» А Макря, где-то еще головой в дальнем углу печки торчит, в лохмотьях запуталась, никак не выберется, но откликается бодро: «Как жеть, милая, поглежу, послежу... Мне ить, чай, все одно следить-то за ими, за окаянными». А по делу, за Макрей за самой следить надо. Сколько ей годов — она не помнит, знает, что до «турецкой» родилась, а за сколько до «турецкой», никто не считал. Она сама-то давно кислое молоко с пресным путает. «А-ай, да полно-ка тебе, Глафира, все там будет!» Там — значит, в брюхе, а в брюхе, как известно, не в животе — и долото сжахнется. За малышами, которые еще, как куклята вареные, особый догляд и не нужен. Они тут под ногой, около подворотни ползают, животами траву-муравy укатывают, вместе с курами-цыплятами и покормятся, а те, что побольше... Макря за ними так и так не угонится, чтоб «доглядеть». Они не успеют глаза про-

драть — в сады! Яблоки, бергамот, груши какие ни на есть — все облопушат. А крыжовник,— его, правда, много, целыми грядами под Венцом растет — так тот, особенно в ближних садах, и не знали, каким спелый бывает. В зародыше, чуть ли не в завязи уничтожают. Разве уж только вишни, сливы до своего спелого часа достоят. И то потому их зелеными не трогали, что, пока не покраснеют, в рот не вломишь, морду на урыльник сведет. А из садов прямо по Телячьему прогону на Волгу, купаться. Еще и до воды не добежали, а уж штаны, рубашки посбрасывали, эко разморило, и с ходу в воду, брызги веером. Да если «легкач» — у нас так скорый пароход называли — идет сверху, тут на волнах не покататься, упустить такой момент никак нельзя. Его заметят, пока он еще у Черного затона белой птицей запарит, словно вдруг из воды всплывает. И все пацаны из садов ссыпаются на берег. Каждому хочется в самую крутую волну успеть нырнуть. И ни один не захлебнется. Правда, захлебываться-то захлебывались, а чтоб утонуть — нет. Такого не бывало. Плавать раньше, чем ходить, умели, но и спасти неумеху считалось делом почетным. Закон взаимовыручки, закон выживания действовал безотказно. А Макрю, которая им всем давно уж прапрабабушка, по уровню развития ниже себя считали. Ну чего она?! Ни в сады сбегать, ни искупаться, ни подраться не может. Сидит, как клуха, на завальнике. Куда ей до них!..

А рыбачки на тоню уплыли... Небольшая задержка с неводом — бабы спать. А старики вдоль верхней подворы на неводнике плавают. Невод за «волосы» тягают, промывают нижнюю подвору. Ядро — это сама сеть — полощут, тину, ил на дно сваливают. Прополощут невод, поднимут, его быстро надо с места стронуть, чтобы валун миновать и рыбу не упустить. Невод на руках держать тяжело. Спины у стариков трещат. Кричат спешно на берег: «Тя-я-ните!» А бабы спят. Старики из последних сил надрываются: «Тя-ни-и-те-е!!!» Где там, тяните! Лежат, словно их поубивало. И начнется... С неводника сразу в несколько голосов вразнобой: «Тяните-е-е!!! Изек вашу!..» Мат стариковский устоявшийся, годами спрессованный, да если помножить на количество голосов, то не в три и не в четыре, а этажей в двадцать пять будет. Бабы вскакивают, как полоумные: «А!», «Чё!», «Где!» Она, может, бедняжка, во сне ребятишек своих по головкам гладила, может, у мужика родного на руке лежала и он плечи ее обнимал, а тут веревка грязная, лямка в тело врезалась... Вскакивают бабы, скосившиеся, смятые платки поправляют, выбившиеся волосы прячут, сладкую слюну с щек жесткими ладонями смахивают и наваливаются на лямки. Сначала, обессиленные сном, недружно, вразнобой, по-куриному раздерганно, а потом в одну раскачку, в ногу, одним общим навалом тянут долго, монотонно и понуро. Невод ни силой, ни скоростью не возьмешь, он быстрее того, как сплывает к берегу, не пойдет. Раньше рыбаков, которые неводами ловили, так и называли — неводная лень. Поспешность тут ничего не дает. У невода свои законы. С утра забросил его и раньше чем за полдень,

Ватаги на Волге. Гравюра XIX века

хоть ты лопни, из воды не вытянешь. Получается, что не ты над ним, а он над тобой... И качаются рыбáчки в лямках, как привязанные. Над ними солнце палит нещадно, под ними ил теплый, перепрелый. Воздух вокруг парной, жаркий и густой, как серая шерсть. Качаются, а мысли, словно стрелы, далеко-далеко летают. О детях. Как бы в колодец не свалились, как бы со скалы не разбились и — это ежеминутно, ежечасно, неотступно — как бы не утонули. Из воды не вылазят... И о мужьях главные думы: голодные они там, поди, пропыленные, потные. В баню бы их, ухой бы покормить, чаем напоить. А как они там воюют, не знают рыбачки. Откуда знать?! Они так далеко, в такой неведомой и темной ночи, не увидать и мысленно не представить. Но убивают не их. Не за что их убивать. Таких добрых, ласковых, красивых. И нет на них никакой вины да и быть не может... Господи, огради мои печали. «Нюр, а Нюр! Слышь!.. Уснула, что ль?!» — «Чево?» — «В Елховке, бают, солдат пришел!» — «Ну!» — «Три месяца писем не было и пришел! По ранению... Сходим?! А-а, Нюр?!» — «Дак невод, проклятущий! Куда от него?!» До Елховки двадцать верст, но они сходят. Отпросятся у стариков пораньше. Невод на вешела без них выбросят, а они с вечера убегут, как нахлыстанные, подол в зубы и айда... Хоть самую малость с солдатом поговорят, взглянут на него на живого, отпадет немного тяжесть от сердца, не всех убивают! А утром вернутся прямо на тоню, невод выметывать и тянуть...

А дед мой пятчиком был. Он один полколодки эти по заиленному берегу обычно тащит, невод закольцовывает. Должность пятчика наша, родовая. До войны отец мой эту тяжелую должность справлял. Но он-то молодой, сильный, в самой поре был. А дед?! Притащит пяту, дышит, как старый конь, ноги широко, бока ходуном, рубаха к телу прилипла, хоть выжми. Старики беззлобно ругаются: «Эх, Иван, Иван, надрываисси. Все один! Приткнули бы наш конец и за тобой сходили! Тащишь...» Но разве не знали старики, что ходить всей бригадой за пятой — не дело. Невод в воде нельзя оставлять без движения. Забросил, так уж тяни, если поймать хочешь. Рыба ой как чувствует, что ее кругом обложили. И начинает колобродить, кружить вдоль сети. И вдруг дыра, она в нее, как в трубу, как табун из загона, попрет. А то и белуга попадет. И начнет гонять язей, подлещиков, сопу всякую из угла в угол, словно кто цепами по воде хлещет, мелочь от страха через верха сигает. Чем слаженнее и быстрее притонка прошла, тем уловистее. Рыба ждать не будет, пока ты спустя рукава по берегу ходишь. Столько трудов положить, а поймать... Можно и ничего не поймать. Как говорят, сунул — вынул, хвать — дыра в горсти. Понимают старики, а упреки пятчику — считай благодарность. Разве, мол, не видим, что тяжело, что из последних сил, но чем помочь?! Бригада малосильная. Вот и отводят душу, вроде бы и бранятся и благодарят старика. Заменить все равно некем. Война.

Дед считался сильным человеком... А никому и невдомек, что был сильным. Был! Годы небось не бахилы, с ноги не сбросишь... Всю войну дед на пяте с сошилом выстоял, потаскал, почалил неводные огрузлые полколодки, а к концу сдал. Сердце не выдержало. Разве мало у сердца причин было, чтоб не выстоять? Трех сыновей, в том числе и моего отца, на фронт проводил дед, но ни одного не встретил. И уж знал, что не встретит...

Под Рощей обычно две тони давали, одну до обеда, другую — после. Полчасика успевали прикорнуть. Пообедают и тут прямо в подросте, в молодых побегах ветельника, отдыхают. А в тот день обедать дед не стал, отказался. Кружку темного настоя смородинового выпил и отошел от бригадного котла. Повариха Настя что-то заметила неладное, спросила: «Вы что, дядя Иван, аль занеможилось?» А он тихо, опавшим голосом от усталости, ответил: «Нет, нет, пойду черноталу настригу на вятель. Старуха жалуется, старый-то вовсе развалился». Но недалеко ушел, прилег рядом в поросль. Как шел, так и лег, будто споткнулся. Она видела. «Может, похлебаете ухи-то, уха нынче вкусная!» Сказала весело. А он вроде бы обиделся, лицом посерел, отвернулся и головой на руки упал. А потом все полегли, кто где, на какой лужайке-пятнышке, в тенек, уснули. Такой сон тяжелый, глухой, всего-то на мгновенье, может, а усталость снимает. Настя после сокрушалась: «Я ведь ни на волос не вздремнула, а не слышала... Воды бы ему испить подать!» А чего она услышать могла? Ветер низовый дул. Плотный и теплый, как вар, губы обжигал, порывами ветельник

заламывал, пятнал его белесой изнанкой, мотал, как неприкаянного, из стороны в сторону. Вся Роща шумела... Низовый, он обычно к полудню, когда солнце в зенит встанет, силу набирает. Не зря рыбаки говорят: «Ну-у, расфырчался, Змей Горыныч! Надолго ли тебя хватит?!» И ждут, как приляжет, чтоб невод без помех по гладкой воде выметать. Его и в самом деле хватает ненадолго. Горячим солнцем полуденным сомнет, и он, обессилев, гаснет, в деревьях путается и к подножью на траву падает. Все замирает... А в тот раз он по-настоящему раздулся. Солнце темным маревом заволокло, и оно потускнело, уменьшилось; как рыбий зрачок из мутной воды, глядело из своего далека, словно одним тугим пучком из лучей хотело землю насквозь просверлить.

А дед, когда с ним сделалось совсем плохо, видно, хотел встать на ноги, боль стряхнуть, но не смог, не осилил. Сидел под тусклым солнцем с опущенной головой, упершись тяжелыми кулаками в заветренную и закорклую глину так, что две глубокие вмятины, как от копыт, остались. Мимо базарники из города на лодке плыли, видели, как он из кустов поднимался, меж собой еще пошутили: «Ишь, рыбаки с уловом загуляли! Дед вон, седой, никак встать на резвые не может!» А он все руку поднимал, может, сказать чего хотел, позвать? Они не поняли, посмеялись. Да и быстро шли под парусом, вода под пыжом грохает, разве услышишь.

Правую сторону парализовало у него, речь отняло. Принесли его старики, в сенях на кровать положили. В избе духота, а тут попрохладнее, он и так пóтом обливался. Бабушки дома не было. В дальние сады на весь день ушла. Летом она оттуда сушняк таскала. Хорошие-то дрова, что из сосны да березы наколотые, жалко в теплые дни палить, к зиме берегла. Сушняком печь по утрам топила. И вот нет ее и нет. А дед вставать надумал, хотя старики строго-настрого наказали, чтоб лежал тихо. Но не мог он никак смириться со своим недугом. Никогда же не болел и вдруг встать не может. С кровати на пол сполз, на коленях стоит, руки по одеялу разбросал. Я его поднимать. А в нем, в таком могучем, пудов-то сколько! И какую ему надо было иметь силу, чтобы таким телом управлять! Моя-то что, совсем не окрепшая, жидкая сила. А он имел силу немалую. Рассказывал мне, как в молодости матросом ходил на «Спартаке», как силой мерились. В команде народ веселый, выносливый. Аврал какой, так успевай пятки смазывать. По четырнадцать-пятнадцать пудов по сходням и в трюм, а потом из трюма — таскали играючи. А если больше?! Мерились силой, пробовали. В свободное время на палубе баловались, мешки бросали. По пять пудов в мешке: два под мышки, два за спину, на грузовое седло, и чтобы палубу с таким грузом обойти. С четырьмя обошел, а пятый мешок положили — ноги к палубе приросли, не отдерешь! «Стоять стою, а шаг сделать не могу».— «А как же?!» — «Сняли мешки, а как же... Викул один, изо всей команды, двадцать пять пудов по палубе обнес». И дед еще завидовал: «Вот силища была в человеке. Ноги-ти, как сваи...» Помню, опору под поветь, дубо-

вый столб, меняли. Дед плечо под перекладину подставил, вся тяжесть повети на него легла, держал, пока отец мой опору не заменил. И уж не молодой был дед... И вот, на́ тебе, на нет сила сошла, истаяла. Этого он и не мог понять. А у меня руки, как побеги, жидкие, мослы из-под рубашки торчат — комар. Что же я сделать могу?! Беру его под мышки: «Дедушка, вставай, тебе нельзя...» И у меня от бессилия — не совладаю же — злые слезы из глаз, как горох. А он смотрит на меня виновато и беспомощно, глаза серые, влажные, и по лицу тень судорогой пробегает, а сказать ничего не может.

После рука у него отойдет немного, ею он владеть будет, хотя и слабо, и неуверенно, и ногу приволакивать будет, а речь по-настоящему так и не вернется. Хочет, хочет что-то сказать, неволит себя, тужится, скажет нараспев как-то, да и не то, что сказать хотел. Рукой здоровой махнет, обиженно отвернется, как ребенок. Но жить надо. Работал еще, только не в бригаде. Невода разве он мог таскать? Работал отдельно ото всех. У него лодка была и сети. Он их приноровился на ночь ставить на грядах. Я у него в веслах, помогал. Утром выберем сеть, сколько-то поймаем, он улыбается, рад, что кормит нас.

На него часто затмение находило. Он меня все Федей звал. А я, глупый, его поправляю: «Дедушка, дак Федя — это мой отец, а ты чего?!» Он головой покивает, лицо у него сморщится, и слеза, как градина крупная, вывернется. И зачем это надо было мне поправлять его?! Он и сам знал, что никакой я не сын ему, а внук, внук, но как же сына хотелось ему увидеть! Он меня и Семеном, и Андрюшкой звал. Наверное, неотступно они, дети его, в мыслях были, в памяти больной жили, он и видел их во мне. До победы дед не дожил. Да и бабушка ненамного его пережила...

Помню, приехал я из армии в отпуск, пришел на могилу к ним. Рядом они лежали, высоко под Венцом. В изголовье у них вяз рос, а в ногах клен с узорчатыми листьями. От солнца, которое насквозь пробивало листву, по земле блики желтые плавали, мне так и казалось, что сухая земля вздыхает и легкая, пожухлая травка вздрагивает головками, желтенькую пыльцу роняет. Тихо, покойно кругом. Припомнилось... Мал еще был. Бабушка прихворнула. Лежим ночью с ней на печке, на улице мороз, месяц в окна светит, стекла в темноте искрятся. А бабушке плохо. «Умру я, мнучика, зароют ведь!» А я не соглашаюсь: «Пускай зароют. А ты глазки плотно-плотно прикрой, чтоб земля не насыпалась, а я ночью на могилку приду, тебя отрою. Духторицу приведу, она укол сделает. И мы с тобой, бабушка, обнимемся, поцелуемся, поцелуемся...» Оба плачем. А то, бывает, летом, играю где-нибудь на Волге, из песка дома строю, а женщины-соседки белье полоскать придут, смеются. Меня увидят, примолкнут. И вдруг громко: «Гляди, гляди, волки кого-то в горы потащили!» — «Ой, батюшки, кого же это они?!» — «Видать, Назарьевну!» Назарьевной бабушку мою звали. «Ой, беда-то какая!» — «Сарафан-то, сарафан-то синий, развева-

ется!» Я все «дела» бросаю. И потихоньку, потихоньку, а потом все быстрее, быстрее в гору... Калитку распахну, а бабушка в синем сарафане на дворе курам корм рассыпает: «Цып, цып, цып...» Взглянет на меня: «Ты что, мнучика, запалился-то как? Ай чего случилось?» Я реву: «А чего они обманывают?» Бабушка догадывается: «Ах, хабалки, вот хабалки-то! Я им ужо...»

Один крест покосился, дубовый, неужели подгнил? Попробовать поправить... Где-то кукушка куковала, и я отсчитывал, сколько же мне осталось, но сбился...

Василий ОСИПОВ

КОВЫЛИ

Ты видел, как плачут и убиваются ласточки-касатушки, когда у них забирают птенцов? Нет? Жаль. Вот так матери наши метались по степи, провожая в неведомый полон своих лад и чад. Подлетали к дороге, чтобы в последний раз припасть к груди своей кровинушки, но звери-нехристи били их камчою, растрепанных, обезумевших от горя и отчаяния.

Тогда они взбегали на курганы, махали оттуда руками, кричали последние напутственные слова, рвали в безысходности свои поседевшие волосы и голосили, голосили. Тяжело, беспросветно, внадрыв.

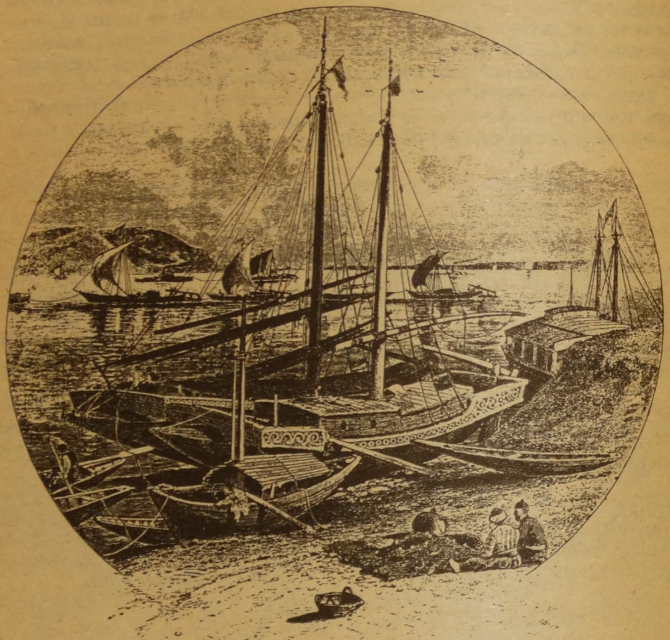
Потом, когда скрывались несчастные дети в дорожной пыли и сумеречном степном мареве, падали живыми снопами на курганную землю, бились в беспамятстве в судорожных рыданиях, рвали волосы, проклиная горькое свое материнство, мачеху-судьбину и призывая на головы врагов-погубителей небесные кары.

Ковыль... Это седые волосы матерей наших тугою взошли на горючих прощальных слезах. Оттого и мягок и волнист он. Не красив, а манит материнской нежностью своею. И на вкус солоноват да горек. Знай: ни один зверь, ни одна животина, ни одна птица не осмелится употребить в пищу эту святую траву — ковыль; ни один человек не рвет его в букеты — какая же от того радость?

Ведь материнские, поседевшие волосы...

---

* Легенду «Ковыли» записал в 1960 году С. Н. Земцов в станице Раздорской Волгоградской области со слов Алексея Ивановича Фролова, 86 лет.



На Волге, близ Казани. Рисунок XIX века

ЛЕТОПИСЬ ДОСТОПАМЯТНЫХ СОБЫТИЙ, СЛУЧИВШИХСЯ НА БЕРЕГАХ ВЕЛИКОЙ РЕКИ С ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

V тысячелетие до Р. Х. — финно-угорские племена, жившие на Южном Урале, двинулись на запад, заселив север России (чудь), Поволжье (мордва, мари), Прибалтику (эсты, финны).

Начало I тысячелетия до Р. Х. — Среднее Поволжье обитают племена, предки камских финно-угорских народов.

VII в. до Р. Х.—IV в. по Р. Х. — в междуречье Оки и Волги живут племена городецкой культуры — предки мари, мордвы, чувашей.

220-е годы — Персия организует широкую торговлю с Поволжьем: был открыт ряд торговых контор на верхней Каме, о чем свидетельствуют находки персидских монет эпохи Сассанидов при археологических раскопках в Покамье.

370 год — полчища гуннов ворвались в Прикаспий и разгромили аланские племена, имевшие сарматскую основу.

Середина VII века — возникновение Хазарского каганата со столицей Итиль в дельте Волги.

30—40 годы VII века — болгарский вождь Кубрат объединил разрозненные племена в Великую Болгарию.

660-е годы — хазары разгромили Великую Болгарию. Часть болгар ушла на Дунай, другая часть — на Среднюю Волгу.

С конца VII века до 737 года хазары вели тяжелую войну с арабами.

774 год — в результате похода Мервана часть Хазарского каганата вместе со своим царем была насильно омусульманена, т. е. произошла частичная замена Тенгриистской религии, общей для монголов, хазар и предков булгар, на новую — мусульманскую.

Последняя четверть I тысячелетия по Р. Х. — тюркоязычные племена булгар и суваров пришли из приазовских степей в лесостепные районы Волго-Камского междуречья.

К концу VIII века владения Хазарского каганата на севере вплотную подошли к землям славянских племен — вятичей, северян, полян, на которых хазары и наложили дань.

VIII век — Поволжье превратилось в важную составную часть Хазарского каганата.

К VIII веку по Р. Х. Волга становится важным торговым путем между Востоком и Западом. Из Средней Азии вывозились ткани, металлы, из славянских земель — меха, воск, мед.

907 год — последнее упоминание в летописи о мери — верхневолжском племени, ассимилированном соседними народами.

Начало X века — царь Алмуш сосредоточил в своих руках сбор и уплату хазарской дани и встал на путь объединения булгар в единое целое.

914 год — возвращаясь из похода на Каспий (где воины отстаивали интересы хазарского царя), в устье Волги изменнически погибла русская рать, преданная хазарскими правителями.

922 год — царь Алмуш принял ислам, дабы заручиться поддержкой багдадского халифа Муктадира.

937 год — в этом году, согласно местным летописям, основан Углич.

X век — вторжение на Волгу печенежских орд. Феофилакт Болгарский так отзывался о печенегах: «...они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмехаются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

964 год — великий князь Святослав Игоревич покорил славянское племя вятичей, данников хазарского царя.

965 год — по пути на Хазарский каганат Святослав взял главный город волжско-камских булгар (данников хазар) — Болгары.

965 год — русская дружина, предводительствуемая великим князем Святославом Игоревичем, разгромила столицу хазар Итиль. С этого времени Волга перестает быть хазарской, а начинает становиться чисто русской рекой.

976 год — суверенный город Сувар, племенной центр сувар (сабир), потерял политическую самостоятельность и подчинился царю булгар.

977 год — поход русских князей на булгар. Русские дружины воевали с булгарами в дальнейшем в *985, 994, 997, 1120, 1164, 1172, 1183, 1186, 1220 годах.*

985 год — великий князь Владимир Святославович с воеводою Добрынею совершил один из первых походов на Волгу, на булгар. Результатом этого похода был «вечный мир», заключенный под стенами Великого Булгара и скрепленный династическим браком князя Владимира с булгарской принцессой. (После победы над булгарами Добрыня, осматривая пленных, сказал князю Владимиру: «Такие дани нам давать не будут: они в сапогах, пойдем искать лапотников»).

1006 год — между князем Владимиром и булгарскими властителями заключен новый договор о торговле. На Средней Волге на 80 лет установился мир.

1010 год — великий князь Ярослав Мудрый основал г. Ярославль.

Начало XI века — первое упоминание о волжском городе Ржеве, городе Смоленского княжества.

1024 — первое, известное по летописям, восстание крестьян-смердов в Верхнем Поволжье, вызванное неурожаем. В связи с восстанием впервые упомянут в летописи г. Ярославль.

1071 год — первое упоминание в летописи Усть-Шексны; с *1137 г.*— Рыбаньск, с *1504 г.*— Рыбная слобода; ныне — г. Рыбинск Ярославской области.

1076 год — Верхнее Поволжье становится волостью пятого сына Ярослава

Мудрого Всеволода Переяславского, и при этом называется уже Ростовскою землею.

1088 год — булгары, тревожимые новгородскими ушкуйниками, в ответ разгромили г. Муром.

XI—XIII века — возникновение в Волго-Окско-Сурском междуречье раннегосударственных объединений мордвы — Пургасовой волости и других.

1103 год — муромский князь Ярослав Святославович «бися... с Мордвою месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярослав».

1120 год — сын Владимира Мономаха Юрий, князь Владимиро-Суздальской земли, ходил на булгар, добился победы и вернулся с честью и славой, как писали летописцы.

1152 год — великим князем Юрием Долгоруким основана Кострома.

1162 год — первое письменное упоминание о Твери.

1164 год — великий князь Андрей Боголюбский с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием совершили удачный поход на булгар.

1177 год — булгарами основан город Казань. С конца XIII века назывался Булгараль-Джадид (Новый Булгар).

XII век — основание слободы, в дальнейшем г. Калязина.

1216 год — первые письменные упоминания о Ржеве и Зубцове.

1218 год — год образования Ярославского княжества, в состав которого вошли также Углече поле, Молога и страны Заволжские до Кубенского озера.

1221 год — на месте мордовского села Абрамово русские князья основывают город Нижний Новгород.

1223 год — Волжская Булгария отбила нападение монголо-татар в районе Самарской Луки.

1225 год — основан город Юрьевец Поволжский.

1229 год — заключен мир между Русью и Волжской Булгарией.

1229 год — 30-тысячное войско монголо-татар, возглавляемое Субэдэем, было остановлено еще на подступах к Булгарии.

1232—1246 годы — годы сопротивления Волжской Булгарии монголо-татарам.

1236 год — завоевание монголо-татарами столицы Волжской Булгарии г. Биляр. В русской летописи под *1236 годом* записано: «...осени приидоша от восточной страны на Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великий город Болгарьскый и избиша оружьем от старца и до унаго до сущаго младенца и взыша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша».

1238 год — первое упоминание о Кашине.

1238 год — разорение Твери и осада Торжка войском хана Батыя.

1239 год — восстание мордвы, а также русских городов Муром, Гороховец, Радилов, Рязанской земли против монголо-татарских захватчиков. Подавлено карательной экспедицией Батыя.

1240 год — во избежание частых наводнений в половодье Тверь перенесена на правый берег, к устью реки Тьмаки.

1237—1241 годы — завоевание Руси монголо-татарами.

1241 год — покоренная Волжская Булгария вошла в состав Золотой Орды, сохранив некоторую автономию.

1242 год — восстание народов Среднего Поволжья против монголо-татар. Карательный отряд Субэдэя и Мунке подавил восставших.

1243 год — Батый пригласил князя Ярослава Всеволодовича в свою ставку близ современной Астрахани и признал его верховным правителем Руси.

1238—1256 годы — годы правления хана Золотой Орды Батыя.

1240-е годы — основание столицы Золотой Орды Сарая-Бату (у современного села Селитряного Астраханской области).

1256 год — основание города Сарай-Берке (неподалеку от Волгограда в левобережье Волги близ ее дельты Актюбе, возле райцентра Царев; при хане Узбеке, на рубеже XIII и XIV веков Сарай-Берке становится новой столицей Золотой Орды).

1257 год — одно из первых народных восстаний против золотоордынского ига. Сражение под Ярославлем на Туговой горе, в котором погиб юный ярославский князь Константин.

1258—1266 годы — годы правления хана Золотой Орды Берке.

1263 год — в слободе Волжский Городец скончался великий князь Александр Невский.

1267 год — первое упоминание об Увеке (в записках Марко Поло), третьем по величине городе Золотой Орды.

Переправа через реки на бурдюках.

Так переправлялись через Волгу древнейшие обитатели ее берегов — скифы. Шкура взрослой овцы или козы, содранная целиком, сушится и сшивается так, чтобы осталось одно небольшое отверстие, в которое воздух впускается ртом прямо из легких. — и «плот» готов. Такой способ плавания практиковался у всех азиатских народов и был одним из самых первых и древнейших способов перехода рек, пока не появились досчатые суда.

Первобытное досчатое судно

1270 год, 19 июля — в столице Золотой Орды зверски замучен князь рязанский Роман Олегович, отказавшийся от повеления хана: принять языческую веру.

1281 год — набег войска во главе Кавдыгея на Среднее Поволжье.

Не позднее 1283 года — закончено строительство города Романова, заложенного на левом берегу Волги, напротив Борисоглебской слободы, угличским князем Романом Васильевичем.

1288 год — «князь Елортай Ординский, Темирев сын, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву, и много зла сотвориша, идоша восвояси».

1293 год — самое опустошительное после Батыя нашествие, названное русскими летописцами «Дюденевой ратью».

1275—1300 годы — пятнадцать раз монголо-татары совершали военные походы на Русь.

XIII век — первые упоминания об Астрахани, когда среди поселений Золотой Орды упоминается Аштархан (Аджитархан, Хаджитархан).

1297 год — основана Старица (первоначально называлась Городком; *в 1365 г.* перенесена на берег Волги и названа Новым Городком; с *XV в.* город называется Старицей).

1305 год — тверской князь Михаил Ярославич возвратился из Орды с ярлыком на великое княжение. В том же году он напал на Юрия Московского. Это была одна из первых стычек в длинном ряду междоусобных столкновений тверских и московских князей за главенствующее положение на Руси.

1312 год — хан Узбек из-за сильной засухи, поразившей Нижнюю Волгу, перенес улусный центр из Увека в мордовский город Мохшу (Наручад).

1312 год — умер ордынский хан Тохта, его сменил хан Узбек. При хане Узбеке монголо-татары приняли мусульманскую веру как государственную религию.

1322 год — на Русь из Орды пришел татарский посол Ахмыл и разграбил Низовскую землю (т. е. области по средней Волге и околоН.Новгорода).

1327 год, 15 августа — в Твери произошло одно из самых крупных на Руси восстаний против ханского наместника Чолхана.

1328 год — к Москве присоединился Углич.

1342 год — после смерти Узбека ханом Золотой Орды становится Джанибек.

1356 год — в Орде началась «замятня великая» — после убийства Джанибека ханом стал сын его Бердибек, расправившийся при этом с двенадцатью своими братьями.

1359—1367 годы — Золотая Орда после смерти в 1359 году Бердибека фактически распалась на две части, границей между ними стала Волга. Территория к западу от Волги до Днепра, Крым и Северный Кавказ оказались под властью хана Абдуллаха, но реальная власть принадлежала темнику Мамаю, женатому на дочери Бердибека. Столица Золотой Орды — Сарай ал Джерид (на левом берегу Волги, ниже современного Волгограда) — находилась в руках другой части Орды, занимавшей территорию восточнее Волги. Феодалы правобережья либо подчинялись Мамаю, либо отселялись на границы его владений. Один из них, Булак-Тимур, захватил город Булгар. Но в *1367 году* русские выгнали его оттуда, и власть перешла к местному князю Хасану. Когда же Мамай изгнал его из Булгара, тот основал на новом месте, невдалеке от Волги город, названный его именем (будущую современную Казань).

1366 год — набег новгородских ушкуйников на Волгу. По словам новгородского летописца, «пройдоша Волгой из Новагорода из Великого 150 ушкуев (лодок) ноугородци разбойници ушкуйници избиша татар множество, бесермен и ормен в Новегороде в Нижнем, жен и детей, товар их пограбиша, а съсуды их, кербати и лодьи и учаны и пабусы и струги, то все посекоша, а сами отъидоша в Каму».

1367 год — начало многолетней ожесточенной распри между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и тверскими князьями.

1368 год — Дмитрий Иванович двинул войска на Тверь. Тверской князь Михаил Александрович бежал в Литву.

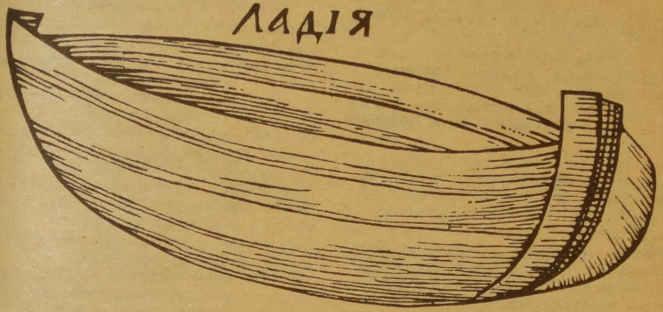
1371 год — первое упоминание в летописи об Осташкове.

1371 год — Михаил Александрович Тверской получает в Орде ярлык на великое княжение.

1375 год — воцарение в Сарае хана Арабшаха (в русских летописях — Арапша).

1375 год — войска Дмитрия Донского сожгли тверские посады, около месяца осаждали город. Тверской князь Михаил заключил с Дмитрием Ивановичем договор и признал московского кня-

ЛАДІЯ



В таких ладьях воины великого князя Святослава совершили поход на хазарского царя в 966 году. Доски, как видно на старинной гравюре, сшивались ивовыми прутьями или корнями можжевельника.

зя старшим над собой. Обе стороны обязались выступить против Золотой Орды.

1377 год — Урус-хан изгнал из Сарая Арабшаха, и тот бежал «в Мамаеву орду Волжскую».

1377 год — битва русских дружин с объединенным войском Арабшаха и мордовских князей на реке Пьяна. Гибель суздальско-нижегородских князей Семена Михайловича и Ивана Дмитриевича.

1377 год, 5 августа — Арабшах напал на Нижний Новгород и разграбил его. Следом за татарами в Нижний Новгород пришли мордовские князья. В русской летописи сказано: «Того же лета мордва, пришедше изгоном по Волге безвестно, Нижнего Новгорода уезд пограбиша и множество людей избиша, а иных плениша; власти же и села остаточныя от татар и от них пожены быша; и возвратишася во свояси».

Зима 1377—1378 годов — карательная экспедиция суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича в мордовские земли.

1328 год — указ нижегородского князя Константина Васильевича селиться русским людям по рекам Оке, Волге, Кудьме на мордовских селищах.

1380 год — участие мордовских дружин в Куликовской битве на стороне татар.

1382 год — хан Тохтамыш разгромил Мамая и объединил под своей властью Золотую Орду.

1392 год — из Орды от Тохтамыша вернулся Василий Дмитриевич, великий князь московский, получивший ярлык на Нижегородское княжество; оно присоединялось отныне к Великому княжеству Московскому.

1395 год — Тамерлан разрушил Астрахань, Увек и другие поселения Золотой Орды.

1398 год — в Золотой Орде Темир-Кутлуг свергает Тохтамыша.

1399 год — изгнанный из Нижнего Новгорода князь Семен Дмитриевич совместно с татарским царевичем Ейтяком взял и разграбил Нижний Новгород.

1401 год — мордовские земли, бывшие под властью нижегородского князя Семена Дмитриевича, перешли во владения московских князей.

1402 год — после разрушения русскими войсками города Иски-Казани, татарский хан Улу-Махмет выстроил Казань на новом, более удобном месте, на котором она стоит и теперь.

1407 год — умер Тохтамыш, хан Золотой Орды.

1408 год — эмир Едигей взял и сжег Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Нижний Новгород он передал князьям Даниилу и Ивану Борисовичам.

1410 год — великим князем Василием Темным основан г. Плес.

1410 год — Даниил и Иван Борисовичи бежали из Нижнего Новгорода от московской рати в пограничные мордовские земли, откуда организовали набег на Нижний Новгород булгарских, жукотинских и мордовских князей. У села Лысково рати встретились, московское войско потерпело поражение.

1411 год — воцарение в Орде сына Тохтамыша Джелал-ад-дина, который подтвердил права Даниила и Ивана Борисовичей на Нижний Новгород, однако вскоре Джелал-ад-дин был убит своим братом Керим Бердеем; в Орде начались смуты, и московский великий князь Василий I, послав рать к Нижнему Новгороду, вернул волжский город в состав Московского государства.

1420 год — Тверь после упорного боя присоединена к Московскому государству.

1420 год — единовластным правителем Орды становится внук Тохтамыша Улу-Мухаммед.

1423 год — Улу-Мухаммеда разбил пришедший с востока Борак-хан, который нанес поражение и другому золотоордынскому хану Девлет-Берди, откочевавшему после этого в Крым.

1428 год — Кострома разорена татарами.

1429 год — татарами разорена Кинешма.

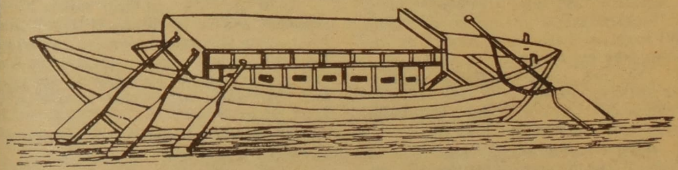
1432 год — разорение татарами Макарьевского монастыря. В память о том впоследствии была построена часовня, на колонне которой написали: «На сем месте погребена избиенная братия сия обители. Сие бысть в 1432 году, во время великого князя Василия Васильевича. Бысть нашествие агарян на Россию и напали нечаянно на сию обитель и побили братию, а ины взяша в плен с преподобным Макарием и привели к своему воеводе, и отпусти их воевода, и прииде преподобный Макарий и погребе братию на сем месте».

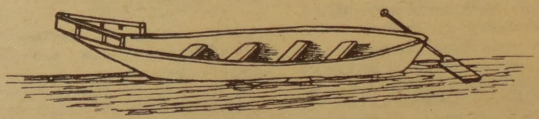
1438 год — Улу-Мухаммед завоевал Казанское ханство и явился основателем новой династии казанских ханов.

На таких судах разбойничьи шайки Степана Разина «выплывали... из-за острова на стрежень» в поисках купеческих караванов. Песня сохранила рассказ о том, как нападали «воровские казаки» в «легоньких стружках» на гребные «торговые струги»:

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже было города Саратова,
А повыше города было Царицына...
А по славной было матушке Камышинке-реке,
Выгребали, выплывали пятьдесят легких стругов
Воровских казаков:
А на всяком стружочку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов — воровских казаков.
Заплывали, загребали в Коловински острова,
Становились молодцы во тихих заводях,
Погулять они (пошли) на зеленые луга...
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани...
И бросалися (казаки) в свои легонькие стружки,
Напущалися казаки на гребные струги;
Они всех туто торговых перещупали...

Помещенные здесь рисунки запечатлели струги, бороздившие волжские волны в XVII веке. Первый из них — чердачный струг — плоскодонный досчаник с одной большой каютой по средине, другой — малый «стружок», подобный стругу на известной картине Сурикова.





1445 год — московский великий князь, пытаясь выбить из Нижнего Новгорода Улу-Мухаммеда, потерпел поражение.

1445 год — Махмутек, убив своего отца Улу-Мухаммеда, стал казанским ханом.

1449 год — от Золотой Орды отделилось Крымское ханство.

1463 год — в состав Русского централизованного государства вошло Ярославское княжество.

1466 год — тверской купец Афанасий Никитин спустился вниз по Волге до Астрахани, начав свое знаменитое «Хождение за три моря» — в Индию, Африку и Малую Азию.

1467—1468 годы — ряд походов Ивана III на Казань, которые привели к установлению вассальной зависимости хана Ибрагима от Москвы.

1469 год — первое упоминание о г. Чебоксарах; *с 1555 года* — крепость Московского государства.

1474 год — первое упоминание о г. Балахне.

1479 год — присоединение Торжка, бежецких, осташковских земель к Русскому централизованному государству.

1485 год, 8 сентября — Иван III с войском подошел к Твери. Народ не поддержал тверского князя. Тверское княжество вошло в состав Московского государства.

1487 год — московские войска после двухмесячной осады взяли Казань. Хан Али-хан взят в плен и сослан на Белоозеро. Казанский престол занял ставленник Москвы Мухаммед-Эмин. По свидетельству русского историка XVI века, «и была тогда Казань за великим князем 17 лет».

1505 год, лето — в Казани вспыхнул антирусский мятеж. Хан Мухаммед-Эмин осадил Нижний Новгород, однако после трех дней осады отступил.

1506 год, апрель — поход войск Василия III на Казань, окончившийся неудачей.

1506 год — неудачный поход на Казань. Сначала казанцы разбили войско Дмитрия Жилки (брата великого князя), но последовавший затем штурм города, как утверждают, принес успех, однако впоследствии русские все же «побеждены были от татар». В бою пали воеводы М. Ф. Курбский (отец Андрея Курбского), Ф. Палецкий, Д. В. Шеин; значительны потери и среди ратников.

1519 год — после смерти казанского хана Мухаммед-Эмина на казанский престол вступил сын касимовского городецкого царевича Шейх-Аулияра,— Шигалей (Шах-Али), приведший «землю Казанскую» к присяге московскому князю.

1521 год — казанский престол занял ставленник Крыма Сафа-Гирей.

1521 год — Сафа-Гирей совместно с крымским ханом опустошил Нижний Новгород и его окрестности.

1523 год, весна — в Казани по приказу Сафа-Гирея убит московский посол В. Ю. Поджогин. Василий III направил на Волгу войска, но хотя поход был отложен, Шигалей, сторонник московского князя, привел к присяге «мордву и черемису казанскую».

1523 год — по приказу Василия III в устье реки Суры боярин М. Ю. Захарьин и князь В. В. Шуйский возвели деревянный город-крепость Васильград (позднее — Васильсурск).

1524 год — третий поход московских ратей на Казань, окончившийся ничем. Казань признала себя вассалом Турции.

1525 год, март — московские послы в Казани князь В. Д. Пенков и дьяк А. Ф. Курицын объявили, чтобы хан «велел своим гостем и всей Казанской земле торговать в Нижнем Новгороде». Сафа-Гирей принял это требование. Экономический центр Среднего Поволжья переместился из Казани в Нижний Новгород.

1530 год — Сафа-Гирей порвал дипломатические отношения с Москвой.

1530 год — неудачный поход московского войска на Казань. Из-за споров воевод Михаила Глинского и Ивана Бельского, кому первому вступить в Казань, русские войска потерпели поражение: черемисы захватили лагерь русских войск.

1530 год — Сафа-Гирей свергнут с казанского престола.

1535 год — Сафа-Гирей вторично занял казанский престол.

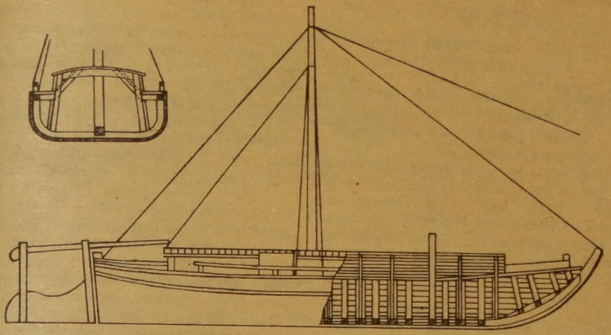
1537 год — большой поход Сафа-Гирея под Муром и Нижний Новгород.

1540 год — поход Сафа-Гирея на русские земли.

1540 год — у города Плёса русские войска разбили татарский отряд, шедший на Кострому.

1544—1545 годы — крупный поход казанских войск на окраинные русские земли.

1545 год — начало Казанской вой-



Каюк

Каюк — первая попытка объединить в своей конструкции два основных типа судов, бытовавших ранее: ладийный, с округленной подводной частью, и барочный, с плоским днищем и отвесными бортами.

На коренной Волге размеры каюков были большие, о чем можно судить по тому, что, согласно дошедшему до нас описанию каюка XVII века, уже в 1673 году перевозилось из Казани в Астрахань на одном каюке и ладье 800 кадей извести, т. е. около одиннадцати тысяч пудов, причем суда были отправлены из Казани в сопровождении 72-х стрельцов, данных для «береженья и гребли», что, в свою очередь, также может свидетельствовать о значительных размерах главного судна — каюка: принимая максимальную подъемную силу ладьи до трех тысяч пудов, на долю каюка можно считать до восьми тысяч пудов, т. е. каюк при ширине 8 метров достигал длины до 30 метров.

ны Иоанна Грозного, в которой он принял решение в борьбе с Казанью заручиться поддержкой народов Среднего Поволжья.

1546 год — Сафа-Гирей свергнут с казанского престола, но в том же году опять занял его.

1546 год — первое письменное упоминание о Кимрах.

1548 год — неудачный поход русских войск на Казань.

1549 год — внезапно умер Сафа-Гирей. Ханом был провозглашен младенец Утямыш-Гирей, сын Сафа-Гирея, от имени которого стала править его мать Сумбека, а фактически — ее фаворит, крымский оглан Кощак.

1550 год — неудачный штурм Казани московским войском.

1551 год — казанцы просили Иоанна Грозного, чтобы он дал им «царя Шигалея (Шах-Али) на царство, а Утямыш-Гирея бы царя и с матерью государь взял к себе. *11 августа* Сумбека, последняя казанская царица, была отправлена из Казани в Москву.

1551 год — в Казань на царство антимосковской феодальной партией приглашен Едигер-Магомед, астраханский царевич. После взятия Казани Иоанном Грозным Едигер был взят в плен и отправлен в Москву, где был крещен в христианскую веру под именем Симеон. Ему был сохранен титул царя.

1551 год — в третий раз казанский престол занял ставленник Москвы Шах-Али.

1551 год — год «рождения» уникального города Свияжска. Он был срублен в угличских лесах под руководством талантливого мастера И. Г. Выродкова, затем разобран, плотами спущен вниз по Волге и вновь собран близ Казани. Из Свияжска началось наступление русских войск на Казань.

1551 год, лето — народы правобережья Волги принесли присягу на верность русскому царю. «Царственная книга» свидетельствует: «Чювашу и Черемису и Мордву и Можаров и Тарханов привели к правде на том, что им государю царю и великому князю служити и хотети во всем добра и от города от Свияжского неотступным быти».

1552 год, 16 июня — из Москвы двинулось огромное войско (150 тысяч воинов, полторы сотни орудий), возглавлявшееся самим царем. В *июле* войско миновало Муром и в *августе* сосредоточилось возле Свияжска.

1552 год, август — сентябрь — осада города Казани.

1552 год, 2 октября — русские войска штурмом взяли Казань. В этом походе русским помогали «живущие же в тамошних странах Черемиса и Мордва», которые «вся потребная приношаху хлеб и мед и говяды, ова дарованием, иная продаваху и мосты на реках деляху». Присоединение к Руси Казанского ханства было важнейшим политическим событием. Русь избавилась от постоянной угрозы опустошительных набегов.

1554 год — Иоанн Грозный помог астраханскому царевичу Дервиш-Али свергнуть астраханского хана Ямгурлея и сделал его астраханским ханом.

1556 год — попытка Дервиш-Али освободиться от покровительства Москвы вызвала поход русских войск в Астрахань. Дервиш-Али бежал из Астрахани, и Астраханское царство без боя было присоединено к Русскому государству.

1556 год — основан русский сторожевой пост на волжском острове Сосновый, в *1606 году* пост переведен на правый берег под названием Сосновый Остров. В *1780 году* стал городом с названием Хвалынск.

1550-е годы — московское правительство допустило на Волгу английских купцов во главе с Дженкинсоном; англичане, построив суда, организовали судоходные сношения между Нижним Новгородом и Астраханью. Попытка англичан завести на Волге свое судоходство не увенчалась успехом, т. к. самая цель — торговые сношения с Персией — не была достигнута: торговля не наладилась, а сам Дженкинсон погиб в *1569 году* при попытке найти путь в Индию через Персию.

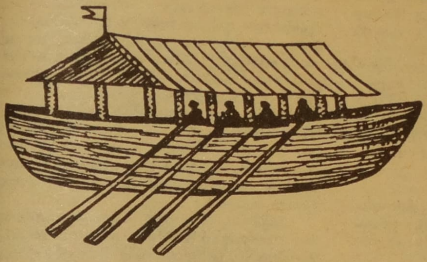
1574 год — основано поселение Тетюши как Тетюшская застава.

1583 — на месте острога основан город Козьмодемьянск; как город впервые упомянут под *1609 годом*.

1586 год — основан город Самара для защиты края от набегов кочевников и для борьбы с вольницей.

1589 — основан город Царицын. Он был укреплен деревянной стеной с башнями; на обязанности стрельцов лежала защита края от кочевников и охрана судов от нападения вольницы.

1590 год, 2 июля — основан город Саратов. В рукописном Евангелии XVI века по этому поводу сделана запись: *«Лета 7098 (1590) месяца июля во вто-*

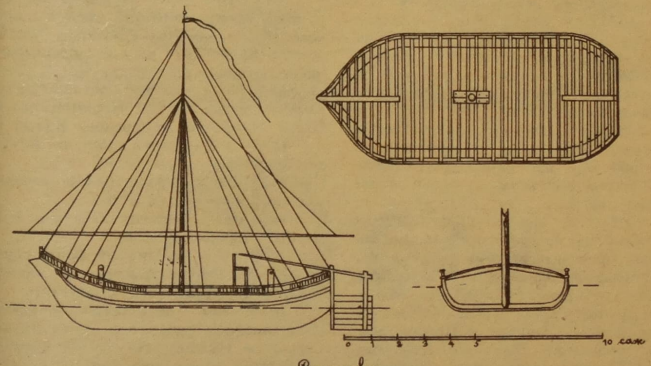


Косная лодка с зонтом.

В конце XVII столетия на Волге появились косные лодки — суда, приспособленные специально для перевозки пассажиров. Длина косной лодки — до 10 метров, ширина — 3 метра, глубина осадки — около метра, грузоподъемность — до 100 пудов.

Знаменитые волжские расшивы — кульминационный пункт самобытного волжского судостроения (деревянного), не превзойденный в своих формах, в совершенстве приспособленных к плаванию по Волге с ее мягким песчаным ложем, обильными мелями и перекатами. Шли они вниз по течению до 60 верст в день; вверх, при благоприятном ветре, до 30 верст, а без ветра, бичевой, от 5 до 10 верст, смотря по плесу и силе течения.

На вершине мачтовой стеньги, заканчивавшейся флюгером и сверху его вырезным из железа изображением Михаила-архангела с трубой или Георгия-Победоносца на коне, прикреплялась длинная, до 10 метров, шерстяная лента красного или белого цвета.



Расшива

рой день на память положения пояса Пречистыя Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити».

1591 год, 15 мая — в Угличе погиб сын Иоанна Грозного царевич Дмитрий. С его смертью, после кончины его брата Феодора Иоанновича, пресеклась династия царей из дома Рюрика.

1604 год — Саратов был взят и разграблен самозванцем Ильей, принявшим имя Петра Феодоровича, сына царя Феодора Иоанновича. В смутное время и позднее Саратов разоряли отряды казацкой вольницы, калмыки и другие кочевники.

1605—1606 годы — Астрахань разграблена терскими и донскими казаками.

1606 год — восстание Илейки Муромца распространилось на Среднюю Волгу.

1606 год, осень — от царя Василия Шуйского «отложился» Арзамас. Повстанцы осадили Нижний Новгород, но взять его не смогли. «Новый летописец» сообщает: «В та же времена собрався мордва и бортники и боярские холопы и крестьяне; приидоша под Нижний Новгород, осадиша. В них же старейшин два мордвина: Москов да Варкадин, и стояху под Нижним и многия пакости граду делаху». Восстание, то затухая, то вспыхивая, длилось до *1610 года*, когда было подавлено окончательно.

1607 год — летом Саратов осадили восставшие царицынские казаки, но взять город, располагавший усиленным гарнизоном, не смогли.

1608 год — Кинешму дважды захватывали поляки.

1608 год — взятие и разграбление Ярославля польскими интервентами.

1609 год — изгнание из Твери польско-литовской шляхты, временно захватившей город.

1610 год, июль — царь Василий Шуйский был свергнут московскими боярами, провозгласившими русским царем польского королевича Владислава. Население Среднего Поволжья отказалось целовать крест Владиславу и приняло активное участие в Первом земском ополчении Прокопия Ляпунова.

1611 год — Углич взят поляками, причем все женщины сделались жертвами солдатских насилий, а все искавшие спасения во дворце перебиты; все погреба были доверху наполнены кровью.

Начало XVII века — в смутное время Тверь, не в пример многим русским городам, отказалась, с оружием в руках, присягать Владиславу, и за всю эпоху, богатую изменами бояр, выдержала несколько осад, так что к *1615 году* в Твери осталось всего 178 человек, способных носить оружие.

1611 год, сентябрь — в Нижнем Новгороде по призыву земского старосты Кузьмы Минина собралось Второе ополчение, которое сыграло решающую роль в разгроме польских и шведских интервентов.

1612 год, март — Второе ополчение выступило из Нижнего Новгорода в Ярославль. В Ярославле был образован «Совет всея земли». Этот Совет «из всех чинов и людей Московского государства» становится временным *(1 апреля — 28 июля)* общерусским правительством, а Ярославль — временной столицей России.

1612 год — набег 7000 ногайцев «на арзамасские и алатырские места», отраженный войсками мурзы Баюша Разгильдеева. За эту победу Совет всей земли во главе с Д. М. Пожарским и Д. Т. Трубецким пожаловали Б. Разгильдеева княжеским званием.

1612 год — на Самарском перевозе задержаны ногайцы Иштерекова улуса, переправлявшиеся на левый берег Волги с «русским полоном», захваченным в Алатырском уезде.

1613 год, осень — атаман И. М. Заруцкий, поддерживавший связи с поляками, бежал на Дон, а затем в Астрахань. В *марте 1614 года* он организовал набег ногайцев на русские земли. Двадцатитысячная орда была остановлена и разбита ратью Н. П. Барятинского и Ю. Я. Сулешова на Средней Волге.

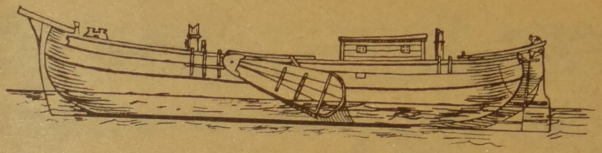
1618 год — кочующие алтайские джунгары дошли до Волги.

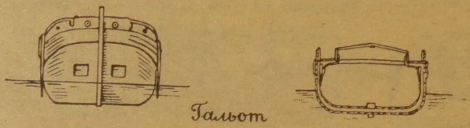
1622 год — строительство города-крепости Краснослободска.

1628 год — Саратов выдержал осаду степных кочевников.

1630 год — на Нижней Волге образовано калмыцкое ханство из пришедших на Волгу алтайских джунгар.

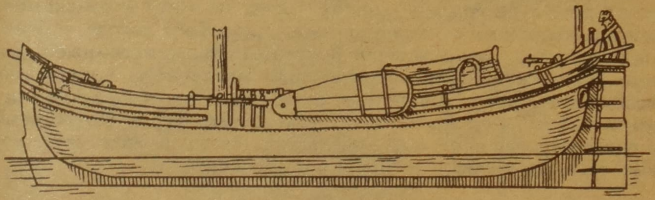
1635 год — посольство шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III, построив в Нижнем Новгороде корабль «Фридрих», спустилось вниз по Волге в Каспий, где корабль был разбит бурей. В составе посольства был Олеарий, оставивший известное описание этого путешествия.

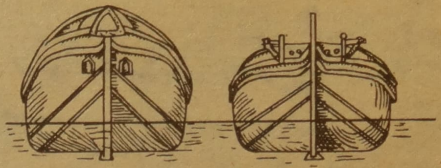




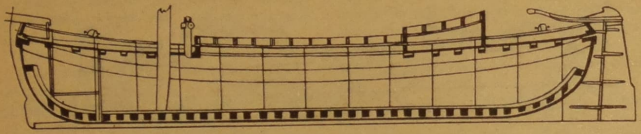
Гальот

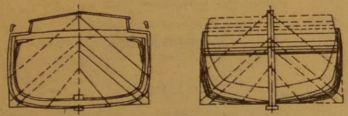
Петр I попытался пересадить к нам целиком некоторые западноевропейские, прежде всего голландские суда, без всякого приспособления их к условиям плавания по нашим рекам. Так на Волге появились гальоты, шмаки, тялки, флейты, прамы и целый ряд других судов, большинство коих, в чистом своем виде, совершенно не привилось здесь, послужив, однако, канвой для создания местных судовых типов. Из гальота на Верхней Волге «выросли» полулодки.





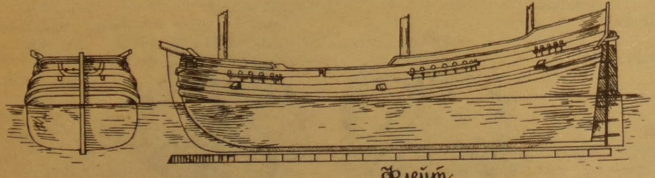
Шлюк



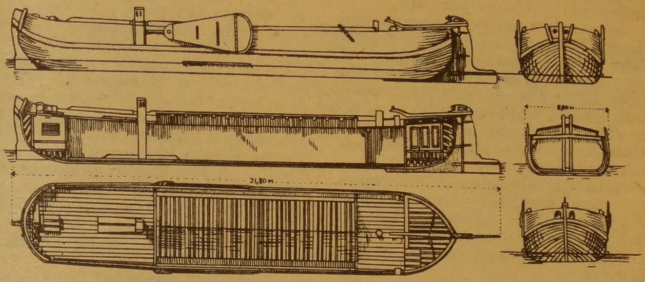


Тямк

Особенно настойчиво «царь-плотник» пропагандировал тип судна — эверс. Впоследствии эверсы имели очень большое влияние на выработку наиболее совершенных волжских судов — расшив. Хотя иностранные суда и «не покорили» Волгу, однако наиболее совершенные формы и отдельные детали западноевропейского судостроения, применимые к условиям плавания на русских реках, в конце концов воспринимались и усваивались нашими мастерами, особенно на Волге, шедшей впереди других рек в деле судостроения, почему, вероятно, Петр I, ознакомившись с волжскими судами во время персидского похода, и отменил свой указ, навязывавший Волге целиком чужеземные судовые конструкции. Это усвоение шло медленно и постепенно, всасываясь в нашу самобытную судостроительную практику целыми годами и десятилетиями, вследствие чего в Петровский и послепетровский период у нас и появилась огромная масса новых судовых типов и новых названий судов.

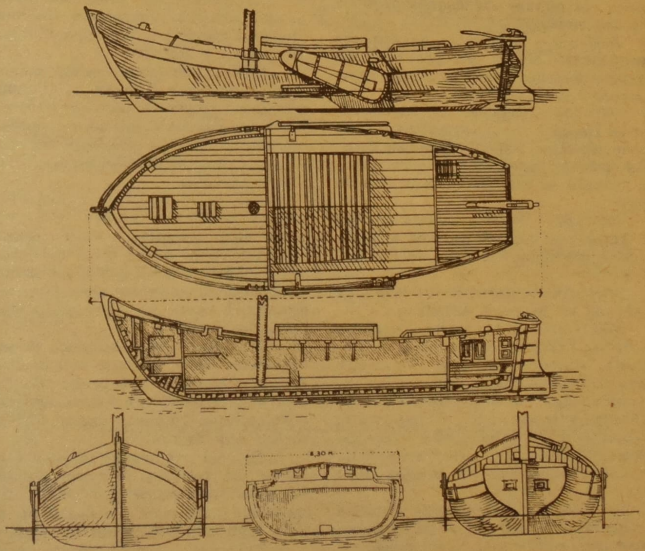


Флейт



Прам

«Птенцы гнезда Петрова» — «голландец» прам и «немец» эверс, брошенные Петром I в набежавшую волжскую волну.



Эверс

1639 год — Самара осаждена калмыками, но кочевники были разбиты пришедшей из Казани подмогой.

1641 год — монахи Макарьевского Желтоводского монастыря получили право взимать пошлины с товаров «на свечи, и ладон, и церковное строение, и братии на пропитание». Начало знаменитой Макарьевской ярмарки.

1643 год — поход на казахов калмыков. Казахские отряды под командой хана Джангира Есимова три дня отбивали атаки превосходящих сил противника, не давая калмыкам возможности занять узкий перевал. Богатырь Жалантос, прибывший на подмогу из Ташкента с 20 000 воинов, наголову разбил калмыков.

1648 год — основана крепость Синбирск окольничим и воеводою Б. М. Хитрово и дьяком Г. Кунаковым. До *конца XVIII века* сохранял название Синбирск, потом стал называться Симбирском.

1666 год — основан город Сенгилей симбирским воеводой князем И. И. Дашковым как застава для защиты от набегов кочевников.

1667 год — начало так называемой крестьянской войны под руководством Степана Разина: шайка разинцев перебралась с Дона на Волгу.

1668 год — разинцы совершили набег на Персию. Были разграблены многие прибрежные города, захвачена большая добыча. *Зиму 1668/69 года* казаки провели на острове Свином (южнее Баку).

1669 год — по Оке и Волге прошел до Астрахани первый русский корабль «Орел», сожженный в *1670 году* разинцами.

1669 год, август — Разин вернулся с Каспия на Волгу, в Астрахань.

1670—1671 год — мятеж разинцев на Волге. Взяты города Астрахань, Царицын, Саратов, Самара. Симбирск взять не удалось, Разин был ранен и отступил на Дон, где был схвачен своими казаками и выдан царю. Разин казнен *6 июня 1671 года*. Последний оплот разинцев — Астрахань — взят правительственными войсками *27 ноября 1671 года*.

1671 год — левобережный Саратов разорен атаманом Федькой Шелудяком, после чего, в *1672 году*, город перенесен на правый берег.

1672 год — основан город Черный Яр.

1683 год — воевода князь Г. А. Козловский основал крепость Сызрань.

1695 год — царь Петр I, отправляясь в поход на турецкую крепость Азов, с караваном тяжелогруженых судов спустился по Волге до Царицына.

1699 год — первое упоминание в документах села Малыковки; *с 1780 года* — город Вольск (Волгск, Волжск).

1708 год, 27 мая — отряды И. Некрасова и Л. Хохлача из шайки К. Булавина начали «жестокий приступ» на Саратов. Приступ отбит городским гарнизоном. *29 мая* повстанцы вновь двинулись на Саратов и почти одержали победу. Но присланные ханом Аюкой 4 тысячи калмыков заставили булавинцев отступить.

1709 год — построена Вышневолоцкая водная система — первая искусственная водная система в России, соединившая волжские города с Санкт-Петербургом, причем движение по этой системе было возможно в одном направлении — с Волги к Петербургу.

1717 год — кубанские и азовские татары совершили набег на русские земли, разорив предместья Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова, Инсарска, Петровска и Ломова.

1718—1720-годы — между Доном и Волгой от устья Иловли до Царицына возведена защитная линия от набега кочевников из земляного вала со рвом на южной стороне. На ней было построено 4 крепости, в которых разместили сильные гарнизоны.

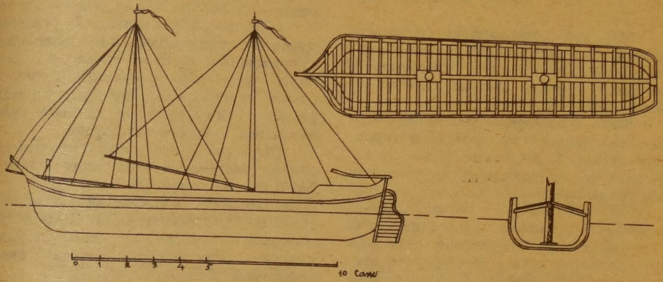
1723 год — побоище с калмыками казахи назвали «Актабан шубурунды, алка коль сулама» — годы тяжелого бедствия, т. к. война была кровавой и опустошительной. Казахи из-за родовых распрей не смогли объединиться и бежали; к тому же калмыки впервые применили пушки.

1725 год — приволжские калмыки объявили войну казахам Младшей Орды, населяющим побережье Волги и Урала. Казахский хан Абулхаир разбил в нескольких кровавых сражениях калмыков, они отступили.

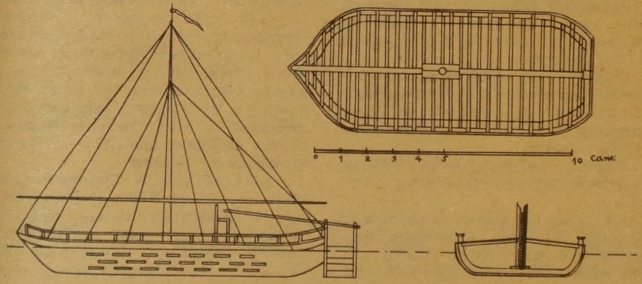
1726 год — к западу от реки Сары-Су на реке Буланты богатырь Богембай из рода Канжигалы дал решительное сражение калмыкам и победил их, развеяв миф о непобедимости калмыков.

1730 год — сформировано Астраханское казачье войско.

1732 год — основано поселение Дубовка. В *1734 году* она стала главным

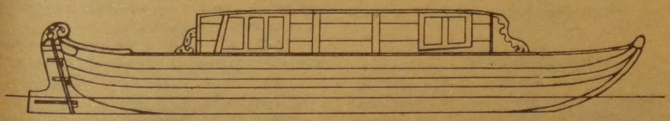


Косовая



Прорезь

Косовая — чисто лодочный тип, схожий с ладьей; подводная их часть делалась из осины. Прорези — косовые лодки, в которых перевозилась живая рыба. Трешкот — плоскодонное судно типа струга с каютой.



Трешкот

городком волжских казаков. Дубовку основал атаман Макар Никитич Персидский.

1737 год — при участии государственного деятеля В. Н. Татищева основывается город Ставрополь (в переводе с греческого — город креста; доныне носит название Тольятти).

1743—1745 годы — восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородской губернии, носившее характер национально-освободительного движения под религиозными лозунгами.

1747 год — указом сената в Новоузенский уезд вызывались малороссы из Харьковской и Полтавской губерний для перевозки соли с Эльтонского озера, которым были дарованы льготы: свобода от всех повинностей и по 30 десятин земли на каждую душу. Переселенцы малороссы основали ряд селений, в том числе Покровскую слободу (*с 1914 года* — г. Покровск; *с 1931 года* и пока — г. Энгельс).

1753 год — на нижегородской судостроительной верфи были сделаны «судна с машинами» для перевозки по Волге эльтонской соли; машина приводилась в движение волами.

1762 год — вернувшимися из Польши старообрядцами основан город Балаково.

1763 год, 8 июля — Екатерина II подписала манифест, в котором иностранцы приглашались в Россию. По этому манифесту *с 1764 года* в Саратове и окрестностях стали селиться иностранцы, в основном немцы. Колонисты основали г. Баронск (Екатериненштадт, *с 1931 года* и поныне — г. Маркс).

1773—1775 год — так называемая крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева, ставленника и «агента влияния» Польши и Турции. Повстанцы разграбили и сожгли многие поволжские города.

1781 год — из села Спасска (Чертыково) образован город Спасск (ныне г. Булгар).

1781 год — указ Екатерины II о введении в действие «Устава купеческого водоходства». 9 глав и 180 статей «Устава...» регламентировали вопросы судостроения и судоходства на реках Российской Империи.

1784 год — произведен первый обмер фарватера Волги, мели обставлены «предостерегательными» знаками.

1804 год, 28 сентября — успешная проба в Нижнем Новгороде усовершенствованного «водохода» Ивана Петровича Кулибина (первое испытание «водохода» — в *ноябре 1782 года* на Неве).

1810 год — Александр I утвердил правила судоходства под названием «Учреждения о судоходстве по реке Волге чрез Вышневолоцкий канал до Санкт-Петербурга», предписывающие размеры, типы судов и правила судовождения и перевозки грузов.

1811 год — построена Тихвинская водная система, соединившая Волгу с Балтийским морем.

1816 год — крепостной графа Шереметева крестьянин села Кадниц Нижегородской губернии Михаил Сутырин построил коноводную машину своей конструкции.

1817 год — Макарьевская ярмарка переведена из Желтоводского Макарьевского монастыря в Нижний Новгород.

1817 год — владелец Пожевского чугуно-плавильного и железоделательного завода на реке Каме Всеволод Андреевич Всеволожский построил два парохода (машины для них строились по проекту и под руководством горного инженера П. Г. Соболевского. Пароходы, первые на Волге, прошли от Пожевского завода до Казани.

1823 год — Д. Н. Евреинов организовал первое на Волге пароходное общество «Компания парового судоходства по р.р. Волге, Каме и Каспийскому морю», просуществовавшее два года.

1837 год — изданы особые правила плавания для паровых судов, высочайше утвержденные Николаем I. Эти правила оставались в силе на Волге и Каме до *1867 года*.

1841 год — сняты установленные в Астраханской и Саратовской губерниях военные посты для охраны судов от грабителей.

1843 год — на Волге, в истоке ее из озера Волго сооружена плотина (Верхневолжский бейшлот) для регулирования стока воды и поддержания судоходных глубин в межень.

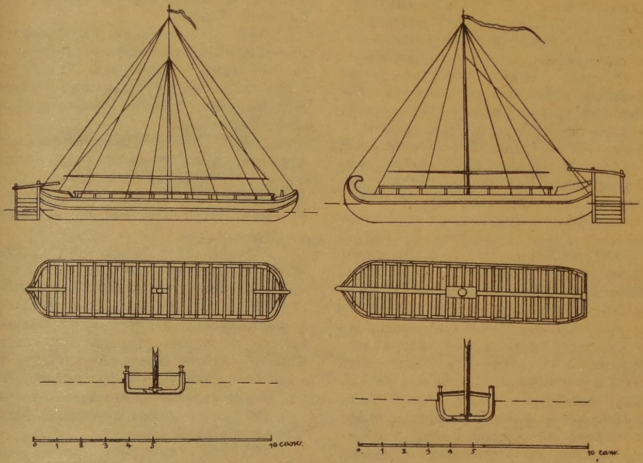
1843 год — учреждено первое акционерное пароходное общество «По Волге».

1849 год — основан Саратовский судостроительный завод.

1849 год — учреждено пароходное общество «Меркурий».

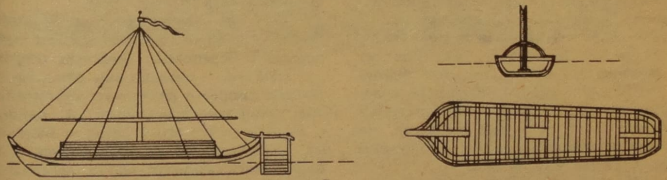
1853 год — учреждено специально-пассажирское пароходство «Самолет».

1856 год — упразднено учрежденное некогда «крейсирование на Волге гардкоутного экипажа», в обязанности кото-



Тихвинка Соминка

Название «тихвинка» восходит к реке Тихвинке, притоку Сяси. Тихвинка появилась в XVIII веке. Главное достоинство их, помимо прочности — необыкновенная легкость на ходу, объясняемая закругленными формами их подводной поверхности. Большие тихвинки в длину достигали 50 метров, а маленькие, называвшиеся соминками, были вдвое короче. Романовки — небольшие, но широкие суда,— до 15 метров в длину и 8 метров в ширину, усовершенствованные Петром I, получили название новых романовок.



Новая романовка

рого входила охрана судов от грабежей.

1870 год — спуск на воду обществом «Кавказ и Меркурий» парохода «Император Александр II» — первого легко-пассажирского парохода «американского типа», вмещавшего до 1000 пассажиров.

1871 год — первая навигация двухпалубного парохода «Переворот», построенного на Сормовском заводе пароходчиком А. А. Зевеке. «Переворот» — прообраз современных теплоходов.

1873 год — братья Николай и Дмитрий Ивановичи Артемьевы, занимавшиеся перевозкой нефти из Баку в Астрахань, построили первую нефтеналивную баржу.

1880 год, 30 августа — в 20-ти верстах выше Сызрани открыт первый железнодорожный мост через Волгу, длиною 696 сажен.

1882 год — в Нижнем Новгороде построен первый волжский заднеколесный пароход «Амазонка», наиболее пригодный в условиях мелководья, в засушливые годы.

1884 год — в волжском флоте впервые широко применена нефть в качестве топлива на пароходах общества «Кавказ и Меркурий».

1887 год — открытие Нижегородского речного училища — первого учебного заведения на Волге, готовящего шкиперов и пароходных механиков.

1890 годы — на мелких паровых судах стал применяться в качестве движителя гребной винт.

1903 год — фирма Нобель поставила на свои железные судна «Сармат» и «Вандал» двигатели Дизеля. Первые двигатели внутреннего сгорания на волжских судах. Суда с такими двигателями стали называться теплоходами.

1911 год — на Волге появились первые пассажирские теплоходы — колесный «Урал» и винтовой «Бородино», построенные на Коломенском заводе по заказу общества «Кавказ и Меркурий».

1918 год, 26 января — издан декрет о национализации волжского флота.

1937 год — создано Волжское водохранилище в результате строительства Иваньковского гидроузла на Волге. На Волжском водохранилище расположены города Тверь и Конаково.

1937 год, 15 июня — открылось судоходство по каналу Москва — Волга (ныне канал имени Москвы), связавшему город Тверь со столицей кратчайшим водным путем.

1940 год — создано Угличское водохранилище в результате строительства Угличской ГЭС. На берегах этого водохранилища расположены города Углич, Калязин, Кимры.

1941 год — создано Рыбинское водохранилище в результате строительства Рыбинского гидроузла. На берегах Рыбинского водохранилища — Череповец, Весьегонск, Углич, Рыбинск, Пошехонье-Володарск.

1941 год — после строительства Рыбинского гидроузла затоплен город Молога.

1941 год, 12—14 октября — кровопролитные бои в районе г. Калинина (Твери). Части Красной Армии оставили город.

1941 год, 16 декабря — части 29-й и 31-й армий полностью освободили г. Калинин (Тверь) от фашистских оккупантов.

1942 год, 19 ноября — 1943 год, 3 февраля — Сталинградская битва на Волге, в районе города Сталинград. Красная Армия одержала победу, взяв в плен триста тысяч фашистов. Перелом в ходе Великой Отечественной войны.

1951 год — основан город Волжский Сталинградской области.

1952 год — построен Волго-Донской судоходный канал (протяженностью 101 километр).

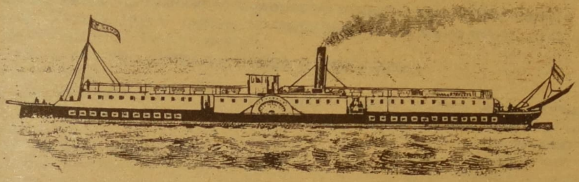
1957 год — создано Горьковское водохранилище в результате строительства ГЭС. На берегах этого водохранилища — Городец, Пучеж, Юрьевец, Кинешма, Наволоки, Плес, Кострома, Ярославль, Тутаев, Рыбинск.

1957 год — создано Куйбышевское водохранилище. На его берегу — Казань, Ульяновск, Чебоксары, Тольятти, Сенгилей, Димитровград, Чистополь, Зеленодольск, Волжск.

1961 год — создано Волгоградское водохранилище. На его берегах — Камышин, Дубовка, Энгельс, Саратов, Маркс, Вольск.

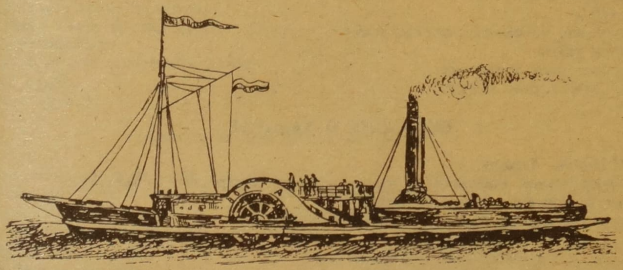
1964 год — вступил в эксплуатацию Волго-Балтийский водный путь, соединивший г. Череповец с Онежским озером.

1968 год — создано еще одно, саратовское «море» в результате строительства гидроэлектростанции в районе г. Балаково. На его берегах — Балаково, Хвалынск, Сызрань, Чапаевск, Самара. Волга окончательно стала «волгохранилищем»: плотины-тромбы на всем протяжении Волги замедлили ток реки, из-за чего волжская вода стала «цвести», а река накапливать на дне тяжелые металлы и прочие промышленные отходы.



Первые пароходы появились на Волге в 1810-х годах, но регулярное движение пароходов началось через 30 лет. 15 мая 1846 года «вышел на работу» пароход «Волга», сделанный за границей. Ни кают, ни каких бы то ни было рубок на нем не было. Рулевое колесо помещалось прямо на палубе. Чисто волжское достижение — ложкообразная форма носовой части парохода, напоминавшая линии наших расшив и сделанная по требованию заказчика: в Европе она не практиковалась. Скорость хода «Волги» с полным грузом (до 300 000 пудов) против течения до 5 верст в час, порожняком — до 20 верст в час.

К началу века по великой русской реке ходили свыше тысячи паровых судов; непаровые и маломерные исчислялись десятками тысяч.



СОДЕРЖАНИЕ

П. С. Березин. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных племен до наших дней. Публикация Н. В. Морохина 7

ПРЕДАНИЯ О СКИФАХ

Е. Классен. Куда исчезли скифы и сарматы? 54
Скифы и персидский царь Дарий 69
Вино сильнее меча 74
Похороны царя 75
Дандамид и Амизок 77
Амага 78
Кир, царь персидский, и скифская царица Томирисса 78
Аттила 83

СЕРБСКИЕ СКАЗКИ

В. Христич. Сербы на Волге? 92
Рубаха счастливого человека 95
Звали осла на свадьбу 95
Век живи — век учись 96
Почему сербы самый бедный народ 96
Сливы — за сор 97
Жизнь человека 97
Кто не работает, тот не ест 99
Правда и кривда 100
Одна ступица в грязь, а другая из грязи 101
«У царя Трояна козлиные уши!» 102
Ум и Счастье 104
Язык животных 108
Царьград 111
Все-то все, но ремесло прежде всего 112
Вино и ракия 113
Девушка, осел и старуха 114
Как человек стал кротом 114

СКАЗАНИЯ О ХАЗАРАХ

В. Маликов. Хазары 118
Г. Прозрителев. Раскопки на месте древнего хазарского г. Мажары . . 124
Ответ Владимира хазарским евреям 130
Почему до нас не дошло искусство хазар? 131
Как авары стали хазарами 132
Повесть о царе Казарине и о жене его 134
Князь Святослав и хазарское иго 135

ПРЕДАНИЯ О БУЛГАРАХ

В. Рагозин. Болгары 145
Путешествие Ибн-Фадлана к булгарскому царю 153
Дочь булгарского хана 155
Д. Мухаметшин, Ф. Хакимзянов. На развалинах древнего города . . . 157

ТАТАРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Татары 176
Р. Фахрутдинов. Золотая Орда: монголы или татары? 180
«По обоим берегам ее обитают татарские племена» 187
Ф. Баллод. Увек и другие города Золотой Орды 198
С Амура-батюшки на Волгу-матушку 215
Почему город назвали Заинском 215
Предания о Казани 217
Почему Казань переехала? 218
Мудрый старик 220
Завещание 223
Как волк семерых зятьев съел 223
Кому на пользу каркала ворона 224
С ремеслом не пропадешь, без ремесла дня не проживешь 225
Правда спасает, а неправда подводит 228
О кривой березе 230

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЧУВАШЕЙ

П. Николаев. Буртасы и чуваши 234
Чуваши 238
Земля Улыпа 244
Гора Чабырлы 245
Мост Азамата 246
Легенда о начале хлебопашества 247
Сарыч и ворона 248
Отчего ласточка двухвостая 249
Почему сосна и ель вечно зеленые 249
Как ловили Луну 251
Родной — через огонь! 252
Приметливый портной 253
Большой заяц 254
Что сильнее всего на свете 254
Как Петр Первый стал кумом чуваша 256
Девушка на Луне 260
Как у чувашей поселились деньги 261
Корка хлеба 262
Кот и воробей 262

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ МОРДВЫ

И. Маринин. Мордва: мокша и эрзя. 266
М. Чудинов. Весь и меря — обитатели Верхней Волги 271
Т. Леонтьев. Моляны мордвы Хвалынского уезда 280
Ехал по Волге русский князь Мурза 286
Макразь 287
Волга-Рав и Каспий 292
Качел 294
Душа матери 297
Алатырь и Инсар 299
Кадада 301
Малолетний муж 303
Ягоды слепой жалости 306
Высокий Максим 310
Петр-Медведь 312
Дед Филипп 313
Колеса 316
Тетка Матрена 318
Как кузнец соседа подковал 321

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ МАРИ ЭЛ

А. И. Герцен. Вотяки и черемисы . . . 326
Н. Иванов. О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии . . . 332
Легенда о возникновении Марийского народа . . . 335
Онар-богатырь . . . 335
Чачавий и Эпанай . . . 336
Да будет с вами Пэрке! . . . 337
Непобежденная Ветлуга . . . 339
Акпарс и Иоанн Грозный . . . 342
Гусляр . . . 344
Ким Васин. Крылатый человек . . . 345
В. Юксерн. Охотник Сайгелде . . . 348
С. Г. Чавайн. Йыланда . . . 354

ПРЕДАНИЯ КНЯЖЕСКОЙ РУСИ

Что значит быть русским? . . . 368
А. Н. Афанасьев. Религиозно-языческое значение избы славянина . . . 376
Егорий Храбрый . . . 389
Предание об основании Нижнего Новгорода . . . 390
Дятловы горы . . . 391
Ибрагимов городок . . . 393
Почайна . . . 394
«Мордовские кости» . . . 394
Казань . . . 395
Йошкар-Ола, Чебоксары . . . 396
Балахна . . . 397
Никитин Завод . . . 398
Кулебаки . . . 398
Безводное . . . 399
Кадницы . . . 399
Работки . . . 400
Радилов — Малый Китеж . . . 400
Про град Китеж . . . 401
Легенды о граде Китеже . . . 402
Русланушка . . . 403
Речка Илиндик . . . 403
Почему татары не взяли Нижний . . . 404
Коромыслова башня . . . 405
Предания о Татарке . . . 406
Чертовка . . . 408
Звягино . . . 409
Утесы над Волгой . . . 410
Пьянское поражение . . . 410
Река Пьяна . . . 411
Спасение Нижнего Новгорода пленными литовцами . . . 411
Воцарение Ивана Грозного . . . 413
Поход Ивана Грозного . . . 414
Легенды о Девичьих горах . . . 415
Предание о походе Ивана Грозного . . . 416
Воротынец . . . 417
Наказание Волги . . . 417
Ермак и ермаковцы . . . 418
Бармино . . . 419
Параша . . . 420
Ляхово . . . 423
Лысковский царевич . . . 423
Дело Осокиной . . . 424
Мастер-чародей . . . 427
Свеча . . . 428

ЛЕГЕНДЫ КАЛМЫКОВ

Костенков. Калмыки 432
Костенков, Барбот-де-Марни. Калмыцкая степь 441
О сироте Бош-Кюбюне и злом хане 449
О поединке великого нойона Джангра с ясновидцем Алтаном Цеджи . . 452
Лотос 459
Как ленивый старик работать стал 462
Два обманщика 463
Три мудреца 466
Мудрец и гелюнг 467
Неразрешенные судебные дела 469
Мудрая невестка 471
Левый глаз хана 473
Почему комар жалобно поет 475
Почему у совы нет ноздрей 476
Сказка о родном крае 477

ПРЕДАНИЯ О ВОЛЖСКИХ МАЛОРОССАХ

В. Иванчук. Откуда есть пошла украинська земля? 483
К. Шкода. Запорожцы за Волгой 491
Г. Килочек. Савинка на Торгуне 497
А. Вильгельмов. Малороссийская свадьба в слободе Самойловке, Балашовского уезда Саратовской губернии 506
А. Н. Минх. Чаровник Игнатий 526
Ведьма Настасья 527
Русалки 528
Иван Купала у малороссиян 529
Рождество у малороссиян 530
Пасха у малороссов 533
Бабий праздник 534
Обряд «женихования» 535
Иван-да-Марья 536

СКАЗАНИЯ О НЕМЦАХ ПОВОЛЖЬЯ

В. Бочкарев. Немецкие колонии на Волге 542
Сарепта библейская и приволжская 550
И. С. Аксаков. «Добродушная республика в глуши России» 565
Б. Пильняк. Немецкая история 566

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ КАЗАХОВ

А. Гайсенов. Киргиз-кайсаки, ногайцы, казахи 582
Из журнала, составленного поручиком *Гавердовским, Ивановым* и *Богдановичем* во время их поездки в Бухару через Казахстан 587
А. Кунанбаев. Из «Слов назидания» 602
Г. Мусрепов. Сказание об орлах 603
Легенда о Ер-Каптагае 609

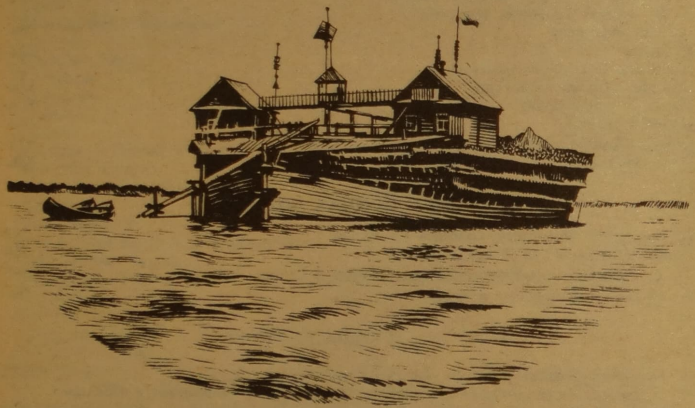
ПРЕДАНИЯ ВОЛГАРЕЙ

А. Баженова. Сколько названий у Волги? 620
В. Н. Морохин. Городецкие мастера 623
Про Никитушку Ломова 624
Мячин 625
Медвежий парад 625
Не сумел взять клад 627

Потайное подземелье 628
М. Ежов. Как вас прозывают? 629
Первый силач Волги 631
Машинист 633
Лоцман 634
Грузчики 635
Г. Шенеман. Пароход на лугу 641
Пожары на пароходах 643
В. Осипов. Белуга дяди Клементьича 647
Рыбак и невод 651
Ковыли 659

ИЗДАЛЕКА ДОЛГО ТЕЧЕТ РЕКА ВОЛГА

Летопись достопамятных событий, случившихся на берегах великой реки с первобытных времен до наших дней 660



Литературно-
художественное
издание

**МИФЫ
ДРЕВНЕЙ ВОЛГИ**

Мифы, легенды, сказания, быт
и обычаи народов,
обитавших берега великой реки
с древнейших времен до наших дней

Редактор
Т. Е. Вардугина

Художественный редактор
В. К. Бутенко

Технический редактор
Л. А. Боткина

Корректор
Т. Е. Никольская

Сдано в набор 22.03.96. Подписано в печать 25.11.96. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 43,0. Уч.-изд. л. 43,8. Тираж 10 000. Заказ 92.

г. Саратов, ул. Мясницкая, 3
Издательство «Надежда»

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАДЕЖДА» ПРОДОЛЖАЕТ ПОПУЛЯРНУЮ СЕРИЮ
*МИФЫ*ЛЕГЕНДЫ*СОБЫТИЯ*

ВЫПУЩЕНЫ И ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

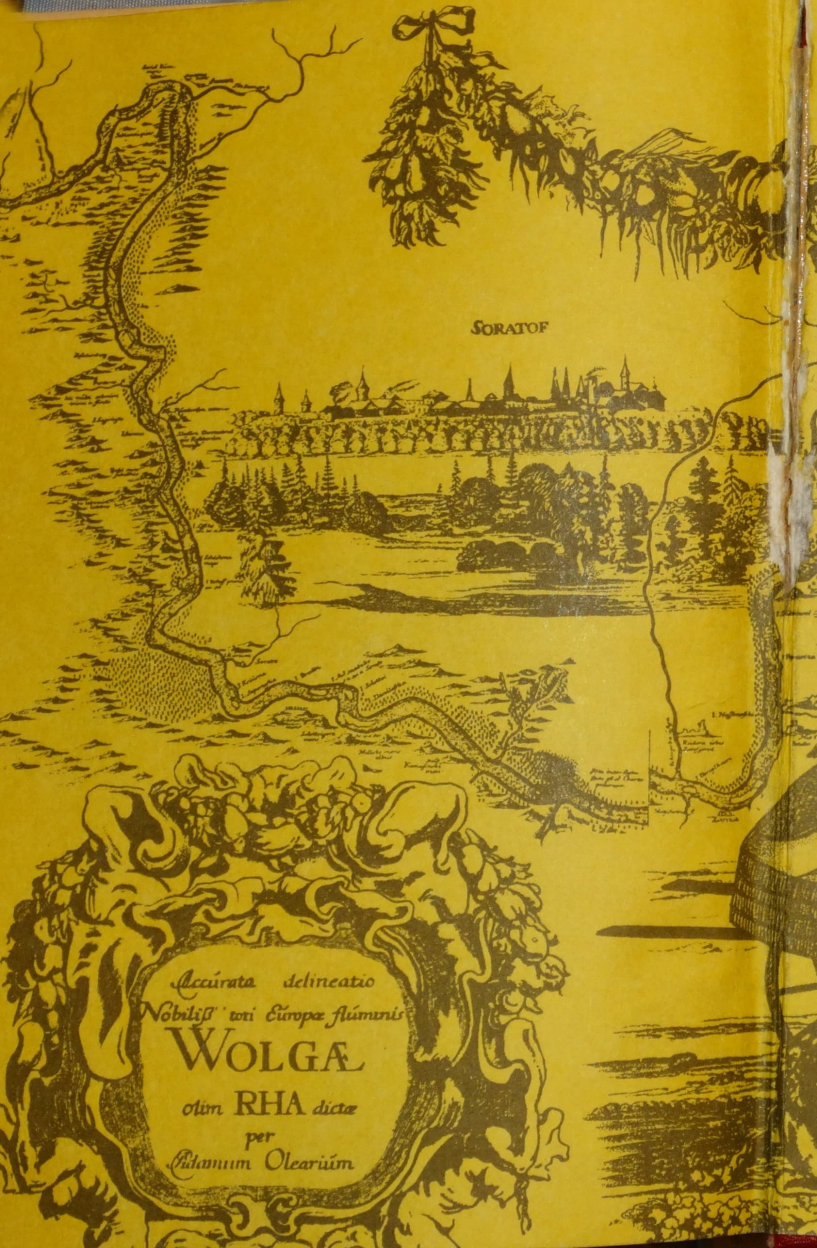
МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН
МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
МИФЫ ДРЕВНЕГО РИМА
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЕВРОПЫ
МИФЫ ДРЕВНЕГО МИРА
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ АМЕРИКИ
МИФЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
МИФЫ ДРЕВНЕЙ ВОЛГИ

В 1997 ГОДУ ВЫХОДЯТ:

МИФЫ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ
МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ИРАНА
МИФЫ ПЛАНЕТАРНОГО КОСМОСА
МИФЫ СКАНДИНАВИИ

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАТЬСЯ:
410600, г. САРАТОВ, МЯСНИЦКАЯ, 3
ТЕЛ/ФАКС (8-845-2-24-39-19)

21


SORATOF
Accúrata delineatio
Nobilíſſ. toti Europæ flúminis
WOLGÆ
olim RHA dictæ
per
Adamum Olearium

Dolge Insula
ASTRACHAN.